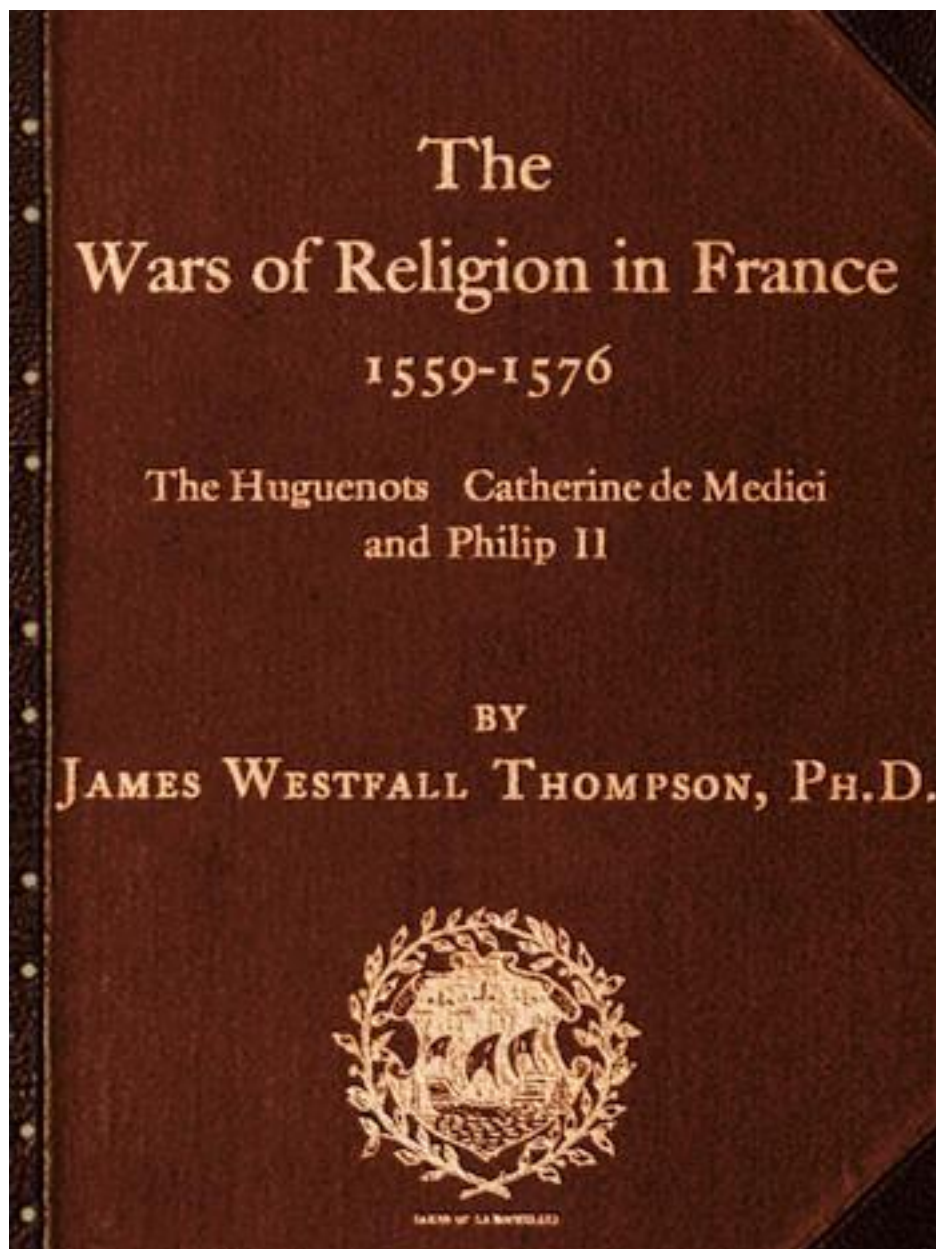

Религиозные войны во Франции 1559-1576. Гугеноты, Екатерина Медичи и Филипп II

Джеймс Уэстфолл Томпсон

Электронная книга проекта Гутенберга о религиозных войнах во Франции 1559-1576

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Религиозные войны во Франции 1559-1576

Автор: Джеймс Уэстфолл Томпсон

Дата выхода: 23 июня 2015 г. [Электронная книга № 49266]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры: Джованни Фини, Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Дэвид Гарсия и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан из изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

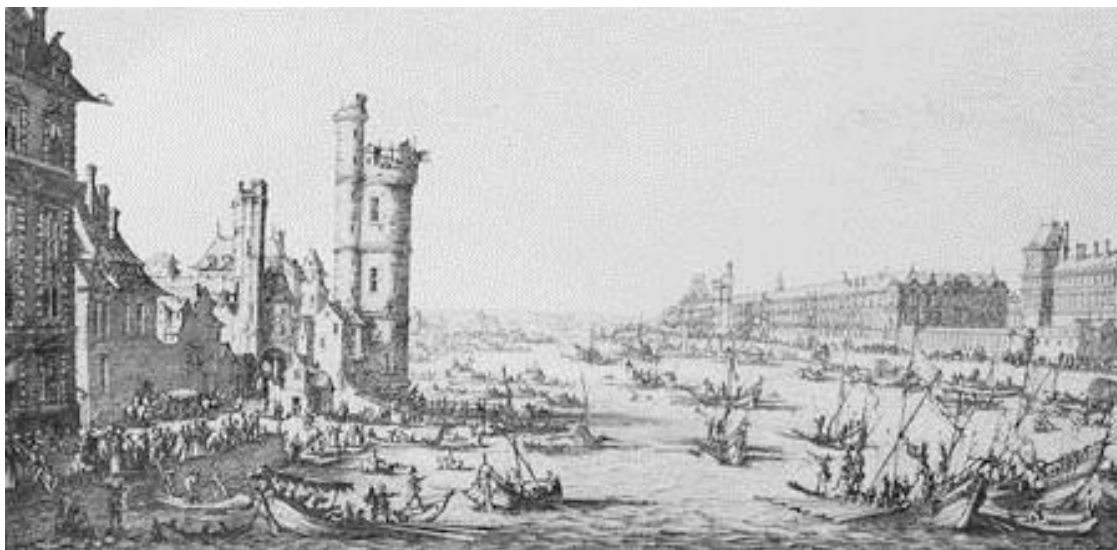
*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ 1559-1576" ***

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА:

— Исправлены очевидные печатные и пунктуационные ошибки.

— Изображение обложки создано, добавлено в проект и размещено в общественном достоянии.

The
Религиозные войны во Франции
1559-1576

ВИД На ПАРИЖ

По эскизу Жака Калло (1592-1635).

Религиозные войны во Франции 1559-1576

Гугеноты Екатерина Медичи и Филипп II

АВТОР: Джеймс Уэстфолл Томпсон, доктор философии

Адъюнкт - профессор европейской истории Чикагского университета

ЧИКАГО:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧИКАГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛОНДОН:

Т. ФИШЕР АНВИН, АДЕЛЬФИ-ТЕРРАС, 1

1909

Авторское право 1909 года Чикагского университета

Опубликовано в мае 1909 г.

Составлено и напечатано
Издательством Чикагского университета
Чикаго, Иллинойс, США

МЭРИ ХЕЙЗ УИЛМАРТ, ЩЕДРОСТЬ ДУХА КОТОРОЙ СДЕЛАЛА МИР БОГАЧЕ, А ЖИЗНЬ
БЛАГОРОДНЕЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никто, знакомый с историей исторического письма, не мог не заметить, насколько преходящи его достижения. В афоризме Марка Паттисона о том, что “история - одна из самых эфемерных форм литературы”, есть большая доля правды. Причины этого не так уж далеки от истины. Во-первых, самый кропотливый историк обречен со временем быть вытесненным накоплением нового материала. Во-вторых, точка зрения и интерпретация одного поколения отличается от той, что была до него, так что каждое поколение требует переписывания истории с точки зрения своих собственных интересов.

Эти причины должны быть моим оправданием для того, чтобы отважиться написать новую книгу на старую тему. Прошло уже почти тридцать лет с момента выхода превосходной работы покойного профессора Генри М. Бэрда *"Восстание гугенотов"* (Нью-Йорк, 1879), и с тех пор на английском языке по этому вопросу написано мало что всеобъемлющего, за исключением замечательной книги мистера А. Уайтхеда *"Гаспар де Колиньи, адмирал Франции"* (Лондон, 1904). Но ограничения, налагаемые биографической историей, неизбежно вынуждают автора игнорировать движения или события, не относящиеся к его непосредственному предмету, которые, тем не менее, могут иметь большое значение для всеобщей истории. Более того, биография ограничена сроком жизни героя, и его смерть ни в коем случае не может положить конец делу, в котором он участвовал, — как, собственно, и было в случае с Колиньи.

Перечень известных работ — источников и авторитетных источников, — которые были опубликованы с момента появления работы профессора Бэрда, может послужить оправданием для написания настоящего тома. В первую очередь следует упомянуть известные *Письма Екатерины Медицинской*, отсутствие которых вызывало сожаление Ранке, под редакцией покойного графа Эктора де ла Феррьера и М. Багено де ла Пучессе (9 томов), первый том которых появился в 1880 году. Из дипломатической переписки у нас есть *"Посол в Испании Жана Эбрарда, сеньора де Сен-Сюльпис 1562-1565 гг."* (Париж, 1902), под редакцией М. Эдмона Кабье, и *"Депеши де М. Фуркево, посла короля Карла IX в Испании, 1565-72"*, в трех томах, под редакцией аббата Дуэ (Париж, 1896). Другими источниками, увидевшими свет в течение последних трех десятилетий, являются *"Жизнь Колиньи" М. Делаборда* (3 тома, 1877-), название которого несколько вводит в заблуждение, поскольку на самом деле это собрание писем Колиньи, нанизанных на нить его карьеры; *"Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret"* (4 vols., 1881); М. Ludovic Lalanne's new annotated edition of *D'Aubigné* (1886), и новое издание *Церковной истории* Безы (изд. Баума, 1883). Наконец, к числу источников следует отнести множество томов *"Календаря государственных документов"*. Профессор Бэрд справедливо заметил, что “вряд ли можно придавать слишком большое значение этому источнику информации и иллюстраций”. Его похвала, вероятно, была бы еще большей, если бы он мог использовать переписку Дейла и Смита так же свободно, как он использовал переписку Трокмортон и Норриса.

Когда мы переходим от источников к авторитетам, список примечательных работ становится еще длиннее. *"История XVI"* — the fruit of researches in the Record Office in London — appeared in 1879; М. Forneron's *Histoire de Philippe II* (4 vols.) was published in 1887, and is even more valuable than his earlier *Histoire des ducs de Guise*, (1877).). Кроме того, в 80-е годы были написаны *"Гугеноты в большом городе" Дюрье* (1884); *"Гугеноты в Беарне и Наварре"* Коммуны (1886); *"Гугеноты и люди"* Леттенхоува (1885); *"Тропа Като-Камбрезиса"* барона де Рубле (1889) и

"Шарль де Коссе" аббата Маршана, "Граф де Бриссак" (1889). В том же году вышла книга М. де Крю "Знаменитая Анна, герцог де Монморанси", а тремя годами позже - его не менее научная "Статья о политической партии и лендемане Сен-Бартелеми". "Граф де Монтгомери" М. Марле был опубликован в 1890 году; "Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion". "Франсуа де Ла Нуэ" Хаузера в 1892 году; "Катрин де Медичи в облике и Конде" М. Бернара де Лакомба в 1899 году и, совсем недавно, "Блез де Монлюк" М. Курто (1908). Многочисленные статьи в историческом журнале, в журнале "Вопросы истории", в Английском историческом обозрении, в "Ревю дипломатической истории", в "Ревю мира" и одна статья М. Хаузера "Реформация и народные классы в шестнадцатом веке", опубликованная в "Американском историческом обозрении" за январь 1903 г., как покажут примечания. Я также ознакомился со многими статьями в трудах различных местных или провинциальных исторических обществ, таких как Парижское общество иль де Франс; Общество истории Нормандии, Общество истории и археологии Женевы и др., А также с замечательной серией, известной как *Бюллетень Французского протестантского общества*, которая является кладезем исторических знаний.

Хотя настоящая работа относится к эпохе французской реформации, не было предпринято никаких попыток рассмотреть этот предмет, поскольку предполагается, что Реформация в первую очередь была религиозным проявлением. Доктрины, за исключением тех случаев, когда они касались политики, игнорировались. Но в политическую, дипломатическую и экономическую деятельность того периода я попытался углубиться достаточно подробно. Что касается последней особенности, то не будет преувеличением сказать, что наша интерпретация шестнадцатого века была глубоко изменена за последние двадцать лет прогрессом, достигнутым в экономической истории. Такие работы, как "Пылкая палата" Вайса и "Увriers прошедших времен" Хаузера произвели революцию в трактовке этой темы.

Такая интерпретация является всего лишь отражением нашего собственного сегодняшнего интереса к экономическим и социальным проблемам. В данном случае автор убежден, что он первый, кто представляет английским читателям некоторые результаты недавних исследований экономической истории Франции XVI века. Особенно велик мой долг перед М. Хаузером за помощь и предложения, которые он мне оказал в вопросе промышленной истории. Но я попытался расширить тему и попытался показать влияние изменений в сельскохозяйственном режиме, неурожая из-за неблагоприятных погодных условий и распада общества в результате непрекращающейся войны и чумы на развитие гугенотского движения. В такой сельскохозяйственной стране, как Франция, в шестнадцатом веке бедственное положение провинций из-за неурожая иногда было почти повсеместным, и обратный эффект таких условий в разжигании народного недовольства оказал заметное влияние на религиозные и политические проблемы.

Отмечалось, что "религиозные войны Франции представляют собой наиболее полный пример постоянного пересечения местных и иностранных влияний".^[1] Влияние движения гугенотов на историю Испании и Нидерландов было интимным и заметным, и это я также попытался изложить. При этом больше всего меня впечатлило развитие и деятельность провинциальных католических лиг и их тесная связь с великой католической машиной Испании во Франции - Священной лигой.

История Священной лиги во Франции обычно представляется как продолжающаяся с 1576 по 1594 год. Это время было периодом ее наибольшей активности и могущества. Но институты не возникают во всеоружии в одно мгновение, как Афина из "Головы Зевса". "Корни настоящего уходят глубоко в прошлое", - как заметил епископ Стаббс. Институты - это рост, развитие. Священная лига была движением медленного роста и развития, хотя и не была представлена таким образом, и возникла в результате сочетания различных действий и сил — политических, дипломатических, религиозных, экономических, социальных, даже психологических, — действовавших одновременно как внутри Франции, так и за ее пределами во время гражданских войн. Я попытался изложить природу и масштабы этих сил; показать, как они возникли; как они действовали; и как они в конечном итоге были объединены, чтобы сформировать Священную Лигу. Некоторые авторы изолированно рассматривали некоторые отдельные аспекты рассматриваемой здесь истории. Покойный барон де Рубле и М. Форнерон раскрыли предательские переговоры Монлюка с Филиппом II. М. Буйе и совсем недавно М. Форнерон проследили за извилистой нитью секретных переговоров кардинала Лотарингского с Испанией. Различные историки, в основном занимающиеся провинциальными историями или биографиями, такими как *"Ле Сол-Таванн"* Пино, обратили внимание на местную работу некоторых провинциальных католических ассоциаций. Но связь всех этих различных движений друг с другом и их окончательное слияние в единое движение еще не были полностью раскрыты. Каково было количество и форма организации этих местных католических лиг? Что повлияло на их объединение? Какое влияние они оказали на курс Монлюка и кардинала Лотарингии? Или на политику Филиппа II? Как великая вражда между Гизами и Монморанси повлияла на формирование Священной лиги и ее враждебного аналога — Ассоциации гугенотов и политиков? На эти вопросы я попытался ответить, и при этом были выявлены два или три новых факта. Например, неоткрытая связь в истории ранних тайных сношений Гизов с Филиппом II была обнаружена в поведении Л'Обеспина, французского посла в Испании в 1561 году; показано, что изменнический курс кардинала Лотарингского начался в 1565 году, а не в 1566 году, факт, который придает новое значение мелкому конфликту, известному как "Война кардиналов"; история католических объединений в провинциях, до сих пор изолированная во многих отдельных томах, была вплетена в целое, и о них была получена некоторая новая информация.^[2]

Мы надеемся, что примечания в достаточной степени укажут на использованные источники и позволят читателю проверить трактовку предмета или направить его к источникам, по которым он при желании сможет составить собственное суждение.

Что касается карт, то очень полный набор карт в книге мистера Уайтхеда *"Гаспар де Колиньи, адмирал Франции"*, значительно облегчил мою задачу, и я выражаю сердечную благодарность мистеру Уайтхеду и господам Дж. Метуэн и Ко., его издателям, за разрешение воспроизвести их в этой работе. Я также благодарю М. Ч. де Койнара и М. М. Дж. Фирмену Дидо и Сие за разрешение воспроизвести карту, иллюстрирующую битву при Дре, из работы покойного коменданта де Койнара, озаглавленной *"Анна 1562 года и битва при Дре"*; и М. Стеф. К. Гигон, автору книги *"Битва при Жарнаке и кампания 1569 года в Ангумуа"*, за разрешение использовать две его карты битвы при Жарнаке. Те, что иллюстрируют путешествие по провинциям в 1564-1566 годах, поход герцога Альвы и великий рейд Монтгомери в Гасконь, принадлежат мне. Некоторые карты меньшего размера и иллюстрации взяты со старых гравюр, которые я собирал в течение многих лет, за исключением той, что иллюстрирует осаду Гавр-де-

Граса, и большой картины битвы при Сен-Дени, которые были сфотографированы с оригиналов в Архиве.

Во время подготовки этого тома, повлекшего за собой две длительные поездки в Париж и другие части Франции, а также в Лондон, я стал должником многих людей. Среди тех, за чью любезность и помощь я хотел бы выразить особую признательность, следующие: Его Превосходительство месье Жан-Жюль Жюссеран, посол Франции в Вашингтоне; месье Анри Виньо, временный поверенный в делах американского представительства в Париже; г-н Шарль де ла Ронсьер и Вьенно из Национальной библиотеки; г-н Ле Гран и Виар из Национального архива, где я в основном работал в К. Коллекция. В Регистратуре мистер Хьюберт Холл и его ассистентка, мисс Мэри Трайс Мартин, оказывали мне неоценимую помощь. За расшифровку "Discurso sopra gli humori del Regno di Francia" из библиотеки Барберини в Риме я в долгу перед П. Францем Эрле, префектом архивов Ватикана. Я также с благодарностью вспоминаю дружбу и помощь покойного Вудбери Лоури, автора книги *"Испанские поселения в нынешних пределах Соединенных Штатов: Флорида"* (1562-74), Нью-Йорк, 1905, с которым я работал в Национальном архиве весной и в начале лета 1903 года.

Наконец, я многим обязан многозначительной критике моего друга и коллеги, профессора Фердинанда Шевилла, и моих друзей, профессора Герберта Дарлинга Фостера из Дартмутского колледжа и профессора Роджера Б. Мерримена из Гарвардского университета, каждый из которых прочитал большую часть рукописи.

Джеймс Уэстфолл Томпсон

Чикагский университет

Январь 1909 года

Содержание

	СТРАНИЦА
Список карт и табличек	xv
ГЛАВА	
I. Начало восстания гугенотов. Заговор в Амбуазе	1
II. Екатерина Медичи между Гизом и Конде. Проект Национального совета	40
III. Генеральные штаты Орлеана	69
IV. Формирование триумvirата	91
Ст. Разговорный язык в Пуасси. Владения Понтуаза. Указ от января 1562 г.	106
VI. Первая гражданская война. Резня в Васси (1 марта 1562 г.). Осада Руана	131
VII. Первая гражданская война (<i>продолжение</i>). Битва при Дре (19 декабря 1562 г.). Амбуазский мир (19 марта 1563 г.)	172
VIII. Война с Англией. Труаский мир (1563-64)	198

IX.	Ранние местные и провинциальные католические лиги	206
X.	Путешествие по провинциям. Байоннский эпизод	232
XI.	Путешествие по провинциям (<i>Продолжение</i>). Влияние восстания Нидерландов на Францию. Дело Мо	283
XII.	Вторая гражданская война (1567-68)	326
XIII.	Третья гражданская война (1568). Новые католические лиги. Битва при Жарнаке	349
XIV.	Третья гражданская война (<i>продолжается</i>). Сен-Жерменский мир	378
XV.	Резня святого Варфоломея	422
XVI.	Четвертая гражданская война	454
XVII.	Последние дни Карла IX. Заговор политиков	469
XVIII.	Генрих III и политики. Мир Месье (1576)	486
	Генеалогических таблиц	525
	Приложений	529
	Указателя	605

СПИСОК КАРТ И ТАБЛИЧЕК

Вид Парижа	<i>На ПЕРВУЮ</i>
	ПЕРВАЯ
	СТРАНИЦА
Поход гугенотов на Орлеан, 29 марта- 2 апреля 1562 г.	139
Кампания Дре, ноябрь-декабрь 1562 г.	180
Битва при Дре, по словам коменданта Де Койнара	181
Эскизная карта укреплений Гавр-де-Грас	202
Путешествие по провинциям, 1564-66	232
, ,Марш герцога Альвы через Савойю, Франш-Конте и Лотарингию	308
Казнь Эгмонта и Хорна на Рыночной площади в Брюсселе	314
Париж и его предместья в Шестнадцатом веке	327
Блокада Парижа гугенотами, октябрь-ноябрь 1567 г.	328
Марш гугенотов к Пон-а-Муссону после битвы при Сен-Дени	329
Битва при Сен-Дени	<i>между стр.</i> 332, 333
Осенняя кампания 1568 г.	368
Кроки дю Военный театр за переезд 24 февраля 13 марта 1569 г., согласно МСЪЕ Гигону	376
Батай де Жарнак, согласно МСЪЕ Гигону	377

Кампания лета и осени 1569 г.	380
Пуатье в шестнадцатом веке	386
План крепости Наварренс, сделанный Хуаном Мартинесом Дескуррой, испанским шпионом	398
Путешествие принцев после битвы при Монконтуре; Маршрут Монтгомери в Бигорре и Гаскони; Союз Колиньи и Монтгомери в декабре 1569 года в Порт-Сент. Мария	402
Варфоломеевская резня	422
План ла - Рошели в 1572 году	458
Письмо Генриха III французскому герцогу Савойскому	484
Письмо Генриха III швейцарским кантонам	485
Карта Франции с указанием провинций	602

ГЛАВА I

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ ГУГЕНОТОВ. ЗАГОВОР В АМБУАЗЕ

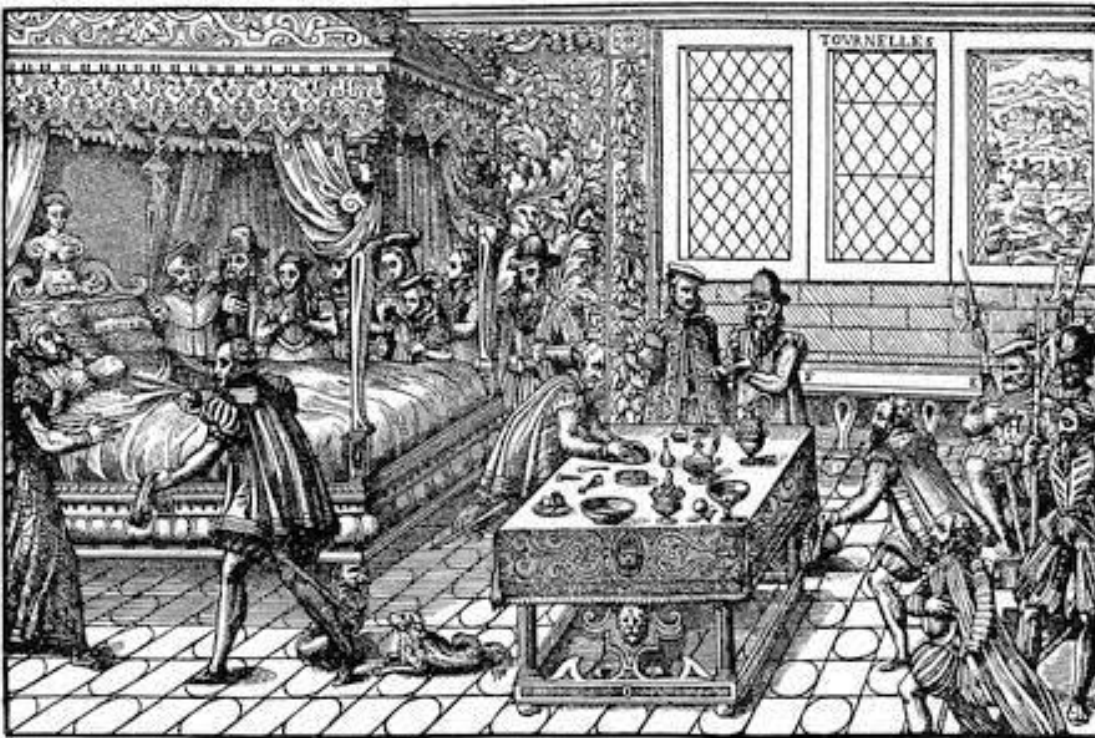
Последний день июня 1559 года был торжественным днем в Париже. Должны были состояться браки Филиппа II Испанского с Елизаветой Французской, дочерью короля Генриха II и Екатерины Медичи, и сестры французского короля Маргариты с Эммануэлем Филибертом, герцогом Савойским. Но “факелы радости превратились в погребальные свечи”[3] перед наступлением темноты Генрих II был смертельно ранен на турнире, устроенном в честь этого события.[4] Было правилом, что претенденты, в данном случае Король, должны пробежать три хода, а их противники - один. Третьим соперником короля был Габриэль, сьер де Лорж, более известный как граф Монтгомери, капитан шотландской гвардии,[5] молодой человек по прозвищу “гранд и роидд”, которому Генрих повторно бросил вызов, потому что его гордость была задета тем, что он не лучше держался в седле в первом забеге. Монтгомери попытался отказаться, но король подавил его возражения приказом и неохотно[6] Монтгомери занял свое место. Но на этот раз шотландский гвардеец не смог отбросить ствол расщепленного копья, как ему следовало бы сделать в момент удара, и последовал несчастный случай со смертельным исходом. Зазубренный наконечник пробил забрало короля и попал в правый глаз.[7] На минуту Генри пошатнулся в седле, но, обхватив руками шею своей лошади, сумел удержаться в седле. С него сразу же сняли королевские доспехи и “наложили шину изрядной величины”.[8] Он не двигал ни рукой, ни ногой и лежал как онемевший или парализованный,[9] и так был перенесен в свою камеру в Турнелле,[10] вход запрещен всем, кроме врачей, аптекарей и тех камердинеров, которые были на дежурстве. Никому не разрешалось приближаться на большое расстояние до позднего вечера, когда были допущены герцог Альва, который должен был быть доверенным лицом своего государя на бракосочетании, герцог Савойский, принц Оранский, кардинал Лотарингии и констебль.[11]

МОНТГОМЕРИ В ТУРНИРНОМ КОСТЮМЕ

(Биб. Нац., Estampes, *Hist. de Франс*, per. Q. b. 19)

После того, как прошел первый момент оцепенения, считалось, что король поправится, хотя и потеряет зрение,^[12] поскольку на четвертый день Генрих пришел в себя, и его лихорадка спала. Тем временем пять или шесть самых способных врачей Франции усердно экспериментировали с головами четырех преступников, которые были обезглавлены для этой цели в Консьержери и тюрьмах Шатле. На восьмой день прибыл Везалий, врач Филиппа II, который долгое время работал при императоре Карле V и пользовался европейской репутацией, и взял на себя особую заботу о царственном пациенте.^[13] Придя в себя, Генрих приказал отпраздновать прерванные бракосочетания. Еще до того, как они были отпразднованы, король потерял дар речи и впал в беспамятство, а на следующий день после бракосочетания он умер (10 июля 1559 года). 13 августа труп был предан земле в Сен-Дени.^[14] Когда церемония закончилась, король оружия встал и, дважды произнеся слова “Король есть смерть”, повернулся к собранию и в третий раз прокричал: “Да здравствует король, третий кретьен Франсуа, король Франции”. Вслед за этим зазвучали трубы, и погребение было закончено.^[15] Месяц спустя, 18 сентября, Франциск II был коронован в Реймсе. Монтгомери уже был лишен звания капитана шотландской гвардии, и его пост был отдан “простому французу”, к большому возмущению членов гвардии.^[16]

СМЕРТНОЕ ЛОЖЕ ГЕНРИХА II

А. Екатерина Медичи	Д. Курьеры
Б. Кардинал Лотарингии	Э. Придворные
К. Констебль Монморанси	Ф. Врачи

Правление Генриха II не было популярным. У него не было ни ума, ни прилежания, необходимых в государственных делах.^[17] В самый день происшествия английский посол написал Сесилу: “Удивительно видеть, как дворяне, джентльмены и леди оплакивают это несчастье и, напротив,

как радуются горожане”.[18] Войны Генриха II в Италии и Нидерландах обескровили Францию и лишили ее сокровищ, так что кошельки народа были истощены бесконечными поборами и конфискациями; должности и бенефиции обменивались, даже те, что касались правосудия, и, чтобы усугубить чувства народа, Генрих II был расточителен по отношению к своим фаворитам.[19] Наконец, Като-Камбрезийский мирный договор (1559 г.) был расценен как не менее невыгодный, чем бесчестный.[20]

Тем временем многое в политике было в разгаре.[21] Новому королю еще не исполнилось шестнадцати лет.[22] Он обладал слабым здоровьем и незначительным интеллектом, будучи совершенно непохожим на свою жену, прекрасную и блистательную Марию Стюарт, которая была племянницей Гизов, Франциска, герцога де Гиза, и его брата Карла, кардинала Лотарингии, пользовавшихся немалой популярностью при Генрихе II. Еще при жизни короля честолюбие Гизов вызывало удивление, и его неожиданная смерть открыла перед ними перспективу новой и продолжительной власти. Генрих II едва успел сомкнуть глаза, как герцог Гиз и кардинал Лотарингии завладели Франциском II и повели его в Лувр в сопровождении королевы-матери, не обращая внимания на принцев крови, маршалов, адмирала Франции и “многих рыцарей ордена или великих сеньоров, которые не входили в их свиту”. Там они совещались, не разрешая никому приближаться и тем более разговаривать с королем, кроме как в присутствии одного из них. Франциск II объявил, что его дяди должны управлять его делами.[23] Чтобы придать окраску этому захвату власти, как будто их намерением было снова вернуть все в прежнее состояние, Гизы отозвали канцлера Оливье, которого выгнала с должности Диана де Пуатье, любовница Генриха II.[24]

Еще до этих событий Гизы проявили себя, поскольку в день кончины Генриха II коннетабль кардинал Шатийон и его брат адмирал Колиньи были назначены сопровождать королевский кортеж в Турнеле, благодаря чему они были отстранены от любой активной работы и был расчищен путь для беспрепятственного правления дядей короля. Ходили слухи, что д'Андело, третий из знаменитых братьев Шатийон, должен быть отстранен от командования лакеями, а его место займет граф де Рошфуко.[25] До конца месяца герцог де Гиз возглавил военное министерство, а кардинал Лотарингии - финансы и государственные дела.[26] В то же время под разными предлогами были отосланы принцы крови,[27] принц Конде отправился во Фландрию якобы для переговоров с Филиппом II относительно мир в Като-Камбрези,[28] принц Ла-Рош-сюр-Йон и кардинал Бурбон проводят Елизавету Французскую в Испанию, чтобы к ноябрю “у короля больше не осталось принцев, кроме Гизов”,[29] у которого были влиятельные агенты в двух маршалах, Сент-Андре[30] и Бриссаке.[31]

Многое зависело от отношения Антуана Бурбонского, сьера Вандомского и короля Наварры, который был первым принцем крови и человеком, которому, естественно, предстояло руководить делами. На момент смерти Генриха II он находился в Беарне, куда Ла Мар, камердинер короля, был отправлен уведомить его,[32] Гизы хитроумно устроили так, чтобы к его прибытию очистить территорию от оппозиции бурбонов и Шатийонов.[33]

Но не все сопротивление было преодолено. В то время как Генрих II был щедр к Гизам, он еще больше любил констебля Монморанси, грубоватого, сердечного военного человека, который стал королевским фаворитом после падения адмирала Эннбо, после смерти Франциска I.[34] Монморанси был дядей трех Шатийонов, Одета, кардинала-епископа Бове. , Гаспара, адмирала

Колиньи и Франсуа де Шатийона, сьера д'Андело и короля открыто обвинили в заключении невыгодного мира, чтобы защитить коннетабля и добиться выкупа Колиньи, который был взят в плен в битве при Сен-Кантене.[35] Чтобы помешать констеблю и королю Наварры встретиться друг с другом и договориться, Гизы добились немедленного отстранения Монморанси от двора,[36] Франциск II по их наущению отправил ему приказ немедленно уйти в отставку (15 августа). Старый боевой пес[37] галантно принял оскорбление и, как искусный придворный, сказал, что рад быть освобожденным от действительной службы по причине своего возраста.[38] В отсутствие принцев крови оппозиция Гизам собралась вокруг Монморанси и Шатийонов, фракция на короткое время получила свое название от титула констебля и стала известна как “коннестаблисты”.[39] Политическая линия разделения была проведена очень резко, а растущее влияние учений гугенотов придало ей еще и религиозный оттенок. Менее значительная часть дворянства была склонна к отдыху после долгих войн и была безразлична к политике; но высшая знать была ревностной приверженкой, либо надеявшейся на повышение, либо в принципе выступавшей как против узурпации власти, так и против религиозной нетерпимости гизов.[40]

Что касается духовенства, то его члены почти без исключения были сторонниками веры и правительства Гизов. Массы людей пока еще игнорировались обеими фракциями, но вскоре им предстояло занять видное место по финансовым и другим причинам.[41] Генрих II, в отличие от своего отца, никогда не терпел процветания французского протестантизма,[42] а, напротив, предпринял строгие репрессивные меры. Эдикты Парижа (1549), Фонтенбло (1550) и Шатобриана (1551) сделали гугенотов[43] подчиняются как светским, так и церковным трибуналам.

Протестантский вопрос был одновременно религиозным и политическим, поскольку многим людям казалось невозможным изменить религиозные верования того времени без разрушения государства. Франциск I признал такое положение вещей в рифмованном афоризме:

Un roi
Une loi
Une foi

и его сын твердо придерживался этого изречения. Компьенский эдикт от 24 июля 1557 г.[44] налагал смертную казнь на тех, кто публично или тайно исповедовал религию, отличную от католической апостольской веры; в преамбуле говорится, что “только нам, получившим из рук Божьих управление государственными делами нашего королевства”, ясно показана тесная связь французского государства и французской церкви. Знаменательно, что *Ardente* была создана для судебного преследования гугенотов во времена правления Генриха II.[45]

С тех пор, как герцог Альва побывал в Париже, сложилось впечатление, что Генрих II и Филипп II намеревались учредить инквизицию во Франции,[46] и что проект был сорван внезапной смертью французского короля. Гугеноты были убеждены в этом, и такие проникательные политики, как принц Оранский и граф Эгмонт, обложили Гранвеллу налогом с этой целью в 1561 году.[47] То, что сделало правительство, было тщательно изложено другим:

Правительство в значительной степени расширило полномочия Церковных судов и, *pari passu*, уменьшило полномочия обычных судов, называемых Парламентами. Парижский парламент протестовал не только против ущемления своих привилегий, но и против обращения в веру в результате преследований, и те же чувства царили в Руане, где нескольких членов пришлось исключить за еретические взгляды. Введение испанской формы инквизиции буллой Павла IV в 1557 году еще больше разозлило эту профессию. Инквизиторам было приказано назначить епархиальные трибуналы, которые должны принимать решения без апелляции. Парижский парламент категорически отказался зарегистрировать королевский эдикт и продолжал получать апелляции. Финалом стало знаменитое заседание палат собрания в среду, Меркуриале, на котором король лично вмешался в конституционную свободу слова и приказал арестовать пятерых членов, таким образом, вынес свой вердикт в пользу ультракатолического меньшинства парламента против умеренного большинства. Маршал Вийевиль, сам убежденный католик, решительно отговаривал от такого курса действий. Его результатом стало то, что один из самых влиятельных элементов государства на самом деле не был связан с Реформой, но занял враждебную позицию по отношению к правительству, и поскольку недовольство было следствием религиозной политики короны, оно, во всяком случае, имело тенденцию к сближению между реформаторами и судебными классами.[48]

КАЗНЬ ДЮ БУРГА

(Торторель и Периссин)

Пятеро защитников парижского парламента, из которых Дю Бург и Дю Фур были наиболее известными, протестовали против этой акции как из-за ее нетерпимости, так и потому, что они считали ее политической мерой, по крайней мере частично, и были арестованы за это проявление мужества. Люди рассуждали совсем по-разному относительно этого указа.

Политики и убежденные католики считали это необходимым как для сохранения церкви, так и для подавления тех мятежных духов, которые, прикрываясь религией, стремились изменить или ниспровергнуть правительство. Другие, которые не имели никакого отношения ни к политике, ни к религии, также одобрили это, но не как стремление искоренить протестантов, поскольку они верили, что это скорее увеличит их численность, а потому, что они надеялись обогатиться за счет конфискаций и что король, таким образом, сможет выплатить свои долги, составляющие, по словам Кастельно, сорок два миллиона, и таким образом восстановить свои финансы.[49] Суд над парламентскими советниками был отложен на некоторое время из-за смерти Генриха II, но вскоре после этого они предстали перед “епископами и сорбоннистами”. [50] Дю Фор после опровержения был отстранен от должности на пять лет; [51] трое других были оштрафованы и подвергнуты позорному наказанию; но Дю Бург [52] был осужден и казнен 23 декабря 1559 года, несмотря на просьбы Маргариты, жены герцога Савойского, и графа Палатинского, которые писали королю, спасая его жизнь. [53]

В то же время меры правительства были удвоены. В ноябре 1559 года новый эдикт предписывал, что все, кто ходил на собрания или помогал на любых частных собраниях, должны быть преданы смерти, а их дома снесены и никогда не отстраиваются заново. Специальным декретом мэру города было разрешено, поскольку собрания гугенотов в Париже и его пригородах были более частыми, чем где бы то ни было, трубно объявлять, что все люди, располагающие сведениями о протестантских собраниях, должны уведомлять магистраты под страхом того, что их ждет такое же наказание; и каждому осведомителю должно было быть обещано помилование и награда в пятьсот ливров. *Комиссарам кварталов* Парижа было предписано проявлять усердие в розыске преступников и время от времени обыскивать дома тех, кто находится под подозрением, используя для этой цели *городских лучников*. Патент был также выдан лейтенанту уголовного розыска Шатле и некоторым другим судьям, избранным кардиналом Лотарингии для вынесения решения без апелляции. Кюре и викарии в приходах должны были отлучать от церкви всех тех, кто знал о протестантских деяниях и не сообщил о них. [54] Чтобы обнаружить тех, кто был кальвинистами, священники пронесли воинство (*corpus Domini*) по улицам, а на углах улиц были установлены изображения Богородицы, и все, кто отказывался склонить голову и преклонить колено в знак поклонения, были арестованы. [55] Аналогичные меры были приняты в Пуату, Тулузе и Экс в Провансе, где для подавления ереси были задействованы двойные механизмы государства и церкви. [56] Объем судебной работы в результате этих новых мер был настолько велик, что в конце года были созданы четыре уголовные палаты: одна для рассмотрения преступлений, влекущих за собой смертную казнь, вторая для суда над теми, кто может быть приговорен к *почетной аменде*, третья для суда над теми, кто может быть публично сожжен, последняя для наказания за различные другие преступления. [57] Более здравомыслящее католическое мнение, как, например, мнение Таванна, блестящего командира кавалерии, осуждало это обращение к чрезвычайным трибуналам на том основании, что суд над преступниками специальными уполномоченными, которые были лицами, выбранными в соответствии со страстью правителя, неизбежно было несправедливым или тираническим, и что те советники, которые были привлечены из судов верховного суда. парламенты, которые были заняты таким образом, оскорбляли их совесть и вмешивались в то, что их не касалось. Таванн обосновал свое утверждение, как юридически, так и морально, на том основании, что король, будучи участником этого дела, не мог справедливо сменить обычных судей. [58]

Убийство Минара, вице-президента Большой палаты парламента Парижа, и одного из судей, который был застрелен в своей карете [59] в ночь на 18 декабря, в тот же день, когда Дю Бург был

унижен, было протестом против такого порядка вещей.[60] Убийство было совершено таким образом, что его автор никогда не мог быть обнаружен.[61] За этим последовал ответ Жюльена Френа, посланника парламента, с некоторыми бумагами и инструкциями, касающимися судебного преследования некоторых протестантов. Эти два преступления, несомненно, ожесточили правительство[62] и ускорили судебное преследование Дю Бурга, который был казнен всего неделю спустя, 23 декабря, и привели к некоторым новым правилам. Чтобы защитить парламент, было приказано прервать заседание до четырех часов, с кануна дня Святого Мартина (10 ноября) до Пасхи; общий приказ полиции запрещал ношение любого огнестрельного оружия вообще[63] и для предотвращения их сокрытия было запрещено ношение длинных плащей или больших охотничьих накидок.[64]

Следует отметить, что гугеноты действовали не только из религиозных, но и из политических интересов. В то время это различие было полностью оценено: первых называли “религиозными гугенотами”, а вторых - “государственными гугенотами”.[65] Первые были кальвинистами, которые были полны решимости больше не терпеть жестокости религиозного гнета; вторые — в основном дворяне — выступали против монополии на власть, которой пользовались гизы.[66] Весомость свидетельств все больше свидетельствует в пользу мнения, что причины гугенотского движения были в такой же степени, если не в большей, политическими и экономическими, чем религиозными.

Только в условиях общего смятения *идезорганизации* общества, последовавших за прекращением иностранных войн, французы начали осознавать тяжесть бремени, которое возложила на них их государственная система. До тех пор, пока религиозное чувство не дало голос глухому недовольству, социальному или политическому, сначала в восстании гугенотов, а затем во вспышке Лиги, мало что могло показать реальную силу оппозиции установленному порядку.[67]

Абстрактно говоря, религиозные гугеноты не были очень опасны для государства до тех пор, пока они ограничивали свою деятельность обсуждением доктрины. Однако это было нелегко сделать, да и противники церкви этого не желали; ибо церковь была социальной и политической структурой, а также духовным институтом, и оспаривать или отрицать ее духовный суверенитет означало также признать недействительными ее социальные и политические притязания, так что вся структура была скомпрометирована. Таким образом, проблема религии, поднятая гугенотами, незаметно переросла в проблему политических гугенотов, которые хотели не только изменить основы веры, но и институциональный порядок вещей, и которые использовали религиозную оппозицию как средство для нападения на власть короны. Наиболее активными представителями этого класса были дворяне, владевшие землями или воспитанные для военной профессии, которых своего рода политический атавизм побудил попытаться восстановить ту феодальную власть, которой дворянство пользовалось до того, как могущественные короли, такие как Людовик IX и Филипп IV, принудили баронство; до того, как Столетняя война разорила их; до того, как Людовик XI задушил Лигу общественного блага в 1465 году. Слабость Франциска II, меньшинство короны при Карле IX и, прежде всего, недовольство принцев крови и старой аристократии, таких как Монморанси, претенциозными выскочками и властью Гизов — эти причины объединились, чтобы превратить государственных гугенотов в грозную политическую партию. Религия и политика вместе спровоцировали долгую серию гражданских войн, которые не прекращались до тех пор, пока Генрих IV снова не принес Франции мир и процветание в 1598 году.[68]

Необходимо представить себе состояние Франции в то время. В шестнадцатом веке французы, по сути, не были промышленной или торговой нацией. Франция почти не обладала морской мощью, и ее внешняя торговля была невелика. Подавляющее большинство французского народа составляли крестьяне, мелкие собственники, ремесленники и чиновники. Если мы проанализируем городское общество, то обнаружим, что сначала некоторые ремесленники и мелкие торговцы — буржуа и *сословия*, составляющие высший класс. Города давно перестали управлять сами по себе. Общество было аристократическим и контролировалось духовенством и знатью. Высшее духовенство было очень богатым. Все высшие прелаты были великими сеньорами, в то время как низшее духовенство находилось в большой зависимости. Монахов в городах было предостаточно, а викарии обладали определенным влиянием. Самым могущественным классом была знать, сеньоры и джентльмены, которые владели значительной частью сельской собственности и все еще имели укрепленные замки. Они были полностью заняты либо при дворе, либо на войне, либо занимали должности губернаторов провинций и капитанов крепостей. Только дворяне составляли регулярные кавалерийские роты, то есть доминирующий элемент армии. Таким образом, этот класс пользовался влиянием в государстве и был самой материальной силой в обществе. Правительство представляло собой абсолютную монархию. Теоретически король был неоспоримым хозяином, и ему повиновались все; он пользовался произвольной и бесконтрольной властью и мог принимать решения по своему усмотрению в отношении налогов, законов и дел как государства, так и церкви, за исключением вопросов веры. Он назначал и отменял полномочия всех губернаторов и действовал по совету совета, состоящего из принцев крови и фаворитов. Но эта абсолютная власть все еще была личной. Королю подчинялись только при условии, что он сам отдавал приказы. Не существовало концепции абстрактного царствования. Если бы король передал власть фавориту, другие знатные особы двора отказались бы повиноваться и объявили бы государя пленником. Все зависело от одного человека. Никто не думал сопротивляться Франциску I или Генриху II, потому что при восшествии на престол они были взрослыми мужчинами. Но после 1559 года мы находим череду королевских младенцев или ленивого монарха вроде Генриха III. Затем началось знаменитое соперничество между знатью, соперничество, из которого родились политические партии того времени, в которых Гизы, Монморанси и знаменитые братья Шатийон занимают столь видное место.

По сути дела, цели обоих классов гугенотов были революционными и были направлены: один - против авторитета средневековой церкви, другой - против авторитета французской монархии. Последнее было феодальным проявлением, еще не республиканским. Республиканский характер раннего политического гугенотизма был преувеличен. Почти в 1560 году такого чувства вообще не было,^[69] и даже на пике активности и власти гугенотов в 1570-72 годах большинство мужчин все еще считали, что государство Франция было *монархическим государством*,^[70] и что структура общества и гений народа были сильно склонны к форме правления, выработанной за восемь веков развития; что они искали ложную свободу опасными методами, стремясь фундаментально изменить государство.^[71] Одним словом, большинство политических гугенотов в 1560 году были реформаторами, а не революционерами; экстремистами были фанатики-кальвинисты и те, кто преследовал эгоистические цели и работал ради своих собственных целей. Ибо в каждом великом движении всегда есть те, кто стремится использовать это дело в своих интересах. К обоим классам гугенотов примешивались те, кто пытался ловить рыбу в мутной воде, кто под видом религии или общественного блага пользовался случаем, чтобы грабить всех людей, независимо от степени или качества; кто

грабил города, сносил церкви, уносил реликвии, сжигал города, разрушал замки, захватывал доходы церкви и короля, информировал ради вознаграждения и обогащался за счет конфискованного имущества других. Подобные вещи не менее справедливы и для католиков. Ибо были среди них также zeloty и фанатики, которые под предлогом религии и патриотизма были виновны в великом беззаконии и накопили много несправедливо нажитого богатства.[72]

Господство Личин в такой же степени, как и репрессивные меры правительства против кальвинизма, способствовали тому, что это недовольство достигло апогея. Проблемы, в любом случае, не могут быть разделены. Практические цели Гизов были достаточно масштабны, чтобы вызвать смятение, и не нужно было верить, что еще в 1560 году они стремились заполучить корону, свергнув дом Валуа. Было бы неразумно предполагать, хотя в конце концов так и оказалось, что все четверо сыновей Генриха II умрут без наследников, и даже в случае такой возможности дом Бурбонов все равно сохранит принцип первородства.

Гизы происходили из Лотарингии, их отец был братом старого герцога Лотарингии; а по линии матери они состояли в родстве с домом Бурбонов. Таким образом, они были двоюродными братьями-немцами короля Наваррского и принца Конде и состояли в родстве с королем и принцами крови. Их доход, включая наследство, церковную собственность, пенсии и пособия, полученные от короля, составлял 600 000 франков (сегодня почти 500 000 долларов), причем только кардинал Лотарингии располагал половиной этой суммы. Это богатство в сочетании с великолепием их дома, их религиозным рвением, популярностью герцога де Гиза и согласием, царившим среди них, ставило их впереди всей знати королевства. Правительства провинций и главные офисы находились в их руках или в руках их сторонников.

Кардинал, который был главой дома, находился в самом расцвете сил. Он был одарен большой проницательностью, которая позволяла ему мгновенно видеть намерения тех, кто вступал с ним в контакт; у него была поразительная память; яркая фигура; красноречие, которое он не прочь был продемонстрировать, особенно в политике; он знал греческий, латынь и итальянский, говоря на последнем с легкостью, которая удивляла даже самих итальянцев; он был обучен богословию; внешне его жизнь была очень достойной и правильной, но, как и многие церковники того времени, он был распущенным. Его главным недостатком была алчность, и за это его проклинали. Его алчность доходила до преступных пределов, и в сочетании с ней было такое большое двуличие, что он, казалось, почти никогда не говорил правды. Он был скор на обиды, мстителен, завистлив. Его смерть была бы такой же популярной, как смерть Генриха II.[73]

С другой стороны, герцог де Гиз был военным человеком, прославившимся как отвоевавший Кале и захвативший Мец. В остальном он был так же популярен, как и его брат. Но, как и он, был жаден и воровал даже у собственных солдат.[74] По мнению их противников, амбиции Гизов заключались не только в том, чтобы довольствоваться тронem Франции. Трон Святого Петра и корона Неаполя также считались целями их честолюбия: кардинал Лотарингии стремился к первому, а его брат, герцог, - к другому в силу родства Гизов с анжуйским домом, бывшими обладателями неаполитанского престола.[75] Даже эта программа должна была стать превосходной. Их предприятия в Шотландии в пользу Марии Стюарт[76] известны каждому изучающему английскую историю; и после победы над Шотландией многие немецкие князья опасались, что они могут двинуть свои войска в Данию, чтобы передать королевство во владение герцогу Лотарингскому, их родственнику и шурина короля Дании.[77]

“Тирания жизнь”[78] была практически достижением, а не просто выдумкой их противников. Будучи дядьями Франциска II, морально обреченными всегда оставаться второстепенными из-за его слабости воли и посредственных способностей, имея в своих руках высшие государственные должности, Гизы приступили к созданию полностью собственной системы управления не только в центральных, но и в провинциальных делах, первым шагом к которой было удаление коннетабля и принцев крови из окружения короля. Затем последовала попытка установить контроль над правительствами провинций. Монморанси, покойный констебль, был лишен правительства Лангедока;[79] правительства Турени и Орлеана, в самом сердце Франции, были переданы герцогу Монпансье и принцу де ла Рош-сюр-Йон. Однако в январе 1560 года возникли проблемы, когда Гизы исключили принца Конде из правительства Пикардии и передали его маршалу Бриссаку, хотя “этот пост добросовестно исполняли его предшественники”.[80]

Позиция кардинала Лотарингского в отношении финансов позволила ему предоставить фракции Гизов ресурсы, необходимые для поддержки ее политических намерений.[81] Обременительные налоги Франциска I были увеличены Генрихом II, как тайские, так и габельские, взимание которых вызвало ожесточенную вспышку в Бордо в середине последнего правления; к займам прибегали, “не без большого подозрения, что они были применены к финансам короля”; а жалование солдатам в гарнизонах и офицерам удерживалось.[82] Такое положение вещей естественным образом привлекло констебля[83] и его сторонников к принцу Конде, который тщетно пытался убедить короля Наварры, что первый принц крови и, следовательно, естественный сторонник короны, а не Гизов, занял твердую позицию, Конде особенно убедил его, насколько великим унижением было для короны то, что управление королевством полностью перешло в руки “иностранцев” Лотарингии; что, учитывая слабость короля, тот факт, что губернаторства провинций и пограничных крепостей, а также контроль финансов (который позволил Гизам подчинить судебную власть своей преданности) были в их руках, предвещало Франции недоброе.

Антуан бургундский выслушал жалобы на гизов, но мало что сделал. В то время ему было сорок два года. Он был высокого роста, хорошо сложен, крепок; приветлив со всеми без жеманства или показухи. Его манеры были открытыми и откровенными, а щедрость настолько велика, что он всегда был в долгу. Благодаря двум достоинствам - вежливости и великодушию, он производил поверхностное впечатление, которое длилось недолго. На словах он был тщеславен, неосмотрителен и непостоянен в словах и поступках, не имея силы воли придерживаться определенной цели. В то время его подозревали в безразличии к религии и даже в нечестии, потому что он отказался от мессы, хотя обычно считалось, что это было сделано с целью сделать себя главой партии гугенотов, а не из религиозного рвения. Сами протестанты называли его лицемером.[84] Антуан не захотел объединяться с констеблем отчасти из-за естественных колебаний характера, отчасти потому, что он считал, что констебль не поддержал его притязания на королевство Наварра, которое он надеялся вернуть во время последних переговоров в Като-Камбрези.[85] С тщеславием слабого человека, занимающего видное положение, король Наварры вынашивал собственные планы, которые он продолжал развивать. Его целью было натравить Испанию и Англию друг на друга в надежде, что он либо сможет убедить Филиппа II вернуть ему королевство Наварра, решительно отстаивая католицизм во Франции, что, конечно, помешало ему примкнуть к партии гугенотов, к которой

были примкнуты Конде и Шатийоны; или, в случае неудачи в этом, встать на сторону гугенотов и заручиться поддержкой Англии. Соответственно, вскоре после своего прибытия ко двору из Беарна, 23 августа 1559 года, Антуан отправил джентльмена к Трокмортону, английскому послу во Франции, с просьбой встретиться с ним “в кейпе” в монастыре августинских монахов в ту ночь. Когда они встретились, после долгих признаний в своей привязанности к Елизавете, он сказал, что напишет ей собственноручно, поскольку не доверяет никому, кроме себя, поскольку, если об этом узнают Гизы или испанский посол, “это было бы опасно для обоих и помешало бы их благому предприятию”.^[86]

В перерыве, ожидая вестей от английской королевы, Антуан Бурбонский, которого холодно приняли при дворе, обнаружил, что между констеблем и Гизами нет места для третьей стороны.^[87] В то же время последние были полностью осведомлены о его деяниях благодаря предательству Д'Эскара, его камергера и особого фаворита,^[88] и хитроумно замыслили избавиться от его присутствия, отправив его в Испанию в качестве сопровождения Елизаветы, празднование брака которой (по доверенности) с королем Испании подошло к такому фатальному завершению, и чей отъезд был неизбежно отложен из-за смерти ее отца.^[89] Чтобы наживить на крючок, Гизы представили обманутому королю Наварры прекрасную возможность заявить о своих притязаниях на утраченное королевство и пригласили Шантонне, посла Испании во Франции, для приведения в исполнение этого аргумента.^[90]

Дух беспорядков во Франции, как политических, так и религиозных, был настолько велик, что не хватало только руководителя, а не членов, чтобы навести порядок. Сообщалось, что в декабре 1559 года вся Аквитания и Нормандия пребывали в таком “добром расположении духа”, что легко побуждались к действию, если замечали какое-либо движение в другом месте;^[91] в феврале 1560 года волнения в Париже были настолько велики, что Колиньи был назначен отправиться туда перед въездом короля “для умиротворения населения”. варите там гарнир”.^[92] Чтобы подавить этот мятежный дух, правительство усердно преследовало гугенотов.^[93] Гизы надеялись, что суровость, проявленная в течение последних нескольких месяцев в Париже и многих других городах в отношении лиц, осужденных за их религию, из которых очень большое количество было сожжено заживо,^[94] приведет кальвинистов и политических гугенотов в ужас и заставит повиноваться. Но, напротив, местное восстание усилилось. В Руане, Бордо и между Блуа и Орлеаном гугеноты, арестованные королевскими офицерами, были спасены вооруженными бандами, в некоторых случаях офицеры были убиты. Действительно, эти практики стали настолько распространенными, что о них наконец слышали без удивления.^[95]

Представьте себе молодого короля, [писал венецианский посол] без опыта и без авторитета; совет раздираем разногласиями; королевская власть в руках женщины, попеременно мудрой, робкой и нерешительной, и всегда женщины; народ разделен на фракции и становится добычей дерзких агитаторов, которые под предлогом религиозного рвения нарушают общественный покой, развращают нравы, пренебрегают законом, препятствуют отправлению правосудия и ставят под угрозу королевскую власть.^[96]

Интересы религиозных гугенотов и политических гугенотов продолжали сближаться осенью и зимой 1559-60 годов. Чтобы противостоять узурпации личин,^[97] которую они представляли как иностранное господство, последние утверждали, что необходимо созвать сословия Франции

для толкования законов, точно так же, как кальвинисты выступали за толкование Священных Писаний. Раздоры гугенотов, тираническое поведение Гизов, угрозы, которые они без колебаний высказывали в адрес высшей знати королевства, отставка, в которую они загнали коннетабля, смещение принцев крови, которое они вызвали под тем или иным предлогом, презрение, которое они выражали к Генеральным штатам, коррупция правосудия, их непомерная финансовая политика, лишение должностей и бенефиций, которыми они пользовались, - все эти причины, соединенные с религиозными преследованиями, составляли совокупность жалоб, возмещение которых неизбежно было бы востребовано. Вопрос был в том, как это сделать? Лидеры гугенотов — а этот термин используется даже больше в политическом смысле, чем в религиозном, — не были незнакомы с историей Реформации в Германии и не подозревали о том факте, что политика там была переплетена с религией.^[98] На вопрос о путях и средствах, поставленных перед легистами Реформации и другими известными людьми как во Франции, так и в Германии, был дан ответ, что правительству Гизов можно *законно* противостоять и прибегнуть к силе оружия, при условии, что принцев крови, которые в таком случае имели законное право править в силу своего рождения, или любого из их числа, можно убедить попытаться сделать это.^[99] Но эта попытка обязательно должна была носить характер *государственного переворота* по той причине, что король находился в руках гизов, а совет состоял из них и их сторонников. После долгих раздумий было решено под предлогом представления петиции королю арестовать кардинала Лотарингского и герцога де Гиза, затем созвать Генеральные штаты с целью расследования деятельности их администрации и в их присутствии привлечь министров к ответственности за государственную измену.^[100] В этом движении объединились три класса людей: те, кто движим чувством патриотизма, считая, что это правильный способ служить своему князю и своей стране; во-вторых, те, кто движим амбициями и любит перемены; наконец, фанатики, преисполненные религиозного энтузиазма и желания отомстить за нетерпимость и преследования, которым подверглись они сами.^[101] Для такого предприятия Луи Бурбонский, принц Конде, был логичным лидером, как из-за своего положения принца крови, так и из-за его обиды на Гизов за то, что они были исключены из правительства Пикардии. Но принц, когда его попросили попытаться свергнуть Гизов ради спасения короля и государства, ввиду сомнительного поведения своего брата, пришел к выводу, что это было бы слишком опасно для дела, чтобы открыто скомпрометировать его в случае неудачи.^[102] Монморанси был невозможен как лидер, поскольку его религиозные убеждения ни в коем случае не были кальвинистскими; он не был принцем крови, и поэтому его утверждения не могли политически иметь веса Конде; и, наконец, его недовольство было скорее личным, чем партийным.^[103]

Заговорщики нашли лидера в лице джентльмена из Лимузена или Перигора, некоего Годфри де Барри, сьера де ла Рено,^[104] который был заключен в тюрьму в Дижоне, сбежал и нашел убежище в Швейцарии;^[105] у него была особая обида на Гизов, которые недавно (4 сентября 1558 г.) казнили его шурина Гаспар де Хоу, сьер де Бай.^[106]

Активные участники были, в основном, набраны на бретонской границе, в Анжу, Сентонже и Пуату, с отдельными капитанами из Пикардии, Нормандии, Гиенны, Прованса и Лангедока.^[107] Их свидание состоялось в Нанте, в доме, принадлежащем, как говорят, Д'Андело.^[108] Но автором всего дерзкого проекта был знаменитый Франсуа Хотман, французский беженец в Женеве, и настоящее вдохновение движения пришло из Швейцарии, поскольку французским

изгнанникам в Швейцарии показалось, что неожиданная смерть Генриха II снова откроет перед ними двери метрополии.[\[109\]](#)

ЗАГОВОР В АМБУАЗЕ
СДАЧА ЗАМКА НУАЗЕ

(Торторель и Периссин)

Весь заговор был согласован на встрече, состоявшейся в Нанте 1 февраля 1560 г.,^[110] который был выбран отчасти из-за его удаленности, отчасти потому, что парламент Бретани заседал, заговорщики могли скрыть свои цели, притворившись, что находятся там по законному делу. Брачный праздник также помог скрыть их истинную цель; и ради большей осторожности главные герои старались не узнавать друг друга на публике.^[111] Было решено собрать по двести кавалеристов из каждого города в провинциях Гиенна, Гасконь, Перигор, Лимузен и Аженуа. Для содержания этой силы они намеревались воспользоваться доходами и имуществом аббатств и обителей каждой провинции, произвольно облагая их налогами и применяя силу, если не могли получить оплату каким-либо другим способом.^[112] Инициатива должна была быть предпринята 6 марта^[113] в форме представления петиции королю против узурпации Гизов.^[114] К несчастью для успеха предприятия, оно слишком долго готовилось и было слишком широко распространено, чтобы держать его в секрете.^[115] Масштабы заговора встревожили Гизов, несмотря на полное предупреждение, которое они получили.^[116] Помимо внешних источников информации, заговор был раскрыт одним из его участников, сторонником парламента по имени Авенеллс, мужество которого изменило ему в критический момент.^[117] В связи с этим двор в целях предосторожности переехал из Блуа в замок Амбуаз, который герцог, имея полномочия короля оказывать ему поддержку, немедленно приступил к укреплению. Он также обезопасил гарнизон и горожан и нашел благовидный предлог наблюдать за принцем Конде, предоставив ему для защиты одни из ворот; но в то же время послал своего брата, великого приора, с отрядом верных латников. Ввиду тревожных слухов 11 марта в Тур был отправлен отряд под командованием графа Сансерра, где около десяти или двенадцати участников заговора, в частности барон де Кастельно, капитан Мазер и джентльмен по имени Рене, уже ожидали денег, которые должны были быть распределены между их ротами, тайно размещенными в соседних деревнях.^[118] Двадцать пять заговорщиков были арестованы без сопротивления, во время неосторожной прогулки за пределами замка Нуазе, между тремя и четырьмя лье от Амбуаза, который принадлежал жене Рене, и все они вместе с пятью другими, арестованными в Туре графом де Сансером, были доставлены в Амбуаз. Однако немедленное расследование показало, что некоторые из них поднялись с оружием в руках, отчасти из дружбы к определенным капитанам, под началом которых они служили, в то время как другие соблазнились небольшой суммой денег вместо жалованья, как обычно, когда солдат набирали в роты, не зная ни места их службы, ни ее цели. Все они были отпущены, за исключением одного или двух оставшихся пленников, поскольку канцлер Оливье сделал им замечание и сказал, что, хотя они заслуживают смерти, король своим милосердием однажды даровал им жизни.^[119] Чтобы они могли вернуться домой, король дал каждому мужчине корону (тестон = 10-11 су). Но тревога еще не утихла. Той ночью (14 марта) в суд прибыли несколько курьеров с новыми советами. На следующее утро, на рассвете, перед замком поднялась еще большая суматоха, чем когда-либо, ибо в городе появились двести кавалеристов. Они были почти уверены, что не встретят никакого сопротивления и что, следовательно, они смогут достичь своей цели, поскольку у всех принцев и лордов, как и у всего остального двора, не было никаких защитных доспехов, кроме нескольких кольчуг, да и то очень немногих, в то время как их наступательным оружием были всего лишь мечи и кинжалы с несколькими пистолетами, тогда как, напротив, повстанцы были хорошо вооружены обоими видами оружия и по большей части были на хороших лошадях. Несколько лодочников увидели повстанцев, следующих по течению Луары, и их крики переполошили замок. Один или двое были убиты, после чего остальные обратились в бегство по направлению к сельской местности. Но несколько человек были схвачены, и двое из

них, которых признали среди тех, кто был помилован накануне вечером, были немедленно повешены, а двое других были схвачены накануне на зубчатой стене над воротами замка.

КАЗНЬ В АМБУАЗЕ, СМЕРТЬ КАСТЕЛЬНО

(Торторель и Периссин)

В результате новой тревоги на следующий день (15 марта) произошло общее рассеяние групп арестованных. Маршал Сент-Андре был отправлен в Тур с почти двумя сотнями всадников с приказом взять пять рот латников из гарнизона, расположенного в непосредственной близости. За ним последовали Клод де Гиз, герцог д'Омаль, герцог де Немур и принц Конде.^[120] Маршал Термес был отправлен в Блуа; маршал Вьейвиль - в Орлеан; герцог Монпансье - в Анже; Ларошфуко - в Бурж; Бури - в Пуатье.^[121] В течение дня было похищено еще около сорока человек. Пятнадцать из преследуемых отступили в дом и защищались самым упорным образом, ранив многих из окружающих его нападавших, так что дом был подожжен: один из них, вместо того чтобы сдаться, сжег себя заживо, бросившись в пламя. Ближе к вечеру еще шестеро или семеро из них были повешены. Герцог де Гиз, которого король в срочном порядке произвел в генерал-лейтенанты 17 марта,^[122] не преминул принять все меры предосторожности; он назначил двух принцев и двух рыцарей Святого Михаила в каждый квартал Амбуаза, выставив там часовых и разослав разведчиков, как будто город был осажден. Наиболее уязвимые части замка были отремонтированы и снабжены продовольствием, и прежде всего деньгами, оружием и артиллерией. Наиболее полезным средством, однако, было обнародование и передача для опубликования во все города и местечки Франции общего помилования для всех повстанцев, которые в течение двадцати четырех часов после уведомления должны вернуться в свои дома, или в противном случае они будут объявлены мятежниками и предателями, и всем лицам будет выдано разрешение убить их и унаследовать их имущество; но, тем не менее, повстанцев заверили, что, если они пожелают что-либо сказать или обратиться с какой-либо

просьбой к королю, они будут выслушаны добровольно, без ущерба, при условии, что они представляются как верноподданные.[123]

СМЕРТЬ ЛА РЕНОДИ

(Торторель и Периссин)

Заключенные признались, что во всех соседних городах, а именно в Блуа, Орлеане, Шартре, Шатодене и других, тайно производился большой запас оружия, особенно аркебуз, причем

один из повешенных рассказал, что в одном-единственном доме в Блуа было шесть больших сундуков, полных этим оружием. В течение следующих трех дней не было сделано ничего, кроме укрепления замка, ремонта самых слабых мест вокруг него и вырытия траншеи передглавными воротами, которые открывались в сельскую местность, в которой были установлены несколько аркебуз и три или четыре небольших артиллерийских орудия, случайно найденных и привезенных туда из соседних мест. Вокруг города, помимо перерезания мостов, которые были у его ворот, за исключением главного моста через Луару, были очищены и восстановлены рвы, оставив открытыми только одни ворота.[124] Ежедневно отправлялись разведывательные группы, и 19 марта рота из пяти человек столкнулась с равным количеством повстанцев; после долгой и упорной схватки отряд, наконец, убил своего командира и двух его людей, а двух других взял в плен. Одним из убитых оказался Ла Рено.[125]

Но Личины не остановились на этих предстоящих актах наказания. Помимо рассылки доверенностей всем судебным приставам и сенешалям с приказом арестовать всех мужчин, пеших или верховых, которых можно найти в окрестностях Амбуаза,[126] Таванну 12 апреля 1560 года было приказано сделать то же самое в Дофине, поскольку он был фактически вооружен *печатными буквами*, выданными пустым текстом.[127]

Возникло несколько других беспорядков, за исключением Лиона, а также Прованса и Дофине[128] но правительство беспокоилось о Гаскони и Нормандии, “их население было гораздо более смелым”, [129] “Вся Нормандия наполнена гугенотизмом, - писал венецианский посол, - тысячи людей каждую ночь до десяти часов поют Псалмы Давида, ивоины не смеют к ним прикасаться. Жители Дьеппа каждую ночь поют псалмы на рыночной площади, а иногда читают проповеди в полях; в большинстве городов Нормандии и многих других местах они делают то же самое ”.[130] Вследствие такого положения вещей маршал де Терм был назначен с королевской властью и полными и абсолютными полномочиями на всей территории провинции конфисковывать, сажать в тюрьму, осуждать и предавать смерти всех, кого ему заблагорассудится.[131]

В конце концов правительство отправило на казнь 1200 человек из числа тех, кто был замешан в заговоре в Амбуазе или находился под подозрением. Болезненное желание стать свидетелем пролития крови охватило общество, и для придворных дам и джентльменов стало обычным делом наблюдать за пытками осужденных на манер *аутодафе* в Испании.[132] Д'Обинье[133] выдающийся историк французской реформации был очевидцем подобных инцидентов и, хотя ему было всего десять лет, поклялся как юный Ганнибал перед своим отцом, посвятить свою жизнь мести за подобные зверства.[134]

ГЛАВА II

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ Между ГИЗОМ И КОНДЕ. ПРОЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА

Восстание в Амбуазе не вызвало полного недовольства у многих даже при дворе. Диссидентство гугенотов и недовольство многих людей правительством наводили кардинала и

герцога де Гиза на тревожные мысли даже после того, как все внешние признаки беспокойства прекратились. Сильное подозрение пало на принца Конде^[135] которому было запрещено покидать двор и за ним так пристально следили, что он боялся заговорить с кем-либо из своих друзей. Гизы оказались перед дилеммой, у них не хватило смелости пролить королевскую кровь,^[136] однако, с другой стороны, они опасались, что, умолчав о своих подозрениях, принц может стать более смелым и уверенным в будущем.

Обвинение стало настолько очевидным, что Конде в конце концов потребовал слушания в Совете, где он бросил вызов Гизам, заявив, что “тот, кто скажет, что он приложил руку к заговору против личности короля или правительства, был лжецом и будет лгать так часто, как он это говорит”; затем он предложил отказаться от своей привилегии принца крови, чтобы получить личное удовлетворение, и удалился. Но кардинал Лотарингии, вместо того чтобы принять вызов, сделал знак королю прекратить заседание.^[137]

Антуан Наваррский находился на юге Франции во время этих событий, но, тем не менее, он также не избежал подозрений; у его секретаря, который оставался в Париже, чтобы следить за его делами, был произведен обыск, и вся мебель в его доме была перерыта, чтобы, по возможности, обнаружить компрометирующие документы.^[138] Принц Бурбонов был вдвойне встревожен подозрением в виновности, потому что его имя было связано с именем английской королевы.^[139] Король Наварры, возможно, не совсем понимал, что что-то затевается, когда он покидал двор, чтобы посетить свои владения на юге, но он не был участником заговора.^[140] В косвенном участии королевы Елизаветы вообще нет сомнений. В Париже преобладало убеждение, что графу Аррану были сделаны выгодные предложения со стороны Гаскони, Пуату, Бретани и Нормандии, если он приведет англичан в эти части,^[141] и в двух последних провинциях английские купцы и моряки воодушевили народ на восстание против дома Гизов посредством прокламаций на французском языке, *напечатанных в Англии*.^[142] Но если гизы боялись проливать кровь принцев, они нанесли удар так близко к ним, как только осмелились, настояв на преследовании Визьера, бывшего лейтенанта Монтгомери, за поимку которого, живого или мертвого, была предложена награда в 2000 крон,^[143] и Малиньи, лейтенант принца Конде.

Хотя первоначальная цель заговора провалилась, а именно свергнуть короля и изгнать Гизов,^[144] Конде и его последователи не преминули заметить, что ситуация не совсем неблагоприятна.^[145] Екатерина Медичи, которая, хотя и ревновала к положению Гизов в месте, которое, естественно, и по традиции, если считать прецедентами регентства Бланш Кастильской и Анны Божеской, принадлежало ей, тем не менее поддерживала радикальную политику, проводимую после казни Дю Бурга, несмотря на аргументы адмирала.^[146] Теперь, однако, она увидела возможность выступить против кардинала и его брата и сыграла на руку Колиньи и Конде.^[147] Она убедила короля отправить адмирала со специальной миссией в Нормандию в конце июля, где он, как ожидалось, должен был пресечь поведение маршала Термеса и тайно подстрекал фракцию констебля.^[148] Возможность сделать это представилась благодаря смерти канцлера Оливье 27 марта,^[149] который был инструментом Гизов, и королева-мать быстро воспользовалась этим. Знаменитый Мишель де Лопиталь^[150] был немедленно назначен на вакансию. Он был человеком больших познаний в юриспруденции и высокой культуры; в данный момент он был президентом *счетной палаты* и был канцлером

мадам Маргариты Французской, герцогини Савойской (которая имела протестантские наклонности и ходатайствовала за Дю Бурга), а также членом *личного* совета короля. За восшествием на престол Лопиталья последовало провозглашение грамот о помиловании всем недавним преступникам при условии, что они будут жить как добрые католики, король заявил, что не желает, чтобы первый год его правления стал печально известен потомкам своими кровавыми злодеяниями и страданиями его народа.^[151] За этим в мае 1560 года последовал королевский эдикт Роморантена, согласно которому юрисдикция судебных процессов, связанных с религией, была полностью отнята у парламентских судов и у народных заседателей, которые имели право выносить решения в упрощенном порядке, и была передана церковным судьям; что было истолковано как заверение обвиняемых в том, что им больше не нужно бояться судебного преследования. смертная казнь вследствие возможности отсрочки вынесения приговоров посредством обжалования действий и приговоров епископов архиепископам, а оттуда в Рим.^[152] В августе был издан дополнительный указ, предписывающий епископам и всем викариям проживать в своих церквях, при этом епископам в будущем запрещалось возбуждать дела против кого-либо в вопросах религии, за исключением кальвинистских проповедников или лиц, в домах которых проводились собрания гугенотов, таким образом, правительство молчаливо разрешало другим жить по-своему, что было истолковано как фактический “временный период”.^[153] Дух этого законодательства, а также умелое использование содержащихся в нем законов, безусловно, обязаны сердцем и умом канцлеру Лопиталю, хотя Колиньи не лишен своего влияния.^[154]

Эти изменения имели двойной эффект: во-первых, они убедили королеву взять управление делами на себя и попытаться удалить дом Гизов от двора; и, во-вторых, дали гугенотам и их сторонникам возможность укрепиться. Мягкость правительства вернула во Францию множество тех, кто ушел, в том числе проповедников из Женевы и Англии, которые вдохнули новую жизнь в партию, призывая ее продолжать свои собрания и исповедовать свою религию.^[155] Существовали опасения, что “промежуточный период” будет использован гугенотами как острое клина, чтобы открыть им путь к владению собственными церквями, и вскоре такое требование должно было быть открыто выдвинуто на королевском совете в Фонтенбло в августе 1560 года.

Было очевидно, что не было провинции, которая не пострадала, и было много таких, где новая религия даже распространялась по стране, как в Нормандии, Бретани, почти по всей Турени, Пуату, Гиенне, Гаскони, большей части Лангедока, Дофине, Провансе и Шампани.^[156] “Религия Женевы” распространялась на все классы, даже на духовенство — священников, монахов, монахинь, почти целые монастыри, епископов и многих главных прелатов. Движение, казалось, было самым широким среди простых людей, которым было нечего терять теперь, когда жизнь казалась безопасной. Те, кто боялся потерять свое имущество, были менее взволнованы. Но, тем не менее, все классы общества казались глубоко проникнутыми. Пока длился “промежуточный период”, наказаны были только те, кто действительно проповедовал и проводил публичные собрания. Тюрьмы Парижа и других городов были опустошены, и в результате по всему королевству появилось огромное количество людей, которые разгуливали, прославляя победу над “папистами”, как они называют своих противников. Вдобавок к замешательству Гизов, пропасть между ними и Монморанси расширилась.^[157] Герцог де Гиз купил права сьера де Рамбура на графство Даммартен, недалеко от Парижа, и прилегающее к графству Нантей,^[158] которое герцог имел незадолго до этого приобретен, суд низшей инстанции которого вынес решение в пользу Даммартина. Чтобы сделать это, герцог де Гиз

убедил Филиппа де Буленвилье, который недавно продал поместье коннетаблю, расторгнуть заключенный контракт и продать его ему.[159] Но герцог встретил прямой отпор, поскольку, когда он сообщил о сделке, констебль ответил Дамвиллом, его сыном, что “поскольку он купил это, он оставит это себе”. [160] Вражда между Гизами и Монморанси, естественно, более чем когда-либо перетянула “коннестаблистов” на сторону Конде. Дамвилля отправили к королю и королеве-матери, которые остановились в Шатодене, сообщить им, что Гизы были его объявленными противниками, а затем отправился совещаться с принцем Конде, с которым он встретился “в окружении гостей, приглашенных на праздник жизни в моей стране”, [161] между Этапом и Шартр, недалеко от Монлери, когда направлялся в Гиенну, чтобы повидаться со своим братом Наваррским. Супруги Гизы, располагавшие информацией об интервью, подробно рассказали об опасном поведении Конде и подали иск о землях Даммартен в суд.[162]

Католические фанатики придали большое значение событиям в Амбуазе, чтобы укрепить репутацию Гизов. “В течение всей этой Страстной недели, - писал венецианский посол, - никто не слушал ничего, кроме проповедей кардинала Лотарингского, собравших очень большое количество прихожан не только для восхваления его, но и ко всеобщему изумлению и восхищению, как из-за его доктрин, так и из-за его великолепной жестикуляции, несравненного красноречия и манеры высказывания”. [163]

С другой стороны, те, кто питал к нему отвращение из-за религии и по другим причинам, не преминули опорочить его клеветой и писаниями, размещенными публично в нескольких местах Парижа, где их видели и читали все желающие. [164] Не проходило и дня, чтобы в покоях и залах собственного дворца короля не находили записок и сочинений дискредитирующего характера, оскорбляющих кардинала Лотарингского. В Париже толпа чуть не сожгла дворец Клюни, принадлежащий семье Гизов, полный очень ценной мебели. [165] В нескольких местах можно было увидеть раскрашенное изображение кардинала в его кардинальской мантии, в одно время подвешенное за ноги, в другое - с отрубленной головой и разделенным на четыре части телом, как это делалось с осужденными. На площади Мобер его чучело было повешено и сожжено с помощью петард. [166]

Но беспорядки похуже, чем манифесты насилия, встревожили правительство. 1 июня 1560 года, в день Corpus Domini в Руане, когда процессия проходила по городу с обычной торжественностью, было замечено, что перед одним домом, перед которым проходила процессия, не было ни гобелена, ни каких-либо других украшений. Виллебон, королевский чиновник, “который из-за этих религиозных беспорядков остался там”, заметил это упущение и, подозревая какое-то тайное собрание гугенотов, решил немедленно проверить этот факт. Он попытался войти в дом силой, но встретил такое упорное сопротивление со стороны его обитателей, что процессия была прервана и поднялась большая суматоха, обе стороны прибегли к оружию. После долгих боев, когда у каждой стороны было по несколько раненых, наконец, после гибели нескольких защитников дома и после очень больших усилий власти утихомирили шум, насколько могли. На следующее утро более 2000 человек предстали перед королевскими магистратами, не только очень яростно требуя справедливости и компенсации за смерть тех людей, которые были убиты, но и представить “Признание” в том, во что они верили, и в том режиме, в котором они намеревались позволить им жить, требуя, чтобы “Признание” было отправлено королю, чтобы оно могло быть удовлетворено, и протестуя, что если по этой причине его министры предпримут против кого-либо из них арест, смертную казнь или другое наказание, они казнят равное количество католических чиновников правительства. Президент

и четыре члена совета парламента Руана отправились в Париж, чтобы представить “Признание”. Они заверили короля, что вся Нормандия придерживается того же мнения, что и те, кто заявил о себе. В своем затруднительном положении правительство обвинило Вильбонна, обвинив его в чрезмерном рвении и любознательности. Более того, ежедневно поступали сообщения о новых беспорядках, и правительство явно опасалось какого-нибудь внезапного нападения, подобного тому, что произошло в Амбуазе.[167]

Личины, однако, набрались храбрости из-за того факта, что под предлогом продолжения подготовки к войне в Шотландии в поддержку Марва Стюарта,[168] они могли заполнить Францию солдатами.[169] За несколько месяцев до начала заговора в Амбуазе их агенты работали в Германии, используя французское золото для закупки оружия, боеприпасов и, прежде всего, людей, поскольку Германия была заполнена мелкими дворянами с разбитым состоянием, солдатами-бродягами,[170] и ланскенеты, готовые служить везде, где за это хорошо платят и где есть шанс развлечься и пограбить.[171]

30 марта 1560 года Гвидо Джаннетти, секретный агент Елизаветы в Венеции, написал Сесилу: “Франции будет чем заняться в только что начавшихся религиозных войнах, которые будут хуже гражданской войны Лиги общественного блага в 1465 году при Людовике XI”.[172] Пророчество вскоре сбылось. Несмотря на огромные приготовления, предпринятые для продолжения войны в Шотландии,[173] тем более необходима после смерти вдовствующей королевы Шотландии, известие о которой достигло Франции 18 июня,[174] Франция — или, скорее, французская партия в Шотландии — 6 июля 1560 года подписала Эдинбургский мирный договор, который, по мнению гизов, означал отказ с их стороны от агрессии за границей.[175] Ничто, кроме серьезного состояния внутренней политики, не могло побудить Гизов так уступить делу своей племянницы в Шотландии.[176]

Проблема гугенотов обещала достичь апогея летом 1560 года.[177] Со всей Франции поступали сообщения о подстрекательстве к мятежу. Протестанты были хозяевами Прованса.[178] Кардинал Турнон, возвращаясь из Рима, не осмелился взять с собой крест миссии, опасаясь, что он вызовет неуважение со стороны жителей тех мест, через которые ему предстояло пройти.[179] Из другого источника поступило сообщение о том, что “в церквях Байонны были произнесены очень бесплатные проповеди”.[180] Епископ Аженский написал совету, что все жители этого города были в состоянии яростного восстания; что они ходили по церквям, уничтожали все изображения и жестоко обращались с некоторыми священниками. Королеву-мать таинственным образом предупредили, что, если она не освободит некоторых проповедников, заключенных в тюрьму в Труа, она станет самой несчастной принцессой на свете.[181] Папский легат покинул Авиньон, возмущенный вольностью “лютеран”, [182] и когда понтифик предложил отправить туда кардинала Фарнезе, который был готов отправиться при условии предоставления подходящего эскорта из итальянской и швейцарской пехоты, Франция отказалась дать согласие, не желая позволять иностранному принцу въезжать в королевство на такой воинственной основе.[183]

В то же время личные нападки на Гизов стали более ядовитыми.[184] Вражда между Гизами и домом Монморанси стала настолько открытой и зашла так далеко из-за спора о Даммартене, что ожидалось, что они возьмутся за оружие. В довершение всего, правительство по нескольким каналам получило информацию о замысле против короля и его министров худшего

качества, чем недавний заговор в Амбуазе.[185] Появившаяся информация вызвала наибольшее беспокойство, потому что на этот раз доказательства, по-видимому, сильно компрометировали видама де Шартра,[186] и принца Конде.[187]

Хотя война в Шотландии практически подошла к концу, Гизы не ослабляли своих усилий по сбору людей и денег.[188] Филипп II, зная о происходящем, похоже, частично предложил помощь. В июле пятнадцать немецких капитанов были отправлены за Рейн, каждому было поручено вернуть триста пистолетистов для службы королю;[189] Рейнграфу и герцогу Иоанну Вильгельму Саксонскому были отправлены письма, призывающие их сформировать лигу немецких князей и обеспечить войска на случай, если в них возникнет необходимость.[190] Ла Мот Гондрен была отправлена в Прованс и Дофине, а другой агент - в Шампань с аналогичными поручениями.[191] Полторы тысячи человек с доспехами и боеприпасами были отправлены в замок Гиз.[192] Гизы даже попытались примириться с коннетаблем при посредничестве маршала Бриссака.[193]

Преобладающую тревогу не развеял адмирал Гаспар де Колиньи, который на заседании совета в полном составе, состоявшемся в Фонтенбло 20 августа 1560 г., представил две петиции,[194] одна для короля, другая для его матери, с просьбой к королю в вопросе религии уступить заявителям два места поклонения в две части королевства для большего удобства, чтобы они могли там совершать свои обряды и церемонии как частные собрания, не подвергаясь чьему-либо приставанию, утверждая, что таким образом будут исключены собрания в частных резиденциях.[195] Колиньи заявил, что говорит авторитетно, поскольку был официально направлен в Нормандию королевой-матерью для расследования причин тамошних беспорядков. Между адмиралом и кардиналом Лотарингским завязалась жаркая перепалка. Колиньи предусмотрительно не поставил подписи под петицией, но заявил, что он “мог бы заставить 50 000 человек в Нормандии подписать ее”, на что кардинал возразил, что “король мог бы заставить миллион приверженцев своей религии подписать обратное”. [196] Л'Опиталь, канцлер, однако, ловко перевел дискуссию в политическое русло длинной речью[197] о состоянии королевства, сравнив его с больной человек, утверждавший, что сословия неспокойны и коррумпированы, что существует религиозное диссидентство, что дворянство недовольно, и в заключение сказавший, что если удастся обнаружить источник всех бедствий, обрушившихся на Францию, то лекарство будет легким.[198] В ответ кардинал Лотарингии предложил публично ответить за управление финансами и показал выпиской из правительственных отчетов, что обычные расходы превысили доходы на 2 500 000 ливров (более семи с половиной миллионов долларов); его брат, герцог де Гиз, в звании генерал-лейтенанта, выложил на стол бумаги, касающиеся армии и вооруженных сил королевства.[199] Затем был объявлен перерыв до 23 августа, когда после повторного собрания каждому члену Совета был предоставлен меморандум, содержащий список тем, которые корона хотела бы обсудить.[200]

Монлюк, епископ Валанса,[201] как самый молодой член тайного совета, начал обсуждение, когда Совет возобновил заседание.[202] Но речь по этому поводу произнес Марийяк, либеральный архиепископ Вьенны, который, следуя примеру канцлера, в длинной речи[203] подробно остановился на религиозных, политических и экономическое бедствие Франции. Его обращение представляет собой полное изложение программы гугенотов в церкви и государстве. Он начал с того, что сказал, что истинным “древним и обычным” средством правовой защиты является генеральный совет, но в противном случае следует обратиться к

национальному совету, а затем перешел к перечислению вещей, которые следует рассмотреть в нем; во—первых, вторжение иностранных прелатов — в основном итальянцев — во французские церковные учреждения,[204] “которые получают третью часть пособий королевства, у которых бесконечное количество пенсий, которые сосут нашу кровь, как пиявки, и которые в глубине души смеются над нами за то, что мы настолько глупы, что не видим, что нами злоупотребляют”; во—вторых, он потребовал, чтобы духовенство Франции каким-нибудь заметным поступком продемонстрировало, что они искренне склонны к реформе, а не просто стремятся укрепить свои привилегии под предлогом реформы; и с этой целью незаконное использование денег - “этого великого вавилонского зверя, которым является алчность, на пути которого следуют так много суеверий и мерзостей” - должно охраняться. против; в-третьих, нечестивые должны искренне раскаяться; в-четвертых, для урегулирования политических и экономических вопросов, беспокоящих народ, должны быть созваны Генеральные штаты. Затем следовало изложение условий: король должен жить за счет доходов королевских владений, разграбление которых должно прекратиться; его войны должны поддерживаться старыми феодальными средствами, а не чрезвычайными налогами.

Эта речь очень понравилась адмиралу, который добавил три пункта, а именно, что религиозный “временный” режим должен быть официально предоставлен до выводов Тридентского собора, о повторном созыве которого папу просили; что в случае отказа сделать это будет созван национальный совет духовенства Франции, в котором должны быть представлены гугеноты;[205] и чтобы количество охраны вокруг суда, “которая стоила очень дорого и служила только для того, чтобы вселять страхи и зависть в умы людей”, было сокращено.[206]

Итогом конференции стало решение созвать заседание Генеральных штатов на 10 декабря в Мо (позже переименованном в Орлеан), а при отсутствии созыва общецерковного совета созвать национальный орган духовенства в Париже 10 января 1561 года, при этом был допущен длительный перерыв, позволяющий папе действовать.[207] Тем временем *статус-кво* сохранялся в отношении культа протестантов, но в целях предосторожности был издан эдикт, согласно которому всем подданным королевства, будь то принцы или нет, запрещалось взимать какой-либо сбор с людей, оружия, доспехов, лошадей или денег под страхом быть объявленными мятежниками против его величества.[208]

Нет сомнений, что резолюция Собора в Фонтенбло соответствовала убеждению значительной части населения Франции, что религиозные неурядицы вызвали настоятельное требование о проведении еще одного генерального церковного собора (вторая сессия Тридентского собора была прервана поражением императора Карла V в Смалькальдской войне) или национального совета, если созыв первого окажется невозможным.[209] Даже кардинал Лотарингии, желавший прославиться реформированием церкви Франции, настаивал на этом курсе, хотя он был враждебен интересам Святого Престола, пока развитие событий на родине не убедило его изменить свою тактику.[210]

Проект национального собора не понравился папе, который лелеял надежду созвать Тридентский собор,[211] ни во Франции, ни в Испании, ни в Германии.[212] Когда кардинал Лотарингии настаивал на этом, папа ответил, что он не будет делить одежду Христа.[213] Святой Отец оказался в затруднительном положении, не имея возможности безопасно провести свободный собор или отказаться от общего. Он хотел рассматривать будущий собор как *продолжение* Тридентского собора, а не как новый собор.[214] Но на пути этого возникли

политические трудности, поскольку не все немецкие князья поддерживали декреты Трента, и император был связан своей клятвой не пытаться выполнять декреты, чтобы князья Аугсбургского исповедания не встревожились, опасаясь, что император, Его католическое величество и Самый христианский король объединились.[\[215\]](#) Более того, короли Испании и Франции, хотя и выступали за генеральный совет, имели собственные оговорки относительно применения тридентских указов.[\[216\]](#)

Вопрос о совете имел большое значение для каждого правителя Европы. Франция, хотя и решила созвать национальное духовенство, если папа затянет дело, тем не менее призвала последнее поторопиться с созывом свободного и всеобщего собора не только с помощью епископа Ангулемского, французского посла в Риме, и кардиналов, но и через Бочетеля, епископа Реннского, посла при императоре, и Себастьяна де л'Обеспина, епископа Лиможского, посла при Филиппе II. Венецианский сенат тоже был вынужден использовать свое влияние. Но папа долго колебался, потому что светские правительства и он сам разделились во мнениях относительно того, следует ли рассматривать такой собор как продолжение Тридентского собора (как того желал папа) или как собор *de novo*. Папа боялся скомпрометировать папскую власть, признав утверждение Франции о власти, превосходящей его самого, поскольку этого он никогда не мог допустить, исходя из того, что, присутствуя или отсутствуя, он всегда был главой всех соборов и выше их. Наконец, Пий IV, встревоженный решением французского правительства созвать национальный совет, если генеральный совет не состоится, как потому, что это подрывало бы его авторитет, так и потому, что, хотя ничего не должно быть решено вопреки римскому престолу, все же созыв совета Францией без ее согласия был бы предосудительным и мог бы стать прецедентом для других государств, пришел к выводу, что дальнейшее промедление опасно, и созвал генеральный совет на Пасху 1561 года, в Тренте, “чтобы искоренить ересь и раскол и исправить нравы”. [\[217\]](#) заявляющий, что каноны церкви не могли допустить иного пути.

Решение французского правительства подтолкнуло понтифика, который, однако, утешал себя мыслью, что либо национальный совет теперь не состоится, либо в Генеральных штатах возобладают Предлоги, так что национальный совет, если он состоится, можно будет заставить замолчать.[\[218\]](#) Папа решил, что он заставит католических князей встать на его сторону, чтобы, рискуя сменой религии в национальном совете, они также не подвергли опасности свои королевства. Филипп II разделял это убеждение. Король, столь ортодоксальный, как он, не преминул проследить за ходом движения во Франции, руководствуясь религиозными интересами. Но у испанского короля были и политические интересы во Франции. Его собственные фламандские и голландские провинции были охвачены восстаниями, и Гранвелла был прав, когда сказал, что это чудо, что благодаря дурному примеру Франции дела в Нидерландах обстоят не хуже.[\[219\]](#) Соответственно, Филипп II отправил дона Антонио де Толедо во Францию, чтобы отвлечь французского короля от идеи национального совета.[\[220\]](#) Средства убеждения были под рукой, поскольку французский король уже был слишком скомпрометирован Филиппом II, чтобы отказать в его просьбе. После ареста видама Шартрского Франциск II в длинном зашифрованном письме от 31 августа 1560 года своему послу в Испании умолял испанского короля быть готовым оказать ему помощь в случае необходимости.[\[221\]](#) Чтобы предотвратить предлагаемый национальный совет, Филипп II теперь предложил за свой счет оказать Франции помощь в подавлении всех восстаний и расколов.[\[222\]](#)

Военные приготовления, соответственно, продолжались под прикрытием предполагаемой интервенции в Шотландию,[223] чему способствовала неопределенность в отношении Конде и Антуана Бурбонского, поскольку в настоящее время считалось, что и король Наварры, и принц намеренно отлучились от двора.[224] При дворе распространился слух, что оба замыслили прибегнуть к оружию, настолько сильный, что 2 сентября к ним был послан кардинал Бурбон с просьбой от имени короля прибыть ко двору, который на следующий день был перенесен из Фонтенбло в Сен-Жермен.[225] Маршал Бриссак был переведен из правительства Пикардии в правительство Нормандии, и Дюбуа, начальнику пехоты, было поручено с большой секретностью провести всех пехотинцев, которых он мог набрать, в Нормандию, в то время как все мужчины из обычного гарнизона Пикардии и других пограничных пунктов были стянуты в сторону Орлеана.[226] В то же время Рейнгрейв был уведомлен о прибытии, но столкнулся с неожиданным противодействием.[227]

Параллельно с этими военными приготовлениями были приняты новые финансовые меры. 11 октября 1560 года король потребовал 100 000 крон (тестоны— серебряная монета достоинством в десять или одиннадцать су; сумма составляла от 750 000 до 775 000 долларов) от членов парламента, ректора, главных торговцев Парижа,[228] и “некоторых ученых мужей Сорбонны”. [229] Парижане роптали, потому что думали, что военная демонстрация должна была их запугать. В ноябре корона наложила на Орлеан 10 000 франков (примерно 7500 долларов) и потребовала еще 100 000 для выплаты жалованья войскам.[230] Лион предоставил ссуду[231] и деньги также были обеспечены конфискациями у гугенотов со стороны местных властей во многих местах.[232]

В провинциях продолжали происходить беспорядки.[233] В Амбуазе и Туре люди взяли штурмом тюрьмы и освободили всех тех, кто был заключен в тюрьму как агитатор по религиозным мотивам.[234] Долина Луары, похоже, была эпицентром этих провинциальных восстаний, и в середине октября[235] король спешно прибыл в Орлеан с тремя роты ветеранов-пехотинцев из гарнизонов Пикардии.[236] Теперь было решено созвать Генеральные штаты в Орлеане вместо Мо.[237] 30 октября принц Конде, который все это время вел себя как невинный и приехал со своим братом в Орлеан, был арестован,[238] и видео из Шартра, который был заключен в Бастилию, послали за ним из Парижа, чтобы его допросили с глазу на глаз с Конде.[239] Помимо обвинения в причастности к заговору в Амбуазе, его обвиняли в том, что он был автором недавнего восстания в Лионе.[240]

В это время в администрации провинции произошли значительные изменения. Гизы, заметив недовольство, царившее из-за того, что между ними было распределено так много должностей, санов и поручений, чтобы подшутить над принцами крови и их фракцией, посоветовали королю создать два новых правительства в центре королевства в пользу герцога Монпансье и его брата, принца де ла Рош-сюр-Йон. В соответствии с этим предложением правительство Турени, к провинции которого были добавлены герцогства Анжу и Вандом, а также графства Мэн, Блуа и Дюнуа, было создано в пользу первого, и правительство Орлеана, к которому были добавлены герцогства Берри, *пай* Шартрен, Бо, Монтаржи и прилегающие районы, в пользу последнего. Но новая должность была сведена к теневой власти революционным шагом по назначению провинциальных лейтенантов над губернаторами, которые были подотчетны герцогу де Гизу как

генерал-лейтенанту королевства, в данном случае сьер де Сипьер был лейтенантом в Орлеане и Савиньи в Турени, каждый из которых был слугой Гизов.[241]

Нет особых оснований сомневаться в том, что гугеноты подняли бы мощное восстание в этот ранний день, если бы были уверены в эффективном руководстве. Но трусость Антуана Наваррского, логичного лидера партии, помешала им сделать это. Огромное влияние, которое он мог бы оказать как первый принц крови, разительно контрастировало с его слабым характером.[242] На его политику, которую он льстил себе, считая искусной в выжидании, гугеноты смотрели с презрением, которые презирали его за то, что он слабо терпел подобное обращение со своим братом, а затем усугубили его малодушие, отказавшись от должности губернатора Гиенны, которая была передана маршалу Термесу.[243] Напрасно лидеры гугенотов обращались к нему со своими мольбами и увещеваниями;[244] напрасно они излагали ему детали своей организации; что шесть или семь тысяч пехотинцев по всей Гаскони и Пуату уже зачислены под командование капитанов; что от трех до четырех тысяч, как пеших, так и конных, придут из Прованса и Лангедока; что из Нормандия придет в таком же количестве или даже больше, с большим количеством кавалерии; что с помощью всего этого он сможет захватить Орлеан (таким образом, контролируя Генеральные штаты) и Бурж, а Орлеан - два самых важных города в центральной Франции. Они заверили его, что тысячи людей просто ждут удачного удара, чтобы заявить о себе, и что денег у них будет предостаточно; каждому кавалеристу и каждому пехотинцу хватит денег на два месяца и что поступит гораздо больше, при условии, что только король Наваррский объявит себя защитником короля и королевства и выступит против тирании Гизов.[245]

Это был момент, выбранный Екатериной Медичи для самоутверждения. До сих пор для нее не было места между двумя партиями, каждая из которых стремилась к абсолютному контролю над королем. Королева-мать не хотела видеть себя низведенной до простого опекуна своих детей, полностью зависимой от действий совета, без политической власти и “контроля ни над одним отрицателем”, [246] и поняла, что теперь она может извлечь выгоду из неспокойной воды; чтобы изменить фигуру, она решила сыграть каждой стороной против другой[247] в надежде, что она сможет удержать баланс сил между ними. Это объясняет ее двурушничество после заговора в Амбуазе, когда она заявила Колиньи, что хотела бы ознакомиться с учением гугенотов, чтобы, если возможно, она могла бы обнаружить “истинный источник смут”, и совещалась с Шодьеном, протестантским пастором в Париже, и Дюплесси, министром-гугенотом в Туре, одновременно расспрашивая о политических притязаниях гугенотов, скрыв кардинала Лотарингского, как и Полония, за arrasом;[248] почему она также использовала справедливые слова на конференции в Фонтенбло и одновременно видела, как Франциск II писал Филиппу II с просьбой о помощи Испании в случае гражданской войны.

Венецианский посол верно сказал, что знаменитый римский временщик Фабий Кунктатор узнал бы свою дочь в этой проницательной женщине из Этрурии.[249] Опасаясь быть отправленной обратно в Италию или остаться во Франции без влияния, она стремилась настроить две партии друг против друга. Она без колебаний рискнула короной, чтобы сохранить правительство в своих руках, хотя, как сказал венецианский посол, “желать поддерживать мир путем разделения - все равно что желать сделать белое из черного”. [250]

Время было на редкость благоприятное. С устранением принца Конде[251] она рассчитывала, что колебания короля Наварры удержат гугенотов от открытых действий, в то время как

перспектива предстоящих Генеральных штатов, которые выросли из собрания в Фонтенбло, как и предсказывал епископ Валанса,[252] настолько напугал гизов, что, когда спрос на созыв этого органа начал расти, они попытались убедить короля постановить, чтобы тот, кто говорил об их созыве, был признан виновным в оскорблении их величества.[253] Причину их тревоги далеко искать не надо. Требование созыва Генеральных штатов было голосом Франции, говорившим устами дворянства и буржуазии. призывал к тщательному расследованию деятельности Гизов и реформированию системы управления как государством, так и церковью; как таковой, это представляло угрозу для кардинала и его брата и соответствовало требованиям политических гугенотов. Дорогостоящие войны Генриха II, расточительность двора; обременительное налогообложение; продажность правосудия; беззаконие и беспорядок, царящие повсюду; унижение многих знатных семей и возвышение новых дворян в результате жестоких войн в Пикардии и Италии, более склонных к вседозволенности и менее смягченных социальными грациями, которые характеризовали старые семьи;[254] упадок наследственного состояния и перемещение богатств; религиозные волнения; коррупция церкви — все эти обиды, ни одна из которых не была совершенно новой, накапливались с нарастающей силой, к надвигающейся атаке которой Гизы относились с большим опасением.[255]

Правление кардинала Лотарингского и его брата-герцога не улучшило ситуацию, но, отдавая должное им, следует сказать, что их служение было в такой же степени *поводом* как и *причиной* народного протеста против реформы. Пороки прежнего правления достигали апогея, который подчеркивали их надменность и честолюбие.[256] Незаконное присвоение государственных средств, непомерное налогообложение, отказ в правосудии, разграбление земель короны, особенно лесов, ветхость церковной собственности и развращение нравов, несомненно, были самыми глубокими народными жалобами. В требовании устранения этих обид объединились все честные люди. В 1560 году призыв гугенотов к свободе вероисповедания был голосом лишь меньшинства из них. Большинство гугенотов в то время были политическими, а не религиозными гугенотами, которые просто использовали требование новых верующих как средство выражения; это чувство также относилось к местным восстаниям по спасению арестованных кальвинистов, участниками которых во многих случаях двигало скорее желание устроить демонстрацию против правительства, чем симпатия к кальвинистским доктринам.[257]

Долги короны при восшествии на престол Франциска II составили сорок три миллиона ливров,[258], по которым должны были выплачиваться проценты, без учета пенсий и заработной платы, причитающихся офицерам и слугам королевского двора и жандармерии, задолженность по которым составляла от двух до пяти лет,[259] сумма настолько велика, что, если бы весь доход короны за десятилетие можно было направить на ее выплату, ликвидировать ее было бы невозможно. В результате провинции изобиловали бедняками, вынужденными жить насилием и преступлениями, в то время как даже дворянство из-за сокращения своих доходов и солдаты из-за задолженности по жалованью были вынуждены грабить народ.[260] Даже представители судебной власти и духовенства прибегали к незаконной практике.[261] Обычная провинциальная администрация была бессильна подавить столь распространенное зло, корни которого были обнаружены в состоянии общества. Тщетно корона объявляла незаконным обращение к оружию для возмещения ущерба и приказывала губернаторам провинций, судебным приставам, сенешалям и другим подобным должностным лицам оставаться в пределах своей юрисдикции и бдительно поддерживать проректоров-маршалов в подавлении мятежа или незаконных собраний. Некоторые мужчины считали, что средство правовой защиты заключается в более суровых наказаниях, и выступали за отмену апелляции по уголовным

делам, как в Италии и Фландрии.^[262] Но история многих эпох показывает, что социальные болезни сложного общества так не излечиваются. Очевидно, что истинное средство защиты заключалось в поиске причин беспорядков и их уничтожении, и в этом заключалась цель обращения к Генеральным Штатам.

Созыв Генеральных штатов Орлеана и дальнейшие действия правительства по объявлению о созыве национального совета французского духовенства на заседание в Париже 10 января 1561 года, если только Генеральный совет не будет созван тем временем, были эквивалентны обещаниям провести реформы как в государстве, так и в церкви. Двойное объявление было одновременным признанием одной необходимости — реформации.

ГЛАВА III

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ ОРЛЕАНА

Судебное преследование принца Конде и видама Шартрского было возбуждено в ноябре месяце, чтобы пресечь любую активность гугенотов в предстоящих Генеральных штатах.^[263] Гизы заверили и папу, и Испанию, что после казни принца они намеревались послать солдат в провинции под командованием маршалов Сент-Андре, Термеса, Бриссака и Сипьера, чей католицизм был печально известен своей воинственностью, и таким образом либо сокрушить гугенотов, либо изгнать их из страны.^[264] Конде заявил, по совету своего адвоката, адвокатов Клавдия Роберта и Фрэнсиса Марильяка, что как принц крови он должен отчитываться только перед королем и судьями, соответствующими его положению, как пэры Франции, отрицая юрисдикцию обычных судей.^[265] Это последний отказался разрешить на том основании, что король не подавал апелляцию в совет (что, по крайней мере, было практикой короны со времен Франциска I), потому что вынесенное таким образом решение было абсолютным заявлением о воле короля; после чего Конде, по примеру Маркеты, когда его осудил Филипп Македонский, подал апелляцию в верховный суд. Король с плохим советом - королю с хорошим советом. Принц, однако, настаивал на своем требовании до тех пор, пока с помощью хитрости его не вынудили, в некотором роде, взять на себя обязательства; ибо в конце концов он подписал ответ своему адвокату Роберту, в котором обвинение добилось точки зрения, наносящей ущерб ему, хотя хорошие юристы утверждали, что защитник подсудимого не может быть назначен его судьей. Вслед за этим правительство организовало суд, в котором было небольшое количество пэров, чтобы создать видимость соблюдения закона.^[266] При такой практике решение суда было предreshено, хотя даже после признания виновным общее мнение было таково, что принц не будет предан смерти, но что худшим, что могло с ним случиться, было бы заключение в темницах Лоша, где Людовик Сфорца умер в царствование Людовика XII; или что он будет содержаться в заключении в другом месте до достижения совершеннолетия со стороны королевы. о короле и новых событиях.^[267]

Какова была бы судьба Конде, все еще остается проблематичным вопросом, поскольку Франциск II умер в Орлеане 5 декабря 1560 года, и его смерть положила конец всем судебным разбирательствам против принца.^[268] Принц Конде был освобожден 24 декабря и сразу же

отправился в Ла-Фер в Пикардии.[269] Корона перешла к младшему брату умершего короля, Карлу IX, мальчику десяти лет. Его восшествие на престол не было благоприятным. Венецианский посол вполне мог воскликнуть: “Vae tibi terra cujus rex puer est”. [270] Казнь двух кальвинистов в Руане 3 декабря вызвала беспорядки, в ходе которых были закрыты ворота города,[271] а в Бордо серьезный вследствие ареста Конде произошло восстание 1200 человек, так что всеобщее помилование религиозных преступников, объявленное 3 января 1561 года, было мудрым шагом.[272] Все планы, разработанные и подготовленные к исполнению в Орлеане, были нарушены смертью короля. Гизы были в ярости.[273]

Выражалась надежда, что новое правление может быть установлено спокойно, без обращения к оружию, но было много опасений из-за “плохого настроения среди людей из-за религиозного вопроса и их неприязни к существующему правительству”. [274] Многие думали, что в случае смерти короля по всему королевству может начаться всеобщее восстание для проведения религиозной и административной реформы, поскольку Карл IX, будучи несовершеннолетним, будет поставлен под руководство короля Наварры, старейшего и ближайшего принца крови, который, согласившись с требованиями гугенотов, либо из склонности, либо из неспособности проводить религиозную реформу. подавив их, мы открыли бы дверь для такого курса. Другие полагали, что Гизы не будут свергнуты, но что, имея в своем распоряжении военные ресурсы, сосредоточенные вокруг Орлеана, они будут стремиться внушить страх оппозиции и сохранить свою власть, найдя средства с разрешения папы выдать Марию Стюарт замуж за нового короля.[275] Был третий класс, который справедливо предположил, что королева-мать, если не сможет установить регентство в свою пользу, будет натравливать партии друг на друга таким образом, чтобы иметь возможность самостоятельно осуществлять большой контроль. Следуя этому двойному курсу, Екатерина тайно подстрекала короля Наварры и принца Конде, сообщая, что действия, недавно предпринятые против последнего, были предприняты по совету Гизов. В то же время она дала Гизам понять, что жестокие чувства, которые испытывали к ним принцы Бурбонов, противоречили ее желанию и удовольствию и что именно они пытались заставить Гизов отчитаться за свою администрацию.. Поскольку констебль, казалось, контролировал баланс сил, и королева-мать, и Гизы начали соревноваться за его благосклонность,[277] Екатерина преодолела свою старую вражду из-за страха перед Гизами.[278] Между Гизами и Монморанси вражда была слишком велика для какого-либо *сближения*, так что Гизы пытались противостоять коалиции Екатерины Медичи и коннетабля, заигрывая с Антуаном Наваррским, чья податливая натура с готовностью поддавалась их уговорам, сказав ему, что Филипп II, вероятно, будет склонен восстановить свое утраченное королевство Монморанси. Наварра или предоставить ему эквивалент на Сардинии, в случае проведения с его стороны сильной католической политики.[279]

Екатерина Медичи, однако, благодаря скорости своих действий и, возможно, в немалой степени из—за непопулярности кардинала Лотарингии,[280] взяла верх над Личинами, правительство было организовано вокруг королевы—матери и трех принцев Бурбонских, короля Наваррского, кардинала Бурбонского, принца Конде, коннетабля, трое Шатийонов - адмирал Колиньи, кардинал Одетт и д'Андело - герцог де Монпансье и принц де ла Рош-сюр-Йон.[281] Герцог Омальский, маркиз Эльбуф, великий приор Франции, а также кардиналы Лотарингии и Гиз, все братья герцога Гиза и кардинала Лотарингии, покинули двор одновременно,[282] но если гордость Гизов и была уязвлена, они этого не показали. За ними последовали все роты ордонанса, как кавалерийские, так и пехотные, которые были отправлены в Орлеан.

Но Екатерина Медичи смотрела дальше существующего порядка вещей и планировала провести коронацию как можно скорее, думая, что это устранил многие трудности, связанные с меньшинством короля[283] и наделит его достаточной властью, чтобы назначать таких губернаторов, каких ему заблагорассудится.[284] Она нашла способ договориться в Тайном совете (27 марта 1561 г.), что она и король Наварры в качестве генерал-лейтенанта должны править совместно, королевская печать находится у обоих и хранится в сундуке, от которого у каждого должен быть свой ключ. Этот хитрый ход предоставил Екатерине исключительную опеку над личностью Карла IX и обеспечил ей, по крайней мере, равную власть в регентстве.[285] В то же время был отдан приказ послам и другим лицам, желавшим аудиенции, просить ее у королевы-матери через секретарей.[286] Благодаря этому новому порядку стало ненужным отчитываться о своих делах в первую очередь либо кардиналу Лотарингии, либо коннетаблю, либо кому-либо еще, как это обычно делалось раньше; но сразу же обращаться к королеве, которая, если вопрос потребует передать на рассмотрение совета, могла предложить это и дать ответ в соответствии со своим решением. Поскольку ни один из этих советников не превосходил другого, вся власть была в руках Екатерины. Она хорошо разыграла свои карты и выиграла. Герцог де Гиз утратил влияние при дворе, и коннетабль “был удовлетворен потерей своего авторитета, чтобы нанести ущерб своим врагам”.[287] Франция начала осознавать тот факт, что королева, которая вела уединенную жизнь во время правления своего мужа, в правлении своего сына проявляла ту способность к государственным делам, которая была наследственным достоянием ее семьи. В качестве королевы-матери она хорошо держала короля в узде. Она никому, кроме себя, не позволяла спать в его спальне; она никогда не оставляла его одного. Она правила так, как если бы была королем. Она назначала на должности и в бенефиции; она даровала помилование; она хранила печать; ей оставалось сказать последнее слово на совете; она вскрывала письма послов и других министров. Те, кто раньше думал, что она робкая женщина, обнаружили, что ее мужество было велико; и что, подобно Льву X и всему его дому, она владела искусством лицемерия.[288]

Гугеноты возлагали большие политические надежды на внезапную революцию и с нетерпением ждали созыва Генеральных штатов, в то время как католики надеялись, что меры предосторожности, принятые во время выборов, обеспечили избрание людей, выступающих против любых новшеств в вопросе религии.[289] Первое заседание состоялось 13 декабря.[290] Л'Опиталь, канцлер, выступил с красноречивым и серьезным призывом в пользу гармонии между членами, пытаясь отвлечь их от религиозной вражды, указывая на огромную необходимость административной и политической реформы, настаивая на том, что корень нынешнего зла следует искать в судебной ошибке, обременительных налогах, служебная коррупция и т.д.[291]

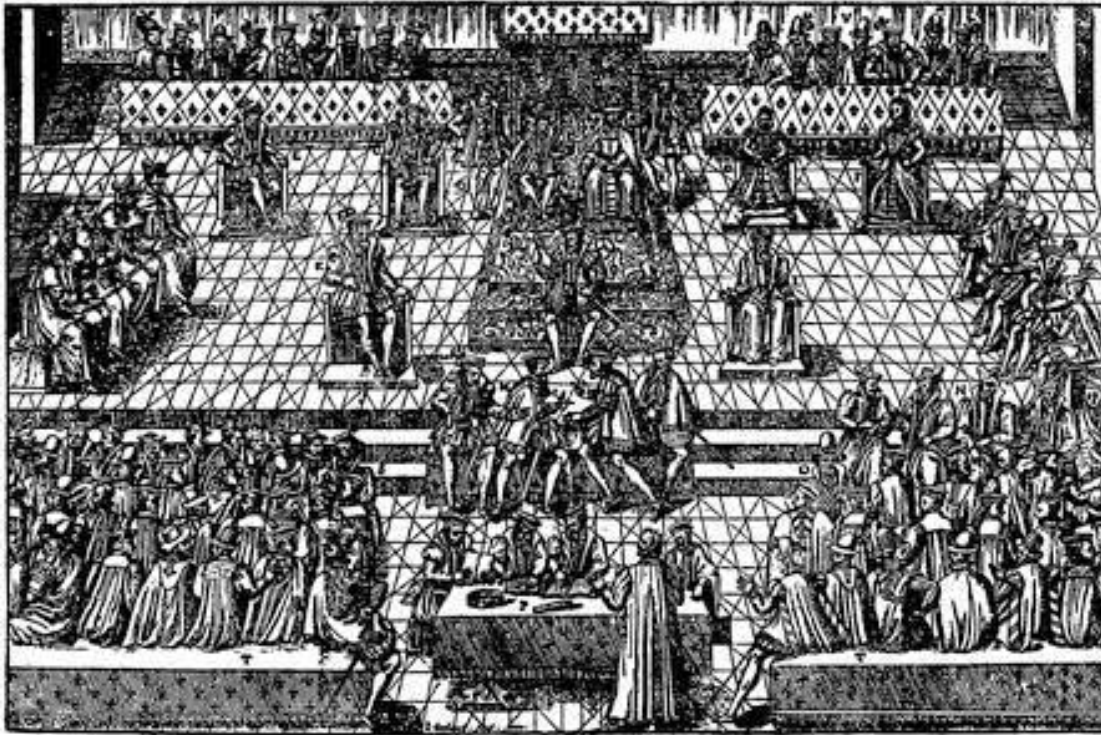
Он приписывал религиозный интерес вырождению церкви и выступал за ее тщательную реформу, говоря, что духовенство дало повод для введения новой религии, хотя он и избегал вдаваться в вопрос о достоинствах ее доктрин.[292] Он указал на нужды Франции и необходимость гражданского и религиозного согласия и в своем выступлении призвал к серьезной патриотической поддержке мальчика-короля, “ибо никогда не было отца, независимо от того, какого сословия или состояния, который когда-либо оставлял маленького сироту, более вовлеченного, более в долги, более стесненного, чем наш юный принц из-за смерти королей, его отец и его брат. Все издержки двенадцати или тринадцати лет долгой и

непрерывной войны легли на его плечи; нужно оплатить три грандиозных брака и другие вещи, о которых слишком долго рассказывать; владения, вспомогательные средства, соляные склады и часть *тайля* были отчуждены”.[293]

Однако, несмотря на усилия канцлера выровнять курс, государственный корабль в самом начале столкнулся с бурной водой. Было сомнительно, что из сессии что-нибудь получится, поскольку разногласия между делегатами были бесконечными, отчасти из-за разнообразия их поручений и просьб, с которыми им приходилось обращаться, отчасти из-за индивидуального каприза. Палата общин и духовенство с готовностью согласились встретиться вместе, но многие представители знати столкнулись с трудностями. Некоторые из жителей Гиенны и некоторых частей Бретани, Нормандии и Шампани не согласились бы вести переговоры с правительством без нового поручения, заявив, что их поручение принадлежит покойному королю Франциску II — выдумка тех, кто не был удовлетворен нынешним правительством и не любил верховенство королевы.[294] Заметив это препятствие, королева послала за президентом Ла-Рошели и велела ему составить список с автографами всех несогласных и передать его ей. Но никто не осмелился первым подписать этот список. Это была восхитительная ловкость со стороны Кэтрин. Она делала крупную ставку, потому что, если бы сословия согласились с новым правительством, они определенным образом одобрили бы его легитимность с общего согласия.

Наконец, после недельной задержки, в течение которой *документы* делегатов были переданы и классифицированы, обсуждение было возобновлено. Три главными вопросами, стоявшими перед сословиями Орлеана, были религия, финансы и регулирование деятельности судебных инстанций. Три сословия по порядку, начиная с палаты общин, представили каждое свое дело. Оратор третьего сословия, *сторонник короля* в Бордо, потребовал созыва генерального совета для разрешения религиозных споров; дисциплины духовенства, которое он осуждал в резких выражениях; их преобразования в манерах и морали; пересмотра правосудия и снижения налогов.[295] В целом палата общин, по-видимому, желала общего помилования для всех мятежников и восстановления благосклонности каждого; чтобы выборы прелатов были упорядочены таким образом, чтобы обеспечить выдвижение подходящих лиц для реформирования жизни и обычаев духовенства; и чтобы доходы церквей были ограничены лицами, назначенными для этой цели.[296]

Представитель дворянства, некто Жак де Силли, сьер де Рошфор, сослался на библейский авторитет, помимо ассирийской и классической истории, чтобы доказать, что дворянство было предопределено Богом и признавалось людьми всех времен опорой государства. Речь представляла собой тщательно сформулированное изложение политических интересов и притязаний знати. Даже религия была подчинена их политическим целям, некоторые дворяне представили письменный меморандум с просьбой разрешить каждому крупному феодальному собственнику устанавливать, какое богослужение он может выбрать на своих землях, по примеру поселения в Аугсбурге в 1555 году (*cujus regio, ejus religio*).[297]

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ ОРЛЕАНА

(Торторель и Периссин)

Духовенство, естественно, соблюдало каноны и католический ритуал. Они были объявлены “органом и устами” Франции, и в доказательство их превосходства цитировалось много исторических и доктринальных трудов. Свобода выборов в вопросах церковных должностей, отмена злоупотребления *налогом*, который, как жаловались, вымогался у церкви не один раз, а четыре, пять, шесть и даже девять раз в год, а прелатов сажали в тюрьму за неуплату, что привело к уничтожению богослужения в церквях; подавление ереси (таким образом, рано заклеянной как *претенду реформации*) и королевская поддержка авторитета священнического сословия - таковы были четыре требования клерикального ордена.^[298] Заседания стали менее утомительными благодаря смелой атаке депутата на преследование религии, который потребовал, чтобы гугенотам разрешили иметь свои собственные церковные здания — требование, которое было подкреплено горячим протестом адмирала Колиньи против высказывания Квинтена, клерикального оратора.^[299]

Что касается религии, возникли серьезные вопросы. Приведет ли терпимое отношение к религии к гражданской войне? Приведет ли это к окончательному изменению веры Франции? Изменит ли это, в конце концов, и само государство? Генеральные штаты отказались углубляться в эти проблемы. Петиция протестантов не была упомянута.^[300] В конце концов было решено даровать всеобщее помилование всем по всему королевству, не обязывая никого отречься или делать какое—либо другое каноническое отречение - предложение, которое полностью противоречило конституции церкви и было расценено Римом как выходящее за рамки полномочий короля и его Совета, компетентности в вопросах такого рода, относящихся к священнослужителям, а не к мирянам.^[301] Давление третьего сословия, а также влияние Колиньи, Лопиталья и других заметны в этой мере. Ибо в Тайном совете было решено, что, если

Генеральный совет не состоится до июня, Национальный совет соберется во Франции. В этом нельзя было отказать сословиям, которые этого требовали; и эта уступка, по-видимому, поначалу привела к тому, что все три сословия согласились не отречься от старой религии. К этому следует добавить еще одну причину, а именно то, что, хотя большая часть духовенства, особенно епископы, одобряли старую религию, все же многие из знати одобряли новую.[302]

Можно было бы предпринять еще более благосклонные действия по отношению к гугенотам, если бы осторожность Екатерины и ее боязнь слишком сильно поссорить Гизов не послужили сдерживающим фактором. Теоретически считалось, что помилование правительства не может быть даровано ни тем, кто *проповедовал* кальвинистскую доктрину, ни королевским судьям, имевшим авторитет в городах и провинциях Франции, которые ее поддерживали. Но было молчаливо признано, что никто не должен был подвергаться судебному преследованию за ересь по этому поводу. В Орлеане люди поклонялись в гугенотской форме, а в Париже — чудо из чудес — *католическим* проповедникам было рекомендовано прекратить оскорблять “лютеран” и гугенотов и не выступать против их сект или мнений — приказ, обычно интерпретируемый как согласие Тайного совета всем придерживаться таких мнений о вере, которые наиболее соответствуют их представлениям.[303]

Следствием вопроса о религии было то, что касалось управления церковью. Было принято несколько замечательных постановлений, направленных на искоренение злоупотреблений в церкви, особенно на предотвращение продажи пособий. Избрание епископов было выведено из-под прямой юрисдикции короля и передано духовенству, и, чтобы удовлетворить народ, было добавлено, что двенадцать дворян и двенадцать простолюдинов вместе с губернатором и судьями города, в котором должен был быть избран епископ, должны были объединяться с духовенством при выборах, предоставляя мирянам ту же власть, что и духовенству. Был также решен другой вопрос, который, несомненно, вызвал неудовольствие папы, а именно, что деньги больше не должны направляться в Рим на аннаты или на другие сочинения в счет бенефиций, на том основании, что эти сборы привлекали большие суммы денег из королевства и были причиной его бедности. Даже выплата Питерских пенсов вызвала у некоторых возмущение. Епископ Вьенский публично заявил, что с удивлением и печалью наблюдал за терпением, с которым французский народ переносил эти налоги, “как будто, - сказал он, - воск и вощина короля не стоили столько, сколько свинец и вощина Рима, которые стоили так дорого”. [304] Как бы ни казалось странным, если бы Папа не был предварительно проинформирован об этом, сословия избрали одного из президентов парламента отправиться в Рим, чтобы отчитаться перед Папой по этому вопросу, не столько просить его об одолжении у Папы, сколько просто изложить причины, побудившие правительство принять такое решение. Заметна сильная склонность многих во Франции, католицизм которых не может быть подвергнут сомнению, умалить папскую власть и утвердить старые галликанские свободы. Папской власти пришел бы конец, если бы сословия решили наложить лапу на церковную собственность, как того желали многие люди.

Двумя другими вопросами, стоявшими перед сословиями, были вопросы правосудия и финансов. В отношении первого ничего не было сделано. Ибо, несмотря на всеобщее недовольство, вопрос был слишком сложным, поскольку все судебные должности были проданы, и для того, чтобы сместить тех, кто их купил, необходимо было бы возместить убытки

владельцам, чего тогда нельзя было сделать. Соответственно, существовали шансы на то, что отправлен правосудия, скорее всего, будет идти от плохого к худшему.[305]

Основная работа орлеанских сословий была связана с реорганизацией финансов королевства, управление которыми было тесно связано с будущим правительством. Долг короны составлял более сорока миллионов франков (более восемнадцати миллионов крон).[306]

Возможно, здесь уместно дать краткий обзор финансовой политики французской короны в XVI веке. При Людовике XII *taille*, который был основным налогом и падал на крестьян, был снижен примерно до шестисот тысяч экю, что немного превышало сумму, первоначально установленную при Карле VII. Франциск I увеличил его до двух миллионов. Во времена Людовика XII общий доход составлял едва ли два миллиона; его преемник довел его до пяти, включая *династии* духовенства.[307] Когда расходы правительства стали превышать поступления, Франциск I прибегнул к чрезвычайным мерам, то есть к увеличению налогов, к новым займам или к новым формам налогообложения. В 1539 году он ввел лотерею в Италии. Эти экстраординарные методы не проходили никакой процедуры одобрения, даже на *государственных счетах*. Иностранцы были поражены легкостью, с которой король Франции добывал деньги по своему усмотрению. Франциск I вчетверо увеличил *власть* на суше и даже имел наглость возвести ее в пятую степень. В целом народ платил безропотно, хотя в 1535 году в Лионе вспыхнуло восстание из-за изменения в *помощниках*, которого потребовала корона; а в 1542 году произошла серьезная вспышка в Ла-Рошели из-за обременительного введения *габели*.

Автором новых финансовых мер 1539 года был канцлер Пойе, человек способный, который своим продвижением по службе был обязан благосклонности Монморанси. Ему принадлежит несколько превосходных мер, в первую очередь многочисленные указы, касающиеся неотчуждаемости королевских владений, которые он провозгласил в качестве основного закона монархии, закона, который слабые преемники Генриха II отвергли. Он также пытался подавить нечестную администрацию в провинциях. Таким образом, он призвал к ответу маршала Монжана, чьи поборы в Лионе вызвали многочисленные жалобы, и Галиота де Женульяка, сира д'Асира, чьи хищения были огромными. Эти меры возымели бы благотворный эффект, если бы отправлен правосудия во Франции было независимым и честным. К сожалению, репутация честного Пойета была не так велика, как следовало бы министру, и его политика нажила ему много врагов.

Доходов Франциска I, какими бы большими они ни были, Генриху II было недостаточно, возобновление войны продолжало увеличивать его потребности. При нем увеличение *габели*, десятины и других специальных налогов довело общую сумму доходов до шести с половиной миллионов экю, что еще не спасло короля от необходимости производить отчуждения и займы, которые достигли на день его смерти четырнадцати миллионов экю, около тридцати шести миллионов франков.[308]

Практика французского правительства по предоставлению займов, практика, которая сегодня стала для нас привычной в колоссальных масштабах как в Европе, так и в Америке, возникла задолго до Столетней войны. Людовик Святой заключал различные займы у тамплиеров и итальянских купцов для своих крестовых походов.[309] Филипп Красивый заимствовал у итальянских купцов, у тамплиеров и у своих подданных.[310] Его война с Эдуардом I Английским и его предприятия в Италии увеличили сумму, так что его сыновья унаследовали значительный

государственный долг. Столетняя война чрезвычайно усилила его. У нас мало средств узнать, каковы были процентные ставки по большинству государственных займов четырнадцатого и пятнадцатого веков, но, вероятно, в большинстве случаев они были высокими. Карл VIII в 1487 году установил процентную ставку по займу, выданному в Нормандии, в размере двенадцатитурнских денье за каждый ливр, что не превышало 5 процентов. Семь лет спустя, когда он готовился к итальянской кампании, была получена ставка в два су за ливр, что примерно соответствовало 10 процентам.

Во времена прямых королей Валуа большая часть государственных займов размещалась в провинциях, таких как Нормандия и Лангедок. Но, начиная с Франциска I, город Париж все чаще становился местом, где корона получала финансовую помощь, настолько, что надзор за *арендой платой* отеля-де-Виль стал отдельным административным управлением королевского казначейства, хотя не следует понимать, что отныне операции правительства ограничивались исключительно Парижем; поскольку ссуды продолжали выдаваться везде, где это было возможно, городам, корпорациям, духовенству, частным ростовщикам и банкирам. Следует понимать, что эти *ренды* со столицы были технически заменой несколько сомнительного кредита короны кредитом города Парижа.[311] Начиная с этой даты (1522 г.) во Франции государственные займы приняли форму бессрочной ренты, выплачиваемой в Отель-де-Виль в Париже. Но другие города, такие как Орлеан, Труа, Тулуза и Руан, также снабжали короля деньгами в виде ежегодной ренты.

Помимо Парижа, церковь Франции была главной опорой государственных финансов, и поскольку инициирование *ренды* принадлежит Франциску I, то этому королю также можно приписать и второй способ. В 1516 году, по случаю *конкордата*, Лев X разрешил Франциску I ввести новую десятую часть, теоретически отличающуюся от *dîme* французского духовенства, под предлогом войны с турками. Новая десятина взималась только королевскими чиновниками на основании грандиозного обзора имущества духовенства (*Генеральное описание жизни в Англии*), проведенного в этом году. В этом финансовом обзоре были указаны налог или квота каждого пособия и общая сумма десятины в каждой епархии. Отныне многочисленная десятина могла взиматься только по воле короля. Однако, чтобы скрыть произвол такого поведения, корона иногда указывала о своей цели Риму, который выдавал необходимое подтверждение, но чаще король обращался к самому духовенству, объединенному в ассамблеях епископов в Париже и в провинциальных или епархиальных собраниях. Согласие духовенства было не более чем формальностью, поскольку королевская власть заранее установила сумму, подлежащую выплате. Епархиальному собранию ничего не оставалось, как распространить самозванку. Эта уступка папы последовательно возобновлялась под разными предложениями в течение ряда лет под именем *дона каритатифа* и была эквивалентна другой десятина, практика, продолжавшаяся год за годом и, наконец, превратившаяся в постоянную форму налогообложения, требуемого от духовенства, настолько, что при Генрихе II получатели “дара” были учреждены в каждой епархии.[312]

Расточительность и плохое управление с самого начала характеризовали правление Генриха II. Вскоре казна была полностью истощена. Резерв в четыреста тысяч золотых экю, который Франциск I накопил для ведения войны в Германии, почти не задолжав, за исключением швейцарцев, выплаты которым Франциск I продолжал, чтобы продлить свой союз с ними, были израсходованы в течение нескольких месяцев, и правительству пришлось прибегнуть к увеличению налогообложения и введению новых налогов. *Запрет* на соль, от которого до сих

пор были освобождены Пуату, Сентонж и Гиенна и который теперь был введен в этих провинциях, поднял ужасное восстание, которое не было подавлено до тех пор, пока не было совершено много насилия и пролито много крови. Возобновление войны против Карла V и вторжение в Лотарингию, вдобавок к ненасытным требованиям двора, потребовали новых финансовых средств. Не менее восемнадцати раз за двенадцать лет правления Генриха II к эшевинам Парижа обращались с просьбой снабдить короля денежными суммами. Таким образом, от столицы потребовали четыре с половиной миллиона. Чтобы получить эти суммы, которые народ отказался выдавать безвозмездно, король был вынужден пойти на крайнее унижение. Так, в 1550 году на общем собрании верховных судов духовенства и буржуазии было сообщено, что “король, будучи вынужден давать деньги англичанам и не имея в своей казне никаких денег, кроме изуродованных монет, которые нельзя было вернуть, вынужден предложить эту изуродованную монету в качестве обеспечения государственного займа”. Как и следовало ожидать, это не очень заманчивое предложение не привлекло главу купцов, к большому огорчению короля, который, однако, согласился на небольшую отсрочку. Но три года спустя Генрих II был еще менее бесстыден. Хотя со стороны городских торговцев по-прежнему наблюдалось такое же нежелание брать банкноты короля, эта небольшая трудность была легко преодолена королевскими агентами. Если деньги не поступали, в буфетах богатых парижских буржуа было достаточно золотой и серебряной посуды, чтобы соответствовать назначению, а указ от 19 февраля 1553 года предписывал определенным лицам приносить на монетный двор свои золотые и серебряные сосуды, для которых правительство выпускало свои банкноты.

Но Париж был не единственным городом, к которому почти постоянно обращались с просьбой удовлетворить потребности короля. Каждый год и даже каждый месяц характеризовался новым спросом, и во многих городах Франции время от времени взимались налоги на суммы, которые, однако, не были обеспечены без сопротивления королевских казначеев. Лион, который был в ту эпоху центром торговли, более развитой даже, чем Париж, чаще, чем какая-либо другая, подвергался таким операциям. Столь своевольное поведение, естественно, привело не только к озлоблению против правительства, но и к деморализации торговли. Государственный кредит обесценился до такой степени, что процентная ставка выросла до 14 процентов.^[313] За двенадцать лет правления Генриха II на народ Франции было наложено больше налогов, чем за восемьдесят предшествующих лет, кроме того, многие земли короны были растрачены. Естественно, наступили “трудные времена”.^[314]

Некоторые члены Генеральных штатов выступали за то, чтобы привлечь финансовых чиновников к ответственности и обязать их представить список всех субсидий, которые были предоставлены в пользу великого и влиятельного при дворе Генриха II. Но более хладнокровные считали, что этой политике нельзя следовать из-за влиятельного положения вовлеченных сторон и что это приведет лишь к новым волнениям.^[315] Вместо этого было принято решение о сокращении. Стипендии джентльменов королевской свиты и *финансового рода* были сокращены наполовину, а все пенсии - на треть,^[316] за исключением иностранцев на королевской службе, у которых, как предполагалось, не было другого источника дохода. Это последнее положение вызвало протест на том основании, что иностранцы могли быть наняты таким образом только во время войны, за исключением шотландской гвардии.^[317] Даже это было сокращено, сто латников и сотня лучников были уволены. Королевские конюшни и конюшни-загоны также были разобраны, а лошади и соколы проданы.^[318]

Однако было необходимо нечто более конструктивное, чем простая экономия, и бремя уплаты королевских долгов тяжелее всего легло на духовенство. Отчасти это было связано с огромным богатством церкви; отчасти с тем фактом, что духовенство ворвалось туда, куда другие боялись ступить, и, официально заявляя о своем превосходстве как в государственных, так и в церковных делах, приступило к проверке королевских счетов, которые знать и палата общин были слишком осторожны, чтобы проверять.[319] Дворяне утверждали, что их не касается вопрос выплаты долгов короля, утверждая, что они платили свои взносы в пользу короны личной службой во время войны.[320]

Еще на ассамблее в Фонтенбло дальновидные советники короля указали, что доходы церкви должны быть направлены в пользу правительства, и в настоящее время ведутся переговоры с Римом в поисках такого соглашения.[321] Папа не был столь яростным противником такой политики, как можно было бы подумать на первый взгляд, поскольку он был основательно напуган перспективой созыва во Франции национального совета французского духовенства и был расположен пойти навстречу. Но, конечно, пришлось прибегнуть к обходному методу, поскольку церковь не потерпела бы неприкрытого налогообложения церковных доходов политической властью. Получившаяся договоренность носила характер политической “сделки”. При том понимании, что французский собор созываться не должен, французской короне было разрешено выделять триста шестьдесят тысяч дукатов в год в течение пяти лет из доходов церкви,[322] условием субсидии, теоретически, было содержание Францией флота для действий против турок.[323]

Когда все это было сделано и король получил в письменном виде просьбы трех орденов, Генеральным штатам был объявлен перерыв[324] до первого мая собраться в Понтуазе для завершения урегулирования дел,[325] для согласования с церковью потребовалось время, поскольку присутствующим прелатам не было поручено заключить такой договор.

ГЛАВА IV

ОБРАЗОВАНИЕ ТРИУМВИРАТА

Соперничество фракций, возникшее в ходе сессии Генеральных штатов в Орлеане, было настолько велико, что этот разлад в сочетании с волнениями, царившими на почве религии, казался предзнаменованием гражданской войны, и “каждое происшествие интерпретировалось в соответствии со страстями заинтересованных лиц”. [326] Дело о хранении печати на какое-то время вызвало ожесточение между герцогом де Гизом и королем Наварры, пока первый не вышел из политики, а второй либо из-за политики, либо из-за недостатка мужества не примирился. Гизы поняли, что смерть Франциска II нанесла им серьезный политический удар, и Екатерина была достаточно проницательна, чтобы понимать, что, хотя она контролировала печать, она была хранительницей власти короля. Принц Конде был двойным источником трений. Во-первых, парижский парламент все еще ждал суда над ним за государственную измену.[327] Королева-мать стремилась урегулировать дело во внесудебном порядке, поскольку в случае вынесения приговора (что было маловероятно) вся семья Бурбонов была бы опозорена, как и ранее, из-за измены констебля Бурбона в 1527 году, и

в случае оправдания принц не успокоился бы, пока не был отомщен своим врагам. Соответственно, она распорядилась, чтобы от имени короля было написано письмо, в котором парламенту предписывалось прекратить это дело. Но непреклонный дух принца возмущал этот процесс, и его недовольство переросло в яростный гнев, когда герцог де Гиз рекомендовал сжечь все улики и прекратить судебное преследование, хотя, по его мнению, юридически Конде не мог быть оправдан, поскольку судебный процесс до сих пор доказывал его причастность к лионскому восстанию.[328] Обеим сторонам Екатерина Медичи неизменно отвечала, что написала письмо для того, чтобы уладить дела принца Конде к его чести и всеобщему удовлетворению, и что печать находится в ее руках. 15 марта принц был повторно принят в Тайный совет; но парламент не был расположен так легко прекращать дело и долго обсуждал этот вопрос, наконец, 13 июня, сделав официальное заявление, которое должно было понравиться всем заинтересованным сторонам и не удовлетворило ни одну.[329]

Новым источником трений стало вакантное правительство Шампани, которое королева передала герцогу Немурскому. Это оскорбило Антуана Наваррского, потому что он хотел, чтобы это звание было присвоено принцу Конде.[330] К этим разногласиям, наконец, следует добавить недавнее постановление Тайного совета, принятое в соответствии с одной из резолюций Генеральных штатов, о том, что все епископы, включая кардиналов, должны вернуться на свои кафедры.[331] Этим постановлением были отстранены некоторые лидеры обеих партий, кардинал Лотарингский, с одной стороны, и кардинал де Шатийон, с другой, к замешательству обеих сторон. Только кардиналу Турнону, чей преклонный возраст делал его безвредным и который действительно хотел провести остаток своей жизни в уединении, и кардиналу Бурбонскому, чей легкий нрав также делал его безвредным, было разрешено остаться при дворе.

Король Испании Филипп II внимательно следил за всем, что происходило во Франции с начала осени 1560 года, и был тщательно информирован своим неутомимым послом. Его беспокойство по поводу смерти Франциска II и нового направления дел во Франции было настолько велико[332] что в январе Филипп отправил дону Хуана де Манрике, своего великого магистра артиллерии, в Орлеан якобы для выражения соболезнований и поздравлений,[333] но на самом деле, чтобы привлечь на свою сторону констебля, ужесточить политику французского правительства по отношению к гугенотам, убедить его отказаться от проекта национального совета,[334] и продвигать цели Филиппа относительно брака Марии, королевы Шотландии, с доном Карлосом, сыном Филиппа.

Екатерина Медичи вскоре разгадала и цель, и опасность, и ее тревога была соответственно велика, потому что растущая с каждым днем неразбериха в королевстве из-за религии делала вмешательство Испании все более возможным,[335] Один из двух результатов казался неизбежным: либо все закончится тем, что у гугенотов появятся церкви, в которых они смогут проповедовать, читать и совершать свои обряды в соответствии со своими обычаями. доктрина без помех, поскольку они временно получили церкви в соответствии с декларацией Фонтенбло в конце августа в соответствии с резолюцией, представленной адмиралом; или же повиновение папе и католическим обрядам будет обеспечиваться острием меча, что приведет к явному и определенному разделению в королевстве, следствием чего станет гражданская война. Когда Франциск II умер, многие из тех, кто бежал в Женеву и Германию после заговора в Амбюазе, вернулись во Францию. Поскольку правительство Карла IX открыло новое правление декларацией веротерпимости (7 января 1561 г.), которая, хотя Кальвин и не одобрил ее,[336] все

же может с полным основанием рассматриваться как либеральный указ. Протестанты не замедлили воспользоваться переменами и вернулись из Швейцарии и Германии и возобновили свою пропаганду, одним из этапов которой было очернение Рима и Гизов до такой степени, что король подал протест в Сенат Женевы по поводу их злоупотреблений.[337] Париж вскоре наполнился проповедниками-гугенотами из Женевы, которые полагались на раскол в совете или защиту лиц, находящихся у власти, для поддержания нового эдикта.[338]

В некоторых провинциях, таких как Нормандия,[339] Турень, Пуату, Гасконь,[340] и большая часть Лангедока, В Дофине и Провансе открыто проводились собрания. Гиен, спасший Бордо, был сильно заражен ересью.[341] Новая религия проникла так глубоко, что затронула каждый класс людей, даже самую церковную организацию, не только священников, монахов и монахинь, но даже епископов и многих главных прелатов. Среди всех классов были сторонники гугенотов, среди дворянства, возможно, более явно, чем среди любого другого класса.[342] Конгрегации Руана и Дьеппа обратились к королю за разрешением открыто проповедовать слово Божье. В Дьеппе кальвинисты раз в день собирались в большом доме, “в компании мужчин, женщин и детей более 2000 человек”. [343] В апреле произошли восстания гугенотов в Анже, Мане, Бове и Понтуазе, а в июне - в Тулузе.[344] В Бове, когда кардинал Шатийонский, который был тамошним епископом, распорядился провести кальвинистскую службу и совершить причастие в своей часовне “по женевскому обычаю”, каноники и многие другие люди “собрались в большом количестве, чтобы исполнить свою злую волю в отношении кардинала”. Некоторые были ранены и убиты в беде, а один бедняга был доставлен к кардинальским воротам и сожжен.[345] Аналогичные беспорядки произошли в Париже 28 апреля вечером возле Пре-о-Клер.

В результате этих эксцессов дело приняло еще более серьезный оборот. Новая мера запретила собрания гугенотов даже в частных домах; и все люди любого положения в *Париже* были обязаны[346] Позиция Парижа была зловещей на будущее. Население было стопроцентно католическим и враждебно относилось к религиозным изменениям,[347] и пользовалось решительной поддержкой Сорбонны и парламента.[348] Сорбонна свободно дала понять, что она никогда не подчинится никакому приказу, изданному в ущерб католической религии, утверждая, что всякий раз, когда корона меняет веру, люди освобождаются от клятвы верности и не обязаны подчиняться.[349] Слова “гражданская война” были на устах у всех, кто внимательно наблюдал за событиями. “Между двумя партиями правосудия так мало боятся, - писал герцог Бедфорд, - а политике отводится так мало места, что следует опасаться более серьезных вещей”. [350]

Ответственность за колебания правительства в это время года не следует возлагать полностью на Екатерину Медичи.[351] Следует помнить, что Франция находилась под двойным регентством и что слабость короля Наварры существенно осложняла дела. В этот момент он, казалось, склонялся к вере Рима в надежде примирить Филиппа II Испанского, чтобы вернуть королевство Наварра. Испанский посол и Гизы, естественно, максимально использовали его устремления, причем первый сказал Антуану, что, хотя невозможно добиться от его католического величества того, чего он требует, простой силой, он может заключить справедливое соглашение с Филиппом, сохранив Францию в истинной вере.[352]

В течение этих месяцев напряженности и беспорядков посол разработал схему, которая в принципе принадлежала Филиппу II, но детали были согласованы лично Шантонне. Цель состояла в том, чтобы сформировать группу влиятельных лиц при дворе, которые должны были начать с жалоб на политику правительства, а затем перейти к угрозам и мрачным намекам на недовольство Испании, наконец, представ перед Екатериной смелым фронтом и вынудив ее отказаться от своей политики выжидания и умеренности. Констебль Монморанси был объективным лидером этой клики, и его склонение к этому предприятию было одной из секретных целей миссии дон Хуана де Манрике. Хотя этот посланник привез письма, выражающие уважение Филиппа ко всем самым знатным католикам при французском дворе, между ними существовало различие. Король Испании написал общее письмо герцогу де Гизу, коннетаблю, герцогу Монпансье, канцлеру и маршалам Сент-Андре и Бриссаку,[353] и совместное послание кардиналам Лотарингии и Турнона.[354] Но Монморанси и Сент-Андре также получили по отдельному письму. Это различие показывает удивительно тонкую проницательность посла Филиппа, поскольку этим двоим было суждено стать двумя из трех столпов знаменитого Триумvirата.[355] В ответ кардинал Лотарингии поспешил сообщить Филиппу II о своей глубокой заинтересованности в поддержании благосостояния католицизма.[356] Но потребовалось время и ловкость, чтобы преодолеть предубеждение констебля против Испании и его привязанность к племянникам.[357]

Тем временем, прежде чем удалось убедить констебля, заговорщики добились значительных успехов, привлекая на свою сторону Клода де л'Обеспайна. Это проложило путь к поступку, который, если бы Екатерина Медичи могла об этом знать, поверг бы ее в настоящий ужас. Брат Клода де л'Обеспина Себастьян, епископ Лиможский, был послом Карла IX в Испании. 4 апреля 1561 года последний направил Филиппу II, королю Испании, секретное письмо, в котором описывал беспорядки во Франции и благодарил его от имени королевы за “услуги бонс и роидд” Шантонне.[358]

Совпав с этим событием, ситуация во Франции достигла апогея именно так, как планировали Филипп и его посол. На этом этапе Монморанси занял решительную позицию. Когда коннетабль увидел, что в эти великопостные дни свободно едят мясо; что протестантская служба проводится в покоях адмирала и принца Конде; что Екатерина Медичи пригласила Жана де Монлюка, еретического епископа Валанса, проповедовать при дворе в пасхальное воскресенье, дух старого воина восстал. Напрасно его старший сын, маршал Монморанси, утверждал, что опасения его отца были преувеличены, а его предрассудки слишком глубоко укоренились. Старик был тверд в своих убеждениях, в которых его поддерживала его жена, Мадлен Савойская, ярая противница кальвинизма.[359] Более того, политические, а также религиозные требования партии гугенотов, особенно требования некоторых местных сословий, которые выступали за радикальные реформы, встревожили его. Вся мощь политических гугенотов была направлена против коннетабля, герцога де Гиза, кардинала Лотарингии и маршалов Бриссака и Сент-Андре, лидеры партии были полны решимости призвать их к ответу за их казнокрадство во время правления Генриха II и его преемника и заставить их отказаться от выданных им чрезмерных субсидий.[360]

Вечером 6 апреля 1561 года Монморанси, поговорив с королевой, пригласил герцога де Гиза, герцога де Монпансье, принца Жуанвиля, маршала Сент-Андре и кардинала Турнона отобедать с ним. В его апартаментах образовалось знаменитое объединение, названное гугенотами Триумvirатом, в котором главными были коннетабль, Гиз и Сент-Андре.[361]

Подготовка Гизов в течение предыдущего года позволила Триумвирату быстро разработать свои планы. На испанские, итальянские, немецкие и швейцарские войска можно было рассчитывать и они были собраны в течение очень короткого времени. Эти силы должны были быть разделены под командованием герцога Омальского и трех маршалов - Бриссака, Терма и Сент-Андре. Чтобы содержать эти войска, католическое духовенство должно было оцениваться в соответствии с доходами, которыми оно пользовалось: кардиналы получали от 4000 до 5000 ливров в год; епископы от 1000 до 1200; аббаты от 300 до 400, приоры от 100 до 120; и так далее, вплоть до капелланов, ежегодное жалованье которых составляло всего 30 ливров и которым платили всего несколько су. Но поскольку были необходимы какие-то срочные средства, золото и серебро некоторых церквей и сокровища некоторых монастырей должны были быть немедленно конфискованы, при этом были выданы расписки в стоимости изъятого золота и дано обещание, что вскоре будет произведено возмещение за счет конфискаций, произведенных у еретиков.[362]

План Екатерины Медичи управлять страной через констебля Монморанси и адмирала,[363] оставив Антуану Наваррскому лишь номинальную власть, получил неожиданный шок, когда был создан триумвират. Ее политика была полна сомнений и страхов и колебалась больше, чем когда-либо.[364]

Но более грозной, чем проект организации восстания внутри страны, продвигаемый таким образом Триумвиратом, была принятая им внешняя политика. Триумвират официально обратился к Филиппу II за помощью.[365] Ответ последовал незамедлительно, хотя королевское слово было предусмотрительно сформулировано в расплывчатых выражениях.[366] Что еще хуже, Антуан Наваррский более чем когда-либо склонялся к вере Рима в надежде примирить Филиппа II Испанского.[367]

Человеку менее тщеславному и легковверному, чем Антуан Бурбонский, такое предложение, как восстановление Наварры, на первый взгляд показалось бы абсурдным. Помимо удара по престижу, который любая потеря территории наносит нации, достаточно взглянуть на положение испанской Наварры, чтобы понять, что Испания могла бы лучше позволить себе проиграть войну за границей, чем расстаться с этим ключом к перевалам западных Пиренеев. Нет необходимости подробно рассказывать историю о сменяющих друг друга надеждах и страхах Антуана, о его больших ожиданиях и о пустых обещаниях, данных ему.[368] Должность, которую занимал Антуан, а не сам человек, сделала его важным для Франции и Испании. По этой причине его попеременно уговаривали, высмеивали и угрожали в течение более чем года; и все это время жалкий слабак колебался в своей политике.[369] Удивительно видеть, как успешно Антуан следовал ловким советам Шантонне и уклончивым ответам Филиппа II. Это была тонкая игра, поскольку существовал постоянный страх, что он обнаружит, что его одурачили в Испании, и убедит королевскую-мать и принца Конде присоединиться к нему в отмщении за причиненные ему обиды, что не было невозможным, как заметил Гранвелла, "учитывая, что благоразумие не всегда руководит действиями людей".[370]

Игра была тем сложнее, что Антуан больше всего на свете хотел восстановить свой королевский титул. Если бы он захотел стать вассалом Испании, как сказал Шантонне Сент-Андре, была бы тысяча способов удовлетворить его. Но Испания и помыслить не могла об отчуждении какой-либо из своих провинций, тем более таких пограничных владений, как Наварра или Руссильон.[371] Снова и снова принц Конде говорил своему брату, что он дурак, раз поддался

на такие уговоры, а Жанна д'Альбре саркастически говорила, что отпустит своего сына на мессу, когда наследство его отца будет восстановлено.[372] Когда игра, вероятно, была доиграна, и Антуан, обнаружив, что красивые слова не умягчают пастернак, начал жаловаться или дерзко буйствовать,[373] возможной была предложена замена королевства Наварра, которое Антуан не хотел оставлять в качестве испанской зависимости[374]. В один момент это была Сиена, в другой - графство Авиньон, в третий - датская корона, которую предстояло заполучить благодаря влиянию Гизов. Однако самым заманчивым предложением в глазах Антуана была Сардиния.[375] В обмен на корону Сардинии, Антуан был готов оставить все крепости острова во владении Испании; и отдать своих детей в руки Филиппа в качестве заложников.[376]

Это отступление несколько предвосхитило ход событий. Карл IX был коронован в Реймсе 15 мая (День Вознесения).[377] Объявленное совершеннолетие и коронация ее сына, похоже, придали Екатерине нового мужества, поскольку, несмотря на угрозу, подразумеваемую при формировании триумvirата, она по-прежнему трудилась в интересах дела гугенотов. 13 июня, как мы видели, парижский парламент объявил об окончательном освобождении принца Конде от ответственности,[378] и в следующем августе между принцем и герцогом де Гизом было достигнуто, по крайней мере, внешнее примирение.[379]

Воодушевленные позитивным отношением королевы-матери и колебаниями короля Наваррского, гугеноты выступили в защиту веротерпимости и 11 июня 1561 года обратились к королю с просьбой через представителей церкви, рассеянных по всему французскому королевству.[380] Они заявили, что сообщения об их отказе платить налоги и подстрекательстве к мятежу были ложными и клеветническими; они умоляли короля прекратить все преследования против них; что он освободит тех из них, кто находится в тюрьме, и что он разрешит им строить церкви, поскольку их число было настолько велико, что частных домов больше не хватало; наконец, предлагая дать гарантии, что на их собраниях не будет подстрекательства к мятежу, и обещая всяческое законное повиновение.

Королева-мать передала это прошение в Тайный совет, но поскольку оно касалось столь важного вопроса, совет счел, что оно должно быть передано в парламент, а также рассмотрено принцами крови и всеми пэрами и советниками Парламентского суда.[381] Католическая партия была вполне готова следовать этому курсу, будучи уверенной, что парламент в своем официальном качестве откажется зарегистрировать указ с такой целью. Но "Опиталь"[382] и Колиньи надеялись, что интерес и авторитет принцев крови и других влиятельных лиц все-таки смогут провести его через парламент.[383] Однако в итоге ничего положительного сделано не было, и окончательное решение было отложено до тех пор, пока не состоится совещание епископов и другого духовенства, которое было созвано в Пуасси, недалеко от Сен-Жермена, на конец месяца.[384] Тем временем должно было быть принято предварительное постановление — Июльский эдикт, аналогичный эдикту Роморантена. Это дало церкви, как и прежде, полную осведомленность о преступлении ереси и лишило парламент, судебных приставов, сенешалей и других судей какой-либо юрисдикции. В каждом случае местные церковные суды должны были действовать первыми; изгнание должно было быть самым суровым наказанием за ересь; лжесвидетели должны были наказываться так же, как обвиняемый был бы действительно виновен; была объявлена амнистия за прошлые преступления; и ношение огнестрельного оружия было запрещено в городах или где-либо еще, за некоторыми исключениями, под страхом штрафа в 50 золотых крон.[385] Соответственно, в течение короткого времени

протестантские собрания появлялись так же часто, как и раньше, хотя кальвинистское духовенство, казалось, стало более сдержанным в своих высказываниях.[386]

Этот хитроумно разработанный указ, хотя и казался вынесением приговора, на самом деле обходил стороной рассматриваемый вопрос. Все еще оставалась достаточная свобода действий для проведения протестантских собраний, и, более того, даже несмотря на то, что церковные дела должны были передаваться в духовные суды, гугеноты были защищены исключительной оговоркой (за исключением правонарушений, признаваемых светской властью).[387] Такая ограниченная терпимость, проявляемая с такой осторожностью, была, вероятно, всем, что могло быть безопасно предоставлено гугенотам в то раннее время. Но они были далеки от того, чтобы видеть вещи в таком свете. Горячие головы среди них на своих собраниях и в общественных местах использовали самые жестокие выражения, принижая католическую церковь и ее таинства.[388] В некоторых местах народные чувства против священников были настолько сильны, что они были вынуждены, ради безопасности своих жизней, изменить свои костюмы и не носить за границей одежды священнослужителей, не брить длинных волос, бороды и не показывать никаких других знаков, которые указывали бы на то, что они священники или монахи.[389]

ГЛАВА V

РАЗГОВОР В ПУАССИ. ВЛАДЕНИЯ ПОНТУАЗА. УКАЗ От ЯНВАРЯ 1562 г.

Летом 1561 года во Франции были созваны две отдельные ассамблеи: закрытая сессия Генеральных штатов в Понтуазе и конференция лидеров двух религий в Пуасси. В некотором смысле дело политических гугенотов было представлено в первом, дело религиозных гугенотов - во втором, хотя обсуждения двух ассамблей были в конечном итоге объединены в документе, известном как Акт Пуасси. Выборы в провинциях, на каждые из которых было выдвинуто по два человека[390] представителей от каждого бейливика королевства, позволили оппозиции официально заявить о себе,[391] так что корона у него было раннее представление о том, какого рода законодательство, вероятно, будет востребовано. Делом поместий было найти выход из финансовых трудностей, которые одолевали короля.[392]

Представитель третьего сословия, некто Жан Бретень, мэр Отена, после утомительного пролога, обильно насыщенного библейскими и классическими преданиями, наконец перешел к сути дела: в многозначительном абзаце он подвел итог бремени, возложенному на народ войной и расточительностью двора за последние двадцать лет, заявив, что у народа настолько нет ни гроша в кармане, что ему нечего дать королю, “кроме доброй и лояльной воли”. Дело дошло до того, что ни простая экономия, ни даже честное и эффективное управление, хотя этого требовал и обещал король, не могли спасти будущее.[393] Огромные ресурсы духовенства должны быть направлены на восстановление обветшалых финансов монархии; церковь должна прийти на материальную помощь государству, как во времена Карла Мартелла. Весь доход, утверждал он, должен быть взят со всех должностей, бенефиций и церковных достоинств, которые фактически не исполнялись ни лично, ни в титульном качестве, включая рыцарей Родоса и госпитальеров

Святого Иакова; все плоды бенефиций в судебных разбирательствах, которые собиратели привыкли получать во время судебных разбирательств, должны быть присвоены государством, так же как и деньги умерших епископов и монахов. Более того, у всех бенефициаров, фактически проживающих в своих бенефициариях, должна изыматься четверть дохода в случаях, когда доход составлял от 500 до 1000 ливров; у лиц с доходом от 1000 до 3000 ливров - одна треть; у лиц с доходом от 3000 до 6000 ливров - половина; у лиц с доходом от 6000 до 12000 ливров - две трети. Тем из духовенства, чьи доходы превышали 12 000 ливров и выше, должно было быть разрешено удерживать 4000 ливров, излишек использовался для погашения долгов короля, за исключением случаев, когда бенефициарами были епископы, архиепископы, приматы и кардиналы, которым должен был быть разрешен доход в размере 6000 ливров. Что касается монашеских орденов, то вся их казна и доходы должны были быть присвоены, за исключением средств, достаточных для их содержания, содержания их зданий и благотворительности. И это было еще не все: все дома, сады и недвижимость в городах или предместьях, фактически не используемые для церковных нужд, подлежали конфискации правительством; духовенство должно было быть обязано платить налоги за богатую мебель, произведения искусства или украшения, предоставленные им в пользование либо на долгие годы, либо бессрочно. Наконец, все земли, приносящие доход в денежной или натуральной форме, в виде нефти, вина и зерна, в случае передачи в аренду или смены контроля, должны были быть объявлены подлежащими выкупу. Если этих мер окажется недостаточно, то придется прибегнуть к более решительным средствам, а именно к прямой продаже церковного имущества. Спикер утверждал, что это может быть легко продано на сумму в двадцать шесть миллионов ливров, что составит не более трети имущества церкви; оставшейся частью должна управлять заслуживающая доверия комиссия, которая после выплаты стипендий духовенству в указанных выше суммах должна направить остаток на выплату долгов короны.[394]

Эта грозная программа, которая предполагает политику, фактически проводимую Францией в 1789 году, несмотря на горячее заявление констебля о том, что выступающий с ней оратор должен быть повешен,[395] оказалась настолько разумной, что правительство, не вдаваясь в предложенные крайности, увидело, что момент благоприятен для получения важной помощи от духовенства. Духовенство, с другой стороны, было достаточно проницательным, чтобы понимать, что для спасения своего имущества им придется пожертвовать частью его. Сначала они предложили короне премию в десять миллионов ливров, от которой она отказалась как от слишком маленькой суммы и потребовала большей субсидии.[396] Наконец было заключено временное соглашение на основе 1 600 000 ливров годового дохода, взимаемого с виноградников духовенства, чтобы удовлетворить текущие потребности короля.[397] Но необходимо было сделать что-то более фундаментальное, чем это, поскольку эти меры обеспечивали короля средствами только на текущие расходы и не допускали погашения долга или возвращения земель короны, которые были заложены примерно за тридцать миллионов франков. Этот вопрос был предметом расследования и дебатов в течение последующих ноября и декабря. Наконец, была разработана схема, согласно которой все королевские владения должны были быть выкуплены духовенством в течение шести лет, а оставшаяся часть долга должна была быть погашена еще в течение шести.[398]

Пуасси-Понтуазский контракт содержит два важных условия: первое - денежный дар королю; второе - выкуп духовенством владений короны и погашение долга. Если бы этот договор соблюдался, это сделало бы бесполезными другие собрания духовенства, но невыполнение его сделало необходимым проведение последующих собраний 1563 и 1567 годов, которые, так

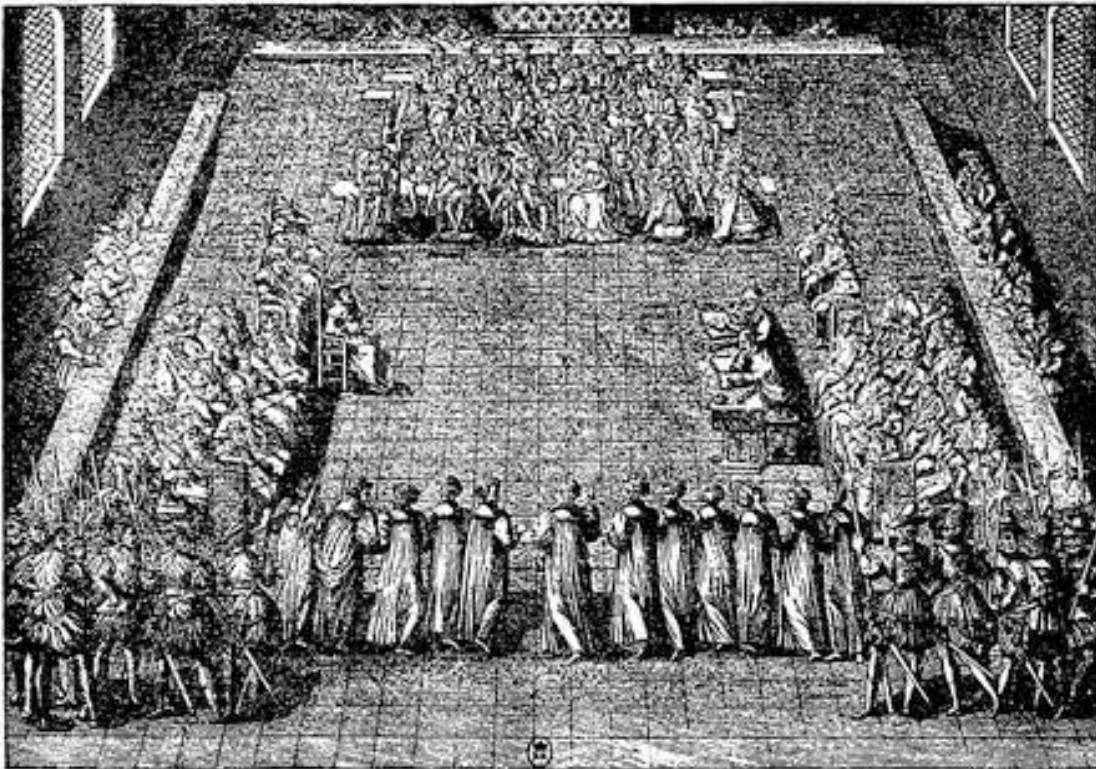
сказать, установили правило периодичности и назначили следующую сессию на 1573 год. К 1567 году духовенство выполнило свое первое обязательство и заявило, что готово возобновить второе, предоставив главе купечества *изшевинам* Парижа гарантии, требуемые для погашения *ренты*. Но король в то же время настаивал на продолжении субсидии в размере 1 600 000 ливров. Духовенство протестовало, требуя от него соблюдения договора в Пуасси. Корона настаивала на продолжении, но в качестве “сервитута” отказалась от притязаний на “светскую десятину”, взимавшуюся ранее, и впервые предоставила духовенству право собирать налоги своими собственными агентами и право рассматривать в суверенном качестве все дела, которые могли возникнуть в связи с этими финансовыми вопросами. Правительство соблюдало эту конвенцию не лучше, чем первую, и в дополнение к чрезвычайным субсидиям — два миллиона ливров в 1572 году, почти половина из которых была растрочена герцогом Анжуйским в Польше, — прибегло к принудительному отчуждению церковного имущества, как в 1563, 1568, 1574 годах, которые были произведены по приказу короля, без обращения к папскому утверждению. Покупатели не нуждались в новом кредите. Процентная ставка упала до 5 процентов. осенью 1561 года в результате этих мер и при условии, что гражданскую войну удастся предотвратить, казалось вероятным, что пришедшие в упадок финансы могут быть восстановлены.[399]

Одновременно с заседанием сословий в Понтуазе для решения финансового вопроса религиозный вопрос обсуждался доктринальными лидерами католицизма и кальвинизма в Пуасси.[400] Это торжественное собрание было созвано в июне, чтобы собраться второго числа следующего месяца,[401] несмотря на противодействие духовенства и Испании, которые предупредили Екатерину, что такая уступка приведет к катастрофе.[402] Но последовала задержка, и ассамблея фактически не собиралась до сентября, поскольку члены не спешили с прибытием.[403] Условия, регулирующие встречу в Пуасси, были опубликованы в совете 8 августа, а именно, что духовенство не должно быть судьями; что принцы крови должны председательствовать на диспуте и что различные разбирательства должны быть достоверно зафиксированы заслуживающими доверия лицами.[404] В отношении других вопросов кальвинистам пришлось пойти на некоторые уступки, чтобы избежать упрека в кажущемся уклонении от обсуждения. В ожидании официального открытия конференции в Пуасси Беза был приглашен придворными выступить перед королем, королевой-матерью, королем Наварры и Советом. Все слушали его с большим вниманием, пока он не начал отрицать Реальное Присутствие, когда католическая партия попыталась остановить его выступление, воскликнув, что это богохульство, и Беза и его сторонники наверняка были бы изгнаны, если бы их оппоненты не были сдержаны королевской властью и вынуждены были выслушать до конца. В заключение кардинал Турнон призвал короля оставаться твердым в вере своих предков,[405] и не допустить, чтобы Франция была сведена к швейцарской кантональной системе.[406]

Многие представители духовенства заявили, что не на коллоквиуме следует определять эти моменты, а решать Генеральному совету; более того, утверждалось, что, поскольку делегаты испанского духовенства вскоре будут проезжать через Францию по пути в Трент, почему бы им не помочь так же, как и остальным?[407] Кэтрин, как говорят, имела в виду, что не должно быть споров о догме. Но есть некоторые основания полагать, что она смешала догму с обрядами и обрядностями церкви,[408] и несомненно, что гугеноты были полны решимости довести свою привилегию свободы слова до самого предела. Действительно, условия, выдвинутые Безой, легли в основу петиции, представленной реформатскими лидерами Карлу IX.[409]

Когда собралась конференция, была предпринята большая попытка сохранить секретность. Никому не разрешалось входить, кроме тех, кто был официально назначен;[\[410\]](#) герцог де Гиз носил ключи от конференц-зала, и в начале каждого заседания проводился тщательный обыск, чтобы найти тех, кто мог спрятаться.[\[411\]](#)

Основные спорные моменты касались использования изображений; отправления таинства крещения; причащения; мессы; возложения рук и призвания служителей и, наконец, рассмотрения возможного согласия в доктрине, в котором были затронуты обычаи первоначальной церкви и причины разделения.[\[412\]](#)

РАЗГОВОР В ПУАССИ

(Торторель и Периссин)

На второй день конференции (16 сентября) выступил кардинал Лотарингии, остановившись на следующих основных моментах: во-первых, король, будучи членом церкви, а не ее главой, не может выступать в качестве судьи в вопросах религии и вероисповедания, но подчиняется церкви, как и любой другой христианин; во-вторых, определение власти церкви распространялось даже на князей.[\[413\]](#)

Однако вскоре стало очевидно, что попытка примирить католическую и кальвинистскую партии невозможна и что политика правительства по примирению вызывает недовольство.[\[414\]](#) Требования гугенотов, основанные на аргументах Безы, были следующими:

1. Епископы, аббаты и другие духовные лица никоим образом не должны назначаться судьями гугенотов ввиду того факта, что они были их противниками.

2. Чтобы все разногласия оценивались и решались в соответствии с простым словом Божиим, содержащимся в Новом и Ветхом Заветах, поскольку реформатская вера была основана только на нем, и чтобы там, где возникали какие-либо трудности с толкованием слов, следовало обращаться к оригинальному еврейскому и греческому тексту.[415]

Эта вторая статья с самого начала была камнем преткновения. В этой статье отрицалась вся католическая доктрина о предании, имеющем равный вес со Священным Писанием. Действительно, с самого начала было очевидно, что три вещи будут приниматься во внимание: (1) смена религии; (2) авторитет папы римского; (3) возможное отчуждение церковной собственности.[416] Такое положение вещей, вместе с тем фактом, что продление сеанса повлекло за собой большие расходы,[417] привело к изменению плана. Пять человек, епископ Валенсии, архиепископ Санса и м.м. Салиньяк, д'Эспанс и Бутелье, были назначены королевой и согласованы духовенством для переговоров с пятью представителями кальвинистов, а именно с Питером Мартиром,[418] Беза, Де Галлар, Марбора и Д'Эспин. [419] Еще через десять дней прелаты и министры прекратили совещаться и собрались уходить.[420] Ассамблея Пуасси самораспустилась 18 октября, ничего не добившись,[421] за исключением доктринального еще большего разъединения протестантского мира, которое в противном случае могло бы возможно, у него был бы собственный совет, состоящий из французов, шотландцев, англичан, немцев, датчан, швейцарцев и шведов, чтобы противостоять Тридентскому собору.[422]

Два дня спустя кардинал и герцог де Гиз покинули двор, несмотря на настоятельные просьбы королевы-матери оставить их здесь, в сопровождении герцогов Немурского и Лонгвильского и других знатных особ, а также собрав шестьсот или семьсот всадников. Внешне не было никаких признаков недовольства. Сразу после этого констебль тоже ушел, выразив недовольство толерантной политикой правительства. На протяжении всего процесса в Понтуазе (и в Пуасси) было ясно, что канцлер Франции Лопиталь и адмирал держат главное руководство делами в своих руках, хотя королева-мать и король Наваррский обладают большей властью.[423]

Ватикан внимательно следил за событиями во Франции, и в начале июня 1561 года папа решил отправить кардинала Феррары Ипполита д'Эсте во Францию в качестве легата.[424] Основными пунктами его миссии при французском дворе, куда он прибыл 14 сентября, были обращения к французской короне с просьбой о том, чтобы аннаты по-прежнему оставались доходом папы римского; о том, чтобы не было смены религии и обрядов в церкви; просить короля признать Тридентский собор и прервать совещание в Пуасси.[425] Но когда легат предъявил свои верительные грамоты по просьбе канцлера, который поставил под сомнение его полномочия, сословия протестовали против публикации каких-либо булл или писем папы без согласия короля и печати.[426] Парламент Парижа пошел еще дальше и отказался подтвердить королевские письма-патент. Но королевский совет отменил это решение и признал полномочия легата, хотя Лопиталь упорно отказывался скрепить действия совета государственной печатью.

Кардинал начал свои переговоры с того, что предложил Папе отказаться от десятин и субсидий, требуемых церковью, и пообещал всю помощь, которую Его Святейшество может оказать с честью, при условии, что постановление сословий Орлеана, запрещающее выплату аннат, которое было подтверждено сословиями Понтуаза, не будет выполнено. Нунций утверждал, что это действие было нарушением конкордата 1516 года и что принцип в данном случае был определен Базельским советом и принят Карлом VII в качестве Прагматической санкции.

Соответственно, нунций потребовал отменить действия, предпринятые в отношении собственности церкви, и вернуть вещи в то состояние, в котором они находились изначально.^[427] Но аргументы кардинала не возымели действия. Исполнение нового закона продвигалось вперед. Первой провинцией, где это было применено, была Гиенна — в составе правительства короля Наварры, затем Турени и Орлеана.^[428]

Возможно, еще более заинтересованным наблюдателем за французскими делами, чем папа, был Филипп Испанский. Распространение ереси во Франции, захват тамошней церковной собственности, отношение французской короны к Тридентскому собору, неуверенность в поведении Антуана Бурбонского — все это было тревожными фактами для испанского правителя. Филипп коротко сказал Екатерине и ее сыну, что ее правительство должно отказаться от своей политики слабости и лицемерия, что ее курс подвергает опасности слишком много душ и что необходимо использовать принудительные меры.^[429] Герцог Альва имел смелость заявить, что, если правительство Франции не возобновит строгие репрессивные меры Генриха II и не накажет каждого еретика, Его католическое величество был полон решимости пожертвовать благосостоянием Испании и даже своей собственной жизнью, чтобы искоренить вредителя, которого он считал опасным как для Франции, так и для Испании.^[430] Поодиночке и все вместе епископ Лиможский (который все еще находился при испанском дворе) и Д'Озанс, сожалея о злобе времени и “бедствиях, о которых все знали”, пытались оправдать свое правительство на том основании, что кальвинизм стал неизбежным злом во Франции и что лучше проявить к нему определенную терпимость, чем ввергнуть страну в пожар и война. Они указывали на обсуждения ассамблеи Фонтенбло, Генеральных штатов Орлеана, на *постановления* парламента и выводы Понтуаза и Пуасси в качестве доказательства; они утверждали, что королева-мать и король Наварры — однако они были осторожны, чтобы не называть его так в присутствии Филиппа — имели “совершенное и искреннее намерение” не допустить роста ереси во Франции; “скандал и возмущение” еретической проповедью никогда не будут допущены в Париже или при дворе, хотя протестантам было необходимо разрешить проповедовать. имели собственное богослужение за пределами некоторых городов; что целью короны было никогда не изменять истинной религии; что Франция не была враждебна Тридентскому собору, но в своем бедственном положении была, естественно, нетерпелива; и, наконец, они умоляли короля Испании не показывать своего гнева, а дать “совет и утешение” ради дружбы, которая существовала между их страной и его страной, и ради упокоения христианского мира.^[431]

Этот призыв не был услышан. Филипп холодно ответил, что Франции бесполезно ожидать совета или помощи от Испании, пока ее правительство терпимо относится к ереси в какой бы то ни было степени; что те при дворе, кто были гугенотами, такие как адмирал и принц Конде, должны быть немедленно высланы, а все остальные должны быть принуждены; что с точки зрения религии было богохульством разрешать гугенотам иметь какие-либо места отправления культа, а с политической точки зрения было самоубийством терпеть их, поскольку “в религии никогда не могло быть чего-то нового без потери послушания церкви”. светская власть", в доказательство чего король указал, что в некоторых провинциях Франции люди отказывались платить десятину и налоги, в то же время торжествуя утверждая, что он лучше осведомлен о событиях, происходящих во Франции, чем в Испании; что касается Тридентского собора, то немцы не будут иметь к нему никакого отношения и Испания в нем не нуждается, в то время как

Францию раздирают еретические споры, так что вполне можно сказать, что собор заседал только в интересах Франции.[432]

Одним из моментов, на котором Филипп II серьезно остановился в беседах, которые он дал двум послам Франции, было порочное воспитание, в рамках которого воспитывался брат Карла IX Генрих, герцог Орлеанский. Он решительно осудил гугенотское окружение молодого принца. Поэтому не показалось совпадением, что в ноябре был раскрыт заговор с целью захвата герцога Орлеанского — впоследствии Генриха III, — которого католики должны были сделать *капо партии*. Поговаривали даже, что заговорщики намеревались также устранить короля и королеву Наваррских, Конде и адмирала с помощью яда. Герцог Немурский был обвинен в том, что был главным автором этого, и должен был увезти молодого герцога в Лотарингию или Савойю.[433] Этому предположению придали большую вероятность, когда вся компания Гизов внезапно покинула двор и отбыла в Лотарингию. Но Кэтрин еще не была запугана, хотя и благоразумно прекратила расследование, которое начала, когда обнаружила улики, ведущие к Эскуриалу и Ватикану.[434] Несмотря на предзнаменования, она все еще придерживалась среднего курса. Правительство решило направить в Трент двадцать пять епископов и двух архиепископов, хотя они отправились “очень неохотно”. [435] В то же время служителям реформатских церквей было разрешено проповедовать в частных домах или в садах, окружающих жилые дома (возведение церквей запрещено), если это происходило без шума.[436] Однажды при дворе проповедовали служители реформатских церквей, когда должны были присутствовать королева Наваррская, принц Конде и адмирал. На следующий день проповедовал либо какой-нибудь кордельер, иезуит, якобинец, миним, либо другая из закрытых сект, и по этому случаю присутствовали король, королева-мать, король Наварры, кардинал Феррары в сопровождении тех, кто склонялся к Римскому престолу. Но от обеих сект требовалась умеренность. Однажды известного проповедника минимов, снискавшего некоторое уважение у католиков своими нападками, ночью тайно вывели из дома и доставили в суд, чтобы он ответил за свои неистовые высказывания.[437]

Но становилось все более очевидным, что события, как внутри Франции, так и за ее пределами, выходят за рамки досягаемости правительства. Гугеноты, иногда, без сомнения, из страха, но нередко и из-за бесстыдства, ходили на службу с пистолетами и фитильными замками, несмотря на законы, запрещающие ношение оружия; у них даже хватало смелости маршировать по улицам, распевая псалмы, к гневу и скандалу христиан-католиков.[438] Вспышка была неизбежна в любое время.

В Париже 12 октября протестанты собрались в количестве 7000 или 8000 человек, чтобы послушать проповедь одного из своих служителей в полумиле от города. После этого католики закрыли ворота, чтобы предотвратить их повторный въезд. Обнаружив, что ворота закрыты, протестанты взломали их, и многие были ранены, а некоторые убиты с обеих сторон.[439] В июле из провинций пришло известие, что герцог Монпансье, отправившись в свой дом в Турени на похороны своей матери и обнаружив во многих городах множество открыто исповедующих кальвинизм в силу своего губернаторства в этой стране, заключил в тюрьму около ста сорока человек в Шиноне. После чего народ, не забывая о его поведении по отношению к ним в предыдущее царствование, когда он сравнивал с землей дома нескольких человек, которые, как ему сообщили, были гугенотами, собрался в большом количестве — как нам сказали, около 12 000 или 15 000, что, несомненно, является большим преувеличением, и двинулся на него так

быстро, что он был осажден в своем доме и вынужден был освободить всех заключенных, чтобы успокоить толпу.[440]

Организованный характер гугенотских волнений в различных населенных пунктах, особенно на юге Франции, не ускользнул от пристального внимания посла Филиппа.[441] В Монпелье в Лангедоке протестантские организации к сентябрю приняли форму определенной лиги с размашистым девизом: “Никаких месс, не больше, чем в Женеве”, деятельность которой была настолько тщательной, что многие католики были готовы эмигрировать в Каталонию.[442]

Столь же грозным, как вооруженная и мятежная религия внутри страны, был ход переговоров обеих сторон за границей. Формирование триумvirата было воспринято обеими сторонами как знак того, что проблема между ними, как и в Германии перед Смалькальдской войной, вероятно, вскоре перейдет из религиозных разногласий и политического соперничества в военное противостояние; и обе стороны соответственно подготовились к этому роковому дню. Естественно, протестантские немецкие князья, которые с большим интересом следили за событиями в Пуасси[443] именно к ним за помощью обратились гугеноты. В мае 1561 года принц Конде отправил Хотмана к главным немецким князьям, умоляя их не отступать от дела истинной религии во Франции и говоря, что Филипп II пытается запугать королеву, чтобы она не шла на какие-либо уступки гугенотам.[444] Тот факт, что некоторые из них, такие как граф Рейнский палатин и ландграф Тюрингии, были кальвинистами, в то время как другие были лютеранами, не был непреодолимым препятствием для сотрудничества, хотя лютеране хотели, чтобы исповедание Аугсбурга сначала было признано во Франции. Но преобладающим мнением было то, что приверженцы обеих протестантских конфессий должны сначала объединиться в стремлении обеспечить свободу вероисповедания и свободу совести во Франции, а затем, по возможности, приступить к установлению единообразия религии.[445] Немецким князьям были сделаны два предложения. Первое заключалось в том, что если Гизы или кто-либо из их сообщников попытаются завербовать солдат в Германии, следует принять меры, чтобы остановить эти попытки; во-вторых, что если Гизы или их сообщники прибегнут к применению оружия против Конде и Колиньи и будут поддержаны Испанией, то им следует оказать помощь. Некоторые из немецких князей сразу согласились с этим последним предложением при условии, что расходы на такую военную поддержку будут покрыты гугенотами; но другие считали, что этот вопрос может быть решен только на общем собрании князей. Круг гугенотских переговорщиков в этот момент был широким, и перспективы у них были радужные. Ибо в это время Дания тоже добивалась расположения Франции. Среди послов, прибывших выразить соболезнования своим государям в связи со смертью Франциска II и поздравить юного Карла, был посланник датского короля, предлагавший выдать его сестру замуж за французского принца, а себя - за Марию Стюарт. Этот предложенный франко-датский союз не мог привести ни к чему иному, как к облегчению протестантского дела во Франции.[446] С другой стороны, перспектива швейцарской поддержки католического дела во Франции была не из приятных. Помимо больших расходов, которые всегда влек за собой этот союз, число католических кантонов уменьшилось из-за отделения Глариса, который недавно перешел в протестантизм, вследствие чего остальные, видя себя ослабленными, обратились за помощью к герцогу Савойскому и папе римскому.[447]

Католики умело подчеркивали разницу между двумя протестантскими конфессиями в надежде не только предотвратить поддержку гугенотов лютеранами, но даже заручиться их помощью против французских кальвинистов. Герцог Гиз лично отправился на совещание с герцогом

Вюртембергским в Саверн (15 февраля 1562 г.),[448] в то время как Филипп II удвоил свои усилия по отчуждению короля Наварры.[449] Поддержка испанского монарха была жизненно важным фактором французской политики. У французских кальвинистов не было ни одного *самого могущественного союзника*, который мог бы поддержать их, такого, каким пользовалась католическая партия при оказании помощи Испании. Англия была единственной протестантской державой, способной соперничать с Испанией, и Англия была слишком осторожна или слишком сильно занята внутренней политикой, чтобы рисковать конфликтами за границей.

И Рим, и Испания в этот момент заняли решительную позицию. Вскоре после окончания конференции в Пуасси консистория курии 10 октября 1561 года приняла решение оказать сопротивление протестантам во Франции.[450] Программа контрреформации, обсуждавшаяся в Тренте, признала Филиппа II светским главой движения (“по общему согласию, шеф-повар и руководитель предприятия”), который должен был подольститься или заставить короля Наварры посвятить себя делу католицизма во Франции, представителем которого был герцог Гиз. должен был быть официально признан лидером. Испанский монарх также должен был оказать давление на императора, чтобы заставить католических князей Германии помешать лютеранам и рейнским кальвинистам поддерживать протестантов Франции. Франция должна быть спасена от саморазрушения как ради религии, так и ради сохранения других католических наций. Время и обстоятельства покажут час такого вмешательства, но все должно быть подготовлено заранее.[451]

Помимо его непреклонных религиозных убеждений, в глазах Филиппа политика также указывала на вмешательство Испании во Францию. Испания, испанская Бургундия и Фландрия были, как заявил Монлюк Валанский, “тройкой плюс прекрасными цветами шапо короля Филиппа”; каждая из них граничила с Францией, а Франция лежала между ними и Испанией, раскалывая испанскую империю подобно клину. В этих обстоятельствах предотвращение ереси во Франции было не просто актом религиозного долга, но актом, продиктованным политической целесообразностью. Более того, Испания могла территориально извлечь выгоду из такой политики. Сын Карла V мечтал заполучить герцогскую Бургундию, которую его отцу не удалось заполучить; три епископства могли быть отняты у Карла IX либо насильственным путем, либо ценой испанской помощи, и, присоединившись к Франш-Конте, они существенно укрепили бы срединно-континентальную дорогу Испании от Ломбардии до устьев Рейна.[452]

Страх перед Испанией и Гизами доставлял Екатерине Медичи больше беспокойства, чем восстания гугенотов.[453] Правительство справедливо опасалось передвижений Филиппа II и предупредило Жуайеза быть настороже против любых попыток перебросить испанские войска через границу.[454] В Кале было отправлено подкрепление.[455] В то же время больше капитанов и рот были отправлены в Мец, где губернатору Вьейвилю было приказано не впускать в город никого, кто, как известно, является Гизаром, поскольку Гизы подозревались в желании передать его Филиппу.[456] На военных постах также были внесены предупредительные изменения в отношении тех, кто, как известно, хорошо пострадал от обличий, изменения все в пользу партии гугенотов.[457] Де Гурдан был удален из Кале, а командование передано сыеру де Граммону, который женился на сестре видама де Шартра; принц де ла Рош-сюр-Йон был назначен лейтенантом короля в Париже; адмирал назначен губернатором Нормандии вместо

герцога Бульонского; Конде был отправлен в Пикардию, где маршал Бриссак недавно подал в отставку по причине болезни.[458]

“Здесь новый огонь, пахнет новым зеленым деревом, новый дым и дует сильный встречный ветер”, - писал Шекерли послу Елизаветы Трокмортону 15 декабря 1561 года.[459] Слова были использованы как мудро, так и необычно. От столицы до каждого края Франции царили волнения, подозрения, заговоры, восстания. Католические ордена начали укреплять аббатства. С каждым днем решимость Кэтрин поддерживать равновесие между двумя религиями порождала все большее напряжение и накал страстей. Насилие угрожающе росло.[460] Ограбление было обычным делом под предлогом поиска еретиков.[461] В надежде улучшить положение вещей корона освободила принца де ла Рош-сюр-Йона от звания лейтенанта и передала его маршалу Монморанси, от религиозной умеренности и популярности которого многого ожидали.[462] Столица Франции в это время года имела странный и ужасный вид. По улицам бродили вооруженные банды. Город больше напоминал пограничный город на осадном положении, чем торговый или университетский городок. Студенты Сорбонны прошли парадом по улицам и пришли на мессу вооруженными, поскольку власти были бессильны их контролировать.[463]

Положение в провинциях было таким же плохим; только здесь перевес, по-видимому, был в пользу протестантов. В Гиенне толпа гугенотов разграбила город, совершила множество бесчинств и, наконец, осадила губернатора Бури в его доме.[464] Худшим событием было убийство Фюмеля, выдающегося юриста из Лангедока, как “врага религии”. [465] Беспорядки произошли в Труа, Орлеане, Осере, Руане, Мо, Вандоме, Бурже, Лионе, Туре, Анже,[466] Базас.[467] Гугеноты Санса возвели церковь за пределами города. Затем, обнаружив, что они численно превосходят католиков, они разграбили сокровищницу собора и разграбили монастыри.[468]

Тем не менее королева-мать упорствовала, прислушиваясь к советам канцлера Л'Опиталя, адмирала Колиньи, принца Конде и его брата Д'Андело, и придерживалась своего решения разрешить гугенотам пользоваться свободой вероисповедания. 3 января 1562 года канцлер обратился с серьезным заявлением о религиозной терпимости в Парламентский суд,[469] за которым последовали самые решительные действия, которые когда-либо предпринимало правительство, а именно издание знаменитого эдикта о веротерпимости от 17 января, известного как Январский эдикт, который был первым, разрешившим исповедание реформированной религии *в общедоступный*. [470]

Этот указ был прямо объявлен *временным* по своему характеру в ожидании решений Тридентского собора, который, по совпадению, открылся на следующий день, 18 января 1562 г., причем первое официальное заседание было назначено на второй четверг Великого поста.[471] В преамбуле говорилось, что действия правительства были предприняты с учетом положения дел, сложившегося в королевстве; что это не должно быть истолковано как одобрение новой религии; и что оно должно оставаться в силе не дольше, чем прикажет король; в нем осуждались “неповиновение, упрямство и злые намерения народа”, которые сделали необходимым даже временное признание кальвинизма. В частности, эдикт предусматривал восстановление гугенотами всего имущества, которым они незаконно владели; он запрещал им *возводить* какие-либо церкви как в городах, так и за их пределами (статья 1) или собираться

для богослужения в их стенах днем или ночью или с оружием в руках (статьи 2, 5). Протестантское богослужение должно было проводиться в дневное время, за городскими воротами, под открытым небом или, если оно проводилось под прикрытием, в зданиях, которые иногда использовались и официально не были освящены как церкви. По этой причине реформатские служители проповедовали, одни в полях, другие в садах, старых домах и амбарах, в соответствии с их особыми склонностями или удобством. Ибо им было категорически запрещено строить какие-либо часовни или вмешиваться в дела церквей, ни под каким видом. Доступ на их собрания всегда должен был быть разрешен королевским чиновникам, то есть судебным приставам, сенешалям, проректорам или их заместителям, но не судебным чиновникам (статьи 3, 6; и дополнительная декларация о толковании от 14 февраля 1562 г.). Более того, сбор денег среди гугенотов должен был быть полностью добровольным, а не в форме взноса или навязывания. Они должны были соблюдать политические законы Римской церкви в отношении праздников и брака, чтобы избежать судебных разбирательств и путаницы в правах собственности; и воздерживаться от укрывательства любого лица, которое могло быть обвинено, привлечено к ответственности или осуждено правительством под страхом штрафа в размере 1000 крон для пожертвования на благотворительность, а также порки кнутом и изгнания (статьи 8, 9, 12). Использование укоризненных или оскорбительных выражений, затрагивающих веру или практику католической церкви, считалось мелким правонарушением (статья 10). Наконец, все протестантские синоды или консистории должны были проводиться с разрешения или в присутствии генерал-лейтенанта соответствующей провинции или его представителя, и уставы церквей должны были быть доведены до его сведения (статья 7 и дополнительная декларация и толкование от 14 февраля 1562 г.).

Чтобы предотвратить мятежи, городским судьям от имени короля был разослан эдикт, согласно которому властям предписывалось разоружить всех католиков в их городах, изъяв у них все виды оружия, и заставить их сдать оружие в местную ратушу или другой общий пункт, где они должны были храниться под охраной *прокурора и эшевинов*.^[472]

Вопрос, заслуживающий рассмотрения, заключался в том, могли ли проповеди реформатов мирно поддерживаться после январского эдикта, временная форма которого постепенно изменялась до тех пор, пока не была обеспечена полная религиозная терпимость, если бы Испания не продолжала вмешиваться во французскую политику, и если бы упорство политических гугенотов не продолжало доводить дело до такой степени, что, наконец, две причины, первоначально отдельные, стали лицевой и оборотной сторонами одного и того же вопроса и должны были выстоять или пасть вместе. С другой стороны, не слишком ли долго откладывались эти уступки короны? Был ли эдикт “мертв с рождения”, как писал Паскье?^[473]

ГЛАВА VI

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. РЕЗНЯ В ВАССИ (1 марта 1562 г.). ОСАДА РУАНА

Развитие событий развивалось так быстро, что противоречило Январскому эдикту почти сразу после его принятия. Продолжающееся отсутствие Гизов при дворе делало их подозрительными,

особенно потому, что между Жуанвилем и Сен-Жерменом часто курсировали посыльные.[474] Сети заговора, сплетенные триумвиратом, с каждым днем затягивались все туже вокруг Франции. Режиссер Шантонне и кардинал Феррары (которые обычно говорили по-испански, когда вместе появлялись на публике, чтобы окружающие могли не понять),[475] планы триумвирата были согласованы, испанский посол предвкушал день, когда сила вытеснит дипломатию.[476]

С момента своего образования, как мы видели, Триумvirат стремился привлечь на свою сторону короля Наварры. Таким образом, поскольку его искали обе стороны, он был сильно раздут чувством собственной значимости. Антуан все еще жил надеждой договориться с Филиппом о Наваррском королевстве и с этой целью все еще вел переговоры как с Ватиканом, так и с Испанией.[477] Но он очень устал от проволочек испанского короля, так что возникла опасность, что нить его терпения лопнет.[478] Если во Франции разразится война и он будет в таком настроении, возможно, будет предпринята попытка захватить Наварру.[479] Вследствие этого возникла необходимость сделать принцу Бурбонов более осязаемое предложение. Это приняло форму требования и обещания. Требование состояло в том, чтобы все гугеноты были изгнаны от двора, а протестантское духовенство изгнано из страны вместе с принцем Конде, братьями Шатийон, канцлером и Монлюком, епископом Валанса. Взамен Антуан должен был получить в награду "королевство Тунис". Это был новый приз, который Испания использовала как наживку на крючок, и постепенно Антуан перешел на сторону Испании и Триумвирата. Забавная особенность этого предложения была не так очевидна для людей того времени, как для нас. Географические знания, даже о средиземноморском побережье, были смутными. Констебль, например, думал, что Тунис - это остров! Но Антуан знал историю и географию лучше, чем Монморанси; он знал, что Тунис был турецким владением, которое Карл V тщетно пытался захватить, и его пришлось соблазнить представлениями о восточной великолепии и грандиозными планами его завоевания, прежде чем он стал пассивным. В ожидании его приобретения Филипп II возобновил предложение о приобретении Сардинии. Тем временем Антуан получил наставления в католической вере от учителя, рекомендованного ему генералом ордена иезуитов,[480] и поссорился с Жанной д'Альбре из-за того, что она не позволила отвести будущего Генриха IV на мессу или разрешить ему присутствовать на крестинах малолетнего сына испанского посла.[481] К марту (1562 г.) стало очевидно, что король Наварры "никогда не был так серьезен на протестантской стороне, как сейчас был в ярости на другой".[482]

Но если испанский посол говорил ласковые слова королю Наварры, то совсем иначе он обращался к Екатерине Медичи. От имени своего государя он потребовал изгнания Жанны д'Альбре от двора, обязательного обучения Генриха Наваррского католической религии и так обоснованно оценил ее за укрывательство Колиньи и Д'Андело при дворе, что возмущенная королева-мать потребовала его отставки,[483] приказал маршалу Сент-Андре вернуться в свое правительство,[484] и констебль удалились в Шантийи, и подумывали сделать то же самое со старым кардиналом Турноном. Эта процедура оскорбила Антуана, который приписал ее поведение Колиньи и его брату, и в результате он более чем когда-либо склонялся к Триумвирату.[485] Наконец в Вербное воскресенье (22 марта) Антуан бросил жребий и отправился к мессе, вернувшись со службы с эмблемой праздника в руке.[486]

При дворе все еще царил поверхностный мир, но в провинциях уже царило состояние войны. Sens,[487] Аббевиль,[488] Тур, Тулуза, Марсель, Туль в Лотарингии,[489] и больше всего кагора и Ажена,[490] там, где фигурировал ужасный Монлюк, были сцены беспорядков и кровопролития

в зимние месяцы, в которых Гугеноты, как правило, подвергались жестокому обращению.^[491] В Ажене было настолько плохо, что правительству пришлось уделять ситуации больше внимания, чем обычно. Карл IX призвал губернатора Гиенны подавить “эксцессы, вооруженные силы, насилие, религиозные обряды, условия и авантюристические выходки в ночь на воскресенье” и приказал консулам города прислать ему имена тех, кто нарушил мир.

При таком положении вещей требовалась только искра, чтобы вся страна загорелась. Только силой можно было урегулировать непримиримый конфликт, и вскоре к нему пришлось прибегнуть. Война, безусловно, ожидалась обеими сторонами. Но вопреки ожиданиям, она была спровоцирована не испанской интервенцией, а вспышкой внутри Франции. Именно резня при Васси 1 марта 1562 года ввергла страну в гражданскую войну.

РЕЗНЯ В ВАССИ, 1 марта 1652 г.

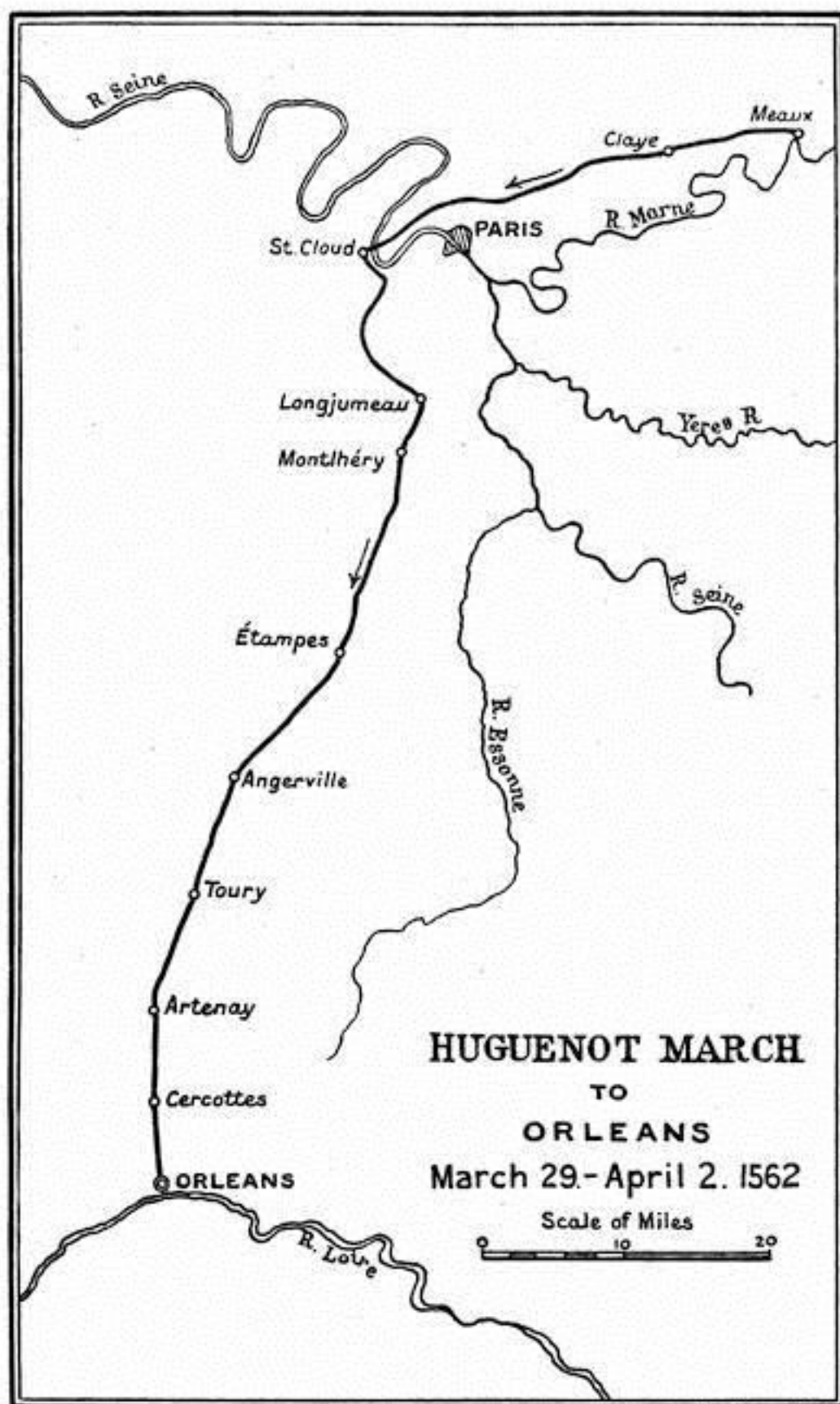
(Биб. Нац., Эстампес. *Histoire de France*, Q. b.)

Герцог де Гиз провел зиму, как мы видели, работая в интересах Триумvirата. 15 февраля 1562 года у него была конференция в Саверне с герцогом Вюртембергским, которого он ловко убедил в том, что кальвинисты стремятся втянуть немецких протестантов в свою собственную ссору, тем самым обеспечив его нейтралитет в случае гражданской войны. Вскоре после своего возвращения во Францию герцог покинул Жуанвиль с намерением вернуться ко двору. Когда он проезжал через Васси,^[492] его свита столкнулась с конгрегацией гугенотов, совершавших

богослужение в сарае за городом. Хотя служба проходила в строгом соответствии с январским эдиктом, это зрелище разозлило герцога, сторонники которого напали на отряд, и последовала знаменитая резня. Это было 1 марта 1562 года. Вопрос о том, насколько сильно протестанты спровоцировали это нападение, остается спорным. Сам герцог и сторонники католиков с тех пор утверждают, что сначала в него бросили камни. Вероятно, абсолютная истина никогда не будет известна. Ранке, пожалуй, лучше всего подводит итог вердикту истории в утверждении, что “независимо от того, планировал герцог резню или нет, достаточно того, что он ее не предотвратил”.^[493] Две недели спустя, 16 марта, герцог де Гиз в сопровождении главных членов своего дома, за исключением кардинала Лотарингского и герцога Эльбуфского, прибыл в Париж. Столица, давно узнавшая новости о Васси, приняла его радостно.^[494] Уворот Сен-Дени его встретили констебль и его четверо дюжих сыновей, старший из которых был губернатором города, четыре маршала Франции и двадцать один кавалер ордена. Прибыв в его отель, глава купечества, который был синдиком Парижа, в сопровождении многих крупных купцов посетил его, “засвидетельствовав свой радостный прием”, что было дополнительно подтверждено предложением двух миллионов золотых в пользу католического дела. Герцог дал искусный ответ, заверив их, что королева-мать и король Наваррский с помощью и советом королевского совета успокоят королевство; что он, как верный и преданный подданный, должен оставаться там, где прикажет король, и что он ежечасно ожидает вызова ко двору. В тот же день принц Конде, возвращаясь от двора в Париж с намерением отправиться в Пикардию, обнаружив в столице герцога де Гиза, изменил свои планы и задержался в Париже, хотя и предложил покинуть город через одни ворота, если герцог, коннетабль и маршал Сент-Андре выйдут через другие.^[495] Когда Гизы поняли, что гугенотов происходящие события не смутили, они начали увеличивать число своих приверженцев в городе, так что за короткое время он был заполнен почти десятью тысячами всадников. С другой стороны, для гугенотов было невозможно согласовать меры обороны в Париже, и, соответственно, принц Конде вскоре покинул столицу (23 марта) “как другой Помпей”,^[496] направляясь в Мо, где вскоре к нему присоединились Колиньи и Д'Андело.^[497]

Тем временем Екатерина Медичи, опасаясь, что личность короля будет насильственно захвачена Гизами, и понимая, что король Наваррский полностью подчинился Триумvirату, попыталась увезти короля в Блуа. Но Антуан горячо протестовал против столь явного шага в пользу гугенотов, а посол Испании так резко выступил против “дурной репутации” Л'Опиталю,^[498] что двор был вынужден вместо этого отправиться в Фонтенбло.^[499] Даже это место встретило небольшую благосклонность со стороны Гизов, которые предпочли бы сохранить двор в Париже. Но когда они настаивали на необходимости присутствия королевы в совете ввиду серьезного положения дел, Екатерина едко ответила, что, по ее мнению, “более уместно заботиться о здоровье короля, чем информировать стольких мудрых людей о том, что необходимо сделать”. Однако эта речь королевы-матери была произнесена не совсем с сарказмом. Ибо вместо того, чтобы последовать совету констебля, который проявлял признаки возмущения властью Гизов, о том, что корона отвергает и осуждает резню в Васси и объявляет о своей решимости сохранить январский эдикт,^[500] Екатерина в тревоге, что восстание гугенотов свергнет династию Валуа с трона, начала склоняться в сторону Испании.^[501] На данный момент Триумvirат объявил себя удовлетворенным, намереваясь после Пасхи вынудить двор перебраться в Венсенский лес, чтобы иметь короля среди себя и таким образом укрепить его именем авторитет своих действий.^[502] Поэтому велика была тревога, когда принц Конде в сопровождении адмирала Колиньи и Д'Андело появился перед воротами Парижа 29

марта с тремя тысячами конницы.[503] Немедленно были наведены все мосты и сделаны приготовления к отражению атаки.[504] Уже были приняты чрезвычайные меры для обороны Парижа. Незнакомцы были вынуждены покинуть город; никому, кроме джентльменов, не разрешалось носить оружие, и оно ограничивалось мечом и кинжалом; только шесть ворот были открыты, и они находились под двойной охраной.[505] Не сумев войти в город, принц разместил свои войска в Сен-Клу и овладел большой дорогой из Парижа в Орлеан в Лонжюмо, в то время как в Париже герцог де Гиз, король Наварры, и коннетабль ускорили подготовку к войне.[506] Но принц Конде воздержался от применения силы. Он заявил, что имеет такое же право входить в город с оружием в руках, как и Гиз, и пожаловался на тот факт, что Гиз и его сторонники 27 марта, в Страстную пятницу, посетили короля и королеву в Фонтенбло, где последний “произвел на них странное впечатление, потому что ко двору прибыла вооруженная свита”. [507] Очевидной целью принца Конде было отрезать Фонтенбло от Парижа, поскольку адмирал находился в Монтрее, всего в четырех лье от него, и таким образом добиться разумного урегулирования или довести дело до крайности, сделав себя хозяином Луары, таким образом разрезав Францию надвое и имея за спиной всю Гиенну, Пуату и большую часть Лангедока. Цвет этому убеждению придавал тот факт, что на юг направлялось так много мужчин из северных и восточных провинций, что для охраны линии Сены был выделен специальный отряд войск.[508]

Но католические лидеры разгадали намерения Конде и с помощью *главного удара* схватили короля и его мать и увезли их из Фонтенбло в Мелен, город, достаточно сильный, чтобы его можно было удержать от любого внезапного предприятия. После этого принц, поняв, что его перехитрили, двинулся к Орлеану[509] несмотря на приказ, отправленный королем и, несомненно, вдохновленный Гизом, о том, что он должен сложить оружие. Попытка помешать ему добраться до Орлеана была пресечена быстрым продвижением Д'Андело.

Тем временем констебль взял на себя руководство делами в Париже, где 5 апреля был снесен молитвенный дом гугенотов недалеко от порта Сент-Антуан, кафедра, формы и хоры сожжены, а обломки унесены толпой в качестве сувениров. Улицы патрулировали войска, арестовывая подозреваемых, и были проведены обыски по домам в поисках кальвинистских проповедников. В тот же день суд прибыл в Венсенский лес. В течение следующих нескольких дней к принцу были сделаны тщетные заигрывания. Колиньи и Д'Андело предложили встретиться с королевой-матерью в таком месте, которое она назначит, при условии, что принц Наваррский, будущий Генрих IV, Дамвиль, второй сын коннетабля, и один из Гизов будут переданы им в Орлеан в качестве заложников. Екатерина была готова принять это предложение, но была отклонена Антуаном Бурбонским, герцогом де Гизом и Монморанси.[510] Те, кто был наименее встревожен, все еще надеялись на урегулирование в Генеральном совете. Но на пути этого были серьезные политические трудности, а также религиозные, тремя основными из которых были: (1) созыв собора, который многие католики даже хотели, чтобы созывал император, а не Папа; (2) место проведения собора; (3) авторитет собора, который многие католики хотели бы иметь выше папы.[511]

12 апреля 1562 года в Орлеане принц Конде официально принял командование войсками гугенотов,[512] его главными лейтенантами были адмиралы Колиньи и Д'Андело.[513] Первая гражданская война стала реальностью. Городу на Луаре на несколько лет вперед было суждено стать столицей протестантов, господствующей над всей окружающей страной. Блуа и его замок, Тур и его замок, Амбуаз, Сомюр, Анже и многие другие города на Луаре и в Мэне были оккупированы протестантами. Считалось, что в Орлеане достаточно хлеба и вина, чтобы выдержать двухлетнюю осаду,[514] и у гугенотов, казалось, было достаточно денег на предметы первой необходимости, благодаря разграблению ими церковей региона, особенно богатого аббатства Мармутье.[515] Хотя цели гугенотов были тайно скорее политическими, чем религиозными, было целесообразно прикрыть их мантией веры.[516] Политическая организация гугенотов осуществлялась посредством ассоциации, формы организации, примеров которой в этот смутный период существует множество, как протестантских, так и католических. В преамбуле правительственного акта отрицались какие-либо личные мотивы или соображения со стороны тех, кто был участниками ассоциации, и утверждалось, что их единственной целью было освободить короля из “плена” и наказать наглость и тиранию нелояльных и врагов церкви. Идолопоклонство, богохульство, насилие и грабеж были запрещены на территории ассоциации, чтобы все могли знать, что перед ней стоит “страх Божий”. Действие ассоциации должно было прекратиться после достижения королем совершеннолетия.[517]

Существенные трудности в сложившейся на данный момент ситуации очевидны. Гугеноты объявили короля пленником в руках гизов, а сами заявили, что являются верноподданными в восстании против тирании.[518] Гизы, с другой стороны, заклеили гугенотов как мятежников и раскольников, хотя у Екатерины Медичи все еще была слабая надежда на восстановление

мира, и в официальных заявлениях она тщательно воздерживалась от упоминания принца Конде как мятежника.[519] Ни одна из сторон не согласилась бы сложить оружие без того, чтобы другая не сделала того же, и ни одна не осмелилась проявить инициативу в этом вопросе. Таким образом, ситуация была непримиримой, которую не могло разрешить ничто, кроме войны. Политические убеждения гугенотов были столь же непоколебимы, как и их религиозные убеждения, поскольку частью их платформы была статья, согласованная орлеанскими сословиями, о том, что кардинал Лотарингии, герцог де Гиз, коннетабль и маршалы Бриссак и Сент-Андре должны отчитаться в своем управлении.[520] О том, насколько политика определяла ситуацию, свидетельствует тот факт, что в конце апреля король Наварры и Монморанси начали ослабевать в своем отношении, когда стало известно, что Конде доминировал в среднем течении Луары, Турени, Мэне, Анжу, и большей части Нормандии; когда стало известно, что города Лион,[521] Тулуза, Кан, Руан,[522] Дьепп, Труа, Бурж,[523] и провинции Дофине, Прованс и Пуату, провозгласил себя сторонником дела гугенотов; и когда войска тысячами вливались в Орлеан.[524]

Если бы Гизы и маршалы Бриссак и Сент-Андре могли оправдать себя с такой же незначительной дискредитацией, как Антуан Бурбонский или констебль, вполне возможно, что компромисс был бы достигнут даже сейчас.[525] Но такая проблема была невозможна при сложившихся обстоятельствах. Вина Васси все еще висела над герцогом, поскольку он еще не был оправдан ни Парламентским судом, ни пэрами Франции. Прибегнув к силе, Гиз остался единственным методом разрешения великого спора, разделившего Францию, и Гиз ежедневно собирал конницу и пехоту в Париже в ожидании битвы.[526]

Грозный характер восстания гугенотов к этому времени настолько усилил страх Екатерины Медичи, что она полностью подчинилась Триумвирату и решила обратиться за помощью к Испании. 19 апреля она послала за Антуаном Наваррским, герцогом де Гизом, коннетаблем и двумя маршалами, Бриссаком и Сент-Андре, которым заявила, что до сих пор ей плохо давали советы и что теперь она надеется на их поддержку. Монморанси сразу же предложил попросить нунция обратиться к Его Святейшеству с просьбой прислать деньги и войска на помощь католической Франции. Но Испания, а не Рим, была политическим краеугольным камнем католического мира, и именно сейчас было принято важное решение пригласить Филиппа II оказать помощь. Екатерина Медичи, которая незадолго до этого с опаской смотрела на перспективу испанского вмешательства, теперь высказалась за него. По просьбе Екатерины триумвират официально обратился за поддержкой к Испании в совместном письме, которое сопровождалось письменным заявлением Антуана Наваррского о католической вере.[527] Две недели спустя, 8 мая, сам Карл IX официально обратился за военной помощью к Филиппу II.[528] Католическая Швейцария,[529] Католическая Германия,[530] Савойя, папа римский,[531] также рассматривались другие принцы Италии.[532] Королева-мать не знала, что Триумвират уже предвосхитил ее просьбу, попросив испанского короля дать указание регенту Фландрии держать там войска в готовности, “потому что мадам де Парма не выпустила бы ни одной лошади из Фландрии без приказа”. [533] К концу июня эти войска были готовы. Почти все они состояли из испанцев и итальянцев, которые в то время повсеместно считались лучшими солдатами в мире.[534] Филиппом II, однако, двигали и другие мотивы, помимо рвения к католицизму.[535] Он опасался, что юг Франции может напасть на Наварру из-за отождествления Жанны д'Альбре с делом гугенотов, и поэтому направил подкрепления в Фонтарабию и Пампелуну; движение, которое ослабило принца Конде, не позволив гасконским войскам Граммона подойти к Орлеану.[536]

Война продолжалась, несмотря на нехватку средств с обеих сторон. Чтобы оплатить военные расходы в Бретани, Екатерина санкционировала изъятие тарелок в церквях. Но герцог Этампский, который был губернатором Бретани, проявил осторожность при выполнении этого приказа. “Люди настолько религиозны и щепетильны в этих вещах, - писал он, - что если бы они узнали, что мы хотим это забрать, они бы с трудом это вынесли, особенно в Нижней Бретани”. Вместо этого он посоветовал, чтобы церковные таблички были переданы на хранение в какой-нибудь главный город каждого епископства, “под предлогом сохранения и охраны их там, и чтобы с этой целью на каждого человека был наложен налог в размере от 15 до 20 ливров”, полагая, что этот способ принесет от 15 до 20 000 ливров.[537] Гугеноты не пропускали деньги из провинций, находящихся под их контролем, даже заходя так далеко, что уничтожали правительственные реестры в захваченных ими городах.[538]

С каждым днем возрастал интерес населения к борьбе.[539] “Если принц Конде приедет в Париж, - писал англичанин в Париже, - они не могли там оставаться из-за ярости его солдат и населения”. [540] В Дофине Де Ламот Гондрен, лейтенант герцога Гиза, был убит протестантами в Валенсе. Однако справедливо будет сказать, что он был агрессором. В сопровождении шестидесяти или восьмидесяти джентльменов он отправился за город и наткнулся на молящуюся компанию кальвинистов, “и не оставил ни одного из них в живых”. Дворянин-гугенот Де Адрес, называвший себя “наместником короля в Дофине”, приобрел в регионе репутацию столь же зловещую, как у Монлюка в Гаскони. Казалось, весь юго-восток Франции поднял оружие.[541] Гренобль, Макон в Бургундии, Шалон в Шампани, Мулен в Бурбонне, где разрушили могилы предков Антуана,[542] были захвачены гугенотами. Лион, из-за своей близости к Женеве, был радикально гугенотским городом, и это чувство еще больше подогревалось большим недовольством, царившим среди низших классов, занятых в производстве шелка и других отраслях промышленности.[543] В Нормандии было еще хуже. В Руане гугеноты разгромили католиков и захватили правительство.[544] 14 мая Малиньи взял Гавр-де-Грас, что удивило и напугало католиков, потому что он находился в устье Сены и облегчал открытое общение между гугенотами и англичанами. В Кане,[545] В Байе и большинстве мест Нижней Нормандии жители испортили изображения в монастырях и приходских церквях и арестовали королевские доходы, поступающие в Париж.[546] Кодебек, поднявший восстание 15 мая, был осажден Гизарами, но ранее разместил в нем людей и таким образом спас себя. В Дьеппе, где восстание последовало за новостями о Васси, конфликт между протестантами и католиками привел к гибели 150 человек.[547] Ужасные жестокости были совершены в Анже[548] протестантами.

На фоне этого почти спонтанного восстания, охватившего провинции, широко разделенные друг от друга, Иль-де-Франс и Бургундия присоединились к короне и католическому делу, первые полностью по своей воле, вторые частично из-за ловкости Таванна, блестящего капитана, который сорвал нападение гугенотов на Дижон,[549] и спас Шалон-сюр-Сон.[550]

Однако, несмотря на эти события, десять дней с 18 по 28 мая были заполнены безуспешными переговорами о мире.[551] В Париже ожидали, что Конде нападет на город. Сил правительства было недостаточно, чтобы выйти на поле боя, и двадцать пять артиллерийских орудий прошли парадом по улицам, чтобы произвести впечатление и побудить духовенство и парижан пожертвовать деньги на эту религиозную войну.[552] Общественное мнение в Париже было крайне враждебно по отношению к гугенотам, но буржуа не были склонны залезать в их карманы, и поэтому, когда трусливый король Наварры опубликовал прокламацию 26 мая[553]

изгнание всех протестантов из Парижа и оставление их имущества на милость их противников было с восторгом встречено столицей. Толпы католиков насильно изгнали гугенотов из города и уничтожили их имущество. В то время в городе было так много вооруженных людей, разбойников с большой дороги и грабителей, что каждый домовладелец был обязан поддерживать свет в своем уличном окне до рассвета.[554] Продолжали поступать сообщения о восстаниях во многих частях страны;[555] Вандом, Ла-Шарите, Осер, Монтаржи, Пуатье, а также большинство других городов. из городов Сентонж и Ангума, [556] либо объявлены за принца Конде, либо были им захвачены. Но в Тулузе гугеноты сильно пострадали.[557] В Нормандии существовал большой страх перед английским вмешательством.[558]

Попытки к миру ни к чему не привели, потому что гугеноты поставили вывод Триумvirата условием, предшествующим их сложению оружия.[559] Принц утверждал, что он не может быть в безопасности, пока герцог де Гиз, коннетабль и маршал Сент-Андре не удалятся от двора. Королева-мать в ответ заявила, что было бы неправильно во время несовершеннолетия короля отстранять от него таких важных персон; что католики в Париже взяли за оружие, чтобы выступить против январского эдикта, и что, если солдаты-гугеноты вернутся в свои дома, они могут жить там, как им заблагорассудится, в то время как совет (членом которого он должен быть) рассмотрит какой-нибудь лучший способ урегулирования.[560] Постепенно враждебные армии — принц Конде во главе гугенотов и герцог Гиз, коннетабль, маршал Сент—Андре и вероломный король Наварры с католическим войском - сблизились друг с другом.[561] Была предпринята попытка захватить Жаржо, расположенный в восьми милях от Орлеана; но, опасаясь, что его захват перережет снабжение из Орлеана, Колиньи и Д'Андело разрушили мост там. Это вынудило капитанов-католиков изменить свое намерение, и они пересекли реку Бос, чтобы застать Божанси врасплох в четырнадцати милях от Орлеана, на полпути между Орлеаном и Блуа, где был мост через реку. 15 июня две армии прибыли к мосту почти одновременно, и сражение казалось неизбежным. Две армии находились примерно в пяти милях друг от друга и примерно на одинаковом расстоянии от Орлеана. Оба они находились к югу от Луары, и там не было реки, которая могла бы помешать сражению. Между ними было много виноградников, что было преимуществом принца, у которого было больше пехоты, чем кавалерии, в то время как у Гиза было 7000 всадников, поскольку д'Омаль прибыл из Нормандии со своим войском. Католические силы были разделены: Гиз находился к северу от реки, за Божанси, в округе Париж; отряд Д'Омаля находился на другом берегу реки в Клери, на полпути между Орлеаном и Божанси, держа в своих руках город и мост; в то время как Наварра обосновалась в Верноне, в лиге от Божанси.[562]

Состояние местности вокруг Орлеана в то время, учитывая, что существовало военное положение, было неплохим. На данный момент у Конде было достаточно денег, поскольку он завладел богатствами церковей Буржа. Еда в Орлеане была хорошей и обильной, а хлеб дешевым. Все, что брали гугеноты, они оплачивали, согласно политике,[563] хотя крупных средств не было и в помине, и они с тревогой ожидали от Англии 100 000 крон, предлагая банкноты лидеров в качестве обеспечения или облигации некоторых из самых известных реформатских церковей, таких как Руанская и Лионская. Армия гугенотов проявила храбрость. Многие джентльмены были богаты и носили длинные белые плащи (*casaque blanche*) из саржи, керси или страмелла, на старинный манер, с длинными рукавами поверх доспехов.[564] Перемирие истекло 21 июня (воскресенье), но были допущены лишь легкие перестрелки, в то время как Монморанси продолжал притворные переговоры.[565] Но католические лидеры предложили такие жесткие условия, что Конде не принял их. Среди прочего требовалось, чтобы

все проповедники были изгнаны из Франции вместе с самим принцем, братьями Шатийон и другими лидерами гугенотов до совершеннолетия короля.

Во время этой задержки принц потерял преимущество, которым обладал. Что касается герцога Гиза, то коннетабль и маршал Сент-Андре снова вернулись из Шартра в лагерь, который находился между Божанси и Блуа, что придает окраску теории о том, что именно они отменили власть Антуана Наваррского и Екатерины. После разрыва перемирия католическая армия двинулась маршем к Блуа, который они били день и ночь, взяли штурмом и вошли, хотя жители предлагали впустить их у ворот. Когда городские власти предложили ключи герцогу де Гизу, он указал на находящуюся при нем пушку, сказав, что это ключи, с помощью которых он войдет. В то же время Сент-Андре взял Пуатье и Ангулем и с помощью испанских войск загнал Ларошфуко в Сентонж.[566] Узнав о действиях герцога в Блуа, Конде двинулся маршем на Божанси, который после бомбардировки был взят 3 июля, причем большая часть тех, кто был оставлен охранять его, была убита.[567] Затем, видя, что его собственное состояние с каждым днем уменьшается, он удалился в Орлеан, имея едва ли 3000 всадников и 6000 пехотинцев. Принц сомневался, что делать дальше; удалиться ли в Лион и присоединиться к барону де Адрессу,[568] который захватил Гренобль, Валанс и Шалон в Бургундии, несмотря на Таванна, который удерживал поле боя со своими войсками,[569] и, как предполагалось, имел 8000 пеших и 1500 конных, помимо 6000 швейцарцев, отправленных из Берна и Люцерна, либо для того, чтобы удалиться в Гасконь, где находилась королева Наваррская, либо, в-третьих, отправиться в Руан и таким образом сохранить Нормандию. В конце концов, однако, он и Колиньи остались в Орлеане. Остальная часть его отряда была либо рассредоточена по разным городам, либо распущена.

Этим летом протестанты остро нуждались во внешней помощи.[570] Через несколько дней после того, как Конде отступил в пределы Орлеана, Д'Омаль взял Онфлер (21 июля). В Париже толпы почти ежечасно убивали мужчин, женщин и детей, несмотря на указ об обратном, под страхом смертной казни. Оружие было в руках людей не только в Париже, но и в деревнях. Ни у короля, ни у королевы-матери не было средств управлять ими, поскольку король Наваррский и герцог Гиз находились тогда в Блуа, в результате чего Париж поступал так, как ему заблагорассудится. Лидеры рассматривали возможность возвращения Турени, Анжу и Мэна, а также всех городов на Луаре, а затем предложили войти в Нормандию и вернуть Гавр-де-Грас, Дьепп и Руан. Во исполнение этого проекта герцог де Гиз увез Лаудона и Шинона в Турень. В том же месяце католики вошли в Мондидье, получив заверения, что все протестанты в нем будут жить в безопасности; но, несмотря на обещания, все они были изрублены на куски, ограблены или изгнаны. Множество мужчин, женщин и детей были утоплены ночью с камнями на шее в Блуа, Туре и Амбуазе, а также в тех городах, которые сдались королю Наваррскому.

Пока эти события происходили в районе Луары, герцог Омальский 29 июня снова приблизился к Руану и установил свои батареи перед горой Святой Екатерины, но мало что преуспел, несмотря на продолжительную работу своих батарей. Он надеялся вернуть себе Гавр-де-Грас после того, как Гиз захватит города на Луаре. Французы очень опасались, что Гавр-де-Грас будет передан гугенотами в руки англичан, и зверские действия Д'Омаля, вероятно, способствовали подобному поведению со стороны гугенотов,[571] ибо он обещал крестьянам не только привилегию разграбления замков знати, но и освободить их от всех налогов. В результате этой порочной политики торговля прекратилась, и целые семьи знати удалились в Дьепп, покинув свои дома.[572]

Насилие усилилось как в городах, так и в провинциях. На юго-востоке Сомариве совершал большие жестокости в Оранже, убивая мужчин, женщин и детей, куда бы он ни пошел.[573] Но достижения Монлюка, “истинного создателя французской пехоты”[574] были заметной чертой войны на юге. По его собственному признанию, этот знаменитый солдат “скорее склонялся к насилию, чем к миру, и был более склонен к дракам и перерезанию горл, чем к произнесению речей”.[575] Очевидно, что война в южных провинциях была войной как политической, так и религиозной. Практика гугенотов проникла во всю административную машину. Сьер де Бюри, королевский наместник в Гайенне, был стар и перестраховался и не без подозрений в кальвинизме,[576] в то время как Дюрас, лидер гугенотов, был настолько активен, что корона отправила ветерана осады Сиенны в Гайенну в январе 1560 года со специальным поручением.[577] Гугеноты попытались откупиться от Монлюка через одного из своих капитанов, который раньше был с ним до Сиенны, который пришел к нему и сказал, что церковь в Нераке сделала его своим капитаном. Ответ Монлюка чуть не сбил капитана с ног. “Что это за чертовы церкви, которые назначают капитанов?” был его яростный вопрос.[578] Он быстро начал прославлять свое имя, повесив шестерых гугенотов без судебного разбирательства, “что вселило большой страх во всю партию”.

Прибытие Монлюка было как нельзя кстати для католиков юга. Он думал, что если бы гугенотами больше руководили солдаты, а не министры, они не преминули бы захватить Бордо и Тулузу. Но Бог сохранил эти два форта, бастионы Гиенны, чтобы спасти всех остальных.” Монлюк был везде одновременно, нигде не задерживался надолго, повсюду держал своих врагов в напряжении, и не только сам был в постоянном движении, но и с помощью писем и посланий постоянно обращался ко всем друзьям, которые у него были, и использовал их.[579] Его войска были малочисленны и так плохо оплачивались, что иногда он был неохотно вынужден выкупать своих пленников. “Нас было так мало, что нас было недостаточно, чтобы убить их всех”, - комментирует он. “Если бы король заплатил своим ротам, я бы не стал требовать выкуп за то, что был использован в этой ссоре. В данном случае это не то же самое, что в иностранной войне, где мужчины сражаются за любовь и честь. В гражданской войне мы должны быть либо хозяевами, либо мужчинами, поскольку живем, так сказать, все под крышей”. Он сдержал свое слово и “повсюду наводил ужас на страну”. Когда он предстал перед Агеном, он “удивился, что люди оказались такими чертовски робкими и не защитили свою религию получше”. Вместо этого “они едва слышали мое имя, как им показалось, что веревка уже обвязана вокруг их шей”. Каким бы ужасным ни был старый боевой пес, он по-прежнему вел войну по правилам игры. Он открыто осуждает поведение испанских отрядов, посланных Филиппом II, которые присоединились к нему до Ажена.[580] Важность услуг Монлюка на юге была велика. Он помог правительству сохранить Тулузу и Бордо и последующий захват Лектура, а примечательная битва при Верге в Перигоре (9 октября 1562 г.) помешала гугенотам к югу от Луары присоединиться к силам принца Конде, который, таким образом, едва не проиграл битву при Дре.[581]

По мере того как дело католиков налаживалось, положение гугенотов ухудшалось. Четыре тысячи швейцарцев в июне присоединились к Таванну в Бургундии, и таким образом Дижон, Макон и Шалон-сюр-Сон оказались в безопасности. В конце июля 6000 ланскенцев прошли через Париж по направлению к лагерю в Блуа. Папа Пий IV послал своего собственного племянника на помощь Жуаезу с 2500 пехотинцами, тысяча из которых были “испанцами”. [582] Гугеноты с нетерпением ожидали прибытия немецких стрелков и лакеев, которых должен был привести Казимир, второй сын графа палатинского, в сопровождении Д'Андело, посланного в

Германию за помощью. Но немецкие принцы не спешили реагировать, особенно на требование денег,[583] так что принц Конде фактически пообещал разграбить Париж![584] Д'Андело перешел Рейн 22 сентября 1562 года — на три недели позже, чем нужно, чтобы освободить Бурж, — с 2000 немецкими кавалеристами и 2000 мушкетерами, которые участвовали в битве при Дре в декабре следующего года.[585] До сих пор Франция не видела ничего подобного этим повторениям. Их появление вызвало одновременно ужас[586] и любопытство. Клод Хатон тщетно искал значение этого слова.

Слово "рейтер" никогда не было в моде во Франции при жизни старейшего из людей, и никто никогда не использовал это слово до настоящего времени, хотя королям Франции во всех их войнах служили немцы, швейцарцы и ланскенцы, которые включены в это слово и название Германии или Аллемени. Я приложил все усилия, чтобы расспросить многих людей, которые, как считается, много знают о значении этого слова "рейтер", но я не нашел человека, который был бы достаточно мудр, чтобы сказать мне то, что я хотел знать.[587]

Чтобы заплатить рейтерам и найти деньги, *taille* был наложен на гугенотов всех классов, во всех городах и деревнях, находившихся под их контролем, на дворян, священников, торговцев, буржуа и ремесленников. Но так как это средство было очень утомительным, принц прибегнул к золотым и серебряным сосудам, чашам и крестам из церквей, разграбленных гугенотами. Он также наложил арест на правительственные поступления от *габели* и других королевских налогов во всех деревнях и *избирательных округах*, контролируемых гугенотами, даже на денежные средства королевских владений и доходы церквей.[588]

Тем временем 19 августа началась осада Буржа. Город защищали около 3500 солдат, но кольцо его стен было очень большим. Какое-то время он был хорошо обеспечен продовольствием и располагал значительным количеством боеприпасов и артиллерии более низкого качества, но ни пушек, ни кулеврин. Половина города была защищена большим болотом неподалеку; другая половина была укреплена. Это был план Д'Андело, который вступил в Лотарингию с 2000 всадниками и 4000 пехотинцами под командованием герцога де Понта, чувствуя, что он ничего не может сделать вовремя для Буржа, отрезать Париж, обеспечив переправы через реку у Сен-Клу и Шарантона.[589] Соответственно, коннетабль и герцог де Гиз, узнав о приближении рейтеров, послали Д'Омаля с поручением собрать всех военных в Шампани, Бри и Бургундии, как пеших, так и конных, и бить в набат с целью набора новых рекрутов для короля, если тех, что он собрал в первый раз, окажется недостаточно, и разбить большой лагерь из всех этих людей для борьбы с рейтерами.[590] Но д'Омаль так долго медлил, что [591] к сильному огорчению его армии, которая требовала "уничтожить жизнь рейстров", [592] что немецкие солдаты смогли перейти реку Сену у Шансо, откуда они направились по дороге выше Осера, пересекли Йонну и таким образом присоединились к принцу Конде в Орлеане.

Для Франции, и особенно для провинций Шампань, Бри и Бургундия, было бы гораздо лучше, если бы Д'Омаль попытался дать отпор рейтарам, поскольку его солдаты разоряли деревни, где они селились, и любое действие, даже поражение, было бы лучше, чем распушенность и безделье. Когда стало известно, что рейтерам удалось ускользнуть от посланных против них войск, король, видя, что каждый день во Франции берутся новые деревни, разослал приказы всем тем, кто все еще верен короне, о том, что они должны быть настороже днем и ночью, опасаясь быть застигнутыми врасплох. Для большей безопасности были разосланы комиссии,

санкционировавшие избрание почетного джентльмена городским головой в каждом городе.[593]

Положение католиков и гугенотов по отношению друг к другу между Парижем и Луарой теперь было примерно следующим: первые удерживали Шартр, Бонневаль, Шатоден, Блуа; вторые - Сен-Мартурен, Монтаржи и Жьен. 31 августа 1562 года состоялась капитуляция Буржа. Корона гарантировала жизнь, имущество и свободу совести коменданту, солдатам и жителям города в качестве компенсации в размере 50 000 ливров “за предотвращение насильственных действий”.[594] Но католические лидеры сомневались, что делать дальше, поскольку все гугеноты находились в городах, не занимая открытой местности и не разбивая лагерь за стенами. Король Наваррский настаивал на осаде Орлеана, но совет не был согласен с ним по двум причинам: во-первых, из-за свирепствовавшей там чумы; во-вторых, потому что они надеялись, что Наварра сможет убедить своего брата отказаться от дела гугенотов и таким образом избавит их от применения силы. По этим причинам было решено не форсировать осаду Орлеана и вместо этого атаковать Руан, где уже находился герцог Омальский.[595]

Теперь Гизы были полностью осведомлены о грозном характере восстания в Нормандии, существовала опасность того, что они также потеряют западную Нормандию, где герцог Буйонский удерживал замок Кан, но был склонен сохранять нейтралитет. Поэтому они планировали послать большую часть своих новых сил, немцев и швейцарцев, на помощь Д'Омалю, который двинулся на Руан после того, как Д'Андело ускользнул от него, поскольку в них было мало необходимости в районе Луары. Роггендорф, главный немецкий агент Гиза, в это время прибыл в Париж с 1200 немецкими пистолетами, хорошо вооруженными и верхом на лошадях; швейцарский капитан Фролих привезла с собой пятнадцать швейцарских прапорщиков, а рейнграф находился в Шампани с двумя пешими полками и тремя сотнями пистолетеров.[596]

Коннетабль и герцог де Гиз, опасаясь поддержки англичан, решили сосредоточить большую часть своих сил против Руана и Гавр-де-Грас. Другой мотив заключался в том факте, что Париж нуждался; ибо гугеноты понимали, что если Руан, Гавр-де-Грас и Дьепп будут хорошо удерживаться, то принуждение Парижа не будет невозможным. Ситуация в Дьеппе и Гавр-де-Грас вызывала у правительства больше беспокойства, чем любой другой вопрос. Эти города, в силу своего положения, были главными ключами к Франции, без которых ни Париж, ни Руан не могли быть свободными. Гавр-де-Грас был более полезен Франции, чем Кале, как порт снабжения, и ежедневно туда стекались все те, кто бежал из Пон-Одемера, Онфлера, Арфлера и протестантов между Дьеппом[597] и Руаном.

Главная надежда французских протестантов была основана на ожидаемой помощи Англии. В начале апреля 1562 года принц Конде и адмирал обратились к ней за поддержкой.[598] Но беспокойство Елизаветы о благополучии протестантизма за морем было бескорыстным не больше, чем католицизм Филиппа II. Законность ее положения королевы требовала ее приверженности всему антикатолическому, к чему можно добавить влияние политических целей Филиппа II в отношении Англии, особенно его интереса к деяниям Марии Стюарт и испанской тирании в Нидерландах, которые ставили под угрозу Англию. Ее посол во Франции верно заметил, когда написал ей: “Ваше величество, для сохранения вашего королевства в тех хороших условиях, в которых оно находится, поддерживает протестантов настолько, насколько

вы можете”.^[599] Другой практической целью, которую могла достичь английская поддержка гугенотов, была возможность вернуть Кале.^[600] Тем не менее, несмотря на их глубокую религиозную вражду и политическую неприязнь друг к другу, Англия и Испания находились в настолько необычно сложных отношениях, что ни одно государство не хотело начинать войну. Филипп II заверил Карла IX, что, хотя Елизавета содрогнулась бы при виде испанской помощи, оказанной Франции, она не осмелится нанести ответный удар в поддержку гугенотов и должна будет заставить себя смотреть на вещи издалека.^[601] Ключ к этой экстраординарной ситуации следует искать в торговле Нидерландов. Герцог Алва категорически заявил, что его хозяин не может позволить себе порвать с англичанами из-за коммерческого ущерба, который он понесет в Нидерландах.^[602] То же самое предложение, только в обратном порядке, было справедливо и в отношении Англии; ее коммерческие интересы в Голландии и Фландрии были слишком велики, чтобы рисковать ими.

Но хорошая перспектива вернуть Кале в сочетании со страхом, что подчинение Франции испанскому сюзеренитету повлечет за собой большую опасность для Англии в долгосрочной перспективе, чем потеря ее торговли за морем, в конце концов убедили Елизавету поддержать гугенотов на определенных условиях, конечным из которых было возвращение Кале Англии.^[603] Соответственно, в сентябре 1562 года королева предложила высадить 6000 человек для охраны городов в Нормандии, взять Гавр и Дьепп под свою защиту и принять в них беженцев реформатской церкви, а также пообещала не покидать Гавр без согласия принца и не принимать Кале от противоположной стороны. Видам Шартрский согласился передать опеку над Гавр-де-Грейс наместнику королевы при условии, что последний вознаградит его и Конде ежегодными пенсиями или выделенными землями из-за потери их поместий и товаров во Франции. Во исполнение этого соглашения 24 сентября 1562 года было опубликовано английское воззвание к экспедиции в Нормандию. Настало время, если успех должен был увенчать предприятие, ибо в Гавре множились смуты и враги, а терпение англичан было на грани срыва. “Со спящей лисой добыча не случается”, - нетерпеливо писал видаме английскому адмиралу. 1 октября 1562 года англичане отплыли из Портсмута в Гавр, а в воскресенье, 4 октября, в три часа дня вошли на рейд Гавра и немедленно высадили с приливом столько людей, сколько смогли.

Оккупация англичанами Гавр-де-Граса побудила правительство к новым действиям перед Руаном, и король решил предпринять их до того, как будет оказана английская помощь.^[604] Город был хорошо снабжен провизией и имел много стрелкового оружия, но не хватало артиллерии и пороха. Гарнизон насчитывал около 4000 человек под командованием Монтгомери, гвардейца, случайно убившего Генриха II на турнире, поскольку Морвилье, бывший главнокомандующий в Руане, колебался по поводу ввода английских солдат и был заменен.

В первую неделю октября яростное наступление королевских войск на Руан возобновилось, и они взяли крепость на горе Святой Екатерины. Вскоре в осажденном городе воцарилось отчаяние, и поговаривали об условной капитуляции, если бы это было возможно осуществить, пока прибытие нескольких отрядов англичан не возродило мужество руанцев и битва не возобновилась. Но чрезмерная осторожность англичан к этому времени пересилила себя. Несмотря на настойчивость Трокмортонa,^[605] английское правительство неохотно выводило свое оружие за пределы побережья,^[606] хотя аргументы Трокмортонa подкреплялись каждым другой английский агент во Франции, Руан представлен как “такая драгоценность для них, что

ни в коем случае нельзя становиться врагом”.^[607] Вся срочность была напрасной. Инструкции графу Уорику, английскому командующему в Гавр-де-Грас, сводились к тому, что в случае просьбы прислать помощь в Руан или другие места он должен сделать некоторую “разумную отсрочку”, не причиняя им вреда.^[608] Из таких инструкций и политики, проводимой английским правительством во Франции, легко видеть, что его интерес был чисто практическим и ни в коем случае не сентиментальным или религиозным. Англия хотела удержать Гавр-де-Грас в залог за Кале, прикрываясь притворной поддержкой гугенотов.

Однако к середине октября стало ясно, что этой узкой политики нельзя столь жестко придерживаться. Успех католических армий в Нормандии угрожал даже Гавр-де-Грасу, а Гавр-де-Грас был далеко не таким выгодным пунктом для англичан, каким был Кале, поскольку там бледнолицые защищали собственно город; в городе в устье Сены укрепления были слабыми, и, что хуже всего, расположение было неподходящим для обороны.^[609] С наступлением зимы французы могли бы с небольшими усилиями воспрепятствовать многочисленным морским сношениям между Гавром и английскими портами, в то время как окружающая местность уже была опустошена немецкими рейтерами. Сообщалось, что д'Омаль сказал — и это утверждение имело под собой основания, — что английский гарнизон может веселиться, как ему заблагорассудится, зима и голод заставят его возвращаться домой быстрее, чем они пришли. Слишком поздно англичане наконец решили прийти на помощь Руану после падения горы Святой Екатерины,^[610] и в Руан были отправлены вспомогательные войска из Гавр-де-Грас и Дьеппа. Бесстрашный английский капитан по имени Лейтон (впоследствии он был назначен губернатором Гернси) с горсткой людей пробился в город, но существенная помощь пришла только в середине октября. Уже тогда несчастье постигло англичан. Подход был осуществлен по реке на шести небольших судах, но одно из них налетело на песчаную косу близ Кодебека и было перехвачено Дамвилем, так что в город проникло только 600 англичан.^[611]

Утром 16-го Монтгомери и двое высокопоставленных людей города вышли из Руана под флагом перемирия и поговорили с королевой, вернувшись во второй раз со свежими предложениями, но ничего не дали. Гугеноты требовали, прежде всего, свободы проповедовать и жить в соответствии со своей религией. Кроме того, они настаивали на том, чтобы король не размещал гарнизон в Руане, и в качестве гарантии соблюдения этих условий потребовали от короля заложников, которые должны были содержаться ими в Гавр-де-Грас. Во время второго собеседования они расширили условия, а именно, что Январский эдикт может соблюдаться и что они могут свободно проповедовать *в городах*, хотя по эдикту проповедовать разрешалось только за пределами. Более того, они настаивали на распространении действия этого соглашения на *все города Франции*; и чтобы придать этой конвенции общий эффект, принц Конде должен был подтвердить ее. Для соблюдения всех этих условий они потребовали в качестве заложников принца де Жуанвиля, старшего сына герцога Гиза и брата маршала Бриссака,^[613] суперинтенданта королевских доходов.

Хотя Монтгомери не знал об этом, правительство уже тогда, встревоженное английским вмешательством, делало предложения принцу Конде в Орлеане. Но в каждом конкретном случае требуемое условие не было бы выполнено. Требование жителей Руана пересмотреть январский эдикт, разрешив протестантское богослужение *во всех городах*, прервало переговоры с ними. В предложениях, сделанных Конде и Колиньи, было обещано возвращение всем восставшим их поместий и должностей, а также гарантии гугенотам, что они могут мирно исповедовать свою религию *в своих домах*, но *публичное богослужение*, даже за пределами

городов, не должно было быть разрешено. Протестантские лидеры, похоже, были склонны уступить этим условиям, хотя они подразумевали сокращение их религиозных привилегий, но настаивали на том, чтобы корона взяла на себя выплаты, причитающиеся немецким вспомогательным войскам Конде. Правительство отвергло это предложение, и принц с адмиралом сами воспротивились, когда король Наварры заявил, что немецкие солдаты Д'Андело и гугеноты должны объединиться, чтобы изгнать англичан из Франции, так что в конце концов ни один из этапов переговоров не увенчался успехом.[614]

Во время успешного штурма форта Сент-Катрин, последовавшего за разрывом этих переговоров, и Антуан Наваррский, и герцог де Гиз были ранены, причем первый был ранен из аркебузы в плечевой сустав, как оказалось, смертельно, поскольку остановить омертвление раны было невозможно.[615] Монтгомери яростно сражался во время штурма, который длился семь часов, и угрожал применить свой меч против любого, кто попытается сдаться. Однако это была отчаянная и напрасная битва.[616] Королевские войска заминировали город до самых стен, и разрушения от их взрывов устранить не удалось. Брешь в стенах, проделанная как миной, так и дробью, была настолько широкой, что часть королевских войск проехала через нее верхом.[617] В понедельник, 26 октября, осаждающие пробились сквозь стены. В этом грандиозном движении англичане и немцы-католики резко сошлись во мнениях. Англичанам в городе не было пощады, был отдан приказ “чтобы они все обнажили меч”. Победители раздели многих из них догола. У найденных раненых англичан было перерезано горло; остальных отправили на галеры. Король вступил в Руан на следующий день после его взятия, перешагивая через трупы, которые были испорчены солдатами.[618] Королевские войска теперь имели неограниченный контроль над Сеной ниже Руана; у Кодебека они перекрыли половину реки, так что корабли и шлюпки были вынуждены проходить близко под их прицелами.

Теперь Гизы предвосхищали быстрый крах дела гугенотов. Все главные города Франции, кроме Орлеана[619] и Лион были либо по склонности, либо по принуждению послушны короне, которая нашла мощную поддержку у класса собственников и юристов. Политически и финансово правительство было сильнее, хотя в то время суд испытывал нехватку денег. Герцог де Гиз, самый выдающийся капитан и солдат Франции, констебль и маршалы-ветераны, такие как Бриссак и Сент-Андре, создали комбинацию, слишком сильную, чтобы ее можно было преодолеть. В этом затруднительном положении лидеры гугенотов ухватились за последнюю соломинку — надежду на то, что принц Конде сможет сменить короля Наварры на посту наместника королевства, заручившись поддержкой либеральных католиков и элементов, настроенных против Гизара.[620] Для этой надежды были основания, если бы кальвинистов можно было убедить быть немного менее радикальными, и если бы католическая религия была и остается религией Франции без критики, а гугеноты не вносили бы дальнейших изменений в свою форму богослужения, чем это сделала английская реформация.[621]

Антуан Бурбонский после ранения, полученного в Руане, постепенно тонул и скончался на борту судна по пути в Париж 26 октября после продолжительных страданий.[622] Конде теперь, в силу договоренности, достигнутой на заседании Генеральных штатов в Орлеане, законно унаследовал должность своего брата в качестве наместника королевства и немедленно приступил к рассылке поручений констеблю, маршалам и всем губернаторам провинций и местностей, чтобы назначить его королевским генерал-лейтенантом и губернатором Франции.

Но, несмотря на регулирование сословий, двор и католическая партия, по совету кардиналов Феррары, Лотарингии и Гиза, герцога Гиза, коннетабля и маршала Сент-Андре, при особой просьбе испанского посла, который озвучивал пожелания своего господина “похотливым распухшим языком”, решили утвердить кардинала Бурбонского у власти, которой обладал король Наварры.[623]

ГЛАВА VII

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (продолжение). БИТВА При ДРЕ (19 декабря 1562 г.).
АМБУАЗСКИЙ МИР (19 марта 1563 г.)

После падения Руана главным военным замыслом гизов, по-видимому, было затягивать войну, не давая сражения, до тех пор, пока немцы во главе с Д'Андело и Конде либо не дезертируют из-за отсутствия жалования, либо не будут ими подкуплены. С другой стороны, Екатерина хотела закончить войну композицией, а не мечом, опасаясь, что ни одна из сторон не воспрянет духом от успеха. В соответствии с этой политикой нескольким солдатам было разрешено вернуться домой, поскольку война считалась практически завершенной до весны, за исключением того, что конные и пешие гарнизоны оставались в городах вокруг Орлеана в порядке летучей осады (*siège volante*). Но быстрое продвижение принца к Парижу из Орлеана, где он ждал Д'Андело, который собрал свою немецкую конницу в Лотарингии в середине сентября, после того как узнал о смерти своего брата, заставило герцога де Гиза изменить свои планы. Проходя мимо Этампа, который Гизы покинули при его приближении,[624] принц Конде двинулся к Корбей, чтобы отвоевать переправу через Сену, где находилось 4000 пехотинцев и 2000 всадников противника, чтобы держать Марну и Сену открытыми над Парижем для снабжения столицы продовольствием. Армия гугенотов насчитывала около 6000 пехотинцев, из них 4000 немцев, и почти 3000 всадников. Большинство немцев были хорошо вооружены и верхом на лошадях, и все “очень хорошие солдаты, которые портят все, куда ни пойдут”.[625]

Герцог де Гиз, получив известие о приближении гугенотов к Парижу, отказался от своего намерения отправиться в Гавр, чтобы вернуться на помощь городу. Возвращение армии было сопряжено с большими трудностями, потому что стояла глубокая зима, дни были короткими, а дороги тяжелыми. “Тем не менее, все в лагере воспрянуло духом, потому что он возвращался к хорошим французским винам, и ему больше не нужно было пить нормандский сидр”.[626]

Для борьбы с протестантскими силами у Гиза и коннетабля в Париже было не более 6000 пехотинцев и 1000 всадников, хотя эти силы можно было несколько увеличить, стянув войска вокруг Руана и перед Гавр-де-Грас. Вполне ожидалось, что принц Конде двинется маршем на столицу или же направится прямым путем в Нормандию, чтобы объединиться с англичанами и с их помощью попытаться вернуть себе Руан и Дьепп. Париж был в величайшей тревоге. Все люди, живущие в предместьях, были вынуждены покинуть свои дома. Состояние королевской армии было плачевным; солдаты были рассеяны и дезорганизованы, ибо разграбление Руана вызвало всевозможную распущенность. Более того, повсюду свирепствовала чума. В этой чрезвычайной ситуации герцог де Гиз оставил окрестную местность в двух или трех лье от

Парижа на разграбление протестантам, отвел свои разрозненные силы за городские стены и лихорадочно задействовал всех свободных людей для возведения укреплений, главным образом со стороны Орлеана, для чего были использованы некоторые незавершенные сооружения Франциска I. Город был настолько переполнен людьми еще до появления войск принца, что, казалось, находился на осадном положении. Если бы Конде в это время удалось захватить реку выше и ниже столицы, по которой в Париж доставлялись провизия, в городе мог бы быстро начаться голод, поскольку даже в то время существовала нехватка продовольствия.^[627]

Но Людовик Конде не был человеком здравомыслящим, и, несмотря на личную храбрость, ему не хватало политической отваги. Чтобы выиграть время для прибытия подкрепления, Екатерина и Гизы задобрили его пустыми предложениями о мире и послали брата маршала Бриссака в протестантский лагерь близ Этампа предложить правдоподобное урегулирование, заявив, что гугеноты могут получить все, что пожелают, если они помогут изгнать немцев, и особенно англичан. Последняя возможность была тем, чего английские агенты во Франции больше всего опасались, тем более из-за неоспоримой силы католической королевской партии, которая привлекла к себе большое количество знати, а также из-за приближающейся зимы, нехватки денег у гугенотов, нехватки продовольствия и усталости страны. Такой отказ принца Конде от англичан вряд ли мог быть истолкован как вероломство, учитывая апатию английского участия после захвата Гавр-де-Грейс и медлительность Елизаветы в отправке ему финансовой помощи. Но принц отказался от переговоров с агентом и продолжил свой марш в сторону Парижа. 25 ноября его кавалерия появилась в виду города, и королева-мать с коннетаблем отправились на дальнейшие переговоры. Принц Конде потребовал должности генерал-лейтенанта королевства; для гугенотов - права иметь церкви во всех городах, кроме Парижа и его *банлиу* и пограничных городков; права всех дворян совершать частные богослужения в своих собственных домах и вывода иностранных войск. На эти требования королева ответила, что никто не должен обладать ее властью, добавив, что правительство уже хорошо составлено из джентльменов, офицеров и министров, между которыми были разделены государственные обязанности, так что правительство могло хорошо управляться до тех пор, пока король не достигнет совершеннолетия. Что касается терпимости, то она заявила, что предоставлять ее означало бы только поощрять гражданскую войну.^[628]

Слишком поздно Конде обнаружил, что с ним поиздевались^[629] для того, чтобы дать правительству время подтянуть подкрепления^[630] и что условия, которые он предложил, даже не рассматривались. Вина за этот неудачный поворот в войне должна лежать не на королеве-матери, а на Личинах. Ибо герцог де Гиз и его брат вместе с коннетаблем не могли не опасаться, что в случае заключения мира они будут разорены, и герцог использовал свою популярность в массах и враждебность парижан к королеве, чтобы добиться своих целей. Когда двучичие потерпело неудачу, противники Екатерины прибегли к запугиванию, и по их наущению к ней был направлен испанский посол, “который либо угрожал, либо протестовал, либо обещал и предлагал помощь, и таким образом все расстроил”.^[631] Когда Париж был полон солдат, переговоры были прерваны, принц Конде вызывающе заявил, что гугеноты будут точить свои мечи по мере необходимости.

Единственное преимущество, которого добился принц, заключалось в том, что он смог подвести свои войска вплотную к Парижу, так что в последнюю неделю ноября он разбил лагерь у Пон-де-Шарантон. 26-го он разбил свой лагерь на левом берегу, в миле от предместий.

Если бы принц Конде напал на Париж сразу, вместо того чтобы тратить время в Корбее на напрасных *переговорщиков*, дело гугенотов в целом могло бы восторжествовать, поскольку правительству пришлось бы уступить почти все. Он мог бы отвоевать пригороды с небольшими потерями, хотя и испытывал недостаток в тяжелой артиллерии, и тогда город не смог бы долго продержаться. Но теперь ситуация была такова, что он должен был либо сражаться — с небольшой надеждой на победу, не говоря уже о взятии Парижа, — либо прийти к соглашению на условиях своего врага.[632]

Преобладающим мнением было то, что принц не сможет сохранить свою армию из-за нехватки провизии и денег, особенно в середине зимы.[633] Это оказалось правдой. 9 декабря он свернул лагерь и удрученный двинулся в сторону Нормандии, предварительно сожгв лагерь, чтобы соединиться с англичанами.[634] К этому времени у него было едва 7000 человек, время года тяжело сказывалось на армии, поскольку она была вынуждена жить под открытым небом, в то время как у его противников было 15 000 или 16 000 человек всех наций, четверть из которых были конными. Сложность его положения была тем больше, что он находился на левом берегу Сены, без перспективы переправиться через реку, поскольку герцог Гиз находился в Пуасси,[635] в то время как Рейнграф и Виллебон охраняли Пон-де-л'Арш ниже по течению. Уорик не желал отправляться из Гавра на помощь принцу, но надеялся, остановив доставку соли и других товаров вверх по Сене, заставить такие города Нормандии, как Онфлер, Арфлер, Кодебек и Руан, в силу необходимости прийти к соглашению.[636] Не сумев переправиться через Сену, Конде двинулся в сторону Шартра, за ним на расстоянии примерно пяти лье следовали герцог Гиз и коннетабль, и остановился близ Монфора, недалеко от Эвре, в то время как Гиз находился примерно в десяти лье к западу от Сен-Дени, откуда, включая Париж, он черпал припасы.[637] Вся страна вокруг двух армий была разрушена.

БИТВА При ДРЕ, 19 декабря 1562 г.

(Bib. Nat., Estampes, *Histoire de France*, Q. b)

Неспособность принца раздобыть провизию в сочетании с отсутствием английской поддержки, в конце концов, вынудили его дать сражение герцогу де Гизу близ Дре 19 декабря, причем сражение было ускорено его попыткой форсировать реку Эр, хотя шансы были против него во всех отношениях, поскольку герцог де Гиз занял позицию, выбранную таким образом, что он мог отступить на Дре, если бы был вынужден это сделать; его фланг был защищен ручьем и лесом; а его артиллерия была более многочисленной, чем у Конде.^[638] Авангардом гугенотов командовал адмирал; "битвой", в которой участвовали немецкие рейтеры, - Д'Андело; арьергардом - сам принц Конде. Министры и проповедники-гугеноты, вооруженные и верхом на лошадях, расхаживали среди мужчин, которые пели свои псалмы таким громким голосом, что их легко было слышать в королевском лагере. Со стороны католиков маршал Сент-Андре был направлен на Д'Андело; коннетабль Монморанси командовал арьергардом, получив инструкции держаться до тех пор, пока арьергард гугенотов не вступит в бой; в то время как сам герцог де Гиз командовал авангардом против адмирала.^[639]

Сражение началось около полудня победоносной атакой конницы гугенотов во главе с Конде и Колиньи, которая отбросила швейцарцев-католиков и привела к захвату шести пушек и констебля Монморанси, который был легко ранен в рот. Его похитители "отправили его в Орлеан с такой скоростью, что он выпил всего один раз по дороге и то верхом".^[640] Вторая атака была менее эффективной главным образом из-за медлительности немецких рейтеров принца, которым приходилось переводить их приказы, и частично из-за эффективного артиллерийского огня противника, и завершилась пленением Конде, чья лошадь была подстрелена под ним. Слишком поздно, чтобы спасти принца Конде, адмирал частично объединил французскую и немецкую кавалерию, в ходе атаки которой маршал Сент-Андре был убит.^[641] Даже тогда проблема могла бы быть иной, если бы лакеи-гугеноты не вели себя как трусы.^[642] Потери протестантов составили около 800 человек из дворянства и почти 6000 лакеев и рейтеров, по словам тех, кто хоронил погибших.^[643] Потери католиков составили около 2000 человек, наиболее заметными среди павших были маршал Сент-Андре и Монбрен, младший сын констебля Монморанси.^[644]

Битва при Дре произошла в день праздника Святого Фомы — почти самый короткий день в году, — и гугеноты должны были благодарить наступление темноты за то, что она спасла их от преследования. Под его прикрытием Колиньи отступил к Ауно, где разбил лагерь, но часть гугенотской конницы всю ночь скакала галопом в сторону Орлеана. Повезло кальвинисту, который смог найти крест, чтобы надеть его на свою одежду завтра.^[645] На земле были найдены двадцать два штандарта принца Конде, которые были отправлены королю и вывешены в соборе Нотр-Дам. Почти все немецкие лакеи Конде были взяты в плен, около 2000 человек, три четверти из которых были отправлены обратно в Германию условно-досрочно, без оружия и с белыми жезлами в знак своего отречения; остальные поступили на службу королю и присоединились к войскам Рейнграфа под командованием Бассомпьера, эльзасца на службе Карла IX.^[646]

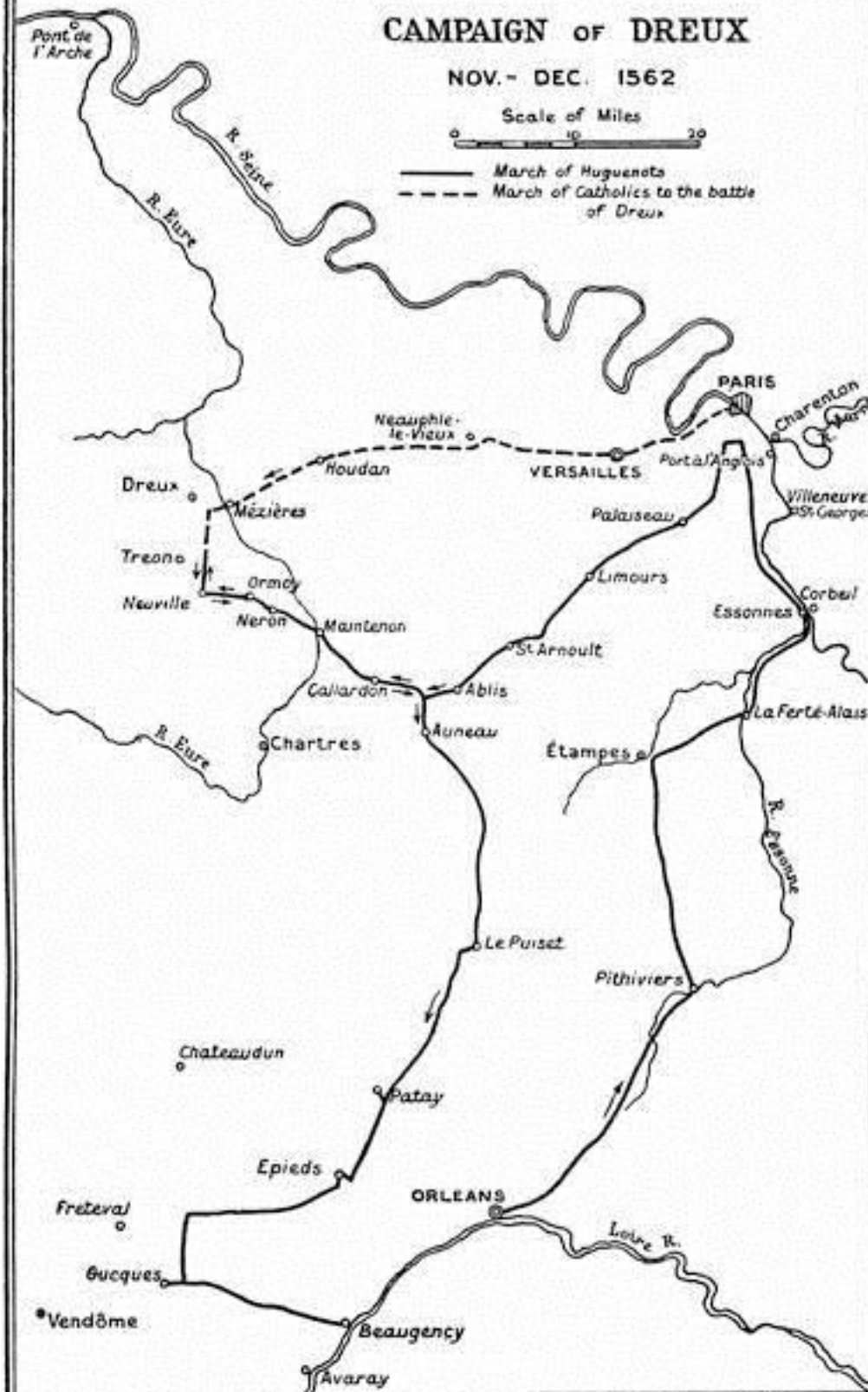
CAMPAIGN OF DREUX

NOV. - DEC. 1562

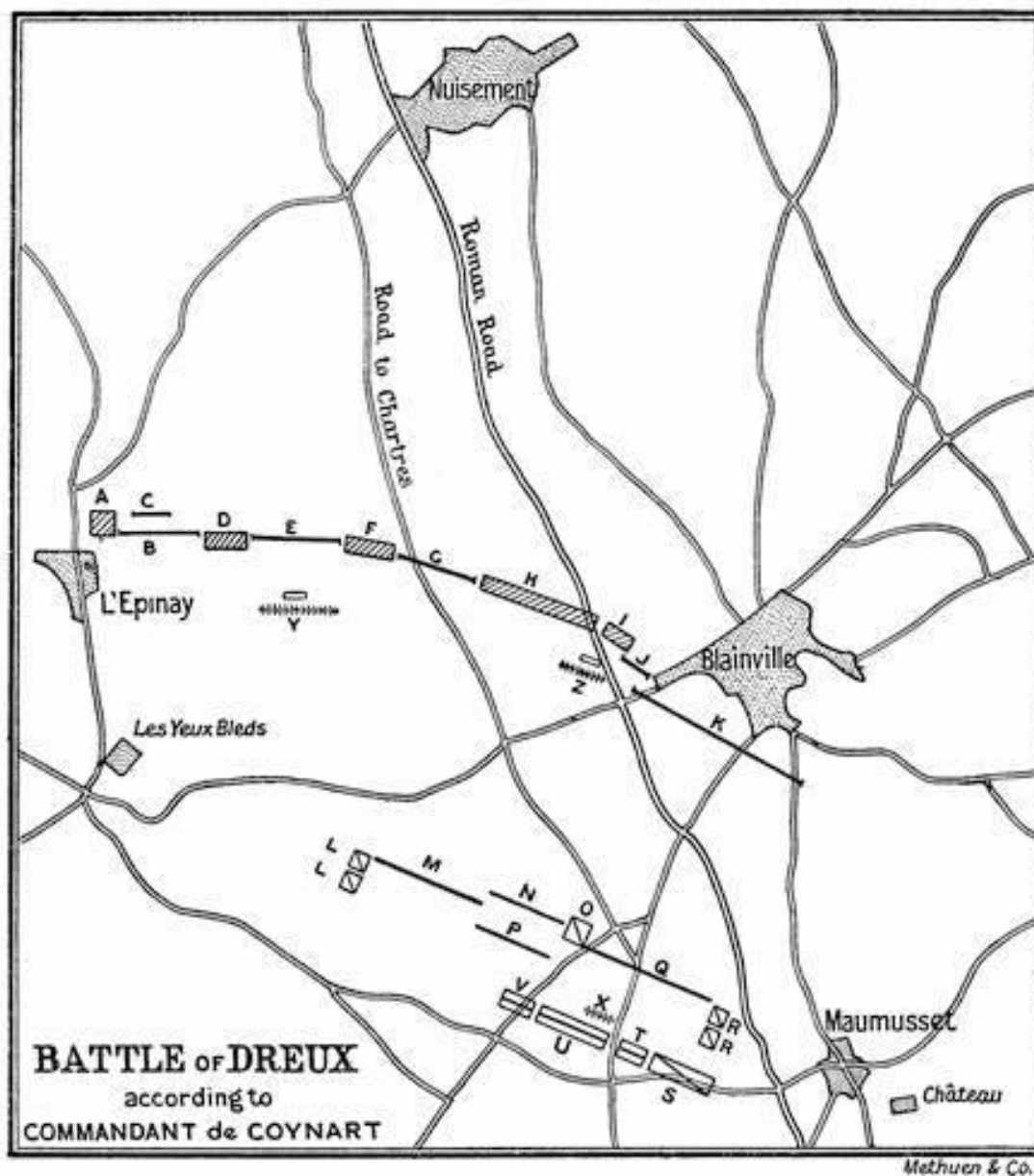
Scale of Miles

— March of Huguenots
 - - - March of Catholics to the battle of Dreux

Methuen & Co

Битва при Дре, хотя и не привела к полному разгрому гугенотов, была не меньшей катастрофой, потому что она сорвала усилия Колиньи по соединению с англичанами в Гавре и вынудила его отступить к Орлеану. Даже Испания вздохнула с облегчением, поскольку беспокойство о том, что англичане могут захватить Кале, рассеялось.^[647] Более того, французские протестанты нуждались в деньгах, войска Колиньи и Д'Андело задолжали жалование, рейтеры последнего три месяца не получали жалованья.^[648] С другой стороны, финансовое состояние правительства улучшилось благодаря усилиям кардинала Лотарингии, который собрал немного денег в совете Трента^[649] для продолжения войны, и активная деятельность испанского посла и папского легата, которые были отличными сотрудниками.^[650] Тем не менее, несмотря на поражение, Колиньи был полон решимости продолжать борьбу, хотя и не был уверен, какой политике следовать. Сначала он был склонен отправиться в Дофине и объединить силы с Де

Адрессом против герцога Немура,[651] но перспектива помощи католиков из Германии ранней весной сделала целесообразным отказаться от этого плана.

Военная ситуация в середине января 1563 г. была примерно следующей: центр гугенотов находился в Орлеане, где находился Д'Андело, контролировавший среднюю линию Луары выше Блуа и дальше на север, до Шатодена и окрестностей Шартра;[652] Колиньи находился в Вильфранше (12 января); Монтгомери находился в Дьеппе и англичане в Гавре. Но общению между единоверцами-протестантами препятствовал способ расположения католических войск. Этамп, который герцог де Гиз отвоевал в январе, восстановил необходимое связующее звено между Блуа и Парижем, и вся линия Сены оказалась в руках католиков; Уорик был осажден в Гавре Вьейвилем (он сменил маршала Сент-Андре и также был губернатором Нормандии), который находился в Кодебеке.[653] Маршал Бриссак находился в Руане с семнадцатью прапорщиками. Маршал Бурдийон, получивший батон покойного маршала Терма, находился в Пьемонте. Париж, конечно, был в руках правительства. В Берри, где верхние воды Луары и Сены сливаются, линии двух враждебных сторон соприкоснулись. Адмирал на второй неделе января 1563 года перешел Луару у Божанси и распределил своих людей в Сент-Эньане, Селле и Монришаре, которые лежали на правом берегу реки.[654] В то же время Гиз намеревался перейти реку другим путем и атаковать Орлеан. Этот шаг со стороны каждого командующего привел к столкновению сил близ Клери, в результате которого Гиз был отброшен. Состояние страны в то время было ужасным, особенно для герцога, чьи войска были настолько стеснены в средствах, что им пришлось добывать продовольствие в двенадцати лигах от лагеря.[655] Повсюду рейдеры были в ужасе, поскольку эти рейдеры часто совершали длительные и быстрые марши и внезапно обрушивались на населенные пункты, неся с собой смерть и разрушения.

Тем временем констебля держали в легком плену в Орлеане,[656] обращение, отличающееся от того, которому подвергся Конде, которого Дамвиль сначала держал под усиленной охраной в маленьком аббатстве Сен-Пьер в Шартре, причем и окна, и улица были зарешечены, а позже, 24 января 1563 года, перевез в Париж.[657] С тех пор, как Дре, королева-мать и констебль постоянно пытались заключить мировое соглашение.[658] В случае с констеблем главным мотивом был личный интерес: он раздражался в заключении и завидовал герцогу де Гизу.[659] С другой стороны, беспокойство Кэтрин носило политический характер. Она опасалась, что Англия навсегда приобретет Гавр-де-Грейс. Ее целью было заключить мир с гугенотами, а затем объединить стороны в войне за возвращение Гавра.[660] Но недоверие гугенотов к тому, что попытки заключить мир были лишь внешним соглашением; амбиции гизов, которые видели, что их сила процветает в борьбе; оппозиция Парижа и, возможно, прежде всего, оппозиция Испании, были трудностями на пути.[661] Радость Филиппа II по поводу Дре была омрачена его тревогой, и он тайно стремился сорвать любые условия мира, благоприятные для протестантов.[662] Кэтрин, вероятно, предпочла бы придерживаться чего угодно, лишь бы не позволять Личинам получать большую прибыль.[663] Королева-мать настаивала на необходимости заключения мира из-за нехватки средств для продолжения войны.[664] Но ее аргументы были развеяны торжествующими личинами, когда деньги начали поступать во Францию из Испании, Венеции, герцога Тосканского и некоторых немецких католических князей.[665]

С другой стороны, нищета протестантов росла день ото дня. Колиньи ежедневно испытывал страх, что рейтеры покинут его из-за задержки с выплатой.[666] Напрасно он писал Елизавете,

настаивая на скорейшем переводе денег. Осторожная проволочка и скупая политика Елизаветы в конце концов оказались фатальными для его целей. Напрасно ее посол во Франции, верный Трокмортон, призывал к немедленным и либеральным действиям. Уорик также добавил свою просьбу, проинформировав правительство метрополии и королеву, что адмирал будет “разорен и не сможет высоко держать голову без ее помощи людьми и деньгами”.^[667] Пресловутая скупость Елизаветы привела к тому, что она обманула французских протестантов туманными обещаниями, политика настолько недальновидная, что в конечном итоге лишила Англию поддержки гугенотов и вынудила эвакуировать Гавр-де-Грас, который в противном случае они могли бы превратить в еще один Кале. К февралю терпение адмирала было почти исчерпано, и его войска взбунтовались, рейтеры совершали набеги на страну до такой степени, что двор и иностранные послы были вынуждены удалиться из Шартра в Блуа, не осмеливаясь попытаться отправиться в Париж. Поскольку его положение становилось все более отчаянным из-за нехватки средств, Колинчи решил нанести удар на север, чтобы, если возможно, соединиться с англичанами на побережье Нормандии, и поэтому, пока его агенты вели переговоры о мире, чтобы выиграть время и обмануть врага, адмирал, оставив свои фургоны и багаж позади, чтобы его рейтеры могли беспрепятственно двигаться, ночью 1 февраля выскользнул из Жаргау с 2000 рейтерами, 1000 конных аркебузиром и 500 дворянами. Его целью было присоединиться к Уорику, но когда он добрался до Дре, где шестью неделями ранее произошла битва, он обнаружил, что для него невозможно переправиться через Сену, и поэтому, отправив графу сообщение о том, что он испытывает острую нехватку денег, чтобы заплатить своим людям, и “много усилий прилагает, чтобы удержать их вместе”, он отступил в сторону Кана.^[668]

Пока Колинчи лежал в больнице, Трокмортон — это, должно быть, противоречило его собственным убеждениям — послали посовещаться с ним, сообщив ему, что если адмирал считает, что содержание его армии и поддержка войны зависят только от Елизаветы, он должен понимать, что народ Англии не стал бы добровольно участвовать в таких расходах, поскольку война приносила ему мало прибыли. Поэтому Елизавета посоветовала гугенотам не отказываться от разумных условий мира, причем английская королева включила в сферу “разумных условий” настойчивое требование гугенотов о возвращении Кале Англии.^[669]

Тем временем, в то время как положение Колинчи становилось все хуже и хуже, положение Д'Андело в Орлеане также стало серьезным. Герцог де Гиз осадил город 4 февраля и получил во владение Портеро (6 февраля), орлеанское предместье за рекой, которое было укреплено предыдущим летом. Но гугеноты все еще удерживали город на своем конце моста и сломали несколько арок. В ручье лежал крошечный остров, и герцог планировал достичь его, наполнив тысячи мешков песком и гравием и бросив их в реку между берегами Портеро и островом, откуда у него было бы больше возможностей атаковать Орлеан из пушек.^[670] Но поскольку было зимнее время, река была слишком глубокой, а течение слишком сильным. Потерпев неудачу в этом, он планировал перерезать реку выше Орлеана, чтобы пустить воду на луговые угодья.^[671] Энергичная осада длилась много дней. Жители Орлеана использовали все виды металла, включая латунные снаряды, “которые были новым устройством и очень ужасными”, и их боеприпасы, казалось, могли пережить боеприпасы их врага. Положение католиков вокруг Орлеана ни в коем случае нельзя было назвать завидным. Не хватало продовольствия, денег и боеприпасов. Все латники и легкая кавалерия Гиза жили по своему усмотрению, то есть расквартировывались по окрестным деревням и заставляли бедняков страны кормить себя и своих лошадей. Двор делал то же самое в Блуа, чтобы “чудесным образом разрушить” страну. Нехватка пороха оказалась фатальной для успеха герцога, поскольку все пороховые заводы

правительства в Шартре, Шатодене и Париже были взорваны, случайно или нет, примерно в это же время, причем в Париже это произошло 28 января 1563 года, с большим материальным ущербом и несколькими человеческими жертвами.^[672] Вследствие этих катастроф католической артиллерии пришлось отправиться за порохом во Фландрию. Хотя католики проделали в стене несколько проломов, герцог де Гиз отложил финальный штурм по двум причинам: во-первых, потому что королева-мать надеялась взять город силами противника, во-вторых, потому что в конце марта католикам потребовалось подкрепление численностью в десять тысяч человек из Германии, Швейцарии и Гаскони.

Нет, луч надежды не рассеял тучу на горизонте гугенотов. Д'Андело из Орлеана, принцесса Конде, Элеонора де Руайе из Страсбурга, ее заключенный муж и Колиньи - все они тщетно умоляли английскую королеву о скорейшем освобождении. Положение адмирала к концу февраля было отчаянным. Он был вынужден перебраться в западную часть Нормандии, поскольку его 5000 солдат были “в такой ярости из-за своих денег, что он едва мог держать их вместе”, и были настолько развращены врагом, что в противном случае он мог бы полностью потерять их.^[673] Порошка тоже не хватало.^[674] Состояние Монтоммери^[675] в Дьеппе и Уорика в Гавре было таким же плохим. В Гавре еды было так мало, что рацион сократился до двухпенсовой буханки хлеба на четверых человек; дрова было невозможно заготовить; вода была плохой.^[676] Разграбление Нормандии в результате опустошительных действий рейдеров Колиньи, которые наводнили страну без закона и порядка, сжигали и разрушали деревни без учета религии, было ужасным. “Если рейтеры поймут, что сюда (в Кан) прибыл еще один посланец от королевы, а деньги не поступят, - писал адмирал, - спасти наши глотки от перерезания будет невозможно”. К счастью, уже на следующий день в Кан прибыл английский посол с известием для Колиньи о том, что восемь тысяч фунтов английскими соверенами, французскими кронами, ангелами и пистолетами находятся на пути из Портсмута в Кан.^[677] 1 марта по замку Кан был открыт огонь, и на следующий день маркиз Д'Эльбуф сдал его. Байе тоже капитулировал.^[678] Падение этих двух мест и ужасное состояние страны,^[679] возможно, нарушили решение короны продолжать войну.^[680] Но вмешалась другая судьба.

УБИЙСТВО ГЕРЦОГА ДЕ ГИЗА, 18 февраля 1563 г.

(Торторель и Периссин)

Генрих де Гиз был смертельно ранен в ночь на 18 февраля 1563 года убийцей-гугенотом по имени Полтрот[681] и скончался в следующую Пепельную среду, 24 февраля. Смерть герцога де Гиза стала тяжелым ударом для католиков. Его последователей, из-за его личного магнетизма, было больше, чем у любого другого католического лидера, поскольку многие дворяне и джентльмены придерживались католического дела больше из любви к нему, чем из верности установленной религии. Более того, он был способным генералом, сочетавшим в своей талантливой личности быстроту ума, решительность, опыт, популярность и физическую выносливость. Сразу же после того, как Гиз был ранен, королева-мать отправилась в лагерь с желанием повидать коннетабля. Принц Конде и констебль, очевидно, были главными действующими лицами, и поскольку они не могли вести переговоры, находясь в плену, они оба были освобождены 8 марта и в тот день провели совместную конференцию.[682] 19 марта король с согласия своего совета официально издал декрет о религиозной терпимости и назначил принца Конде генерал-лейтенантом королевства с освобождением от конфискации им любых королевских доходов во время смуты.[683] Давно пора было заключить мир, ибо восстание в провинциях нарастало. В Ла-Рошели, Пуату, Гиенне и Пикардии “ховегеносы” снова восстали в феврале, и наместники этих провинций послали в Блуа за помощью.[684]

ИНТЕРВЬЮ НА ОСТРОВЕ Иль-О-БЕФ

(Bib. Nat., Estampes, *Histoire de France*, Q. b)

Условия Амбуаза интересны тем, что они знаменуют триумф аристократического элемента в партии гугенотов, чьи интересы отождествлялись с их политическими целями и феодальным положением, над “женевской партией”, которая была строгими кальвинистами и обращала внимание только на религию.[685] Д'Андело и, в меньшей степени, адмирал были представителями этой последней группы.[686] Условия мира предусматривали, что принц Конде должен был унаследовать место покойного короля Наварры; что армия гугенотов должна была оплачиваться правительством; что во всех городах, где преобладала реформатская религия, за исключением Парижа, она должна была быть защищена; что в каждом бейливики король должен был назначить один город, где можно проповедовать Евангелие; что все дворяне, владеющие феодальными владениями в условиях низкой или средней справедливости, могли проповедовать в своих домах на благо своих семей; что все дворяне, пользующиеся высшей справедливостью, могли проповедовать в своих поместьях; что имущество, конфискованное у любой церкви, должно было быть конфисковано. подлежит восстановлению.[687] Париж сначала решительно отказался мириться с какими-либо условиями мира,[688] его католические предрассудки усугубляются желанием отомстить за убийство герцога Гиза; но король ответил на возражение парламента о том, что город должен решиться принять условия.[689] С другой стороны, Лион так же упрямо отказывался принимать мессу, так что в стране вокруг него оставалось беспокойно до самой осени.[690] Руан, Дижон, Тулуза, воодушевленные оппозицией парламента, отказались признать эдикт.[691] Дороги были

заполнены грабителями, и постоянное присутствие рейтеров, которым причиталась огромная сумма жалованья, представляло постоянную угрозу.

Немцы, состоявшие на службе у короля, и немцы, служившие принцу Конде, побратались по дороге домой. Они составили большой отряд численностью в 10 000 или 12 000 человек, отправившись по дороге из Орлеана через Плюмьер и Этамп в Париж и прибыли туда на пасхальной неделе, где пробыли по меньшей мере пять недель. Когда они уезжали, им пришлось целый день переходить мост через Сену из-за огромного количества багажа, который у них был. Переправившись через Сену, рейтеры разделились на две группы, чтобы лучше жить, одна из них обогнула правый берег Сены, другая переправилась через Бри к Марне, чтобы найти лучшую провизию для себя и своих лошадей. Эти последние пересекли Шампань до реки Об и расположились лагерем в Монтье-ан-Дер близ Васси на целых шесть недель, мародерствуя по стране на протяжении пяти или шести лье вокруг. Их грабежи довели крестьянство до такого отчаяния, что были созданы защитные ассоциации, состоящие из крестьянства и знати, чтобы противостоять их агрессии, и они нападали на оставших всякий раз, когда находили небольшую их группу, и перерезали им горло. Постепенно, однако, эти грабители были выведены за пределы страны, их сопровождала до границы французская пехота под командованием принца де Порсьена, который в то время находился в Меце, где он был расквартирован, чтобы сорвать любые усилия императора, которые могли бы предпринять для ее восстановления.^[692] Священник-историк из Провена наглядно изобразил грабежи рейтеров:

В начале этой войны [он говорит] жители деревень были так богаты и хорошо обеспечены, так хорошо обставили свои дома всевозможной мебелью, так хорошо обеспечили домашней птицей и животными, что на это было приятно смотреть.... Но солдаты уничтожили их прекрасные столы, их блестящие, окованные медью сундуки и убили огромное количество домашней птицы, не заплатив за это или же предложив ничтожную сумму пропорционально количеству солдат, которые были размещены в доме. Было все равно, был ли так устроен один человек или многие, потому что солдат, у которого был отдельный дом, захватывал все для своей выгоды. Жены и дочери крестьян были вынуждены защищать свою честь. Имущество было конфисковано, и солдаты творили всевозможные злодеяния в течение трех-четырех дней, пока они могли оставаться на месте.^[693]

Со времен Столетней войны Франция не видела народа более страшного и грозного, чем эти рейтеры. Они разграбили у несчастных людей все их имущество, нагрузив им лошадей и повозки. Среди своего снаряжения они несли веялки для просеивания зерна, цепи для взбивания его на полях и мешки для перевязки. У них были с собой мельницы для измельчения зерна и маленькие печи для выпечки хлеба. Где бы они ни селились, они переворачивали полы, взламывали чуланы и рылись в садах, дворах и дымоходах, чтобы найти добычу. Они даже нападали на дома и шато знати, мимо которых проходили, если видели, что те не были сильны или хорошо защищены.^[694] По этой причине те, кто жил в плохо укрепленных домах, покинули их и бежали в города. Те, кто владел сильными и хорошо укрепленными домами, набирали солдат для своей защиты. То, что произошло в Провене, несомненно, происходило и во многих других местах.

В карфур Провена было объявлено, что ни один житель города под страхом штрафа в сто ливров*турнуа* и тюремного заключения не должен покидать его, и что каждый мужчина в

десять часов утра должен явиться со своим оружием к дому своего сержанта (*дизенье*) с целью выставить охрану на стенах, каждый в своей части города. Все жители окрестностей начали покидать свои дома и перегонять скот в город. Вечером накануне Пасхи посланцы из Провена сообщили, что рейтеры уже близко. При появлении этих новостей на городской стене были выставлены наблюдатели, а городские власти выставили кордебалет. Утром следующего дня, в Пасхальное воскресенье, городские ворота открылись только в восемь часов, после чего в город хлынуло бесконечное количество повозок и вьючных животных, груженных имуществом окрестных жителей. Там едва хватало места, чтобы одарить стольких людей и стольких животных. В приходских церквях отслужили богослужение, поскольку ожидалось, что рейтары направятся к городу, и люди были полны решимости не впускать их, а сопротивляться до последней капли крови.

Чтобы выяснить, каково снаряжение и вооружение каждого жителя города, в полдень было созвано общее собрание для демонстрации оружия, но провести собрание не удалось, потому что все улицы и площади были забиты беженцами и их животными. Вследствие этого в каждом из кварталов города были проведены местные собрания. Таким образом, день тянулся, и ужас улегся только тогда, когда стало известно, что рейтеры ушли в сторону Марны, которую они пересекли выше Кулумье. На следующий день, в пасхальный понедельник, на улицах не было процессии, как обычно, из опасения неожиданности, и только к вечеру люди, нашедшие убежище в городе, начали расходиться.^[695]

Но неприкрытая враждебность Испании к Амбуазскому эдикту была большим источником опасности для Франции, чем протесты парламента или народное насилие. “Если еретики добьются своих требований с помощью английской королевы, - угрожал Шантонне 6 марта, - католики, в свою очередь, восстанут, и их поддержат король, мой повелитель, и все католические князья”.^[696] Но Кэтрин была не в настроении поддаваться запугиванию. Она открыто сказала ему, что он обращался с ней так, как будто управлял страной, и обвинила его в умышленном измышлении, саркастически добавив, что в какой-то степени может простить его за это, потому что знает, от кого он черпал свое мнение, имея в виду констебля и двух покойных членов Триумvirата.^[697] Религиозные убеждения Филиппа II были возмущены терпимостью к кальвинизму, разрешенной Амбуазским эдиктом, тем более что королева-мать, оправдывая курс правительства, поставила под угрозу церковь в целом, заявив, что единственное практическое решение проблемы может быть достигнуто истинным генеральным советом церкви, а не самим королем. та, что заседала в Тренте, вопреки выводам которой она утверждала законность и нерушимость указа.^[698]

Екатерина Медичи была глубоко обеспокоена поведением Тридентского собора. Ибо программа ревностных защитников контрреформации там была направлена на консолидацию церкви и расширение папской власти до такой степени, что незапамятные свободы галликанской церкви, подтвержденные великим конкордатом 1516 года, и права короны на светские права церкви во Франции оказались под серьезной угрозой. Осложнения между гугенотами и Англией и убийство герцога де Гиза обострили этот вопрос. В тот месяц, когда был убит герцог, состоялась важная встреча послов ультракатолических держав, проживающих при французском дворе, на которой было решено поддержать Совет в вопросах религии; предотвратить в будущем присвоение церковных доходов государством под страхом отлучения от церкви; искоренить ересь; и отомстить за убийство герцога де Гиза.^[699] Кардинал Лотарингии был главным представителем Франции в Тренте и, возможно, самым заметным

тамошним прелатом. Он был категорически против политики Карла IX, выступавшего за полное подавление гугенотов. Таким образом, его пребывание в Тренте стало опасным для Франции, и Екатерина Медичи ловко нашла способ устранить его, отправив со специальными поручениями в Вену и Венецию, оставив дела Франции в Тренте в руках сьера де Лансака, чья верность католической вере не подорвала его патриотизма.[700]

Помимо своего религиозного антагонизма, Филипп II считал, что ситуация во Франции ставит под угрозу и его собственные политические интересы. Он был встревожен возможным возвращением Кале Англией,[701] и прогресс ереси и восстаний в Нидерландах, особенно в Валансьене и Турне, несомненно, поощрялся примером Франции, в то время как совместные усилия гугенотов Пикардии и последователей религии по ту сторону фламандской границы вызывали серьезные опасения.[702]

ГЛАВА VIII

ВОЙНА С АНГЛИЕЙ—ТРУАСКИЙ МИР[703] (1563-64)

Прекращение гражданской войны было необходимым условием, предшествующим войне, которую Франция теперь планировала вести со своим "противником Англией" за возвращение Гавр-де-Грейс. Екатерина Медичи заплатила рейтерам Колиньи, чтобы как можно скорее закрыть пропасть. Проницательные представители королевы Елизаветы во Франции — Трокмортон и Смит - сделали все, что было в их силах, чтобы отговорить протестантов от заключения мира.[704] Слишком поздно Элизабет осознала результат своего промедления. Война между Англией и Францией из-за Гавра была неизбежна,[705] хотя в марте французское правительство скрыло свое истинное намерение, дав англичанам понять, что последняя часть четвертой статьи мирного соглашения, в которой говорилось о выдворении иностранцев из королевства, применялась к немецким войскам.[706]

Англичане заявили, что, если французы вернут Кале королеве, Елизавета сдаст Гавр-де-Грас и Дьепп со всем, что удерживалось англичанами в Нормандии.[707] Но французы утверждали, что англичане, оккупировав Гавр-де-Грас, были лишены всех прав на Кале,[708] и отказались принять такое предложение, надеясь вернуть Гавр-де-Грас -Милость силой[709] а также оставаться хозяевами Кале в силу договора 1559 года, который предусматривал, что если в течение срока действия договора, который должен был действовать в течение восьми лет, англичане приобретут другие владения во Франции, они немедленно потеряют свое право на Кале. На это Англия ответила, что Франция была первым нарушителем, когда французские войска были посланы в Шотландию на помощь королеве Марии; и что таким образом договор был нарушен и Кале достался ей. Елизавета отказывалась видеть, что ее собственное эгоистичное поведение вынудило гугенотов пойти на условия, и горько упрекала лидеров гугенотов за их "дезертирство".[710]

Решимость развязать войну исходила исключительно от королевы, главные члены правительства выступали против этого как из-за крепости, которую, по их мнению, было трудно взять, так и из-за неразберихи, которая все еще царила в королевстве. 7 апреля принц Конде был произведен в лейтенанты. Маршал Бриссак, который был главным военным комендантом, неделю спустя вместе со швейцарцами покинул Париж и отправился в Нормандию, и вся артиллерия, которая недавно использовалась перед Орлеаном, была отправлена вперед.[711] Артиллерия и боеприпасы были отправлены по реке, а также была переправлена провизия. Кампания была отложена до этого времени по двум причинам: во-первых, чтобы выяснить, можно ли подавить внутренние беспорядки и вывести рейтеров из королевства, поскольку в противном случае было бы опасно предпринимать какие-либо передвижения в направлении побережья; во-вторых, вся территория Нормандии была настолько опустошена войной, что армию можно было содержать только с очень большими затратами и неудобствами. К счастью для французского правительства, беспокойство по поводу планов императора относительно Меца теперь рассеялось, поскольку кардинал Лотарингии убедил Фердинанда, что, если Три епископства будут восстановлены, они станут убежищем для еретиков из Нижней Германии и Люксембурга.[712]

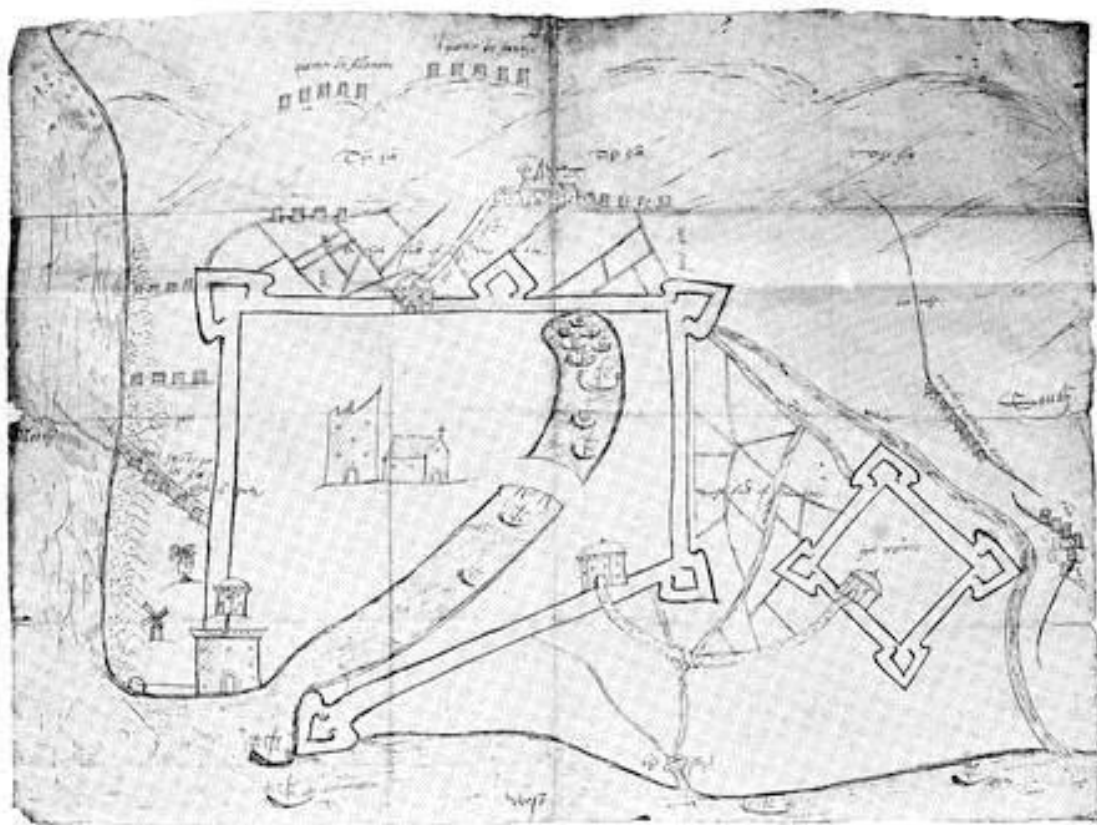
Королева-мать обратилась в Париж с просьбой о получении 200 000 крон, и королевский указ обязал духовенство вносить 100 000 *экю от ренты* с годового дохода.[713] В то же время правительственный *запрет* на вино был наложен на шесть лет, к ужасу многих городов, которые выступали против исполнения указа, утверждая, что виноградная лоза и вино были их единственным средством к существованию.[714] Король также отправился в парламент, чтобы получить там денежные средства против Англии, заявив, что 200 000 крон из города должны были быть использованы для выплаты рейтерам Рейнграфа, которые взбунтовались из-за своего жалования в Шампани, чтобы покинуть королевство.[715] Париж с готовностью ответил: “парижанам наплевать на то, что они отдадут для восстановления Ньюхейвена”; в течение того года это было для них “бедствием и потерей многих миллионов франков”.[716]

Тем временем положение Уорика в Гавре стало настолько плохим, что он изгнал из города всех чужеземцев.[717] В преддверии осады за пределами старого рва вокруг города был построен новый ров шириной 30 футов, шириной 10 футов и глубиной 8 футов. Промедление английского правительства, однако, оказалось фатальным для успеха Уорика. Все его труды были напрасны.[718] 22 мая началось серьезное наступление французов на Гавр.[719] Посреди скуки и беспокойства Екатерина Медичи доминировала над всеми, не заботясь о собственном удобстве, но находясь в постоянном действии в любое время суток и большую часть времени находясь в состоянии сильного умственного напряжения. И все же ее терпение, ее обходительность и неусыпное внимание во время осады к правительственным советам и постоянным аудиенциям были замечательными. “Ее Величество, ” писал венецианский посол, - превосходит все, чего можно было ожидать от представительницы ее пола и даже от опытного доблестного человека или от могущественного короля и военачальника”. Она настаивала на том, чтобы присутствовать при всех штурмах и даже в траншеях, куда летели пушечные ядра и аркебузные пули.[720]

С этого времени характер Екатерины Медичи на протяжении всей ее долгой и разнообразной карьеры продолжал вызывать удивление у ее подданных. Даже самый искушенный придворный не смог бы оценить ее красоту. У нее были большие глаза и пухлые губы, как у Льва X, ее двоюродного дедушки.[721] Она также обладала характеристиками своей семьи. Она любила

возводить общественные здания; коллекционировать книги. Она сделала профессией доставлять удовольствие всем, по крайней мере, на словах, на которых не экономила. Ее усердие в общественных делах было предметом удивления. Ничто не было слишком незначительным, чтобы она не обратила на это внимания. Она не могла ни есть, ни пить без разговоров о политике. Она пошла в армию, не заботясь о своем здоровье или даже о своей жизни. Ее физические данные вызвали если не восхищение, то, безусловно, всеобщее изумление. Она любила хорошо жить, много и нерегулярно питалась и была пристрастна к физическим упражнениям, особенно охоте, которой она также следовала с целью снижения своего веса. Благодаря этому дизайну, каким бы невероятным он ни казался, она часто ездила верхом, одетая в тяжелые меха.^[722] В пятьдесят лет она могла ходить так быстро, что никто в суде не хотел за ней следовать.

Трудности французов при осаде Гавр-де-Граса были очень велики. Местность была окружена на расстояние мили болотами и морскими водами, которые были прорезаны недоступными каналами. Во время отлива на берегу моря всего в тридцати ярдах от стены была песчаная отмель. Осаждающие прошли вдоль берега, несколько скрытые песком и галькой, выброшенными морем, вклинились со своей артиллерией между этим берегом и морем и открыли огонь. К концу июля французы подошли так близко к стенам Гавр-де-Грас, что им почти удалось разгромить их в упор, и осажденные вышли на переговоры и потребовали четырех дней на установление связи с Англией.^[723]

ЭСКИЗНАЯ КАРТА УКРЕПЛЕНИЙ ГАВР-ДЕ-ГРАС

Датировано 15 июля 1563 года. Оригинал в Государственном архиве, Государственные документы, иностранные, Элизабет, том. XL, № 919.

Гарнизон был доведен до плачевного состояния, поскольку французы собирались штурмовать это место, поскольку они уже основательно потрепали и разобрали бастион и несколько башен форта и засыпали весь ров, так что, еще немного поработав, они бы с помощью лопаты надежно проложили для себя дорожку. Кроме того, у них была батарея из сорока пушек, так что, хотя в то время обычной особенностью осады было всего двадцать-тридцать выстрелов в день, французы теперь делали более ста двадцати выстрелов.[724] Наконец 28 июля Уорик согласился сдать Гавр-де-Грас и отправиться в путь через четыре дня. Два дня спустя в поле зрения появился английский адмирал Клинтон с тридцатью кораблями и пятью галиотами. Затем французская артиллерия была направлена в море, поэтому адмирал отплыл на следующий вечер вместе с флотом, и французская армия вступила в море в воскресенье, 1 августа 1563 года.[725]

Захват Гавра имел огромное непосредственное значение для Франции, особенно для Нормандии, поскольку Гавр был дверью, через которую все торговые потоки поступали не только в Руан, но и в Нормандию и на большую часть Франции. Без этой торговли Нормандия на Сене сильно пострадала.[726]

Но Элизабет не хотела верить, что потерпела поражение, и осень того же года стала свидетелем утомительных переговоров.[727] Главной трудностью между двумя коронами стало возвращение Кале. Французы настаивали на том, что они были освобождены от условий Като-Камбрезиса благодаря действиям, предпринятым Англией по делу Гавр-де-Грас; что тем самым была произведена утрата английского права на Кале.[728] Элизабет, с другой стороны, не пошла бы на мир, если бы ее претензии не были признаны.[729]

Тем временем в морях Фландрии, Франции и Англии были совершены тысячи пиратских актов, и торговля в Ла-Манше была совершенно прервана.[730] Наконец-то было заключено частичное соглашение. 11 апреля 1564 года в Труа был подписан мирный договор,[731] статьи о передаче Гавр-де-Грас Франции в обмен на 120 000 золотых крон, сумму, которую англичане неохотно приняли, хотя они требовали полмиллиона, условия также предусматривали имущественные компенсации и свободу торговли между двумя странами.

Относительно Кале ничего не было оговорено. После трех лет переговоров вопрос все еще оставался нерешенным. В июне 1567 года сэр Томас Смит, посол Елизаветы, потребовал возвращения Кале. Карл был уклончив, сказав, что посланник должен довольствоваться ожиданием, пока король не получит согласия своего совета, перед которым король открыто заявил Смит, что не будет восстанавливать Кале, но будет считать его владением своих предков, на которое королева Англии не имеет законных прав. Когда посол ответил, сославшись на слова договора, канцлер ответил, что обещание было дано на четких условиях, что английская королева никоим образом не должна посягать на подданных или территорию Франции или Шотландии, но из того, что произошло в Гавр-де-Грас, стало очевидным, что она отказалась от всех претензий, которые она могла иметь на Кале. Ответ короля был примечателен тем, что это столь превосходный пример французской доктрины “естественных границ”, Карл IX ответил на тот факт, что королева не должна сожалеть о потере Кале, зная, что издавна это было владение французской короны, и что Бог пожелал, чтобы оно вернулось к своему первому хозяину, и что двум королевствам следует оставаться довольными границами, созданными для них природой, и границей, столь четко очерченной, как море.[732]

ГЛАВА IX

РАННИЕ МЕСТНЫЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ ЛИГИ

Благодаря ее собственной предприимчивости в развязывании войны, которая завершилась с такой честью для Франции, а отчасти также благодаря ее умелому обращению с придворными фракциями, Екатерина Медичи теперь пользовалась верховной властью. Вся тяжесть управления легла на ее плечи, поскольку больше не было другого человека, который контролировал бы государственные дела. Фракции Гизов и Шатийонов были полны враждебности друг к другу, поскольку мадам де Гиз отказалась признать оправдательный приговор адмиралу за убийство ее мужа;[733] Монморанси был глубоко оскорблен тем, что молодой герцог де Гиз получил звание великого магистра и дар герцогства Шательро, и поэтому притворился больным подагрой, чтобы избежать службы перед судом. Гавр; Конде был вдвойне зол на королеву, и потому, что она отказалась от обещанного чина лейтенанта, и потому, что дочери маршала Сент-Андре, оставившей большое состояние, не разрешили выйти замуж за его сына. Таким образом, стороны находились в трехсторонних отношениях друг к другу, и искусство Кэтрин было направлено на поддержание равновесия, чтобы настоять на своем.[734]

Население самого остроумного города Европы быстро осознало существовавшую враждебность и парадоксы. “Парижанам есть чему удивляться, ” гласила поговорка. - четкам констебля, мессе канцлера и красной шапочке кардинала Шатийона. Один вечно перебирает четки, а его голова всегда занята другими делами; другой ежедневно слушает мессу и является главным гугенотом Франции; третий носит кардинальскую шапочку и бросает вызов папе”.[735] Королева-мать надеялась, что религиозная вражда будет забыта в ходе войны с Англией. Но она была разочарована. Мир в Амбуазе не удалось принудить. Даже в Париже вооруженные войска и вооруженная охрана должны были патрулировать улицы, чтобы предотвратить вспышки насилия.[736] Было невозможно разоружить католиков, которые обыскивали дома, чтобы выследить гугенотов.[737] По условиям перемирия протестантам было разрешено вернуться в Париж, но кто осмелился воспользоваться столь сомнительной свободой? Вместо этого они были вынуждены пожертвовать своим имуществом.[738] В провинциях царил такое же положение вещей — в Лангедоке, в Орлеане, в Лионе.[739] В Лангедоке ассоциация гугенотов поддерживала свою организацию, собирала деньги, набирала войска.[740] Тем не менее, несмотря на неспособность обеспечить умиротворение, правительство потребовало сноса стен городов, известных как оплоты гугенотов, таких как Орлеан, Монтобан и Сен-Ло, процедуре, которой протестанты решительно сопротивлялись; так что состояние мелкой гражданской войны существовало на большей части Франции, несмотря на Амбуазский эдикт.[741] Резюмируя, можно сказать, что бедами Франции в то время была вражда между домом Гизов и Шатийон — вражда, которая скомпрометировала корону и большинство других великих семей королевства; стремление королевы управлять страной, которое привело ее к разжиганию ссоры; религиозная нетерпимость; бедность короны; неопределенность ее внешних отношений; и, наконец, ущерб для Франции. его торговля была вызвана войной с Англией, которая лишила Францию четырех или пяти миллионов золотых.[742]

Еще до заключения мира между Францией и Англией было решено, что королю следует совершить поездку по провинциям для лучшего умиротворения страны.[743] В то же время была разработана программа административной и финансовой реформы. Армия должна была быть сокращена; вместо королевских гарнизонов должна была появиться “прекрасная милиция” из сорока пехотных прапорщиков, по десять человек в Пикардии, Нормандии, Лангедоке и Дофине. Эти войска должны были поддерживаться частично короной, частично провинциями. Шотландская гвардия должна была быть сокращена. Благодаря помощи церкви двенадцать миллионов государственного долга, включая невыплаченный остаток приданого Елизаветы Испанской и герцогини Савойской, должны были быть выплачены в течение шести лет и выкуплены отчужденные владения короны.[744] Уже в Руане, во время осады Гавра, было объявлено о совершеннолетию Карла IX[745]— ловкий ход королевы-матери, направленный на то, чтобы помешать амбициям фракций.[746]

Ранней весной 1564 года двор выехал из Фонтенбло, а оттуда направился в Санс и Труа, где был подписан мир; из Труа путь вел в Бар-ле-Дюк и Нанси. Но путешествие короля, вместо того чтобы успокоить гугенотов, встревожило их еще больше. Ибо самые решительные попытки нарушить мир в Амбуазе были сделаны королем не только властями провинции[747] но и через послов некоторых католических держав.

Трентский собор завершил свою работу с несколько неподобающей поспешностью 4 декабря 1563 года в связи с ожидаемой кончиной Пия IV,[748] и на правительства Франции и Испании было оказано сильное давление, чтобы они приняли его выводы.[749] Папа римский на консистории принял их в целостности 26 января 1564 года.[750] Но различные европейские правительства, особенно Франция, решительно возражали против выводов, поскольку они наносят ущерб интересам монархии.[751] В первый понедельник Великого поста кардинал Лотарингии представил декреты Трента королю на совете и другим членам парламента, настаивая на том, что их принятие необходимо для упокоения королевства. Последовавшие за этим дебаты в определенном смысле были испытанием на прочность между умеренной католической партией, возглавляемой канцлером Лопиталем, и семейством Гизов. Против выводов было выдвинуто много возражений, особенно со стороны канцлера, который утверждал, что они противоречат привилегиям галликанской церкви и что партия кардинала теперь пытается хитростью добиться того, чего им не удалось добиться силой оружия. Кардинал ответил словами о том, что Лопиталь не обращал внимания на выгоды, которые он получил от них (Личин), используя слово “неблагодарный” (*ingrat*). На это канцлер высокомерно ответил, что он никогда не получал никаких льгот ни от кардинала, ни от его семьи, что он всего лишь занимал должность *мэтра реквием*, которая не была высокой должностью, и что он не желает выплачивать свои долги в ущерб суверенитету короля, голосуя за указы. В конце концов, Франция отказалась принять все выводы.[752]

После закрытия Тридентского собора представители ультракатолических держав, в частности Испании и Савойи, намекнули Карлу IX, что их монархи помогут ему в искоренении ереси во Франции. Это предложение было одновременно обещанием и угрозой, подразумевавшей, что католический мир в целом не потерпит признания протестантизма Францией и что совместные действия наиболее заинтересованных держав могут вынудить короля Франции соответствовать своему титулу Самого христианского короля. Кардинал Лотарингии привез с собой в Трент идею

триумvirата,[753] и на заседании Совета предложил создать ассоциацию, которая будет называться “Братство католиков во Франции”. Он предложил заручиться сотрудничеством своих племянников, родственников и друзей и с этой целью вернулся во Францию с согласия папы римского.[754] Триумvirат, как мы видели, уже сделал предложения Испании, на которые Филипп II ответил сердечными, хотя и не очень определенными чувствами, и с момента обнародования Январского эдикта и формирования триумvirата идея католической лиги, в которой папа и король Испании должны были участвовать. главные столпы начинают обретать форму.[755] Миссия Луи де Сен-Желе, сьера де Лансака, в Тренте и Риме в этом месяце заключалась отчасти в том, чтобы предотвратить формирование такой лиги, а отчасти в том, чтобы убедить папу одобрить присвоение французским правительством имущества церкви. Гранвелла не был против этой идеи, хотя, по его мнению, такая лига должна быть сформирована не с целью вмешательства во Францию, а в качестве защитной меры, чтобы Екатерина не попыталась воспользоваться критической ситуацией, сложившейся в испанских Нидерландах, и вмешаться туда, чтобы отвлечь недовольство французов от внутренних дел и помешать протестантам Нидерландов помогать своим единоверцам во Франции.[756]

Начало гражданской войны после резни при Васси и захвата англичанами Гавр-де-Грейс убедило Филиппа II в том, что во Франции пришло время действовать, и испанские войска и испанские деньги были предоставлены в распоряжение Гизов, хотя Филипп отрицал перед Англией, что он оказывает помощь католической Франции.[757] В мае и снова в августе 1562 года Триумvirат обратился к Филиппу II,[758] и 6 июня испанский король написал регенту в Нидерланды направят Триумvirату помощь. Но отдать приказ было легче, чем выполнить, и ровно месяц спустя (6 июля) и Маргарет, и Гранвелла ответили, утверждая о невозможности выполнения пожеланий Филиппа на том основании, что из поместий невозможно получить деньги для такой цели.[759] Тем временем кардинал-легат во Франции, убежденный, что “для того, чтобы положить конец злу, не было более короткого пути и лучшего средства, чем прибегнуть к оружию”, [760] и недовольный медленным ответом Испании на петицию триумvirата,[761] побудила Ватикан и мадридский двор к более активным действиям.[762] В результате, хотя это противоречило их здравому смыслу, Маргарет и Гранвелла в августе убедили Государственный совет выделить 50 000 экю на войну во Франции, а в сентябре 3000 итальянцев были отправлены из Франш-Конте на помощь Таванну в Бургундии.[763]

Элементы будущей Священной лиги проявились здесь еще в 1561-1562 годах. Но помимо курса, проводимого в высших политических кругах, в то же время во Франции формировались народные ассоциации по поддержанию католической религии. В 1562-63 годах было сформировано несколько провинциальных лиг и городских ассоциаций, которые были настоящими корнями Священной лиги.

Жители столицы начали проявлять свои предрассудки в организованной военной форме еще в 1562 году, и правительство, вместо того чтобы подавлять эту тенденцию, поощряло ее. 2 мая 1562 года парижский парламент принял постановление, предписывающее *ежедневно* и всем лояльным католикам в каждом квартале города организоваться с оружием в руках, с капитанами, капрами и сержантами.[764] Но перевес Парижа в формировании Священной лиги был преувеличен. Когда это стало национальным делом, Париж, как столица и самый католический город Франции, ухватился за это и сделал это своим. Но говорить, что Париж отдал Лигу провинциям, - это переворачивать дело с ног на голову. Скорее, Париж отождествлял себя с их интересами и отражал их страсти и их характер, “свирепый в Лангедоке,

угрюмо-упрямый в Бретани, повсюду изменяющий свой характер и свою преданность политике городов”.[765]

Юг Франции в этом отношении был гораздо более агрессивным, чем север, и во многих провинциях были созданы антипротестантские объединения, что вызвало беспокойство правительства, которое не знало, как их контролировать.[766] Самым ранним из таких местных объединений, созданных католиками, по-видимому, было одно из Бордо, где люди были организованы после попытки протестантов завладеть замком Тромпетт в правление Франциска II.[767] Это объединение, созданное в Бордо, является зародышем Католической лиги, которая позже распространилась на Бордле и Гасконь. Другие части Франции последовали этому примеру. В ноябре 1562 года в Эксе была создана Ассоциация Прованса, которая терроризировала гугенотов.[768] Тулуза была известна своей католической традицией, и уличные войны между католиками и протестантами были обычным явлением. Более чем обычно бурная вспышка народного гнева достигла здесь кульминации 2 марта 1563 года в создании Католической лиги, спонсорами которой были кардиналы Арманьяк и Строцци, наместники короля в сенатах Тулузы и Альби, президент парламента Дю Фор, который был генеральным адвокатом короны, некоторые выдающиеся рыцари ордена и знаменитый Монлюк. Непосредственной причиной этой вспышки в Тулузе, по-видимому, стало сочетание ярости и страха перед заговором, которые испытали католики, узнав об убийстве герцога де Гиза. Когда началась вспышка, президент парламента Тулузы поспешно отправил гонца в Монлюк, умоляя его прийти к ним на помощь. По прибытии Монлюка в Тулузу вожди умоляли его встать во главе войск в провинции против гугенотов.

Монлюк сначала испытывал некоторые затруднения, соглашаясь на эту просьбу, потому что у него не было разрешения от Дамвиля, губернатора Лангедока, в провинции которого находилась Тулуза, и который, к тому же, не входил в число его друзей.[769] В конце концов, однако, он уступил их просьбе, и были приняты меры, чтобы поставить армию на ноги за тридцать дней. Те, кто составлял это собрание, составили договор о лиге или ассоциации 2 марта 1563 года, который должен был соблюдаться духовенством, дворянством и третьим сословием в городах и епархиях, находящихся под юрисдикцией парламента Тулузы, как в Лангедоке, так и в Гиенне. Согласно уставу этой ассоциации, члены обязывались носить оружие и давать клятву перед лицами, уполномоченными парламентом или королевским наместником в стране, выступать в поход всякий раз, когда это потребуется для защиты католической религии. Парламент Тулузы одобрил и санкционировал это объединение 20 марта, временно и без предъявления обвинений, “с благоволения короля”. От имени этой лиги были установлены налоги, собраны люди и составлена опись оружия в каждом *государстве* и епархии.[770]

Монлюк приехал в Тулузу только что после создания другой, более ранней лиги сохранения католической веры в Ажене, которая была организована 4 февраля 1563 года. Этот союз был прямым следствием осады Лектура и битвы при Верге. Монлюк получил приказ явиться вместе с маршалом Термесом к королю в лагерь перед Орлеаном. Но Аженуа не был вполне умиротворен, и дворянство страны было настолько встревожено, что они пришли к выводу, как наивно говорит Монлюк, “что в случае, если я решу отправиться к королю, как приказал его Величество, и предложить оставить их без головы, они должны будут задержать меня как пленника”.[771] Результатом стало то, что “Конфедерация и ассоциация города Ажен и других городов и юрисдикций Ажена” была сформирована и организована 4 февраля 1563 года с

капитаном, лейтенантом, сержантами, капрами и другими необходимыми офицерами, чтобы искоренить гугенотов из региона. Это был договор, скрепленный клятвой.[772]

Примеры Ажена и Тулузы оказались заразительными, а народная ненависть к гугенотам из-за убийства герцога Гиза способствовала распространению этих местных лиг. 13 марта 1563 года католические лорды Гиенны также заключили союз в Кадиллаке по тому же плану и с той же целью, что и католики Ажена и Лангедока.[773] Как и предыдущие, лига Гайенны была организована приходами, округами, сеньориями и провинциями под руководством одного верховного вождя, которому помогал совет, избранный из третьего сословия. На севере Франции, как уже было замечено, склонность католиков к объединению была не так сильна, как на юге. Есть свидетельства слабой ассоциации католиков в городах Руанне и нижней части Иль-де-Франса в 1563 году,[774] и о городской лиге в Анжу и Мэне.[775] Но к северу от Луары не было сформировано серьезной католической ассоциации до появления Братства Святого Духа в 1568 году под руководством маршала Таванна.

Ядром многих из этих католических ассоциаций, прежде чем они расширились до провинциальных лиг, в большинстве случаев, по-видимому, были местные гильдии или братства[776] определенного характера. Они были тесно связаны с сообществом торговцев, у каждого ремесла был свой святой покровитель, свое священное знамя и преданные отряды; но некоторые из наиболее аристократичных людей были присоединены к ремесленникам. У членов клуба были определенные места встреч и определенные дни, в которые они собирались, общие упражнения и часто общая трапеза. Они поклялись использовать свое богатство и свою жизнь, если понадобится, для защиты своей веры.[777]

Новая роль, которую теперь начали играть эти древние гильдии, представляет собой интересный этап религиозных войн. Если Франция в шестнадцатом веке переживала муки религиозной революции, то она также находилась в состоянии промышленной трансформации. По своему происхождению экономическая революция была независимой от Реформации, однако ее социальные и экономические последствия были настолько влиятельными, что в самом прямом смысле можно сказать, что религиозное движение было второстепенным.[778] Идентичность и полнота этого изменения старого порядка вещей совпадает с Реформацией, которая в значительной степени стала средством его выражения. Кризис совпадает с правлением Карла IX и Генриха III, хотя его зачатки особенно ярко проявляются во времена Людовика XI (ср. ордонансы 1467, 1474-76, 1479 гг.). Перемены особенно затронули гильдии, чья традиционная практика теперь достигла точки промышленной тирании. С середины пятнадцатого века контроль над гильдиями все больше и больше переходил в руки немногих. Этот рост социальной иерархии внутри гильдий имел серьезные политические и экономические последствия. Поскольку городское управление было в значительной степени результатом цеховой жизни, эта исключительность передала политический контроль над городами в руки "кольца", состоящего из высшей буржуазии, которая сформировала олигархию и постепенно вытеснила низшие классы от всякого участия в правительстве. Основная масса общинников повсюду, во Франции, Германии, Англии, имела тенденцию исчезать или заменяться избранной группой из внутреннего круга гильдии. Низшая буржуазия была исключена из совета в Невере в 1512 году, в Сансе в 1530 году, в Реймсе в 1595 году.

Но экономическая революция, подразумеваемая в этом изменении, имела гораздо большее значение, чем политическая. *Род метье* стал монополистом, капиталистическим классом,

контролирующим “клады” гильдий, а также правящим классом в местной политике. Старая гильдия была преобразована в торговую ассоциацию, действовавшую в пользу нескольких богатых семей, которые обладали капиталом, регулировали заработную плату и устанавливали срок ученичества в своих интересах. В целях обеспечения дешевой рабочей силы мастера увеличили количество подмастерьев, увеличили срок службы, повысили требования к *повару*, усложнили членство в гильдии и снизили заработную плату, нанимая необработанных, низкооплачиваемых рабочих в конкуренции с квалифицированной рабочей силой. Результатом стало то, что дистанция между высшим и низшим рабочими классами постоянно увеличивалась.[779] Социальная демократия и почетное сословие цеховой жизни, какими они были в тринадцатом и четырнадцатом веках, ушли в прошлое и были заменены борьбой между трудом и капиталом, между организованным трудом и свободным трудом, что приближает шестнадцатый век, каким бы отдаленным он ни был по времени, очень близко к нам в определенных его экономических условиях.

Конечно, были некоторые вещи, которые частично нейтрализовали этот антагонизм, такие как улучшение связи, рост производства, активность обмена, изобретение новых производственных процессов и открытие новых отраслей промышленности, особенно книгопечатания и шелководства.[780] Но ничто не компенсировало рабочему подорожание предметов первой необходимости из-за притока золота и серебра из Америки, поскольку его заработная плата не выросла пропорционально. В результате раскол становился все более и более резким. Результатом этой тенденции стало то, что бедные рабочие, отчаявшись добиться экономической справедливости от гильдий, стали работать в своих кварталах. Эта практика была настолько распространена в шестнадцатом веке, что для определения этого непризнанного класса было придумано новое слово - *chambretons*. Они занимались своим ремеслом в своих собственных домах и продавали изделия своего ремесла где угодно. Уже в 1457 году и снова в 1467 году мастера жаловались на эту практику.[781] Легко понять пагубное влияние этой новой формы производства на цеховой труд, поскольку новый класс рабочих не был подвержен ни прежним денежным сборам, ни прежним ограничительным правилам. Это была “нечестная” конкуренция за старый порядок вещей, который основывался на поддержании экономического равновесия между спросом и предложением, между трудом и капиталом, но был нарушен новыми тенденциями.

К трудящимся массам, попираемым хозяевами и экономически тиранизированным, Реформация пришла как первое *организованное* движение недовольства, и толпы недовольных рабочих по всей Германии и Франции поспешили отождествить себя с протестантизмом, не по религиозным причинам, а потому, что Реформация представляла собой именно то, чего они искали, — протест. Ситуация еще больше усугубилась из-за притока иностранных рабочих, главным образом из Германии, где эта экономическая революция произошла раньше и получила более полное развитие, чем где-либо в Европе, в крупных промышленных центрах, таких как Нюрнберг, и где мелкие немецкие рабочие были более изолированы, чем во Франции или Англии. Эти люди — сапожники, плотники, чесальщики шерсти и другие простые ремесленники - скитались по стране из одной провинции в другую, неся с собой экономическое евангелие свободного труда и религию лютеранства. Естественно, они прониклись своими чувствами к своим французским коллегам по работе - причем до такой степени, что в течение многих лет, в начале гражданских войн, гугенотов обычно называли “лютеранами”. До 1560 года большую часть протестантской партии составляли комбайнеры, валяльщики, драпировщики, ткачи, сапожники, чулочники, красильщики, портные, шляпники, столяры, стекольщики,

переплетчики, слесари, огранщики, оловянщики, бондари и т.д.[782] Даже в 1572 году, когда движение гугенотов в течение двенадцати лет возглавляли дворяне, такие как Шатийоны и Роханы, венецианский посол все еще характеризовал гугенотов как “секту, состоящую по большей части из ремесленников, таких как сапожники, портные и тому подобные невежественные люди”.[783]

Вместе с этой религиозной и экономической революцией произошли также изменения в нравах общества, охватившие все классы, — изменения, которые начались в правление Франциска I и были продолжены при Генрихе II. Вероятно, первоначальной причиной этого был новый интернационализм Франции, возникший в результате итальянских войн. Вернувшиеся солдаты, нагруженные военной добычей, привезли во Францию нравы и обычаи Италии, которые смешались с нравами и обрядами, привнесенными бродячими рабочими из Германии и Швейцарии.[784]

Пересмотр уставов гильдий был одной из второстепенных особенностей программы реформ политических гугенотов в Генеральных штатах Орлеана, и *генеральный план* третьего сословия, составленный на основе местных *документов*, представленных депутатами, демонстрирует интерес Франции в целом к этому вопросу. К сожалению, эти более полные локальные записи утеряны.[785] Но этот пересмотр касался только модернизации средневекового языка *ордонансов*, которые в основном датировались четырнадцатым веком, и не предполагал их полной переработки, чтобы привести в соответствие с новыми промышленными условиями. Кажется, только один человек в ассамблее оценил реальное положение вещей. Это был канцлер Опиталь. Не удовлетворившись мягкой реорганизацией гильдий, рекомендованной третьим сословием, в последний день сессии, 31 января 1561 года, канцлер разработал знаменитый орлеанский ордонанс.[786] Целью этого статута было косвенно ограничить возросшую экономическую тиранию гильдий, уменьшить бремя ученичества и установить более свободные условия труда. Этой цели правительство стремилось достичь путем роспуска братств, поскольку, нанеся удар по ним, оно действительно нанесло удар по гильдиям, поскольку многие из этих объединений были одним и тем же. Не делалось никакого различия между ассоциациями, носившими религиозный или благотворительный характер, и ассоциациями, состоящими из меценатов и рабочих; все братства были сгруппированы вместе, и был обеспечен государственный надзор. Они не были законодательно прекращены в результате нового действия, но были сведены к частичному роспуску. Накопленный ими капитал было приказано потратить на поддержку школ, больниц и подобных учреждений в городах и деревнях, где находились эти различные гильдии, и в их руках осталось лишь ограниченное количество денег. Муниципальные чиновники в сотрудничестве с представителями короны были возложены на личную ответственность за выполнение этой меры в каждом бейливики. Важно отметить важность этого курса. Правительство, по сути, проводило политику частичной секуляризации собственности этих братств в интересах народа в целом и принудительного распределения огромных сумм, находящихся в руках гильдий, во многом таким же образом, как церковь завладела огромными суммами в *mortmain*. Этот закон, если бы он действительно был эффективным, уничтожил бы гильдии.

Гильдии, таким образом, вынужденные защищаться из-за реформаторской политики короны и политических гугенотов, пытались спасти себя, ссылаясь на то, что они были религиозными объединениями. Этим ловким движением они заручились поддержкой католической партии. Но корона отказалась уступить, и мы находим, что *Братства метье* непосредственно

контролировались в письмах-патентах от 5 февраля 1562 года и 14 декабря 1565 года. В сочетании с этими мерами мы находим другие, запрещающие банкеты, фестивали и тому подобные торжества (эдикты от 11 декабря 1566 г. и от 4 февраля 1567 г.), которые к этому времени стали центрами религиозной агитации среди католиков. Но правительство не смогло придерживаться своего курса. Объединение гильдий и братств с католической партией оказало им большую и неожиданную поддержку. При новом порядке вещей они стали ядрами местных и провинциальных католических лиг.^[787] Другими словами, рабочая партия стала отождествляться с гугенотами, в то время как высшая буржуазия, контролирующая гильдии, придерживалась католического дела — в Руане в 1560 году торговцы фактически объявили карантин против рабочих, посещавших проповеди^[788] — и стали ядрами провинциальных лиг, точно так же, как во Франции в 1793 году каждый якобинский клуб стал орудием Террора правительства.

В то время говорили и часто утверждали с тех пор, что эти местные католические лиги изначально были всего лишь защитными ассоциациями и были созданы для отражения насилия гугенотов.^[789] Гугеноты практиковали такие же жестокие методы, как и их религиозные противники, и их правонарушения были столь же многочисленны; но, за исключением ассоциации гугенотов в Дофине, нет ни одного раннего примера протестантского объединения, подобного лигам католиков в провинциях. Местные протестантские организации не были столь развиты в военном смысле так рано, как сейчас, и не имели той же формы, что католические. Сам Монлюк, лучшего судьи, чем он, нет, свидетельствует, что во время войны в Гиенне в 1562 году “они показали себя новичками, и действительно, ими руководили их министры”. У протестантов, правда, было что-то вроде триумvirата в лице двух братьев Шатийон и принца Конде, но их деятельность лишь отдаленно напоминает политику настоящего Триумvirата; даже их обращение к Елизавете не предполагало такого радикального поведения, какое продемонстрировал Триумvirат.^[790]

Ни один лидер гугенотов никогда не думал о подчинении правительства Франции иностранному правителю для поддержания веры, в которую он верил,^[791] как это сделали Гизы, Монморанси и Сент-Андре. В заявлении Конде о том, что гражданская война была вызвана действиями триумvirата, было много правды. Правила ассоциации, которую гугеноты сформировали в Орлеане 11 апреля 1562 года, были в такой же степени сводом военных уставов для поддержания дисциплины в армии, как и политическим соглашением, как покажет чтение статей.^[792] В этом было мало от военно-политического характера католических лиг. Только после эпизода в Байонне мы обнаруживаем, что начала формироваться прочная федерация реформатских церквей, а первое испытание протестантской организации было проведено в начале второй гражданской войны.^[793] Однако здесь не место останавливаться на его развитии. В свое время эта тема будет рассмотрена.

Указ, подтверждающий акт умиротворения (19 марта 1563 г.), в своей шестой статье запрещал создание каких-либо лиг в будущем и предписывал роспуск уже существующих.^[794] Этот запрет с самого начала был мертвой буквой. Правительство не только не смогло предотвратить создание новых лиг; оно даже не смогло подавить те, которые уже существовали.^[795] Когда закончилась первая гражданская война, на юге Франции существовало три хорошо организованные католические лиги, а именно в Провансе, Тулузе и Ажене. Екатерина Медичи, которая в течение нескольких последующих месяцев продолжала активно демонстрировать свое стремление к миру,^[796] объявив Монлюку об Амбуазском акте, потребовала роспуска

этих ассоциаций. Однако вместо этого Кандаль, главный агент Монлюка в Гайенне, продолжил свою деятельность. 13 марта 1563 года, как уже отмечалось, вопреки надвигающемуся эдикту о умиротворении (который был завершен и только ожидал обнародования) католические сеньоры Гиенны в Кадиллаке (недалеко от Бордо) вступили в союз, идентичный по целям и форме союзу Ажена и Лангедока.^[797] Эта лига, которая является зародышем той, что распространилась по Гаскони, по-видимому, была донесена правительству Лагебастоном, президентом парламента Бордо, между которым и Монлюком были трения, отчасти из-за предпочтения Монлюком Ажена в качестве оборотного капитала региона, отчасти из-за его печально известной неприязни к классу юристов, чья склонность уважать формы закона и имущественные права мешала Монлюку своевольно управлять делами.^[798] Эта новая лига, столь вопиюще нарушившая эдикт, вызвала резкое письмо с упреком от королевы-матери в адрес Монлюка 31 марта. Сделав общий намек на “les maux” в связи с существованием “отдельных лиц и лесных ассоциаций, которые сами по себе свершились”, она говорит:

J’ay esté advertye qu’il s’en est faicte une autre en la Guyenne dont est chef Monsieur de Candalle, laquelle encores qu’elle ayt esté faicte à bonne intention durant la guerre, si n’est-ce que, cessant la dicte guerre et se faisant la paix, elle n’est plus nécessaire et ne la peult ung roy trouver bonne, ny que ceulx qui veulent estre estimez obéyssans ne peuvent soustenir sans encourir le mesme cryme de rebellion dont ilz ont accusé leurs adversaires. Et pour ceste cause, et que le Roy monsieur mon filz n’est pas délibéré d’en souffrir plus aucun, de quelque costé qu’elle procedde ny permectre plus à ses subjectz, de quelque religion qu’ilz soient, d’avoir autre association qu’avec luy et selon son obéyssance, il fault, Monsieur de Monluc, que, pour le bien de son service, comme il le vous commande expressément par ses lettres, que vous, qui estes son lieutenant-général par delà, faciez rompre celle qui s’est faicte sans permectre qu’ilz ayent aucune force, puissance ou autorité que celle que vous leur baillerez, ny aucune volonté que d’obéyr à ce que par vous, pour le bien du service du Roy monsieur mon filz, leur sera commandé; pour le quel effect j’en scriptz, comme faict le Roy monsieur mon filz, une lectre audit s^r de Candalle et à tous ceulx qui y sont comprins, comme nous en avons esté bien amplement advertiz.^[799]

До тех пор, пока амбиции Гизов не создали оппозиции им среди дворян старой линии и, таким образом, не отождествили движение гугенотов с интересами аристократии,^[800] Французская реформация находила свою главную поддержку среди низшего класса буржуазии в городах. Пропорция, естественно, менялась от места к месту. Лион, отчасти из-за своей близости к Женеве, но в большей степени из-за своего сильного коммерческого положения и крупных производственных интересов, среди которых наибольшее значение имела шелковая промышленность, был величайшим гугенотским городом Франции.^[801] Там, где мы обнаруживаем преобладание протестантизма в феодальных округах, это в значительной степени объясняется влиянием протестантских джентльменов-фермеров, часто буржуа на пенсии, которые покупали поместья в графствах у более старой знати, разорившейся в результате войн в Италии и Фландрии, или предпочитали жить при дворе. Оплотами французского протестантизма были приречные города, расположенные на торговых магистралях, или морские порты, такие как Руан и Ла-Рошель. Дофине, который жирел на торговле из Италии через Альпийские перевалы, и Прованс, граничащий со Средиземным морем, оба из которых “очищались” через Лион; Нижняя Пуату, где находилась Ла-Рошель, и Нормандия на Ла-Манше были главными протестантскими провинциями Франции. Нормандия, вероятно, была самой протестантской провинцией из всех, поскольку здесь кальвинизм распространился не только в портах и “хороших” городах, но и в сельской местности.^[802]

Но есть свидетельства проникновения протестантизма в сельские районы и в других местах — в Орлеане, Ниверне, Блезуа, Нимской епархии и даже в изолированных частях Шампани и Гаскони.^[803] Однако в целом французское крестьянство было убежденным католиком.

Причина этого, во-первых, социальная: в то время как революция пятнадцатого и шестнадцатого веков была разорительной для ремесленника, она была выгодна крестьянину. Рента, выплачиваемая землевладельцу, неизменно установленная в двенадцатом или тринадцатом столетии, представляла при новой денежной стоимости очень легкое бремя, в то время как падение цен на серебро значительно повысило номинальную стоимость продуктов земли, когда крестьянин продавал их. Цена на землю стремительно падала в то самое время, когда французское дворянство, перестав быть аристократией джентльменов-фермеров и превратившись в придворную знать, было вынуждено продать свои поместья, чтобы покрыть свои расходы и, как было сказано, взвалить на свои плечи свои мельницы и луга. Когда лорд желал продать за любую цену часть своих поместий, в приходе всегда находился крестьянин, который, можно сказать, веками копил деньги и который, реализовав наконец мечту ушедших поколений, купил землю. Так французский виллен стал землевладельцем. Правление Людовика XII и начало правления Франциска I были для французских крестьян эпохой настоящего процветания; его положение представляло разительный контраст с положением немецкого крестьянина, который в то же время находился под угрозой возвращения в рабство. Мы легко можем понять, почему во Франции не было, как в Германии, крестьянской революции, как социальной, так и религиозной.^[804]

Но есть и другие причины религиозного роста гугенотов среди народа, которые не так трудно найти. Их служители проповедовали на французском языке и избегали использования латыни, которая имела тенденцию к таинственности и неясности; после проповедей служба продолжалась молитвой и пением псалмов во французских рифмах под вокальную и инструментальную музыку, к которой присоединялись прихожане. В своем церковном устройстве гугеноты продвинулись дальше, чем Реформация в других странах Европы. В Германии и Англии Реформация все еще придерживалась многих институтов средневековой церкви, сохраняя епископат и низшее духовенство в качестве дьяконов, архидиаконов, каноников, викариев, а также облачения, канонические привычки и использование украшений.^[805]

Невозможно точно оценить соотношение между католиками и гугенотами в шестнадцатом веке. В протесте 1562 года папе римскому было объявлено, что одна четвертая часть Франции отделена от римского сообщества.^[806] Венецианский посол в 1567 году считал “едва ли третью часть народа еретиками”.^[807] В *эчевинах* Амьена заявили, что в том же году три четверти жителей Амьена были протестантами.^[808] Карл IX в обращении к Пию IV утверждал, что четвертая часть Франции была протестантской.^[809] Монлюк, небезызвестный наблюдатель, подсчитал, что одна десятая населения Гайенны была протестантской.^[810] Если бы эта пропорция была применена к Франции в целом, то гугенотов насчитывалось бы что-то около 1 600 000 человек. Беза, председательствовавший в синоде Ла-Рошели в 1571 году, утверждал, что у гугенотов было 2150 конгрегаций, некоторые из них очень большие, как в случае с орлеанской церковью, в которой, как говорили, насчитывалось 7000 членов. На момент проведения Коллоквиума в Пуасси в Нормандии насчитывалось 305 пасторов, в Провансе - 60.^[811] Но количество гугенотов в Нормандии, Провансе или Орлеане было исключительно большим. Среднестатистическая паства, должно быть, была небольшой. Если мы

предположим, что население Франции составляло шестнадцать миллионов[812] и что десятая часть населения была кальвинистами, у нас было бы в общей сложности 1 600 000 протестантов по всей Франции, что дало бы в среднем около 750 членов в каждой общине на основе заявления Безы о количестве церквей гугенотов. Это, безусловно, слишком высокая цифра. Лично я считаю, что средний показатель был меньше половины этого показателя. Если бы в конгрегации было в среднем по 400 членов в каждой, по подсчетам Безы, во Франции было бы 860 000 гугенотов. Венецианский источник 1562 года устанавливает число в 600 000 человек.[813] Возможно, это слишком мало, но, учитывая все обстоятельства, я считаю, что это недалеко от истины. Общее протестантское население Франции, по-моему, не превышало трех четвертей миллиона до 1572 года, и после этой даты часто бывает трудно отличить гугенотов от политиков.

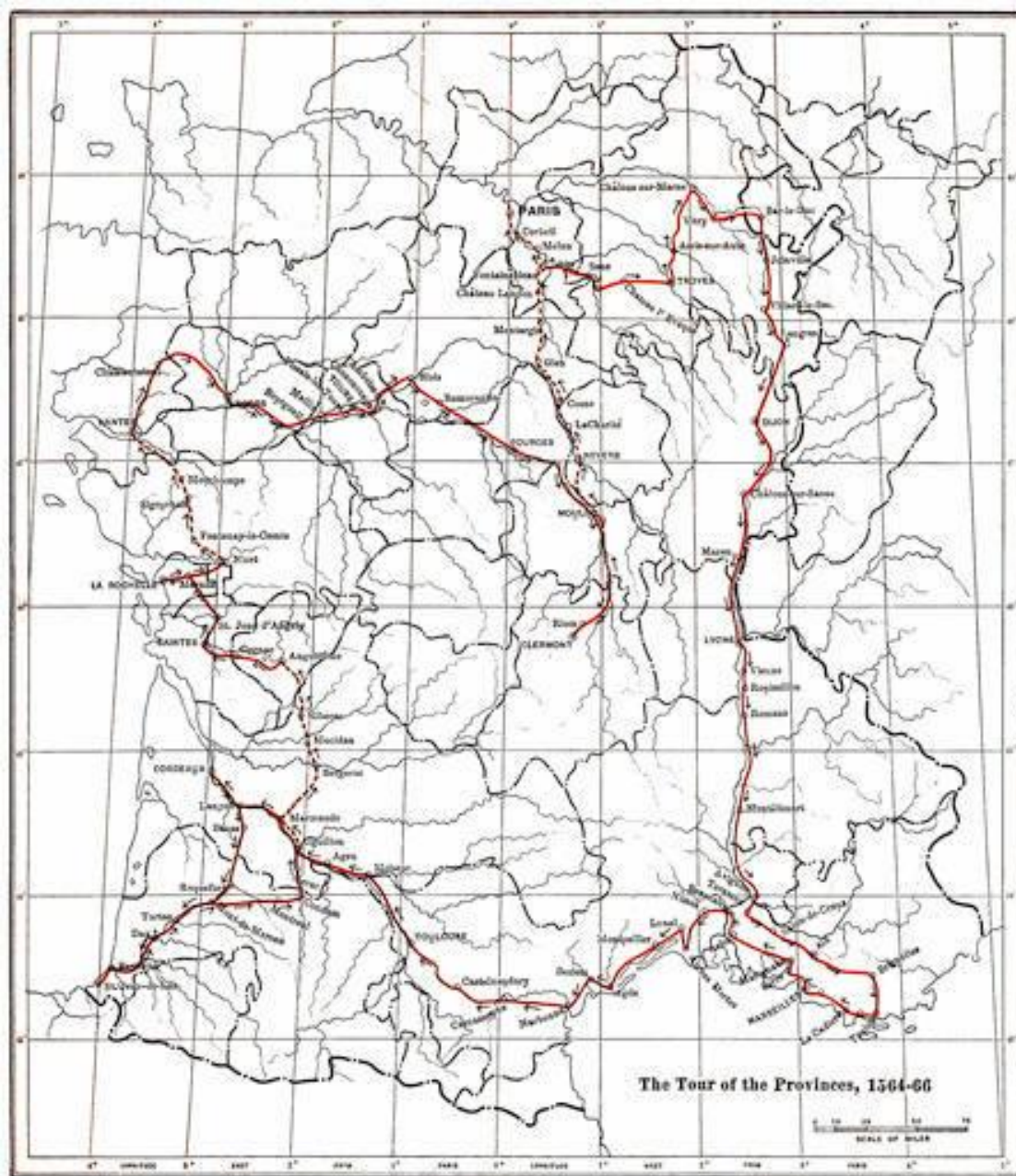
Таково было положение вещей, когда первая гражданская война подошла к концу.

ГЛАВА X

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПРОВИНЦИЯМ.[814] ЭПИЗОД С БАЙОННОЙ

“Я всегда *в разъездах*”, - писал венецианский посол сенату. “С начала моего посольства король не задерживался больше пятнадцати дней ни в одном месте. Он едет из Лотарингии в Пуату, а затем в Нормандию и на окраину Бельгии, снова в Нормандию, затем в Париж, Пикардию, Шампань, Бургундию”.[815] Доктор Дейл в том же духе написал лорду Берли: “У испанского посла есть поговорка, что послов во Франции съедают их лошади, поскольку они вынуждены содержать так много из-за привычки двора постоянно переезжать с места на место”.[816]

Но в знаменитом турне Карла IX по провинциям в 1564-1566 годах был смысл. Нестабильное положение в стране, если не по какой-либо другой причине, объясняет великий замысел Екатерины завершить умиротворение королевства, отправив короля в турне по королевству. Маршрут лежал через Сенс[817] (15 марта) в Труа (23 марта)[818] где 13 апреля был подписан мир с Англией; оттуда в Шалон- сюр-Марн, Бар-ле-Дюк, Дижон (15 мая), Макон (8 июня), а оттуда в Лион, куда суд прибыл 13 июня. Король путешествовал со своей обычной свитой, то есть со своей матерью, братом, герцогом Анжуйским, констеблем и гвардейскими лучниками, чтобы избавить народ от бремени больших развлечений, а тех принцев и дворян, которые пожелали последовать за ним, сопровождали только их обычные слуги.[819] Если гугеноты с опаской смотрели на пребывание короля в Бар-ле-Дюке, то[820] не без тревоги его Подданные-католики видели, как Карл IX посетил великий город, расположенный на слиянии рек Роны и Соны.[821] Лайонс, похоже, выпитал что-то от кальвинизма из самых вод реки эрроуи, истоком которой было озеро цитадели кальвинизма.[822] Ходили слухи, что готовится более крупный заговор, чем заговор в Амбуазе; что король и королева должны быть свергнуты и убиты, и что Лион объединится с Женевой, чтобы сформировать великую кальвинистскую республику.[823]

Но Лион милостиво принял короля и предоставил ему роскошные покои.[824] Чарльз был очарован оказанным ему приемом и поражен богатством и коммерческим процветанием города.[825] Расположенные в месте слияния рек Роны и Соны, вина и зерно Бургундии поступали в Лион на рынок, в то время как это было естественным пунктом торговли из Италии, помимо многого, что поступало из Испании и Фландрии. Ежегодно здесь проводилось четыре ярмарки. Главной отраслью промышленности города было производство шелка. В 1450 году Карл VII предоставил городу монополию на это. Франциск I в 1536 году освободил торговцев шелком от всех налогов и военной службы. Основная часть торговли находилась в руках итальянцев, которых, по слухам, в городе насчитывалось более двенадцати тысяч - в основном флорентийцев, генуэзцев и миланцев.[826] Было также много немцев и швейцарцев, чье присутствие доставило губернатору, герцогу Немурскому,[827] большое беспокойство, потому

что большое количество оружия было ввезено контрабандой проникнуть в город под видом товара.[828]

Двор недолго путешествовал по провинциям, прежде чем Екатерина Медичи обнаружила, что петиция бургундских сословий об отмене протестантского богослужения была не просто местным предрассудком, но и чувством провинций.[829] Элементы этого общественного мнения были различными: духовенство — однако не все — хотело, чтобы выводы Тридентского собора были приняты *в целом*; все они были недовольны признанием прав протестантов; отчуждение их земель вызывало недовольство духовенства, тем более что спекулянты скупали их по низкой цене из-за нехватки средств. сомнение относительно достоверности названия.[830] Гизы были разгневаны тем, что уголовное преследование Колиньи за убийство герцога было прекращено.[831] Как среди высших, так и среди низших слоев общества были беспринципные люди, которые надеялись нажиться на конфискациях, наложенных на гугенотов.[832]

Королева-мать была слишком хорошим политиком, чтобы не обратить внимания на эти признаки народных настроений, тем более что голос провинций был солидарен с теми, кто обладал высокой властью, кто не только призывал возобновить войну против протестантов, но и широко намекал на иностранную поддержку короны. Сначала Екатерина ответила любезно, но сдержанно, на тот счет, что мир, который был так торжественно заключен по совету принцев крови и совета, не может быть слишком легко отвергнут.

Печальные последствия войны были очевидны повсюду. Сельское хозяйство почти прекратилось в стране, известной своим плодородием, и вся страна была настолько разграблена и притесняема обеими сторонами, что бедняки, лишившись всего своего состояния, часто предпочитали бежать в леса, чем постоянно оставаться на милости своих врагов. Бродячие солдаты и распутные женщины с награбленным добром заполнили дороги.[833] Что касается торговли и мануфактуры, механическим искусством по-прежнему занимались только в крупнейших и сильнейших городах; даже здесь купцы и ремесленники закрывали лавки и отправлялись на войну, не всегда из религиозного рвения, но в надежде обогатиться за счет грабежей. Дворянство было разделено; духовенство пришло в ярость. Гражданская война сопровождалась сопутствующими средствами насилия, грабежей, убийств, изнасилований, и в течение нескольких месяцев правосудие в судах не вершилось. Сами методы, к которым прибегали для сохранения религии, делали ее ненавистной в глазах многих мужчин обеих партий. Обе партии были фанатичны в вере и на практике. Иконоборчество протестантов, которые разрушали церковные здания, седые от времени и освященные традицией, изгоняя заключенных, как мужчин, так и женщин, если не причиняли им худшего вреда, приобщило общество к изменениям, вызванным насилием, и сделало людей черствыми к одному из самых ценных достояний нации — почитанию традиций.[834]

Ко всем этим трудностям следует добавить распространение чумы. Со времени столетия Черной смерти Европа не страдала от этого бедствия так сильно, как в шестнадцатом веке. Это периодически повторялось, будучи особенно жестоким в последующие годы 1531, 1533, 1544, 1546, 1548, 1553, 1562-64, 1568, 1577-80. [835] Ни одна часть Европы не была пощажена. Франция, Англия, Испания, Нидерланды, Германия и Италия - все пострадали. Но некоторые районы Франции пострадали больше других, такие как Нижний Лангедок, Прованс, Лион, Бургундия, Шампань, Иль-де-Франс и Нормандия. Запад и особенно юго-запад были

относительно свободны. Очевидно, болезнь распространилась по торговым маршрутам вдоль речных долин, поскольку больше всего пострадали Тулуза, Лион, Шалон-сюр-Сон, Макон, Шалон-сюр-Марн, Лангр, Бурж, Ла-Шарите, Орлеан, Тур, Мулен, Санс, Мелен, Дижон, Труа, Шато-Тьерри, Суассон, Бове, Понтуаз, Париж, Руан и нормандские порты.^[836] Как всегда, Италия была непосредственным источником эпидемии, которая передавалась с места на место благодаря движениям торговли. Лион дорого заплатил за свое коммерческое превосходство, поскольку разрушения от чумы там были ужасны.^[837] Это было в самом разгаре, когда двор был там в июле 1564 года. Английский посол Смит рисует ужасающую картину состояния города. Люди погибли на улице перед его домом. Его слуга, который ежедневно ходил за провизией, иногда видел десять-двенадцать трупов, некоторые обнаженные, лежащих на улицах, где они лежали до тех пор, пока “люди, одетые в желтое”, не убрали их. Великое множество тел было выброшено в реку, “потому что они не будут платить за то, чтобы сделать могилы. В этот день, ” пишет он 12 июля, “ с рассвета до десяти часов на улице лежал обнаженный мужчина, стонавший и испускавший свой последний вздох, еще не мертвый. Вокруг города разбиты палатки чумных, помимо тех, что заперты в своих домах”.^[838] Почти каждый третий дом был закрыт из-за чумы. Городские власти тщетно пытались бороться с болезнью, предусматривая, что назначенные лица должны были посещать ее дважды в день; но поскольку во всем городе было всего пять “главных хирургов”, медицинское обслуживание, должно быть, было незначительным. Лица, заболевшие чумой, должны были быть доставлены в больницу — старейшую и одну из лучших в Европе того времени. Трупы должны были хоронить ночью, а одежду мертвых сжигать.^[839] “Около Роны люди не осмеливаются есть рыбу, а рыбаки не откладывают свои машины и сети, потому что вместо рыбы они подбирают выброшенные туда зараженные туши”. Были приняты новые санитарные правила. Вся грязь следовало выбрасывать в реку и не допускать, чтобы она загрязняла улицы или берега реки. Между каждыми десятью домами на улице горели костры из ароматизированного дерева. Свиньям и другим животным не разрешалось разгуливать на свободе. Прилавки с мясом, рыбой и овощами должны были быть проверены, а вся испорченная провизия уничтожена.^[840]

Интересно наблюдать за усилиями, прилагаемыми местными властями для предотвращения распространения заболевания, и за мерами по оказанию помощи, которые были приняты. Как только обнаруживалась чума, городские власти обычно выставляли охрану для наблюдения за домами заболевших и назначали цирюльников и могильщиков лечить больных и хоронить умерших. Эти служители получали содержание и оплату за счет налога, взимаемого с города. Тех, кто был болен, отправляли в изолированный дом, предназначенный для больницы, который часто находился у городских стен, вдали от людей. В Провене церковь и кладбище находились непосредственно рядом с больницей! Смертность была большой. В 1562 году в Провене заболело восемьдесят человек, из которых шестьдесят умерли, в том числе четверо санитаров. Двое цирюльников отказались работать, за что были привлечены к ответственности городским судебным приставом и были повешены в виде чучела, потому что главные фигуранты дела совершили побег. Пораженные болезнью дома окропляли благовониями и сжигали в них ароматические травы, чтобы очистить их.^[841] Как всегда, раскол общества и падение нравственности привели к хаосу в сообществе. Преступления, связанные с насилием, были обычным явлением.^[842]

Однако мало-помалу эта картина нищеты отошла на задний план в сознании королевы, и вопрос политической целесообразности, который всегда был путеводной звездой ее политики, стал ее главным соображением.^[843] Католики набрались смелости по мере продвижения дела

при дворе[844] и у гугенотов рано возникли подозрения относительно курса королевы. Вскоре после начала поездки по провинциям, когда двор все еще находился в Труа в ожидании подписания мирного договора, между д'Анделотом и королевой-матерью произошла размолвка, которая не позволила ему самому выбирать капитанов и других офицеров, как это обычно разрешалось полковникам. Частично из-за этого оскорбления, а частично для того, чтобы не быть еще более скомпрометированными с королевой Елизаветой, Д'Андело, принц Конде и кардинал Шатийон не присутствовали на заседаниях совета, пока рассматривались условия мира, и когда двор возобновил свою миграцию, никто из них на нем не присутствовал.[845] Действительно, после того, как двор покинул Шалон-сюр-Марн, разрыв между принцем Конде, адмиралом и всей этой фракцией и двором был настолько велик, что канцлер Лопиталь был единственным должностным лицом, которое продолжало относиться к ним с почтением.[846] Внимание, проявленное Жанной д'Альбре, лишь частично сняло подозрения протестантов.[847]

Мы находим, что беспокойство протестантов по поводу сложившейся ситуации нашло отражение в заседаниях провинциального синода реформатских церквей региона, через который двор проезжал в течение этого сезона, а именно церквей Шампани, Бри, Пикардии, Иль-де-Франса и французского Вексена.[848] Этот синод собрался 27 апреля 1564 года в Ла-Ферте-су-Жуар и состоял из сорока пяти министров. Были зачитаны письма из многих уголков Франции и из-за рубежа, среди которых было письмо из Безы с призывом к гугенотам быть настороже, поскольку священники жертвуют деньги на то, чтобы искоренить правду. Совет согласился ответить, что протестанты с подозрением относятся к намерениям королевы-матери.[849] В своих резолюциях синод осудил политику магистратов, которые скрывали свою религиозную вражду под маской закона,[850] и пожаловался, что католики были возили короля по стране, чтобы показать ему руины их церквей.[851] Умеренный Ла Рош даже зашел так далеко, что заявил, что в Реформатской церкви никогда не будет мира, пока правит королева-мать.

Справедливость и историческая достоверность, однако, требуют сказать, что поведение самих гугенотов иногда нарушало привилегии, предоставленные им Амбуазским эдиктом. Их иконоборчество по отношению к изображениям, которые католики считали священными, было возмутительным; они не смогли ограничить свое богослужение разрешенными местами, так что магистраты действовали в рамках своих прав, подавляя протестантское богослужение; их провинциальные синоды нередко становились подстрекательскими политическими собраниями.[852] С другой стороны, католики умышленно приставали к гугенотам, вмешиваясь в их собрания и заставляя их платить десятину и другие взносы для поддержки католической бедноты и даже, по словам Кастельно, для поддержки своих провинциальных лиг.[853]

Но гугеноты зашли слишком далеко в своей подозрительности к правительству. Беза в синоде Ла-Ферте-су-Жуар опасался совместного нападения Франции и Савойи на Женеву, не зная, что целью Франции было возобновить союз с католическими кантонами, чтобы предотвратить там господство Испании.[854] Берн и Цюрих были столпами французского господства в Альпийской стране. Франция рассчитывала на них больше, чем на что-либо другое, чтобы предотвратить вербовку испанцев и закрыть альпийские перевалы для испанской армии. С этой целью Бельевр, маршал Вьейвиль, и епископ Лиможский, вернувшийся из Мадрида, где его сменил Сен-Сюльпис, ранней весной 1564 года были отправлены в Швейцарию, чтобы проникнуть в замыслы Испании и пообещать скорейшую выплату французских долгов кантонам в обмен на их

военную поддержку в войнах Генриха II.^[855] Особой миссией Бельевра было обращение к Гризонам. Положение Граубюндонов было шатким, поскольку Испания могла напасть на них со стороны Вальтелины или заморить голодом, запретив вывоз зерна в страну из Ломбардии. Используя такие угрозы, испанский губернатор Милана надеялся принудить Граубюндонов присоединиться к договору, который открыл бы для испанского и имперского оружия великие альпийские маршруты Сплуген, Бернина и Стельвио, таким образом соединив территории двух ветвей дома Габсбургов и отрезав Францию от восточной Швейцарии. Бельевр сблизился с народной стихией и к маю 1564 года почти полностью нейтрализовал успех своего испанского соперника, несмотря на испанское золото. К счастью для Франции, Десять юрисдикций высказались в ее пользу, и Граубюндены, хотя и сильно испанизированные, к счастью, имели своим главным судьей французского пенсионера, швейцарского капитана Флорина.

Тем временем переговоры епископа Лиможского и маршала Вьейвиля зашли так далеко, что союзный договор был почти подписан. В конце октября Бельевр получил из Фрайбурга текст союзных статей, которые епископ Лиможский и маршал Вийевиль предложили представить швейцарскому сейму. Воодушевленный этим успехом, он отправился в Гларус, чтобы преодолеть влияние цюрихских проповедников, которые были откровенными врагами французского союза, и, по возможности, уладить разногласия между этим государством и Швицем. С помощью большой ловкости он убедил два кантона принять единообразный договор. Но он не мог довести переговоры до завершения, пока не выслушал своих коллег.

Испания приложила все усилия, чтобы обеспечить открытие проходов между Тиролем и Миланой, но потерпела неудачу, потому что Гризоны пообещали Франции, что они примут принцип обновленного союза, оставив урегулирование деталей незавершенным, так что, хотя превосходство Франции в Швейцарии не было абсолютно гарантировано, по крайней мере, приверженность ей трех лиг казалась гарантированной.

Но Эскуриал и Ватикан объединились, чтобы уничтожить французское влияние в Швейцарии. Испания оставила надежду вынудить кантоны заключить с ней прямой союз, но с помощью коммерческих угроз и поощрений рассчитывала по-прежнему держать альпийские перевалы открытыми для своих объятий. Ее максимой было: "Куда пойдет зерно Ломбардии, туда могут пойти и армии Испании". Чтобы нейтрализовать эту опасность, французы энергично выступали против любого возобновления союза между Ватиканом и швейцарскими кантонами. Серая лига, позже выигранная коммерческими обещаниями Испании, в конце концов отделилась от двух других, но ее отступничество было не таким серьезным, как могло бы быть, поскольку, согласно объединенной конституции, голосование двух лиг в вопросах внешней политики вынуждало присоединиться третью. Но чтобы еще больше укрепить влияние Франции, французские послы прибегли к своего рода референдуму, чтобы заручиться одобрением большинства всех швейцарских городов в пользу французского союза в дополнение к официальным действиям трех лиг. Успех этого удара был полным, и общий сейм трех лиг подтвердил свою приверженность Фрайбургскому мирному договору, заключенному епископом Лиможским и маршалом Вьейвиллем 7 декабря 1564 года.^[856] Бедность Франции, однако, серьезно поставила под угрозу продолжение существования этого союза. Когда соглашение было заключено, Франция попыталась отсрочить выплату своих долгов, которые составили более 600 000 ливров, но при этом потребовала исполнения фрайбургских статей. Гларус, Люцерн, Швиц, Аппенцелль, Вале, Граубюндоны, Шаффхаузен и Базель горько жаловались, последний также из-за бремени, налагаемого на импорт ее товаров во Францию через Лион.

В этом конфликте, который Франция вела против Испании и Святого Престола в Швейцарии, Карла IX поддерживали немецкие протестанты, которые, конечно, были враждебны обоим домам Габсбургов, и Франции можно приписать значительную роль в смягчении раздраженных чувств Базеля и Шаффхаузена и протестантских предрассудков Цюриха. Это просто еще один способ сказать, что внешняя политика Франции в Швейцарии была протестантской политикой. Даже Берн уступил и присоединился к общему союзному договору вместо того, чтобы настаивать на каком-то конкретном договоре, как она делала поначалу.[857]

Однако гугеноты, с подозрением относившиеся к надвигающейся реакции внутри страны и неверно истолковывавшие дипломатию Франции в Швейцарии, становились все более и более напуганными и снова начали обращать свои взоры к принцу Конде как к лидеру. Но удача и коварство Екатерины отвлекли принца от его собственных дел; он превратился в сломанную трость, на которую опасно было опираться. В июле 1564 года Элеонора де Руайе, храбрая принцесса Конде, умерла.[858] Гизы и королева-мать, которые теперь сотрудничали,[859] сразу же начали практиковаться, чтобы навсегда отвлечь Конде от его партии, а заодно и от первой, в чтобы сделать союз между Францией и Шотландией более прочным, возникла идея женитьбы принца Конде на Марии, королеве Шотландии.[860] В качестве другой возможности Гизы лелеяли надежду выдать свою племянницу замуж за Карла IX и таким образом восстановить власть, которой они пользовались при Франциске II.[861] Следствием такого плана стало сокращение протестантов Франции. Этим идеям Филипп II был категорически против, хотя и скрывал свое несогласие с ними; Мария была слишком ценна для его проектов, чтобы допустить превращение ее в орудие Гизов. Их цели ограничивались Францией; его цели охватывали христианский мир.[862]

В 1575 году венецианский посол писал по поводу одного из ухаживаний королевы Елизаветы: “Принцы имеют обыкновение пользоваться матримониальными переговорами разными способами”. [863] Эти слова мудро подытоживают усилия большей части дипломатии шестнадцатого века. Благодаря исключительному стечению событий и родословных Мария Стюарт неизбежно стала почти краеугольным камнем универсальной монархии, которую Филипп II мечтал создать в Европе; ее обладание шотландской короной, ее притязания на Англию, ее отношения с Гизами, объединенные религией, которую она исповедовала, сделали укрепление ее власти наиболее осуществимым средством достижения этой цели. Кем бы ни был будущий муж Марии — доном Карлосом или австрийским эрцгерцогом, - это было вопросом деталей плана Филиппа - конец оставался неизменным. Мария Стюарт представляла слишком большую ценность для политических замыслов Филиппа II, чтобы рисковать таким браком, какой предполагали Гизы.[864] Ее рука могла бы быть размещена в другом месте с большей выгодой.

Те глубокие религиозные убеждения испанского короля, которые заставляли его верить, что он является божественно предназначенным инструментом контрреформации, в сочетании с его политическими целями и амбициями требовали от него бдительного наблюдения за Францией.[865] Нидерланды, Франция, Италия, Англия, Шотландия были подобны множеству клеток огромной политической шахматной доски, на которой он стремился так расставить фигуры, которыми командовал, чтобы в конечном итоге завладеть этими странами и избавить их от ереси. Мария Стюарт была важной фигурой в планах Филиппа. Он хотел посадить ее на трон

Елизаветы и таким образом объединить Шотландию и Англию под общим католическим правлением. Какое-то время он мечтал выдать ее замуж за своего собственного сына, Дона Карлоса, пока не вмешалась Екатерина и не предложила свою дочь Маргариту в качестве менее опасной альтернативы Франции. Смерть Дона Карлоса,[866] вечная нерешительность испанского короля, развитие новых событий постоянно меняли детали целей Филиппа, но его основная цель никогда не менялась ни на йоту.[867]

Порабощение Франции, возможно, не в точном смысле потери суверенитета, но не в меньшей степени в смысле потери истинной национальной независимости, было необходимым условием достижения целей Филиппа. Королевство Франция находилось в самом центре тех владений, консолидация которых должна была стать реализацией испанским королем всеобщего правления. На юге она граничила с Испанией, на севере - с Нидерландами, на востоке - с Франш-Конте. Помимо этих территорий, которые принадлежали непосредственно Испании, католические кантоны Швейцария и Савойя морально находились в вассальной зависимости от Испании. За Франш-Конте лежали католические земли Рейна, связанные с другой ветвью дома Габсбургов. За Швейцарией и Савойей лежала Италия, за исключением полностью Венеции и частично Рима, группы испанских владений.

Екатерина Медичи сражалась с Филиппом II как в Мадриде, так и в Вене. Но помимо негативной цели помешать предполагаемым союзам Филиппа, у Екатерины Медичи были и собственные цели того же рода. Дочь дома, разбогатевшего на банковском деле и никогда не придерживавшегося буржуазных традиций своих предков, несмотря на все свое богатство и власть, даже несмотря на то, что из его дома происходили папы, Екатерина была очарована мыслью женить Карла IX на старшей дочери Габсбургов, а своего любимого сына, будущего Генриха III, тогда известного как герцог Орлеан-Анжуйский, на испанской принцессе Хуане, сестре Филиппа, надеясь увидеть, как часть многочисленных владений Испании перейдет Франции в качестве приданого Хуаны.

Осуществляя этот проект двойного брака, королева рано начала приставать к Филиппу II с просьбой о личной беседе и убеждала свою дочь убедить короля достичь той же цели, используя заветную идею Пия IV о совместном участии великих католических держав для того, чтобы с некоторой ловкостью рассмотреть состояние и потребности христианского мира в качестве прикрытия для своих личных целей.[868]

Большая часть ее переписки с Сен-Сюльпис относится к беседе с Филиппом II с целью уладить эти вопросы, на которые она положила свое сердце, и время как посла, так и испанского короля было потрачено на неоднократные беседы, ни одна из которых никогда не была удовлетворительной, и все они были утомительными.[869] Естественное нежелание Филиппа II придерживаться какого—либо позитивного курса в сочетании с большим отвращением, которое он испытывал к королеве—матери из-за ее неустойчивой религиозной политики - поскольку жесткая приверженность католицизму была единственной негибкой чертой характера Филиппа, - привело к тому, что король месяцами следовал курсу проволочек и двуличия, в течение которых, однако, он никогда не проявлял никаких эмоций. внешний признак нетерпения; его лицо оставалось невозмутимым, как у индуистского идола, и никогда никаким выражением не отражало его мысли.[870]

Глупая гордость и чрезмерная привязанность побудили Екатерину даже использовать турка как средство давления на Испанию, чтобы осуществить этот проект двойного брака. В 1562 году

посол султана проезжал через Францию, заехав через Венецию в Лион, а оттуда через Дижон и Труа в Париж.[871] Турция, после подавления восстания в Баязете,[872] стремилась отомстить за накопившиеся обиды, которые она перенесла от Австрии и Испании, особенно от последней, ибо экспедиция Филиппа II в Оран и взятие им его крепости, которая считалась неприступной, были жестоким ударом по Порте.[873] Раздраженная Испанией Турция, военной политикой которой руководил способный великий визирь Мохаммед Соколли, подготовила обширную экспедицию, чтобы изгнать ее из всех пунктов, которые она занимала в Африке. Но такая кампания была невозможна до тех пор, пока не была захвачена Мальта, лежащая на полпути к Средиземному морю.[874] Европа, которая все еще хранила острую память о затянувшейся осаде Родоса, с тревогой ожидала предполагаемого нападения на Мальту, так что радушный прием Екатериной Медичи в Даксе другого турецкого посла — поляка—христианина, состоявшего на службе у султана, - в ходе поездки по провинциям был политическим актом, граничащим с опрометчивостью.[875] Для того, чтобы принудить Филиппа II к действию, Екатерина даже намекнула, что Карл IX может жениться на королеве Елизавете, хотя это предложение было слишком сильным ударом по доверчивости Европы, чтобы его можно было рассматривать.[876] Вскоре после прибытия Сен-Сюльписа в Испанию в качестве места для желаемого интервью нам предложили Тулузу,[877] и после этого в течение тридцати восьми месяцев эта конференция была одной из доминирующих мыслей в сознании Кэтрин.[878]

Первоначальный план королевы-матери состоял в том, чтобы избежать южной жары, проведя зиму в Мулене, а следующей весной посетить Лангедок и Гиенну.[879] Но влияние надвигающихся перемен толкало ее вперед в лабиринте турниров, балов и маскарадов.[880] Хотя она находилась в “стране, полной гор и разбойников”, [881], так что она опасалась “нападения канарейки на саквояж” и усилила группу Строщи в качестве меры предосторожности, тем не менее решимость Кэтрин, похоже, возросла по мере продвижения на юг. Вероятно, тот факт, что принц Конде был в затруднительном положении, воодушевил ее; безусловно, необходимость продемонстрировать что-то положительное, что понравилось бы Испании, ввиду приближающегося собеседования, подтолкнула ее. Но помимо ее собственных мотивов, с этой целью на нее было оказано давление извне, когда в Бар-ле-Дюке, куда король отправился присутствовать на крещении младенца Карла III, герцога Лотарингии, который женился на сестре Карла IX, Клодин, в марте.[882] Позже, “когда двор прибыл в Лион, до него была доведена информация, что если король и его советники продолжат сопротивляться всеобщему восстанию против гугенотов, это обернется против него самого”. [883] Однако в данном случае давление исходило не из Испании, а от папы римского Пия IV, чей агент, флорентиец Людовико Антинори, был направлен во Францию, чтобы призвать к искоренению кальвинизма и отстаивать выводы Тридентского собора.[884] Кэтрин подчинилась знакам. Но поскольку внезапное нарушение мира в Амбуазе повлекло бы за собой опасные последствия, она действовала осторожно.[885]

Первая[886] определенным намеком на реакцию был изданный 24 июля указ, запрещающий кальвинистское богослужение в радиусе десяти лиг от суда, несмотря на тот факт, что это затронуло разрешенные места протестантского богослужения. Две недели спустя, 4 августа, вышел более радикальный указ — так называемый Руссильонский эдикт[887] который запрещал всем лицам любой религии, качества или состояния приставать друг к другу, осквернять изображения или жестоко обращаться с ними, или возлагать руки на любые священные предметы под страхом смерти; магистратам также было предписано запрещать гугенотам совершать свои богослужения в любых подозрительных местах, но ограничивать их

такими местами, которые были указаны; наконец, гугенотам было запрещено проводить какие-либо синоды или другие собрания, кроме как в присутствии определенных королевских чиновников, которые были назначены присутствовать на них.[888] Предлогом для обоих этих эдиктов было нарушение протестантами условий Амбуаза и опасение протестантского заговора. Но на самом деле действия правительства представляли собой частичную уступку тому католическому давлению, которое уже проявилось в Нанси.

Руссильонский эдикт полностью проигнорировал петицию гугенотов, представленную королю во время пребывания в Руссильоне, что уже свидетельствует о пагубной деятельности местных католических лиг. В жалобе указывалось, что католики нарушали Амбуазский эдикт, особенно в Бургундии; что против них повсюду создавались католические ассоциации; что священники открыто восхваляли короля Испании со своих кафедр; что их синоды были разогнаны врагами их религии.[889]

После месячного пребывания в Руссильоне паломничество придворных снова возобновилось. В Валенсии (22 августа) Екатерина получила известие, что Елизавета Испанская родила мертворожденных близнецов. 24 сентября они достигли Авиньона, где остановились на две недели, во время которых Екатерина консультировалась со знаменитым астрологом Нострадамусом. Йер и Экс были этапами на пути в Марсель[890] (3-10 ноября), откуда она вела в Ним[891] (12 декабря) и Монпелье[892] (17 декабря), а оттуда на Агд и Безье,[893], где продвижение на некоторое время было заблокировано сильными снегопадами. Снегопады раздражали Екатерину, и, чтобы успокоить ее нетерпение, ей показали исторические свидетельства того, что и Бланш Кастильская, и королева Карла VII когда-то были занесены снегом в этих краях на три месяца.[894] В отличие от своей матери, Карл IX наслаждался этим, строя снежную крепость, в которой он и его пажи выдерживали осаду некоторых домочадцев.[895]

Во время этого вынужденного пребывания Екатерина Медичи получила известие о знаменитом конфликте между маршалом Монморанси, который был назначен губернатором Парижа,[896] когда двор отправился в *турне*, и кардиналом Лотарингским. 8 января 1565 года кардинал Лотарингский попытался войти в Париж с большим отрядом вооруженных слуг. Маршал потребовал разоружить роту в соответствии с королевским *приказом* от 1564 года, запрещающим ношение аркебузов, пистолетов или другого огнестрельного оружия,[897] не зная, что у кардинала был ордер от королевы-матери, разрешающий его людям носить оружие, если они того пожелают. Кардинал надменно отказался повиноваться, и драка произошла на улице, недалеко от угла ул. Невинных людей, в котором один человек погиб.[898]

Реакционная политика правительства стимулировала местные католические лиги в Лангедоке зимой 1564-65 годов.[899] Религиозные предрассудки, которые проявлялись в этих ассоциациях, возникли под влиянием горькой ревности, существовавшей между Гизами и Монморанси. С момента столкновения между кардиналом и маршалом Гизы замыслили разгром дома Монморанси и стремились найти поддержку в католических лигах южных провинций. Толерантная политика маршала Монморанси и его брата Дамвиля была подхвачена Личинами, чтобы сделать их одиозными.[900] Светское духовенство, а еще больше иезуиты и капуцины, были очень активны в этой работе, переходя из города в город и от деревни к деревне, энергично призывая католиков защищать свою веру, и их пламенные проповеди существенно продвинули тенденцию к объединению провинциальных лиг.[901]

Под эффективным руководством сьера де Кандаля Аженская лига поразительно распространилась по Гиенне, продемонстрировав силу организации и смелость, которые предвосхищают силу Священной лиги 1576 года, в генезисе которой она, действительно, представляет собой эволюционный этап. Однако то, что делало Гиенскую лигу такой особенно грозной, заключалось не столько в ее совершенстве организации и широком распространении, сколько в том факте, что она была организована и существовала без ведома или согласия короны и в нарушение королевской власти, которая запрещала подобные объединения. Этой высокоразвитой стадии существования достигла лига Ажена в августе 1564 года, с этой даты ее можно правильно называть лигой Гайенны.[902]

Естественно, гизы поделились своим планом с Монлюком. Пока двор находился в Мон-де-Марсане (9-24 марта 1565 г.), ожидая прибытия испанской королевы и герцога Альвы в Байонну, Монлюку было сообщено, что во Франции формируется лига, “в которую входят несколько великих людей, принцев и других”, и агент Гизов в это время пытался убедить Монлюка присоединиться к ассоциации.[903] Но Монлюк был осторожен; он не испытывал особой привязанности к Личинам, и, более того, лиги и подобные ассоциации были противозаконными, которые он, как офицер короны, обязался поддерживать. Граммон, который был настроен против Монлюка, уже пожаловался на его поведение королеве-матери.[904] Кроме того, были личные причины, природа которых вскоре будет раскрыта, которые заставили его колебаться. Монлюк передал свою информацию Екатерине Медичи, которая, еще не понимая, что главным мотивом были амбиции Гизов, не сразу встревожилась всерьез, поскольку антипротестантская политика правительства делала его теперь безразличным к подобным объединениям. Соответственно, когда двор прибыл в Бордо (он прибыл туда 9 апреля) и гугеноты возобновили свои жалобы на Кандаля и его соратников, король проигнорировал петицию, признав, что многие дворяне были членами лиги Гайенны. Вместо этого он придал лиге квазиправовой статус, заявив, что корона больше не будет слушать никаких жалоб на Кандаля и его сообщников.[905]

Но королева-мать была искренне встревожена несколько недель спустя, когда истинная цель и масштабы предполагаемой лиги были раскрыты ей из перехваченного письма, которое герцог Омальский написал маркизу д'Эльбуфу 27 февраля 1565 года. Герцог Монпансье, виконт де Мартиг, Шавиньи, который был протеже Гиза, д'Анженн и епископ Мана были названы в этом письме руководителями объединения, целью которого, по общему признанию, было унижение дома Монморанси.[906] Екатерина, предчувствуя последствия, которые, несомненно, последуют за таким расширением вражды двух домов, умоляла короля на большом заседании совета, состоявшемся 18 мая 1565 г., обнародовать то, что было установлено — что тайное объединение было обнаружено вопреки закону, преследующее политические цели, наносящие ущерб монархии, и система насилия. правительство для сбора людей и денег без королевской власти. Советники единодушно отрицали свою осведомленность или причастность и заявили о своей преданности делу и закону. Екатерина была совершенно встревожена и обратилась к Монлюку за советом. О том, что последовало за этим, можно рассказать его собственными словами:

Затем я услышал шепот о лиге, которая формировалась во Франции, в которую входили несколько очень выдающихся личностей, как принцев, так и других, которых, тем не менее, я не

имею права называть, но они обещали обратное. Я не могу с уверенностью сказать, с какой целью был придуман этот Союз; но некий джентльмен назвал мне их все до единого, пытаюсь в то же время убедить меня вступить в Ассоциацию, уверяя, что это хороший конец; но по моему выражению лица он понял, что это блюдо не для моего вкуса. Вскоре я намекнул на это королеве в частном порядке, потому что я не мог вынести подобных действий, которая, казалось, была очень удивлена этим, сказав мне, что это был первый слог, который она когда-либо слышала о чем-либо подобном; и приказав мне расследовать это дело дальше, что я и сделал, но больше ничего не смог добиться от моего джентльмена, потому что теперь он был настороже.

Затем ее Величеству было угодно спросить моего совета, как ей следует вести себя в этом деле, после чего я дал ей совет распорядиться так, чтобы сам король публично заявил, что он слышал о Союзе, который формируется в его Королевстве, чего никто не мог сделать, не вызвав у него некоторой ревности и обиды; и что поэтому он должен потребовать от всех без исключения разорвать этот Союз и что он создаст в своем Королевстве Ассоциацию, главой которой он сам будет; ибо так некоторое время это называлось, хотя впоследствии они изменили название и называли это Конфедерацией. о короле. Королева в то время, когда я давал ей этот совет, ни в коем случае не одобряла его, возражая, что, если король сделает одно, следует опасаться, что другие сделают другое; но я дал ответ и сказал, что король должен привлечь к своей ответственности всех тех, кто хоть как-то способен поступить иначе, что, однако, было вещью, которую нельзя было скрыть, и от которой можно было достаточно хорошо защититься. Два дня спустя, когда ее Величество ужинала, она позвала меня к себе и сказала, что она лучше обдумала дело, о котором я ей говорил, и нашла мой совет очень хорошим, и что на следующий день, без дальнейших проволочек, она заставит короля представить это дело его Совету; что она, соответственно, и сделала, и послала узнать обо мне в моем жилище, но меня там не было. Вечером она спросила меня, почему я не пришел к ней, и приказала мне не преминуть прийти на следующий день, потому что на Совете было несколько больших трудностей, в которых они не смогли разобраться. Я пришел по ее приказу, и между нами возникло несколько споров. Месье де Немур произнес очень элегантную речь, в которой выразил протест, “что было бы очень удобно создать Лигу и Объединение на благо короля и его Королевства до конца, чтобы, если того потребуют дела, каждый, имеющий одну и ту же волю, мог отправиться к особе его Величества, чтобы поставить свои жизни и состояния на службу ему, а также в случае, если кто-либо, какой бы религии он ни исповедовал, предложит вторгнуться или напасть на них, или поднять какой-либо переполох в государстве, чтобы они могли единодушно объединиться и пожертвовать своими жизнями для их общей защиты”. Герцог Монпансье придерживался того же мнения, и несколько других говорили, что у них не было иного выбора, кроме как обеспечить мир в Королевстве, когда станет известно, что таким образом вся знать объединилась для защиты короны.

Королева оказала мне честь командовать мной говорить, после чего я начал, и сказал: “что-Лиги предложил быть не могло пути отрицательно влияющей на короля, который, как правило, хороший конец для Его Величества службу, благо его царство, а также мир и безопасность его людей; но тот, который должен быть сформирован в отдельный могла породить ничего, кроме беспорядка и зло; ибо добро не может отвечать за зло, утилизировать; и если карты, как только будут перемешаны между Лигой и Лигой, это будет трудно и дело это хорошая игра; это самый проверенный способ, чтобы открыть дверь, чтобы впустить незнакомых людей в королевство, и выставить все, чтобы испортить и погубить; а то, что всех нас в целом, как и другие князья,

следует провести объединение, которое должно нести название лиги, или конфедерации царь, и брать на себя большую и торжественную клятву, не снижаться или отклоняться от нее под страхом объявляются такие как присяга должна импорт; и что Его Величество так заключен, должно направить гонцов во все части королевства, с комиссией к принятию клятвы, которые, например, не есть настоящее, а значит, она будет Вам известно, кто был готов жить и умереть на службе у короля и государства. И если кто-нибудь окажется настолько глуп или дерзок, что предложит взяться за оружие, давайте все поклянемся напасть на него; Я гарантирую вашему величеству, что наведу в этих краях такой порядок, что ничто не нанесет ущерба вашей королевской власти. И подобным же образом давайте возьмем на себя обязательство верой, которой мы обязаны Богу, что, если какая-либо Контрлига раскроет о себе, мы немедленно уведомим об этом ваше Величество; и пусть ваше Величество подпишут все великие люди вашего королевства. Без них праздник не получится, и к тому же их легко уговорить, и они лучше всех готовы позаботиться о любых неудобствах, которые могут возникнуть”.

Таково было мое предложение, по поводу которого последовало несколько споров; но в конце концов Королевская ассоциация была завершена, и было решено, что все принцы, знатные лорды, губернаторы провинций и капитаны Родов войск должны отказаться от всех Лиг и Конфедераций, каких бы то ни было, как вне, так и внутри Королевства, за исключением Королевской, и должны принести присягу под страхом быть объявленными мятежниками короне; к этому добавлялись и другие обязательства, которых я не помню.... В конце концов все было кончено, и принцы начали приносить присягу и подписывать статьи.[907]

Слабость позиции короны в этих обстоятельствах очевидна. Признавая свою неспособность сокрушить эти местные ассоциации и опасаясь, что контроль над ними полностью перейдет к Личинам, корона попыталась спасти свою власть и свое достоинство, объединив их в единую конфедерацию под руководством короля и запретив создание будущих ассоциаций без королевского согласия. Но власть короны была несоизмерима с ее демонстрацией власти. Лиги продолжали множиться и оставаться независимыми от принуждения короны. В 1565 году ситуация отличалась по степени, но не по сути от той, которая существовала в 1576 году, когда была сформирована Священная лига.

Даже испанские отделения Священной лиги потенциально существовали в то время благодаря измене Монлюка.[908] Для коварного гасконца, в характере которого сочетались дерзкая решимость, религиозный фанатизм и зависть, рекомендация принятых им мер на самом деле была попыткой замести собственные следы. Монлюк, несмотря на свои заверения в преданности, был зол на королеву-мать и вполне готов ударить ее ножом в темноте. Его сердце было наполнено мятежной завистью к Вьейвилю, потому что последнему был пожалован маршальский батист. Разочаровавшись в этих ожиданиях, он попросил назначить его на должность генерал-полковника, которую Д'Андело и занял.[909] Вместо этого Монлюку пришлось довольствоваться должностью губернатора Гайенны, которую он расценил как плохую компенсацию за свои услуги.[910] Вследствие этих обид, еще до возвращения Гавра, Монлюк вступил в переписку с Филиппом II, которому он объяснил необходимость испанского вмешательства во Францию в связи с двойной опасностью, которая угрожала Франции из-за намерений протестантов и терпимости Екатерины Медичи к ним. Испанский король сначала колебался, но вскоре воспользовался представившейся возможностью, поскольку две струны для его лука были лучше, чем одна. Переговоры проходили в глубокой тайне. Любовь Филиппа к тайне и деликатность в этом вопросе побудили его скрыть план даже от своего посла во

Франции и действовать через Бардакси, двоюродного брата испанского капитана с таким именем, который преследовался инквизицией и бежал во Францию, где он поступил на службу к Монлюку, в награду за что в конце концов был реабилитирован.[911] Монлюк предложил создать лигу между Папой римским, императором, испанским королем и ведущими католическими князьями Германии и Италии, чтобы предотвратить союз гугенотов с внешними протестантскими князьями для свержения католической религии во Франции.[912] Он подробно остановился на моральной “пользе” такой лиги для Франции, которую гугеноты теперь ведут к неминуемому краху монархии, и указал Филиппу II на его особую заинтересованность в сокрушении кальвинизма.[913] План Филиппа II состоял в том, чтобы похитить Жанну д'Альбре, которая должна была быть передана инквизиции, и завладеть Беарном, и таким образом достичь сразу двух целей — уничтожить очаг кальвинизма во Франции и установить испанскую власть к северу от Пиренеев.[914] К счастью для Франции, французский посол в Мадриде Сен-Сюльпис был проинформирован об этом плане, хотя он и не знал об измене Монлюка, слугой испанской королевы, и энергичные шаги Екатерины Медичи по защите Беарна пресекли этот план в зародыше.[915]

Этот совместный план Монлюка и Филиппа II по захвату Беарна и пленению его королевы совпал с другим заговором против нее, участниками которого были Филипп и папа Пий IV. 28 сентября 1563 года папская булла отлучила королеву от церкви за ересь, и она предстала перед Святой канцелярией для суда.[916] К чести Екатерины, она сразу же заняла твердую позицию в пользу королевы Наварры.[917]

Не в характере Филиппа II было проявлять смелость при дневном свете. Предосторожность была его второй натурой. Миссия Лансака в Мадрид в знак протеста против действий Пия IV совпала по времени с заигрываниями Монлюка с испанским королем. Раскрытие части плана заставило Филиппа побояться откладывать его вообще, по крайней мере, до более благоприятного времени. Соответственно, он мало поощрял Монлюка, за исключением предложения ему убежища в Испании, если события вынудят его покинуть Францию из-за его предательской переписки,[918] в то время как Лансаку он сказал, что “то, что папа сделал против ”мадам де Вандом”, было очень несвоевременным и будет исправлено”.[919] Одним словом, Филипп II скрыл свое участие в поведении папы, утверждая, что процедура была проведена без его ведома, и что, хотя он сожалеет об отступничестве королевы Наварры, он не мог не помнить о том факте, что она была близкой родственницей королевы Испании, его жены![920]

Вероятно, в то время в отречении Филиппа от папы была определенная доля злонамеренности. Одним из важных политических вопросов, поднятых на Тридентском соборе, был вопрос о старшинстве между послами Франции и Испании. Лансак, посол Карла IX в Совете, потребовал чести предстать перед графом де Лара, представителем Испании, на котором Филипп был “пиковым представителем Испании”.[921] Папская партия тщетно умоляла Лансака уступить. Lansac replied that “la France ne pouvait renoncer aux droits qui lui avaient été reconnus dans tous les précédents conciles, et que, plutôt que de laisser rien innover sur ce point, ‘j’étais résolu, selon le commandement de mon maître, après avoir protesté de nullité de ce concile, de m’en aller incontinent avec tous les prélats de notre nation, sans entrer dans aucune dispute ne composition.”[922] Philip II refrained from making any observation to France upon the disputed point[923] pending the decision of the Pope.[924] Но такой ход был невозможен. Спор по этому вопросу стал главной темой разговоров в Риме.[925] Папа Римский находился между Сциллой и Харибдой.[926] Испания претендовала на первенство Филиппа II в короне Кастилии — “выбрала

человека верного” — и утверждала, что заслуги Филиппа II перед церковью оправдывают ее притязания; на что Франция ответила, что ее король исторически был первым сыном церкви, самым христианским королем, который “пролил кровь и пострадал за сохранение католической религии в своем королевстве, за которую он боролся”. подвергая опасности все свое состояние”.^[927] Наконец, будучи вынужден принять решение, Пий IV сделал выбор в пользу Франции, к огромному огорчению Филиппа II, которому на самом деле надоело унижение, и он отозвал своего посла Варгаса из Рима в знак своего недовольствия.^[928]

Каталог претензий Испании к Франции, помимо вопроса религии, спора о приоритете и отказа Франции принять выводы Трента, которые признал Филипп II^[929] включал еще одну жалобу. Это были пограничные трудности между испанскими провинциями Артуа и Люксембург и Францией. Это был сложный вопрос, частично религиозный, частично политический, частично коммерческий. Как и восстание гугенотов, растущее восстание в Нидерландах носило двойную природу — религиозную и политическую. Каждая сторона смотрела на другую в поисках сочувствия и поддержки, и ни одна из них не была разочарована. Гугеноты отомстили за помощь, оказанную правительству Франции Испанией во время первой гражданской войны, оказав содействие восстанию в Нидерландах. Эта тесная связь событий по обе стороны линии является важным фактом, который следует соблюдать.

Именно в 1563 году, как и предполагал Гранвелла,^[930] интриги французских протестантов во Фландрии стали предметом серьезных опасений. Валансьен был самым агрессивным религиозным городом Фландрии, и Маргарита Пармская на самом деле боялась, что Монтиньи поступит так же, как Малиньи поступил в Гавре. Принц Оранский уже был признанным лидером тех, кто сочувствовал гугенотам. Для этого класса поддержка Англией принца Конде и, прежде всего, убийство герцога Гиза стали реальным стимулом. Валансьен, Турне, Антверпен и даже Брюссель были взбудоражены. В мае 1563 года демонстрации кальвинистов в Валансьене и Турне стали настолько дерзкими, что потребовалось шесть рот пехоты, чтобы удержать их в благоговейном страхе. Но эта мера, вместо того чтобы привести к ожидаемому результату, усугубила ситуацию, ибо маркиз де Берж, командующий, подвергся такому ostracism со стороны знати, что потерял мужество. Филипп II встревожился и 13 июня 1563 года написал своей сестре, что пример Франции советует принять самые решительные меры. В ответ регент и кардинал Гранвелла умоляли Филиппа приехать в Нидерланды, но он сослался на незнание языка и бедность в качестве оправдания. Тем временем оранжевая партия так успешно практиковалась с герцогиней Пармской, что она склонилась к примирению, а не к принуждению. Это привело к согласию регента и Де Берга, которые предложили созвать Генеральные штаты для устранения зла - программа, которую дворяне с энтузиазмом поддерживали.

Сходство между фламандским движением и программой политических гугенотов во Франции очень велико.^[931] С целью подавления ереси в ее двух наиболее активных центрах Гранвелла предложил имитировать метод, используемый в Париже, требуя исповедания веры вместе с обязательством соблюдать законы от всех граждан, которые пожелали остаться в городе. Непокорных надлежало разоружить, принудить продать их имущество, треть выручки от которого должна была быть конфискована для содержания солдат и муниципальных расходов, а виновные затем должны были быть изгнаны из страны. Эта радикальная политика вызвала

смешанный протест и угрозу со стороны принца Оранского, чье богатство и связи в Германии, помимо других качеств, которыми он обладал, давали ему большое влияние. Правительство умоляло о деньгах и войсках, “como la liga va creciendo”.^[932] Тактика Оранжевых заключалась в том, чтобы убедить провинциальные сословия отказаться от голосования за субсидии или возложить всю тяжесть финансов на церковь, во многом аналогично тому, как это было сделано в Понтуазе. Этим он начал заниматься в Брабанте, где бессрочная отсрочка денежной выплаты спровоцировала мятеж среди солдат. В сентябре Де Бергес ушел в отставку, отличившись тем, что не предал смерти ни одного еретика. За этим изменением немедленно последовало сожжение заживо протестантского проповедника, и протесты квартета - Оранжа, Хорна, Эгмонта и Монтиньи - стали более смелыми.^[933] Наконец дворяне Фландрии решили выразить протест королю Испании. Филипп II, всегда колеблющийся и нерешительный, не ответил. На отправленную ему петицию с требованием отозвать кардинала, он ответил категорическим отказом. Знать проявила свою обиду, отказавшись от участия в Государственном совете и используя свое влияние, чтобы отстранить регента от Гранвеллы. Наконец, после нескольких месяцев переговоров, Филипп II уступил. Гранвелла удалился в свой великолепный дворец в Безансоне во Франш-Конте, а знать заняла свои места в совете. Но все четверо были раздражены задержкой Филиппа II с ответом на их требования о реформировании. Более того, к ноябрю 1563 года стало очевидно, что главными провинциями —Фландрией, Артуа, Голландией, Зеландией и Утрехтом - руководило нечто вроде общей цели.^[934]

Кальвинисты были особенно многочисленны в провинциях Валлонии, и среди них были активны проповедники из Женевы и Англии. Правительство взяло на себя обязательство ограничить их собрания, и разразился конфликт. Важно отметить, что этот конфликт касался не вопроса религии как таковой, а способа обращения с еретиками. Филипп хотел применить эдикты своего отца, которые требовали смертной казни за ересь; но правительство и испанские чиновники в Нидерландах, какими бы католиками они ни были, были против столь сурового наказания и предпочли бы обращаться с провинившимися как с преступниками, а не как с еретиками. Но для Филиппа искоренение ереси было вопросом совести.

Валансьен по-прежнему оставался самым заметным местом недовольства,^[935] но Брюссель был сильно заражен.^[936] Но более грозной, чем местный дух, была заметная тенденция к объединению провинций^[937] и растущий интерес гугенотов к делу голландцев и фламандцев,^[938] настолько, что кардинал Гранвелла настойчиво намекал на насильственное давление Испании на Францию с целью сокращения числа гугенотов.^[939] Кардинал надеялся увидеть Карла IX и его мать более послушными в получении советов Испании после ухода Шантонне, который был назначен послом Филиппа II в Вене. Но кража шифра Алавы гугенотами повергла его в отчаяние.^[940] Взаимная связь между политикой и религией во Франции и Нидерландах заставляла испанское правительство бдительно следить за развитием событий во Франции.^[941] Ситуация была настолько острой из-за сочувствия гугенотов делу восстания по ту сторону границы,^[942] что, хотя Гранвелла высмеял дикий слух о том, что Монтгомери направлялся во Фландрию, тем не менее он опасался возможного разрыва с Францией и испытал облегчение, узнав, что были приняты меры предосторожности против любого случайного предприятия гугенотов на границе Артуа и Эно.^[943]

Маргарита Пармская и знать направили послов в Испанию с просьбой о уступке по двум пунктам: (1) чтобы провинциями управляли местные чиновники; (2) чтобы наказание за ересь было смягчено. Король долго колебался. Только 17 октября 1565 года он сделал решающее

заявление в депешах, отправленных из Сеговии. В них он приказал поддерживать инквизицию, обеспечивать исполнение эдиктов и разорять тех, кто сопротивлялся. Одним словом, Филипп II не уступал. Недовольство администрацией короля Испании теперь обернулось против самого короля. Вильгельм Оранский произнес примечательные слова: “Мы являемся свидетелями начала великой трагедии”.

Перед лицом растущего сопротивления герцог Альва настоятельно посоветовал Филиппу II превратить города в крепости.^[944] Ибо фламандские города были, пока еще, коммерческими группами, а не укрепленными бургами. За возможным исключением Грейвлайнов, никто из них не был способен организовать длительную оборону.

Это предложение совпало по времени с английской оккупацией Гавр-де-Граса и возможным возвращением Кале Англии взамен этого. Испания могла бы лишь с тревогой отнестись к такому непредвиденному обстоятельству,^[945] и этот факт в сочетании с неопределенностью развития событий во Франции побудили Филиппа последовать предложению Альвы и усилить линии разграничения. Франция сразу же встревожилась из-за Кале и на одном дыхании выразила протест против строительства укреплений в Гравелине и введения пошлины на ее вина.^[946] В отместку французское правительство также усилило гарнизоны на окраине Пикардии под руководством принца Конде (который был губернатором провинции), к огромному возмущению Испании.^[947] Сооружения испанцев вокруг могил также повлияли на положение дел во Фландрии. Ибо новое и более суровое налогообложение было необходимой отправной точкой для проведения таких мер, “если только кто-то не хотел, чтобы все сказанное по этому вопросу развеялось в дыму”. Единственным эффективным средством исправления положения, сложившегося во фламандских провинциях, была, конечно, реорганизация финансов и отправления правосудия в соответствии с требованиями знати. Но вместо того, чтобы попытаться сделать это, правительство стремилось ослабить оппозицию, разделив лидеров, и долгое молчание Филиппа II прикрывало попытку отвлечь Эгмонта, который в то время считался главарем фламандской знати.^[948] Испанское правительство опасалось созывать сословия, на чем настаивал Оранж, опасаясь, что ситуация в Брабанте и других провинциях пойдет по пути Франции в аналогичных условиях.^[949]

Таким образом, чтобы выделить средства, не требуя от сословий голосовать за субсидии, из-за чего наверняка возник бы конфликт, испанское правительство в Нидерландах обязалось собрать необходимые деньги с помощью тарифов. Торговля тканями в Англии и торговля вином во Франции были двумя товарами, облагаемыми таким налогом. В 1563 году была введена пошлина на французское вино.^[950] В случае с Англией, оправданием высокой пошлины, введенной на импортную ткань, была мера предосторожности против чумы.^[951] Франция сразу же выразила протест против тарифа и пригрозила принять ответные меры, обложив налогом торговлю сельдью и треской, хотя посол Испании в Париже заявил, что такие действия полностью уничтожат торговлю вином и повлекут за собой репрессии.^[952]

Фламандские купцы были вдвойне встревожены положением вещей, поскольку Англия тоже пригрозила репрессиями, переместив рынок тканей из Антверпена в Эмбден и введя пошлины на тоннаж для торговых судов Фландрии, заходящих из-за непогоды в английские порты для безопасности во время шторма.^[953] Но правительство Фландрии было упрямым. Гранвелла объявил угрозу Англии вывезти основные товары в Эмбден “ребяческой родомонадой”. Он полагал, что запрет на ввоз английской ткани не только вынудит Елизавету удовлетворить

претензии испанских подданных к Англии, но и может даже сделать английское правительство более снисходительным к католической религии. Более того, утверждал он, налог будет действовать как защитный тариф, стимулирующий производство ткани в Нидерландах. “Если ни один рулон английского сукна больше никогда не попадет во Фландрию, - писал он, - это будет постоянной прибылью Pays-Bas. Мы ясно видели это в прошлом году, во время эпидемии чумы, когда из-за сухого закона, временно приостановившего ввоз такого рода товаров, в одном графстве Фландрия было произведено 60 000 кусков ткани, или больше, чем в общей сложности за три предыдущих года”.^[954] В случае с французскими винами правительство Фламандии даже установило максимальный закон об их продаже, который перерезал горло французским торговцам хуже, чем когда-либо.^[955] Французское правительство довело действия фламандского правительства до Мадрида, где в течение нескольких месяцев пошлина на вино и опоры могил были предметом неоднократных бесед между Сен-Сюльписом и королем и все еще оставались нерешенными вопросами во время конференции в Байонне.^[956] Тем временем конфликт фламандской партии реформ обострился из-за осложнения вопроса религии.

В свете всех этих обстоятельств неудивительно, что Филипп II долго колебался, прежде чем дать свое согласие на интервью с Екатериной Медичи.^[957] Уже тогда он ввел ряд условий и предписаний. Он не поедет лично в Байонну — назначенное место; его жену должен был сопровождать герцог Альва; ни одна из сторон не должна была выставляться напоказ как по соображениям экономии, так и для того, чтобы не придавать чрезмерного политического значения беседе, которая должна была пониматься как сугубо личная. Однако наиболее поразительными постановлениями Филиппа II были те, которые касались французского *окружения*. Никто, хоть в малейшей степени запятанный ересью, не должен был сопровождать суд. Королева Наварры, которую испанский король осторожно называл “мадам де Вандом”, принц Конде, адмирал и кардинал Шатийон были названы с особым отвращением. Королева-мать согласилась с этим запретом, за исключением случая с принцем Конде, заявив, что из-за его ранга было бы большим оскорблением запретить его присутствие, а также создать у гугенотов убеждение, что встреча замышлялась в чем-то невыгодном для них. История показала, что инстинкты Екатерины в данном случае были совершенно верны, поскольку после Варфоломеевской резни гугеноты — да и почти весь протестантский мир - пришли к выводу, что эта катастрофа была заранее спланирована в Байонне. Тщетно Сен-Сюльпис доказывал политическую целесообразность, говоря, что Францию и Испанию нельзя оценивать одинаково и что “опыт доказал, что путь оружия принес Франции больше опасностей, чем пользы”. Ответ Филиппа II был металлически жестким; он не согласился бы на присутствие ни Жанны д'Альбре, ни принца Конде в Байонне, потому что общение его жены с еретиком стало бы упреком для него и для Испании.^[958]

Последним этапом длительного турне Карла IX по провинциям был переход из Бордо^[959] в Байонну^[960] куда французский двор прибыл 22 мая 1565 года. Но эта лень духа, которая так сильно ассоциируется с испанским характером, кажется, уже в шестнадцатом веке стала привычной,^[961] так что испанская королева была вынуждена путешествовать по жаре (шесть солдат из отряда Строцци умерли в доспехах от тепловой прострации), что усугубило эпидемию чумы, преобладающую в определенных частях.^[962]

На государственных конференциях, особенно международных, важные вопросы решаются в четырех стенах. Шестнадцатый век был *по преимуществу* веком скрытой политики. Внешний мир видел только праздники[963], которыми было отмечено интервью в Байонне. Но эти празднества были не более чем крапинками или венками сверкающей пены, которые на мгновение всплывают на поверхность воды, а затем исчезают. Настоящим делом в Байонне была политика. Но сегодня доказано, что огромная важность, которую в течение трехсот лет[964], приписываемая этому знаменитому интервью, имела под собой небольшое основание. Свет недавних исследований рассеял традиционное убеждение, что Филипп II и Екатерина Медичи спланировали массовое убийство французских протестантов в Байонне и, наконец, осуществили это в День Святого Варфоломея .[965] Правда в том, что не то, что предполагалось, а *то, что представлялось, было обдумано* в Байонне, оказавшее важное историческое влияние на будущее. Предполагаемый факт приобрел всю силу реальности. Участники этой злополучной конференции, по правде говоря, были далеки друг от друга. Интересы Филиппа II были исключительно политическими, и личности были лишь второстепенными по отношению к его главной цели. С другой стороны, интересы королевы-матери были в основном личными и были сосредоточены на планах добиться блестящих брачных союзов для своих детей, ради которых она разорительно скомпрометировала себя и Францию.

Если бы Екатерина была менее тщеславна и менее глупо привязчива, она бы усерднее стремилась к решению более важных для Франции проблем. Это правда, что она была далека от того, чтобы полностью игнорировать эти вопросы, но она ослабила позицию Франции в отношении них, подчинив их своей главной цели, так что она пробудила еще большее подозрение к Испании своими попытками избежать ответа по тем вопросам, которые больше всего волновали Филиппа II, и своим постоянным упоминанием вещей, которые были ближе всего ее сердцу, но не имели особого значения ни для Франции, ни для Испании. Когда герцог Алва загнал ее в угол и вынудил отвечать на вопросы, которые он задавал ей относительно большой политики, ответы Екатерины оказались роковыми для ее устремлений. Что это были за дела?

Инструкции Алвы были строгими. Он должен был потребовать изгнания министров-гугенотов из Франции в течение тридцати дней; запрета протестантского богослужения; принятия постановлений Тридентского собора; исповедания католической религии всеми должностными лицами.[966] Эта политика подавления и принуждения, изложенная его сувереном, полностью соответствовала его, герцога, собственному суждению. Но с большей проницательностью и меньшими колебаниями, чем Филипп II, Альва ясно осознавал тесную связь между политикой Фландрии и политикой Франции и выступал за немедленное принятие параллельной линии поведения в Нидерландах. Он был убежден, что Франция неспособна самостоятельно управлять своими делами и представляет угрозу для других государств, как в политическом, так и в религиозном плане.[967] Репрессивные меры, к которым часто призывала Испания, не дали желаемых результатов: они лишь отсрочили полное крушение нации. Внушение и инсинуация должны быть заменены более решительной политикой. Убийство было признанным, возможно, квазиправомерным политическим средством в глазах людей шестнадцатого века. Старое поколение французских католиков, на которых Испания могла положиться, кардинал де Турнон, герцог Гиз, маршал Сент-Андре, ушли из жизни - один из них был убит гугенотом. Таванн и Вьейвиль неохотно приносили страну в жертву религии, особенно когда конкурирующая нация извлекала из этого выгоду. Констебль был единственной оставшейся видной фигурой старого времени, и на него нельзя было положиться после конфликта между маршалом Монморанси и

кардиналом Лотарингским, поскольку он выступал на стороне своих племянников и поэтому считался недалеким от партии адмирала.[968] Власть перешла в руки гугенотов, чьи лидеры теперь превосходили в личной силе. “Самый короткий и оперативный способ - это обезглавить Конде, адмирала, Д'Андело, Ларошфуко и Граммона”, - сказал Альва герцогу Монпансье[969] и Монлюка, двух самых ревностных сторонников этой политики во Франции.[970]

Но все же было очень далеко от этой хладнокровной пропаганды убийства протестантских лидеров до массовой резни 24 августа 1572 года. На самом деле нет никакой положительной связи между Байоннской конференцией и Варфоломеевской резней.[971] Резня французских протестантов как *секты* никогда не поддерживалась ни одним принцем в Европе, даже Филиппом II. В Ватикане нет никаких свидетельств существования какой-либо католической или папской лиги за истребление протестантов. Такое решение религиозной проблемы не предполагалось, за исключением одного человека в Европе в то время — папы Пия V. Именно этот понтифик отличается зловещим отличием в том, что он выступал за всеобщее уничтожение протестантов, а не за дискриминационное убийство лидеров гугенотов.[972] Можно с уверенностью сказать, что наиболее радикальное действие, касающееся гугенотов на свободе, которое считалось практически осуществимым в 1564-65 годах, заключалось в запрете и предотвращении будущего обращения,[973] или же массовое изгнание гугенотов из королевства.[974] Альтернатива полному уничтожению не рассматривалась нигде в Европе или когда-либо, за исключением единственного упомянутого случая.

Никакое такое преступление, как массовое убийство гугенотов, не планировалось в Байонне и не было совершено в результате этой конференции. Руководители этого дела были слишком далеки друг от друга по намерениям и убеждениям для столь гигантской программы. Первостепенной целью королевы-матери было женить Карла IX на старшей дочери императора, Маргариту Валуа - на доне Карлосе, а герцога Орлеанского (будущего Генриха III) - на донне Хуане, сестре Филиппа II. Но Алва был хитер. С помощью серии искусных вопросов, которые дразнили ее надежды и разжигали ее страхи, он вынудил Екатерину Медичи посвятить себя тем самым политическим вопросам, обсуждения которых она хотела избежать, до тех пор, пока она не была безнадежно скомпрометирована. Напрасно она сгибалась, как лиса, преследуемая гончими, и пыталась пустить герцога по ложному следу.

“Франция должна быть очищена от этой порочной секты”, - сказал Алва. Чтобы избежать ответа, Екатерина попыталась вопросом перевести разговор на тему всеобщей лиги, должна ли она быть направлена против турок или против еретиков. Алва не был сбит с толку. Королева прибегла к сарказму.

“Поскольку вы так хорошо понимаете зло, от которого страдает Франция, - сказала она, - подскажите мне средство”.

Алва уклонился от прямого удара, вежливо ответив:

- Мадам, кто знает это лучше вас?

“Король, ваш повелитель, ” иронически заметила Екатерина, - лучше меня знает все, что происходит во Франции. Какие средства он использовал бы, чтобы одолеть мятежных протестантов?”

Альва прибегнул к сократовскому методу, надеясь вовлечь королеву в тяжбу спора.

“Религия выиграла или проиграла после заключения Амбуазского мира? - коварно осведомился он.

“Оно выиграло”, - ответила она.

Ответом, в глазах Испании, было осуждение политики Франции; это было занозой на пути честолюбивых надежд королевы на брачный союз. В своем раздражении Кэтрин упрекнула дочь за то, что та превзошла испанца.

- Я признаю, что я испанка, - сказала Элизабет. - Это мой долг.[975]

Екатерина вновь заговорила о возможности согласия Филиппа II выдать свою сестру замуж за Бенджамина —Генриха герцога Орлеанского — и передать Артуа в качестве приданого этой паре.

- Король никогда бы не согласился пожертвовать одной из своих провинций, - резко сказал Алва.

“Но отдать испанскую провинцию герцогу орлеанскому, - возразила королева-мать, ослепленная материнской любовью, - в таком случае было бы то же самое, что отдать ее его собственному брату”.

Алва обвинил королеву в поддержании еретика Лопиталья на посту канцлера и в противодействии тридентским декретам. Екатерина решительно отвергла первое обвинение, хотя ее дочь снова поддержала обвинение Алвы, заявив, что еще при жизни ее отца Лопиталь считался гугенотом; что касается второго, она сказала, что корона Франции возражает против политического применения некоторых выводов Тридентского собора, которые она надеялась скорректировать. Алва увидел уязвимое место в ее ответе и спросил, намерена ли она созвать еще одно собрание, подобное Коллоквиуму в Пуасси.

“Я признаю опасность подобных собраний, - сказала Екатерина, - но король, сын мой, достаточно силен, чтобы требовать обсуждения только тех тем, которые он может определить”.

- Так было и в Пуасси? - усмехнулся Алва.

Ответом королевы была тирада в адрес кардинала Лотарингии, которого она обвинила в провале коллоквиума.

В конце концов, *было* обещание, данное королевой-матерью в Байонне. Но это было устное, а не письменное соглашение, и оно настолько определялось обстоятельствами, что острота намерений Испании притупилась. Компрометирующее соглашение, безусловно, было; осуждающим оно не является, поскольку, помимо того факта, что его выполнение зависело от невозможного положения вещей, Кэтрин никогда не позволяла себе выразить в письменной форме, каковы были условия этого обещания. Наши знания об этом зависят от писем Альвы от 15 июня и 4 июля; от того, как Филипп II изложил это в письме, адресованном им кардиналу Пачеко[976] от 24 августа 1565 г. и отправка венецианского посла Суриано, который был с

французской королевой, в сенат 22 июля, дополненная информацией, полученной Сен-Сюльписом во время последнего визита. дни его миссии в Испании.

При внимательном чтении этих документов становится очевидным, что настоящий триумф при Байонне был одержан папством; что Испания одержала бесплодную победу, а Франция потерпела решительное поражение. Испания и Франция, будучи неспособными осуществить свои собственные цели так, как каждая желала, пошли на компромисс, выбрав курс, который был для них промежуточным этапом соглашения, но который, *согласно письму*, был высшим триумфом Рима и был бы полной победой Рима, *если бы условия когда-либо были выполнены*. Человеком дня был кардинал Санта-Кроче, нунций во Франции. Вот как описывает его заслуги венецианский посол во Франции 2 июля:

Накануне отъезда королева, видя недовольство герцога Альвского, вызвала находившегося неподалеку нунция в Байонну, чтобы иметь его под рукой. Именно он нашел решение; он удовлетворил обе стороны. Вскоре я смогу сообщить вам о характере его решения.^[977]

Три недели спустя (22 июля) обещанное сообщение было отправлено в Венецию в виде зашифрованной депеши,^[978] информация, в которой ему была сообщена в строжайшей тайне.^[979] Этот чрезвычайно важный документ гласит следующее:

Теперь, когда я получил положительную информацию, я расскажу вашей синьории обо всем, что произошло. С момента своего прибытия герцог Альва не переставал убеждать королеву каким-либо явным действием продемонстрировать его господину ее добрую волю к делу религии, и он убеждал ее добиться соблюдения решений Тридентского собора по всему королевству Франции, за что его католическое величество выразил бы свое удовлетворение. Королева с готовностью согласилась на это предложение и сказала ему, что она очень склонна созвать ассамблею прелатов, теологов и ученых для рассмотрения решений, принятых в Тренте, *не занимаясь доктриной*, а ограничившись реформой злоупотреблений. Герцог счел это предложение странным и не скрыл своего недовольства по этому поводу. По его словам, это означало противопоставление совета совету, что привело бы к наихудшему результату и вызвало бы сильное неудовольствие короля, его повелителя. Поскольку он настаивал на необходимости этой меры, прежде чем переходить к каким-либо другим соображениям, и был так непреклонен, королева, которой было очень больно видеть, что он уезжает таким неудовлетворенным, и положение его было таким отчаянным, уведомила нунция, который не был размещен в Байонне, как все послы, и приказала *маршалу логиса* дворца подготовить для него жилье и пригласить его немедленно. Он сразу же приехал и, получив известие от королевы, отправился на поиски герцога, но был им очень плохо принят. Герцог обвинил его в том, что он не остался тверд в своем мнении. Поскольку королева придерживалась идеи создания этого собрания прелатов и теологов, а герцог выступал против этого, нунций нашел другой выход, который, казалось, удовлетворил всех. Он изложил это королеве и с ее согласия передал герцогу. Это средство в двенадцатом часу было очень кстати. Оно таково: это собрание состоится, но при определенных условиях. Во-первых, лица, выбранные для участия в нем, должны обладать таким влиянием, чтобы иметь возможность требовать, чтобы в нем не присутствовал ни один гугенот; во-вторых, собрание должно соответствовать тому, что первоначально предложила королева; то есть все споры о догмах и доктринах должны быть запрещены. Королева, согласившись с этим, уполномочила нунция сообщить о ее согласии герцогу, который выказал себя удовлетворенным. Затем они оба собрались вместе, чтобы снова

найти королеву, и на следующий день в присутствии королевы Испании, кардинала Бурбона, маршала Бурдильона и ведущих дворян все было подтверждено.

Из этого может получиться большая польза: устраняя все, что относится к догме, и избегая доктринальных трудностей, будут укреплены все другие решения, которые имеют меньшее значение, тем более что гугеноты, единственные, кто может доставить проблемы, будут исключены. Нет никаких сомнений в том, что и король, и королева были расположены к католической религии, поскольку они представили доказательства этого. Более того, я уверен в том, что сказала королева, что нет никакого намерения затрагивать какие-либо привилегии Святого Престола или, наоборот, какие-либо уступки, сделанные папами королям, которые были предшественниками ныне правящего короля. Исполнение этой конвенции, согласованной таким образом, не должно состояться до возвращения короля в Париж.

Король Испании в процитированном письме кардиналу Пачеко выразил свое удовлетворение этим соглашением,^[980] не понимая, что его применение может быть очень гибким. В своей слепоте он подумал, что нунций разломил буханку, чтобы отдать большую часть Испании; в то время как на самом деле большая часть находилась в руках папы римского, а у Филиппа II на самом деле была разница между куском хлеба и его отсутствием. Короче говоря, в Байонне не было никакого заговора; ни одно преступление никогда не совершалось во исполнение заключенного там соглашения. “Заговор”, согласованный в Байонне Екатериной Медичи и Филиппом II Испанским, состоял из двусмысленного обещания, выполнение которого зависело от невозможного положения вещей.^[981]

Байоннское дело не было преступлением; это была колоссальная ошибка. Разрушение честолубивых брачных надежд Валуа было наименьшей потерей. Непоправимым было то, что Франция утратила доверие своих протестантских подданных. Секретность, окутавшая конференцию, заставила гугенотов опасаться худшего. Они верили, что франко-испанский союз был заключен в Байонне для их подавления; и вторая гражданская война была результатом их опасений.^[982] И когда, наконец, *по другим причинам*, их постигла Варфоломеевская резня, не только протестантская Франция, но и протестантская Европа была убеждена, что ложная гипотеза была продемонстрирована. Граф Эктор ла Ферьер превосходно описывает ситуацию:

Поддерживать и преданно придерживаться эдикта о умиротворении; открыть для отважных моряков Франции Индию и Америку, которые Испания и Португалия пытались закрыть для них; и, наконец, сплотить католиков и протестантов под одним знаменем против иностранца — такова была единственно верная французская политика. Испанец в это время был врагом Франции. Она встречала его повсюду на своем пути; в Риме, Вене, на Тридентском соборе он оспаривал ее превосходство; в Швейцарии золотом и угрозами своих агентов он препятствовал возобновлению договоров Франции с католическими кантонами; в то самое время, когда Екатерина и Елизавета Валуа обменивались ложными обещаниями союза и дружбы, Менендес плыл во Флориду, отдавая приказы о резне всех французов, которые там находились.^[983]

ГЛАВА XI

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПРОВИНЦИЯМ (Продолжение). ВЛИЯНИЕ ВОССТАНИЯ НИДЕРЛАНДОВ НА ФРАНЦИЮ. ДЕЛО В МО

С поля пустой победы Филиппа II двор возобновил свое паломничество, пересекая Луару и Гиенну, которая находилась “в добром покое”, посетив Ангулем, Коньяк, Сент, Ла-Рошель и Ньор *по пути* в Нант. Страна была настоящим владычеством кальвинизма во Франции, но пока гугеноты позволяли своим надеждам опровергать их страхи.[984] Продвижение по западным провинциям было намеренно медленным, поскольку Екатерина все еще надеялась вопреки всему, что Фуркево, сменивший Сен-Сюльписа при испанском дворе, сможет убедить Филиппа II более благосклонно отнестись к ее матримониальным планам,[985] пока, наконец, в конце декабря не всплыла горькая правда; только младшая дочь Габсбургов могла выйти замуж за Валуа, даже если он был королем Франции. Католико-габсбургская Европа взвесила королевскую мать на весах и сочла ее недостающей. Именно тогда Екатерина обратила свой взор на восточную Европу в надежде найти в Польше воздаяние за обласканного и презренного Генриха Валуа. Странны превратности истории! Результатом решения Филиппа II стало возведение на трон Польши шарлатана и передача Маргариты Валуа в объятия сына Жанны д'Альбре.[986]

Однако задолго до этого Испания начала проявлять нетерпение по поводу выполнения Байоннского договора. Но промедление было козырем Екатерины. Она утверждала, что чума была слишком распространена, чтобы двор мог безопасно вернуться в Париж до зимы,[987] и когда холодная погода уменьшила опасность, исходящую из этого источника, сослалась на бедность и голод в королевстве в качестве оправдания.[988] Это было оправдание, справедливость которого была очевидна повсюду. Франция действительно испытывала ужасные муки голода и сильного холода в течение знаменитой зимы 1564-65 годов.[989] Клод Хатон, священник-историк из Провена, который внимательно наблюдал за метеорологическими явлениями, дал графическое описание этого сезона.

Зима в начале ноября [говорит он] была очень мягкой и продолжалась до 20 декабря, всеобщего бдения святого апостола Фомы, без холодов и заморозков по утрам. Дождь был таким теплым, что считалось, что зима будет мягкой и открытой, но во время бдения святого Фомы наступили сильные морозы, сопровождавшиеся утром холодным дождем, который к полудню превратился в снег и который шел весь остаток дня в таком большом количестве, что земля, которая была очень влажной, на следующий день была покрыта снегом глубиной в фут королевской меры и более. С этим снегом пришел северо-восточный ветер, который заморозил все под слоем толстого льда. Этот холод продолжался до последнего дня декабря. Лед был таким толстым, что человек мог перейти реку, не пробиваясь. На полях лежал такой тяжелый снег, что на открытых местах сугробы были высотой в человеческий рост. После того как снежная буря прошла, холод усилился вдвое, так что даже самые хорошо одетые страдали всякий раз, когда выходили на улицу. В деревне не было ни одного дома, где вода не замерзала бы, если ее не поставить поближе к огню; и я не преувеличу, если скажу, что во многих хороших домах вино замерзло перед большим камином, хотя последний был завален дровами. Я видел во многих домах железные горшки, подвешенные над огнем, с сосульками, свисающими с края. Каждую ночь и каждое утро, когда люди вставали, покрывало покрывал иней от испарений с тел спящих. Не было ни одного винного погреба, где вино не замерзло бы в бочках, если только

там не поддерживали огонь на углях. В некоторых винных погребах приходилось закрывать все отверстия, чтобы вино не замерзло. Часто она замерзала так сильно, что приходилось протыкать пробковое отверстие раскаленной докрасна кочергой, чтобы вытащить ее. В ночь с 23 на 24 декабря, как и в рождественскую ночь, лед на деревьях был таким тяжелым, что ломались сучья. Такого во Франции не видели с 1480 года.^[990] Самый сильный мороз был в день праздника Невинных (28 декабря). Многие мужчины, подвергшиеся воздействию холода, погибли на дорогах. Гребни петухов и домашней птицы замерзли и отвалились через несколько дней, и многих нашли мертвыми под насестами. Овцы тоже погибли.

В начале января лед начал таять. Стало необычно тепло для сезона, так что в разведении костра не было необходимости. На следующий день после королевского указа, около полудня, пошел мягкий теплый дождь, из-за которого снег быстро растаял. Это продолжалось пять дней, так что земля была покрыта водой. А затем наступило второе похолодание на целых три недели, до 28 числа месяца, и пошел снег с сильным ветром, который повсюду разносил снег и насыпал его большими сугробами. Озимое зерно замерзло в бороздах. Одному богу известно, как сильно страдали бедняки, у которых не было дров. Большинство из них оставались в постели день и ночь, не вставая, за исключением приема пищи раз в сутки. Парижская беднота и другие люди, у которых не было средств, были вынуждены сжечь свою мебель. Те, у кого не было запасов на зиму, главным образом дров, были вынуждены закупать их по высоким ценам, поскольку из-за состояния дорог было невозможно использовать подводы; более того, во многих случаях мосты были разрушены. Когда наступила оттепель, паводковые воды проникли в дома и церкви в Провене на глубину трех, четырех и даже пяти футов, смыв с кладбищ даже мертвых.^[991] В Париже наводнение повредило мост Пон-о-Менаж и привело к обрушению многих домов. Виноградари оказались в большом затруднении. Те, кто был мудр, обрезали свои виноградные лозы до корня, чтобы они снова могли лучше прорасти, и были вознаграждены за это, ибо они были единственными, кто плодоносил.

Весна была ясной и мягкой, так что посеяли ячмень и овес. Тем не менее, большая часть земли оставалась обнаженной, потому что на полях, засеянных озимой пшеницей, все корни были убиты, так что зерно не выросло. Деревья грецкого ореха, казалось, были мертвы весь апрель и половину мая, потому что на них не распускались почки. На грушевых и яблоневых деревьях было несколько цветков. Кое-где росли сливы и вишни, но не везде.^[992]

В Гаскони, Провансе и Лангедоке зима была такой же суровой. В день праздника святого Иоанна Крестителя (24 июня) шел снег!^[993] Даже бедняки были вынуждены разводить костры, хотя у них не было денег на топливо. Виноградные лозы по всей центральной Франции были настолько сильно повреждены, что не осталось и трети урожая. Зерно также было уничтожено. Водные потоки вздулись и вышли из берегов, и на лугах Сены людям приходилось заботиться о том, чтобы не утонуть. В результате холодной весны урожай 1565 года был неурожайным почти по всему королевству до такой степени, что пришлось отменить пошлины между провинциями и разрешить свободную торговлю зерном. Париж импортировал пшеницу из Шампани, Пикардии, Анжу, Нижней Бретани, Бургундии и Оверни, наименее пострадавших провинций.^[994] Парижский парламент принял постановление, запрещающее спекуляцию продуктами питания, и вынудил тех, у кого были излишки зерна, выбрасывать на рынок то, что не требовалось для их собственных нужд.^[995] Мера пшеницы (*boisseau*) с января по апрель

стоила от 12-15 су (= 1½ пуда при цене от 36 до 45 центов), а после апреля цена росла каждую неделю, вплоть до времени сбора урожая, до суммы в 25 *сутурнуа* (примерно 75 центов). Пшеница была очень дорога в Париже и по всему Бри, Иль-де-Франсу, Валуа, Суассоне и Пикардии; меньше - в Шампани, Бургундии и Лотарингии, где ржи и ячменя хватало для населения. Поголовье голодало, потому что люди потребляли зерно. Многие люди отправились в Шампань, чтобы закупить рожь и ячмень для выпечки хлеба до сбора урожая. К счастью, в Шампани было много зерна, и после сбора урожая пшеница подешевела до 7 и 6 су за меру (с 19 до 22 центов), а кукуруза - в такой же пропорции. Из-за тяжелых времен, которые они пережили, многие накопили большие запасы в ожидании, что через короткое время снова возникнет нехватка.

Вино было очень дорогим до сбора урожая. В августе и сентябре, до того как был собран виноград, в тавернах нельзя было купить вино разливным кубком даже за серебро; с большим трудом удавалось раздобыть достаточное количество вина для церковной службы. Но после сбора винограда цена упала до 14 *турских ливров* (\$ 8,70) *la queue du creu*, тогда как раньше она достигала 80 (\$ 49,60).^[996]

Как это часто встречается в других местах истории, за экономическим бедствием и напряжением бедности последовали психологические проявления религиозно-социологического характера среди низших и бедных классов. В 1565 году в деревнях Шампани и Бри, и особенно в округах Сан, Мелен, Монтеро, Ножан, Труа, Шалон, Реймс, Эперне, Шато-Тьерри, Мо и Провен, среди крестьян распространилось поверье, что в честь Пресвятой Девы они должны воздерживаться от работы в поле в субботу после полудня, и что этот субботний отдых был официально предписан Пресвятой Девой в откровениях и видениях. Молодая девушка из Шарли-сюр-Марн, недалеко от Эперне, хвасталась, что получила эти откровения, и демонстрировала чудесные признаки своей миссии. Но кардинал Лотарингии приказал арестовать и допросить ее, и она была сожжена заживо как ведьма.^[997]

Вместо того, чтобы отправиться в Париж, двор провел зиму в Мулене в Бурбонне,^[998] там голод ощущался наиболее слабо. К этому времени ожидания католиков и опасения гугенотов начали приносить свои горькие плоды, и в состоянии общественного напряжения каждый инцидент усиливался. В ноябре в Анже роганцы запретили католическое богослужение в своих владениях, и королю пришлось заставить их восстановить его, угрожая лишить их их замков; в Блуа кардинал Бурбон упрекнул королеву-мать за то, что она допустила нарушение эдикта, разрешив королеве Наваррской и принцу Конде содержать придворных проповедников в своем окружении. Католики Дижона потребовали, чтобы в будущем министрам-кальвинистам было запрещено присутствовать при последних часах умирающих, и кардинал Лотарингии поддержал это ходатайство, чтобы заставить канцлера Лопиталья взять на себя обязательства. Ответ последнего подтвердил предоставление эдиктом права выбора в вопросе религии. Еще большую тревогу вызывал приток гугенотов в город Мулен, и Монтгомери среди прочих, которые впервые после рокового турнира 30 июня 1559 года увидели двор.^[999]

Воспоминание о заговоре в Амбуге преследовало королеву, как призрак, и было еще более ярким из-за сближения между лидерами гугенотов и Монморанси, которые встретились в ноябре в Париже на свадьбе влюбленного принца Конде с мадемуазель Де Марко. de Longueville. Инцидент был достаточно острым, чтобы вызвать перепалку между партией католиков-Гизаров и партией гугенотов-Монморанси. Ибо, когда папский нунций с

негодованием потребовал от кардинала Бове отречения от пурпура, констебль прямо заявил: “Я папист. Но если папа и его агенты все еще будут пытаться смутить королевство, мой меч будет гугенотским. Мой племянник никогда не отречется от своего достоинства. Эдикт дает ему на это право”. Неудивительно, что Екатерине Медичи не терпелось услышать об этих словах в Мадриде и о том, что скажет Филипп II.[1000] Запрет протестантского богослужения в Мулене 9 января 1566 года, в тот самый день, когда Колиньи вернулся со свадебных торжеств, был ее собственным ответом.

Уже на следующий день она предотвратила новый конфликт между фракциями, добившись хотя бы внешнего примирения между адмиралом и кардиналом Лотарингским. 10 января 1566 года в присутствии двора она обратилась к кардиналу, сказав, что спокойствие королевства было разрушено частными ссорами и особенно двумя его, одна с маршалом Монморанси, другая с адмиралом из-за убийства герцога Гиза.[1001] В то же время королева-мать, чтобы сохранить мир между соперниками, придумала новую схему размещения кардинала и адмирала в одном доме, так что каждому приходилось пользоваться одной лестницей, чтобы добраться до своих апартаментов, сказав обоим, что каждый из них является опекуном другого, и что если кто-либо из них получит какую-либо травму, это будет вменено другому. [1002] Кардинал Лотарингии, опасаясь потерять все свое влияние, смирился с ситуацией (он не встал на сторону королевы),[1003] и был вынужден соблюдать сложившуюся ситуацию *telle quelle*, как сэр Томас Смит написал Сесилу.[1004] Но ничто не могло смягчить гнев коннетабля против Гизов, и когда герцог де Гиз, наконец, прибыл ко двору в феврале, Монморанси немедленно покинул его.[1005]

В то время как фракционные настроения, таким образом, становились все более ожесточенными, все же были предприняты серьезные и благородные усилия по выполнению требований Генеральных штатов Орлеан и Понтуаз - требований, которые были принципами политических гугенотов. Эта программа была поддержана королевой-матерью, которая, по-видимому, таким образом стремилась успокоить опасения гугенотов за свою веру. 1566 год примечателен тем фактом, что тогда политические требования гугенотов получили большее признание, чем когда-либо до сих пор, так что был достигнут значительный прогресс в улучшении административной системы Франции.

Король в своем обращении к совету сказал, что при вступлении на престол он хотел проехать по всем провинциям, опустошенным последними гражданскими войнами, чтобы выслушать жалобы своих подданных и исправить положение наилучшим из возможных способов; что именно по этой причине он созвал ассамблею и таким образом обязал их, в силу королевской власти, усердно заниматься делами.

Затем заговорил канцлер: остановившись на общих пороках государства, он заявил, что корнем всех зол является плохое отправление правосудия; что король убедился в этом в ходе поездки по провинциям; что лично он не мог удержаться от того, чтобы называть вещи своими именами и говорить так, как он думал; что те, кто был назначен вершить правосудие, были виновны в больших злоупотреблениях; что это зло увеличилось из-за безнаказанности и попустительства, которые получили.

Я не отрицаю [добавил он], что во Франции слишком много законов и постановлений и что множество законов и количество судей являются причиной множества ненужных и тиранических судебных разбирательств. Но не менее верно и то, что когда возникает новое зло, необходимы новые средства правовой защиты, и что когда древние законы были отменены либо из-за несоблюдения, либо из-за вседозволенности, необходимо создать новые, чтобы излечить существующее зло и остановить ход общественного бедствия. Общественное благосостояние требует нового законодательства. Если новые законы не соблюдаются из-за продажности и алчности министров юстиции, они должны быть сурово наказаны, и эти общественные вредители, которые жиреют на крови несчастных людей, должны быть отстранены от должности. Более того, излишние должности должны быть упразднены и разрушительное умножение юридических причин остановлено.

Справедливость последнего обвинения была особенно очевидна. Со времен Франциска I в короне вошло в практику продавать офисы и даже создавать их исключительно для получения дохода.

Канцлер далее утверждал, что король не может допустить, чтобы те, кто не имел права издавать законы, присваивали себе полномочия по их толкованию; он предложил уменьшить чрезмерное количество судов и поднял вопрос, не лучше ли было бы удовлетворять требования правосудия, если бы парламент перестал быть таким малоподвижным и вместо этого стал передвижным — предложение, которое, интересно отметить, нашло частичную реализацию в семнадцатом веке при учреждении Большого суда Оверни. Он намекнул, что было бы целесообразно подвергнуть судей порицанию и заставить их отчитаться за то, каким образом они исполняли свои обязанности, и что, возможно, было бы лучше назначить судей на два или три года, чем допускать бессрочное пребывание в должности.

После более длительных раздумий, в феврале 1566 года, был принят знаменитый указ Мулена. Он содержал восемьдесят шесть статей и радикально боролся со злом того времени и предусматривал радикальную реформу, особенно в сфере отправления правосудия.

Этот акт объявлял королевские владения неотъемлемыми, ограничивал и регулировал право на протесты парламента, организовывал инспекционные маршруты магистратами, специально назначенными для работы по всему королевству, вводил определенные изменения в судебной администрации и давал слово короны назначать способных и честных магистратов.[\[1006\]](#)

Это коренным образом изменило как публичное, так и частное право Франции. В первой сфере ордонанс укрепил законодательную власть короны, установив принцип, согласно которому королевские указы должны соблюдаться, несмотря на протесты со стороны парламентов, и даже если последние отказываются их регистрировать; *мэрам рекветов* было предписано строго наказывать любое нарушение или несоблюдение ордонансов. Полномочия губернаторов в провинциях были значительно урезаны; им было запрещено осуществлять право помилования, взимать налоги или учреждать ярмарки и базары. Судебная власть великих *деревень* была почти полностью подавлена. Общинные судьи были лишены всякой гражданской юрисдикции и рассматривали только мелкие правонарушения; в то же время была предпринята попытка ограничить сеньориальную юрисдикцию. Право на письменное доказательство признавалось в случаях, когда речь шла о 100 ливрах и более.[\[1007\]](#) Были упразднены не менее 1500 лишних офисов, казначейств, секретарств и т.д. В вопросе религии

некоторые статьи были подтверждением эдикта 1563 года. Другая статья полностью отменила все братства и запретила создание всех лиг.[1008]

Финансовое управление приступило к самому тщательному расследованию. Поразительно напускное высокомерие некоторых королевских казначеев. У многих из них были дома и даже шато, которые по элегантности соперничали с королевскими, средства на покупку и меблировку которых они получили, ограбив народ и ограбив правительство. Было установлено, что один казначей — из четырех повешенных в Монфоконе — задолжал короне более трех миллионов ливров.[1009]

Молодой герцог де Гиз, отказавшийся участвовать в фарсовом примирении между своим домом и Шатийонами, вскоре нашел способ покинуть двор. В мае герцог Немур и герцогиня де Гиз поженились в Сен-Мор-де-Фосс. Это был брак, который еще раз посеял драконьи зубы. Ибо Немур оставил свою жену, которая была роханкой, убедив папу римского аннулировать брак. Гугеноты возмущенно протестовали против оскорбления, нанесенного клану Роан, чье могущественное семейное влияние теперь объединилось с Шатийонами и Монморанси.[1010]

Екатерина Медичи не была той правительницей, которая управляла Францией твердой, но в то же время легкой рукой в обстоятельствах, существовавших в 1566 году. Независимо от иностранных влияний, к которым мы сейчас перейдем, экономическое бедствие[1011] страны, соперничество великих домов и преобладающая религиозная вражда привели к объединению сил, которым нужен был другой правитель, чтобы примирить их — такой правитель, каким должен был стать Генрих Наваррский. Королева-мать, хотя и была сильной женщиной, была настолько лишена искренности, что никто не мог доверять ей; она так ревниво относилась к власти, что не потерпела бы никакого другого контроля над королем, чей суверенитет она смешивала со своим материнским надзором за ним, не делая различия между Карлом IX-правителем и Карлом IX - сыном. Кэтрин снова и снова омрачала или разрушала прогресс, которого она достигла с помощью поддержки одной партии, своим собственным завистливым страхом перед преобладанием этой партии. Ее “политика наведения мостов”, [1012] вместо объединения Франции, она разделила ее. Чтобы поддерживать баланс сил — извечная итальянская политика - ее итальянская натура постоянно прибегала к двуличию и обману. Соответственно, подозрение преобладало при дворе, а подозрение - в провинциях, тем более в последних из-за неуверенности гугенотов в том, что было сделано в Байонне, и сомнений относительно курса Филиппа II. Люди с сомнением относились к своим соседям; города боялись других близлежащих городов. “На всем пути моего приезда сюда, - сообщал сэр Томас Хоуби, новый английский посол во Франции, - я обнаружил, что сильные города удивительно ревниво относятся к чужакам, настолько, что только по звуку колокола они обнаруживали множество всадников или пехотинцев до того, как те появлялись; но также и после того, как они въезжали, они не спускали с них глаз”. [1013]

Когда двор, наконец, переехал в Париж, знатные люди прибыли туда с таким количеством поездов[1014] что королева отправила четыре роты королевской гвардии перед его приездом и приказала маршалу Монморанси потребовать ухода из города всех тех, кто не принадлежал к обычному семейству каждого дворянина. Напрасно маршал, стремясь защитить свой отряд от гизаров, сопротивлялся приказу и жаловался, что королева посягает на его власть. Король приказал Лансаку и Де ла Гарду выполнить то, чего не хотел делать Монморанси.

Если нужно сделать выбор относительно того, кто был худшими нарушителями в этом отношении, то большая вина лежит на протестантах. С их стороны было не только невежливо, но и дерзко позволять Монтгомери расхаживать по Парижу вот так, “в сапогах и со шпорами, со всеми своими людьми”.^[1015] Очевидно, у королевы не хватило смелости заставить его уйти, как она сделала с сержантом-вербовщиком Гизов Роггендорфом.^[1016] Ее политика на данный момент заключалась в поддержке фракции Шатийон-Монморанси.^[1017] Опираясь на совместную поддержку адмирала и констебля, королева, соответственно, обязалась довести до конца некоторые нерешенные или неопределенные вопросы религии и церкви. 31 мая 1566 года Карл IX направил ряд статей кардиналу Бурбону для рассмотрения парижским духовенством, заседавшим в то время в Сен-Жермен-де-Пре. Два из них были связаны с крещением младенцев, у которых один из родителей был католиком, и содержанием протестантских школ. Три из них касались церковных временных вопросов, а именно: погашения четвертой части временных расходов церкви, предоставленных королю во время последней гражданской войны; субсидии, срок действия которой истекал через восемнадцать месяцев; и подготовки указа, определяющего привилегии и юрисдикцию церкви. Остальные статьи касались нарушений Амбуазского эдикта, таких как ограничение проповеди в соответствии с эдиктом и растление бывших протестантов, вернувшихся в Римскую церковь, гугенотами. По нелепому совпадению, отправка этих статей точно совпала с прибытием папского легата в Париж, который прибыл с просьбой о обнародовании тридентских указов в соответствии с соглашением, заключенным с кардиналом де Санта-Кроче в Байонне.^[1018]

Политика Екатерины Медичи в то время была политикой политических гугенотов. Она надеялась, что вопрос религии со временем решится сам собой, и, чтобы отвлечь внимание от этого вопроса, а также потому что в этом была большая необходимость, она энергично продолжила административные и экономические реформы, начатые в Мулене. Лопиталь начал столь тщательное расследование поведения королевских казначеев, что некоторые из них были повешены, а другие сосланы. Констебль был здесь полезен, хотя его печально известная скупость бросала тень на честность его работы.^[1019] Однако опасность существовала даже в политике, столь справедливой и столь необходимой Франции. Рано или поздно такой ход вскрыл бы нечестность более крупных воров, чем мелкие сборщики выручки, которые во многих случаях, несомненно, пострадали бы из-за казнокрадства своих начальников. В администрации было полно “взяточников”, таких, каким был Сент-Андре, которые без колебаний скрывали свое воровство за дымом очередной гражданской войны. Королева-мать слишком хорошо знала это по прежнему опыту, не оставаясь в неведении относительно того факта, что одной из причин “недавних неприятностей” было требование сословий о том, чтобы Гизы отчитались и были вынуждены вернуть свои несправедливо нажитые доходы. Правительство прибегало к различным уловкам, чтобы собрать деньги, и на содержателей гостиниц было наложено взыскание. Однако самым необычным решением было предложение генуэзского синдиката выплатить королю единовременную сумму за привилегию облагать налогом приданое и за разрешение в течение восьми лет взимать крону с каждого первенца, а затем за каждого мальчика, родившегося в семье, - пять су, а за каждую девочку - три су.^[1020] Эта абсурдная мера фактически была принята советом, и только здравый смысл парламента помешал ей стать законом.^[1021]

Но события, происходящие в Нидерландах, в то время имели для Франции большее значение, чем что-либо в пределах ее границ. С самого начала тамошнего восстания гугеноты осознали важное значение этой борьбы для их собственного движения, и по мере того, как тень Филиппа II с каждым годом все длиннее падала на Францию, интерес французских протестантов к

восстанию в Нидерландах возрастал.[1022] Подобно тому, как проповедники-гугеноты во Фландрии посеяли двойное семя кальвинизма и восстания, так и протестантские проповедники, изгнанные из Нидерландов, искали убежища во Франции.[1023] Это общение стало серьезной исторической проблемой к 1566 году. Проблема с самого начала была понятна всем заинтересованным сторонам, и Филипп II и его министры были полны решимости извлечь выгоду из урока Франции и предотвратить подобные неприятности, подавив всякую оппозицию в зародыше. Турецкое нападение на Мальту[1024] было очень благоприятно для протестантского дела, и снятие осады в сентябре 1565 года, вероятно, повлияло на короля Испании в его решении искоренить ересь в Нидерландах.[1025] Правительство Фламандии подозревало Вильгельма Оранского, который к июлю открыто вступил в союз с Геу[1026] и его брата, Людовика Нассауского, в прямых сношениях с Конде и Колиньи,[1027] и отправил Монтиньи — вероломного члена патриотического квартета, состоящего из Оранжа, Эгмонта, Хорна и его самого — весной в Париж за информацией.[1028] Опасения, что Монтгомери может прийти во Фландрию, над которыми Гранвелла когда-то смеялся, к лету 1566 года имели некоторую основу для реальности, хотя хвастливый характер этого авантюриста не вызывал тревоги.[1029]

Знание о солидарности, существующей между его восставшими подданными во Фландрии и гугенотами[1030], о которой Монлюк предупреждал Филиппа еще за два года до этого,[1031] в сочетании с информацией о отношении Людовика Нассауского с протестантской Германией[1032] и Францией побудили привычную нерешительность испанского короля к действию. Он сообщил Карлу IX о возможности отправки испанских войск прямо через Францию в Нидерланды и попросил его удержать своих подданных от прихода туда с оружием,[1033] толпы которых отправились во Фландрию под видом торговцев.[1034] Одновременно Маргарита Пармская умоляла императора избрать тот же курс.[1035] Но правительство Франции не могло удовлетворить просьбу Филиппа II, даже если бы оно было так настроено, без риска немедленного восстания гугенотов. На самом деле, у него не было никакого желания делать это. Негодование, которое Франция испытывала по отношению к Испании из-за прошлых поражений в Тренте, Риме и Швейцарии, теперь затмилось ее злобой из-за резни, устроенной испанцами в ее злополучной колонии во Флориде в сентябре 1565 года.[1036]

Булла Александра VI разделила западное полушарие между испанцами и португальцами. Флорида принадлежала Испании. Франция построила форт Каролина на территории Испании. Поскольку в 1565 году установился мир, Франция утверждала, что резня, учиненная Менендесом, была нарушением международного права. На это Испания ответила, что Флорида принадлежит ей по праву открытия, и поскольку во всех договорах между Испанией и Францией ничего не говорится о какой-либо смене владельца, на самом деле такого изменения в законодательстве не было. Следовательно, французские поселенцы были незваными гостями и еретиками в придачу. Ответ был сокрушительным: Фуркво был сильно ограничен, поскольку он не мог открыто поддерживать дело французов, которые были еретиками. Прежде чем известие о резне достигло Франции, Филипп II, зная факты, поинтересовался, командовал ли французской экспедицией французский король или она была санкционирована им. Единственный возможный ответ был отрицательным. Положительный ответ был бы равнозначен объявлению войны. “Тогда инцидент исчерпан”, - последовал ответ испанцев. За этим последовало

требование, чтобы Колиньи, с санкции которого экспедиция отправилась в плавание, был наказан.

Франция также была не в ладах с императором. Причину этого следует искать в решительной позиции, которую империя в последнее время заняла по вопросу о Меце.^[1037] Понимание этого вопроса требует оглядки назад. В 1564 году барон Болвиллер, уроженец верхнего Эльзаса, но в то время судебный пристав императора в великом бейливики Агно, возродил задуманный им в 1558 году план внезапного возвращения Меца.^[1038] Болвиллер заявил, что нельзя терять времени, если мы хотим помешать Франции навсегда закрепить свою власть над Тремя епископствами. Филипп II одобрил это предприятие и предложил 20 000 су наличными, а также выделение 8000 экю годового дохода территории, “за то, чтобы вы навсегда сохранили город диктатора Меца”.^[1039] Поскольку, если бы Мец снова оказался в руках Габсбургов, цепочка провинций, соединяющих Нидерланды с Испанией через среднюю Европу, была бы практически завершена, лежа, как Мец, Туль и Верден, между Франш-Конте и Люксембургом.^[1040] Это было в то время, когда Конде был непочтителен к своему народу и развлекался с вдовой маршала Сент-Андре, и была задумана и оставлена идея подкупить принца и заставить его предать Мец Испании.^[1041] Однако Испания, чтобы избежать разрыва с Францией, пожелала скрыть свое участие в заговоре по возвращению Меца и призвала императора Максимилиана предпринять это предприятие.^[1042] Заговор состоял в том, чтобы склонить Мец к восстанию против Франции, предложив превратить его в свободный имперский город, ожидалось, что лютеране в городе поддержат движение.^[1043] Бдительность французского правительства, однако, помешала осуществлению проекта в апреле. В августе Болвиллер возобновил свой план, заявив Шантонне, что жители Меца были готовы предоставить 20 000 экю и что в тайне хранилось большое количество оружия. Он призвал к немедленным действиям сейчас, поскольку французское правительство приступило к возведению цитадели в городе.^[1044]

К этому времени Филипп II был так озабочен тем, чтобы Франция лишилась Меца, и так недоволен задержкой Максимилиана, что некоторые даже сочли целесообразным воспользоваться сдерживанием, оказанной туркам на Мальте, и заставить императора заключить с ними мир, чтобы развязать себе руки в Трех епископствах.^[1045] Что касается его самого, Филипп II не осмеливался открыто выступить против Франции, чтобы в случае войны с Испанией Карл IX не обратился к гугенотам, в результате чего протестантизм извлек бы выгоду из диверсии.^[1046]

Но тем временем ситуация в Меце вышла из-под контроля ни Испании, ни империи. Кальвинисты как во Франции, так и в Нидерландах быстро поняли полученное преимущество, поскольку первые, завладев территорией, могли соединить Францию и Пфальц, оказывая таким образом помощь себе и своим единоверцам одновременно, поскольку таким образом сухопутный маршрут Испании через Центральную Европу, через Милан, Безансон и Люксембург, был бы сокращен вдвое. Ситуация достигла апогея в мае и июне 1565 года в ходе так называемой “Войны кардиналов”. 5 мая император Максимилиан издал указ, подтверждающий его сюзеренитет над Мецем, Тулем и Верденом. Кардинал Лотарингии сразу признал законность этого указа, который был равнозначен государственной измене Франции. Вслед за этим от имени Карла IX Сальседо бывший испанец^[1047] и лидер французской партии в Меце принял титул губернатора Меца и обратился к французскому королю за поддержкой против кардинала. Проблема действительно стояла между Францией и Испанией. Гизы,

естественно, поддержали кардинала. Последовавшая за этим "война" не была серьезной, хотя вопрос, поставленный на карту, имел большое значение. Но кардинал вскоре обнаружил, что благоразумие - лучшая часть доблести, и уступил королю, тем более что ни Филипп II, ни Максимилиан не подняли руку, опасаясь выдать себя, поскольку кардинал опасался, что, если он будет сопротивляться дольше, Карл IX откажется простить его изменническое поведение. Он не был в неведении о том факте — он даже не отрицал этого, — что стало известно о его предательской связи с Болвиллером и архиепископом Тревским.[\[1048\]](#)

Если бы Карл IX и королева-мать знали в полной мере о предательском поведении кардинала Лотарингского в то время, они возможно, не были бы к нему столь снисходительны. Ибо он был виновен не только в изменнических сношениях с империей, но и непосредственно с Испанией. Единственным в высшей степени важным результатом этой мелкой войны за Мец стало то, что в это время кардинал — а вместе с ним и весь дом Гизов — начал секретные переговоры с Филиппом Испанским, кульминацией которых стало учреждение Священной лиги. Вскоре после окончания своей позорной войны под Мецем, сгорая от гнева и стыда, кардинал отправил секретного агента во Франш-Конте, который нашел Гранвеллу в Боденкуре в июле 1565 года, которому он изложил жалобы кардинала, сказав, что из-за смерти его брата герцога де Гиза и наглости маршала Монморанси у него нет надежды на правосудие Карла IX. Затем агент указал на большую опасность, угрожающую католической Европе в связи с тем, что недавно произошло в Меце, и, выступая от имени кардинала Лотарингии, выразил пожелание, чтобы Филипп II вступил в союз с домом Гизов, герцогом Монпансье — новообращенным Альвой в Байонне — и некоторыми другими для защиты католической веры во Франции и свержения Шатийонов, принца Конде, "мадам де Вандом" и других гугенотов. Это грозное предложение было сделано под грифом секретности. Осторожный Гранвелла выслушал, но воздержался от посвящения своего хозяина в предложение.[\[1049\]](#) Опять же, Филипп II не решался так прямо вмешиваться во французские дела, как настаивал кардинал Лотарингии, точно так же, как он колебался годом ранее с Монлюком, и пока он ждал, события в Нидерландах шли от плохого к худшему.

В августе 1566 года яростная вспышка иконоборчества прокатилась по церквям Фландрии.

Начавшись в Сент-Омере, зараза быстро распространилась, и за две недели только во Фландрии было разграблено 400 церквей, в то время как в Антверпене у собора отобрали все его сокровища. Изображения, реликвии, святыни, картины, рукописи и книги разделили общую судьбу.[\[1050\]](#)

Это событие побудило Филиппа к действию. Он решил отправить герцога Алва во Фландрию, чтобы тот железной рукой подавил беспорядки.[\[1051\]](#)

18 ноября 1566 года герцог Альва официально обратился к французскому послу в Мадриде с просьбой заручиться разрешением Карла IX провести испанскую армию через Францию.

Лекарство мало-помалу стало настолько трудным, [сказал герцог] что теперь необходимы дела, а не слова и увещевания. Исчерпав все хорошие и милосердные средства для улучшения положения в Нидерландах, король вынужден, к своему великому сожалению, прибегнуть к силе. В стране преобладают публичные собрания, проповеди, ношение оружия и насилие, а министры короля ничего не значат.

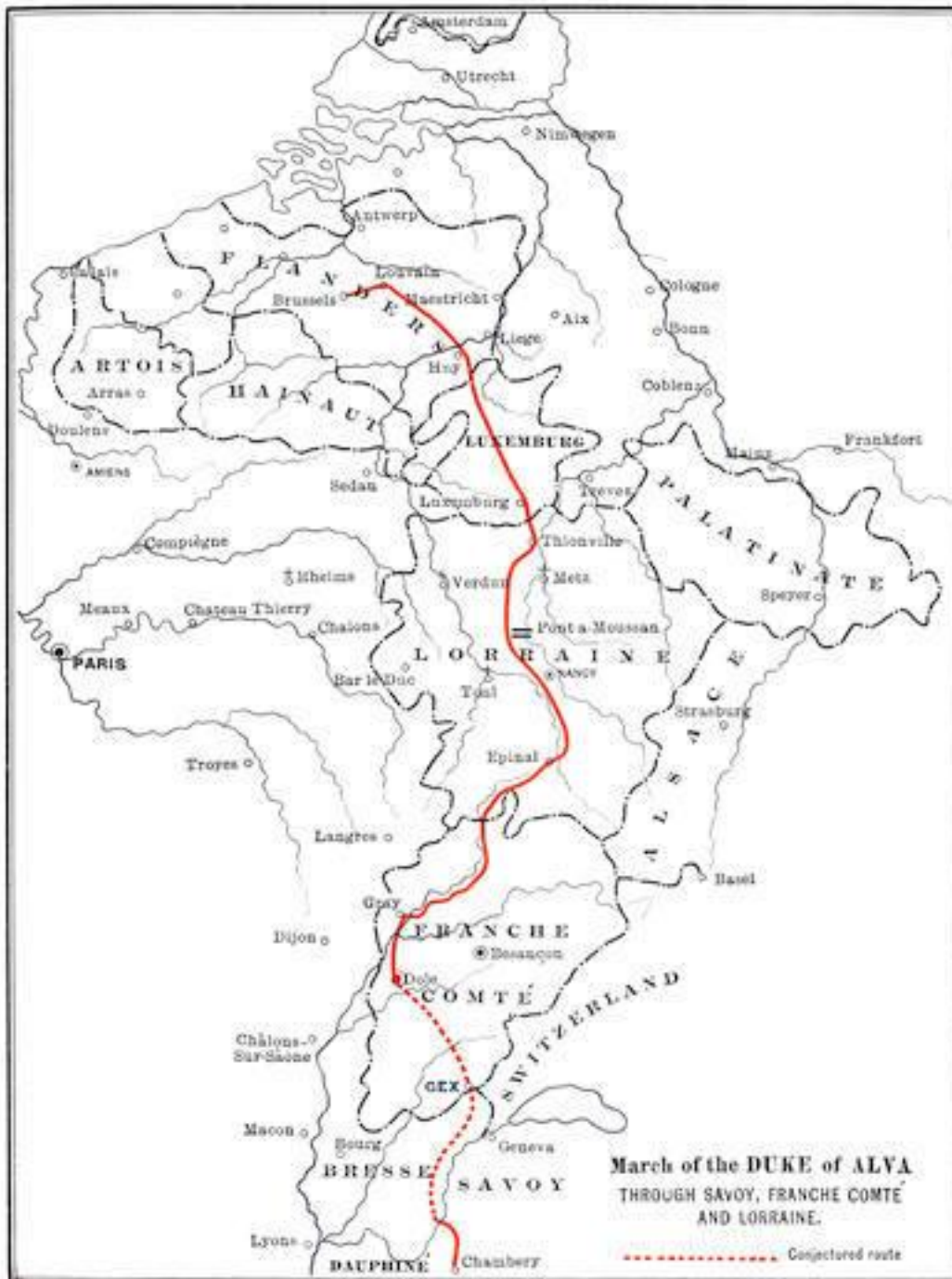
Затем герцог изложил свой план. Десять тысяч новых испанских рекрутов под командованием трех прапорщиков должны были быть отправлены в Люксембург, Неаполь, Сардинию и Сицилию, чтобы занять там места такого же количества ветеранов, поскольку король не желал использовать итальянскую пехоту. Тысяча тяжеловооруженных пехотинцев и три или четыреста конных аркебузиров, все испанцы, должны были быть набраны из Милана, самого лояльного из итальянских владений Испании. По желанию можно было нанять неограниченное количество рейтеров и других наемников. Эти войска должны были проследовать в Нидерланды через Савойю, через Валь д'Осте или гору Сени, Монмелиан, Шамбери и Ла—Бресс, во Франш—Конте и Лотарингию, если только - и в этом заключалась суть беседы Альвы с Фуркво - зимний сезон не сделает невозможным переход через горные перевалы, и в этом случае Его Католическое Величество не пожелает покинуть Францию, чтобы доставить их морем в Марсель или Тулон, а оттуда двинуть на север вверх по Роне к Ла-Брессу и таким образом достичь Франш-Конте.

Никто лучше Альвы не знал грозного характера этого предложения Франции, и он использовал все свои ухищрения, чтобы скрыть его опасность, останавливаясь на взаимной связи между гугенотским и фламандским движением и выгоде, которую Франция получит от подавления восстания в Нидерландах. Фуркво в ответ заявил, что гугеноты снова возьмутся за оружие, если испанская армия войдет во Францию, на что герцог возразил, что присутствие испанской армии настолько внушит им благоговейный страх, что они не посмеют этого сделать. Затем посол поинтересовался, может ли император поддержать Филиппа, учитывая, что он был вовлечен в войну с турками^[1052] и был неспособен собрать средства в его пользу. Альва сказал ему, что немецкие принцы поймут, что фламандцы - просто мятежники и что “ни один принц или солдат в Германии, даже будь он лютеранином, не откажется принимать плату от Испании”.^[1053] Но Фуркво отказался верить мягким словам Альвы. У него была информация, что Испания заимствует корабли у Мальты, Генуи, папства и Савойи, и он предупредил Карла IX усилить гарнизоны в Лангедоке и Провансе.^[1054]

Эта информация привела французский двор в сильное волнение. Екатерина Медичи заявила, что при таких обстоятельствах еретики немедленно возьмутся за оружие.^[1055] 24 декабря король написал Фуркво, чтобы тот не жалел усилий, чтобы проникнуть в замыслы Испании.^[1056] Шестнадцать тысяч солдат были отправлены в Лион сразу.^[1057] Маршал Вийевиль вернулся в Мец.^[1058] Правительство приступило к возведению большой цитадели в Вердене и укреплению границы с Люксембургом.^[1059] Д'Андело отправили в Швейцарию для новых зачислений.^[1060] В Нормандию был послан агент с инструкциями пройти вдоль побережья и узнать имена мастеров-мореходов и матросов.^[1061] Королева Наварры начала мобилизацию сил в Беарне.^[1062] Все это время герцог Альва продолжал пытаться утихомирить тревогу французов, повторяя, что он будет использовать все средства, которые в его силах, чтобы не беспокоить Францию, и что армия, предназначенная для Фландрии, теперь увеличенная на 1500 человек легкой кавалерии, состоящей из испанцев, итальянцев и албанцев, пойдет долиной Роны только в качестве последнего средства.^[1063]

Наконец, в середине февраля приготовления герцога Алвы были закончены. Дон Хуан де Акуна, который был послан в Савойю, чтобы договориться с герцогом о транзите испанской армии, вернулся, добившись удовлетворительного урегулирования. Армия должна была пройти через Савойю, через гору Сени и Шамбери, пересечь Рону в Йенне и, таким образом, проследовать в

Безансон во Франш-Конте, где к ней должны были присоединиться немецкие контингенты. Это предотвратило опасность, угрожавшую Лангедоку и Дофине, но перекинуло ее на французскую Бургундию и Шампань.^[1064] Это был обходной путь для испанских войск в Милане, но было невозможно направить их напрямую через Швейцарию через Граубюндон, Констанц, Базель и Страсбург, не воспламенив эти населенные пункты; прежде всего, таким образом оказалась бы под угрозой Женева, и любое движение, угрожающее этому городу, вызвало бы пожар во всем кальвинистском мире.^[1065]

Перед лицом общей опасности 20 февраля "Берн", "Фрайбург" и "Вале" заключили оборонительный союз, в то время как "Базель" и "Цюрих" с одобрения Франции взяли за оружие. Страх перед совместным нападением Испании и Савойи на Женеву преобладал по всей Швейцарии, которая была разделена на два лагеря: пять центральных кантонов отдавали предпочтение планам против Женевы и Во. Испания стремилась воспользоваться впечатлением, произведенным проходом ее войск вблизи швейцарской границы, чтобы добиться определенных военных преимуществ и лишить Францию исключительного положения, которое она недавно обеспечила в Альпах. Западным кантонам предлагали дешевую соль из Франш-Конте, а центральным - зерно из Милана. Герцог Лотарингии также предлагал соль по низкой цене из своего герцогства. В результате западная Швейцария покинула Берн и, по-видимому, в одиночку собиралась защищать Женеву от нападения испанцев. Возможно, если бы Испания была уверена в поддержке Савойи на данном этапе, это могло бы произойти, но герцог Савойский воспользовался страхом Бернуа, чтобы заставить их восстановить три бейлики, о которых они ранее договорились по Лозаннскому мирному договору от 30 октября 1564 года, но отложили выполнение. Сам Карл IX посоветовал Берну уступить в этом вопросе, и в августе было заключено соглашение с герцогом Савойским.^[1066]

Все, чего Филипп теперь требовал от Франции, - это разрешения французским подданным обеспечивать армию припасами по ходу дела. Фуркево снова призвал своего монарха быть осторожным; тот факт, что Франция только оправлялась от годичного голода и едва могла прокормить других, был не так важен, как необходимость избегать любых поводов для гражданской войны.^[1067]

10 мая 1567 года герцог Альва отплыл из Картахены и 27 мая прибыл в Геную. Сент-Амбруаз у подножия Альп был местом, где были сосредоточены его боеприпасы и провизия. Здесь 2 июня герцог устроил грандиозный смотр своим войскам. Там было 19 прапорщиков (3230 человек) из Неаполя под командованием Алонсо де Улоа; 10 прапорщиков с Сицилии (1620 человек) под командованием Хулиана Ромеро; 10 прапорщиков ломбардских войск (2200 человек) под командованием дона Санчо де Лондоно; 10 сардинских прапорщиков с четырьмя ротами новобранцев в придачу (1728 человек) под командованием дона Гонсало де Бракамонте, что составляет в общей сложности 49 прапорщиков испанской пехоты (8778 человек). Кавалерия герцога состояла из пяти рот испанской легкой кавалерии, трех итальянских и двух албанских рот, а также двух рот конных испанских аркебузиреров, всего 1200 лошадей.^[1068] На марше между каждым прапорщиком была рота из 15 мушкетеров. Это был первый случай в современной войне, когда мушкеты использовались в полевых условиях. До сих пор это оружие было настолько тяжелым, что его использовали только при осадных работах, балансируя на треугольнике из дерева или железа.^[1069]

Маршрут лежал через Алессандрию-де-ла-Пайе, Сен-Амбруаз, Аосту, Турин, Мон-Сени, Сен-Жан-де-Морьен и долину Арве через Савойю. Несмотря на его небольшой состав, необходимо было разделить армию на три части: авангард, "боевую" и арьергардную. "Битва" каждый день происходила на месте, оставленном авангардом, и само это "сражение", в свою очередь, заменялось арьергардом, три дивизии армии маршировали с интервалом в один день. Герцог Альва командовал авангардом, его сын дон Фердинанд Альварес де Толедо - "битвой", в то время как арьергардом командовал итальянец Чаппин-Вителли, маркиз Четона, формально

состоявший на службе у великого герцога Тосканского. Разделенная таким образом армия пересекала Савойю четырнадцать дней. Это было долгое и трудное путешествие по дикой гористой местности, где трудности марша усугублялись постоянным страхом перед голодом. Во многих местах страна была совершенно стерильной. В Бургундии марш был легче, и за двенадцать дней армия прошла Доль и Грей до Фонтене близ Туля, откуда еще за двенадцать дней Альва мимо Тионвиля добрался до Люксембурга (29 июля), где к нему присоединились новые силы.[\[1070\]](#)

Несмотря на продолжительность марша и его трудности, герцог сохранил свою традиционную железную дисциплину, и солдатам не разрешалось добывать продовольствие в сельской местности или нарушать строй.[\[1071\]](#)

12 августа 1567 года герцог Альва вступил в Брюссель. После его прибытия в Нидерландах воцарился всеобщий ужас. Принц Оранский покинул страну. Граф Эгмонт, наивно заявив, что он не сделал ничего плохого, остался; его друг Хорн последовал его примеру. Альва немедленно отослал всех фламандских солдат и разместил в городе новые войска. Чтобы облегчить свою политику, герцог создал специальный трибунал, не состоящий из юристов, “потому что они не стали бы осуждать без доказательств”. Это был знаменитый Смутный совет, который в народе называли “Советом крови”. Его члены не получали никаких поручений от короля, а были простыми агентами герцога Алвы. Самым известным из них был некий Варгас, сам преступник, действие в отношении которого было приостановлено в обмен на его печально известные услуги.

Если политика испанского правительства во Фландрии приняла новую форму с приходом Альвы, революция там изменилась не меньше. Кардинал Гранвелла за несколько месяцев до этого написал Филиппу II: “В государственных делах общим правилом является то, что народные предприятия, если они не заканчиваются при первой вспышке гнева, обычно развеиваются как дым, если средство от них применяется до того, как они успевают продолжить движение”.[\[1072\]](#) Он добавил, что современная история дает несколько поразительных примеров истинности этого наблюдения. Но провинции, которыми он недавно управлял, не относились к этой категории. Ибо ясно, что в природе фламандского восстания 1565-67 годов произошли изменения. Революция к этому времени прошла более ранние стадии неповиновения и бунта и создала организацию с определенной, поставленной перед ней целью. Формирование Gueux было самым ярким проявлением этих перемен. На момент своего создания эта знаменитая группа была аристократической организацией, состоящей исключительно из дворян, и тогда испанское правительство не опасалось, что она станет популярным объединением.[\[1073\]](#) Гранвелла видел сходство Gueux с ассоциацией гугенотов, созданной в Орлеане в 1562 году, но он не ожидал, что вскоре она приобретет популярность.[\[1074\]](#)

Вскоре он разочаровался. То, что, по мнению испанского правительства, было несколько близким политическим и аристократическим объединением знати, вскоре превратилось в популярную конфедерацию конгрегаций, преследующую религиозную пропаганду, а также политическую цель.[\[1075\]](#) Однако, несмотря на это изменение, министр Филиппа все еще не считал Ге грозным. Как Альва заявил в Байонне, что все, что было необходимо для уничтожения гугенотской партии во Франции, - это убить “крупную рыбу”, так и теперь он верил, что если убрать лидеров Геу, их движение тоже погибнет.[\[1076\]](#) Но вскоре Алва обнаружил, что ге почти

никогда не ослаблялись из-за отстранения некоторых представителей знати либо путем подкупа, либо запугивания.[1077] Ко времени его прибытия под умелым руководством Бредероде кальвинисты фламандских провинций разработали схему объединения, в которой каждая община была одновременно приходом, административным участком, военной сотней и политической единицей. Антверпен, население которого было настолько большим и космополитичным, что от полицейского контроля можно было легко уклониться и из которого было легко сбежать, был столицей ассоциации, как сначала Орлеан, а позже Ла-Рошель были для гугенотов.[1078]

Фламандское правительство вскоре осознало необходимость подорвать власть этой конфедерации.[1079] Членство в конфедерации, если оно было доказано, строго каралось. Правительство считало, что уход принца Оранского из страны был вызван разумной попыткой избежать подобной компрометации. Это, безусловно, относилось к Бредероде. Но Эгмонт и Хорн остались, заявив, что они ничего не сделали, и возобновили свою клятву верности королю.[1080] Тем не менее Гранвелла саркастически процитировал Ликурга о том, что нейтралы более одиозны, чем враги. “После того, как города будут очищены, - писал мэр Морильон, - настанет время напасть на сад, чтобы уничтожить там сорняки и корни”, а испанский агент в Амстердаме в то же время писал: “Бог может простить тех, кто является причиной одной и другой лиги; но я уверяю вас, если я не сильно ошибаюсь, что те, кто заставлял других танцевать, преследуют какую-то иную цель, чем мы знаем. Время покажет это”.[1081]

КАЗНЬ ЭГМОНТА И ХОРНА
На РЫНОЧНОЙ ПЛОЩАДИ В БРЮССЕЛЕ

Оригинальная медная пластина работы Франца Хогенберга.

Это несколько длинное рассуждение о природе и развитии конфедерации, созданной восставшими подданными Филиппа II во Фландрии, не является отступлением от темы. Число гугенотов, которых можно было встретить в Нидерландах в 1566-67 годах, интриговавших со своими единоверцами против Испании, было очень велико. Герцог Бульонский и принц Порсьенский были самыми выдающимися из них.[1082] В совокупности их число было настолько велико, а их участие - настолько серьезным вопросом для правительства, что Алве было настоятельно рекомендовано сохранить границу от французов в качестве первой необходимости сразу после его прибытия в Брюссель.[1083] Франция, со своей стороны, начала возводить цитадель в Вердене и укреплять границу с Пикардией, города которой получили новые войска в июне, и когда пришло известие, что немецкие войска в Люксембурге ожидают прибытия Альвы, Д'Андело был отправлен на границу Шампани с 6000 швейцарцев, которых обложило налогом правительство.[1084] Это действие вывело из себя Филиппа II, поскольку для него это было демонстрацией его неспособности разорвать союз Швейцарии с Францией у него перед носом. Его посол во Франции энергично протестовал и обвинил королеву в двуличии.[1085] В Мадриде нунций с любопытством поинтересовался у Фуркево, в каком настроении Филипп II, который накануне имел аудиенцию у посла, воспринял известие о действиях Франции в Швейцарии. "Я сказал ему, - писал посол Карлу IX, - что у великих королей и принцев было принято всякий раз, когда они видели, что их соседи вооружаются, заботиться также о своих королевствах и государствах".[1086] Кале был двойным источником беспокойства, во-первых, потому что Испания, следуя рекомендации Альвы, не удовлетворилась укреплениями надгробий, а фактически построила земляной форт всего в пяти шагах от заставы, обозначавшей границу Франции; во-вторых, потому что в это смутное время Елизавете Английской пришла в голову мысль возродить английские притязания на Кале.[1087] С целью разобраться в замыслах своего зятя Екатерина отправила младшего Л'Обеспина в Мадрид.[1088] Война с Испанией уже была на слуху у некоторых во Франции.[1089]

Несмотря на мудрость этих военных мер предосторожности со стороны французской короны, гугеноты встревожились, опасаясь пешего движения с целью отмены эдикта.[1090] В недостойном поведении принца Конде, а возможно, и в поведении Колиньи, был преднамеренный замысел. Принц жаждал главнокомандования армией, и война с Испанией находилась в прямом соответствии с его устремлениями. С момента заключения Амбуазского мира к нему хорошо относились: ему было передано управление Пикардией и графством Ротру, которое было преобразовано в герцогство под названием Энгьен-ле-Франсуа. Но его жажда власти была ненасытной. В июле, после гневной речи с королем, Конде удалился от двора, и за ним последовал адмирал, который сообщил, что обнаружил "некую практику, которая полностью привела его в замешательство".[1091]

Это была мелкая политика. В это время внешней опасности, исходящей от коварных замыслов Филиппа II и неистовой вражды Англии, благородным поступком каждого подданного Франции было встать на сторону короля и нации. Лидеры гугенотов скомпрометировали дело в целом, потакая своему личному тщеславию, своей мелкой злобе, своему раздражению в такой час. Возникли трения, разногласия по поводу толкования и применения определенных частей амбуазского эдикта. Католики, например, жаловались на то, что гугеноты обошли стороной намерение эдикта, утверждая, что в случаях, когда право проповеди было предоставлено всем

баронам и высшим судьям только для них самих и их арендаторов, а другим лицам более низкого звания - только для их семьи, под прикрытием этого проводилось богослужение.[1092]

Однако фанатизм Парижа и его окрестностей был худшим источником недовольства. В городских округах капитаны были выбраны населением для наблюдения за протестантской деятельностью — ядром знаменитых Шестнадцати (*Захватить*) Париж в 1589-94 годах. При таких обстоятельствах было бы верхом политической нецелесообразности пытаться привести в исполнение букву эдикта на Иль-де-Франсе. Июльская поправка к Амбуазскому эдикту, запрещающая отправление протестантских культов по всему Иль-де-Франсу, за исключением тех мест, которые должны быть лицензированы королем, и следующая, запрещающая протестантам занимать государственные должности в городах,[1093] Я полагаю, что она была составлена с целью избежать конфликта, а не с какой-либо реакционной целью. Безусловно, важно, что либеральный канцлер Лопиталь благоволил к ним.[1094] Терпение и опыт помогли бы решить подобные трудности. Со стороны принца Конде было преступлением снова раздувать пепел последней гражданской войны. Ибо в этом напряженном состоянии принц намеренно преувеличивал и искажал события в своих собственных целях, и искра из Фландрии — арест Алвой графов Эгмонта и Хорна 9 сентября — снова разожгла пламя во Франции.

Прибытие новостей во Францию, к сожалению, совпало с заседанием двух синодов гугенотов, одного в Шатийон-сюр-Луан, другого в Валери.[1095] В них преобладало смятение. Проповедники кричали, что арест Эгмонта и Хорна[1096] был доказательством тайного союза между Испанией и Францией для свержения кальвинизма. Наконец-то правда о Байонне вышла наружу! Однако железная воля Колиньи все еще могла бы поддерживать порядок, если бы в разгар этого волнения также не пришло известие о том, что 6000 швейцарцев, которых Карл IX нанял для прикрытия французской границы от герцога Альвы, вступили во Францию. Двойная новость была слишком тяжела для возбужденных умов гугенотов. Адмирал и принц, не сумевшие понять истинную политику Франции в Швейцарии, в отчаянии обратились к констеблю за словом правды и утешения. Но старый Монморанси, желавший, чтобы его сын, маршал Монморанси, сменил его на посту констебля[1097] (чего добивался принц Конде для себя), грубо ответил: “Швейцарцам платят; разве вы не ожидаете, что их будут использовать?”[1098] Эти слова были сказаны жестоко и бездумно. Они просто вызвали гнев. Гугеноты истолковали их как означающие, что их нужно победить военной силой, а протестантизм принудить, если не уничтожить. Синод гугенотов в Валери[1099] принял решение о войне. Конференция проходила в адмиральском замке в Шатийоне под видом банкета. Присутствовали принц Конде, Ларошфуко, кардинал Шатийонский, Д'Андело, Брикмо, Телины, Муи, Монтгомери и другие знатные люди Марки, помимо нескольких министров-гугенотов. Совещание длилось целую неделю, в конце которой было решено, что все гугеноты во Франции должны быть уведомлены во всех *бальяже* и *сенешалях* дьяконами и другими должностными лицами их конгрегации; что их следует призвать выделять деньги в соответствии с имеющимися у них средствами для уплаты рейтинга из Германии, который должен взимать рейнский граф палатин; и что все молодые люди этой религии, способные носить оружие, должны быть зачислены на военную службу.[1100]

План был столь же смелым, сколь и простым. Она заключалась в том, чтобы завладеть персоной короля внезапным *государственным переворотом*, для чего в Валери должны были тайно быть доставлены силы численностью 1500 всадников. Двор в это время проживал в замке Монсо близ Мо и был лишен лишь номинальной военной защиты.[1101] Вечером 24 сентября королева

узнала о встрече в Розе-ан-Бри. Был созван полуночный совет. Швейцарцы, добравшиеся до замка Тьерри, были спешно созваны. Лотарингская партия и герцог Немурский посоветовали немедленно возвращаться в Париж. Канцлер и Монморанси пытались убедить короля не делать этого.[1102] Первый указал, что отправиться в Париж означало бы для короля посвятить себя самым фанатичным из своих подданных и уничтожить возможность мирного урегулирования, в то время как констебль утверждал, что Мо был укрепленным городом, способным выдержать осаду, и что оставить его могло бы привести к поражению на открытой местности. В этой дилемме жребий бросил швейцарский полковник Пфиффер.

“ Да будет угодно вашему величеству, ” воскликнул он, “ вверить вашу особу и особу королевы-матери доблести и верности швейцарцев. Нас 6000 человек, и остриями наших пик мы откроем вам достаточно широкий путь, чтобы вы могли пройти сквозь армию ваших врагов”.[1103]

“ Хватит, ” возразил Чарльз. - Я предпочел бы умереть свободным вместе с тобой, чем жить пленником среди повстанцев.[1104]

Возвращение в Париж началось в четыре часа утра. “Когда швейцарцы прибыли в Мо, - писал Корреро, - клянусь, это была самая злодейская банда, которую я когда-либо видел. Однако в боевом порядке они были достойны восхищения. Трижды они оборачивались на врага и, опустив пики, бросались на него, как свирепые псы, сомкнутыми рядами и в хорошем порядке, ни на шаг не опережая друг друга. Таким образом, король смог со своей свитой добраться до Парижа”.[1105] Он добрался до Лувра той ночью, измученный дорогой, разгоряченный, голодный и такой злой, что из-за его свирепого нрава никогда не изгладились воспоминания об этом унижении.[1106]

Дело Мо прогремело как удар грома на большей части Франции. Внезапность выступления гугенотов и его почти полный успех поразили людей. “Это движение, ” писал венецианский посол, “ о котором знали несколько тысяч человек, проводилось с такой осторожностью, что ничего не просочилось наружу до тех пор, пока оно не стало практически свершившимся фактом. Это невозможно было бы сделать без совершенного интеллекта, который существует среди гугенотов и является ярким проявлением их организации по всему королевству”.[1107]

В свете этого суждения остается описать гугенотскую форму правления.

Церковной - и политической единицей — французского кальвинизма была конгрегация. Конгрегации были сгруппированы “в соответствии с количеством и удобством” в коллоквиумы или классы, которые собирались от двух до четырех раз в год, причем разделение производилось властью провинциального синода.[1108] В церковных вопросах ни одна церковь не имела первенства или юрисдикции над другой, ни одна провинция над другой.[1109] Служители приводили с собой на местные занятия или провинциальные синоды одного или двух старейшин, выбранных из своих консисторий.[1110] Старейшины, которые были депутатами церквей, имели равное право голоса с пасторами.[1111] Полномочия провинциального синода были подчинены полномочиям национального синода,[1112] и все, что было постановлено провинциальными синодами для управления церквями в их провинции, имело должен предстать перед национальным синодом.[1113] Основные линии деления повторяли исторические провинциальные деления Франции, но меньшие провинции и части более крупных, таких как Гайенна и Лангедок, были связаны вместе. Национальный синод 1559

года разделил Францию на шестнадцать протестантских провинций следующим образом: (1) Иль-де-Франс, Шартрен, Пикардия, Шампань и Бри; (2) Нормандия; (3) Бретань; (4) Орлеан, Блезуа, Дюнуа, Ниверне, Берри, Бурбонне и Ла Марш; (5) Турень, Анжу, Луденуа, Мэн, Вандом и Перш; (6) Верхняя и Нижняя Пуату; (7) Сентонж, Аюни, Ла-Рошель и Ангумуа; (8) Нижняя Гиенна, Перигор, Гасконь и Лимузен; (9) Верхний и Нижний Виваре вместе с Веле и Ле Фор; (10) Нижний Лангедок, включая Ним, Монпелье, и Безье; (11) Верхний Лангедок, Верхняя Гиенна, Тулуза, Каркассон, Керси, Руэрг, Арманьяк и Верхняя Овернь; (12) Бургундия, Лион, Божоле, Бресс, Нижняя Овернь и Жекс; (13) Прованс; (14) Дофине и Оранж; (15) Беарн; (16) Севенны и Жеводан.[1114]

Однако этот административный раздел не остался неизменным. В некоторых провинциях, таких как Бретань, было так мало протестантов, что гугеноты там не могли выстоять в одиночку, и первая гражданская война выявила слабость этой системы. Соответственно, в 1563 году карта Франции была разделена заново, и прежние шестнадцать "провинций" были сокращены до девяти. Интересны некоторые внесенные изменения. Например, Шартрен был отрезан от Иль-де-Франса и присоединен к "провинции" Орлеан, явно в попытке сохранить связующее звено между Нормандией и страной Луары. Бретань укрепилась за счет аннексии Анжу, Мэна и Турени, которые ранее составляли независимую "провинцию", что, очевидно, сблизило ее с более сильными кальвинистскими провинциями. "Провинция" Верхняя и Нижняя Пуату была объединена с Сентонгом, Аюнисом и Ангумуа, таким образом объединив всю страну, орошаемую реками Шаранта, Клейн и меньшими потоками. Бургундия, Лион, Божоле, Бресс, Нижняя Овернь и Жекс поглотили небольшую гугенотскую провинцию, состоящую из Виваре, Веле и Ле Фор. Но самая интересная консолидация произошла на юге Франции. Ранее Верхний Лангедок, в котором были Ним, Монпелье и Безье; Нижний Лангедок, включающий Верхнюю Гиенну, Тулузу, Каркассон, Керси, Руэрг, Арманьяк и Верхнюю Овернь; Прованс; Дофине и Севенны-Жеводан образовали отдельные "провинции". Но в 1563 году вся эта огромная территория была объединена в великую гугенотскую провинцию Лангедок. Единственными древними провинциями, которые остались неизменными в 1563 году, были Нормандия,[1115] Беарн и Нижняя Гиенна, а также Перигор и Лимузен.

Церковная организация гугенотов и ее политическая организация были одним и тем же. Конгрегации, "коллоквиумы", синоды представляли собой как налоговые подразделения, так и военные кадры.[1116] Однако сила организации гугенотов до Варфоломеевской резни, я полагаю, была преувеличена, за исключением Гайенны, где, особенно в окрестностях Нерака, Монлюк рано вступил в контакт с мощной группировкой гугенотов.[1117] Сильными элементами протестантской организации были ее простота и бдительность всех, от провинциальных вождей до простых пасторов, которые восполняли малочисленность самой ревностной деятельностью.[1118] "Если бы наши священники, - писал венецианец Корреро в 1569 году, - были хотя бы наполовину такими энергичными, христианству наверняка не угрожала бы опасность в этой стране".[1119] Организация гугенотов достигла высшей точки военного и политического развития только после 1572 года, когда в 1574 году в Мийо была сформирована сплоченная федерация реформатских церквей с избирательными участками, военными сотнями и гражданскими юрисдикциями.[1120]

Точно так же, как преувеличивалась ранняя организация гугенотов, преувеличивался республиканский характер раннего гугенотского движения. Помимо каких бы то ни было религиозных мотивов, которыми они могли руководствоваться, протестантская знать находилась под влиянием политических амбиций; буржуазия - надежды на административные и экономические реформы; массы - общего духа недовольства. Гугеноты не представляли единого фронта до Варфоломея, когда слияние политических гугенотов с политиками превратило “религиозных” гугенотов в левое меньшинство. До 1572 года политические идеи Реформатов, если и не были еще зачаточными, то не были объединены в одно однородное дело, подкрепленное компактной и высокоорганизованной политической системой. Отдельные политические теоретики или фанатичные приверженцы, конечно, были найдены в рядах гугенотов, но до Варфоломеевской резни не существовало систематической политической философии, которая руководила бы их поведением. Именно эта катастрофа кристаллизовала мнение гугенотов и организовала крупномасштабную комбинацию.^[1121] Только в Гайенне, где, как уже было сказано, организация гугенотов была наиболее полно развита в ранний период, кажется, рано сформировалась какая-либо четкая республиканская идея.^[1122]

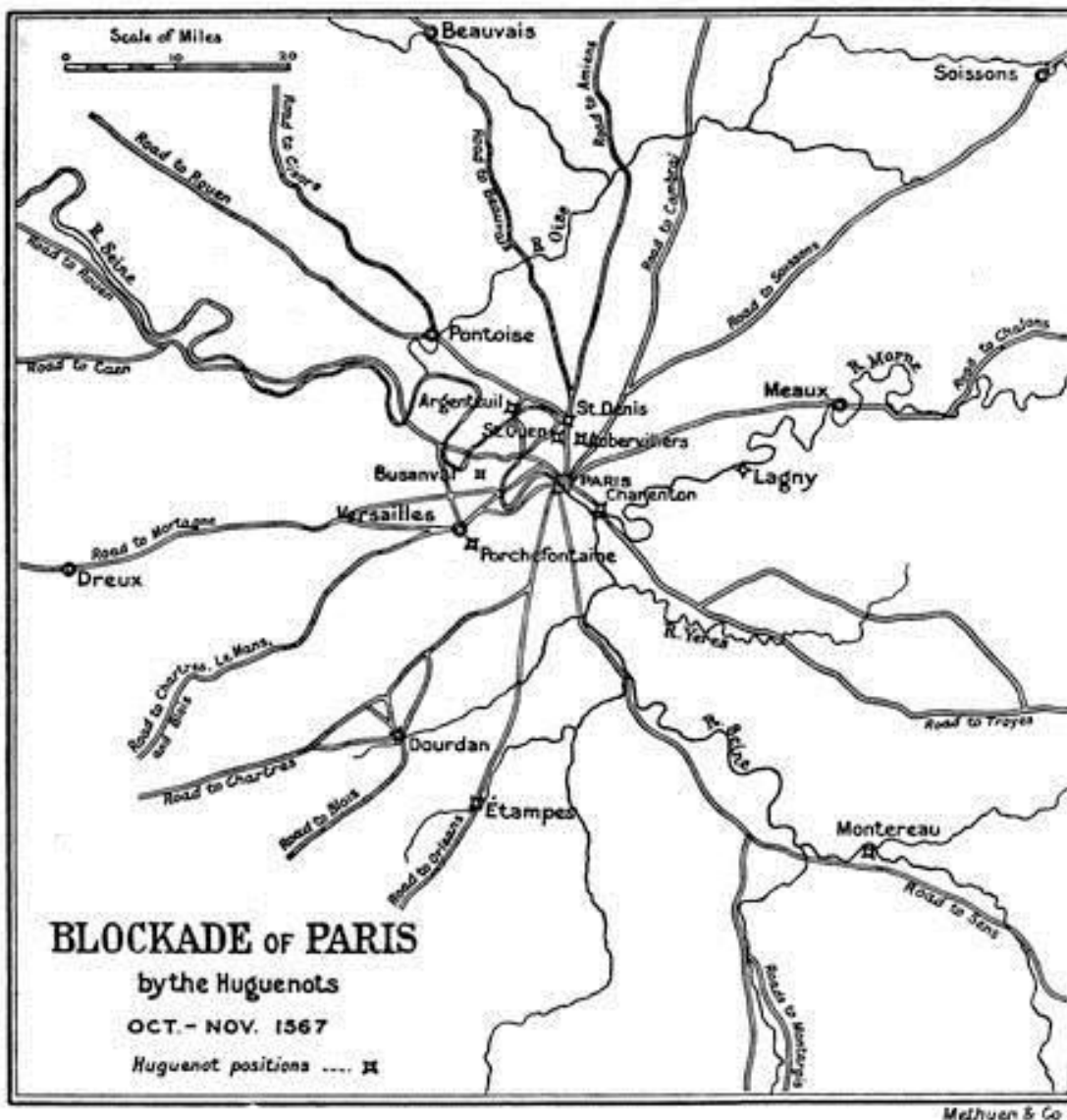
ГЛАВА XII

ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1567-68)

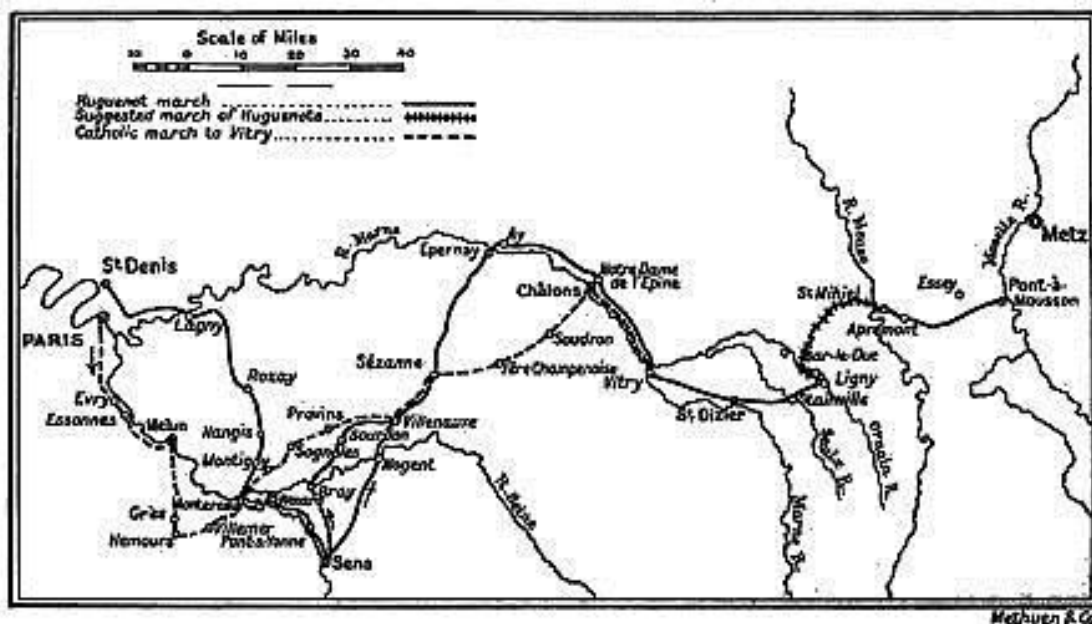
Таким образом, после четырехлетней передышки разразилась вторая гражданская война. Из Парижа сразу же начался исход гугенотов: одни отправились к принцу Конде, другие - к герцогу де Роану, третьи - в Монтгомери в Нижней Нормандии, где сразу же началась партизанская война.^[1123] Столица была в ярости, и только присутствие короля помешало парижанам расправиться с тамошними протестантами и Монморанси.^[1124]

было обращено в общую добычу ради общего дела.[1130] Мелким торговцам были навязаны принудительные займы, и даже крестьянство было привлечено к принудительному труду,[1131] так что последние сотнями бежали в Париж.

Опустошительные действия гугенотов были настолько велики, что они разрушили саму цель, которую имели в виду. Для тысяч крестьян, под прикрытием либерального указа, направленного на обеспечение Парижа продовольствием,[1132] пригнали свой скот в город и доставили туда зерно и провизию, которые они запасли на зиму, где они продали его дешево, вместо того, чтобы увидеть, как его уничтожат “залпы куильцев, пиллентов и брюлентов, гранжей, мезонов, муленов и фонтанов для бедных”. *qu'ilz peullent faire*".[1133] Вино, мясо и хлеб в Париже не были дорогими; буковое масло и овсянка стоили разумно.

МАРШ ГУГЕНОТОВ На ПОН-а-МУССОН после битвы при С^т. ДЕНИС

Королева-мать, которая обратилась к Альве за самой немедленной помощью,^[1134] отправила канцлера Лопиталья, либерального маршала Вьейвиля и Жана де Морвиле, епископа Орлеанского, посовещаться с принцем Конде, чтобы выиграть время. Но принц был так воодушевлен своей успешной блокадой Парижа, что его требования возросли еще больше и не могли быть приняты правительством. Тем не менее, следует соблюдать природу этих требований, поскольку это свидетельствует о том, что конфликт все больше и больше приобретал характер *политический*, и что религиозный вопрос, если и не второстепенный, то, по крайней мере, был всего лишь элементом программы гугенотов. Более того, эти требования интересны по той причине, что они представляют собой новый этап в эволюции борьбы и что отныне они являются постоянным предметом спора гугенотов и в конечном итоге воплощены в Эдикте о веротерпимости. Принц, главной целью которого было свергнуть Личины и взять правительство короля и управление делами в свои руки^[1135] настаивал на свободном отправлении религии по всему королевству без ограничений или различия мест или лиц; что все недавно разрешенные налоги должны быть переведены и все новые формы налогообложения, введенные со времен правления Людовика XII, отменены; что должен быть проведен учет денег, выданных для уплаты долгов короля; чтобы все те, кто был отстранен от своих должностей из-за религии, были восстановлены в должности; и чтобы четыре укрепленных города были переданы в его руки в качестве гарантии благих намерений короны. Кроме того, принц потребовал распустить швейцарский и испанский полки.^[1136]

В свое время принц Конде обнаружил, что промедление было катастрофическим. Хотя его силы ежедневно увеличивались за счет новых вторжений с юга,^[1137] тем не менее позиция гугенотов была не такой прочной, как казалось. Париж встал на сторону короля и выделил ему 400 000 экю, в то время как духовенство выделило 250 000.^[1138] Герцог Гиз находился в Шампани с войсками Шампани и Бургундии, помимо восьми рот латников.^[1139] Более того, на помощь королю прибывали новобранцы, некоторые от герцога Савойского,^[1140] некоторые из Пьемонта под командованием Строчи, приближение которого адмирал и Де Муи пытались предотвратить, а также кое-что от папы Пия V, который встал на защиту

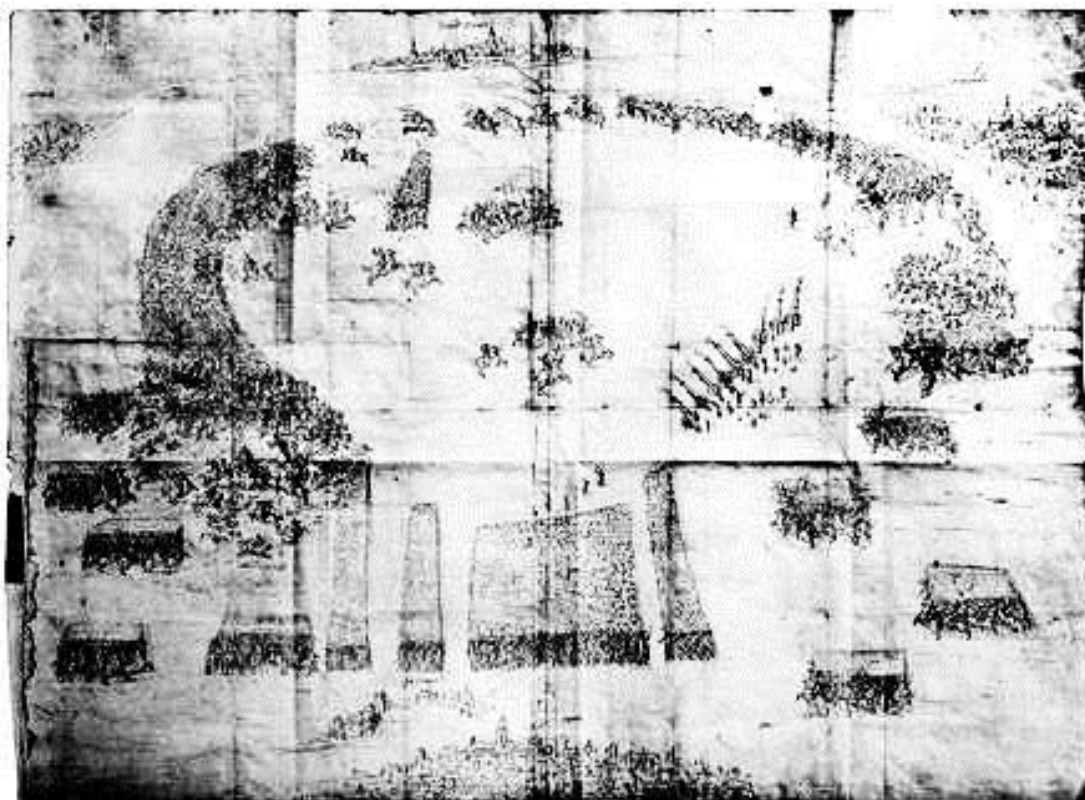
Франции, как только ему сообщили о возобновлении военных действий.[1141] Гугеноты прилагали энергичные усилия, чтобы разрушить швейцарский союз и убедить протестантские швейцарские кантоны уйти. Но, к счастью для французской короны, кантоны остались непреклонны, поскольку без помощи швейцарских войск Карлу IX было бы трудно содержать армию, поскольку он не осмелился принять слишком заинтересованные предложения Филиппа II.[1142] Как и в первой гражданской войне, обе стороны обратились за помощью к Германии[1143] и королева-мать отправила Линьероля “попрактиковаться в удержании рейтеров, а на его возвращение к графу палатинскому с просьбой не помогать принцу и его сподвижникам, подтверждая, что их восстание было вызвано не каким-либо религиозным рвением, а лишь желанием восстать против своего принца”.[1144] Гугеноты также заигрывали с восставшими подданными Филиппа II.[1145]

К середине октября принц Конде обнаружил, что находится между двумя врагами, Парижем и подходящими новыми войсками, и каждый день увеличивал его опасность. Не может быть никаких сомнений в том, что королева-мать намеренно затягивала переговоры, зная, что таким образом безопасность Конде будет ослаблена. Признаки того, что ситуация приближается к критической точке, не были желательными. 7 октября король послал герольда к принцу объявить, что все, кто был с ним, должны разоружиться и отправиться в Париж, чтобы спасти свои жизни и имущество, которые, в случае их отказа, должны быть конфискованы.

В тот же день коннетабль объявил, что король, надеясь своим милосердием привести некоторых своих подданных к согласию, послал своего канцлера заверить их, что его эдикты, изданные в целях религии и умиротворения, должны соблюдаться нерушимо и что ни один человек не должен подвергаться за это преследованиям; и что в отношении других мелких статей он был полон решимости их удовлетворить. Несмотря на это, они не подчинились бы никаким доводам; а потому король был полон решимости объявить их мятежниками и соответствующим образом привлечь к ответственности, ради содержания которой он рискнул бы как телом, так и имуществом. 8 октября было объявлено, что, если принц и его сподвижники подчинятся королю в течение трех дней, он добровольно простит все, что было в прошлом; но если они откажутся, их следует считать мятежниками, и для всех подданных короля должно быть законным убивать всех, кого они найдут вооруженными. В ожидании битвы констебль был произведен в генерал-лейтенанты королевской армии.[1146]

И все же, несмотря на шаткость своего положения, принц по-прежнему был уверен в себе. Его гордость ожесточилась после захвата Орлеана Ла Нуэ 28 сентября,[1147] и Суассона.[1148] Он расширил требования протестантов, потребовав, чтобы Кале, Булонь и Мец[1149] были переданы им в качестве гарантии, что король сначала разоружится и что по одной церкви в каждом “хорошем городе” Франции будет разрешено исповедовать эту религию; и что принцу будет предоставлено 300 000 франков для выплаты жалованья своим войскам, “благодаря чему они смогут вернуться отсюда без грабежей”.[1150] Корона презрительно отвергла условия и перешла в быстрое наступление. В ночь на 6 ноября банда Строщи разрушила мост из сколоченных лодок, который принц соорудил, чтобы более эффективно отрезать Париж; на следующий день герцог Немурский захватил другой пункт на реке, угрожавший Парижу, а 9-го Конде был вынужден отступить из Шарантона после разрушения моста и обстрела города. 8 ноября принц допустил грубую ошибку, ослабив свои основные силы, послав Д'Андело захватить Пуасси, а Монтгомери - Понтуаэ, два открытых места во внутренней стальной зоне, окружавшей Париж.[1151] Кризис настоящей битвы наступил в их отсутствие, 10 ноября, в битве

при Сен-Дени. Это была ожесточенная и кровопролитная схватка, начавшаяся около 3 часов и продолжавшаяся до темноты, в которой обе стороны серьезно пострадали. Монморанси, “более знаменитый, чем удачливый в оружии”, был дважды ранен в лицо кортиком, а затем ранен в шею и поясницу pistolетными пулями, выпущенными шотландским капитаном по имени Роберт Стюарт[1152] служил у гугенотов. Старый ветеран, думая, что нападавший его не узнал, закричал: “Вы меня не знаете. Я констебль”. Но шотландец, стреляя, ответил: “Поскольку я знаю тебя, я дарю тебе это!”[1153] Хотя всадники Конде в белых ливреях прошли сквозь армию короля и хотя констебль был смертельно ранен, битва была выиграна не принцем.[1154] 14 ноября армия гугенотов вышла из Сен-Дени “без звука трубы или барабанного боя”. Принц основал временную штаб-квартиру в Монтеро, недалеко от Сена, но позже переместился вверх по Марне в окрестности Труа, а герцог Гиз медленно следовал за ним, чтобы соединиться с войсками герцога Казимира Пфальцкого, чему правительство не смогло помешать.[1155]

БИТВА При СЕН-ДЕНИ

С фотографии оригинального наброска, вероятно, сделанного сыном сэра Генри Норриса, посла Англии во Франции. Оригинал в Государственном архиве, Государственные документы, Форин, Элизабет, том. ХСV, № 1813. Он датирован 10 ноября 1567 года и имеет размеры 31½ × 23½

Присутствие войск гугенотов казалось возвращением рейтеров к жителям Шампани, которые прятали свои сокровища в конюшнях, садах, печных трубах и тому подобном. Некоторые прятали свои деньги и драгоценности в щелях в стенах; другие прятали их в пеленках

младенцев. Но даже это было бесполезно, потому что солдаты отрывали детей от самых грудей их матерей и раздевали их, чтобы найти то, что было спрятано на них.[1156]

После битвы при Сен-Дени королевский совет разделился на два мнения. Одни убеждали королеву, находившуюся в Фонтенбло, сделать новые предложения; другие, отражавшие мнение Парижа, были за продолжение войны. Королева-мать последовала первому предложению, но из этих попыток ничего не вышло, потому что король настоял на разоружении гугенотов до рассмотрения их условий.[1157] Поэтому были предприняты активные приготовления к развязыванию войны в провинциях, к некоторому удивлению католической знати, которая думала, что она закончилась на поле Сен-Дени.[1158] Лагерь артиллерии, пехоты и швейцарцев были разбиты в Вультоне, Сен-Мартен-де-Шан, Гимбруа и других пунктах в Шампани и Бри, в то время как кавалерия была расквартирована в других приходах. Гарнизоны были также размещены в замках и *фортах* гугенотов в регионе. Не считая территории, покрытой авангардом королевской армии, была занята полоса территории более десяти миль в длину и шести в ширину, на которой проживало более пятидесяти тысяч человек.[1159] Распоряжением начальника лагеря было приказано захватить все местные пекарни, а необходимое зерно реквизировать у местных торговцев и фермеров. Помимо этих припасов, солдаты, поскольку они были расквартированы по домам, свободно потребляли хлеб, мясо, вино и другую пищу там, где они были, без оплаты.

Присутствие королевских войск сильно истощило ресурсы региона, особенно после того, как лето выдалось таким засушливым, что урожай был скудным. Действительно, засуха была настолько сильной, что даже болота пересохли, и во всех приходах Франции проводились общественные молитвы и процессии с просьбой о дожде. К счастью, дождь прошел вовремя, чтобы спасти виноградные лозы, так что вино не испортилось, иначе положение Франции было бы крайне плачевным.[1160]

20 ноября две тысячи всадников прибыли в Париж из Фландрии. Надежда французских протестантов была главным образом возложена на Яна Казимира Пфальцского, сына курфюрста Фридриха, и на отряд немецких рейтеров, ожидание прихода которых побудило Конде двинуться на восток, к Труа. Граф Палатинский провел в своем сознании четкую грань между религией и политикой. Он бы быстро возмутился любому посягательству на его права как правителя. Но он не понимал французской политики и рассматривал движение гугенотов как чисто религиозное, которому он чувствовал себя обязанным оказывать поддержку, потому что был ревностным протестантом.[1161] Французское правительство направило епископа Ренна и Линьероля попытаться отговорить графа палатина; они подтвердили, что восстание Конде было вызвано не религиозным рвением, а политической выгодой. Но посланец принца превзошел епископа и его коллегу, заверив графа палатина, что единственной причиной восстания гугенотов было сохранение свободы вероисповедания вместе с их честью, жизнями и имуществом.[1162] Аргумент Карла IX о том, что его состояние и королевство были настолько переплетены с состоянием религии, что граф палатинский не мог коснуться одного, не оскорбив другого, Казимиру не показался убедительным.[1163]

Чтобы усилить беспокойство Екатерины, император возродил старый проект захвата Трех епископств,[1164] проект, ставший вдвойне опасным из-за новых махинаций кардинала Лотарингского. Ибо, чтобы защитить католическое дело во Франции и спасти Мец от полной

потери после того, как гугеноты захватили цитадель в октябре, кардинал Лотарингии возобновил свои тайные переговоры с Испанией. Однако вместо того, чтобы написать непосредственно Филиппу II, он написал Альве, поскольку время поджимало, а опасность была велика. 1 ноября 1567 года капеллан кардинала предстал перед герцогом в Антверпене с письмом, в котором умолял Альву прийти на помощь французской короне и предлагал передать ему во владение определенные места во Франции. Сначала Альва был настолько недоверчив, что заточил носителя[1165] до тех пор, пока тот не убедится в истинности своей миссии. Тем не менее, он немедленно отправил 3000 всадников в страну Сейн (между Виидом и Нижним Изенбергом), правителем которой был пенсионер Испании, приказал графу Мансфельдту отправиться в Люксембург и отправил маркграфу Баденскому послание о 1000 всадниках с целью предотвращения похода немцев во Францию или распространения войны там на испанские провинции. Наконец, убедившись в правдивости предложений кардинала, Альва сказал, что, если обстоятельства сложатся так, что о таких действиях с его стороны станет обязательным долгом перед королем Франции, он сделает это; и что, если король будет побежден гугенотами, он сочтет своим долгом ради защиты католической веры занять предложенные кардиналом места, которые Испания может заложить в качестве залога за вознаграждение Франции за ее услуги.[1166] Но изменнические замыслы кардинала Лотарингского зашли даже дальше, чем предложение передать некоторые пограничные крепости Франции в руки Испании. Уже в это время Гизы рассматривали возможность низложения дома Валуа в пользу испано-габсбургской династии. Ибо далее кардинал сказал, что в случае преждевременной смерти Карла IX и его братьев Филипп II Испанский станет наследником французского престола через свою жену Елизавету Валуа. “Салический закон - забава, - добавил он, - и сила оружия может преодолеть любое сопротивление”![1167] “Последнее, - писал Альва Филиппу, - это другое дело, и я не могу рисковать и вмешиваться в него без специальных указаний вашего Величества”.

Обычному самообладанию испанского монарха, должно быть, пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать эмоции, когда он узнал об этих удивительных переговорах. Но он был верен своей второй натуре. Без видимого волнения он одобрил документ следующим образом: “Этот вопрос требует больше времени для размышления, потому что было бы трудно выполнить то, о чем просит кардинал, без компромиссов. С другой стороны, трудно отказаться по такой причине от того, что мне бросают в руки. Однако я думаю, что решение по этому вопросу не является срочным. Пусть герцог сообщит мне, что он думает по этому поводу, в соответствии с положением дел там.”[1168] Была ли это осторожность, или колебания, или промедление?

В качестве промежуточного шага, менее компрометирующего и, возможно, столь же эффективного в долгосрочной перспективе, Альва предложил, хотя и с некоторыми опасениями, кардиналу Лотарингии лично прийти на помощь французской короне.[1169] Пока он обсуждал этот вопрос сам с собой, пришло известие о битве при Сен-Дени и приближении рейтеров; и вдобавок к этому сообщение от Екатерины Медичи с просьбой о помощи 2000 испанских аркебузиром против рейтеров.[1170] Герцог Альва в ответ, упрекнув Екатерину за то, что она не приняла предложения помощи, которые он сделал сразу после Мо,[1171] предложил отправить 2000 аркебузиром и 2000 кавалерия — теперь он не мог выделить огромные силы, которые он предоставил ранее, — на помощь герцогу Омале против рейтеров,[1172] хотя и признает с мрачной шутливостью, что есть определенный юмор в том, чтобы подбрасывать головни в дом соседа, когда горит твой собственный.[1173] Но предложение поступило слишком поздно,

чтобы быть полезным, что, к счастью, избавило Екатерину от унижения из-за введения во Франции власти, целью которой было свержение Франции.[1174]

Тем временем, пока Конде стоял лагерем между Сеном[1175] и Труа, рейтеры численностью около шести тысяч вошли в Лотарингию.[1176] Их приход сорвал планы герцога Гиза, который находился на границе с маршалом Таванном, поскольку это помешало французским командирам соединиться с графом Мансфельдом и герцогом Лотарингским и вынудило их отступить.[1177] Соединение Конде и Рейтера было осуществлено 28 декабря, и лагерь был разбит в Дессе. Королевская армия всех родов войск насчитывала 30 000 пехотинцев и вдвое меньше конницы.[1178] Тем не менее, несмотря на неблагоприятную перспективу, правительство не дрогнуло. Столица была чрезвычайно лояльна. В ответ на призыв короля парижане собрали 30 000 человек и предложили 1 200 000 франков на ведение войны.[1179]

Однако, к негодованию парижан, даже были предприняты предварительные попытки заключить мир.[1180] Однако настояние Карла IX на немедленном сложении оружия было эффективным препятствием для любого картеля, который мог быть организован. В ответ на статьи, отправленные королем принцу Конде, последний ответил, что протестанты не имели намерения предписывать закон королю, а лишь смиренно требовать того, что было необходимо для свободы их совести и сохранения их жизни и имущества, а именно, чтобы Орлеанский эдикт соблюдался без каких-либо изменений; чтобы для свободного отправления религиозных обрядов были назначены бейливики; чтобы они могли пользоваться своими поместьями и должностями; чтобы жители Лиона имели такую же свободу, как и остальные подданные королевства; что должны быть разрешены синоды и что Эдикт об умиротворении должен быть объявлен бесповоротным.[1181]

В своем ответе Карл IX заявил, что он никогда не согласится обращаться с принцем Конде или любым другим подданным как с равным; он обещал простить то, что произошло, если протестанты в течение трех дней сложат оружие, разойдутся по своим домам и откажутся от занятых ими мест; что, когда некоторые дворяне жаловались на преследование за отправление религиозных обрядов в своих домах, он был доволен, что это прекратится, при условии, что присутствовало не более пятидесяти человек, не считая их семей; что он намеревался держать свои силы в своих руках и распоряжаться городами по своему усмотрению; что городу Лиону, поскольку он полон иностранцев, не должно быть разрешено исповедовать религию; что всякая регистрация людей, ассоциаций и синодов должна быть прекращена; и, наконец, что король немедленно отправит свои грамоты-патенты, гарантирующие принцу и его компании их жизнь, имущество и свободу совести, если эти условия будут соблюдены.[1182]

Правда в том, что французское правительство готовилось к войне с большой неохотой. Беспокойство Филиппа II о том, что королева не придет к соглашению со своими противниками, было справедливым.[1183] Расходы короля составляли почти миллион ливров в месяц,[1184] и ему приходилось "утихомиривать" такие бури, которые ежедневно возникали в его лагере среди его знати, отчасти из-за религии и отчасти из-за амбиций.[1185] Если Испания решительно не придет на помощь католическому делу во Франции, было очевидно, что Конде может идти практически куда ему заблагорассудится в стране, настолько велики его силы.[1186] Многим солдатам короля не хотелось сражаться против своих соотечественников, и многие дезертировали. Швейцарцы были утомлены путешествиями и суровым сезоном, и среди них

было много болезней.[1187] Лидеры спорили за командование.[1188] В рядах шотландской гвардии произошел мятеж и дезертирство, тридцать из которых перешли на сторону принца, или, скорее, их старого командира Монтомери.[1189] По всему фронту королевских войск наблюдалось противодействие войне. Шевалье Баттр сказал Карлу IX, что многие дворяне были полны решимости скорее навлечь на себя неудовольствие короля, чем обогреть свои руки кровью своих родственников.[1190] Маршал Коссе проявил необычную смелость в своей защите умеренности[1191]— политика, которую он открыто признал и одобрил на заседании Совета (10 февраля). Таким образом, зародыш Политической партии можно обнаружить на ранней стадии.[1192]

Герцог Анжуйский, назначенный главнокомандующим католическими войсками,[1193] увидев, что протестантская армия значительно пополнилась и что они пересекли Сену и контролируют переправы через Йонну и Луару, отправил большую часть своих войск обратно в Париж, а остальные рассредоточил по берегам Сены, охранять дорогу между Труа и Парижем. Католический лагерь в Париже был разбит в предместье Сен-Марсо, где была расквартирована вся жандармерия, как пешая, так и конная, артиллерия и швейцарцы. Но большая часть кавалерии была расквартирована в деревнях, где лошади могли лучше пастись, в ущерб окружающей местности, поскольку солдаты развлекались грабежом, так что лучшие города и замки были вынуждены укрепляться как бы против врага.[1194] Были предприняты энергичные усилия по обеспечению Парижа на случай будущей осады и созданию складов провизии и боеприпасов в городах Иль-де-Франс и Шампани. С этой целью правительство закупило зерно ранней весной 1568 года, заплатив 50 ливров за мюид, или 10 су, 5 денье, за биче.[1195]

По мере того как принц приближался к городу, поведение Парижа становилось предметом беспокойства. Несмотря на то, что население столицы было фанатичным католиком, оно не собиралось подвергаться еще одной осаде из-за религии, и народный гнев против правительства, особенно против Екатерины Медичи, стал настолько сильным, что она не осмеливалась выезжать за границу без усиленной охраны. Популярный голос утверждал, что королева-мать разжигала ссору и расходовала доходы короля,[1196] убеждение, которое хитроумно поддерживали Гизы, если они не были непосредственными авторами этого.[1197]

“Деньги королевства сегодня находятся в руках одного класса”, - писал венецианский посол. “Духовенство разорено. Не считая имущества церкви, которое было заложено или продано с разрешения папы римского, церковь с 1561 года выплатила королю 12 000 000 экю. Это было бы несущественно, поскольку составляет всего лишь седьмую часть ее годового дохода, если бы церковь так сильно не пострадала от гражданской войны. Дворяне совсем обезумели, и у них нет ни су из-за войны. Сельские жители были настолько разграблены солдатами, чья распущенность ужасна, что они доведены до нищенства. Только у буржуазии *идлинного* рода все еще есть деньги. Королю трудно получить деньги без применения силы. В дополнение к этим неприятностям со своими подданными король потерял весь свой кредит у иностранных торговцев и не может получить экю за пределами королевства, не предоставив залога. Но из этого бедственного положения может выйти добро, ибо король и его подданные зашли в такое тупиковое положение, что может наступить мир”.[1198]

В этих обстоятельствах корона серьезно возобновила переговоры о мире. Суеверная Екатерина прибегла даже к астрологии, и было мудро сказано, что знаки зодиака указывают на мир. Ибо

королева, прогуливаясь однажды в своем саду, беседуя о мире, позвала к себе мессира Нонио, итальянца, известного своими познаниями в астрологии, о котором она спросила, что он находит в звездах, касающихся мира; на что он тут же ответил, что небеса не обещали этого, и земля еще не была готова принять это; поскольку эффект солнечного затмения был тогда в наибольшей силе, а также сила соединения Сатурна и Марса, которое было в Овне в прошлом году; но мудрец закончил заявлением оракула, что небеса не обещали этого. *сдерживать* низшие силы, но только *распоряжаться* ими.[1199]

28 февраля король послал маршала Монморанси, Морвилье, епископа Лиможского, и Д'Аल्लीни, одного из своих секретарей, посоветоваться с представителями, назначенными принцем Конде, кардиналом Шатийоном, епископом Валанса, и Телиньи в Лонжюмо. Принц выдвинул два примечательных условия в дополнение к уже изложенным требованиям — что все статьи, соглашения и капитуляции должны быть подтверждены *всеми* парламентами королевства и что определенные города—предостережения - он назвал Булонь или Ла-Рошель[1200]—будут переданы протестантам в качестве гарантий справедливых целей правительства. Эти два требования представляют интерес, поскольку они стали неизменными требованиями гугенотов в будущем и предвосхитили важные положения в эдиктах Бержерака (1576 г.) и Нанта (1598 г.). Сторонники короля ответили, что выдвигание подобных требований ставит под сомнение честь короля, что принц Конде должен доверять короне, не требуя гарантий. Что касается конкретных требований, Карл IX заявил, что он не считает целесообразным делать эдикт 1563 года бессрочным[1201] и протестовал против политической и военной организации протестантов: “пока сохраняется эта свобода, король никогда не будет уверен в своем королевстве”. 4 марта уполномоченные принца, уставшие от переговоров и раздосадованные в качестве отвлекающего маневра король попытался ввести, предложив двойной союз между враждующими домами в виде брака герцога де Гиза со старшей дочерью принца и старшего сына Д'Андело с сестрой герцога, потребовал четкого ответа относительно церковных зданий; лучшего соблюдения эдикта королевскими чиновниками; гугенотских школ и т.д. На это Карл IX согласился, и гугеноты на время отказались от утверждения парламентами провинций и сдачи некоторых мест, вызывающих опасения. Оставалось решить вопрос о жалованье рейтерам. Пятьсот тысяч ливров из королевского сундука в Амбуге были присвоены короной, а остаток обязательств был обеспечен кардиналом Бурбонским и герцогами Монморанси и Лонгвилем, которые обеспечили их сохранность.[1202]

Окончательно заключенные 26 марта условия соглашения Лонжюмо на самом деле были подтверждением мартовского эдикта 1563 года, который не был расширен, как первоначально требовал принц Конде, за исключением того, что эдикт в его новой форме также распространялся на Прованс.[1203] Условия Лонжюмо были отменены на короткое время, и армия, однако, не распущена, потому что разоружаться до ухода рейтеров считалось опасным. Эти мародеры, для которых война была ремеслом и для которых вера и благочестие не были добродетелями, не прекращали своих грабежей во время переговоров. Люди, “будучи повсюду окружены как своими, так и иностранными врагами, не осмеливались приближаться к городу или деревне, все они пополнялись рейтерами или теми, кто называл их больными, в результате чего они жалко умирали на полях”.[1204]

Публикация указа встретила ожесточенное сопротивление по всей стране.[1205] В Тулузе королевский гонец, доставивший королевский приказ для его регистрации парламентом, был фактически судим, осужден и казнен за “преступление”, настолько воспаленным было

общественное мнение.[1206] В Руане разъяренная толпа напала на магистратов и заполонила жилища тех, кто придерживался гугенотских взглядов. То же самое произошло в Бурже. В Орлеане солдаты безнаказанно убили нескольких человек у ворот города. В Лангедоке были беспорядки и резня.[1207]

Борьба на юге Франции, в Провансе, Лангедоке и Гиенне, никогда полностью не прекращалась с начала первой гражданской войны. Турне короля по провинциям в определенной степени внушило воюющим сторонам благоговейный трепет, и в Лангедоке Дамвиль, сменивший своего отца 28 апреля 1563 года,[1208] сумел сохранить порядок, обеспечив соблюдение Амбуазского эдикта на всей территории своей юрисдикции.[1209] Но враждебность Монлюка, чье правительство Гайенны примыкало к Лангедоку, по отношению к Дамвиллю была серьезным препятствием для умиротворения, поскольку Монлюк не только стремился принизить авторитет Дамвиля, жалуюсь на него королю, но и тайно потворствовал действиям ультракатолических сторонников в Тулузе и других местах.[1210]

Ненависть между католиками и гугенотами на юге Франции была настолько сильной, что после заключения мира в Лонжюмо военные действия практически не прекращались, особенно в Провансе. Герцог Жуазе, командовавший здесь королевскими войсками, был человеком, пришедшимся Монлюку по сердцу. В начале 1568 года он прошел вверх по Роне с целью оказания помощи графам Тенде и Сюзе. С ним было 2000 пеших и от пятисот до шестисот всадников, и он легко преодолевал небольшие крепости, пока в феврале не достиг Пон-Сент-Эспри. Не сумев взять его, армия разделилась. Жуазе переправился через Рону у Авиньона 7 марта, взял Луден, Орсенну и Треск, затем, вернувшись по своим следам, он снова присоединился к графу Тенде и возобновил осаду Пон-Сент-Эспри. Протестанты под командованием Монбрена дали сражение на равнинах Монфрана близ Арамона и потерпели сокрушительное поражение 24 мая 1568 года. Когда был заключен мир, Жуазе вернулся в Авиньон. Большинство городов нижнего Лангедока были тщательно укреплены им, но Монтобан, Кастр и Монпелье оказали сопротивление. Повсюду он требовал разоружения и присяги на верность.[1211]

ГЛАВА XIII

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1568). НОВАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЛИГА. БИТВА При ЖАРНАКЕ

Мир в Лонжюмо, в большей степени, чем любой другой договор времен гражданских войн, был предварительным урегулированием, просто перемирием. Это было вызвано главным образом нехваткой средств у обеих сторон, и с момента его подписания против него выступали более открыто, чем против любого другого договора. Неопределенность по поводу вероятности третьей, более страшной войны преобладала с самого начала. Ибо, хотя многие с обеих сторон вернулись в свои дома, было много других, кому негде было уединиться, для кого жизнь бродяги была привлекательна и кто предпочитал войну миру, а грабеж честному труду.[1212] Обе стороны были слишком подозрительны и слишком напуганы, чтобы сложить оружие. Так много капитанов-гугенотов держали свои войска на полях сражений, что король направил письма не

менее чем в 212 мест, в которых поручил их губернаторам рассеять эти банды. Многие, о которых было известно, что они были вооружены, прятали их в тайных местах, и, как следствие, им не разрешалось возвращаться в свои родные места до тех пор, пока такое оружие не было сдано. Негодование католиков, по-видимому, было самым сильным в Париже[1213] и Бургундии, хотя в первом случае глава купцов обратился к королю с исключительно разумной просьбой проявлять особое уважение к правосудию, чтобы его отрицание не могло спровоцировать протестантов на новые распри. Однако в целом, где бы ни были размещены королевские гарнизоны, везде возникали проблемы.

Это было незадолго до того, как организовалась оппозиция "Гиз". Не сумев удержать Карла IX, Гизы направили свои усилия на его брата Генриха, герцога Анжуйского, чьи католические чувства[1214] были менее неподкупны, чем у Карла, и который начал "проявлять некоторые признаки честолюбивого сердца", был присяжным католиком и проявил большое оскорбление действиями своего брата-короля, "очень вежливо" принявшего кардинала Шатийона, графа Рошфуко и Броккард, протестантский губернатор Орлеана.[1215] В ночь на 29 марта в Лувре состоялось секретное совещание лидеров партии Гизов, на котором было предложено притворяться миролюбивым до тех пор, пока не будут разоружены войска принца Конде и выведен рейтер, а затем внезапно захватить Орлеан, Суассон, Осер и Ла—Рошель — гугенотский квартал. крепости, для выполнения которых должны были быть назначены Лансак, Мартиг, Шавиньи и Бриссак, усилить гарнизон Парижа и послать свирепого Монлюка в Гасконь, чтобы подчинить сильнейшие протестантские провинции, захватить морские порты и вбить католический клин между Пуату и территориями королевы Наваррской, которая уже приняла меры предосторожности для укрепления своей обороны. Каким-то образом, возможно, через маршала Коссе, который в душе был политиком, кардинал Шатийон узнал о заговоре уже на следующий день и сразу же сообщил о нем маршалу Монморанси, другому умеренному деятелю. В то же время этот план был раскрыт принцу Конде из другого источника. Когда Карлу IX сообщили об этом, он поклялся, что все это было сделано без его ведома, обвинил кардинала Лотарингии в предательстве и, потребовав перо и чернила, написал Конде, обещая "хорошее и искреннее" соблюдение всего, о чем было договорено в Лонжюмо.[1216]

Можно заметить, насколько полностью этот план Гизов по покорению Гиенны и Гаскони согласуется со взглядами Монлюка, которые он высказал Филиппу II.[1217] До сих пор король Испании поддерживал две отдельные линии секретной переписки: одну непосредственно с Монлюком, другую - с кардиналом Лотарингии через герцога Альва. Теперь эти две линии слились в единое целое, по крайней мере, в том, что касается испанского короля.[1218] Монлюк - военный, кардинал Лотарингии, дипломат, агент Филиппа.

Развитие Священной лиги в настоящее время продвинулось еще на один этап своей эволюции. Старый воин не прекратил своих тайных отношений с Испанией, несмотря на то, что он горячо отрицал этот факт королеве-матери, которая обвинила его в этом,[1219] но через Бардакси все еще поддерживал связь с Филиппом II. Мы находим, что он дважды писал королю в феврале 1567 года, а Филипп ободряюще отвечал в следующем месяце.[1220] Гайенн был особенно уязвим для такой атаки, которая теперь рассматривалась, и Монлюк, безусловно, был лучшим капитаном для ее проведения. Армия гугенотов там была в плачевном состоянии.[1221]

Инструмент уже был выкован для руки Филиппа II в местных католических лигах Франции. Его интерес к ним был одним из тайных проявлений в Байонне. Инструкции герцогу Алвы и

Бардаксы были почти идентичны. “Поскольку королеве—матери не хватает ни твердости идей, ни честности целей” - эти слова взяты из *процессуального* документа, оформленного в палате испанского совета, - необходимо поощрять практику Монлюка и католиков.^[1222] Должно быть, для испанского короля было источником восторга наблюдать за быстрым ростом этих ассоциаций. В этих провинциальных лигах следует отметить два изменения: их растущую популярность и тенденцию к объединению. До сих пор они действовали на местном уровне. Теперь следует наблюдать процесс федерации, посредством которого провинциальные лиги постепенно сплавляются в одно целое — одним словом, могущественная Святая Лига 1576 года потенциально существует и сейчас.^[1223] Федеративная тенденция этих ассоциаций была естественным результатом увеличения их числа и членства. Это вовсе не было случайной разработкой. Дизайн очевиден во всем.^[1224]

Возобновление гражданской войны в 1567 году придало большой импульс этому духу объединения.^[1225] Нигде это не было так ярко выражено, как в бургундском. Таванн, который был губернатором Бургундии, в 1567 году (18 июля) сформировал лигу под названием *Confrérie du St. Esprit*. Церковники, бургундская знать и богатые буржуа, желавшие сохранить католическую религию, объединились на службе королю. Версия о его происхождении из *Мемуаров Таванна* настолько интересна, что я рискну процитировать ее:

Видя такое большое недовольство и так много угрожающих предприятий среди гугенотов, королева, ради безопасности, в начале 1567 года ввела налог в размере 9000 швейцарцев [фактическое число составляло 6000] под предлогом того, что они должны были поступить на службу герцогу Альва во Фламандской войне. Царящие беспорядки и слухи о восстании навели сьера де Таванна, который проник в замыслы королевы и намерения гугенотов, на мысль, что благоразумный человек мог бы и сам принять меры предосторожности. Он рассудил, что гугеноты не проявляют большего рвения к своему делу, чем католики к старой религии, и что те, кто сохранит ее, отдадут свои жизни и употребят последнее су на помощь королю; одним словом, будут противостоять лиге за лигой. Поэтому он организовал Братство Святого Духа, которое на самом деле было лигой духовенства и бургундской знати, состоящей из богачей из городов, которые добровольно поклялись служить в интересах католической религии против гугенотов, жертвуя как личностью, так и имуществом ради короля. Не прибегая к принуждению, он отдавал приказы о наборе вооруженных людей и сборе денег, создал надзирателей, шпионов и посыльных, подражая гугенотам, чтобы раскрыть их махинации. Присяга, которой был подписан этот план, оправдывала его. Каждый приход Дижона платил своим людям в течение трех месяцев, а каждый город выделял 200 всадников и 250 пехотинцев. Бургундия могла предоставить 1500 всадников и 400 пеших воинов, оплачиваемых в течение трех месяцев в году. Сьер де Таванн созвал собрание в *Maison du Roi...* и там зачитал присягу.

Клятва начиналась так:

Мы клянемся самым святым и непостижимым именем Бога, Отца, Сына и Святого Духа, во имя которого мы были крещены, и мы обещаем нашей честью и опасностью наших жизней, что отныне и во все времена через вождей и тех, кого Король назначит в соответствии с этими статьями, мы будем предавать гласности любое предприятие, которое может действовать вопреки нашему упомянутому закону и вере, которые мы провозгласили в нашем крещении и которые мы сохраняем по милости Божьей до настоящего времени, а также предавать гласности каждое предприятие, которое может облечься в форму закона. в ненависти к

поддержанию упомянутой веры, против упомянутого королевского Величества, мадам его матери и господ его братьев, которые правят нами с божественного соизволения.

И далее в клятве:

В настоящем письме мы клянемся и обещаем проявлять всю дружбу и братство друг к другу, взаимно помогать друг другу против всех сторон противоположной стороны, если они предпримут какое-либо предприятие против кого-либо из подписавшихся на стороне этой стороны; и ради указанной помощи мы обещаем соответственно тем и другим использовать всю нашу личность, наш кредит и наши услуги, не щадя ничего. И мы обещаем соблюдать все вышеприведенные пункты клятвы, невзирая на друзей, родителей или любые отношения, которые у нас могут быть с теми, кто утверждает обратное.[\[1226\]](#)

В следующем году, 2 апреля 1568 года, появилось “Братство католиков Шалон-сюр-Сон”.

A l'imitation de la majesté du Roy nostre sire [so runs the instrument], et sous sa protection et bon plaisir ... nous avons fait entre nous et pour tous autres Catholiques qui adjoindre se voudront une fraternité qui s'appellera Confrairie et Société des Catholiques.

И добавлено —знак предзнаменования—

Et au cas qu'il advint que Dieu ne veuille que les personnes de sa majesté et de messieurs ses frères ... fussent oppressés de sorte que ne sceussions avoir advertissement de leurs volontez, promettons rendre toute obeissance au général chef qui sera esleu.[\[1227\]](#)

Шесть недель спустя, 18 мая 1568 года, благодаря деятельности Таванна, аналогичная ассоциация была создана в Берри и подтверждена в Бурже архиепископом Жаком ле Руа.[\[1228\]](#) Месяцем позже “Кретинская и королевская лига” в защиту католической церкви во Франции и для поддержания королевской власти в Доме Валуа“, к которой была приложена важная оговорка: “до тех пор, пока она будет править в католической и апостольской религии”, появилась в Шампани под покровительством Генриха де Гиза, которому тогда было восемнадцать лет и он был губернатором провинции . Дворянство, епископ и духовенство на встрече в Труа заключили, подписали и принесли присягу этой лиге 25 июня.[\[1229\]](#) Ровно месяц спустя, 25 июля, Бове последовали примеру Бургундии, Берри и Шампани и сформировали “Католическую ассоциацию” с той же целью.[\[1230\]](#) Движение также распространилось к западу от Сены, в Мэн и Анжу, где духовенство, дворянство и третье сословие 11 июля 1568 года учредили ассоциацию, члены которой поклялись “жить и скорбеть в католической религии, защищать себя и бороться с повстанцами и героями”. сектанты новой религии”. Присягу подписали сорок человек.[\[1231\]](#)

В Тулузе бывшая лига была возрождена в сентябре 1568 года с новой энергией под покровительством кардинала Арманьяка и фактическим руководством светского священника, который проповедовал войну протестантам с рвением крестоносца. 12 сентября последний собрал желающих возродить ассоциацию в соборе Сент-Этьена, где все принесли торжественную клятву, пообещав посвятить жизнь и имущество поддержке католической религии. Созданная таким образом лига получила официальное название La Croisade с девизом: “Eamus nos, мориамур с Христом”. Все его члены носили белый крест.[\[1232\]](#) Даже

некоторые небольшие города последовали примеру провинций и крупных городов. В Андузе в Нижнем Лангедоке в это же время церкви образовали католический союз.^[1233] Движение фактически распространилось на Нижнюю Наварру, где в том же месяце, в сентябре, сьер де Люкс и некоторые другие, возможно, по наущению кардинала Лотарингии, сформировали лигу в Сен-Пале с целью изгнания кальвинистских проповедников в Сен-Пале. Они схватили Ла Рива, пастора из Сен-Пале, Тарда, пастора из Остабанеса, оба были заключены в тюрьму "дом Де Люкс". Но быстрое поведение Жанны д'Альбре и принца Наваррского, получившего свои шпоры при осаде Гарриса, быстро разрушило это объединение.^[1234]

Ввиду этой спонтанной организации католиков повсюду было неизбежно, что мир в Лонжюмо продлится недолго, даже если бы не было особых обстоятельств, приведших к его прекращению.^[1235] Гизы, после раскрытия их секретной конференции 29 марта, в настоящее время пытались скрыть свои чувства и цели, а не вызвать гнев короля. Когда в королевском присутствии было замечено, что во Франции, вероятно, возникнут большие неудобства из-за неподчинения эдикту, кардинал Лотарингии, услышав это замечание, ответил: "По моей совести, иль нет, это необходимо".

Вражда между Гизами и Монморанси, казалось, вскоре втянет государство в войну.^[1236] Ссора между двумя домами в то время была более острой из-за того, что герцог Анжуйский сохранил за собой звание лейтенанта, на этом посту Гизы поддерживали его в своих собственных целях, что оскорбило маршалов Монморанси, Дамвиля и Вьейвиля; тем более что все они были умеренными католиками и были недовольны герцогом фанатичные католические пристрастия и принадлежность к Guises; они утверждали, что "до сих пор не было замечено, что у короля должен быть лейтенант", что сохранение такого титула, особенно в мирное время, наносит ущерб их положению,^[1237] многозначительно добавив, что они "будучи маршалами, знали, что относится к их обвинениям". " Борьба между фракциями вскоре стала настолько острой, что встревожила некоторых, особенно кардинала Бурбонского, который пригрозил, "что в случае, если король не предпримет ничего лучшего, чем он сам, он покинет двор и даст миру понять, что в глубине души он заботится о чести своего дома и благополучии своих друзей". Канцлер Лопиталь, тщетно пытавшийся смягчить раздор, попросил разрешения отстраниться от должности — событие, которое кардинал Лотарингии приветствовал бы с восторгом. Как бы то ни было, гизы использовали Анжу для злоупотребления положением канцлера.^[1238]

Продолжающееся присутствие рейтеров и швейцарцев также усиливало беспокойство тех, кто был настроен миролюбиво, поскольку "на Иль-де-Франсе не было города или деревни, которые не были бы снабжены солдатами", страна действительно настолько кишела ими, что путешествовать сейчас было даже опаснее, чем во время войн.^[1239] В конце мая 6000 швейцарцев все еще оставались в пределах четырех лье от Парижа. Войска принца остановились в Бургундии и разграбили страну, в то время как принц Конде тщетно требовал, чтобы им немедленно заплатили.^[1240] В Дижоне пятеро из них были убиты отчаявшимся населением, и последовала резня тринадцати жителей.^[1241] Многие думали, что война возобновится в тот момент, когда будет собран урожай.^[1242]

В конце мая герцог Монморанси уехал из Парижа в Шантийи, в то время как его брат Дамвиль остался в столице. Действие каждого из них было значительным. В Шантийи кардинал Шатийон и другие протестантские дворяне совещались, в то время как в Париже дом Дамвиля часто посещали те, кто враждебно относился к власти кардинала Лотарингского, особенно четыре

маршала, все из которых выступали против него и, как считалось в народе, формировали новую оппозицию ему.^[1243] Лидеры гугенотов, Конде, Колиньи, Д'Андело, все находились в различных замках по всему Иль-де-Франсу, окруженные капитанами, солдатами и джентльменами, и распределены так, что ни одна река не отделяла их друг от друга, в то время как один брод между Парижем и Руаном оставался открытым, чтобы религиозные деятели Пикардии могли поддерживать связь с другими. принц.^[1244] Распределение было произведено настолько умело, что лидеры могли бы объединиться в течение полутора дней, если бы это было необходимо.^[1245]

Напряжение, охватившее Карла IX, вскоре начало сказываться. Было слышно, как он говорил, что предпочел бы сразу потерять свою корону, чем жить в постоянном страхе, и когда вражда стала более ожесточенной, король уступил и, наконец, показал свои силы, сместив маршала Монморанси с поста губернатора Парижа, хотя он не осмелился зайти так далеко, чтобы поселить в своей комнате Генриха Анжуйского, а выбрал его младшего брата, герцога Алансонского.^[1246]

В это время мы обнаруживаем зародыш Политической партии.^[1247] Если бы Гизы знали об удивительном дипломатическом ходе, который Монморанси задумал во время своего отступления в Шантийи и о котором он сообщил лидерам гугенотов, они, возможно, не настаивали бы так настойчиво на Анжу. Этот план состоял в том, чтобы разлучить брата короля с его привязанностью к Гизам и в то же время заручиться английской помощью в поддержке религиозной терпимости во Франции — цели Политической партии — ни много ни мало, заключив брак принца Валуа с королевой Елизаветой. В то же время Монморанси, заручившись благосклонностью герцога, хотел устранить кардинала от власти. С этой целью герцог обратился к английскому посланнику во Франции.^[1248]

День ото дня враждебность сторон росла. В определенном смысле опасность того времени была больше, чем в состоянии войны. Ежедневные убийства с помощью кинжала и утопления, а также посягательства на собственность происходили по всей Франции до такой степени, что, как говорили, с момента заключения мира было убито больше людей, чем во время войны, которую он, как предполагалось, завершил.^[1249] Но, хотя враждебность сторон была достаточно сильна, чтобы спровоцировать их на войну, возобновление военных действий все же сильно зависело от колебаний событий в Нидерландах,^[1250] и в этот момент чаша весов склонилась в пользу Испании.^[1251]

Вильгельм Оранский, хотя и не был в союзе с французами, тем не менее стремился воспользоваться услугами 4000 рейтеров, которые Иоанн Казимир собрал для французских протестантов, в использовании которых гугеноты больше не нуждались после заключения мира в Лонжюмо. Ужас перед жестокостью Испании начал охватывать Германию и вызвал у него сочувствие и поддержку.^[1252] Кальвинистская Европа возлагала большие надежды на эту помощь голландцам.^[1253] Но Оранж был стеснен в средствах^[1254] и только в середине августа он был готов вернуться, чтобы дать сражение Альве с армией в 6000 человек всадники и четыре пеших полка, не считая лотарингцев и гасконцев, которые все были артиллеристами. Согласно плану принца, в Нидерланды должны были войти сразу три армии: французская под предводительством гугенотов по имени Коквиль - через Артуа; граф Хоогстратенский между Рейном и Маасом и Людовик Нассауский через Гронинген.

Но весь план провалился. Коквиль собрал семьсот или восемьсот человек с намерением спровоцировать Артуа на восстание.^[1255] Не сумев застать Дулена врасплох, Коквиль разграбил город-аббатство Даммартин. Герцог Альва энергично протестовал Карлу IX против этого посягательства французских подданных на испанские провинции, и маршал Коссе был отправлен в Пикардию. Иностранцы из банды Коквиля были без промедления обезглавлены в Сен-Валери, сам лидер был отправлен в Аббевиль для суда по обвинению в государственной измене и казнен, и вся экспедиция закончилась ничем.^[1256] Вынужденная задержка принца Оранского, объединенная с этим отражением, стала фатальной для нидерландского проекта. 21 июля 1568 года Людовик Нассауский потерпел поражение при Еммингене от Альвы, испанская тирания еще прочнее утвердилась в Нидерландах, а Эгмонт и Хорн вскоре после этого были отправлены на эшафот.^[1257]

Теперь все пошло наперекосяк. Успех голландцев придал бы смелости их французским единоверцам возобновить борьбу с некоторой надеждой на успех.^[1258] Но победа католиков в Нидерландах укрепила решимость французского правительства. До сих пор французская корона успешно принуждала в основном мелкое дворянство Франции. Теперь кардинал Лотарингии намеревался поступить подобным образом с высшей знатью, заставив их либо отказаться от своих религиозных и политических разногласий, либо взяться за оружие.^[1259] В то же время начались военные приготовления, на которые гугеноты не могли не смотреть с тревогой. Корона была сильнее в кавалерии, пехоте, артиллерии и вооружении. Страна в целом была на стороне короля, и главные города находились в его руках. “Великие города, - скорбно сказал Колиньи, - это могилы наших армий”.^[1260]

Приготовления были сделаны настолько тщательно, что король оставался вооруженным, в то время как гугеноты были рассеяны и безоружны,^[1261] спасая большое количество отдельных дворян, которые все еще были начеку. В северной и центральной Франции, за исключением Ла-Рошели, правительство контролировало все города. Однако в Провансе и Лангедоке многими городами управляли протестанты.^[1262] Чтобы предотвратить обмен разведанными между различными частями Франции, находящимися под контролем протестантов, Карл IX даже отказался разрешить Конде взимать с гугенотов деньги для выплаты контрибуций, несмотря на бедность самих правительств, хотя принц хитро предложил такое действие.^[1263] Перспективы действительно были мрачными. Нигде, кроме юга, гугеноты не казались достаточно сильными, чтобы выступить в поход, и для них казалось безнадежным ожидать объединения со своими единоверцами на севере из-за бдительности Монлюка в Лангедоке и Таванна в Бургундии, а также из-за того факта, что все течение Луары патрулировалось правительственными войсками. Более того, общий взнос был прекращен, и ресурсы, и коммуникации подошли к концу; дворянство тоже в значительной степени обнищало в результате последней войны, “израсходовав за восемь месяцев столько, сколько они собрали за четыре года до этого”,^[1264] так что мудрейшие из лидеров гугенотов придерживались мнения, что религия была не в том состоянии, чтобы пытаться что угодно с распростертыми объятиями.

Пытаясь усилить свои силы, Конде попытался исправить положение, обратившись к королю,^[1265] с жалобой на бесчинства, причиненные гугенотам^[1266] (Монлюк даже повесил семерых джентльменов из окружения королевы Наваррской в Лангедоке), стараясь, однако, не приписывать эти проступки королю, но осуждая злобность кардинала Лотарингского и обвиняя его в тайной разведке с Испанией.^[1267] Кардинал, подвергшийся таким нападкам, парировал их через короля, который двумя днями позже издал прокламацию, в которой после изложения

жалоб на убийства, грабежи и другие правонарушения, на которые претендовали сторонники “мнимой реформированной религии”, заявил, что король, отправив своих *мэров реквете* в провинции, где произошли эти акты насилия. был удовлетворен существенной справедливостью администрации и утверждал, что жалобы были либо сфабрикованы лидерами гугенотов, либо сильно преувеличены. Прокламация завершалась приказом всем судьям и другим должностным лицам под страхом лишения свободы разыскивать и наказывать беззаконников, чтобы у представителей данной религии не было оснований жаловаться на то, что над ними не вершилось правосудие.[1268]

Однако такое заявление было всего лишь словоблудием и предназначалось для того, чтобы усыпить тревогу гугенотов, пока продвигались приготовления правительства. Это не обмануло ни одного из протестантских лидеров. Знамена времени были слишком очевидны, чтобы их можно было скрыть. Оружие тайно собиралось и хранилось в Ла-Рошели, Сент, Шательро, Сен-Жан-д'Анжели.[1269] К этим знакам теперь добавлено еще одно безошибочное указание. В августе 1568 года сосредоточение четырнадцати рот жандармов и нескольких отрядов пехоты в Бургундии, где в то время находились два наиболее заметных лидера гугенотов — принц Конде и Колиньи[1270]— якобы для того, чтобы помешать принцу доставить свои немецкие рейтеры принцу Оранскому, ускорило гражданскую войну заново.

Протестантские историки утверждали, что правительство Карла IX было полностью виновато в возобновлении войны. Номожно справедливо сказать, что Карл IX действовал не только в соответствии со своим правом, но и в соответствии с политикой, стремясь предотвратить объединение интересов гугенотов и голландцев. Франция еще не была готова проводить открытую антииспанскую политику, хотя втайне она уже была к этому склонна,[1271] и предполагаемый союз принца Конде и принца Оранского[1272] наверняка серьезно скомпрометировал бы ее в отношениях с Испанией. Наконец, можно добавить, что в действиях Конде было немало самолюбования.[1273]

Эта попытка сотрудничества принца Конде и принца Оранского привела французское правительство к тесному сотрудничеству с герцогом Альва. Но дипломатические отношения, установленные в настоящее время между дворами Парижа и Мадрида, имели гораздо большее значение, и переговоры энергично продвигались кардиналом Лотарингии, который 21 ноября отправил кардинала Гиза в Испанию, которому было поручено рассмотреть вопрос о браке между Филиппом II и Маргаритой Валуа,[1274] или, если это окажется неприемлемым, предложить брак Филиппа с одной из дочерей Валуа. император, в то время как Карл IX должен был жениться на другой. В то же время Алва предложил герцогу Анжуйскому — будущему Генриху III — жениться на королеве Португалии.[1275] Далеко идущие последствия такой серии союзов очевидны. Два дома Габсбургов снова династически объединились бы в общей семейной и политико-религиозной цели, в которую была бы вплетена Франция.

Правительство тайно готовилось к внезапному захвату Ла-Рошели, намереваясь в этот момент внезапно “развязать” войну, но было вынуждено изменить план. Это изменение плана побудило резолюцию попытаться захватить принца и Колиньи,[1276] целью Гизов (с которыми король и его мать не действовали), вероятно, было отправить их на эшафот, как Альва сделал с Эгмонтом и Хорном.

Но обман и двуличие, к которым они прибегли, чтобы развеять подозрения принца и адмирала, оскорбили грубую солдатскую честь Таванна, который, хотя и был фанатичным католиком, не

опустился бы до такого бесчестного поступка.[1277] Притворяясь, что подчиняется приказу захватить двух лидеров, он ухитрился предупредить их об опасности, устроив так, что они перехватили его письма..[1278] Благодаря этому своевременному предупреждению побег стал возможным. 23 августа 1568 года Конде и Колиньи в сопровождении членов своих семей и семьи Д'Андело — принцесса Конде была беременна - внезапным бегством пересекли Луару, охраняемые на дороге сотней всадников. Беглецы направлялись в Ла-Рошель, куда благополучно добрались без происшествий, хотя и не без опасностей.

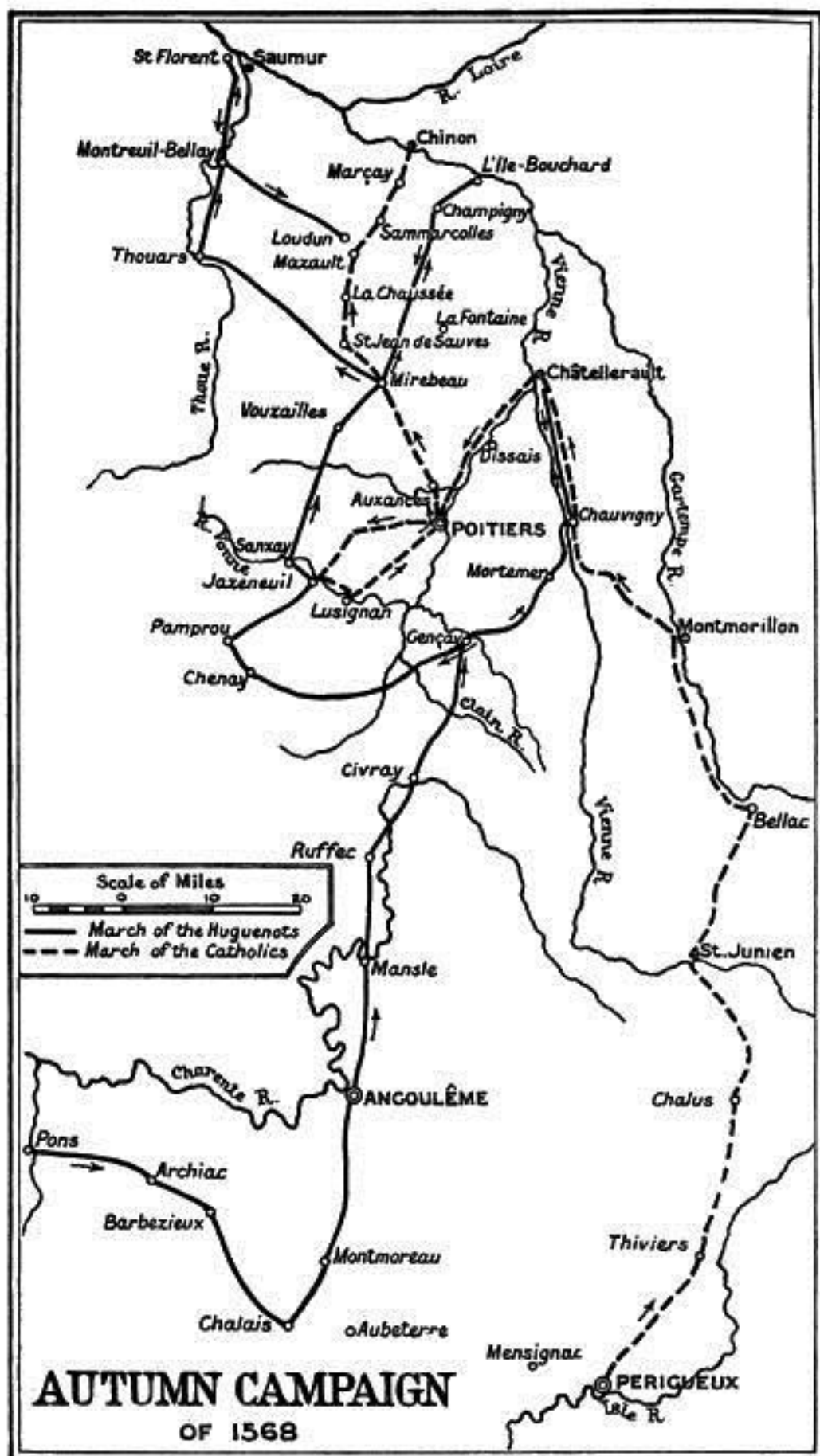
Из безопасного убежища в этом знаменитом порту и цитадели принц Конде издал манифест, в котором протестовал против того, что он и его последователи не намеревались наносить ущерб королю, а лишь защищали приверженцев религии от тирании и притеснения их врагов. Была принята форма присяги, которую должны были принимать дворяне, офицеры и другие лица армии принца, были изданы инструкции по поддержанию дисциплины в армии, предотвращению дезертирства, частного грабежа и недопущения превышения обоза, скопления людей в лагере, беспорядков и ссор.[1279]

Правительство сразу же взяло курс на битву и приготовилось развязать войну. 25 сентября 1568 года был издан эдикт, запрещающий реформатскую веру, изгоняющий ее пасторов и исключаящий протестантов из государственных учреждений и университетов.[1280] Еще в июле правительство начало переговоры с Папой Римским о получении лицензии на отчуждение с земель церкви 200 000 крон в год. Это не удалось при первой петиции,[1281] но кардиналу Лотарингии к концу августа удалось собрать 1 200 000 франков, хотя половина из них должна была пойти на выплату старых долгов парижанам.[1282] Святой отец, наконец-то убедившись в пользе дела, согласился на отчуждение клерикальных земель в размере 100 000 крон годовой арендной платы при условии, что эти деньги будут строго использованы для принуждения тех, кто отрицал власть Рима, и отмены Эдикта о веротерпимости.[1283] Обсуждение меры, касающейся церковных земель, привело к столкновению в Тайном совете короля между кардиналом Лотарингии и канцлером Лопиталем 19 сентября. Последний протестовал против отмены Эдикта о веротерпимости на том основании, что это немедленно спровоцировало бы войну и привело бы к повторному захвату страны рейтерами, и отказался приложить королевскую печать к предлагаемому постановлению, без которого папская грамота не имела силы во Франции. Кардинал в ответ обвинил канцлера в лицемерии и заявил, что его жена и дочь были кальвинистками. Лопиталь в ответ саркастически намекнул на печально известную административную практику Гизов, на что кардинал так разозлился, что схватил бы почтенного канцлера за его большую седую бороду, если бы маршал Монморанси не встал между ними. В ярости кардинал, повернувшись к королеве-матери, заявил, что порочная политика веротерпимости канцлера лежит в основе зла Франции и что, если бы он был в руках парижского парламента, его голова не пролежала бы на его плечах и двадцати четырех часов дольше.[1284] Выпуск этого эпизода не заставил себя долго ждать. 28 сентября Мишель де Лопиталь был отстранен от должности[1285] и печать, врученная архиепископу Санса, Бирагу, ученику Гизов и приспешнику Филиппа Испанского.[1286] Именно он отменил Январский эдикт и два других эдикта о умиротворении и в течение двадцати дней изгнал всех проповедников-гугенотов из Франции, запретил любое исповедание реформатской религии под страхом смерти и уволил с должностей и из университетов всех протестантов.

Новая гражданская война была представлена как война религиозная; на самом деле, как крестовый поход, когда король отправляется на вечернюю службу в Сент-Шапель в канун Михайлова Дня, где было захоронено сердце Святого Людовика, а на следующий день шествует в процессии с мощами Святого Дениса, как делали прежние короли Франции до того, как они встали на крестный путь. Герцог Анжуйский, брат короля, был назначен генерал-лейтенантом королевства 1 сентября, и ротам жандармерии и отрядам лучников было приказано собраться в Орлеане, который теперь стал штаб-квартирой католиков.[\[1287\]](#)

Карл IX в октябре лично отправился в Орлеан, чтобы своим присутствием увеличить численность личного состава, а также развеять подозрения, что все это движение было предпринято по наущению гизов. Управление Парижем было оставлено младшему брату короля, герцогу Алансонскому, которому помогал герцог Монморанси. Тем временем принц Конде оставался в окрестностях Ла-Рошели в течение сентября, пока собиралась его армия.[\[1288\]](#) Когда армия была собрана, он двинулся со своими силами вверх по Луаре.

Соперничество, которое было характерно для дворянства гугенотов во время последней войны, теперь сослужило Конде хорошую службу. Этой осенью в провинциях кипела активная деятельность. Молодому принцу Наваррскому, будущему Генриху IV, предстояло добиться возвышения в предстоящей борьбе, и в это время он находился в Бержераке, где собирались силы для оказания помощи Конде.[\[1289\]](#) Католические и правительственные силы были не менее бдительны. Королевские военачальники были наняты во всех частях королевства для набора людей. Монлюк, раскрыв заговор в Бордо с целью передачи города сторонникам реформатской религии, казнил большую часть обвиняемых. В Тулузе, Осере и Лионе всех мужчин заставляли ходить к мессе. В Провансе и Лангедоке крестьянство даже восстало против протестантов. В довершение всего обе стороны обложили рейтерами Германию.[\[1290\]](#)

Нижнее течение Луары было линией фронта, к овладению которой стремились обе стороны.^[1291] Тактика Анжу заключалась в том, чтобы по возможности избежать сражения и не допустить переправы войск Конде, что ему удалось сделать с помощью хитрости.^[1292] Поскольку переправа через Луару была остановлена, а во всех приречных городах были расставлены гарнизоны, особенно в Сомюре, принц Конде, взяв замок Шампиньи, принадлежавший герцогу де Монпансье, отступил к Лудену. Местность была настолько влажной, что ни конные, ни пешие не могли многого сделать. Принц преуспел в кавалерии, католическая армия - в пехоте.^[1293] В провинциях было заметно преобладание католиков. У герцога Омальского в Шампани было 18 рот латников и 25 прапорщиков пехоты, ожидавших подхода рейтеров; маршал Коссе находился в Пикардии с 15 ротами латников и 2000 пехотинцами. Причину присутствия такого большого количества войск так далеко от фактического места войны следует искать в том факте, что передвижения принца Оранского, который вступил во Францию в декабре,^[1294] вызвали большое беспокойство правительства. Принц был теперь на границах Пикардии, но его всадники добрались до Компьеня и Реймса, к изумлению двора и ужасу Гизов, которые отправили кардинала Гиза в Мадрид за помощью Филиппу II.^[1295] Если бы двум принцам удалось за это время договориться, Париж оказался бы между молотом и наковальней. Как бы то ни было, опасность была настолько велика, что король в декабре спешно начал набирать дополнительную армию, призвав бана и арьер-бана, и для того, чтобы столица могла выдержать осаду, в случае чего, стянул все запасы продовольствия из страны в обход Парижа на расстояние десяти миль вглубь города.

Положение различных армий было интересным. В восточной Франции войска герцога Деупонта пытались присоединиться к Оранскому, который задержал свое движение, чтобы дожидаться их прихода,^[1296] в то время как Альва упорно шел по его стопам.^[1297] На западе Конде тщетно пытался пересечь Луару, чтобы присоединиться к Оранскому и протестантским войскам Рейтера, в то время как герцог Анжуйский напрягал все нервы, чтобы удержать его. Посреди всего этого лежал спокойный, но напряженный Париж^[1298] — нетронутый центр циклона войны. Обе армии страдали от ужасной декабрьской погоды. Солдаты каждой стороны умирали от голода и лишений.^[1299]

Давняя надежда, которую Конде лелеял на то, что Оранский присоединится к нему, в конце концов огорчила его; последний не смог приехать, поскольку Альва, герцог Омальский, и католические рейтеры под командованием немецкого полковника по фамилии Шомберг — имени, которому суждено было стать прославленным, — слишком пристально следили за его передвижениями.^[1300] Даже если бы эти препятствия были устранены, пришлось бы пересечь Сену и Луару — невозможный подвиг.

Зима 1568-69 годов была занята переговорами гугенотов и католиков об иностранной поддержке и подготовкой к возобновлению войны, когда наступила весна. Тем временем задержка Франции с выплатой своих долгов в Швейцарии постепенно спровоцировала изменение общественных настроений в лесных кантонах, что несколько лет спустя подтолкнуло их к поддержке Испании. Потеря своего господства в Швейцарии была особенно тяжелым ударом для Франции. Политика Испании заключалась в том, чтобы разжечь религиозную войну в альпийских землях, чтобы ее вмешательство было беспрепятственным. Пять центральных кантонов были опорой дипломатических усилий Испании. День ото дня напряженность росла,

пять кантонов все больше склонялись к Испании, их соседи - к Франции, в то время как между двумя группами Берн и Цюрих сохраняли нейтралитет, отказываясь помогать принцу Конде ни людьми, ни деньгами.[1301]

Военные события были незначительными. Анжу остался со своей армией в Лимузене, а принц Конде - в Перигоре. 23 декабря 1568 года произошла перестрелка близ Лудена. В январе Конде выступил на помощь Сансеру. Город находился в очень сильном положении, и Брокбарт, комендант-гугенот, наполнил большое количество винных чанов песком и землей и использовал их в качестве габионов, и таким образом сумел выстоять после пяти штурмов,[1302] хотя место было настолько захвачено католической армией, что принц ничего не мог сделать, чтобы освободить его. Потерпев неудачу, он двинулся на Сомюр в тщетной надежде форсировать Луару в какой-нибудь момент, по пути предав мечу гарнизон из 150 человек в аббатстве Сен-Флоран в Пон-де-Се. Обе армии ужасно страдали от погоды и состояния местности.[1303]

В королевском совете Политическая партия все еще боролась за мир, а тем временем предприняла безуспешную попытку восстановить Эдикт о веротерпимости.[1304] Однако прекращение военных действий было достаточно полным, чтобы встревожить папу, который опасался заключения еще одного перемирия и использовал увещевания и обещания, чтобы предотвратить любой компромисс с ересью.[1305]

Голландцы и англичане были внимательными наблюдателями за движением во Франции, особенно первые, поскольку они чувствовали, что они и французские протестанты были вовлечены в общее дело. Из Англии прибыло множество английских джентльменов в Ла-Рошель, чтобы последовать за Конде на войну, и пролив Ла-Манш и Бискайский залив были переполнены английскими и голландскими каперами.[1306] Елизавета, как говорится, хотела “бросить камень и спрятать руку”. Хотя английский посол сэр Генри Норрис заявил о невиновности своего правительства, а королева собственноручно написала, что не будет вмешиваться во Франции, англичане высадились в Ла-Рошели и Бретани, а английские суда доставили порох, обувь и оружие.[1307]

В то время как Анжу удерживал линию Луары, французское правительство основало свою военную базу в Шато-Тьерри на Марне, чтобы предотвратить общение между протестантскими немецкими князьями, особенно курфюрстом палатинским и герцогом Деупонским; или между голландцами и их собственными восставшими подданными. С этой целью планировалось, что герцог Омале с отрядом рейтеров, посланных маркграфом Баденским и графом Вестельбургским, и некоторыми войсками, предоставленными графом Мансфельдтом[1308] должен быть направлен против принца Оранского, в то время как герцог Анжуйский должен был выступить против принца Конде.[1309] Но Вильгельм Оранский заключил союз с герцогом Де-Понт[1310] несмотря на попытки Д'Омаля помешать ему.[1311]

Теперь позиция лютеранских князей стала более определенной в пользу гугенотов.[1312]

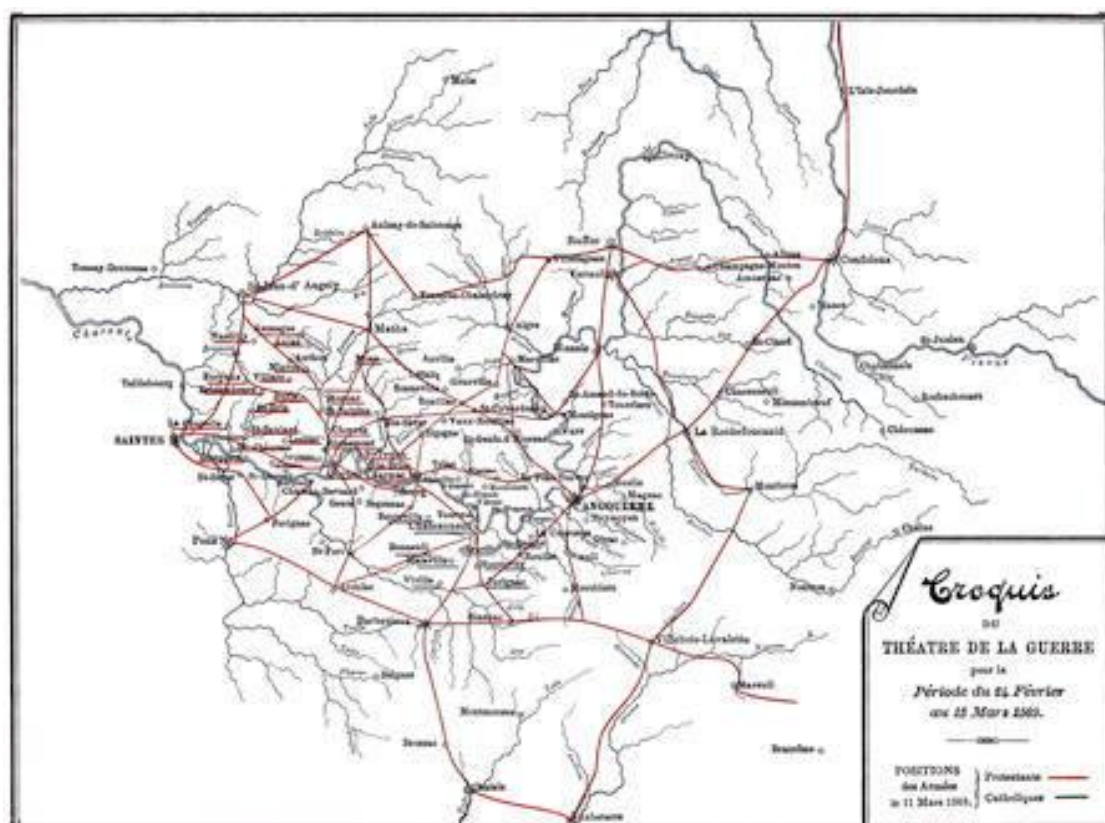
План международных протестантов состоял в том, чтобы нанести удары по обе стороны Лотарингии и таким образом разорвать цепь, протянувшуюся через центральную Европу, с помощью которой Филипп II удерживал свои владения вместе, и разделить два дома Габсбургов.[1313] Поведение императора способствовало осуществлению этого проекта,

поскольку, когда Карл IX отправил Ла Форреста к императору в знак протеста против действий лютеранских князей Германии и для продолжения разговоров о его браке с дочерью императора, Фердинанд, выразив свое сожаление по поводу беспокойного состояния Франции, холодно воспринял предложение о браке и пожаловался на ущерб, нанесенный лютеранскими князьями Германии. Французская армия под командованием герцога Омальского в пределах империи,^[1314] и рекомендовал Чарльзу попробовать мирные методы вместо силы для умиротворения своего королевства.^[1315] Параллельно с проектом сотрудничества с принцем Оранским и герцогом Де Понтом Колиньи планировал возрождение деятельности гугенотов на юге Франции, чтобы это отвлечение ослабило сопротивление другим. Цель состояла в том, чтобы с помощью "виконтов" прорваться через верхнюю Луару и таким образом открыть дорогу немецкой помощи.^[1316]

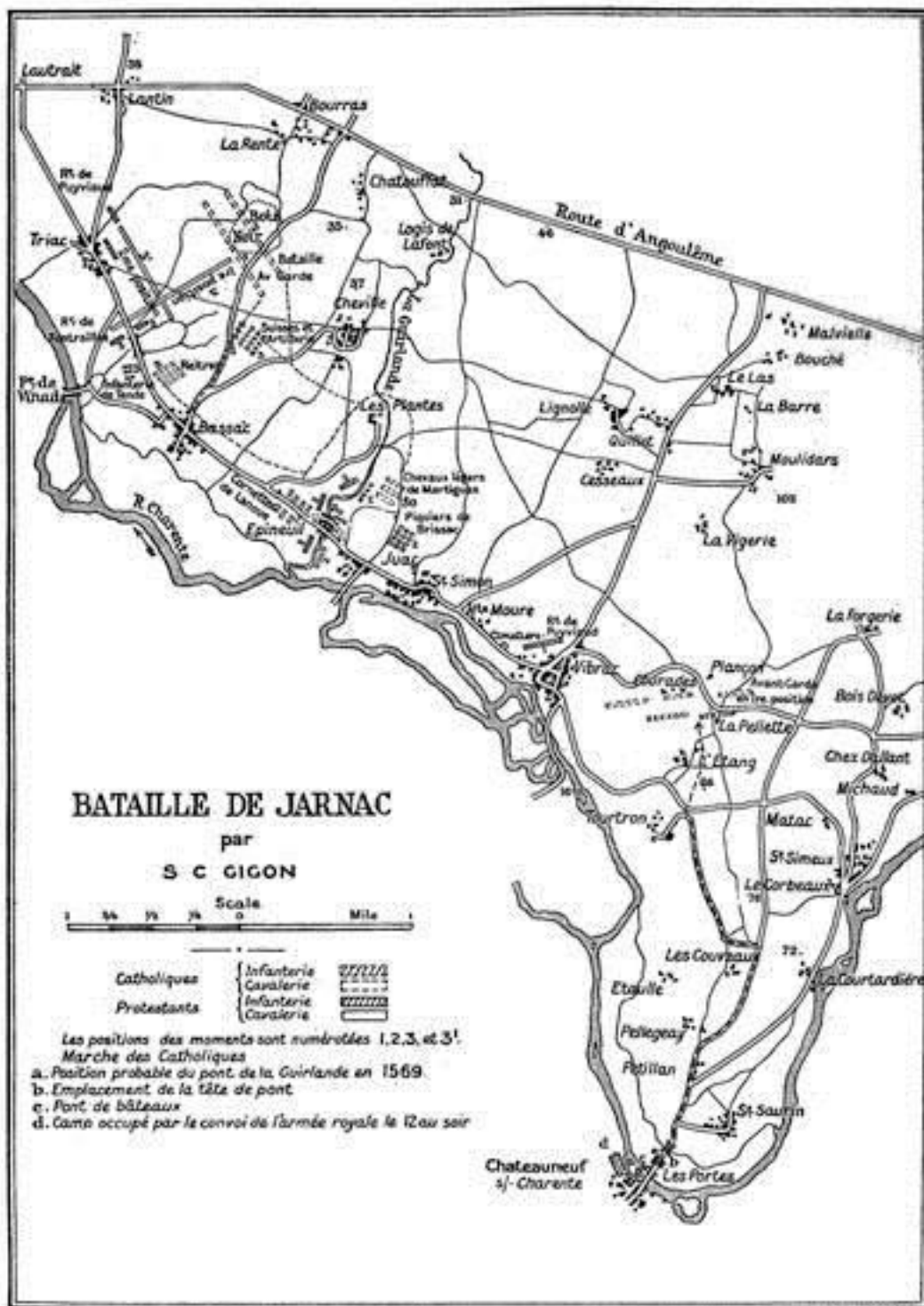
Объединенный поединок против Д'Омаля был слишком велик, чтобы он мог возглавить его.^[1317] Неблагоприятная двойная военная ситуация не была единственной причиной беспокойства французского правительства. Монморанси и герцог Бульонский были настолько недовольны, что даже ожидалось, что они открыто присоединятся к гугенотам. Расходы на содержание двух армий составляли 900 000 ливров в месяц, не считая расходов на жандармерию и артиллерию, которые составляли около двух миллионов ежеквартально.^[1318] жандармерии причиталось 12 000 000 ливров за шесть кварталов; 6000 швейцарцев под командованием герцога Анжуйского - 300 000 ливров; тем, кто находился под командованием герцога Омальского, - 100 000 ливров, помимо того, что причиталось французской пехоте. Обоим королевским военачальникам так не хватало средств, что они были вынуждены конфисковать церковную утварь и даже реликвии.^[1319]

Находясь в таком крайнем положении, Карл IX с тревогой смотрел на возобновление войны в начале весны и начал подумывать о заключении мира на определенный срок, без намерения сохранить его, а просто для того, чтобы избежать катастрофы и с надеждой, что за это время удастся разоружить часть гугенотов. Но внезапно облако рассеялось. Королевская армия под номинальным командованием герцога Анжуйского, но на самом деле под командованием ветерана Таванна, который имел приказ дать сражение любой ценой до прибытия герцога Де Понта, одержала решающую победу при Жарнаке 13 марта 1569 года. Это была жестокая и кровопролитная битва.

Принц Конде, после того как был опасно ранен и взят в плен, принял позорную смерть от рук какого-то неизвестного убийцы из королевской армии, который застрелил его пистолетной пулей.^[1320] Во время боя шотландец Стюарт, убивший констебля в Сен-Дени, был схвачен и доставлен к герцогу, который сказал ему: "Итак, вот ты где, предатель, ты, который часто хвастался, что хотел убить королеву, мою мать. Теперь ты получишь по заслугам. В этот момент появился маркиз де Виллар, шурин старого констебля, и собственными руками свершил возмездие.^[1321]

Reproduced by permission of the author from M. S. C. Giquet's *La bataille de Jarnac et la campagne de 1563 en Angoumois*

В Париже, когда были принесены известия о битве при Жарнаке, духовенство и парламент разрешили провести грандиозную процессию. Все магазины были закрыты, как будто это был праздник. Духовенство, неся мощи святых, направилось сначала к монастырю Кордельеров, а затем к монастырю яковинцев, где пламенную проповедь произнес яковинец из Осера по имени Маммерот. После проповеди был отслужен Богослужение, а затем городское ополчение

собралось под командованием четырех капитанов, и на улицах состоялся грандиозный смотр. Празднование завершилось большим костром перед Отель-де-Виль и пушечной пальбой.[1322]

Папа римский воспринял победу при Жарнаке как прямой ответ на молитву.[1323]

ГЛАВА XIV

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (продолжение). СЕН-ЖЕРМЕНСКИЙ МИР

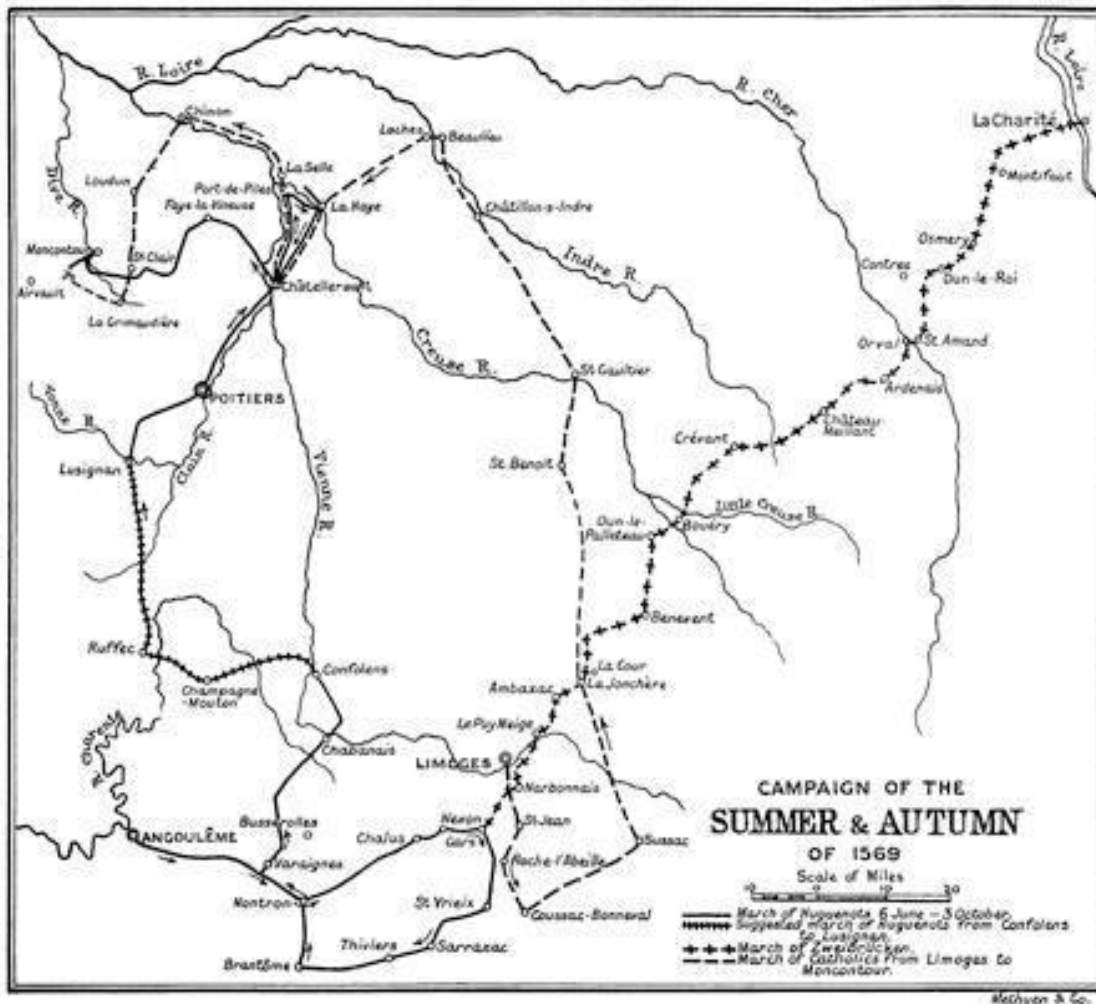
После смерти Конде адмирал Колиньи стал фактическим лидером протестантского движения во Франции,[1324] тем более, когда 7 мая умер его брат д'Андело,[1325] хотя молодой принц Конде и его кузен Генрих Наваррский теоретически считались таковыми.[1326] По природе вещей лидерство двух мальчиков — первому было семнадцать, другому шестнадцать лет —могло быть только номинальным.

После того как прошел первый шок от смерти принца, гугеноты не пали духом. Это правда, что многие представители протестантской знати вернулись домой.[1327] Но позиции гугенотов были сильны в верхнем и нижнем Пуату, поскольку линия Шаранты от Ангулема до Сент принадлежала им, помимо Сен-Жан-д'Анжели, Ла-Рошели и островов Марин и Олерон.[1328] Адмирал собрал свои силы в Тонне-Шаранте,[1329] что он мог делать безнаказанно, поскольку герцог Анжуйский снял осаду Ангулема 12 апреля.[1330]

Надежда двора состояла в том, чтобы продлить войну, поскольку король контролировал большинство городов и переправ через реки, “в то время как у религии, за исключением их завоеванной страны, были только поля”,[1331] пока ресурсы гугенотов наконец не иссякнут — деньги, люди, боеприпасы. Но королева Англии одолжила протестантам 20 000 ливров, а драгоценности Конде и Жанны д'Альбре были взяты в залог.[1332] Жанна д'Альбре лично руководила иностранными переговорами гугенотов.[1333] Наибольшую тревогу гугенотов вызывало то влияние, которое смерть Конде могла оказать на иностранную помощь, которую они искали, и письма принца Наваррского и других лидеров армии гугенотов в Сентонже настоятельно призывали рейтеров продвигаться к Луаре.[1334] Надежда Колиньи заключалась в том, что, сделав крюк через Коньяк и Шале, он достигнет Луары и достигнет слияния с Понтом. К его великому облегчению, принц Оранский и герцог Деупонт написали адмиралу письма, заверяющие его в своей неизменной приверженности.[1335] Верный своему слову, Де Понт, находившийся в Пон-а-Муссоне 11 января 1569 года, въехал во Францию близ Лангра, миновав Жуанвиль, резиденцию Гизов в Лотарингии, где в то время проживала старая герцогиня де Гиз,[1336] и двинулся на Дижон, куда прибыл 26 апреля.[1337]

Настоящим центром деятельности правительства был Мец, который стал основой операций против Деукспонта и Оранжа.[1338] Были предприняты активные усилия по возмещению потерь герцога Анжуйского и укреплению его позиций.[1339] Предложение Испании о поддержке, которое сделал Альва, теперь было официально принято, поскольку после миссии Кастаньо к маркграфу Баденскому за помощью он был отправлен во Фландрию просить помощи у Альвы,

поскольку теперь в общих интересах обеих корон было сокрушить протестантов.[1340] Французские военачальники, герцоги Немур и Омаль, получили приказ любой ценой предотвратить приближение Де-Понта,[1341] но Омаль, частично из-за из-за беспечности, отчасти из-за дезинформации, он не справился со своей задачей, и благодаря умному управлению Деупонту наконец удалось пересечь Сону выше Бара, попасть в Осер и Берри, взобрался на стены Невера, тем самым сократив дорогу между ним и армией гугенотов, и, наконец, захватил Ла-Шарите на Луаре 20 мая, после десятидневной осады, и таким образом контролировал связующее звено, объединявшее гугенотов и рейтеров.[1342]

Если гугеноты были подавлены после Жарнака, то у них были основания испытывать ликование после взятия Ла Шарите. Хотя герцог Анжуйский удерживал позиции в Сентонже, Ангумуа и Лимузене, армия была настолько взбунтована из-за нехватки жалованья, настолько истощена дезертирством и болезнями, что была далеко не грозной.[1343] Париж был в ужасе после захвата Ла Шарите и ожидал вскоре увидеть высокие шляпы и большие перья рейтеров.[1344] The *échevins* of the city were ordered with all speed to make sale of the property of the Protestants to provide means for a new army, which had to be made up of peasant levies, “all their soldiers and men of the greatest value being already abroad.” Королева-мать, получив письма с жалобами на нехватку средств и мятеж в его армии, горько упрекнула Омалья в небрежности и трусости,

позволив герцогу Де Понту захватить Ла-Шарите, и поспешно отправилась к армии в Сентонж, в компании кардиналов Лотарингии и Бурбона, куда она отправилась прямо среди солдат. солдаты со словами ободрения.[1346]

БИТВА При ЛА-РОШ-Л'Абей, 25 июня 1569 г.

(Торторель и Периссин)

Но мятеж армии и захват Ла Шарите в связи с предполагаемым союзом Колиньи и герцога де Понта были не единственным, что беспокоило королеву и кардинала. Сообщалось, что Казимир из Палатинского графства прибывает с 6000 всадниками и таким же количеством пеших; более того, император был настроен враждебно.[1347] Крайность правительства была настолько велика, что был необходим компромисс, и Екатерина намеревалась уладить дело, предложив свою дочь Маргариту Французскую замуж за молодого Генриха Наваррского — план, осуществление которого три года спустя ускорило Варфоломеевскую резню.[1348] Маршал Дамвиль, второй сын старого констебля, чьи политические пристрастия уже сделали его заметным, был назначен королевским наместником в Лангедоке. Терпимость снова витала в воздухе.

Но внезапно католическое дело на мгновение ожило.[1349] Колиньи заболел, и продвижение армии гугенотов было, таким образом, затруднено. Хуже того, герцога де Люкспонта поразила жгучая лихорадка, так что он умер в тот же день, как прибыл в Ла Марш.[1350] Строцци с некоторыми итальянскими войсками атаковал Колиньи в Ла-Рош—Л'Абей 25 июня, когда дождь лил такими проливными, что фитильные замки итальянцев были бесполезны, так что солдаты с обеих сторон били своим оружием дубинками — по выразительным словам Д'Обинье, “rompre croce sur car” - то есть сломали крестовины своих аркебузов над головами своих противников.[1351] В ходе конфликта Строцци был взят в плен. С этого времени армия короля представляла собой просто беспорядочную массу людей. Голод и лихорадка настолько

ослабили его, что герцог Анжуйский был не в состоянии защитить себя, не говоря уже о вторжении на территорию противника. Чтобы увеличить свои силы, он вложил оружие в руки крестьян Лимузена, в результате чего в провинции восторжествовала местная *жакерия*. Лансак был отбит при нападении на Ла Шарите; Шательро (12 июля) и Лузиньян (20 июля) были взяты гугенотами.^[1352] Католики потерпели поражение перед Ньором, на помощь которому блистательный Ла Нуэ пришел после своего собственного захвата Люсона.^[1353]

В этих обстоятельствах правительство было вынуждено довольствоваться удержанием линии Луары, за исключением Ла-Шарите, пока оно искало помощи из-за рубежа.^[1354] Но швейцарцев нельзя было ожидать до середины сентября, и Колиньи стремился воспользоваться ситуацией, чтобы взять Сомюр и таким образом обеспечить переправу также на нижней Луаре и Пуатье, для чего он разделил протестантскую армию,^[1355] к сильной тревоге правительства, которое пыталось через королеву-мать отсрочить принятие мер, втянув адмирала в пустые переговоры. Именно в этот момент впервые был поднят вопрос о браке Генриха Наваррского с Маргаритой Французской. Но адмирала и Жанну д'Альбре не обманули, и осада Пуатье была решительно продолжена. (Она продолжалась с 25 июля по 7 сентября 1569 года.) Католическая партия полностью осознавала, что важность войны зависела от успеха или неудачи гугенотов перед этим городом, в который молодой герцог де Гиз, которому тогда было всего девятнадцать лет, бросился 12 июля со всем пылом своего отца перед Мецем. Если бы Колиньи захватил город, в его руки попали бы некоторые известные военнопленные, герцоги Гиз и Майенн и аббатиса Ла Трините, сестра кардинала Бурбонского^[1356] и злополучный принц Конде, выкуп за которого в изобилии обеспечил бы рейтеров на службе из протестантов.

ОСАДА ПУАТЬЕ, 1569 г.

(Торторель и Периссин)

Пуатье был одним из самых средневековых городов Франции. Остатки его башен и укреплений, узкие мосты, разрушенный дворец древних герцогов Аквитании - все напоминало о жизни исчезнувшего прошлого.^[1357] Орудия адмирала вскоре пробили две бреши в стене, но огонь из замка и платформы отбросил его людей назад, и бреши были заделаны. Город, однако, был слишком большим по окружению, чтобы Гиз мог защищать его целиком,^[1358] поскольку в его стенах находилось много виноградников и полей, вследствие чего французы проложили внутри города линию двойных траншей. 19 августа гугеноты предприняли яростную атаку, прорвали стену и отбросили войска Гизара от внутренних траншей. Враг был “настолько стеснен в средствах”, что в течение шестнадцати дней солдатам приходилось питаться кониной. Самым примечательным инцидентом осады было изгнание огромного количества людей, стариков, женщин и детей, которые были неспособны сражаться и не могли быть накормлены из-за нехватки провизии. Они так неохотно уходили, что их пришлось выпроводить через ворота. К счастью, герцог де Гиз наконец сжалился над ними, хотя в городе хлеба было так мало, что еды на одного человека хватало на десятерых. Все лошади и ослы в городе были убиты, дворяне из уважения к своему положению утоляли свой голод за счет первых. Пшеницы, ячменя и других зерновых не осталось, и в городе не росло ничего зеленого. Были съедены даже крысы и мыши.^[1359]

ПУАТЬЕ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Сила Колиньи (у него было около 10 000 пехотинцев и от 8000 до 9000 всадников) не позволяла анжу выбить его прямой атакой. Его собственные силы, как явствовало из общего сбора 3 сентября, состояли из 1500 французских жандармов, 700 итальянских всадников, 1000 валлонцев и 4000 рейтеров, помимо 400-конного полка Ла Валлетта — он был значительно сокращен во время осады - и герцога де Лонгвиля и некоторых других рот. Из пехотинцев у него было 6000 французов, 4000 швейцарцев, 2500 итальянцев и 2000 валлонов. Хотя эта армия по фактической численности превосходила армию Колиньи, в действительности она значительно уступала. Многие из войск были без офицеров, 6000 французов были призванными крестьянами, не привыкшими к обращению с оружием; все они страдали от голода, а многие и от лихорадки. Поэтому герцог Анжуйский с одобрения своей матери решил попытаться отвлечь Колиньи от Пуатье притворным нападением на Шательро.^[1360] С этой целью он 4 сентября переправился через реку Крез и разместил свою артиллерию перед городом. Честь первого штурма была отдана итальянцам, что оскорбило французов, которые отказались поддержать их.^[1361] Тем не менее в стене была проделана брешь шириной 40 футов, так что адмирал, посчитав, что это место находится в большой опасности, послал 7000 конных и 8000 пеших на

помощь городу 7 сентября. Это было фатальное нетерпение со стороны Колиньи, поскольку эта акция избавила Пуатье от опасности быть захваченным.

Теперь у гугенотов не было другого выхода, кроме как дать бой. Но Колиньи не желал делать это сразу, желая подождать, пока опустошение окрестностей еще больше сократит силы Анжу. За это время он отступил за Вену. Но наемники в обеих армиях требовали битвы, потому что с обеих сторон была большая нехватка денег: королевским швейцарцам не платили три месяца, рейтарам - пять, адмиралу также не выплачивали жалованье за три месяца.^[1362]

30 сентября при Монконтуре две армии столкнулись в предварительном сражении. Но три дня спустя, в понедельник, 3 октября 1569 года, произошло настоящее сражение. Должно быть, это было впечатляющее и захватывающее зрелище до того, как начался конфликт. В армии гугенотов проповедники ходили повсюду, подбадривая солдат, которые с жаром распевали торжественные псалмы кальвинистского богослужения. На другой стороне равнины швейцарцы и немцы в королевской армии, по немецкому обычаю, преклонили колени и поцеловали землю.^[1363]

БИТВА При МОНКОНТУРЕ, 3 октября 1569 г.

(Торторель и Периссин)

При первом потрясении казалось, что гугеноты победят, и они кричали в восторге: “Победа, победа! Евангелие одержало победу и повергло массу пап. Долой папистов!”^[1364] Адмирал начал бой, атаковав центр Анжу 2000 рейтерами и такими французскими жандармами, какие у него были, но сам был атакован с фланга герцогом Омальским и Вилларом с такой яростью, что был вынужден отступить. Протестантская пехота, вступившая в бой вслед за конницей, таким образом, осталась без сил, и когда легкая кавалерия герцога Гиза бросилась в атаку, ланскенцы

обратились в бегство, бросив артиллерию. В разгар рукопашной схватки различные роты рейтеров, видя, что битва проиграна, бросились к своему багажу, схватили самое ценное имущество и поспешно ретировались. Одни только рейтеры Мансфельдта сражались хорошо; от остальных было мало толку. С наемниками короля дела обстояли немногим лучше. Многие лидеры обеих сторон были ранены в ходе сражения; Гиз - в руку и ногу, Бассомпьер, немецкий капитан, которому суждено было стать очень заметным человеком при дворе, - в обе руки; Анжу был сброшен с лошади на землю, но избежал ранений; Колиньи был ранен в лицо pistolетной пулей. Среди погибших католиков был Монбрен, капитан швейцарской гвардии. Он был надменным и жестоким, деспотом по отношению к своим людям, но к его чести следует отнести то, что он стремился помешать солдатам жестоко обращаться с крестьянами.[1365] Большинство погибших гугенотов были немецкие рейтеры и ланскенеты, многие из которых были убиты своими соотечественниками-католиками или швейцарцами, отличившимися своей свирепостью.[1366] Бой продолжался четыре часа, с 11 до 3 часов, по истечении которых силы Анжу свергли адмирала, обратили в бегство его конницу и пехоту и захватили его артиллерию и обоз. Если бы не удачное стечение обстоятельств, когда несколько всадников Колиньи перехватили королевского казначея, выезжавшего из Лимузена с 30 000 франками, распределение которых между его подчиненными утихомирило их ропот, немецкая кавалерия могла бы практически покинуть Колиньи.[1367] Как бы то ни было, он смог отступить к Ниорту и оттуда отступить далеко на юг.[1368]

К счастью для гугенотов, враг не пытался преследовать их, а вместо этого предпринял осаду Сен-Жан-д'Анжели, который находился прямо на пути к югу, к неудовольствию либерального маршала Коссе и даже Таванна, которые настаивали на том, что король в свете этой великой победы может теперь заключить мир по доброй воле.[1369] Другие, учитывая силу Сен-Жан-д'Анжели, считали, что война затянется до глубокой зимы и что взятие Сен-Жан-д'Анжели будет иметь небольшое значение, пока остается Ла-Рошель. Вместо того чтобы принять этот совет, правительство ужесточило свою политику. За голову Колиньи была предложена награда в 50 000 крон,[1370] 600 000 франков были распределены между солдатами и 300 000 отправлены в Германию для проведения нового сбора против весны.[1371]

16 октября Карл IX прибыл к Сен-Жан-д'Анжели и увидел большую часть королевских войск, выстроенных в боевом порядке. Предвидя отчаянное сопротивление со стороны тех, кто находился в городе, королевская пехота попросила снабдить ее кирасами жандармов. Один случай проиллюстрирует отчаянную доблесть осажденных. В ночь на 21 октября они совершили вылазку, проникли в окопы противника, убили двадцать человек, взяли в плен двух прапорщиков и все оружие, которое нашли в *кордебалете*, и вернулись в город. Протестантский гарнизон насчитывал не более 1500 человек, но, несмотря на преимущество против него (у него не было артиллерии, кроме фальконетов и мушкетов, в то время как в Анжу было одиннадцать орудий, больших и малых), командир гугенотов Пиллес отказался сдаваться. Вместо этого, когда губернатор города призвал его сдаться, а не оказывать сопротивление, отчаявшийся капитан приказал повесить его, а тело сбросить в реку. Атака на Сен-Жан-д'Анжели началась 25 октября, но хотя стена была сильно разрушена, в течение нескольких дней не было сделано ни одной достаточной брешы. Город сопротивлялся всем атакам до 2 декабря, когда наконец сдался.[1372]

И все же, несмотря на двойную победу при Монконтуре и при Сен-Жан-д'Анжели, тяжелый опыт доказывал мудрость курса, рекомендованного Таванном и Коссе. У короля не было денег, чтобы

заплатить швейцарцам и рейтерам, которые угрожали взбунтоваться в любую минуту. Местность вокруг армии была настолько оголена, что царила великая нищета из-за нехватки продовольствия, и множество солдат заболели.^[1373] Наконец, 24 ноября на заседании королевского совета некоторые из его членов официально обратились к Карлу IX с просьбой заключить мир с его восставшими подданными,^[1374] и выразил готовность выполнить эту просьбу.

Действия правительства были вызваны событиями; мужественное сопротивление Сен-Жан-д'Анжели, действия Монлюка по сложению полномочий и растущая сила реформатов среди южных “виконтов” заставили корону страстно желать мира. Для достижения этой цели король отправил маршала-либерала Коссе в сопровождении Де Лосса, нового капитана шотландской гвардии, в Ла-Рошель для переговоров с королевой Наварры и Ларошфуко. Но Жанна д'Альбре не собиралась торопиться, на что маршал многозначительно возразил, что “в протестантской армии было много высокопоставленных лиц, которые не дали бы ей такого совета”.^[1375] Однако, даже если бы королева Наварры захотела, она не смогла бы ускорить урегулирование. Ибо в то время существовало реальное разделение мнений между дворянами-гугенотами и жителями таких гугенотских городов, как Сен-Жан-д'Анжели и Ла-Рошель. Представители первого класса устали от войны и хотели вернуться в свои дома, они выступали за мир и были склонны выдвигать свои собственные условия, вплоть до игнорирования требований своих единоверцев из городов. Последние чувствовали себя обиженными, видя себя такими покинутыми, когда они так много сделали для поддержки общего дела гугенотов, не просто пожертвовав деньги, но оказав такое героическое сопротивление, как жители Сен-Жан-д'Анжели, и Жанна д'Альбре сочувствовала им. Она не желала слушать разговоров о мире, будучи твердо убежденной, что это всего лишь еще одна уловка, подобная той, что была в Лонжюмо, и решительно заявила, что у них будет достаточно времени для рассмотрения условий мира, когда их силы будут более равны; что ничто, кроме свободного исповедания религии, гарантированного прежними эдиктами, не поможет; что даже если вся знать-гугенот согласится с условиями, ее собственная подпись и подпись Генриха Наваррского никогда не будут поставлены ни под какими промежуточными условиями умиротворения.^[1376] Но, наконец, после долгих дебатов королева Наваррская уступила и отправила будущего зятя адмирала Телиньи, который совещался с Колиньи, к королю с просьбой о “хорошем, гарантированном и нерушимом мире”,^[1377] вероятно, частично на это повлияло обращение с Сен-Жан-д'Анжели, гарнизону которого пришлось выйти с вещами и поклажей, с развевающимися знаменами. Гугеноты требовали свободы совести, возвращения их имущества и должностей представителям религии и отмены всех вынесенных им приговоров вместе с гарантиями соблюдения статей.^[1378]

Существенным вопросом и тем, что так надолго затянуло дебаты, было требование о *палатах ми-партий*,^[1379] и о том, чтобы корона передала определенные города в руки гугенотов, чтобы они разместили там гарнизоны и управлялись ими самостоятельно. 3 февраля 1570 года король ответил, пообещав даровать амнистию за прошлое, вернуть гугенотам их поместья и должности, изгнать рейтеров и предоставить свободу вероисповедания в частных домах и в двух городах, которые он назначит.^[1380] Но Жанна д'Альбре, которая вела переговоры от имени гугенотов, отказалась быть удовлетворенной. В длинном письме королеве-матери неделю спустя она подробно рассказала о предыдущих переговорах и пожаловалась на недобросовестность

правительства, особенно ссылаясь на кардинала Лотарингии и герцога Альвы.[1381] На самом деле правительство еще не было готово уступить. Кардинал Лотарингии все еще надеялся ускорить введение нового рекрутского набора в Германии, когда наступит весна, и питал тщетную надежду на восстановление Трех епископств, если император окажет Франции эту помощь и приостановит протестантские сборы.[1382] Но у самого императора было что сказать по этому поводу, и он заявил, что не будет рассматривать предлагаемый брак своей дочери с французским королем, пока во Франции не будет заключен мир.[1383] Зная об отношении императора, королева Наварры решительно потребовала условий мира в соответствии с требованиями гугенотов.[1384]

Аргументы в пользу мира, выдвинутые маршалом Коссе и другими, разделявшими его взгляды, оказали меньшее влияние на короля и его советников, поскольку буря войны отхлынула на юг,[1385] к ликованию Пия V, который ошеломил Карла IX протестами против умиротворения.[1386] К югу от Луары главный интерес третьей гражданской войны связан с действиями той знаменитой группы воинов-гугенотов, известной как “виконты”, с которыми Колиньи не удалось установить контакт перед битвой при Жарнаке. Краткий отчет о более ранних достижениях этой группы, которая иногда сражалась вместе, иногда порознь и имела под своим командованием три или четыре тысячи пехотинцев и три или четыреста всадников,[1387]. Таких капитанов было десять: Бернар Роже де Комингс, виконт де Бруникель; Бертран де Рабастенис, виконт де Полен; Антуан де Рабастенис, виконт де Монклэр; виконт де Монтегю; виконт де Комон; виконт де Парат; Жеро де Ломань, виконт де Севиньяк (недалеко от Бокера), брат Террида, который был католиком и участвовал вместе с Монлюком в проекте освобождения Гайенны королю Испании;[1388] виконту д'Арпажону; виконту де Рапену; и виконту де Гурдону.[1389] Трое из них, и самые заметные, за исключением Рапена, виконты Паулин, Бруникель и Арпажон были уроженцами епархии Альби, оплота ереси со средневековых времен; первый служил в Пьемонте во времена правления Генриха II, и предки всех троих один из них сражался против Фердинанда Арагонского в 1495 году.[1390] Виконт Рапен был лидером великого восстания гугенотов в Тулузе в 1562 году и был назначен протестантским губернатором Монтобана в 1564 году принцем Конде.[1391] Жители Тулузы так люто ненавидели его, что обвинили в желании полностью разрушить город и перевезти все камни в Монтобан. Он участвовал во второй гражданской войне, но был предан в руки магистратов Тулузы, осужден и казнен там 13 апреля 1569 года вопреки приказу короля об обратном. Гугеноты жестоко отомстили за это безобразие, опустошив окрестности Тулузы на многие лиги вокруг, даже начертав на руинах “Месть насильников”. [1392]

Эти четыре виконта были ядром группы и начали свою карьеру во время первой гражданской войны. Но, кроме Рапена, никто из них тогда не привлек внимания. Во время второй войны остальные встали под знамена. Сначала они действовали в Лангедоке и Керси, им помогали крестьяне, которые, похоже, повернулись к ним как к естественным врагам высшей знати.[1393] Летом и осенью 1568 года их объединенные войска совершили мощный рейд вверх по долине Роны из Монтобана через Руэрг и Севенн, где часть войск переправилась через Рону под командованием виконта Рапена и присоединилась к протестантской армии Дофине и Прованса под командованием бывшего лейтенанта Де Адресса. Остальные остались в Лангедоке. Позже Рапен переправился через реку в Виваре в надежде присоединиться к принцу Конде. Но губернатор Прованса, граф Тенде, которому помогал виконт де Жуазе, католический генерал в

этих краях, преградил ему путь. В разгар этого тяжелого положения к виконту де Рапену пришло облегчение в лице его бывшего товарища по оружию. Но, по крайней мере, Жуаез предотвратил союз виконтов с принцем Конде.

Жители Вивареса были возмущены оккупацией страны этими партизанскими вождями так же, как их предки двести лет назад восстали против Вольных отрядов во время правления Карла V. Города организовали собственную армию и однажды отличились, разгромив виконтов. В январе 1568 года виконты преуспели в достижении своей первоначальной цели, проникли в ряды католической армии и переправились через Луару у Блуа. Освобождение Орлеана и их союз с принцем Конде под Шартром ускорили заключение мира в Лонжюмо.^[1394]

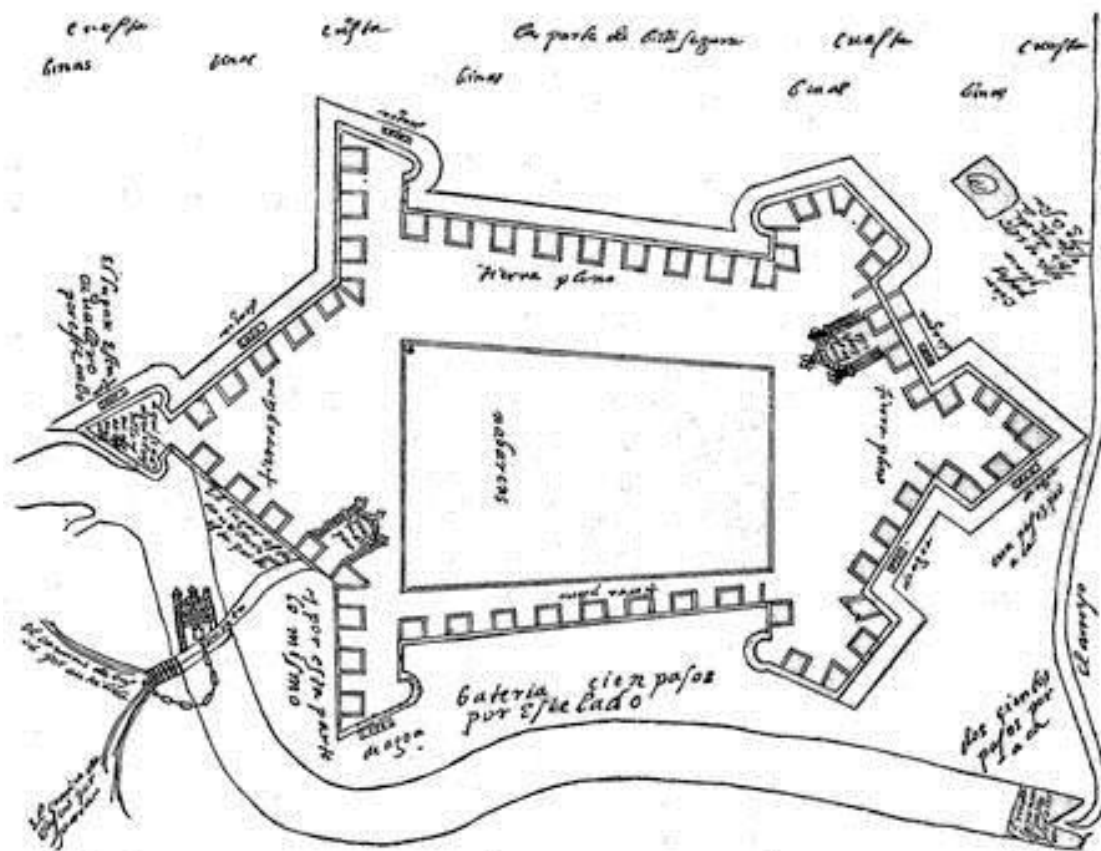
В промежуток времени между перемирием при Лонжюмо и началом третьей войны виконты, как и большинство протестантских сил юга, похоже, не разоружались, а оставались в окрестностях Монтобана, столицы гугенотов крайнего юга. Когда война возобновилась, Жуаез и Горд, губернатор Дофине, безуспешно пытались удержать гугенотов к востоку от Роны от присоединения к ним в Лангедоке. В Мийо в Руэрге состоялся большой военный совет, на котором были представлены практически все протестантские боевые силы юга, за исключением Гиенны и Гаскони.^[1395] В соответствии с разработанным там планом виконты оставались в Керси и Лангедоке, в то время как основная армия пересекла Дордонь с целью присоединиться к принцу Конде. Но в Перигоре он был встречен и рассеян 25 октября 1568 года герцогом Монпансье и маршалом Бриссаком. Виконты продолжали действовать в Лангедоке против Жуайеза и других. Успех их деятельности, особенно разрушение Гайяка (8 сентября 1568 г.), привело к возрождению лиги в Тулузе под руководством кардинала Арманьяка 12 сентября в соборе Сент-Этьен. Отзыв Жуайеза с католическими войсками Лангедока на север для оказания помощи герцогу Анжуйскому оставил чистое поле для действий в Провансе и Лангедоке. Потеря Жарнака 13 марта 1569 года, где был убит принц Конде, частично может быть объяснена тем фактом, что виконты отказались выполнить его приказ прибыть к нему, так что объединенные силы Анжу и Жуаеза разгромили гугенотов. Аналогичная неудача постигла протестантов 8 июня следующего года в Арьеже близ Тулузы, где Бельгард, сенешаль Тулузы, разгромил виконтов и захватил в плен виконта Полена, которого постигла бы участь виконта Рапена, если бы Карл IX не отказался передать его парламенту Тулузы не столько из великодушия, сколько из упрека в нарушении предыдущих королевских приказов.^[1396] Разбитые отряды виконтов присоединились к Монтгомери, лидеру своего рода, который был отделен Колиньи от его собственной армии в том же месяце.

Причину появления Монтгомери на юге следует искать в опасности, угрожавшей в это время Беарну и Наварре. Монлюку пришла в голову идея, что Беарн может быть завоеван в отсутствие его правителя. Парламент Тулузы энергично поддержал проект и 15 ноября 1568 года издал *постановление* о передаче Беарна под свою юрисдикцию.^[1397] В первые месяцы 1569 года были предприняты попытки с некоторым успехом подкупить капитанов беарнской армии.^[1398] Когда план был представлен герцогу Анжуйскому, он с энтузиазмом одобрил его. Время было благоприятное, ибо так случилось, что это предложение совпало с его победой при Жарнаке. Ровно через неделю после битвы^[1399] он отправил сеньора де Террида с инструкциями явиться в Монлюк, поскольку герцог считал, что Монлюк не может быть избавлен от Гайенны.^[1400] Этот приказ стал горьким разочарованием для Монлюка, который хотел сам завоевать Беарн, и с тех пор он всегда лелеял ненависть к маршалу Дамвиллю^[1401] который в то время находился вдали от своего правительства вместе с герцогом Анжуйским, полагая, что

виной всему была ревность Дамвиля к нему. Весьма вероятно, что так оно и было, поскольку, как будет видно позже, вражда между этими двумя была крайней.

Компания Terride началась хорошо. Один за другим, в быстром порядке, перед ним пали укрепленные города Беарна — Понтак, Морлаас, Ортез, Советер и По - родина Генриха Наваррского, в то время как местность вокруг была опустошена огнем и мечом. Наместник королевы Наваррской был вынужден искать убежища в Наваррене, чей замок, считавшийся неприступным, был построен Анри д'Альбре во время его походов против Испании. 27 апреля 1569 года Террид начал осаду замка Наварренс.^[1402]

Монтгомери, прибывший в Кастр 21 июня[1403] с двойным поручением двух протестантских принцев,[1404] в течение четырех недель оказался в окрестностях Тулузы и возглавил объединенные силы виконтов и несколько рекрутов, набранных в Альбигойске. Энергия Монтгомери поразила Монлюка, который был достаточно солдатом, чтобы отдать должное своему врагу за действительно замечательные достижения. Он никогда раньше не был в этой стране, и все силы, которые он привел с собой, составляли три десятка лошадей, и вначале у него не было других сил, кроме сил виконтов. Ему также предстояло пересечь реку Гаронна, за всей протяженностью которой следили шпионы. Капитаны-католики в Лангедоке верили, что Монтгомери намеревался организовать оборону мест, которыми владели протестанты, и это ошибочное мнение, по-видимому, было распространено самими гугенотами, “которые обладали таким качеством, что скрывали свои замыслы лучше, чем мы”, - свидетельствует Монлюк. “Это люди, которые редко раскрывают свои советы, и именно по этой причине их предприятия редко оказываются безуспешными”.

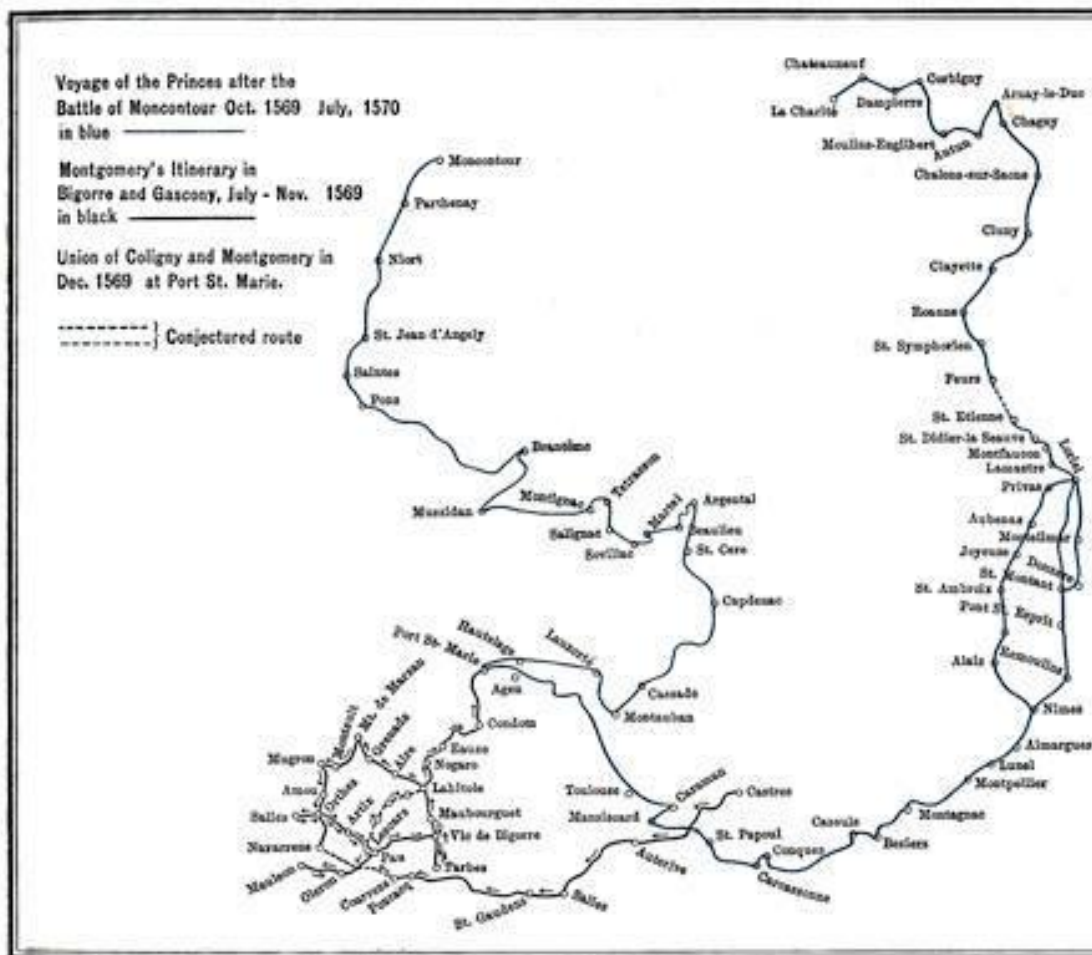
ПЛАН КРЕПОСТИ НАВАРРЕНС, СДЕЛАННЫЙ ХУАНОМ MARTINEСOM ДЕСКУРРОЙ, ИСПАНСКИМ ШПИОНОМ

В национальном архиве, К. 1499, № 84.

Быстрым маршем Монтгомери невероятно быстро достиг Наваррена. В конце концов, его солдаты, утомленные осадой, которая длилась три с половиной месяца в середине лета, нагруженные добычей, распущенные и взбунтовавшиеся до такой степени, что посрамили даже рейтеров, сняли осаду и отступили к Ортезу. Но город не был защищен от нападений виконтов. Среди бела дня стены были снесены *по нарастающей*. 13 августа Террид, который укрылся в замке с такой поспешностью, что остался без провизии и боеприпасов, сдался. Сам он был пощажен Монтгомери с целью обмена на брата последнего, но умер до того, как передача была произведена. Его капитаны, почти все до единого, были казнены. Некоторые из них были бывшими офицерами беарнской армии и по закону были виновны в государственной измене, но истинным мотивом Монтгомери была месть за разрушения, учиненные армией Террида. В начале войны лейтенант королевы, героический барон де Ларбуст, то ли в надежде пощадить Беарн, то ли предвидя, что последует дальше, предложил нейтрализовать Беарн, передав его под опеку графа де Граммона, даже предложив выступить против Монтгомери, если это будет сделано. Террид отказался и поплатился за свое своеволие и фанатизм. Беарн был спасен Монтгомери в самой блестящей и почетной кампании в его непростой карьере.[\[1405\]](#)

Неудача католиков в завоевании Беарна довела дремлющую ненависть Монлюка к Дамвиллю до неистовства, поскольку он верил, что за завоеванием последовал бы полный крах протестантского дела.[\[1406\]](#) Он обвинил в этом Дамвилля, утверждая, что свержение Террида произошло из-за его медлительности. Но маршалу было очень трудно вернуться в свое правительство. Гугеноты полностью овладели Керси и альбигойцами, а регион вокруг Тулузы был настолько наводнен ими, что Дамвиль не мог добраться до Тулузы до конца июня.[\[1407\]](#) Монтгомери даже с виконтами, находившимися непосредственно под рукой, потребовалось почти пять недель (21 июня - 27 июля), чтобы подготовиться к освобождению Наваррена, хотя отчаянное положение дел там требовало спешки, и со всем гражданским, а также военным бременем Лангедока на нем, бременем, которое неизбежно накопилось и за время его отсутствия, вряд ли можно было ожидать, что Дамвиль будет освобожден. Справедливости ради следует отметить, что они были готовы выступить против Монтгомери до середины августа, к тому времени осада Наваррена была закончена. Правда в том, что Монлюк и Дамвиль радикально расходились во мнениях относительно политики, которую следовало проводить на юге. Патент Монлюка распространялся только на территорию Гайенны. Но Монлюк, с присущим простому солдату пренебрежением к формам закона, считал, что долг солдата - идти туда, где в этом больше всего необходимости. Он сделал предложение, что, когда Дамвиль завоюет город в Лангедоке, он нападет на другой в Гиенне. На это маршал возразил, утверждая, что его долгом было попытаться восстановить то, что было утрачено его правительством, и указал на свое поручение. Монлюк высмеял это заявление и обвинил Дамвиля в том, что он настолько горд как "знатный лорд, сын констебля и маршала Франции", что не стал бы работать с бедным джентльменом.[\[1408\]](#)

В конце лета (1569 г.) Монтгомери победоносно вернулся из Беарна, достигнув высшей точки своей репутации. За шесть недель он собрал армию, прошел много миль по незнакомой и враждебной стране, пересек Гаронну и снял осаду с равными силами, превратив католическое завоевание Беарна в поражение. Это казалось сном как друзьям, так и врагам. Его враг благородно сказал: “Во всех войнах не было совершено более выдающегося подвига”. Если бы Монтгомери потерпел неудачу, Колиньи некуда было бы отступить после потери Монконтура. Ибо он вернулся с того поля разгрома протестантов только с остатками армии, в основном с джентри и рейтарами, ибо почти вся пехота была изрублена на куски или взята в плен, без багажа, без денег, даже лошадей пришлось перековывать. Хорошо, что адмирал смог броситься в объятия Монтгомери и виконтов, которые обогатили его духом своего успеха и буквально магией своих достижений привлекли тысячи людей под знамена гугенотов. Его сторонники увеличивались так быстро, что к тому времени, когда он достиг Монпелье, у него снова было от десяти до двенадцати тысяч человек.^[1409] 3 января 1570 года Колиньи и Монтгомери объединили свои силы. Разногласия между Монлюком^[1410] и Дамвилем дали им и виконтам почти неограниченную свободу в Верхней Гаскони и Лангедоке, где они невероятно разбогатели на военной добыче и довели свои грабежи до самых стен Тулузы, которая фактически была захвачена с 22 января по 20 февраля 1570 года.^[1411]

Когда Монлюку стало известно о падении Террида, он, несмотря на свое негодование, сделал предложение Дамвилю. В Оше был проведен военный совет, но вместо того, чтобы приехать самому, маршал послал Жуаеза сказать, что он считает своим долгом провести время в своем собственном правительстве, учитывая ответственность, лежащую на стране за продолжение войны. Интересно понаблюдать за древними идеями отделения провинций и автономии, утверждающими себя в это время. Напрасно Монлюк доказывал, что настоящий враг находится в Гиенне и что местная враждебность гугенотов в Лангедоке - ничто по сравнению с этим; что все католики в равной степени являются подданными короля и что страна принадлежит королю.[1412] Жуайез ответил, что поместья Лангедока не будут платить армии Монлюка, если он не использует их деньги для восстановления территорий в их провинции. Решение оставило Гайенну в покое, поскольку королевские войска были заняты затяжной осадой Сен-Жан-д'Анжели и не могли прийти ей на помощь. "J'ay tousjours ouy dire que plus près est la chemise que la robbe," said Montluc satirically.[1413]

Старик собирался распустить свою армию и удалиться в Либурн или Ажен, но долг солдата не позволил ему этого. Если бы он сейчас покинул открытую местность в таком критическом состоянии, это никогда бы не стало для него упреком. Он был лучшего мнения о себе и вместо этого атаковал Мон-де-Марсан, где успокоил свои возмущенные чувства, отказав гарнизону в просьбе капитулировать и тайно отдал приказ о резне всего гарнизона, за исключением капитана Фаваса.[1414] Этот ратный подвиг обеспечил будущее Гаскони и Ландов, поскольку город служил зернохранилищем для всей окружающей страны, откуда, однако, в ущерб Франции, в Испанию экспортировалось много зерна.[1415] После этого подвига, почувствовав невозможность поддерживать свои силы на поле боя, Монлюк распустил свою армию, отправив сына в Лектур, а сам удалился в Ажен. Его быстро раззадорило то, что корона во всем одобряла поведение Дамвилла и либо игнорировала его собственные жалобы, либо критиковала его за то, что он сделал. "Я родился на планете, которая всегда будет подвержена клевете", - пророчил он. "Возраст лишает мужчину жара, ибо в дни моей молодости величайший принц на земле не смог бы заставить меня проглотить такую пилюлю".

Возможно, дело было в том, что у Дамвиля были друзья при дворе, а у Монлюка - нет; возможно, гордость маршала за высокое происхождение сделала его в какой-то степени равнодушным или даже презрительным к Монлюку. Но если мы внимательно посмотрим на вещи, то станет очевидно, что дух провинциального разделения был основным источником разногласий между ними. Этот дух проник до самого дна. И Монлюк, и Дамвиль воевали с людьми, набранными из страны, в которой они находились, — с ополчением, а не с регулярными войсками. Следствием этого было то, что каждый мужчина в войске заботился о благополучии своей семьи или своих друзей, а не о делах короля; более того, у многих были родственники или друзья с врагом, что заставляло их сражаться неохотно; наконец, им плохо платили, и они были вынуждены питаться грабежом, который подрывал дисциплину. Истинным средством для Карла IX было бы снять бесполезную осаду Сен-Жан-д'Анжели и лично прибыть в южные земли, где власть короля могла бы одержать верх над местными сепаратистскими силами; и где регулярные войска использовали бы войну как ремесло, как того требовали обстоятельства.

У католиков юга перед глазами был пример из перепалки с адмиралом эффективности регулярных войск по сравнению с местными силами. Колиньи был обязан своим будущим им и Монтгомери. То, как рейтеры вели войну, вызывало восхищение таких обученных солдат, как Монлюк. Они так забаррикадировали деревни, в которых расквартировались, что штурмом

ничего нельзя было взять, и на открытой местности они всегда поднимались на коней при малейшей тревоге. Застать их врасплох было очень трудно. Они бережно относились к своим лошадям и оружию и были настолько ужасны в бою, “что человек не мог видеть ничего, кроме огня и стали”. Дрались даже конюхи.[1416]

Неудачи, пережитые при Пуатье, Монконтуре и Сен-Жан-д'Анжели, не были фатальными для протестантов. В середине декабря Колиньи написал капитану "Ла Шарите", что чувствует себя готовым возобновить наступление весной, имея в Ла-Рошели, Коньяке, Ангулеме, Монтобане, Кастре, Ла Шарите и Монпелье цепь неприступных крепостей, простирающихся от морского побережья до самого сердца Франции и контролирующих Луару.[1417] Обзор карты покажет силу гугенотов в этой части Франции. Весь Прованс и Нижний Лангедок находились под полным контролем протестантов, Монтобан, Альби и Кастр представляли собой линию обороны на западе. В Верхнем Лангедоке они были не так сильны, и положение католиков было менее шатким, поскольку Тулуза, Ош, Ажен и Каор образовывали четырехугольник в самом центре. Гугеноты контролировали многие небольшие города, так что Монлюк жаловался, что снова и снова ему приходится проходить через их руки “и по малейшему поводу с большими хлопотами мотаться взад-вперед из города в город. Молю Бога, чтобы мы, как это делают в Испании, поселились постоянно в хороших городах; тогда у нас было бы и больше богатства, и больше власти”.[1418]

Гайенн был безопасным католическим городом, если бы мог продолжать отстаивать свои права; за этот важный факт Монлюк заслуживает высокой оценки.[1419] Но Гайенна, Гасконь и Верхний Лангедок были изолированы от католического севера широкой протестантской полосой, протянувшейся на юго-восток от Ла-Рошели до Монпелье через Сент, Коньяк, Ангулем, Шале, Бержерак, Монтобан, Альби, Кастр, Безье и Монпелье, которая объединила Сентонж на побережье с Провансом и Дофине. Но, с другой стороны, Беарн был отделен от главного ствола кальвинизма и все еще не был в безопасности, несмотря на успех Монтомери, если только он не был привязан к главному стволу. Лидеры гугенотов понимали это, и одним из самых ловких ударов Колиньи после Монконтюра был захват Порт-Сент. Мари, ниже Ажена на Гаронне, при поддержке немецких рейтеров.[1420] Захват этого места (29 ноября 1569 г.) обеспечил переход Гаронны к гугенотам[1421] и осуществлен для жителей крайнего юга то, что обладание Ла Шарите гарантировало обладателям центральной Франции, поскольку оно соединяло Гаронну. Позже, когда Бернар д'Астарак, барон де Мартамот, в начале следующего января (1570 г.) восстановил Тарб[1422] на Адуре у гугенотов была цепь крепостей, идущая прямо на север от Беарна через Кондом и Нерак до Бержерака и Ангулема, а католические Гасконь и Гайенн были захвачены. разрезать надвое.

Монлюк, укрепив Ажен, взятие которого стало бы еще одной катастрофой для католиков, затем принялся придумывать, как сломать лодочный мост, построенный Колиньи. Каменщик, который когда-то построил плавучую мельницу для маркиза де Виллара над Порт-Сент. Мари подошла к нему и предложила загрузить мельницу камнем, отвалить его и пустить вниз по течению в надежде сломать мост. Река Гаронна в это время разлилась от зимних дождей. Руководители скептически отнеслись к этой схеме, поскольку было известно, что мост защищен тяжелыми тросами над рекой. Но капитан Тодаас, инженер из Монлюка, поддержал каменщика, тайно обследовав сооружение. Новый таран выполнил намеченную работу. Незадолго до полуночи мельницу сняли с якоря, и один из солдат утонул, когда снимал с нее цепи. Артиллерия Колиньи, когда она показалась в темноте, предприняла отчаянную попытку потопить ее огнем батарей на

обоих концах моста, но тщетно. Мельница обрушилась на мост с такой силой, что тросы, цепи и лодки с грохотом разлетелись на куски. Две лодки затонули до самого Сен-Макэра, а некоторые, как говорили, были подобраны до самого Бордо.[1423]

Разрушение моста стало тяжелым ударом для протестантов, поскольку разделило их силы на две части. Помимо Монтгомери, очень многие рейтеры были пойманы на том берегу реки, в направлении Гаскони. Но предприимчивость Колиньи лишила неприятности их остроты. Он соорудил импровизированный мост из двух лодок, по которому можно было перевозить одновременно пять или шесть лошадей, причем лодки тянулись на тросе, на итальянский манер. Потребовалось полтора часа, чтобы сходить и вернуться, но, наконец, с большим трудом вся рота рейтеров была переброшена через ручей. Монлюк предложил Кандалю и Ла Валетту атаковать Монтгомери, расквартированного в Кондоме, к югу от Нерака. Но они так медленно реагировали, что Монтгомери тоже смог перейти границу, сначала конницей, а затем пешим ходом, один за другим, и всем его силам потребовалось пять или шесть дней, чтобы совершить переход.[1424]

Но адмирал и Монтгомери вслед за этим хитроумным поступком допустили такую грубую ошибку, что реформированные страдали за это годами позже и были спасены от потери Беарна, возможно, как они почти потеряли его раньше, благодаря вмешательству Сен- Жерменского мирного соглашения. Первоначальный план Колиньи состоял в том, чтобы провести остаток зимы и до сбора урожая в Гаскони и Гиенне, в Порт-Сент. Мари в качестве его базы и перебросить тяжелую артиллерию из крепостей Беарна, с помощью которой захватить все города на Гаронне вплоть до Бордо. Мост обеспечил им контроль над двумя богатейшими провинциями Франции, поскольку они были абсолютными мастерами своего дела. Таким образом, Бордо оказался бы в их власти, поскольку морской мощи гугенотов в Блэ[1425] было достаточно, чтобы закрыть город со стороны моря. Он не мог продержаться больше трех месяцев, потому что там уже продавали кукурузу по десять ливров за мешок. Сам Бордо был богат и силен, но располагался в бесплодной местности, так что, лишенный Гаронны и Дордони, он вскоре мог быть доведен до состояния голода. Что же касается протестантской армии, то у нее все было бы хорошо. Небольшие города, такие как Либурн и Лектур, неизбежно должны были погибнуть вместе со своими запасами, и виконты полностью владели Коменжем и Луменьем, самыми плодородными графствами всей Гиенны. Здесь было множество запасов зерна, поскольку у торговцев и даже джентльменов вошло в обычай накапливать запасы на три-четыре года в ожидании урожайного года. Если бы гугеноты когда-нибудь захватили Бордо в свои лапы, они могли бы похвастаться, что у них самый лучший и укрепленный угол королевства, как на суше, так и на море, с пятью судоходными реками. Мосты через Шаранту в Сент-Энде и Коньяке были в их руках, и никто не мог пройти из Сентонжа в Бордо, где лежал Ла Нуэ, “самый доблестный человек, какой когда-либо был во Франции”. Речная система юго—запада - Шаранта, Иль, Дордонь, Лот и Гаронна — могла бы объединить весь регион в единое целое, если бы этот план был осуществлен, и из-за этих естественных барьеров протестанты могли бы бросить вызов всем армиям короля.

И все же, хотя армия Колиньи отведала бордосского вина, а его солдаты напоили своих лошадей в Гаронне, он не двинулся дальше. Он не смог увидеть, что самой насущной потребностью гугенотов было полное господство на море. Это то, что понимал Ла Нуэ, а Колиньи - нет. После потери Руана в их распоряжении был только один важный портовый город, Ла-Рошель, который из-за просчетов правительства во время второй гражданской войны позволил

протестантам создать свой собственный, от которого зависел Бруаж, слывший самой красивой и удобной гаванью во всем королевстве и главным источником соли на всем юго-западе.^[1426]

Продолжением такого курса, это правда, вероятно, должно было стать превращение юго-запада Франции в независимое государство. Такой результат, глядя на сегодняшнюю Францию, противоречит нашим чувствам. Но мы должны смотреть на вещи такими, какими они были тогда, и судить соответственно и без предубеждения. Во-первых, следует помнить, что в Беарне уже существовало ядро такого государства, на котором можно было строить; и, во-вторых, что Гиенна и Гасконь на протяжении веков были владениями другого суверена, и что их привязанности к Франции едва исполнилось столетие. В шестнадцатом веке было невозможно отделить религию от политики, и единственным решением было разделение тех, кто расходился во мнениях по вопросам религии, о чем свидетельствует разделение между протестантскими голландскими и католическими фламандскими провинциями в 1578-79 годах. Аугсбургский мирный договор заложил принцип *cujus regio, ejus religio*, и никакая другая политика не могла восторжествовать в Германии в то время. Но Франция пыталась сделать монархию, институционально и обязательно католическую, приспособленную к двум религиям, что было невозможно до тех пор, пока политика и религия, церковь и государство были едины. Даже после еще двадцати восьми лет борьбы ни испытания и опыт всех этих лет, ни гений Генриха IV так и не сделали Нантский эдикт чем-то большим, чем *modus vivendi*, который сначала оказался невыносимым для гугенотов из-за их собственных политических амбиций, и, наконец, для монархии Людовика XIV, чей девиз был столь же истинным: “Un roi, une loi, une foi”, сколь и “l'état, c'est moi”. Французская монархия по природе вещей в шестнадцатом веке не могла быть наполовину католической, наполовину протестантской, так же как Соединенные Штаты, как сказал Линкольн, не могли существовать наполовину рабовладельческими, наполовину свободными. То, что Франция потеряла бы в результате создания независимого государства на юго-западе, было бы компенсировано другими достижениями другими способами. Такое государство на юго-западе Европы было бы эффективным средством установления мира в шестнадцатом и семнадцатом веках. Это не только избавило бы их католических соседей от религиозных диссидентов в пределах их границ; это был бы шах и мат чрезмерному усилению Франции или Испании, действующих подобно Голландии и Швейцарии как буферное государство и для поддержания баланса сил. Испанских браков во Франции в следующем столетии, вероятно, никогда бы не было, с сопутствующей им чередой династических и территориальных осложнений во время правления Людовика XIV. Великому монарху, возможно, никогда бы не пришла в голову мысль о том, чтобы запугать остальную Европу, и уж точно никогда бы не смог реализовать эту идею в той степени, в какой он это сделал.

Отказавшись от своего первоначального плана в январе 1570 года, Колиньи не просто изменил ближайшее будущее Франции; возможно, он изменил ее судьбу на столетия вперед. Вместо того чтобы обеспечить мир и безопасность для гугенотов, разрубив гордиев узел и создав независимое гугенотское государство с Беарном в качестве его краеугольного камня, он перекинул решение вопроса обратно на Францию. Он мечтал о гугенотской Франции за морем. Почему бы не о такой же дома? Вместо этого Колиньи был одержим идеей, что ни король, ни его министры не будут всерьез думать о мире до тех пор, пока война может продолжаться только в отдаленных от Парижа провинциях, и поэтому, чтобы заставить короля действовать, необходимо было навязать ему войну в самом сердце королевства. Другими словами, он задумал новый план, а именно: снова перенести войну в центр Франции, двинуться на Париж и у его ворот диктовать желаемые условия.

В соответствии с этой новой политикой армия адмирала и виконтов во главе с Монтгомери двинулась вверх по Гаронне. Тулуза подвергалась осаде в течение месяца (22 января- 20 февраля 1570 г.), как мы видели, безуспешно, и страна была страшно опустошена.[1427] Нехватка провизии для людей и лошадей к концу этого времени вынудила войско двинуться в сторону Каркассона и Монреаля.[1428] Поскольку местность между Монпелье и Авиньоном почти полностью контролировалась гугенотами, Колиньи вскоре перебрался туда, откуда последовал по правому берегу Роны к Виваре и Форезу. Здесь его настигла болезнь, и он оказался в большой опасности.[1429] Какое-то время казалось несомненным, что судьба призовет Людовика Нассауского, который присоединился к нему из Оранжа, к руководству армией.[1430] Ко времени выздоровления адмирала пришло время действовать, если его план должен был быть выполнен, поскольку ситуация в отношении мира была более чем когда-либо под вопросом.

НАПАДЕНИЕ ГУГЕНОТОВ НА КАТОЛИЧЕСКУЮ ЦЕРКОВЬ

(Bib. Nat., Estampes, *Histoire de France*, Q. b)

Перспектива мира омрачалась по мере того, как начиналась зима и приготовления в обоих лагерях становились все более активными. В феврале маршал Коссе готовился изгнать гугенотов из Ла-Шарите, чтобы лишить их единственного средства сообщения через реку Луара, по которому могла быть доставлена помощь из Германии. Это место было одним из городов, которые требовались от правительства в качестве залога хорошего поведения, но корона была полна решимости не уступать именно в этом. Королева Елизавета решительно заверила короля, что она никому из своих подданных не давала указаний и лицензий на ввоз оружия или боеприпасов в Ла-Рошель, но защитила себя от возможного обнаружения

компрометирующих улик в будущем, добавив, что она “как правило, должна разрешать торговцам безразлично обращаться во Францию”.^[1431]

Пока переговоры, таким образом, тянулись весь март и апрель,^[1432] поведение рейтеров в католической армии внесло новый элемент волнения. Эти авантюристы, многие из которых были протестантами по вере, уставшие от безделья и решившие либо возобновить войну, либо получить жалованье, 17 апреля направили королю обращение, в котором на одном дыхании заявляли о своей лояльности Карлу IX и своей вере в то, что приверженцы реформатской религии борются только за свободу совести и сохранение своей жизни. Несмотря на осторожность, читаемую между строк, этот мемориал подразумевал немедленное установление мира или немедленное возобновление войны. Одновременно с этим манифестом принцы Наваррский и Конде присоединились к записке королю, в которой заявили о своей решимости никогда не сдаваться. К этим причинам недовольства следует добавить еще одну: многие в рядах гугенотской партии считали, что протестантские лидеры больше стремятся служить своим собственным целям, чем общему благу; и обвиняли их в том, что они больше заботятся о сохранении своих привилегий, чем о свободном исповедании религии.

Таким образом, ситуация продолжала оставаться напряженной в течение нескольких недель. Король отправился в Мон-Сен-Мишель в середине мая, чтобы отпраздновать там праздник Тела Христова, где, заявляя о своем желании заключить мир, Карл IX, тем не менее, обложил налогом в размере 60 000 франков ежемесячно тех, кто не носил оружия во время последнего конфликта. В то же время произошел массовый отток знати от двора, многие джентльмены, уставшие от долгой службы с оружием в руках, просили разрешения уйти в отставку. Разговоры о мире также продолжали оставаться актуальными при дворе,^[1433] хотя тайные сделки Карла IX с Монлюком, отчуждение 50 000 *экю ренты* из имущества церкви,^[1434] и тот факт, что маршал Коссе в это же время выступил из Орлеана с 2000 всадниками и 4000 французскими пехотинцами, к которому вскоре присоединились 8000 швейцарцев и 30 рот латников, опровергал это.

Монлюк уже несколько месяцев был готов уйти в отставку из-за трений с Дамвилем, но раскаялся, когда появилась перспектива того, что его преемником станет маршал-либерал Коссе, опасаясь, что с таким человеком, как Дамвиль, католическое дело на юге будет разрушено.^[1435] Он все еще цеплялся за надежду увидеть Беарн побежденным, несмотря на неудачу Террида, и в июне 1570 года такая возможность, казалось, представилась. С целью отвлечь войну от Иль-де-Франса и снова перенести ее в провинции — чем дальше, тем лучше — Карл IX предпринял новую экспедицию против Беарна. Монлюк получил это поручение.^[1436] Несмотря на свои годы, немощь и нищету правительства, у которого не было ни боеприпасов, ни лишних денег, Монлюку удалось собрать значительные силы.^[1437]

Он решил осадить маленький укрепленный городок Рабастен близ Тарба, который он выбрал в качестве пункта атаки, потому что отсюда ему было легче доставлять припасы из Гаскони, чем из Сен-Севера, который граничил с Ландами, “страной, плодородной только песками”.^[1438] Но экспедиция подошла к безвременному завершению. В неосторожный момент Монлюк обнажил себя, и “выстрел из аркебузы угодил ему в лицо” с такой силой, что разломал все его

лицо, так что скулы разлетелись в щепки. Тем не менее город был взят. Как он пострадал, можно прочесть в словах того, кто свершил его наказание.

Мой лейтенант, который держал маршта по одну руку от меня, когда я шел на штурм ... пришел посмотреть, мертв ли я, и сказал мне: “Сэр, воспрянь духом и возрадуйся, мы окружили замок, и вокруг него лежат солдаты, которые предали всех мечу; и уверь себя, что мы отомстим за твою рану”. Тогда я сказал ему: “Хвала Господу, что я вижу нашу Победу до того, как покраснею. Теперь смерть меня не волнует. Я умоляю вас вернуться обратно, и поскольку вы всегда были моим другом, то теперь окажите мне дружескую услугу, чтобы хотя бы один человек не пострадал и остался жив ”. После чего он немедленно вернулся, и все мои слуги последовали за ним, так что со мной не осталось никого, кроме двух пажей, месье де Лас, и Хирурга. Они охотно спасли бы министра и губернатора, которого звали капитан Ладон, повесив их перед моим Домом, но солдаты отобрали их у тех, кто держал их под стражей, которых они также хотели убить за попытку спасти их, и разрезали на тысячу кусков. Они также совершили пятьдесят или шестьдесят прыжков с высокой Башни в Ров, и все утонули там. Спаслись только двое, которые были спрятаны, и были такие, кто предлагал четыре тысячи крон за спасение своих жизней, но ни один из наших мужчин не согласился бы ни на какой выкуп; и большинство женщин были убиты, которые также причинили нам много вреда, бросая камни. Внутри был найден испанский купец, которого враг держал там в плену, и еще один торговец-католик, которые также были спасены; и это были все, что осталось в живых из людей, которых мы нашли в том месте, а именно двое, которых кто-то помог увести, и двое торговцев-католиков. Не думайте, вы, кто будет читать эту Книгу, что я устроил эту резню в такой степени из мести за полученную мной рану, чтобы вселить ужас в Страну, чтобы они не осмелились выступить против нашей армии. И, по моему мнению, все Воины в начале Завоевания должны действовать подобным образом, с теми, кто настолько дерзок, что соблюдает Каноны; он должен заткнуть уши всякой Капитуляции и Примирению, если он не видит больших трудностей в своем Предприятии и того, что его Враг доставил ему большие хлопоты, пробивая Брешь. И как строгость (называйте это жестокостью, если вам угодно) необходима в случае решительного противодействия, так и, с другой стороны, милосердие очень похвально и уместно, если вы видите, что они своевременно уступают вашему усмотрению.[1439]

С момента принятия командования в Ла-Рошели Ла Нуэ проявлял энергию, которая доводила противника до отчаяния. На суше и на море он стал для них ужасом. Иногда это происходило путем ареста королевских галер и приведения их в качестве призов в Ла-Рошель или Бруаж;[1440] иногда это происходило путем изгнания их, как при Рошфоре, путем рытья траншеи, которая заливала их водой по пояс; иногда это было сражением в открытом поле. Ла Нуэ превосходил Пуйгайяра по всем параметрам, несмотря на то, что у его противника были отборные войска короля. На равнине Сент. В Джемме, близ Люсона, их армии столкнулись в ожесточенном, упорном сражении. Почти все капитаны двух вражеских полков и 500 аркебузирова были убиты и еще столько же взято в плен. Блестящий капитан, наконец, победил, хотя был так тяжело ранен выстрелом из аркебузы в левую руку, что потребовалась ампутация. И все же в час своих тяжких страданий он великодушно оплакивал “смерть стольких храбрых джентльменов”. [1441]

Однако гораздо более решительными, чем это сражение, были действия Колиньи. Адмирал задержался в Монбризоне в Оверни в течение мая с целью охраны верхней Луары.^[1442] Встревоженный грозной армией под командованием маршала Коссе, Колиньи теперь решил нанести внезапный и сильный удар, чтобы сохранить Ла-Шарите. Это решение ускорило битву при Арне-ле-Дюке 15 июня 1570 года.^[1443] Результат этой победы был поразительным. Правительство капитулировало почти сразу. Весной все основные условия мира были нарушены, и менее чем через неделю после битвы Карл IX держал в своих руках статьи умиротворения, которых требовали гугеноты, в основном предусматривавшие свободное отправление религии в трех городах каждой провинции и в Шарантоне, амнистию за прошлое и возвращение должностей и поместий. Но корона категорически отказала протестантским дворянам в праве посещать суд в пределах десяти миль от Парижа или даже в их собственных покоях и предложила по два города в каждой провинции вместо трех. Когда в этом было отказано, было окончательно решено принять 1 августа 1570 года как *annus normalis* и разрешить проведение кальвинистских богослужений во всех городах, находящихся во владении гугенотов, в этот день. Двумя спорными моментами, которые все еще оставались неурегулированными, были выплата рейтеров и определение городов-поручителей. Правительство сначала предложило, чтобы выплата повторов была поровну распределена между представителями обеих религий, но в конце концов взяло это бремя на себя. Что касается городов-поручителей — самого важного пункта из всех, что касалось практической политики, — то, прежде чем было достигнуто соглашение, возникли большие трудности. Король сначала предложил уступить Ла-Рошель, Ангулем и Монтобан и обменять Перпиньян или Лансак на Ла-Шарите.^[1444] Позже "Ангулем" был отозван и заменен коньяком, к неудовольствию гугенотов, и "Ла Шарите" определенно уступила. Что касается других вопросов, а именно восстановления почестей, должностей, поместий, привилегий, равенства правосудия, амнистии, освобождения заключенных и подобного, они, конечно, были предусмотрены, и протестантским дворянам, пользующимся "высшей справедливостью", должно было быть разрешено свободно исповедовать кальвинистскую веру, включая крещение в своих домах, для своих семей и всех других лиц, находящихся на их иждивении,^[1445] свидетельство того, что с феодальным элементом в партии гугенотов считались больше, чем с буржуазией.^[1446]

Папский нунций, понимая, что гугеноты потребовали отправления своей религии в графствах Верре и Авиньон, принадлежащих папе, заявил, что мир не может быть заключен с теми, кто находится вне церкви.^[1447] В то же время испанский посол, будучи проинформирован о том, что частью программы гугенотов было обеспечение возвращения Вильгельма Оранского и его брата Людовика Нассауского в их французские владения, также горячо протестовал против заключения мира. Испания предложила Франции прямую помощь людьми и деньгами, а город Париж и духовенство предложили продолжать войну за свой счет еще восемь месяцев. Но эти протесты оказались безрезультатными. Рот испанского посла был заткнут ответом о том, что французский король имеет такое же право заключить мирный договор со своими подданными, как Филипп Испанский должен был заключить условия с морисками,^[1448] и поэтому, хотя испанский посол опасался французской и немецкой протестантской помощи, оказываемой Оранскому, и опасался нападения на Франш-Конте, он был вынужден довольствоваться обещанием Франции, что никакая враждебность по отношению к Испании не предполагалась и не будет допущена во Франции.

Сен-Жерменский мир был самой широкой и существенной совокупностью привилегий, которые когда-либо были предоставлены французским протестантам. Опережив Нантский эдикт на

двадцать восемь лет, он мог бы стать таким же великим и постоянным орудием, как и последний, если бы честолубие Гизов и вмешательство Испании во французские дела не погубили его. Сама Франция, правительство и народ, устали от десятилетней борьбы и были настроены на мир. Экономические интересы страны были связаны с желанием мира. Только фанатики религии и те, кто пытался ловить рыбу в мутной воде, отвергли условия Сен-Жермена и стремились продолжить борьбу. Это правда, что взаимные подозрения все еще преобладали. Некоторые из гугенотов ожидали новых вторжений, разрушающих мир, и того, что король стремился разоружить протестантов только для того, чтобы позже сокрушить их. Но время, по всей вероятности, смягчило это чувство. Религия, если не преувеличивать ее искусственно, перестала быть главной проблемой Франции к 1570 году. Настоящей проблемой была Испания. Ибо все партии во Франции начали раздражаться из—за власти, приобретенной иностранными военными влияниями, особенно Филиппом - чувством, которому в конечном итоге было суждено объединить страну на основе национального патриотизма и придать смелости Генриху Наваррскому изгнать испанца и установить трон Бурбонов на подлинно национальной основе.

Инцидент, произошедший при дворе в середине июля, когда рассматривались условия мира, иллюстрирует эту почти всеобщую ненависть к Испании. Однажды испанский посол вошел в покои короля для аудиенции. Вскоре после этого вошел маршал Таванн, который был несколько глуховат и привык говорить громким голосом. Заметив посла, он хрипло заметил голосом, таким громким, что его слышала Алава:

Этим испанцам было бы лучше управлять своими собственными членами, а не вмешиваться, пытаясь управлять странами других людей. Ибо я хорошо знаю, что у испанцев нет иного желания, кроме как разжигать гражданские войны, чтобы ослабить как одну, так и другую сторону и самим стать сильнее обеих. Что касается меня, то я предпочел бы увидеть сотню белых накидок [костюм гугенотов], чем один красный крест [эмблему, которую носили испанцы]; потому что, в конце концов, первые - наши братья и родня, в то время как вторые - естественные враги нашей страны.[1449]

Это было подходящее время для проведения Францией антииспанской политики, и вскоре было предсказано, что она последует именно такому курсу.[1450] Помимо поражения Гизов из-за заключения мира, условия, которое особенно не понравилось кардиналу Лотарингии, герцог де Гиз также был в опале. Ибо было обнаружено, что он пытался жениться на мадам Маргарите, сестре короля, а сама дама, для которой брак с португальцем рассматривался как удар по Испании, по слухам, предпочла остаться во Франции, чем “есть инжир в Португалии”. Гиз, когда стало известно, что он обратил внимание на принцессу, поспешно попытался отвести от себя подозрения, женившись на принцессе Порсьенской. Но этот эпизод подорвал влияние Личин и выдвинул Монморанси вперед как человека часа.[1451]

При новом режиме правительство приступило к выполнению условий перемирия, соблюдение которых в основном зависело от честного поведения четырех маршалов.[1452] К концу сентября лагеря были полностью разбиты, и рейтеры либо закончили, либо находились на пути через границу.[1453] Безусловно, радикальные протестанты продолжали жаловаться на нарушения указа.[1454] Но единственное серьезное нарушение указа заключалось в пятнадцатой статье, предусматривающей, что все ученые, больные и бедные, должны приниматься в университетах, школах и больницах без различия вероисповедания. Католическая партия в надежде ограничить развитие конкурирующей религии вскоре убедила короля отменить это положение.

В соответствии с петицией, в которой молились о том, чтобы корона запретила кому-либо из представителей реформатской религии занимать какие-либо руководящие должности в Парижском университете, а также о том, чтобы университетские власти имели право искать и изымать все еретические книги, Карл IX 8 октября 1570 года издал прокламацию, запрещающую любому кальвинисту занимать какие-либо должности или преподавать в Парижском университете и предоставляющую его властям право искать еретические книги.[1455] 20 ноября за этим последовал более радикальный указ, запрещающий любым лицам содержать школы или занимать должности в любом колледже, или читать лекции по любому искусству или науке публично или в частном порядке, если это не признано и не одобрено римской церковью.[1456] Тем не менее, эти петиции с жалобами на нарушения указа были скорее дымом, чем огнем. Единственным внутренним вопросом, имевшим большое значение, был экономический.

Помимо разрушительности войны, природа снова в этом году не обошлась с Францией. По всей Европе прошли сильные дожди, которые либо погубили зерно на полях, либо вымыли его . Сильное наводнение Сены произошло 2 июня 1570 года, и чума снова начала становиться все более опасной.[1457] В требовании созыва нового собрания сословий для рассмотрения экономического кризиса Франции были определенные основания, но король поступил мудро, отказав в просьбе, поскольку в случае его проведения враги Испании наверняка попытались бы снова раздуть пепел гражданской войны. В качестве утешения тем, кто требовал экономической помощи, Карл IX пообещал упразднить различные ненужные должности и обложить налогом дворян вместо общин для погашения своих долгов, которые составили 37 000 000 франков. Серьезность этого намерения проявляется в постановлении, обязывающем приходских старост вести бухгалтерию и составлять декларации о доходах своих церквей и направлять эту информацию королевским судебным приставам. Каждый приход был вынужден подчиняться этому указу, который действительно был в новинку. Но приходские власти воспользовались ситуацией и не только отчитались о своих доходах, но и представили королю подробный отчет о разорении, которое они претерпели от рук гугенотов. Судебные приставы получили эти декларации и направили их в Тайный совет короля, где доказательства были рассмотрены и с каждой церкви были взиманы соответствующие налоги. Церкви, сожженные протестантами, облагались небольшим налогом, а тем, которые были признаны неспособными к уплате, разрешалось продавать свое имущество, сосуды, драгоценности или земли или иным образом облагать налогом приход.[1458]

Но бережливая буржуазия Франции была слишком прибыльным источником дохода для короля, чтобы сдержать свое обещание не облагать их большими налогами. В марте 1571 года был издан указ, предусматривающий, что рулоны шерстяной ткани должны быть запечатаны свинцовой печатью перед продажей и что каждый рулон должен облагаться налогом в размере 3 франков 4 денье. Новое самозванство, которое было очень непопулярно, приписывали итальянскому влиянию при дворе.[1459]

ГЛАВА XV

РЕЗНЯ СВЯТОГО ВАРФОЛОМЕЯ

Доминирующая политика Франции в 1570-72 годах была внешней, а не внутренней, и имела отношение к Испании. Тяжелые тучи нависли над испанскими владениями, несмотря на подавление морисков, и Филиппу II предстояла мрачная перспектива. Только на востоке было светло. Великая победа при Лепанто над турками, одержанная 7 октября 1571 года, хотя и принесла общую пользу христианскому миру, была величайшей выгодой для Испании.

Именно на этом этапе герцог Анжуйский, брат короля, становится заметной политической фигурой, действительно имеющей международное значение. Чтобы подтвердить уверенность гугенотов, но особенно укрепить Францию против испанского превосходства, снова была выдвинута идея женитьбы Анжу на королеве Елизавете.^[1460] В то же время был обсужден план женитьбы юного Генриха Наваррского на сестре герцога Вюртембергского. Но Монморанси снова вышел на первый план и возродил предложенный в 1569 году план женитьбы принцессы Маргариты, младшей сестры Карла IX, на Генрихе Наваррском. Колиньи от имени гугенотов, Уолсингем и Норрис от имени Англии настаивали на двойном плане.^[1461] Заговор Ридольфи доказал Елизавете, что у Англии, как и у Франции, был ее злейший враг в Испании.

РЕЗНЯ СВЯТОГО ВАРФОЛОМЕЯ

С картины Франсуа Дюбуа из Амьена († 1584, Женева). Оригинал, хранящийся в музее Урло в Лозанне, имеет размеры 3½ × 5 футов.

В середине картины Колиньи выбрасывают из окна, под которым стоят герцоги Гиз и Омаль и бастард Ангулемский. Телиньи, зять адмирала, пытается сбежать через крышу. На заднем плане виден Лувр, в дверях которого стоит Пиллес. Тела Брикмо и Каваньи подвешены на виселице на улице. На вершине холма в правой части картины видна виселица Монфокона. На левом берегу

Сены несколько гугенотов спасаются бегством через Несльские ворота — Монтгомери - это человек верхом за воротами. Ветряная мельница стоит на горе Сент-Женевьев.

Ужас Гизов и Испании, узнавших об этом проекте двойного брака, был велик. Гизы стремились разорвать предполагаемый брак Анжу и королевы Елизаветы, предложив ему Марию Стюарт, а Генриху Наваррскому - сестру короля, предложив кардинала д'Эсте в качестве предполагаемого мужа, поскольку все ожидали, что он станет преемником своего брата, герцога Феррарского, у которого не было потомства. С этой целью было использовано тосканское влияние. Испания и папство, со своей стороны, поставили перед герцогом Анжуйским пост командующего флотом, готовящимся к выступлению против турок.^[1462] Пропасть между Францией и Испанией, однако, была слишком велика, чтобы ее можно было преодолеть с помощью такого предложения. Разочаровавшись в Байонне, Екатерина мечтала о старшей дочери Габсбургов в качестве будущей жены Карла IX. Такой брак показался ей практичным способом натравить один дом Габсбургов на другой, хотя она правдоподобно представляла его как новые узы, которые свяжут Францию и Габсбургов в большей дружбе.^[1463]

Встречные претензии Франции и Австрии на Три епископства и возобновление Францией ее прежних отношений с Турцией затормозили эти переговоры.^[1464] Однако самым большим препятствием было противодействие Филиппа II. Именно с целью расстроить планы Франции Филипп II перевел своего посла во Франции Шантонне из Парижа в Вену.^[1465] В Байонне королева-мать тщетно использовала все свое влияние, чтобы убедить испанский двор взять на себя обязательства. Когда Фуркво сменил Сен-Сюльписа в Мадриде, он, в свою очередь, продолжал настаивать на том, чтобы Карл IX женился на принцессе Анне; чтобы Маргарита Валуа вышла замуж за дона Карлоса, а Генрих Анжуйский - за инфанту Хуану, сестру Филиппа. Но Филипп II все еще колебался между Марией Стюарт и Анной Австрийской и предложил младшую дочь Максимилиана в качестве потенциальной супруги Карлу IX.^[1466] Таким образом, вопросы оставались неопределенными в течение многих лет. Брак Марии Стюарт с Дарнли в 1565 году и смерть Дона Карлоса в июле 1568 года пробудили надежды Екатерины. Но они были разбиты вдребезги после смерти Елизаветы Валуа, 3 октября 1568 года, когда сам Филипп II стал претендентом на руку Анны Австрийской. Французская и испанская дипломатия после этого строили заговоры и встречные заговоры, пока в 1570 году французскому королю не пришлось пережить огорчение, увидев, что его ожидаемая королева стала четвертой невестой Филиппа Испанского, и самому довольствоваться младшей сестрой, чьи физические прелести^[1467] не компенсировали ущерб, нанесенный его гордости.^[1468]

Но Филипп получил еще одно преимущество перед французским королем, о котором последний так и не узнал. Герцогство Лотарингия было феодальным владением империи и оставалось таковым еще со времен средневековья. Положение герцога Лотарингии, расположенного в полутени между Францией и Германией, стало сложным, и он был вассалом Франции в пограничном герцогстве Бар. В знак своего дружеского отношения к императору Карл IX во время своей женитьбы согласился освободить герцога Лотарингского от присяги Франции. Этот отказ вызвал патриотическое возмущение хранителя печати Морвилье, который подал в отставку со своего поста, заявив, что он не будет агентом по отделению от короны Франции ни

одного княжества, обязанного ей верностью. К несчастью для будущего, король назначил на этот пост тайного сторонника Испании. Это был Бирагес, миланец по происхождению, чьему зловещему влиянию суждено было сыграть немалую роль в будущем.[1469]

Как и следовало ожидать, зима и весна 1571-72 годов были наполнены перекрестными переговорами огромной важности. Самым большим страхом католиков-испанцев было то, что между Францией, Англией и Голландией и, возможно, протестантскими немецкими государствами не будет заключен положительный союз для освобождения Нидерландов, который должен был иметь большую обязательную силу благодаря двойному браку герцога Анжуйского, королевы Елизаветы и Генриха Бурбонских с Маргаритой Французской.[1470] Испания, чтобы доказать, что Франция выдвинула последнее требование к Карлу IX: а именно, чтобы он насильственно подавил деятельность принца Оранского во Франции; чтобы Испании было разрешено привлекать католиков во Франции для службы в Нидерландах; чтобы Франция сдерживала приготовления гугенотов, особенно Ла-Рошели, к оказанию помощи голландцам на море; чтобы Франция отказалась от своего союза с Турцией и присоединилась к Священной лиге против Османской империи; и, наконец, чтобы Карл IX отказался от проекта выдать свою сестру замуж за принца Наваррского. Ответы Карла IX были очень расплывчатыми. На первое из этих требований он ответил, что его страна слишком истощена последними войнами, чтобы браться за оружие по какой-либо причине; на второе он сказал, что если он разрешит вводить католические призывы во Франции, гугеноты не поверят, что они предназначены для службы за границей, но снова возьмутся за оружие; что касается приготовлений в Ла-Рошели, то остается выяснить, не была ли их цель меркантильной, а не военной.[1471]

Отношение различных партий Франции к политике короны в Испании было своеобразным. Гугеноты и умеренные католики, конечно, с величайшим рвением настаивали на браке брата короля с королевой Елизаветой. Но даже убежденные католики, такие как Таванн, какими бы странными они ни казались, настаивали на браке, с изобретательностью Макиавелли рассчитывая, что король, навлекая на себя еще большую вражду Испании, будет вынужден воспользоваться их услугами, и таким образом, в конце концов, дело католицизма во Франции будет продвинуто.[1472] Королева-мать с характерной осторожностью заявляла о большом желании вступить в брак, но настаивала на том, что это не может быть предпринято без ущерба для чести короля. Тем временем Монморанси настаивал на этом изо всех сил, поочередно убеждая Екатерину Медичи и лорда Берли в усердной переписке.[1473]

То, насколько чисто политическим вопросом религия стала к этому времени в Европе, почти цинично проявляется на конференциях сторонников франко-английского матча с целью преодоления религиозных разногласий, представленных руководителями предполагаемого матча. С самого начала переговоров было очевидно, что Франция должна будет пойти на любой компромисс в религии. Несоответствие возраста и религии, а также политические сложности были велики. Пожалуй, труднее всего оценить влияние колебаний Елизаветы. Екатерина Медичи, в целом, похоже, стремилась к этому браку. Переговоры были настолько затяжными и запутанными, что герцог Анжуйский со смешанным чувством предубеждения и отчаяния заявил, что “все это было всего лишь игрой”. [1474] герцогу было подчеркнуто, что не предпринимается никаких попыток осуществить его внезапное обращение в англиканскую религию, но что ему следует отказаться от использования частной мессы и “изучить, не может

ли он с благоговением использовать формы молитв, установленные по всему ее королевству, которые фактически являются ничем иным, как теми, которые использует Римская церковь, за исключением того, что они на английском языке”. язык, который, если бы он пожелал, мог быть переведен на французский; и далее, что обычай богослужения в Англии должным образом не заставлял ни одного человека менять свое мнение по важным вопросам, которые сейчас вызывают споры в церкви”.[1475] На это было отвечено, что “религия - это постоянное убеждение, подтвержденное временем” и что “уступка в религии, будучи вопросом совести, была неудобством более серьезным, чем любое, что могло случиться с королевой”.[1476] Некоторое время Анжу, хотя после Сен—Жерменского эдикта он решительно протестовал против того, чтобы нигде на его территориях не разрешалось проповедовать, — что король даровал, - колебался между политикой и совестью. Однажды, находясь в гостях у мадам Карневале, жены своего гувернера, он сказал с притворной веселостью: “Карневале, мы с тобой когда-то были гугенотами, а теперь снова стали добрыми католиками”. “Да, - сказала она, - мы были такими, и если ты будешь продолжать в том же духе, о котором знаешь, то снова станешь гугенотом”.[1477]

Испания сделала все возможное, чтобы сорвать переговоры. Ее посол в присутствии королевского совета выступил против этого плана, утверждая, что королевство Франция находится на грани краха, но он был осторожен и не ссылаясь ни на какие основания, кроме религиозных.[1478] Наконец контрприемы Гизов и испанского посла, частично апеллирующие к религиозной щепетильности, а частично с помощью щедрых обещаний, преодолели колебания Анжу, и он наотрез отказался рассматривать вопрос о браке.[1479] Король был в ярости. “Брат, - сказал он, - тебе следовало быть со мной немного откровеннее в этом вопросе и не оставлять меня заходить так далеко, чтобы оскорблять принца, которого я так высоко ценю. Вы утверждаете, что причиной является совесть, но я знаю, что это поздняя пенсия, предложенная вам духовенством, которое хотело бы, чтобы вы все еще оставались здесь как защитник католической веры. Говорю вам прямо, у меня здесь не будет другого защитника, кроме меня, и, видя, что у вас есть такое желание остаться здесь по таким соображениям, мне подобает более внимательно присмотреться к вам; а что касается духовенства, то, видя, что у них такой большой избыток, а у меня такая большая нужда, поскольку бенефиции в моем распоряжении, я приму новый сан; а что касается тех, кто сделает предложение, я укорочу некоторых из них на голову”.[1480]

Тем не менее, несмотря на то, что дело было проиграно, дело затянулось настолько надолго, что сами участники переговоров усмотрели в этом юмор. Елизавета возразила, что “сама по себе она не имела к этому никакого отношения, однако постоянные призывы к ней ее Тайного совета, необходимость времени и любовь ее подданных заставили ее подумать о браке”, в то время как герцог Анжуйский подтвердил свою веру в свое будущее проклятие, если он уступит чему-либо в вопросе религии. Английский посланник Смит торжественно заявил, что “самым почетным было бы порвать с религиозными вопросами” как для его любовницы, так и для герцога, и в то же время спросил, будет ли достаточно, если герцогу на некоторое время разрешат отслужить мессу при закрытых дверях в какой-нибудь маленькой молельне или часовне — чтобы не было скандала ни с кем из подданных королевы. Королева-мать ответила, что герцог должен открыто исповедовать свою религию, чтобы не показалось, что он стыдится этого, и что в последнее время он стал таким набожным, что слушал по две-три мессы в день, а Великий пост и

всенощные бдения соблюдал так тщательно, “что стал худым и зловещего цвета”, так что она рассердилась на него и сказала, что “предпочла бы, чтобы он был гугенотом, чем быть таким глупо аккуратным, чтобы навредить своему здоровью”. Она сказала английскому послу, что он не удовлетворился бы проведением мессы в углу, но настоял на “большой мессе и всех ее церемониях в соответствии со временем и в песнопениях по всем торжественным обычаям римской церкви, а также в церкви или приделе, где он мог бы открыто принимать своих священников и певчих и использовать все их церемонии”.

“ Но, мадам, ” воскликнул Смит, “ тогда он может потребовать также четыре монашеских ордена, монашество, каноны, паломничество, помилование, масло и сливки, реликвии и тому подобную ерунду. Королева Англии никогда не согласится ни на какую мессу, не говоря уже о большой торжественной мессе, со всеми церемониями Рима в зависимости от времени года, со священником, диаконом, иподиаконом, чашей, алтарем, колоколами, подсвечниками, патеном, певчими, ”четверо нищих и наша милость дьяволов"" — над этой тирадой рассмеялись все, кроме Анжу.[1481]

Именно в этот момент герцог Алансонский выходит вперед, на свет вокруг трона. Поскольку герцог Анжуйский был “настолько необычайно, по-папистски суеверен”[1482] обе стороны повернулись к нему, несмотря на абсурдное несоответствие между его возрастом и возрастом королевы Елизаветы. Даже отважная скромница Елизаветы покраснела при мысли о таком браке,[1483] и возражение о неравенстве в возрасте между ними было подкреплено сдержанными выражениями отвращения из-за уродства, которое молодой герцог перенес от оспы.[1484]

Давление гугенотов горячо поддержало предполагаемый брак между королевой Елизаветой и герцогом Алансонским, поскольку герцог был таким же простым в религии, как и его брат - натуралом.[1485] Адмирал Колиньи призвал к этому лорда Берли, указав, что это укрепит Блуа,[1486] в то время как другие настаивали на том, что Англия получит практическое преимущество от факт, что Алансон был так же богат землями, как и его брат, и что герцогство Алансон примыкало к Нормандии, где вся знать была предана герцогу и надеялась с помощью его средств восстановить их древние привилегии и свободы, и что тогда Англия могла бы сделать из Нормандии “оплот и оборону” для своей собственной защиты.[1487]

Эту историю трудно воспринимать всерьез, потому что каждый из актеров ощущал ее пустоту и нереальность. Создается впечатление, что это был гигантский пузырь, созданный английскими и французскими государственными советниками, чтобы позабавить и занять друг друга своим блеском и колеблющейся нестабильностью. И все же величайшие государственные деятели Англии были доведены почти до безумия своими попытками удержать это в воздухе. Сначала это дипломатическое дело приобретает почти фарсовый комедийный характер, затем оно превращается в трагедию. Это игра в шахматы, в которой игроками являются серьезные и преподобные государственные деятели, а фигурами - королевы и принцы, с тем отличием, что фигуры всегда могут двигаться сами по себе и создавать неожиданные комбинации. Тем не менее, при всей своей пустоте, эта история заслуживает внимания, поскольку до тех пор, пока она длилась, она привлекала внимание заинтересованных лиц, и она самым замечательным образом иллюстрирует извилистые методы дипломатии Елизаветы и Екатерины.

Когда начались переговоры, Элизабет было уже тридцать восемь лет, и она обладала огромным опытом в продвижении браков, а затем и в расторжении их. Будучи застенчивой девушкой, она

всегда могла сослаться на свое отвращение к браку, а как глава протестантской нации, религия была еще одним убежищем, когда встревоженные или разгневанные поклонники прижимали ее слишком близко. Она одурачила Филиппа и заставила бедного австрийского эрцгерцога играть перед ней. Чего мог ожидать рябой Франсуа д'Алансонец, кроме катастрофы? И все же именно он был ближе всех к тому, чтобы привести ее в состояние супружеской стабильности.

Две черты характера Кэтрин, которые кажутся особенно заметными в этой истории о любви и лжи, - это ее жажда власти для самой себя и естественное стремление матери к своим детям.

Внешность Алансона - единственное, что в нем всерьез обсуждается. Он родился в 1555 году и, следовательно, был на двадцать два года моложе Елизаветы. Это было, конечно, серьезное возражение, или, по крайней мере, такое, на которое всегда можно было настоять. Его возраст является официальным и публичным возражением, но его лицо и рост произвели на Элизабет гораздо большее впечатление.^[1488] Относительно его характера у нас есть свидетельства английского и венецианского послов. Смит в январе 1572 года называет его “хорошим парнем и похотливым принцем” и говорит, что “он не такой упрямый, папистский и норовистый, как мул, как его брат”. Дейл в причудливом письме в хэтфилдской рукописи говорит о нем: “Что касается его поведения, то он самый умеренный при дворе; никогда не присутствовал ни при каких распущенных поступках своих братьев, ни здесь, ни в Рошели; пользуется большим авторитетом, и именно у них в религии; таким он был и остается до сих пор; что же касается его поведения, то он самый умеренный при дворе. может быть, впоследствии, Бог знает”. В целом английские послы благоволили к нему, меньше всего к Уолсингему. Очевидно, он не был неприятным человеком, а молодым и неопытным юношей, жаждавшим свершить великие дела, возмущенным обращением с ним при дворе и поэтому окунувшимся в поток событий только для того, чтобы быть обманутым и разоренным превосходной хитростью своих предполагаемых друзей. Его недостатки могут быть оправданы его окружением и воспитанием; его даже могут похвалить за то, что он более мужественный и значительный, чем женоподобный Генри.

Мотивы Алансона в попытке завоевать Элизабет очевидны. Его положение во Франции было для него самым неприятным: братья подозревали его, придворные высмеивали и донимали его личинами и “миньонами”; он был обречен на подчиненную жизнь и праздность из-за случайности своего рождения, и перспектива получить руку английской королевы казалась ему самой радужной, даже хотя она была еретичкой и более чем на двадцать лет старше его. Но почему Екатерина и Елизавета вообще должны были рассматривать такое по сути абсурдное предложение?

Елизавета оказалась лицом к лицу с несколькими проблемами, внешними и внутренними, от решения которых зависели ее трон и само ее существование. Оглядываясь назад на ее долгое и блистательное правление, трудно вспомнить, что в нем едва ли был хоть один момент, когда она была свободна от опасности свержения и казни. Эта опасность в то время как раз проявилась в заговоре Ридольфи, в котором объединились герцог Норфолк, величайшие аристократы Англии, Испании, Мария Стюарт и папа Римский. Естественно, католическая знать сплотилась вокруг Марии, вероятной наследницы престола, в то время как протестанты были в растерянности, не зная, что делать в связи с нерешенностью вопроса о престолонаследии. Волнение было настолько велико, что Елизавета всегда колебалась созывать парламент, опасаясь, что он попытается подтолкнуть ее к браку. Переговоры с Францией, не говоря уже о браке, значительно облегчили бы ситуацию. Их можно было бы использовать перед

парламентом, чтобы показать, что Елизавета делает все возможное; надежды на стабильное наследование престола сразу успокоили бы страну и приуменьшили бы значение Марии как центра заговора и как источника опасности в других отношениях. Конечно, этот возможный брак мог бы побудить католиков к возобновлению усилий по спасению своей веры, но тот факт, что Франция была католической и что от нее могла исходить большая часть их помощи, предотвратил бы беспорядки. Переговоры могли бы привести к большинству из этих результатов и в любом случае выиграли бы время и отложили бы решение трудностей.

Второй проблемой, стоявшей перед Елизаветой, было сохранение протестантской веры. Поскольку это касается переговоров, это в основном предлог, но, тем не менее, реальная проблема существовала. Переговоры о браке с принцем-католиком могли бы побудить католиков к возобновлению деятельности и вселить надежды, которые, возможно, было бы трудно развеять, но, с другой стороны, Елизавета могла надеяться на избавление от гугенотского движения во Франции и мятежных голландцев, в то время как союз с принцем-католиком чрезвычайно укрепил бы ее в ее собственном промежуточном положении. Позволить ему принести мессу с собой могло вызвать проблемы, но все же один принц мало что мог сделать, когда королева и совет внимательно наблюдали за ним.

Шотландия была еще одним источником постоянного беспокойства для английского министерства. Правительство было выбито из колеи, и власть, вероятно, могла в любой момент перейти в руки тех, кто хотел передать ее Франции. Конечно, эта опасность была бы полностью устранена французским браком, хотя, как показали события, переговоры не остановили интриги. Похожая точка атаки существовала в Ирландии, где малейшее поощрение наверняка привело бы к восстанию. Брак во Франции также сделал бы опасность в этой части менее вероятной.

Но, возможно, самый большой источник опасности исходил из Испании. Было бесчисленное множество причин, по которым Филипп должен был объявить войну — религия, захват его сокровищ морями елизаветинской эпохи, обращение с Марией (хотя поначалу это его не очень беспокоило) и испанские репрессии в Нидерландах. Английские переговоры с Францией были бы полезны для Англии хотя бы для того, чтобы держать Францию и Испанию порознь. Более того, была надежда, что, как только Англия и Франция объединятся, эта комбинация сможет сдерживать Филиппа в его отношениях с Нидерландами и английскими католиками, а также в жестокостях, которым подвергались англичане в Испании.

Но были серьезные возражения против брака. Это внесло бы новый и неизвестный элемент в английские советы. Предположим, что король, как католик, примкнет к этой партии или, что еще хуже, вступит в союз с самой Марией, замышляя смерть Елизаветы и реставрацию католицизма. Или предположим, что он станет королем Франции? или что его ребенок станет наследником обоих тронов? Мысль о том, чтобы попасть в зависимость от Франции, была невыносима для Англии. В любом случае это означало бы разрыв с Испанией, и как Англия могла быть уверена, что Франция просто не подталкивает ее к этому, чтобы в конце концов оставить ее сражаться с Испанией в одиночку? Очевидно, что брак был слишком тесным и опасным союзом — что касается переговоров, то это был другой вопрос, и Елизавета вступила в них просто ради самих переговоров. Я думаю, это доказывается всей ее политикой. Всякий раз, когда Франция проявляет наибольшую готовность, она отстраняется; но когда кажется, что Франция готова отказаться от таких бесплодных попыток, она сразу становится приветливой и

уступчивой. Иногда ее министры призывали ее к определенным действиям, но ей всегда удавалось найти лазейку, если либо они, либо обстоятельства вынуждали ее к слишком опасному соглашению.

Франция, с другой стороны, не могла довольствоваться простыми переговорами. У нее тоже было несколько определенных проблем. Раздираемая гражданской войной, с чрезвычайно могущественными баронами с одной стороны и шумным народом с другой, в то время как за пределами королевства стояли Испания и Англия, которые были только рады способствовать ее трудностям, корона вела борьбу за существование, столь же реальную, как и Елизавета. Присоединение к Испании означало бы для Франции утратить свое целостное существование и быть поглощенной Габсбургами. Поэтому союз с Англией был единственным убежищем. Кроме того, было много других преимуществ. Это остановило бы вмешательство Англии во французские дела и успокоило бы гугенотов. Но была загвоздка: нужно ли было успокаивать гугенотов? Может ли Франция без опаски посвятить себя либеральной политике? Для Екатерины дело было не столько в этом, сколько в вопросе ее собственного авторитета и личных амбиций по отношению к своей семье; она не собиралась уступать место гугенотам так же, как и гизам. И поэтому она колебалась, когда Гизы становились слишком могущественными, и способствовала браку; когда гугеноты стали слишком авторитетными, она отнеслась к этому неодобрительно.

Для гугенотов брак был вопросом огромной выгоды — если бы он был заключен, кальвинисты могли надеяться не только на успех во Франции, но и в Нидерландах; в то время как для Гизов, напротив, союз означал крушение их надежд на Марию и на абсолютное господство во Франции.

Но для всех риск был велик. Елизавета отнюдь не прочно сидела на своем троне и, казалось, проявляла безрассудную беспечность в снисходительном обращении с покойными заговорщиками. Английские послы отметили, что любая “мягкость” в обращении внутри страны немедленно вызывала ускорение переговоров. Настоящим возражением, как со стороны Франции, так и со стороны Англии, было опасение двуличия. Ни один из них не мог доверять другому. Каждый настаивал, чтобы другой взял на себя обязательства первым; ни один из них не соглашался, в результате чего все сошло на нет. Это было именно то, чего ожидал Филипп. Естественно, франко-английский союз серьезно помешал бы ему, но долгим и испытательным опытом он убедился, что, когда Елизавета говорила о браке, она всего лишь забавлялась вежливой выдумкой. Ни разу он не отнесся к этому вопросу серьезно. Таким образом, позиция Испании была безразличной, что само по себе усиливало страх как Елизаветы, так и Екатерины, поскольку каждая предполагала какое-то тайное соглашение с Испанией со стороны другой.

С такими мотивами и в таких беспокойных водах переговоры продолжались. В конце концов, Елизавета не смогла “переварить неудобства” предлагаемого брака, и, не сумев укрепить новую дружбу Франции и Англии этой формой союза, было предложено заключить между двумя державами политический договор, а не брачный союз.^[1489] Но на пути реализации этого проекта возникли большие трудности. Ибо, хотя англичане желали более тесного союза с Францией, они, тем не менее, были готовы к переговорам с Испанией и к использованию предполагаемого союза с Францией с целью склонения Филиппа II к соглашению. Англия пока не желала, чтобы ее считали открытым врагом Испании, несмотря на то, что она была хорошо

осведомлена о заговоре Алвы с лордом Сетоном и другими шотландскими и английскими беженцами во Фландрии.[1490]

Торговые соображения оказали большое влияние на такое отношение. Англия не могла позволить себе отказаться от своих торговых отношений с Испанией и Фландрией ради не слишком надежной дружбы Франции, поскольку основные продукты питания во Фландрии стоили от двух до трех миллионов.[1491] Франция не могла предложить Англии никаких основных продуктов или преимуществ в отношении портов, сравнимых с теми, которыми Англия пользовалась в других странах.[1492] Англия соответственно предложила расширить лигу, включив в нее протестантских князей Германии, и чтобы они объединились “для защиты от любого, кто по религиозным соображениям применит силу против любого из них”; во-вторых, чтобы Франция обязалась не поддерживать дело Марии Стюарт в Шотландии; и в-третьих, чтобы Франция не стремилась к каким-либо большим торговым преимуществам в Нидерландах, чем она имела в прежние времена. Франция воспротивилась предложенному распространению альянса на Германию, и он был отменен; что касается Шотландии, то она была готова частично пожертвовать честью ради политической выгоды.[1493]

Но страх Англии внести свой вклад в усиление Франции был слишком велик, чтобы позволить ей иметь полную свободу действий в Нидерландах,[1494] хотя Уолсингем предложил способ предотвратить возможность французского господства там и заявил, что величия Франции за границей Англии следует опасаться меньше, чем продолжения гражданской войны во Франции или разрушительной политики Альвы в Нидерландах.[1495] Берли был так же осторожен, как и его любовница. “Если морские порты попадут в руки французов, - писал он, - они будут регулировать не только торговлю наших купцов за границей, но и суверенитет Канала, который принадлежит нам”.[1496] TheРевнивая решимость Англии монополизировать торговлю в Нидерландах была самым большим препятствием для формирования альянса. Ибо Англия больше всего опасалась, что Франция не удовлетворится Фландрией и Артуа.[1497]

В деликатных государственных делах, которые обременяли его в это время года, Карл IX проявил больше проницательности, чем ожидали найти ни его новообетенные друзья протестантской веры, ни католики, потому что, прилагая усилия для поддержания мира с Испанией, с одной стороны, с другой, он пытался примирить своих протестантских подданных. В отличие от своего старшего брата Франциска II, Карл IX был крепкого физического сложения, ширококостный и энергичный, пока фатальная порча его наследия и излишества не подорвали его конституцию[1498] и вызвали болезнь чахотки, от которой он умер. Он был грубым, даже звериным по натуре, обожал низменные физические виды спорта и не питал склонности к книгам.[1499] Но в нынешней политике Карл IX мало проявил опрометчивости своей физической натуры.[1500] Тем не менее король пошел дальше, чем позволяла осторожность, в отношениях со своими новообетенными друзьями. Он бы обезоружил подозрения Испании и Личин[1501] по крайней мере, до некоторой степени, если бы сблизился с герцогом Монморанси, чей умеренный католицизм, каким бы неподкупным он ни был, не был ненавистной ересью французских протестантов. Но вместо того, чтобы сделать это, король, неспособный так же сильно лицемерить, как его мать, открыто выразил огромное восхищение адмиралом Колиньи, более решительного врага, чем у Гизов и Испании, у которого не было. Адмирал был принят в Париже по прибытии туда в начале сентября 1571 года с выдающимися почестями.[1502] Его популярность у короля была одновременно угрозой и вызовом Филиппу II и Гизам.[1503] Дополнительная трудность, возникшая в результате такой политики, заключалась

в том, что Екатерина Медичи, видя, что ее сын так хорошо относится к адмиралу, стала ревновать к влиянию последнего, чтобы оно не вытеснило ее собственное, и плела интриги против него.

Несмотря на провал брачного союза, у Франции все еще оставались две нити к луку Улисса, который она натягивала против Испании, — поддержка голландцев и объединение Франции посредством брака Генриха Наваррского и принцессы Маргариты. Подозрения Испании в том, что военно-морские приготовления гугенотов в Ла-Рошели были в пользу голландцев^[1504] не были основаны на беспочвенных подозрениях. Собственный брат Вильгельма Оранского, Людовик Нассауский, остался во Франции после Сен-Жерменского мира, призывая к союзу между Францией и Англией против Испании,^[1505] или же французская интервенция в Нидерландах.^[1506] Граф Нассауский расширил обширные планы испанского монарха и показал, насколько зловещими они были для Франции, а также для Голландии, искусно намекая на мир в Като-Камбрези, “мир, позорный для Франции”; он подробно остановился на тирании Альвы и ужасах инквизиции; он продемонстрировал, что все жители Испании были готовы к войне. Жители Нидерландов, как католики, так и протестанты, ненавидели испанское господство; что все приморские города готовы принять французские и голландские гарнизоны, если только удастся изгнать испанские гарнизоны; что, положив на чашу весов морскую мощь Франции, голландцы смогут завоевать Испанию; и, наконец, предложили создать международную лигу для свержения Испании и утверждали, что Франция может приобрести Фландрию и Артуа, а также империю Брабант, Гельдерс и Люксембург в награду за их услуги. Карлу IX представилась настолько заманчивая перспектива, что он почти сбросил маску притворной дружбы к Испании, которую носил.^[1507] Он сказал министру Филиппа Алаве, что “не было более гордого человека или человека с более презрительным выражением лица”^[1508] когда посол пожаловался французскому королю, что некоторые корабли принца Оранского стояли в гавани Ла-Рошели,^[1509] что “его хозяин не должен пытаться устанавливать законы во Франции”.^[1510]

Тем временем предполагаемый брак Генриха Наваррского с Маргаритой, сестрой короля, продвигался вперед. За целый год до завершения бракосочетания драгоценности и одежда для церемонии были уже предоставлены. Большим препятствием была трудность с организацией религиозной формы церемонии, приемлемой как для католиков, так и для протестантов.^[1511]

Испания снова выступила с бесполезным протестом. Генрих Бурбонский все еще носил титул короля Наварры, хотя королевство было потеряно для этого дома задолго до его рождения и фактически полностью находилось во владении Испании. Она опасалась, что новые брачные узы могут объединить стороны Франции в войне за приобретение Наварры. Однако тщетно Испания пыталась нажиться на страхах Карла IX, пытаясь возбудить ревность короля к растущему могуществу дома Бурбонов и указывая на то, что из двенадцати провинций королевства десять находились в руках губернаторов, которые были связаны кровью или интересами с бурбонами.^[1512] Многие французские дворяне так стремились к войне с Испанией, будь то в Наварре или Фландрии, что один из офицеров Колиньи, когда его спросили, намеревалась ли Франция упустить благоприятную возможность напасть на Испанию, презрительно ответил: “Что мы можем сделать? Мы ни на что не годны, потому что нам приходится иметь дело с испуганным королем и робкой королевой, которые не придут ни к

какому решению”. К декабрю 1571 года война с Испанией была на слуху у всех, и правительство начало собирать деньги.[1513]

На этом этапе, когда вся Европа была настроена на пик политической напряженности, когда казалось вероятным, что произойдет что угодно, и ни одна из великих держав не осмеливалась сделать открытый шаг, Гордиев узел был разрушен. 1 апреля 1572 года произошло самое заметное событие в Нидерландах со времен вспышки иконоборчества. Ибо в тот день граф ван дер Марк, командир Морских попрошайек, захватил порт Брилле. С этого времени голландцы и фламандцы имели собственный морской пункт на материке и больше не зависели от ненадежного убежища в английских и нормандских портах. Эффект этого удара по Испании был велик. В течение недели — в день Пасхи — Флашинг, а вскоре после него и Мидделбург восстали против расквартирования испанских войск, посланных Альвой для замены тамошнего валлонского гарнизона.[1514]

Геу были хозяевами моря, и когда Дордрехт тоже восстал, внутренние водные пути тоже оказались под угрозой. Ни одно судно не могло прийти из Голландии, Гельдерса или Фризии, и с севера не могло быть налажено сообщение с Брабантом. Даже Амстердам мог умереть с голоду, и Алва решил отвести все свои силы в Гент и Антверпен.[1515] 14 апреля Вильгельм Оранский издал прокламацию из Дилленбурга, в которой выразил свою скорбь по поводу страданий, понесенных в результате поборов, бесчинств и жестокости, чинимых испанцами, и заверил народ в своей решимости освободить страну от их тирании. Поскольку многие города и порты уже признали его своим правителем, он призвал других последовать их примеру, дав себе слово использовать всю свою власть для восстановления древних привилегий и свобод каждого.[1516]

Когда весть об этих чудесных деяниях достигла Франции, колебания Карла IX были сметены совместным рвением Людовика Нассауского и адмирала. 19 апреля в Блуа был подписан англо-французский союзный договор.[1517]

Дю Плесси-Морней, молодой двадцатитрехлетний джентльмен-гугенот, обладающий заметными литературными способностями и которому суждено было стать интеллектуальным лидером протестантов в ближайшие годы, который недавно путешествовал по Нидерландам и посетил Англию,[1518] в сотрудничестве с адмиралом составил замечательный мемориал, защищающий французскую интервенцию в Нидерландах,[1519] который Колиньи подарил королю. Вскоре на землю хлынули английские и французские добровольцы.[1520] Людовик Нассауский отправился в Валансьен, который успешно поднял восстание, в сопровождении Ла Нуэ и Жанлиса.[1521] 24 мая с помощью военной хитрости Генлис овладел Монсом, одной из важнейших крепостей Испании в Нидерландах при нынешнем состоянии умов, в котором находилась Франция.[1522] С этой точки зрения он с надеждой написал Карлу IX о большем количестве солдат, “хорошем министре”, хирурге, нескольких создателях пушек и лекарствах.[1523] Пока эти события происходили на суше, на море 8 июня зеландцы атаковали и рассеяли испанский флот в Слейсе и захватили двадцать торговых судов под его конвоем:[1524] и, к сведению восторг Франции,[1525] далеко в Бискайском заливе флот Флашинга тремя днями позже рассеял еще одну испанскую армаду.[1526] Вся Голландия, за исключением Амстердама и Роттердама, была потеряна для Испании.[1527] 10 июля сэр Хамфри Гилберт с 1200 англичанами, несколькими французами и валлонами высадился в

Нидерландах и захватил Слейс и Брюгге.[1528] Вильгельму Оранскому, который в июне отправился во Франкфурт закупать припасы и вербовать людей, полились деньги.[1529] Герцог Алва был в отчаянном положении. Валлоны повсюду в армии взбунтовались и дезертировали, а у него не хватало боеприпасов.[1530]

Но такие успехи были слишком велики, чтобы продлиться долго. Людовик Нассауский понял, что не может долго удерживать Монс с имеющимися под его командованием небольшими силами, и отправил Генлиса обратно во Францию за подкреплением. Карл IX под давлением Колиньи тайно предоставил людей и деньги, но колонна помощи Генлиса была перехвачена 16 июля и захвачена герцогом Альва.[1531] Сдача Монса была только вопросом времени.[1532] Удар по Франции был тяжелым. Для Франции мало имело значения, что французские подданные были убиты или взяты в плен во время осады. Но для Франции имело огромное значение то, что Алва обнаружил при себе письмо Генлиса, написанное Карлом IX Людовику Нассаускому 27 апреля 1572 года, в котором король сообщал, что он полон решимости, как только состояние дел дома позволит ему, задействовать французские армии для освобождения Нидерландов.[1533] Секретарь Альвы вполне мог бы написать: “В моем распоряжении письмо короля Франции, которое поразило бы вас, если бы вы могли его увидеть”.[1534] Испания обладала несомненным наконец-то доказательством двуличия французов.

Захват Генлиса и осознание того, что Испания разгадала всю тайну ее замысла, повергли французское правительство в ужас, хотя Карл IX сделал вид, что демонстрирует храбрость, которой он не испытывал.[1535] Это оцепенение переросло в крайнюю тревогу, когда стало известно, что Елизавета Английская, частично из нежелания воевать с Испанией, больше из-за страха, что французский плацдарм в Нидерландах поставит под угрозу ее коммерческое господство там, отказалась от союзного договора.[1536] Анализируя месяцы, предшествовавшие резне, задаешься вопросом, насколько сама Элизабет могла быть ответственна за это. Именно она своей извилистой и неискренней политикой встревожила Карла IX и Екатерину, в результате чего экспедиция во Фландрию была прекращена; именно это побудило Колиньи выступить против Екатерины на королевском совете, заявив: “От этой войны отказался король. Дай Бог, чтобы он не оказался вовлеченным в другую, от которой менее легко отказаться”. Фраза, несомненно, исходит непосредственно от Елизаветы, но может быть подчеркнута слишком сильно. Однако нельзя отрицать, что некоторая вина должна лежать на англичанах. Планировала ли Екатерина Медичи Варфоломеевскую резню, чтобы спастись от гнева гугенотов? Или в своем ужасе она стремилась умиротворить гнев католического дракона человеческими жизнями? Была ли Варфоломеевская резня кровавой ценой за удовлетворение требований Испании?

Но есть еще один элемент, который следует учитывать в любых попытках разгадать причины этого события. Все искусство Екатерины Медичи на протяжении многих лет было потрачено на то, чтобы сохранить контроль, уравнивая стороны друг против друга. В эту минуту она безумно ревновала к адмиралу Колиньи, чье политическое влияние, казалось, еще больше возросло из-за поведения протестантов, которые заволокли Париж в преддверии предстоящей свадьбы, наслаждаясь своей поверхностной популярностью со слишком

большим высокомерием во многих случаях и возмущая чувства парижан, самого католического населения Франции.

Резня, по—видимому, в первую очередь вызвана ревностью и ненавистью, которые Екатерина Медичи испытывала к Колиньи из-за его большого влияния на Карла IX, в сочетании с паникой после провала ее преднамеренной попытки его убийства и страхом войны с Испанией - страхом, тем более сильным, что Англия в этот критический момент покинула Францию во Фландрии, чтобы не пострадало английское коммерческое господство там.^[1537] Это было преступление из страха, ужасный ресурс в сложной чрезвычайной ситуации; частично трусливая попытка умиротворить Испанию за то, что было сделано против нее; частично преступление на почве ревности. Возможно, ревность к Колиньи была даже более сильным мотивом, чем страх перед Испанией. Покушение на жизнь Колиньи 22 августа, по-видимому, указывает на это.^[1538] Была ли всеобщая резня гугенотов следствием провала этой попытки? Если бы адмирал был убит выстрелом 22 августа, произошла бы резня? Я думаю, что нет. Неспособность убить адмирала стала непосредственной причиной резни в День Святого Варфоломея. Если бы Колиньи был убит тогда и там, резни, вероятно, не произошло бы.

Неудача с расследованием смерти адмирала привела Екатерину в неистовство от смешанного гнева и страха, что сосредоточенные в Париже гугеноты поднимутся в ответных действиях. Она посоветовалась с Гизом, Анжуйцем, мадам де Немур и Гонди, итальянским епископом Парижа. Решимость короля, который сначала поверил, что герцог де Гиз был организатором покушения, была подавлена его матерью, и когда его свирепые инстинкты наконец пробудились, путь был легок. Можно было положиться на ненависть Парижа, которая проявит себя наихудшим образом под руководством мэра, который был вовлечен в заговор.^[1539]

Нет необходимости подробно описывать историю этого знаменитого дня. В половине второго ночи 24 августа на башне Сен-Жермен-л'Оксерруа прозвучал набат. Колиньи стал первой жертвой. Из Лувра дух убийства распространился на Виль, Сите, университетский квартал. Генрих Наваррский и принц Конде спасли себя, отрекшись от престола. Монтгомери сбежал на быстроногой лошади на юг. Оценки погибших настолько различаются, что какое-либо положительное заключение невозможно. Ла Попелиньер дает 1000 долларов за Париж, тосканский посол - 3000, Давила - 10000. Брантом говорит, что в Сене было выброшено около 4000 тел.

Из Парижа массовые убийства распространились на провинции. 25 августа "фьюри" достиг Мо и Труа; 26-го Ла-Шарите, 27-го Орлеана и Буржа, 28-го Кана, 30-го Лиона. За ними последовали Бордо и Тулуза. В Руане губернатор Карруж не подчинился приказу короля, пока его не убедили вдвойне, когда он удалился в свой загородный дом и отказался привести его в исполнение, хотя у него не хватило мужества предотвратить массовые убийства, как это было в Дижоне, Лиможе, Блуа, Нанте.^[1540]

Нет причин сомневаться в том, что резня Святого Варфоломея была непреднамеренной. Она не была спланирована за годы до этого или даже за много дней до этого. "Свет современных исследований"^[1541] доказал это к удовлетворению каждого непредвзятого историка, будь то протестант или католик. Совокупность причин, приведших к этой акции; мотивы руководителей;

ответственность за массовое убийство сегодня известны настолько точно, насколько это возможно с моральными силами, имеющими относительную, а не абсолютную ценность. Даже непредвзятые современники, Ла Нуэ и сам Генрих IV, не верили, что резня была преднамеренной. Всеобщее истребление протестантов было старой идеей, но никогда не рассматривалось как практическая, за исключением папства. Вина за массовое убийство во всех его чудовищных масштабах и последствиях лежит прежде всего на Екатерине Медичи. По сути, это было преступление тигриного, исполненного ненависти и, по сути, трусливого женского сердца. Автором и подстрекательницей этого была Кэтрин. Гизы участвовали в заговоре главным образом для того, чтобы отомстить за себя адмиралу, и на самом деле были мало заинтересованы в его продолжении после его смерти.^[1542] Герцог Анжуйский и Таванн были фанатиками. Карл IX был порождением пагубного влияния своей матери и жертвой собственного свирепого темперамента, которому он долгое время потакал и которому теперь позволил чудовищную вольность. В остальном Варфоломеевская резня была совершена людьми, чья природа состояла из религиозного фанатизма, политической вражды, личного негодования или просто хулиганства и любви к насилию. Варфоломеевская резня не могла принести ни малейшей политической выгоды ни одному человеку. Это было одновременно преступлением и грубой ошибкой. Но Екатерина Медичи была правительницей, чье политическое поведение определялось ее личными чувствами и предрассудками. В кризисе, в котором она находилась, у нее не хватило проницательности, чтобы разглядеть, или мужества, чтобы осмелиться следовать по пути, который лежал перед ней, если бы у нее были глаза, чтобы видеть, и понимание вместо страстного сердца. Этот курс лежал в сторону Италии, а не в сторону Нидерландов. Если бы Франция подтвердила свои претензии на Неаполь и Милан, то во владении Филиппа II нация была бы объединена общим делом, которое взывало бы к древней гордости и достижениям, а также к существующей враждебности по отношению к Испании. У Англии не было бы причин для ревности, поскольку ее рука была бы свободна во Фландрии. Более того, в Италии Франция могла бы искать поддержки у Тосканы и Феррары. Швейцария поддержала бы это предприятие; Венеция не стала бы возражать, а император, несмотря на все его испанские привязанности, не смог бы этого сделать. Имея на своей стороне турков в Средиземном море, Франция могла бы вступить в войну с Испанией и Папой римским без страха и с большими надеждами на успех.^[1543]

ГЛАВА XVI

ЧЕТВЕРТАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Варфоломеевская резня, подобно удару молнии среди ясного неба, вызвала новую бурю - четвертую гражданскую войну. Ла-Рошель была центром бури, хотя Сансер и Монтобан были надежными опорами для гугенотов центра и юга Франции, не менее трех тысяч протестантов и политиков Тулузы нашли убежище в последнем месте.^[1544] Когда страсть к убийству Карла IX улеглась и к нему вернулся рассудок, он попытался предотвратить новую войну, предложив Рошеллу выгодные условия.^[1545] Но когда город укрепился и отказался доверять “выгодным” условиям, предложенным Бироном, и обратился за помощью к Англии, маршалу было

приказано взять город штурмом.[1546] Правительство было сильно смущено своими военными приготовлениями. Денег было мало, а процентная ставка составляла 15 процентов.[1547] Рассудительные и опытные солдаты указали, что король не смог бы успешно штурмовать город, “поскольку французы не годились для содержания артиллерии или для формирования ‘боевой’ пехоты”, а швейцарский сейм отказался позволить Франции привлечь больше наемников из альпийских земель. Столь же безуспешно король пытался нанять лакеев в Германии.[1548]

Загадочная политика Елизаветы также была сдерживающим фактором в начале войны. В то время как она отправила графа Вустера во Францию в январе 1573 года для ведения торговых дел и демонстрации перспективы ее брака с младшим братом Карла IX, герцогом Алансонским, перед французским двором,[1549] Английская королева не осталась глуха к петиции Рошеллуа.[1550] Если после резни меньше опасались усиления Франции за счет оказания помощи Нидерландам, то, напротив, Англии стало вдвойне необходимо не порывать с Испанией, так что политика королевы Елизаветы была робкой и колеблющейся.

Когда политика Англии была сочтена такой слабой, правительство продолжило военные приготовления против города, и итальянский командующий артиллерией Строщи в середине декабря взял Маранс, недалеко от Ла-Рошели, и предал гарнизон мечу. Но рошеллуа удерживали крепостные валы против любого натиска. Атакующая армия под командованием герцога Анжуйского залегла на дамбе под пологом городских стен, но продвинуться дальше не смогла. В довершение к замешательству католиков королевская армия испытывала нехватку продовольствия из-за восстания в окрестных районах, особенно в Пуату и Лимузене.[1551]

Однако нехватка была более чем локальной. Зима 1572-1573 годов снова была суровой, и хотя весна 1573 года выдалась ранней и мягкой, снова наступили холода; настолько сильные, что были проведены процессии, призывающие милость Божью на поля, где погибло много зерна. Последовавшие за этим высокие цены на зерно были повышены из-за того, что дилеры хранили его в больших количествах для продажи на рынке. В различных населенных пунктах происходили хлебные бунты и народные волнения, и во многих городах были установлены максимальные цены. Такое положение вещей усугубляло военное положение по всей стране. Города были переполнены множеством людей. Эти беженцы привезли с собой свое имущество, белье и предметы домашнего обихода, своих овец и крупный рогатый скот, которых они были вынуждены продать за бесценок, чтобы купить хлеб.

Тяжелые времена также привели к миграции людей из провинции в провинцию и усилили бродяжничество, которое уже существовало. Голод был настолько велик, что мужчины и женщины поедали овощи и даже зерно сырыми. Из-за нехватки пищи или способа ее употребления начались страдания и болезни. Те, кому посчастливилось владеть садовым участком с несколькими виноградными лозами, фруктами или овощами, были вынуждены охранять их днем и ночью от вредителя. Считалось актом милосердия для тех, у кого были фруктовые деревья, после того как они сами собирали плоды, позволять тем, кто был более несчастен, чем они, срывать с ветвей листья и употреблять их в пищу. Париж страдал вместе с остальной Францией, потому что было невозможно снабжать город продовольствием из Боса, Пикардии и Шампани. Зерно ввозилось из Испании и даже с берберийского побережья, и однажды своевременное прибытие шести судов спасло столицу от острого голода.[1552] “Тяжелые времена”, длившиеся более года, естественно, тяжелее всего сказались на

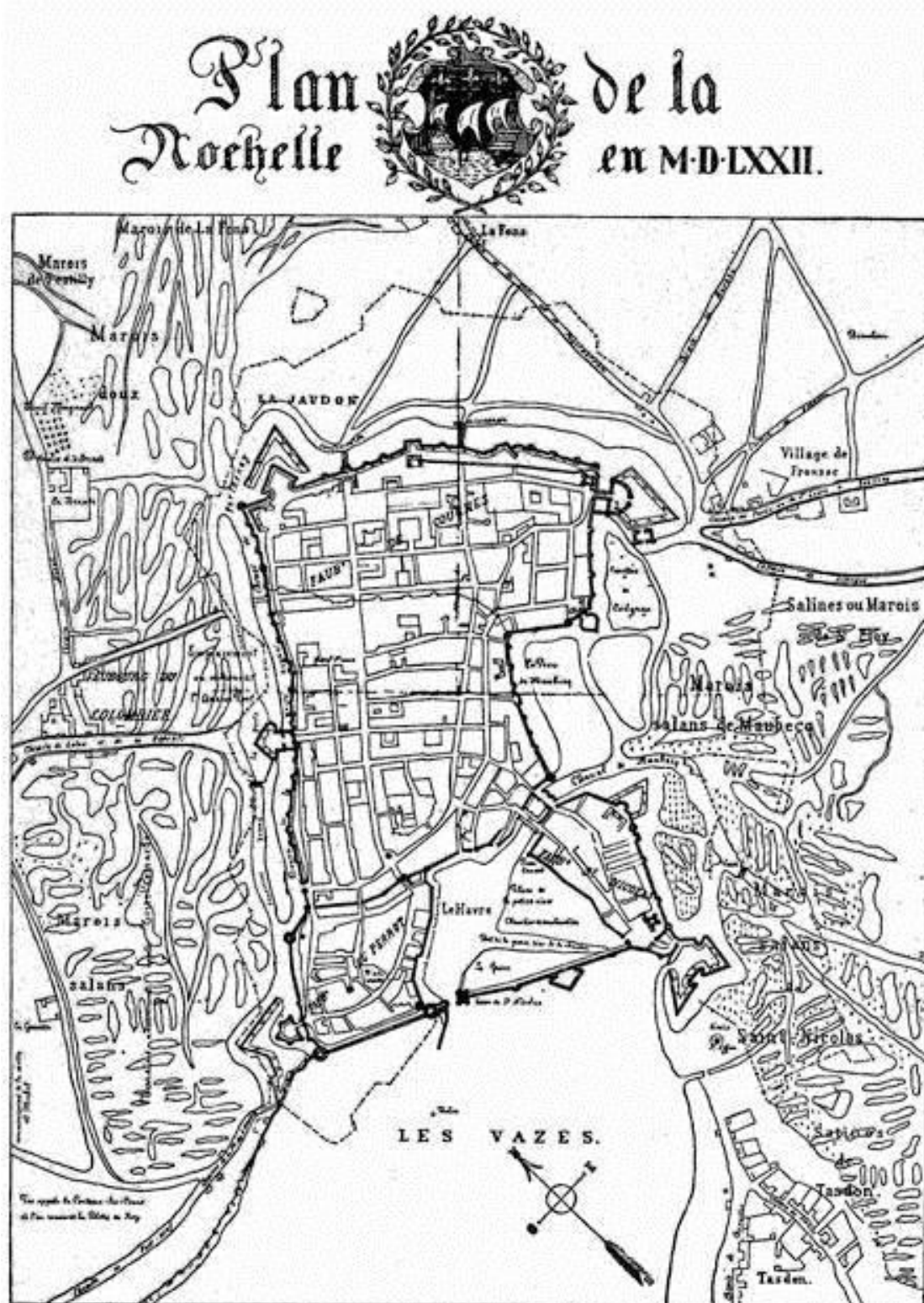
беднейших классах, чье жалкое положение контрастировало с роскошью и тщеславием более богатых классов, у которых расточительность достигла крайности.[1553]

Зимой перед Ла-Рошелю было полное прекращение боевых действий. За весь декабрь, январь и февраль не было произведено ни одного выстрела из пушки.[1554] В насмешку над королевским лагерем некоторые из наиболее смелых солдат-гугенотов расхаживали с важным видом, украшенные картами и игральными костями, чтобы показать, что королевские войска были лучшими игроками, чем солдаты.[1555] Правда в том, что протестантская Франция не была единоклассна в продолжении сопротивления. В столице гугенотов были две партии: "непримиримые", которые хотели войны не на жизнь, а на смерть и предпочитали обращаться за поддержкой к Англии; и более умеренная фракция, возглавляемая этим Баярдом протестантов, героическим Ла Нуэ, который, веря, что великим врагом Франции и гугенотов была Испания,[1556] с надлежащими гарантиями был готов забыть и уничтожить все. простите массовое убийство, насколько это было возможно для человеческой памяти и чувств, признавая, что это событие стало катастрофой как для католической, так и для протестантской Франции; что, каким бы чудовищным оно ни было как преступление, как грубая ошибка, его последствия были еще более катастрофическими.

Что касается короны, то она даже больше, чем умеренные гугеноты, стремилась избежать длительной осады и прийти к какой-либо форме урегулирования.[1557] С этой целью Карл IX через герцога Лонгвиля, губернатора Пикардии, в начале октября сделал предложение Ла Нуэ, который все еще находился во Фландрии. После некоторых колебаний Ла Нуэ прибыл в Париж, где у него состоялась встреча с королем и королевой-матерью. Он был настолько доверенным и способным человеком, что Карл IX дал ему практически неограниченные полномочия для заключения мирового соглашения, и в середине ноября Ла Нуэ отправился в Ла-Рошель.

В течение нескольких дней бесстрашный вождь тщетно пытался обеспечить себе вход в город.[1558] Наконец, 26 ноября его неохотно допустили. В течение холодных и утомительных недель декабря, января и февраля, когда осажденные и осаждающие лежали с оружием в руках на стенах или в траншеях, Ла Нуэ попеременно умолял и увещевал, настаивая на необходимости мира перед лицом очернения, министр-гугенот Ла Плас даже назвал его "вероломным изменником, дезертиром сторонников". "Слова короля, - однажды сказала Екатерина Медичи депутатам Реформатской партии, - должно быть для вас достаточно". "Нет, - ответил один из них, - со времен Святого Варфоломея".[1559] Даже влияние Ла Нуэ не смогло преодолеть радикальную партию в Ла-Рошели, которая заключила в тюрьмы столько людей, сколько выступало за капитуляцию, какими бы ни были условия. Наконец, 12 марта 1573 года храбрый человек оставил надежду убедить население-зелотов и вернулся в лагерь короля. Разгневанные провалом этих мирных попыток, правительственные войска удвоили свои атаки. 22 марта королевская артиллерия открыла ужасный огонь по городу, было выпущено более 1500 пушечных ядер. 7 апреля был яростный штурм, даже женщины сражались на стене, и атака повторилась 10, 13 и 14 апреля, в последний день было предпринято пять отдельных попыток взять город штурмом.

Монтгомери, которого послали в Англию за помощью, [1560] появился примерно с семьюдесятью кораблями и был готов дать бой в заливе, когда в поле зрения появился флот из сорока судов из портов Бретани и Нормандии. Эти корабли, с тем, что мог собрать "Анжу", составляли слишком большую силу, чтобы Монтгомери рискнул вступить в бой, и поэтому он удалился в Бель-Иль, который был превращен в протестантскую военно-морскую базу. [1561]

From *Histoire au siège de La Rochelle en 1573*, traduite du Latin de Philippe Cauriana (La Rochelle, 1856).

Тем временем швейцарцы в лагере трудились в траншеях, а на болотах были установлены орудия “болотный ангел” для обстрела порта Святого Николая. 11 июня был предпринят решающий штурм Ла-Рошели, который был отбит. Атакующие силы эскаладой овладели валом, но обнаружили перед собой мощную траншею, так что они были вынуждены пробиваться вдоль вала в надежде найти место для его пересечения. Те, кто был в лагере, видя, что их товарищи взбираются на крепостной вал, закричали: “Виль Генье!” Но рошеллуа заманили врага вдоль стены, “и когда они вошли, напали на них спереди и сзади с такой яростью, что все они были либо убиты, либо ранены, а остальные, пришедшие на помощь первыми, были отброшены с большими потерями”.[\[1562\]](#)

После провала великого штурма, поскольку солдаты снаружи были так сильно обескуражены неудачей, разгневаны отсутствием жалования,[\[1563\]](#) и ослаблены потерями и болезнями, единственным выходом короны была капитуляция при Рошеллуа[\[1564\]](#) с максимально возможными оговорками. Отчет Виллеруа о положении дел перед Ла-Рошелью был слишком убедительным, чтобы его игнорировать[\[1565\]](#). В первую неделю июля, после двухдневных раздумий, Карл IX подписал условия, хотя они не были опубликованы сразу.[\[1566\]](#)

Общие положения заключались в том, что жители Ла-Рошели должны иметь жизнь, имущество и свободу совести и что город вместе с Монтобаном, Сансером и Нимом также должны “свободно исповедовать религию и найти для себя гарнизон”. Эдикт гласил, что память обо всем, что произошло после 24 августа, должна быть стерта; что католическая религия должна быть установлена по всей стране, за исключением четырех названных городов. Судебные приставы и обычные судьи должны были позаботиться о достойном погребении тех, кто умер в реформированной религии. Те, кто дал гарантии, что они изменят свою религию, должны быть беспрепятственно допущены в университеты, школы, больницы, и, наконец, что любой французский протестант может продать или отчуждать свое имущество и удалиться в любую страну, какую пожелает, при условии, что это не будет территория каких-либо князей, где начнется война, положение, очевидно, предназначенное для защиты Испании в Нидерландах.[\[1567\]](#)

Но четвертая религиозная война еще не была полностью закончена. В то время как Ла-Рошель с 2000 человеками ежедневно трудилась над восстановлением своих разрушенных стен, Сансер не поддавался искушению на эти условия, и юг Франции все еще держался. Героическое сопротивление Сансера, примостившегося подобно орлиному гнезду на крутом холме над Луарой, является одной из эпических историй шестнадцатого века. В течение почти восьми месяцев (с 3 января по 19 августа 1573 года) город выдерживал все штурмы и, наконец, пал только тогда, когда его постиг жесточайший голод. Лошади, ослы, собаки, кошки, крысы - все было съедено. Суп из вареного пергамента стал роскошью. Жители ели “кашу из пюре, ордорзе и меслант из фумье шево и все, что нужно для того, чтобы избежать самоубийства”. Даже тела умерших были извлечены из могилы и съедены. Когда человеческая природа больше не могла терпеть, Сансер отдался на милость своего победителя. Ему была дарована свобода вероисповедания, а народ избавлен от резни и мародерства ценой в сорок тысяч ливров; но его

средневековая слава была лишена его. Великолепная башня с часами в городе была разрушена, его крепостные стены сровнены с землей.[1568]

Несмотря на умиротворение в Ла-Рошели и падение Сансера, Миди все еще сопротивлялся. В Лангедоке и Дофине гугеноты были особенно сильны.[1569] Их урожаи собирались в городах-крепостях; в их армию входили 2000 аркебузир, помимо дворян-гугенотов, и они были хорошо подготовлены к дальнейшей войне.[1570] В годовщину резни (24 августа 1573 г.) депутаты всех церквей юга собрались в Монтобана и предприняли предварительные шаги по формированию великой конфедерации гугенотов, которая в декабре взяла на себя руководство войной, регулирование финансов, гражданское управление и защиту религии.[1571]

Лангедок был разделен на два государства с центрами в Монтобана и Ниме под властью виконтов Полена и Сен-Ромена, каждому из которых помогал совет и они контролировались им. Советы, в свою очередь, по всем важным вопросам должны были консультироваться с местными собраниями протестантов. Все эти собрания были выборными. Таким образом, протестантская организация представляла собой практически полноценное государство в государстве, утверждающее свою собственную власть устанавливать налоги, вершить правосудие, вести войну и заключать мир. Было подсчитано, что 20 000 человек в этих регионах могли носить оружие.

В связи с продолжением войны на юге швейцарцы и остальная часть солдат, еще не получивших лицензий, были отправлены из лагеря перед Ла-Рошелью в Дофине и Лангедок. Но правительство испытывало серьезные финансовые затруднения и было вынуждено прибегнуть к принудительным займам в Париже и старому способу закладывания доходов до тех пор, пока в июне не будет выдана субсидия духовенству.[1572] Даже тогда это не призывало к войне. Карл IX, ревниво относившийся к личинам и военной репутации, приобретенной его братом, снова проявлял свою ненависть к наложенным на него ограничениям и желал восстановить свою независимость.

Франция стремилась вернуться к своей прежней политике, которая была прервана резней.[1573] Карл снова склонен поддержать Голландию в ее восстании против Испании,[1574] по крайней мере, тайно. Нанести удар по Испании означало в то же время нанести удар по всем тем влияниям, которые он ненавидел. Соответственно, Франция снова сделала предложения принцу Оранскому, хотя Вильгельм Оранский заставил себя выслушать их не без отвращения.[1575] Но голос политики оказался сильнее настроений.[1576] Ибо 11 декабря 1572 года началась знаменитая осада Харлема. Целью Алвы был захват этого города, чтобы перерезать коммуникации между южной Голландией, где находился принц Оранский, и северной Голландией.[1577]

Из Германии верный и дальновидный Шомберг искренне настаивал на этом проекте и так искусно выполнил свою миссию, что курфюрст палатинский, ландграф и архиепископ Кельнский поддержали его.[1578] “Покой королевства, безопасность государства, уничтожение великого врага Франции, прямой и прочный союз с принцами Германии, подрыв всех замыслов австрийского дома и кульминация ваших желаний находятся в руках вашего величества”, - писал он Екатерине 23 марта.[1579] Наконец, после нескольких месяцев раздумий и задержек, нити этих извилистых переговоров были сведены воедино во время секретной беседы Екатерины Медичи с Людовиком Нассауским в Бламоне в Лотарингии в декабре 1573 года.[1580]

Но была еще одна причина, по которой корона Франции стремилась урегулировать конфликт у себя дома, что во многом объясняет готовность правительства пойти на компромисс с Ла-Рошелю. Трон Польши стал вакантным после смерти Сигизмунда Августа, последнего из дома Ягайло, 7 июля 1572 года. Корона Польши была выборной, избирательное право находилось в руках сейма, состоящего исключительно из двух привилегированных сословий. Вслишком часто возникавших фракционных распрях тупик иногда выходил из тупика благодаря избранию внешнего князя. Эта порочная и противоестественная политика восторжествовала в 1573 году. У императора, короля Испании и Франции были свои кандидаты. Но Польша не собиралась испытывать судьбу Богемии и переходить под сюзеренитет Габсбургов. Испания также в лице своего посла была лишена возможности выслушать и вынуждена делать предложения в письменной форме. Таким образом, путь для французской дипломатии был расчищен. Осенью 1572 года поляки обратили внимание Карла IX на кандидатуру герцога Анжуйского и намекнули на ожидаемые условия.^[1581] 19 декабря секретарь епископа Валанса, французский агент, которого спешно отправили в Польшу, прибыл в Париж и выразил большие надежды на избрание герцога Анжуйского, хотя польский сейм еще не собирался из-за чумы.^[1582]

Когда он собрался 15 апреля 1573 года, ловкий подвиг совершил папский легат кардинал Коммендоне, который, как его духовный наставник, был враждебен императору за то, что тот недавно заключил трехлетнее перемирие с турками и тем самым запятнал славу Лепанто, и в принципе выступал против расширения деятельности Испании где бы то ни было ввиду ожесточенной борьбы за веру во Франции и Нидерландах, где дело Рима остро нуждалось в поддержке Испании. Французские посланники^[1583] затем умело ввели имя герцога Анжуйского, превознося его католические добродетели в глазах католического населения; пообещав, что в случае избрания Генрих Валуа потратит все свои доходы — насколько они малы, поляки не могли знать — в Польше на благо королевства; они также пообещали, что будущий король оправится от последствий московиту принадлежат все территории, часть которых в прошлом была отнята у королевства Польского, а также Валахия у турок.^[1584] Аргументы подтвердились, и 19 мая 1573 года герцог Анжуйский был избран королем Польши.

8 августа 1573 года официальная депутация польской знати, отправленная во Францию, чтобы уведомить герцога Анжуйского о его избрании, достигла Меца, а вскоре после этого (24 июня, в День Святого Иоанна) прибыла в Париж. Они были авангардом почти двух тысяч польских дворян и шляхтичей, посетивших королевство этим летом. Все они были великолепно размещены и развлекались в городе за счет короны, или, скорее, за счет народа, поскольку для целей развлечения был введен новый налог. Внешний вид поляков поверг французов в изумление. Все они были высокими, красивыми мужчинами, “говорившими по-латыни вплоть до конюхов”, но при этом великолепно любившими выпить и большими гурманами. Столичные винные лавки были выпиты почти досуха. Как гласит пословица, два поляка выпили больше вина и съели больше мяса, чем шесть французов.^[1585]

Честь польской короны спасла уязвленную гордость Анжу еще до Ла-Рошели. Но армия роптала так сильно, что был издан королевский указ, запрещающий спорить или обсуждать польские выборы на улицах Парижа или не одобрять избрание герцога Анжуйского на польский престол в письменной работе или речи.^[1586] Без победы, без жалованья, даже без достаточного

количества еды солдаты роптали на грани мятежа и утверждали, что правительство было подкуплено и взяло деньги гугенотов, чтобы выделить средства на поездку короля в Польшу.[1587] Генрих не осмелился открыто покинуть лагерь, опасаясь их восстания, и был вынужден совершить обман, отправившись на лодке в залив, а затем совершить побег морем в Нант.[1588]

Расстояние придавало очарование этому виду. Польша находилась в плачевном состоянии из-за раздоров знати. Император был разгневан и поговаривал о том, чтобы остановить герцога *в пути*.[1589] Литва отделилась и вступила в союз с герцогом Пруссии, королем Швеции и Россией с целью свержения польского правительства.[1590] Ганзейские города, такие как Данциг, Рига и Ревель, тоже были очень недовольны, поскольку всем было известно, что Польша стремится установить контроль над их торговлей.[1591] Поляки сами вскоре обнаружили, что их новый король - гусь без золотых яиц. Ибо французские юристы нашли толкование обещания о том, что французы погасят долги королевства, в том смысле, что это обещание означало только те, которые возникли после смерти покойного короля. Польские агенты в Париже скорчили гримасы, узнав об этом, но таким образом соглашение было зарегистрировано парижским парламентом 17 сентября 1573 года.[1592] В том же месяце герцог Анжуйский отправился в свое новое королевство, проследовав через Нанси, Гейдельберг и Франкфурт в Краков. Мец он избегал, потому что император, все еще угрюмый и все еще страдающий от потери города двадцать один год назад (1552), приказал имперским комиссарам, назначенным проводить его, принять в Меце, как если бы это был вольный город империи, что французы, естественно, отказались разрешить.

Снова глупая привязанность Екатерины Медичи к одному из своих детей,[1593] снова ее политическая глупость отбросила Францию далеко в сторону от курса, которому она должна была следовать. Как и до резни, теперь этим курсом был путь в Италию.[1594] Вместо того, чтобы сузить поле своих амбиций ради своих детей и сконцентрировать свою власть, не довольствуясь Польшей для герцога Анжуйского, она даже мечтала о короне Габсбургов для Карла IX,[1595] и так Англия относится к Алансону. Миссии Шомберга в 1572-73 годах в Германию[1596] были направлены не только на то, чтобы склонить немецких принцев в пользу планируемого предприятия Франции в Нидерландах, но и на то, чтобы убедить их, особенно курфюрстов Кельна и Пфальца, в пользу имперских амбиций французского короля. Политика Франции в Польше[1597] и ее политика в Германии были двумя частями одного грандиозного проекта и в широком смысле должны были выстоять или пасть вместе. Мир с гугенотами был важным элементом в продвижении этого проекта, особенно с протестантскими немецкими князьями, как указал Шомберг.[1598]

Но на пути продвижения стояли два серьезных препятствия — возмущение Германии из-за Варфоломеевской резни[1599] и контрдипломатия Испании.[1600] Гизарско-испанская сторона дома, естественно, приложила все усилия, чтобы помешать судебному преследованию этих проектов.[1601] Морвилье предупредил Карла IX, что их продолжение втянет Францию в войну с Испанией.[1602]

ГЛАВА XVII

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРАВЛЕНИЯ КАРЛА IX. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАГОВОР

Война на юге в течение нескольких месяцев этих переговоров шла своим чередом, почти беспрепятственно со стороны правительства. Многие военнослужащие отправились с "Анжу" в Польшу, и многие другие, особенно швейцарцы, получили лицензии. В результате гугеноты стали хозяевами Роны и даже захватили Авиньон, к великому гневу папы римского, который отказался принять Поля де Фуа в качестве французского посла в Риме на том двойном основании, что он придерживался гугенотских убеждений, и потому, что французский король не дал охранной грамоты войскам из Италии, которые направлялись в Авиньон с целью его возвращения.[1603] После отъезда своего брата в Польшу Карл IX снова слабо затронул протестантский вопрос, и они с матерью провели три дня в Шантийи с Монморанси, обдумывая дальнейший курс.[1604] Депутации из различных провинций обратились к королю с петицией о немедленном снижении налогов в связи с истощенным состоянием страны, но было единодушное мнение против созыва еще одной сессии сословий из-за расходов.[1605] В подтверждение добрых намерений короля принц Конде был назначен губернатором Пикардии, должность, ставшая вакантной в связи со своевременной кончиной герцога Лонгвиля, принца, к огорчению герцога Неверского, который был претендентом на этот пост, оправившись от оспы, которой также заболел герцог Алансонский .[1606] Король планировал созвать депутатов от гугенотов Лангедока и Дофине, по крайней мере, в Компьене, но заболел оспой[1607] и проект подошел к концу.[1608] Чтобы усугубить неловкость, Париж и Руан, население которых принадлежало к противоположным религиям, вступили в войну за ограничение поставок продуктов питания: Париж прекратил поставки вина по Сене, а Руан, в свою очередь, предотвратил поставки кукурузы вверх по реке в Париж.[1609] Экономическое состояние страны вызывало у правительства большую озабоченность. Трудные времена и высокие цены все еще царили, и меры правительства только еще больше раздражали окружающих, хотя некоторые из них были продуманы с умом. Например, в феврале 1574 года королевский эдикт запретил обращение всех иностранных серебряных монет, а также тех, которые были изуродованы или обесценились. Когда купцы Труа узнали об этом осуждении всех иностранных или граненых монет, они послали депутацию с протестом королю, заявив, что их город и графство Шампань, а также вся Лотарингия и Бургундия изобилуют этими деньгами и никакими другими; и было невозможно вывезти эти монеты из страны, не повлекши за собой разорения, если эдикт будет приведен в исполнение. Они также настаивали на том, что эдикт станет серьезным препятствием для пересечения границы. Но король отказался отменить указ. В результате те, кто разбирался в деньгах, подсунили запрещенную валюту простым людям, которые, к своему ужасу, обнаружили, что их обманули, когда королевские чиновники отказались принимать эти монеты в уплату налогов. Тем не менее, в долгосрочной перспективе эта акция повысила уровень обращения монет во Франции.[1610] Менее разумным действием была новая продажа офисов — офисов *королевских прокуроров* — и было даже предложено сделать офис адвоката доступным для продажи, но, к счастью для отправления правосудия, этого сделано не было.[1611]

Всеобщее подозрение также вызвало постановление, предписывающее губернаторам провинций через судебных приставов и сенешалей провести перепись населения в своих

населенных пунктах с указанием имени, фамилии и места работы всех мужчин в возрасте от двадцати одного года до шестидесяти. Люди не могли себе представить, что послужило причиной этого поступка, или догадаться, что намеревался сделать король. Некоторые думали, что корона собирается учредить местную полицию для ареста многочисленных грабителей и бродяг, которые под видом войны грабили страну, и что в каждом приходе будут выбраны люди, подобные франкам-лучники времен Людовика XII и Франциска I. Другие думали, что король просто хотел собрать новую армию для отправки в Лангедок, где гугеноты и политики теперь вместе делали общее дело. Другие все еще думали, что это устройство предназначено для целей налогообложения.[1612]

Однако хуже всего было событие, произошедшее в конце декабря 1573 года, которое грозило снова стать военным генералом. Этим событием стало раскрытие заговора с целью свержения протестантов в Ла-Рошели. Король, похоже, был невиновен в этом проекте и отверг участие правительства в нем. Автором заговора был Ла Хэй, президент Пуатье, который втерся в доверие к жителям города и сумел обеспечить некоторым своим сообщникам должности в гвардии. Ворота города должны были быть предательски открыты для сильного отряда, тайно подтянутого под покровом темноты в ночь на 15 декабря. Но накануне один из сотрудников компании выдал этот план властям города.[1613] В гугенотских кругах в результате этого раскрытия царило огромное возмущение. Английские купцы в Руане, Дьеппе и нормандских портах какое-то время опасались местных погромов, поскольку было известно, что Монтгомери находится в Англии.[1614] Из дня в день в провинции приходили новости о деяниях гугенотов. Ла Нуэ был в Лузиньяне; были движения гугенотов в Пуату, Лимузене и Гайенне;[1615] снова пришло сообщение из Седана, резиденции герцога Бульонского, о подозрительном сборище гугенотов там; в другой раз, что 500 протестантских всадников и 1200 пехотинцев собрались в Сент-Луисе. Lô.[1616] Правительство опасалось, что внезапно либо внутри страны какая-то опасность может обрушиться на Францию, либо что за границей, в результате действий Германии и Англии, гугенотам может быть оказана материальная помощь для осуществления их планов, поскольку воды Ла-Манша и Бискайского залива кишели каперами.[1617] 25 февраля реформатская партия выпустила знаменитую декларацию, “напечатанную в Рошели на разных языках, чтобы истина о нашем деле и цели была известна всем христианам”. Наконец, пришло известие реальной материальной важности о том, что Монтгомери, к которому присоединился Гитери, высадился близ Кутанса и двинулся маршем на Карентан, который капитулировал в течение двух дней. С тех пор Монтгомери захватил различные форты и замки, в том числе Аржантан, и десять артиллерийских орудий.[1618] Карл IX немедленно поручил сьеру де Торси, генерал-лейтенанту в правительстве Иль-де-Франса, и виконту Тюренну договориться с ним, пообещав благосклонность и защиту, если он сложит оружие. Но Монтгомери ответил, что память о Святом Варфоломее была слишком свежа для него, чтобы сделать это; и если уж на то пошло, ему придется передать условия короля на рассмотрение реформатской церкви, членом которой он был всего лишь.[1619]

У гугенотов была иерархия религиозных собраний, которые служили объединению их сил через консистории, коллоквиумы и провинциальные синоды в национальную организацию. Однако в этой организации не было абсолютного единообразия. На севере Франции в каждом городе была своя особая администрация, отдельная и обособленная. Ла-Рошель относится к такому типу и яростно ревновала к своим “привилегиям” на манер немецких городов.[1620] Однако на

юге эти местные органы власти объединились в великую ассоциацию, которая сделала возможным создание подлинного политического государства гугенотов. Этому развитию событий существенно способствовала Политика. Ибо одним из результатов Варфоломеевской резни стала кристаллизация либерально-католического элемента, представленного маршалом Монморанси и его братом Дамвилем, в настоящую политическую партию. Оно состояло из группы молодых дворян, амбициозных и неудовлетворенных собой, для которых политика была важнее религии, и которые были враждебны королеве-матери и Гизам. Среди них были герцог Алансонский, который, возможно, мечтал стать преемником своего брата, когда Генрих Анжуйский был далеко, в Польше, ибо дни Карла IX были явно сочтены; молодые принцы Наваррский и Конде, которых террор вынудил принять католицизм, виконт Тюрэнн и весь дом Монморанси. Даже в лагере перед Ла-Рошелю эта политическая фракция строила свои заговоры, пытаясь передать флот под командование герцога Алансонского, и, вероятно, по совету короля Наваррского вступила в сношения с Ла Нуэ. [1621] Ла Нуэ был убежден, что слияние гугенотов и политики может принести много пользы. Значение этого события не должно остаться незамеченным. Оно в конечном итоге изменило весь характер войны. Сначала Ла Нуэ, а затем Дамвиль стали гением этого союза. Он вел переговоры с Дамвилем, с Алансоном, с Генрихом Наваррским. Он отправил Дю Плесси-Морнэ в Англию. Но его величайшим дипломатическим подвигом стало убеждение жителей Ла-Рошели принять новый курс. Потребовалось все красноречие, все обаяние и вся стратегия прирожденного лидера, чтобы убедить вспыльчивого Рошеллуа, но в конце концов ему это удалось, и союз между религиозными и государственными гугенотами был наконец заключен, связующим звеном стала новая политическая партия. [1622]

Протестанты и политики быстро воплотили теории в практику на юге Франции, где их конфедерация распространилась по всему Лангедоку и большей части Гиенны. Два города в каждой провинции были названы "городами Конфедерации". Специальные парламенты выносили решения по всем судебным спорам, которые возникали между сторонами любой из групп. Свобода вероисповедания была признана священным правом, и это фактическое правительство даже провело судебный процесс и осудило организаторов резни 1572 года.

Мы находим четкие намеки на эти новые политические идеи в литературе того времени.

В последние дни правления Карла IX появился политический трактат под названием "*О праве магистратов на суд*", якобы опубликованный в Магдебурге, в котором выдвигался тезис о том, что королевская власть, хотя и установлена Богом, является народным институтом и что, если король неверен своему посту, он может быть смещен. [1623] В *Франко-Галлии* Хотман провозгласил суверенитет народа и зависимость короны от его воли. Та же идея доминирует в "*Юнии Бруте*" Хьюберта Лангве. Только народная санкция, говорит он, делает короля избранным; избрание - неотъемлемое право народа, перед которым король несет ответственность. Памфлет, вдохновленный Монморанси и названный *La France-Turquie*, сравнивал Карла IX с султаном и обвинял его в стремлении низвести своих подданных до восточного рабства.

Инцидент, произошедший в это время, показывает, насколько далеко зашла идея ограниченной монархии среди гугенотов. В ходе одного из переговоров принца Конде попросили подписать документ от имени его партии. Его ответ заключался в том, что он и король Наварры "не имели никакой другой власти в этой партии, кроме той, которую они

получили вместе со статьями об их избрании”, которые не наделяли их монархической властью, поскольку партия состояла из большого числа дворян и третьего сословия, которые передали им власть.[1624]

Однако в новом порядке вещей не было полной однородности. Политические деятели, за исключением высшей знати, и рядовые гугеноты представляли либерально-демократические идеи. Но знать не могла забыть свою древнюю родословную. В *генеральные ассамблеи*, созданные в 1573 году, входили главные представители знати, и хотя третье сословие занимало в них важное место, все генералы были дворянами.[1625] Дворянство не замедлило восстановить свое древнее превосходство благодаря влиянию короля Наварры, который был не таким податливым, как принц Конде, особенно после союза гугенотов с политиками.[1626]

В ходе войн был пробужден огромный провинциальный дух. Один из выступающих в *"Утреннем пробуждении"* говорит о полунезависимости Дофине и указывает на сильную тенденцию к восстановлению древней провинциальной организации. Эта теория гугенотов соответствовала их постоянному утверждению, что они были реставраторами прошлого, а не революционерами. Феодалные традиции были слишком сильны во Франции, чтобы быть вытесненными этими новыми переменами. В то время как буржуазия формировала городские группы, протестантская и политическая знать апеллировали к провинциальному духу. В результате своего рода политического атавизма режим Средневековья снова начал преобладать.[1627] Каждый капитан считал себя мелким властелином. Когда король приказал Монбрену уважать величие закона, тот высокомерно возразил, что оружие делает людей равными в политической игре. “Во время войны, когда человек держит в руке оружие и сидит в седле, весь мир становится товарищем”.

Соответственно, правительство предприняло новые усилия для продолжения войны. 30 марта мэр Парижа был уполномочен объявить, что все вассалы и другие лица в Париже, принадлежащие к бану и арьер-бану, должны собраться во всеоружии 15 апреля; всем жандармам было приказано прибыть к губернаторам и вице-губернаторам своих нескольких провинций к 20 апреля.[1628] Монпансье был отправлен в Анжу с инструкциями ничего не предпринимать против Ла Нуэ, но удерживать переправы через Луару и не допустить его соединения с Монтгомери. Оставалась надежда договориться с гугенотами, и по этой причине Строщи, на которого Ла Нуэ был обменян после Монконтура, и Пинар были отправлены в Ла Нуэ с верительными грамотами от Генриха Наваррского, а Виллерау отправлен в Лангедок. Одновременно в Седан были отправлены эмиссары из опасения, что принц Конде и герцог Бульонский могут вступить в сговор с Людовиком Нассауским. На востоке, западе, юге тучи войны нависли над Францией.[1629] Все это время в суде процветали интриги и обвинения. В феврале герцог де Гиз притворился, или поверил, что раскрыл заговор с целью его убийства, автором которого был Монморанси.[1630]

Отсутствие Генриха Анжуйского на этом критическом этапе вселило в Екатерину тревогу, и были предприняты энергичные усилия по урегулированию конфликта. Секретный агент королевы-матери по имени Пьер Бриссон в это время пытался подкупить Ла Нуэ, предложив 10 000 *экю ренты*, чтобы тот уехал в Англию. Должно быть, это было великое искушение, потому что бесстрашный лидер уже был разорен войной; но его натура была слишком благородна, чтобы принять условия. Карл IX на какое-то время стряхнул с себя апатию смертельной болезни, в то

время как гугеноты и политики прилагали все усилия, чтобы осуществить свои планы во время отсутствия наследника престола в Польше. План состоял в том, чтобы объявить Генриха Анжуйского лишенным своих прав на корону и признать герцога Алансонского предполагаемым наследником со званием генерал-лейтенанта королевства. Елизавета Английская^[1631] и Вильгельм Оранский рассчитывали на влияние и помощь. С этой целью был предпринят заговор, очень похожий на тот, что был предпринят в Мо в 1567 году. Герцог Алансонский и король Наваррский должны были сбежать от двора и заключить союз с Гитери, главнокомандующим конфедератов в Нормандии. Затем они должны были внезапно схватить Сен-Жермена и увезти короля и королеву-мать. Заговор состоял в том, что король Наварры, герцог Алансонский и несколько их дворян должны были выехать из дворца утром этого дня, как бы на охоту, и направиться в Мант, город во владении герцога, где стоял гарнизон роты маршала Монморанси под командованием брата Дю Плесси-Морне. Ворота должны были открыться при их появлении.^[1632] 1 марта 1574 года было назначено днем начала предприятия, но между лидерами возникло недопонимание, и, к сожалению, как и в 1560 году, слишком многие были проинформированы об этом. Кэтрин располагала смутной информацией и была настороже. Но окончательный провал произошел из-за ложного хода Гитери, который прибыл на место происшествия на день раньше назначенного времени и с недостаточными силами.

Успех зависел от прибытия Гитери в шесть часов утра 1 марта с 300 джентльменами и несколькими лакеями, но 27 февраля распространился дикий слух, что в трех лье от Сен-Жермена видели около 700 или 800 всадников этой религии. Все приготовились к бегству, “убирая вещи так, как будто они бежали перед лицом врага”. Утром Карл выступил в боевом порядке в Париж, поскольку был так слаб, что едва мог ехать на своем муле.^[1633]

В Париже, опасаясь идти в Лувр, король поселился в доме Де Реца в предместье Сент-Оноре, а затем отправился в Венсенский лес. Потерпев неудачу в достижении своей цели, Гитери попытался пересечь Сену в Манте, вероятно, с намерением присоединиться к Ла Нуэ, который, взяв Лузиньян и другие города в Пуату, столь же безуспешно пытался пересечь Луару, чтобы присоединиться к Гитери.^[1634] Когда первая тревога улеглась, король и королева-мать попытались отнестись к этому эпизоду легкомысленно. Но это был симптом, в выводах которого нельзя было ошибиться. Очевидно, что Карл IX и его мать сильно опасались того, что мог замышлять Алансонец, но он энергично утверждал, что всего лишь пытался сбежать от двора.^[1635] На допросе он отрицал какие-либо изменнические намерения или намерение нарушить спокойствие королевства, но признал свою ненависть к придворной партии и симпатии к политике. В длинной речи герцог обвинил короля в чрезмерном фаворитизме по отношению к его брату, герцогу Анжуйскому. Основанием для его упреков, по-видимому, было раздражение из-за того факта, что во время пребывания в лагере перед Ла-Рошелей важные дела никогда не обсуждались в его присутствии.

После отъезда короля Польши, когда он надеялся лучше разбираться в государственных делах, его не приняли, и он не смог получить достоинство и функции, которые принадлежали его брату. И эти факты настолько подорвали его репутацию при дворе, что Гизы не только желали поссориться с ним, но и постоянно добивались этого результата.^[1636]

Далее Алансон пожаловался

что король и его мать создавали трудности на пути осуществления его намерений во Фландрии; и использовали такие хорошо аргументированные аргументы, что было ясно, что дело, которое

он выдвинул, было подготовлено людьми, обладающими большим опытом и знаниями, чем могли претендовать его способности. Но он не назвал никаких имен. Он утверждал, что ему придется оставаться бедным принцем, если только силой оружия он не сможет занять положение, позволяющее ему приобрести достаточную репутацию для заключения брака с английской королевой; что во Франции ему не были предоставлены власть, которой пользовался его брат, король Польши, и что та небольшая власть, которой он обладал, была только номинальной, в то время как, с другой стороны, принц Оранский обращался к нему за помощью, делая очень крупные предложения, и многие великие обещания также были даны ему из Германии и Англии, и что во французском королевстве многие люди дали слово повсюду следовать за его судьбой.[1637]

Фракция Гизара и канцлер Бираг, чтобы нанести удар Монморанси, который вместе с Дамвилем был лидером политических сил, настаивали на решительном курсе. На заседании королевского совета канцлер сказал королю:

Вам следует принять во внимание постоянный страх за вашу собственную персону и неминуемую гибель, которая угрожает всему королевству, данному вам Богом, правителем; и эти соображения, без сомнения, должны побудить ваше величество последовать примеру короля Людовика XI, вашего предка, который был так известен в истории, и дать миру понять, что, хотя ваше Величество полны милосердия, вы также можете наказать, когда того требует случай.[1638]

Принимая во внимание высокое положение тех, кто был вовлечен в это дело, Екатерина Медичи, однако, отказалась следовать этой решительной политике. Но и принцы, и Монморанси находились под наблюдением, хотя номинально им была предоставлена свобода. Этот шотландский вердикт “не доказано” стал большим разочарованием для Личин, которые, вероятно, несут ответственность за “заговор”, сфабрикованный две недели спустя. Утверждалось, что был “раскрыт” заговор против короля и королевы-матери, который должен был привести в действие в День Пасхи. 8 апреля Алансон, Генрих Наваррский и маршал Монморанси находились вместе в замке Венсенский лес, когда внезапно ворота были закрыты и выставлена двойная охрана, поскольку прошел слух о появлении в окрестностях странных всадников. В то же время ворота Парижа были закрыты, и никому не разрешалось выезжать ни с лошадьми, ни с оружием. Ла Моль, один из джентльменов, прикрепленных к Алансону, был внезапно арестован, а вместе с ним был арестован еще один джентльмен из окружения Алансона, граф Коконнас. Оба были заключены в тюрьму Консьержери и отказались разговаривать с герцогом. Принцу Наваррскому, Алансону и Монморанси, однако, по-прежнему разрешалось выезжать за границу, но “в такой компании, которая могла бы быть хозяевами”. [1639] События теперь быстро перешли от фарса к трагедии. Алансон и Наварра ни в чем не признались, [1640] последний демонстрирует “очень смелое лицо, не опасаясь последствий”. Допрос проводился с целью получения красочной информации от инквизиции Ла Моля и Коконнаса, чтобы изобличить герцога Монморанси. У бедняг не было ничего от божественности, которая защищала принцев крови, и они были допрошены инквизицией и убиты по суду. [1641] Герцог Алансонский тщетно умолял сохранить жизни его друзей. Карл IX, который был болезненным и диким и забит до смерти [1642] позволил бы только, чтобы вместо

публичной казни их казнили в тюрьме.[1643] 30 апреля Ла Моль и Коконнас были обезглавлены и четвертованы.[1644]

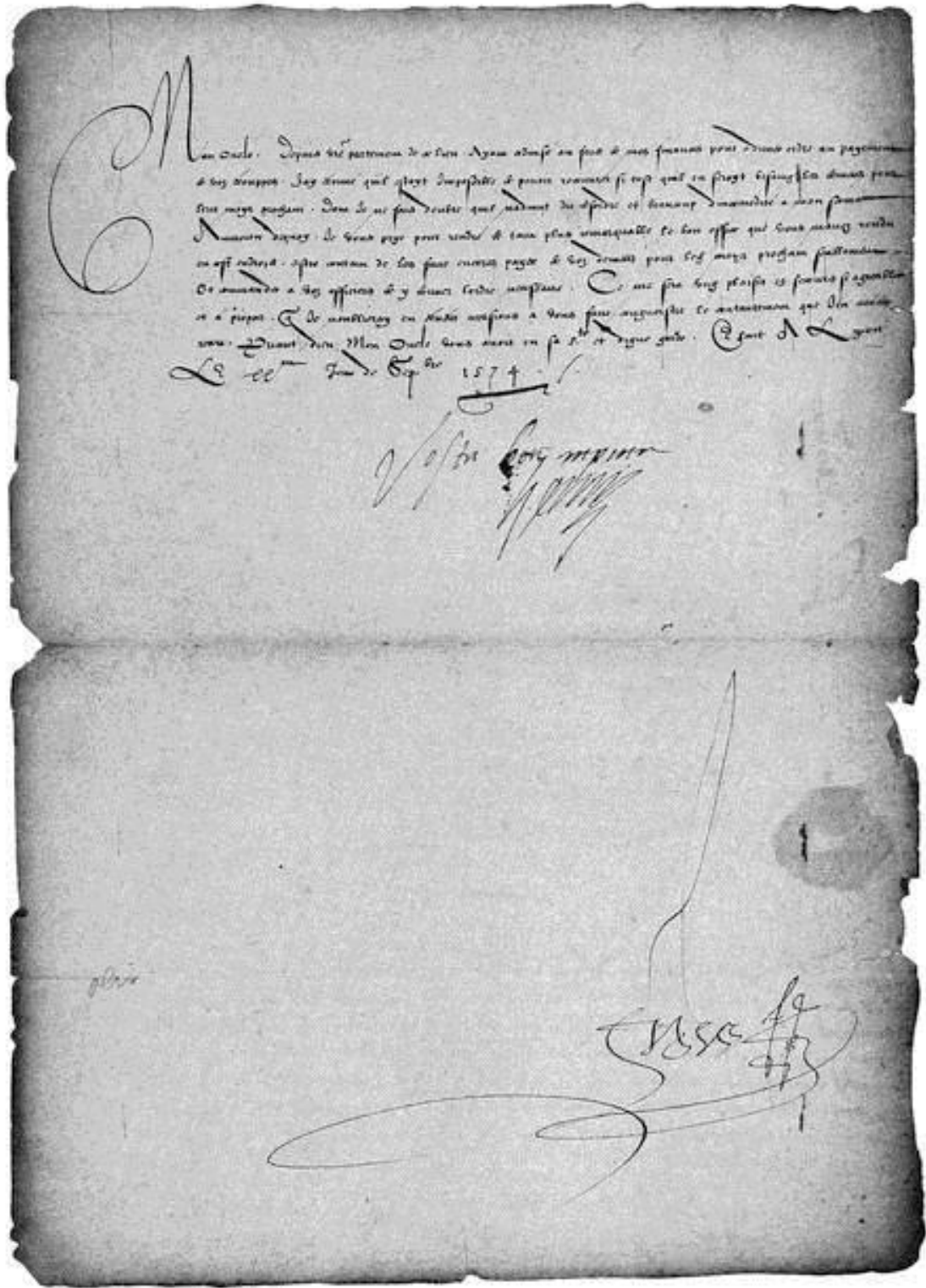
Но на этот раз превосходство королевы-матери над королем возымело положительный эффект. Карлу IX было предложено назначить такое же наказание своему брату, маршалам Коссе и Монморанси, а также Генриху Наваррскому. Если бы не мощное вмешательство, так могло бы и случиться.[1645] Представьте изумление мира, который выразил удивление, когда Филипп II заключил в тюрьму своего сына, если бы такой поступок был совершен! При свирепом настроении, которое теперь стало привычным для короля, такое вполне возможно. Но Екатерина Медичи пощадила Генриха Наваррского и сейчас, как во время Варфоломеевской резни, потому что бурбоны были необходимы в качестве шаха и мата Гизам. Такое поведение также могло подтолкнуть Англию и немецких протестантских князей к активной поддержке гугенотов — соображение, которое заставляло Екатерину колебаться до 24 августа 1572 года. Живая собака была лучше мертвого льва.[1646] “Король сказал, что ему следует помнить, что, пока герцог и Наварра живы, он может делать все, что ему заблагорассудится, но если они умрут, выхода не будет”.[1647]

Истинный мотив и подоплека всего этого жестокого дела - уничтожение семьи Монморанси Гизами - не заставили себя долго ждать. До сих пор герцогу разрешалась охраняемая свобода, даже ходить на охоту. Но через несколько дней после смерти Ла Моля и Коконнаса пришло известие о поимке Дамвиля, брата Монморанси, в Лангедоке. Герцог Монморанси и маршал Коссе были немедленно заключены в Бастилию. Древняя и горькая обида Гизов на дом Монморанси-Шатийон, половина средств которого была потрачена на убийство адмирала, едва не была утолена в этот час. При том кровожадном настроении, в котором пребывал король, королевский пурпур, вероятно, не защитил бы герцога. Но в глубине души Карл IX и его мать были малодушными трусами, и последняя, по крайней мере, не была полностью лишена благоразумия. К счастью для герцога Монморанси и для Франции, сообщение о поимке Дамвиля оказалось ложным. Он перехватил инструкции, отправленные Жуаезу и губернатору Нарбонны по поводу его задержания, и принял необходимые меры предосторожности. Дамвиль был слишком большим львом, чтобы вызвать гнев, пока он был на свободе, и ничто, кроме предательства, не могло свергнуть его, поскольку он владел Безье, Монпелье, Пасеной, Бокером, Буаньелем и Пон-Сент-Эспри, а как лидер объединенной политики и гугенотов юга контролировал Лангедок, Дофине и Прованс.[1648]

Огромное политическое беспокойство, в котором он пребывал, усугубило состояние Карла IX, чья конституция, подорванная оспой и его поблажками, теперь была поражена чахоткой. Он превратился в кожу и кости и был так слаб, что не мог стоять и страдал от кровотечения изо рта.[1649] Но свирепость его натуры оставалась непокоренной. Медицинский факультет, члены которого были созваны на совещание, объявил состояние короля безнадежным. “Я верю, что вы говорите правду”, - так Чарльз прокомментировал вердикт. - Опустите занавеску, чтобы я мог немного отдохнуть.[1650] В ночь на 29 мая сильное кровотечение предвещало конец. Король умер 30 мая 1574 года, через два часа после полудня.[1651]

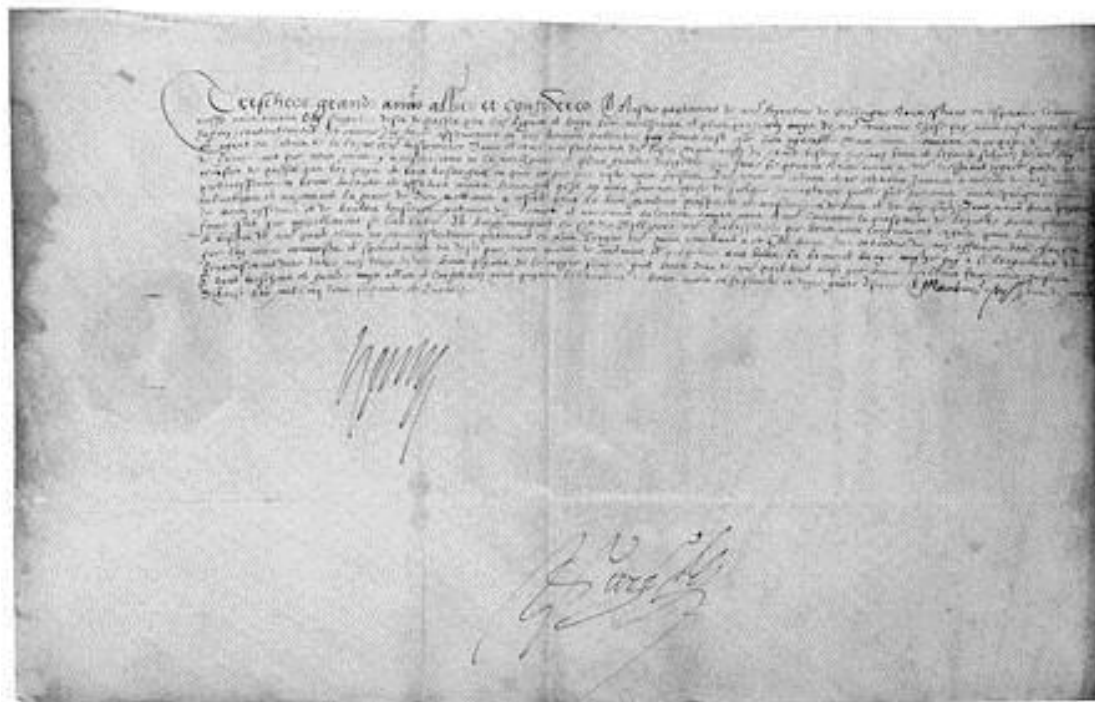
Королева-мать немедленно приняла регентство[1652] в соответствии с одним из последних повелений Карла IX, королева-мать переехала из Венсенского леса в Лувр, где Алансон и Наварра находились под пристальным наблюдением, поскольку до возвращения Генриха из Польши оставалась большая неопределенность относительно того, что может произойти. У этих

двоих не было денег, чтобы подкупить охранников, если бы решились на столь опасный шаг; окна их комнаты были “зарешечены, как в тюрьме”.^[1653] Политика Екатерины заключалась в обещании устранения обид и примирения всех с приходом Генриха III, который узнал о смерти своего брата в Кракове 15 июня.^[1654] С этой целью она обратилась к Ла Нуэ и Дамвилю, но Железная Рука отверг ее попытки из своих цитаделей Лузиньяна и Ньора, осудив королеву за ее обращение с Монморанси,^[1655] и заключение в тюрьму Алансона и Генриха Наваррского.

ПИСЬМО ГЕНРИХА III ФРАНЦУЗСКОГО ГЕРЦОГУ САВОЙСКОМУ

Относится к жалованью его войскам. Написано из Лиона 20 сентября 1574 года, через несколько дней после его прибытия во Францию из Польши. Оригинал принадлежит автору.

ПИСЬМО ГЕНРИХА III ШВЕЙЦАРСКИМ КАНТОНАМ

Сожалеет о невозможности посетить Швейцарию по пути во Францию и заверяет их во французской защите. Написано из Мантуи 3 августа 1574 года. Оригинал принадлежит автору.

В это время также был достигнут последний этап в богатой событиями карьере Монтгомери. Он внезапно покинул Карантан с примерно 650 всадниками, напал на город Алансон, а затем попытался снять осаду Сен-Ло. Но у Матиньона было больше сил, чем он предполагал, и он загнал его в Домфронт. После энергичной обороны он уступил это место, пообещав, что его жизнь будет сохранена. Но Екатерина Медичи ненавидела его больше всех на свете и без зазрения совести начала правление Генриха III кровопролитием. Она отказалась выполнить обещание Матиньона. [1656] Монтгомери был доставлен под усиленной охраной в Париж, на протяжении всей дороги его рассматривали любопытные, и 26 июня он был обезглавлен, а затем четвертован на глазах у огромной толпы людей.

ГЛАВА XVIII

ГЕНРИХ III И ПОЛИТИКА. МИР МЕСЬЕ (1576)

Эти события приковали внимание Европы к Франции. Что должно было произойти в отсутствие наследника престола? Захлестнет ли страну страшная волна возмездия за Варфоломеевскую резню и Венсенский процесс? Это были вопросы, которые задавались не только повсюду во Франции, но и во многих уголках Европы. Тосканский посол писал, что замки Монморанси были полны провизии и военного снаряжения.[\[1657\]](#)

Политики как класс, проникнутый учением Хотмена во *Франко-Галлии*, обрушились с критикой на Екатерину за то, что она приняла регентство без согласия сословий. Они и политические гугеноты были едины во мнении и требовали радикальных реформ. Они надеялись убедить королеву-мать прийти к определенному соглашению до прибытия Генриха III во Францию в расчете на то, что король по прибытии сочтет целесообразным принять его. Они требовали реорганизации правосудия и армии; они осудили отчуждение земель короны, увеличение десятины и новые налоги; они настаивали на проверке счетов тех, кто управлял государственными финансами и королевскими доходами, причем в это расследование должны были войти не только министры, которые обогатились, но и суперинтенданты финансов от Генриха II до настоящего времени, не исключая кардинала Лотарингского. Они потребовали изгнания "иностранцев", назвав канцлера Бирага, маршала де Реца и герцога Неверского, которые все были итальянцами. Они ненавидели обличья иностранного дома и квазигерманцев.[\[1658\]](#)

Давно пора было что-то уладить. Страна протестовала против воров и разбойников, которые в большом количестве бродили по дорогам под видом войны и притворялись, что находятся на службе у короля.[\[1659\]](#)

Но Екатерина отказалась заниматься какими-либо государственными делами до прибытия короля. Она выказывала почти лихорадочную тревогу по поводу приезда своего сына, опасаясь, что политики выдвинут на трон герцога Алансонского.[\[1660\]](#) В то же время в Германии оранжевая партия с помощью Шомберга трудилась над продвижением политики и либеральных гугенотов, а в сентябре от графа Палатина прибыла депутация, призванная призвать к терпимости во Франции.[\[1661\]](#) Но это была медленная и тяжелая работа, ибо, как с горечью сказал Ла Нуэ годом ранее: "Железо немецкой нации было тяжелым и с трудом поддавалось обработке; именно серебро приводило вещи в движение".[\[1662\]](#) Более того, агенты Испании и их личины встречались на каждом шагу.

Тем временем Генрих III покинул Краков 16 июня, сбежав из своего королевства, как вор в ночи,[\[1663\]](#) и вернулся домой через Италию, через Венецию, где его экстравагантно развлекал сенат,[\[1664\]](#) Феррара (29 июля), Мирандола, Мантуя и Турин, которые он покинул 28 августа и прибыл в Лион 6 сентября.[\[1665\]](#) Екатерина, проявлявшая большое нетерпение, встретила его там (она прибыла в Лион 27 августа). Она так боялась, что Алансону и Генриху Наваррскому удастся сбежать, что юные принцы поехали с ней в карете.[\[1666\]](#) Процессия двигалась так, как будто через враждебную страну через Бургундию и Шалон-сюр-Сон, часть гвардии маршировала впереди, остальные замыкали шествие. "Маршал де Рец всегда был на ее фланге. Часть гвардии прошла маршем две лиги до этого и еще две лиги после".[\[1667\]](#)

Те, кто был хоть сколько-нибудь оптимистичен, цеплялись за веру, пока развитие событий не разрушило их надежды, в то, что Генрих III попытается умиротворить своих подданных, утверждая, что если бы он был склонен к войне, то не отказался бы от предложенной ему в Италии помощи людьми и деньгами, и что французская корона больше не могла рисковать разделением королевства по частям.[1668] Дамвиль встретился с королем в Турине, прибыв туда по охранной грамоте герцога Савойского, чтобы убедить Генриха III принять примирительную политику, которой он поначалу склонялся следовать.

Но в тот момент, когда он попал под зловещее влияние Екатерины Медичи, он отбросил этот благоразумный совет на ветер. Именно она отговорила его от мудрого совета[1669] и перед его прибытием предприняла военные приготовления к возобновлению войны, снова импортировав швейцарских наемников и немецких рейтеров.[1670] Соответственно, вместо того, чтобы протягивать оливковую ветвь, король выразил свою решимость вести непрекращающуюся войну с гугенотами и политиками, а не удовлетворять их требования. Депутаты Ла-Рошели, прибывшие в Лион с просьбой о прекращении боевых действий, получили отпор от короля и сказали, что это всего лишь план гугенотов выиграть время для подготовки. Было приказано создать три лагеря: один в Дофине, второй в Провансе и Лангедоке и третий в Пуату. В то же время Шомберг и Фрегосо были отправлены в Германию за помощью.[1671]

Когда Генрих III окончательно решил проводить политику подавления, Дамвилля вызвали в Лион, чтобы он ответил за свое губернаторство. Это была роковая ошибка со стороны короля, поскольку действия короны превратили предварительное сотрудничество протестантов и политиков в позитивный союз. В Мийо в августе 1574 года протестанты признали Дамвиля, а он, в свою очередь, принял их лидеров в свой совет. Форма правления, установленная в Монтобана годом ранее, приобрела новую силу и больший размах. Провинциальные и генеральные ассамблеи формировались без различия между протестантами и политиками на основе взаимной терпимости; в местах, где преобладали два вероисповедания, каждая сторона обещала соблюдать мир, а Дамвиль обязался не вводить католическую религию ни в одном городе, хозяевами которого были гугеноты.

Люди, предпринявшие этот шаг, оправдывали его утверждением, что иностранная группировка получила контроль над сувереном; что она разрушает королевство, знать, принцев крови, а вместе с ними сами институты и цивилизацию Франции; и что они надеялись остановить этот процесс. Программа политической партии гугенотов, помимо полной религиозной терпимости, настаивала на отмене практики продажи должностей, созыве Генеральных штатов, снижении налогов. В этом требовании их поддерживали провинциальные государства Дофине, Прованс и Бургундия. Конфессиональная идея намеренно оставалась на заднем плане. Люди больше не говорили о религиозной войне, а о “Гражданской войне”, как в правление Людовика XI.

У знати имя Дамвилля вызывало в воображении. Значительная часть католической знати, которую долгое время сурово упрекали в том, что она несерьезно противостояла гугенотам, сочувствовала его позиции. Если судебная коллегия Франции была твердо привержена принципам католической религии, то дворянство, которое было наследственными врагами легистов, чье учение на протяжении трех столетий имело тенденцию ограничивать их феодальные права из чисто личных интересов, помимо любых других мотивов, теперь склонялось к кальвинистам. Только радикальные кальвинисты, такие как Дю Плесси-Морней,

выступали против унии и с ожесточением осуждали попытки их более умеренных собратьев, в частности Ла Нуэ, выступить против Дамвиля и Политики.[1672]

Королевский эдикт позволил гугенотам понять, чего следовало ожидать. Решимость короля состояла в том, чтобы очистить долину Роны от Лиона до Авиньона с помощью швейцарцев, а затем подчинить Лангедок с одной стороны и Дофине - с другой. Такой план был скорее смелым, чем практически осуществимым, и Генриху, вероятно, было бы слишком трудно осуществить его, особенно во время зимних осад. Протестанты укрепились в Ливроне на левом берегу Роны и в Пузене за рекой, который был недоступен разве что с одного подхода, да и то только четыре человека могли продвигаться в ряд.

Но был еще один вопрос, сложность которого Генрих III недооценил, а именно армия. Протестанты настолько окопались в своих крепостях, что использовать против них всадников было практически невозможно. Швейцарцы были наемниками низшего класса, хорошими как обычные пехотинцы, но бесполезными для осады. Более того, все они, рейтеры и швейцарцы, не были расположены двигаться с места, пока не увидят в своих руках жалованье, и были совершенно чужды дисциплины, опустошая страну, “чтобы заставить сердце христианина обливаться кровью”. [1673] В одном случае несчастные крестьяне последовали за своими грабителями до границ Лиона и в отчаянии напали на них, возвращая то, что было у них отнято. Что сделал король? Ему действительно пришлось наказать этих несчастных своих подданных, чтобы вообще сохранить услуги рейтеров!

Тем не менее, король на мгновение продемонстрировал кое-что из старого огня, который он продемонстрировал при Монконтуре, и поразил протестантов, взяв Пузен после трехнедельной осады. Однако победа была омрачена позорным поведением швейцарцев, рейтеров и итальянцев из королевской армии, которые разграбили и сожгли город. Почти такое же положение вещей царило везде, куда проникали эти озверевшие грабители — в Пикардии, Шампани, Пуату. Но Генрих III, добравшись до Авиньона, обнаружил, что его успех ничуть не лучше. Тем временем Дамвиль, с которым герцог Савойский имел честные отношения, вернулся из Турина и достиг окрестностей Монпелье и Бокера прежде, чем король узнал об этом.[1674]

Когда король послал кардинала Бурбонского поговорить с ним, Дамвиль прислал ответное сообщение, что, по его мнению, пример его брата “слишком опасен, чтобы являться ко двору, где те, кто добивался разорения его дома, пользовались слишком большим авторитетом”, [1675] и посоветовал королю удалить незнакомцев из его ворот, имея в виду Бирага и Де Реца.[1676] Генрих III ничего не смог добиться в Авиньоне и все же не знал, как отсюда выбраться. Он не мог подняться вверх по реке из-за течения. Гугеноты в Ливроне перекрыли дорогу на левом берегу; Монбрен находился на холмах в Оверни; люди Ла Нуэ ежедневно останавливали королевскую почту, а Дамвиль контролировал Прованс и Лангедок; Ла Хэй, королевский наместник в сене-шоссе в Пуату, перешел на сторону политиков.[1677] Виварес объявил о своем нейтралитете и отказался встать на сторону короля или политиков. Жители Тюля отказывались платить налоги ни католикам, ни протестантам, пока последние не были побеждены, и, таким образом, страна продолжала терпеть войну, которую ненавидела. Генрих действительно был в тяжелом положении. У него тоже не было денег, и он не мог надеяться раздобыть их так далеко от Парижа. Он даже опасался, что сопровождавших его солдат могут подкупить, чтобы они дезертировали.[1678] В довершение королевского беспокойства заявление Дамвиля было настолько публичным и смелым, что король опасался, что вскоре поступит иностранная помощь

протестантской службе. Опасения были не беспочвенны. Маршал действительно предлагал заключить союз с султаном и ввести турецкий флот в гавань Эг-Морт.[1679] В сочетании с этой возможностью планировалось предприятие против Испании во Франш-Конте, в котором были заинтересованы гугеноты Шампани и Бургундии, но которое было в первую очередь проектом курфюрста палатинского и принца Оранского.[1680]

Знаменательным фактом является то, что война теперь потеряла почти весь конфессиональный характер и превратилась во фракционный конфликт между соперничающими домами Гизов и Монморанси. Католицизм и политическая коррупция, с одной стороны, выступали против административной реформы и религиозной терпимости. После создания Политической партии государственные гугеноты объединились с ними. За исключением радикальных кальвинистов и фанатичных католиков, религия стала второстепенной проблемой для французов, если только она не была искусственно преувеличена.[1681] Это была смертельная вражда с обеих сторон, и была слабая надежда на урегулирование. Враждебность Гизов и Монморанси была настоящим семенем гражданской войны.[1682] Почти в каждом случае от человека зависело, было ли его участие так или иначе мотивировано убеждениями относительно общественного блага или частными интересами. Количество тех, кто прямо или косвенно был связан с воюющими домами, почти разделило королевство между ними, и обе стороны плохо обращались с несчастными людьми.[1683] Эта взаимная вражда была настолько широко распространена и глубоко укоренилась по всей Франции, что венецианский посол, не скупой наблюдатель, задавался вопросом, когда же ей придет конец, потому что в интересах каждого было поддерживать ее. Король был воляном в этой игре в политическую битву. Крушение короны, вместо того чтобы вызывать у них страх, рассматривалось как возможный способ дать волю своей вражде. Каждая сторона рассчитывала не только выплатить свои долги, которые были огромными, путем победы, но и установить власть своего дома более прочно, чем когда-либо, на будущее. Хотя война стоила королю и стране *экю на миллион*, им это ничего не стоило, по крайней мере, им самим. Слабость короны была силой соперников. Они разжирили на войне, поскольку мир лишил их авторитета, их силы и их сторонников. До тех пор, пока та или иная фракция не будет разгромлена, враждебность, несомненно, сохранится, и, таким образом, война, казалось, была обречена длиться бесконечно. Если в результате усталости или перемирия делалась передышка, то время было коротким и прекращалось, как только та или иная сторона снова накапливала какое-то вещество. Единственным средством от такого положения дел была война за границей, либо во Фландрии, либо в Италии.[1684]

Союз гугенотов и политиков сделал их очень сильными, особенно на юге. Но, с другой стороны, герцог де Гиз получал большую помощь из Фландрии. Когда преемник Альвы Рекесенс узнал о смерти Карла IX, он предложил Екатерине Медичи помощь испанскими войсками.[1685] Хотя предложение было отклонено, практический результат был тем же, поскольку из-за нехватки жалованья в Нидерландах тысячи рейтерских, валлонских и немецких лакеев летом и осенью стекались через границу, где их приветствовал герцог де Гиз, который где-то и каким-то образом нашел средства заплатить им.[1686] Но ниже прослойки профессиональных солдат во Франции был еще один вооруженный класс, которого феодальное общество не привыкло видеть в таком качестве. Это был народ; не городское ополчение, поскольку городские и провинциальные лиги познакомили людей с ними, а крестьянство. Затяжные войны, разорившие этот класс экономически и морально, породили породу людей, которые выросли

из земли, подобно зубам дракона из греческой басни, людей, которые благодаря наблюдательности и практике привыкли к фитильному замку и мечу, ожесточенных угнетением, долгое время доведенных до отчаяния непосильными налогами и несправедливостями войны.[1687]

КОПЕЙЩИК И ЗНАМЕНОСЕЦ

(Торторель и Периссин)

Усталость от бдения в разгар зимы и чрезмерная самоуверенность, похоже, ослабили бдительность врагов Генриха III. Как бы то ни было, вымогав 50 000 франков у дворян в своей свите, чтобы заплатить окружавшим его солдатам, король, сняв осаду Ливрона 24 января 1575 года, сумел проскользнуть через ущелья в Реймс на свою коронацию. Коронация была триумфом Гизов. Смерть кардинала Лотарингии 29 декабря в Авиньоне отнюдь не отбросила их назад[1688] их звезда, казалось, была выше, чем раньше. Кардинал де Гиз занял место своего покойного дяди в качестве примаса Реймса; герцог де Гиз был великим камергером; а герцог Майенский и маркиз д'Эльбеф были главными пэрами-мирянами. Единственным посторонним был Де Рец, который исполнял обязанности констебля по этому случаю. Коронация состоялась 15 февраля. Вскоре после этого события, очевидно, в порыве внезапной страсти, Генрих III женился на Луизе де Водмон, чей отец был дядей герцога Лотарингского, а мать приходилась сестрой несчастному Эгмонту. Но этот брак не имел политического значения — действительно, новая королева занимала столь незначительное положение, что Екатерина Медичи в письме королеве Елизавете выразила свое унижение женитьбой сына.[1689]

ARQUEBUSIER

(Торторель и Периссин)

Главные проблемы Франции - религиозная терпимость и политические реформы - теперь были более чем когда-либо затуманены соперничеством группировок вокруг трона. Королева-мать питала к Гизам еще большую ненависть, чем раньше, из-за их нового господства, и питала чуть

меньше неприязни к Монморанси, но тщательно скрывала это и под тем или иным предлогом пыталась удалить их из окружения своего сына. С этой целью Бельгарда, который был старым атташе дома Монморанси и был обязан своей популярностью у короля красивому лицу и точеной ноге, назначили специальным послом в Польшу, чтобы убрать его с дороги. Его товарищем по заданию был Эльбеф — действительно неподходящая пара. Их дело состояло в том, чтобы перевезти 200 000 крон парижских буржуа в Польшу, чтобы подкупить польский сейм, чтобы тот не избирал преемника отсутствующему Генриху. Если поляки проявят упорство, Эльбуф должен был выступить за избрание герцога Феррары, в жилах которого текла кровь Гизаров. В то же время Бирон и Матиньон были назначены маршалами, чтобы уравновесить влияние Де Реца, который немедленно сложил свои полномочия и поклялся, что “больше не будет вмешиваться”. Были также огорчения по поводу передачи правительства Нормандии, освобожденного после смерти герцога Бульонского. Герцог Неверский утверждал, что это было обещано ему во время пребывания в Польше; герцогиня Немурская потребовала этот пост для герцога и заявила, что Невер был “иностранцем”. Генрих III в конце концов пошел на компромисс, передав должность своему ничтожному тестю, после чего герцог Неверский в ярости покинул двор. Споры о старшинстве также раздражали короля. Монпансье оспорил претензии Гизов на старшинство в суде перед парламентом, и поэтому мадам де Немур поссорилась со своей дочерью. “Все они были склонны к подготовке к войне, ” остроумно писал Дейл Уолсингему, “ но эти внутренние раздоры их укрощают. Среди них настоящий ад, ни один не доволен и не спокоен с другим, ни мать с сыном, ни брат с братом, ни мать с дочерью”.^[1690]

Состояние финансов было плачевным, и Генри прибегал к различным ухищрениям, чтобы обеспечить себя средствами. Миссия Эльбуфа и Бельгарда в Польшу была отложена, в то время как король умолял Папу Римского, герцога Савойского и Венецию о выделении необходимых денег;^[1691] жалование домашней прислуги короля было просрочено за девять месяцев, а последнее денежное жалование его охранникам было выплачено за счет налога, взимаемого королем с дворян и джентльменов двора . Париж, как обычно, сильно пострадал от принудительного займа в 600 000 франков, помимо крупных взносов, вымогаемых у тамошних иностранных торговцев. Но основная часть денег должна была поступить из церковных земель. Парламент протолкнул письмо-патент в форме эдикта, разрешающего отчуждение 200 000 ливров ренты от временных расходов духовенства, король рассчитывал собрать этим процессом полтора миллиона франков, но готовых покупателей нашлось немного. В дополнение к этой практике “случайные партии” были переданы флорентийскому брокеру по имени Диасето за 60 000 франков в месяц. Однако Генрих III прибегал к худшим средствам, чем эти. Он продал четыре места в своем совете за 15 000 ливров каждое; заставил сборщиков подоходного налога ожидать поступления в течение двенадцати месяцев, а затем лишил их должностей после того, как лишил их прибыли от них и продал их другим; и привел в упадок лесные владения, продав по два дерева в каждом арпенте.^[1692]

Позиция и поведение Дамвиля давали величайшую надежду на будущее, если бы удалось заставить Генриха III взглянуть на вещи правильно. Сам Дамвиль правил всем Лангедоком и Провансом; его наместник Монбрэн контролировал Дофине; Тюрэнн владел Овернью; у Рошеллуа были агенты при дворе, добивавшиеся прочного урегулирования дел; даже кардинал Бурбон и герцог Монпансье склонились на сторону политиков. В 1575 году существование старой партии гугенотов, религиозных гугенотов, практически подошло к концу. Отдельных

радикальных кальвинистов там было предостаточно, но протестантской *организацией* была организация политических гугенотов.

К весне 1575 года стало очевидно, что принц Конде и Генрих Наваррский, с одной стороны, и Дамвиль и его брат вместе с Алансоном были вынуждены взяться за руки ради общей цели установления постоянной религиозной и большей гражданской свободы во Франции. “Свобода и реформы” были политикой того времени, если не лозунгом. Декларация ассамблеи Мийау в августе прошлого года была написана от руки на стене — послание, которое введенный в заблуждение Генрих III упрямо отказался прочесть. 25 апреля 1575 года это послание было повторено в еще более четких выражениях в форме манифеста Дамвиля, который определил совместную политику политиков и политических гугенотов. Это было заявление патриота, а не приверженца, и уж тем более мятежника, который, подобно Кромвелю, оказался вынужден возглавить движение за политические реформы против упрямой короны, которая либо не хотела, либо не могла разобраться в проблемах.[1693]

Читая между строк конституции, согласованной в Ниме, бросается в глаза республиканский характер предусмотренного в ней правительства.[1694] Правом осуществлять суверенные права в области законодательства, правосудия, налогообложения, ведения войны и заключения мира, регулирования торговли больше обладал не король, где преобладал Акт Объединения, а представительный орган. Лангедок, Прованс и Дофине были *де-факто* независимы от короны.[1695] доп изделий из Конде и Damville, и католиков и протестантов Лангедок, Прованс, Дофине и потребовал (1) свобода вероисповедания, без различия разрешается; (2) что *parlements* должна состоять наполовину-католики, а наполовину из протестантов, последний, который будет назначен принц Конде; (3) что правосудие свершится над авторы Варфоломеевскую ночь и штраф и конфискацию адмирала быть отменено; (4) что находится в настоящее время проводится гугеноты будут сохранены, кроме леса и Ла-Шарите, вот и дополнительную защиту короля должны дать им в каждой губернии два из трех городов, чтобы быть названным его словам принца де Конде; (5) то, что король платить 200 000 крон для покрытия расходов войны; (6) что ни маршал де Рец, ни канцлер Biragues должны иметь какое-либо участие в переговорах; (7) что герцог Монморанси и Маршала Cossé должен быть отпущен на свободу, и свою невиновность объявлен в полном объеме парламента “Ан халат Руж” (8), что наследники тех, кто был убит должны иметь свои имения возвращались к ним; (9) что королева Англии, курфюрст Палатин, и герцогов Савойских и Deuxponts должны быть участниками мирного процесса; (10) что в течение трех месяцев после заключения мира Генеральные Штаты будут собраны для установления порядка во Франции.[1696]

Какое-то время казалось, что король уступит этим требованиям. Он все больше завидовал влиянию Личин и начал понимать, что принуждение невозможно.[1697] На первой аудиенции Генри любезно принял депутатов, сказав, что ему “понравилась их речь, но их статьи были жесткими”. Статьи обсуждались *последовательно* королем как с депутатами, так и с советом. Главная заминка возникла с четвертым требованием. Король был готов разрешить отправление протестантского культа в *одном* городе в каждом бейливики, за *исключением закрытых* поселков, в то время как депутаты требовали свободы вероисповедания во всех местах в *пригородах*, как это предусмотрено январским эдиктом. Из соображений благоразумия, казалось бы, для короны было бы лучшей политикой разрешить богослужение в пригородах

всех городов, а не вводить положение, требующее концентрации протестантов в одном месте в каждом бейливики; однако король, вероятно, считал, что кальвинизм с меньшей вероятностью распространится при таком ограничении, чем если бы у гугенотов было множество мест отправления культа.^[1698] Королева-мать пыталась убедить Монморанси использовать свое влияние для ослабления требований, пообещав освобождение из Бастилии в качестве награды. Но герцог ответил, что “если бы его заключение могло принести королю удовольствие или выгоду, он был бы доволен находиться там всю свою жизнь; но вмешиваться в мир или писать об этом, никогда не понимая их действий, значило бы сделать себя виновным в этом и прослыть орудием их гибели, и поэтому это было бы плохо для него”.^[1699] Вслед за этим Генрих III прервал переговоры, все еще надеясь, как и ранее, суметь разделить гугенотов и объединенных католиков.

События после этого развивались стремительно. Нарбонна, Периге и Турнон в Лионе были взяты армиями гугенотов-политиков. Последнее место занял сам Дамвиль. Турнон был особенно сильным городом на Роне, примерно в трех лье от Валенса, а Ливрон находился к югу от него. Поимка настолько обескуражила герцога д'Юза, что он попросил разрешения уйти в отставку из-за дезертирства среди своих последователей.^[1700] Вместо этого ему был дан приказ “разорить Лангедок, чтобы заморить его голодом на зиму”. Но герцог был слишком умен, чтобы подчиниться, и Дамвиллю разрешили собирать урожай, не причиняя вреда. Потому что, если бы король попытался совершить опустошение, вся страна восстала бы против него. Сен-Жан-д'Анжели, Ангулем и Нерак подняли восстание настолько, что изгнали гарнизоны из города. В Бургундии, где Таванн основал Лигу Святого Духа, была сформирована Политическая лига.^[1701] Чудом избежавший смерти от яда Дамвилл в то время привлекал к себе людей больше, чем когда-либо. В кульминационный момент бедствий Генриха III 15 июля 1575 года польский сейм объявил трон вакантным, освободив всех от присяги ему.^[1702]

The *Спонтанный* характер восстания в стране летом 1575 года - интересное историческое явление. Оно ни в коем случае не ограничивалось югом Франции. В Шампани дворяне, некоторые из которых были вассалами Гиза, и *крестьяне* объединились, чтобы напасть на рейтеров. Мадам де Гиз бежала из Жуанвиля, опасаясь быть застигнутой врасплох жакерией шестнадцатого века. В Бретани произошел аналогичный переполох, когда король попытался конфисковать обширные земли герцога Роганского после его смерти. Некоторые события напоминают события Французской революции. Многие жители Шампани покинули страну и направились к границам Германии, как “эмигранты” после 4 августа 1789 года. В Париже были визиты от дома к дому, похожие на те, что были в сентябре 1793 года. Всеобщее недовольство рейтерами усилилось. В Нормандии была создана ассоциация джентльменов с особой целью защиты страны от них.^[1703]

Беспокойство правительства было тем сильнее, что не было точно известно, какие отношения существовали между гугенотами, политиками и англичанами. Международный договор, заключенный между Карлом IX и Елизаветой, был продлен последней 1 апреля 1575 года и подтвержден Генрихом III 4 мая.^[1704] Но Елизавета не была тем человеком, который был связан официальным словом. На границе Пикардии и Фламандии царил взаимное недоверие. В декабре 1574 года Рекезенс сообщил Филиппу II о своих опасениях возобновления деятельности гугенотов в Нидерландах, которые прекратились после катастрофы в

Генлисе,[1705] и гарнизоны на границах были соответственно увеличены. Женитьба Генриха III на Луизе де Водемон вызвала у испанского губернатора большое беспокойство, поскольку несчастный Эгмонт приходился ей дядей, а старший сын Эгмонта в марте посетил своего двоюродного брата-короля Франции.[1706] Рекесенс также опасался брака между герцогом Алансонским и дочерью Вильгельма Оранского,[1707] и того факта, что французский посланник во Фландрии, сьер де Мондусэ, благоразумно избегал пользоваться официальной почтой, но использовал своих собственных курьеров для отправки посланий в Париж.[1708] “Все соседние государства руководствуются злонамеренными намерениями”, - причитал он Филиппу II. “Французы и англичане находятся в переписке, и оба движимы одним и тем же духом враждебности против католической религии и против вашего величества, как единственного ее защитника”.[1709]

Арест секретаря Монморанси в Булони в марте, когда он прибыл из Англии, и который признался, что собирается найти Дамвиля,[1710] в сочетании с отсутствием принца Конде и Шарля де Мере, младшего Монморанси, в Германии, так встревожили короля, что в начале июня Шомберга отправили за Рейн выяснить, что произошло. Конде так и делал; если он обнаруживал, что для службы во Франции производится набор кавалерии, ему было приказано зачислить 8000 солдат на службу королю.

Шомберг оказался хорошим агентом, поскольку вскоре после этого он написал, что, по его мнению, между королевой Елизаветой, некоторыми немецкими принцами и врагами французского короля дома существовала тайная помолвка; и что Конде, истратив 30 000 крон, собрал 8000 кавалеристов, которые, как можно было ожидать, придут к границе к середине августа, хотя некоторые утверждали, что эти рейтеры предназначены для службы в Нидерландах.[1711] В силу этих подозрений, особенно когда герцог де Гиз в первую неделю сентября прислал сообщение о том, что 2500 рейтеров перешли Рейн, английскому послу доктору Дейлу, который до сих пор проживал в Сен-Жерменском предместье, было рекомендовано переехать в город, якобы для его большей безопасности, но на самом деле для того, чтобы помешать ему тайно принимать неизвестных лиц. ночью, насколько это было возможно там, где он жил.[1712]

На этом этапе, когда все было напряжено и все были на взводе, герцогу Алансонскому удалось сбежать со двора (15 сентября). Хотя на самом деле он не был заключен в тюрьму, как герцог Монморанси, он и Генрих Наваррский оба находились под постоянным наблюдением в течение нескольких месяцев, и различные попытки, предпринятые ими, чтобы сбежать, потерпели неудачу. При дворе воцарилось смятение, когда стало известно о побеге. Король был “как человек, лишенный мужества” и, как и прежде, в Авиньоне, устроил экстравагантную религиозную демонстрацию, “выходя из церкви, как будто покинутый всем своим народом”.[1713] Он знал, что присутствие его брата привлечет в ряды политики многих дворян, которые еще колебались.[1714] У него не было ни средств набрать армию, ни ресурсов для ее содержания.

В этот кризис Екатерина Медичи сохранила самую ясную голову при дворе. Пока она пыталась умаслить беглого принца ласковыми словами, добравшись до Дре, чтобы встретиться с ним, из Руана, Орлеана и Шартра были отправлены отряды, чтобы окружить его. Но Алансону не хотелось попадаться в ловушку, и он быстро поскакал в сторону Луары в надежде встретиться с Ла Нуэ или виконтом Тюреннским. В то же время герцогу де Гизу было приказано оказать

энергичное сопротивление наступающим рейтарам Конде. Но даже его армия была в плачевном состоянии из-за дезертирства офицеров и рядовых, перешедших на сторону Алансона, так что ему пришлось посылать новые войска.[1715] Почти вся армия на службе короля была выведена из Дофине и Лангедока и сосредоточена в Бургундии и Шампани.[1716] Многие зависело от результата предстоящего сражения с рейтерами. Если бы королевские войска были разбиты, Париж оказался бы в серьезном противостоянии между врагами короля. В результате вывода войск вся Овернь, Бурбонне, Ниверне, Гатине и Бос уже были вооружены, и дворяне этих регионов перешли на сторону герцога Алансонского. Только бдительность гарнизонов в Орлеане и Туре, Мулене и Невере позволила короне сохранить линию реки Луары.

Рейтеры попытались обойти Гиза и найти другой путь проникновения во Францию, так что герцог оставил свою артиллерию в Лотарингии и форсированным маршем направился к Седану с намерением дать там сражение. Но рейтеры, около 2500 человек под командованием Торе, избежали боя и маневрировали, чтобы присоединиться к протестантским силам пикардийцев численностью 2000 человек, а Гиз отступил к Реймсу, чтобы удержать переправу через Эну, тем временем прося короля о подкреплении, которое прибывало так медленно, что герцог был вынужден отступить к Марне. 9 октября он основал свою штаб-квартиру между Шато-Тьерри и Эперне, недалеко от Порт-а-Пинсона. Столкновение произошло близ Фисма, на Марне, выше Дормана, 10 октября. С обеих сторон было убито не более пятидесяти человек, и бой не помешал рейтерам продолжить свой путь и переправиться через Сену близ Ножан-сюр-Сен, что они смогли сделать из-за отлива. Их главной потерей были два или три корнета рейтеров, которых Гиз подкупил, чтобы они дезертировали. Однако де Торе был обязан своим легким побегом серьезному ранению, полученному герцогом де Гизом. Пуля попала ему в боковую часть лица, оторвав ухо и так искалечив щеку, что на всю оставшуюся жизнь у него остались ужасные шрамы, и он всегда носил бархатную маску.[1717]

Незначительность победы герцога, однако, не помешала королю провозгласить торжественное шествие и *Te Deum* в честь этого дня. В “победе” также было сделано обоснование нового налога. 12 октября 1575 года по приказу короля парижане собрались в большом зале ратуши, где глава купечества Шаррон озвучил новое требование короля о помощи в виде подушного налога с горожан города и других мест в *превоите* Парижа в размере 3000 швейцарских франков, что составляет половину от 6000, которые королю требовались для защиты королевства, в дополнение к сумме в 15 000 франков, ожидаемой на каждый из последующих месяцев.

Жители Шампани снова стали жертвами спойлера. Все лошади бедных рабочих, которых рейтеры встретили на дороге, были насильственно изъяты, как это было и в гостиницах, где они останавливались. Один приход потерял тридцать лошадей. Единственная плата, которую получили бедные крестьяне, - это побои за свои протесты.

В течение трех-четырех дней на дорогах и в деревнях постоянно можно было видеть солдат, направлявшихся к переправе через Сену у Ла Мотт-де-Тилли. Двое солдат ехали на одной лошади, и их присутствие было тяжелым испытанием для торговцев и священников, которых они встречали на пути. У более мелких торговцев отнимали их имущество, а у тех, кто считался богатым, вымогали их богатство силой или же держали в плену до получения выкупа. Что еще хуже, вслед за армией пришла толпа мародеров, в основном французов.[1718]

Было очевидно, что пока рейтеры были на поле боя, король не мог послать войска против своего брата. Он обвинил королеву-мать во всем, что произошло, особенно в победе Алансона, и Екатерина, как говорят, в качестве ответа прислала ему для прочтения экземпляр Commines с советом подражать политике его хитрого предшественника. Но, как презрительно заметил современник, Генрих Валуа не был Людовиком XI. Чего можно было ожидать от короля, который проводил свое время, “переходя из аббатства в аббатство и изобретая что-то с женщинами”.^[1719] В горе и тревоге, поддерживаемая герцогами Монморанси и Монпансье и прекрасным старым маршалом Коссе, Екатерина предприняла серьезные усилия для переговоров о перемирии с герцогом Алансонским.

Предваряя свои требования предупреждением о том, что он не может вести окончательные переговоры без Конде или Дамвиля, Алансон потребовал сдачи Пон-де-Се на Луаре, помимо Ла-Шарите, Буржа, Ангулема, Ниора, Сомюра и Анже в пользу гугенотов; и Мезьера в Шампани, Лангра в Бургундии или Ла-Фер в Пикардии в пользу принца Конде;^[1720] крупное урегулирование для себя; обещание, что Генеральные штаты будут созваны для политических действий; корона выплатит 200 000 крон протестантским рейтарам; отправление кальвинистского культа в таких же широких пределах, как было получено в 1570 году (до тех пор, пока это не будет более полно предусмотрено в окончательных статьях мирного договора); восставшие провинции должны оставаться с оружием в руках, за исключением случаев с наемниками, при том понимании, что никакие действия необходимо покончить с враждебностью, а тем временем освободить торговлю. Королевский совет, когда ему были выдвинуты эти радикальные условия, посоветовал королю уступить, не видя выхода из положения из-за нехватки средств для продолжения войны. Но Генрих III пришел в ярость и бросил эти предметы в огонь. Вопреки совету своих друзей, которые посоветовали ему использовать те немногие средства, которые у него были, чтобы подкупить рейтеров у Конде, он отправил еще 30 000 крон в Германию для приобретения помощи.

В этом проливе деньги пришли внезапно, как с небес. Папский нунций сразу предложил 100 000 крон и пообещал еще 200 000, в то время как венецианское правительство в память о его визите туда годом ранее подарило ему его драгоценности, которые находились в залоге. Наконец, в довершение ликования короля по поводу такого внезапного поворота событий, из Германии пришло известие, что рейтеры, нанятые Шомбергом и Бассомпьером, прибывают, “и перемирие их не остановит”. Генрих III немедленно прервал переговоры. Надежда состояла в том, чтобы отделить Алансонец от принца Конде, а затем, предпочтительно путем подкупа, а при необходимости и войной, победить последнего, поскольку Шомберг убедил короля, что такой курс осуществим. С этой целью за границу были направлены уполномоченные для взимания новых налогов.^[1721] Большая изобретательность была проявлена при разработке новых форм налогообложения. В июне 1575 года были изданы два указа, один из которых требовал прикрепления новых печатей к рулонам шерстяной ткани и учреждения *greffier des tailles* в каждом приходе;^[1722] другой создает должность четырех *земельных комиссаров* в каждой юрисдикции королевства. Также было увеличено число нотариусов.^[1723] В декабре король под предлогом прихода рейтеров потребовал новой субсидии от податливого и послушного народа Франции под предлогом сбора людей для войны. От парижан он потребовал сумму в 200 000 ливров, чтобы заплатить три тысячи швейцарцев. Другим предлогом был ремонт моста в Шарантоне, который гугеноты сломали в 1567 году.^[1724] Эти налоги упали еще сильнее, потому что в дополнение к разорению страны войной, по всей стране был низкий урожай из-за засушливого лета. “Реки повсюду были такими низкими, что во многих местах их можно было

перейти вброд. Каждое утро всходило солнце, и каждый вечер оно заходило красным и воспаленным”.[\[1725\]](#)

Тем временем в Париже царил страх, что силы Дамвиля и виконта Тюренна соединятся с силами герцога Алансонского и объединенный корпус двинется на Париж, и гарнизоны были спешно размещены в Монтеро, Корбее, Шарантоне, Сен-Клу и Сен-Дени. Были отремонтированы старые траншеи по обе стороны реки и возведены платформы на полях вокруг города. Особенно был укреплен Монмартр. Горожане столицы, а также сельские жители за ее пределами были увлечены работой с кирками, лопатами и корзинами. В городе были построены мельницы, и город был обеспечен продовольствием. Король издал эдикт, предписывающий крестьянам в радиусе тридцати лье вокруг столицы обмолачивать зерно и хранить его в укрепленных городах, которые, как известно, верны короне, за исключением случаев, когда они проживали в пределах девяти лье от Парижа, и в этом случае зерно должно было доставляться в город. Все переправы через Луару охранялись. Результатом всего этого стало царство террора на Иль-де-Франсе. Солдаты занимались всевозможными разбоями, так что в полном отчаянии жители деревни иногда поджигали свои города. Провизия реквизировалась без какой-либо компенсации. Бедняки подвергались таким издевательствам, что жители одного города, Джогни, умоляли коменданта сжалиться над ними. Но вместо этого Пуйгайяр осыпал маленькую депутацию упреками и приказал солдатам избить их в присутствии всех.[\[1726\]](#)

Памятуя о присутствии старшего принца Конде под стенами Парижа и битве при Сен-Дени, где был убит коннетабль Монморанси, парижане были готовы трудиться в окопах ради безопасности Парижа. Но они не желали, чтобы их еще больше облагали налогами. В знаменательном протесте, к которому присоединились духовенство, парламент, счетная палата, судебный пристав, мэр Парижа, а также буржуа и горожане всех кварталов города, был выражен протест против вымогательства 200 000 ливров, которое Генрих III предложил увеличить в этот критический час. После упоминания о том, что с 1560 года во Франции царили гражданские раздоры и что в течение пятнадцати лет корона получила 36 000 000 франков от Парижа и других городов и 60 000 000 франков от духовенства, помимо других подарков и субсидий, при незначительном прогрессе ни в политике, ни в религии, мемориал продолжил указывать на некоторые причины этой всеобщей коррупции в резких выражениях:

Симония открыто разрешена. Бенефициями владеют замужние леди, которые используют доходы совсем не так, как намеревались основательницы. Люди остались без религиозного образования и, таким образом, отклонились от истинной религии. Мало что можно добиться справедливости из-за продажности судов, из-за чего их соседи считают их отвратительными. Число лиц, занимающих должности, очень велико, и часть из них заведомо неспособна, а остальные бедны, что делает их склонными к злодеяниям. Безнаказанность, с которой совершаются убийства, еще больше затрудняет правосудие. Великие жестокости и варварства совершаются пехотой и жандармерией, которая теперь состоит не из джентльменов, а из лиц низкого положения. Не только они, но и солдаты его гвардии грабят дома его народа, церковные владения и больницы даже в самом Париже, так что бедняки не могут получить предметы первой необходимости.[\[1727\]](#)

В течение этих недель Монморанси усердно трудился во имя мира, умоляя, споря, упрекая как своих младших братьев, так и Алансона. Столь же искренне его поддерживала Екатерина

Медичи, теперь силой событий перешедшая к мирной политике,^[1728] но обоим постоянно мешало либо непостоянство короля, либо махинации Гизов.

Болезнь королевы—матери — она так сильно страдала от ишиаса, что часто не могла покинуть свои покои, - и легкомыслие короля были положительным преимуществом политики Гизов.

Следует помнить, что крепость Ла-Фер была предварительно запрошена королем для принца Конде. Генрих III в ответ предложил Дулен в Пикардии вместо Ла-Фер или Перонна, как было предложено позже, сославшись на то, что он не может добиться повиновения от жителей последних мест. Это требование о приграничной крепости близ Фландрии было выдвинуто герцогом Алансонским, на самом деле для усиления своей собственной выгоды в Испанских Нидерландах, и он воспользовался методом получения Конде права собственности на нее как средством сокрытия своей цели.

Возможность такого захвата любой пограничной крепости в Пикардии чрезвычайно встревожила короля Испании и гизов, которые договорились нарушить мир.^[1729] Этот план является истинным источником формирования знаменитой Священной лиги, которая, хотя и приняла организованную форму только после заключения Бержерак-ского мира (17 сентября 1576 г.), тем не менее, существовала в предварительном состоянии так рано, в результате совместных действий герцогов де Гиз, Немура, Майенна и Невера, канцлера Бирага и других сателлитов Священной лиги. дом Гизов намерен воспрепятствовать заключению мира на таких условиях и разорвать его в случае его заключения.^[1730] Дважды эта клика призывала короля дать сражение до того, как все силы оппозиции объединятся, и дважды королева-мать срывала их планы, добиваясь отсрочки. 22 февраля между ней и советом произошла жестокая сцена — Генрих III был болен, — в ходе которой Екатерина назвала лжецами тех, кто называл ее сына предателем, и заявила, что, несмотря на противодействие, “это будет мир”.

Безразличие Генриха III к серьезности ситуации и его крайний эгоизм замечательны, но полностью соответствуют его характеру. Часами напролет он разглагольствовал о поэзии и философии — “о первичном разуме, о чувстве и чувствительности и тому подобных вопросах” — со своими любимцами, находясь в отставке кабинета министров, в то время как государство находилось на грани разорения. Венецианский посол подробно описывает один из таких симпозиумов в депеше от 3 февраля 1576 года.

В течение последних нескольких дней [он говорит] его Величество получал удовольствие, удаляясь в маленькую квартиру без окон, и в свои апартаменты его Величество вызывает четырех или пять молодых людей города, которые занимаются профессией поэтов и легкой литературой, и для встречи с этими людьми его Величество приглашает герцога Неверского, великого приора, Бирага, монсеньора де Суре, королеву Наваррскую, свою сестру мадам де Невер и маршала де Реца, все из которых заявляют, что обожают поэзию. Когда они собрались таким образом, его Величество приказывает одному из этих юношей произнести хвалебную речь об одной из добродетелей, превознося ее выше всех остальных, и как только он заканчивает свои рассуждения, каждый человек по очереди возражает против сделанного предложения. Его Величество тратит много часов на это занятие, к небольшому удовлетворению королевы-матери и всех остальных, которые желали бы видеть в столь бедственные времена, что его Величество занимается своими неотложными делами, а не развлечениями, которые, какими бы похвальными они ни были в другое время, сейчас вызваны необходимостью дела, осуждаемого всеми, поскольку король по этой причине не может

присутствовать на своем совете и там обсуждать вопросы, которые имеют величайшую важность и которые, принимая во внимание его собственное положение и положение его королевства, легко представить, требуют внимания.[1731]

Как это ни странно, решимость гизов продолжать войну соответствовала желаниям некоторых их врагов — обстоятельство, иллюстрирующее, насколько необычным был союз, существовавший между гугенотами и политиками. Религиозные гугеноты уже в середине декабря протестовали против предложенных условий мира на том основании, что сделанные предложения не сулили столько преимуществ или безопасности, сколько продолжение войны. Утверждалось, что перемирие нанесет им больший ущерб, поскольку король все еще будет готов к войне, и что если они сейчас упустят возможность создать свое состояние с помощью рейтеров, результат принесет им несчастье.[1732] Эти недалекие диссиденты с неприязнью смотрели на политический курс герцога Алансонского, избегавшего разграбления захваченных им городов, даже на то, что он полагался на их лояльность и воздерживался от размещения в них гарнизонов (некоторыми из этих городов были Дре, Роморантен, Туар и Луден), и осуждали ему за его миролюбивые заигрывания с парижским парламентом.[1733] Соответственно, они с восторгом приветствовали побег Генриха Наваррского (5 февраля 1576 г.) и его немедленное отречение[1734] католической веры, которую он исповедовал. Он был вынужден признаться в День Святого Варфоломея и возобновившемся наступлении рейтеров в Бургундию и Овернь, а оттуда через Луару в Бурбонну, несмотря на тот факт, что эти конные наемники “производили ужасную добычу огнем и хворостом”, куда бы они ни направлялись.

Рейтеры двинулись по дороге на Лангр, пересекли Сену выше Шатийона в Осер, направляясь к переправе через реку Луара у Ла-Шарите, чтобы соединиться с герцогом Алансонским, который находился в Берри, недалеко от Буржа. Шампанское и Бри после их наступления были заполнены разбойниками, которые, выдавая себя за солдат, грабили горожан и путников. Существовали регулярные банды этих флибустьеров, членам которых их капитаны регулярно платили жалованье. Но анархия в провинциях не вынудила короля прекратить свои занятия философией или любовь к безумным шалостям. В марте он отправился резвиться на масленицу, “катаясь по городу, чтобы бросать яйца и устраивать другие беспорядки”, оставив Майенну работать с теми дворянами, которые отказались подчиняться “мальчишке, который никогда не видел войн, и солдатам, которым задолжали жалованье на целый квартал”. [1735] Майенн разместил свою штаб-квартиру в Мулене, чтобы предотвратить объединение рейтеров с Алансоном и гугенотами Пуату и Гайенны. Потребовалось все мужество маршала Бирона, чтобы удержать молодого командующего от того, чтобы броситься на них, почти не заботясь о результате, поскольку поражение могло быть немногим хуже, чем ежедневное сокращение его армии из-за дезертирства.[1736]

Генрих III сначала делал вид, что не обращает внимания на побег своего кузена. Но присутствие Генриха Наваррского на поле боя вскоре оказало важное влияние. Это было единственное, что необходимо для завершения организации гугенотов, многие из которых смотрели на принца Конде скорее как на политика, чем как на одного из них. Гармоничная работа двух партий, противостоящих короне, теперь была возможна в большей степени, чем раньше. Генрих Наваррский, принц Конде, герцог Алансонский и Дамвиль Юнайтед были в состоянии сосредоточить внимание на происходящем. Фактическая территория, контролируемая Генрихом III в то время, была немногим больше, если вообще была, чем древние Иль-де-Франс, Бургундия и Шампань его предков в двенадцатом веке. Гугеноты и политики так разделили

королевство между собой, что карта королевства в это время напоминает карту Франции в эпоху феодализма. Генрих Наваррский разместил свою штаб—квартиру в Сомюре и, таким образом, смог легко контролировать Анжу; верность Гиенны, Беарна и Пуату была несомненной; герцог Алансонский оккупировал “срединные земли” - Берри (кроме Буржа) и большую часть Бурбонне и Ниверне. Молодой Колиньи, сменивший Монбрена, находился в Дофине, и его верность религии была непоколебимой; Дамвиль и его помощники контролировали весь Лангедок, Прованс и Овернь; молодой Монтгомери находился в Нижней Нормандии, где ему тайно помогала Англия, в то время как принц Конде при поддержке графа Палатинского угрожал Пикардии.

Все выигрышные карты были в руках гугенотов и политиков. Без территории, без средств, с неоплачиваемой армией или только наемниками у короны не было другого выхода, кроме как смириться с ситуацией и заключить мир, если только Генрих III и королева-мать не опустятся до худшего унижения, получив поддержку Филиппа II. И вот так получилось, что в то время как Париж ежедневно ожидал, что выдержит осаду, а предместья и ворота были так переполнены теми, кто жил за стенами, и беженцами из окрестностей, “что человек едва мог войти в ворота для людей, экипажей и скота”,^[1737] Генрих III подписал Акт о мире 2 мая 1576 года.

Мир 1576 года, иногда называемый Миром Месье из-за выдающейся роли герцога Алансонского в его формировании, был самой полной и продуманной хартией, когда-либо данной гугенотам, воплощавшей мудрость, которой научил опыт. Следует отметить, что урегулирование предполагало как терпимое отношение к религии, так и политическую реформу. Положения этого сложного мира можно разделить на четыре части, каждая из которых была важным элементом поздней оппозиции короне, а именно: гугеноты, Генрих Наваррский, герцог Алансонский, Политики.

Король разрешил гугенотам публично исповедовать кальвинистскую религию по всей Франции, за исключением двух лье от двора и четырех лье от Парижа. Гугеноты были объявлены имеющими право на все должности и звания без дискриминации по признаку религии. В качестве защиты королевского правосудия от возможного злоупотребления этими правами корона обязалась учредить смешанные парламенты, наполовину католические, наполовину протестантские, в Пуатье, Бордо, Тулузе, Монпелье, Гренобле, Экс, Дижоне, Реймсе, и Руане, а также новую палату в парламенте Парижа с двумя президентами и восемнадцатью советниками, девять из которых католики, девять протестанты. Протестантские адвокаты, *прокуроры женеро* и *греффье* по гражданским и уголовным делам должны были быть связаны с каждым из этих смешанных парламентов.

Для дальнейшей защиты гугенотов им должны были быть переданы восемь городов, а именно: Эг-Морт и Бокер в Лангедоке; Периге и Ле-Мас-де-Верден в Гиенне; Ла-Рошель в Пуату; Иссаур в Оверни; Нион и Серр (включая шато) в Дофине; Сенн “гранд-тур и ле-контур” в Провансе. Дополнительными требованиями были всеобщее забвение любого поведения и действий лиц с обеих сторон; отмена всех декретов, постановлений и прокламаций, сделанных до сих пор; реабилитация памяти адмирала Колиньи и восстановление их жизни и почестей его детям, а также в делах Монтгомери, Монбрена, Брикмо и Каваньи. Не предполагалось возбуждения уголовного дела в связи с действиями, совершенными в Сен-Жермен-ан-Лэ и Венсенском лесу.

Два из этих положений были встречены депутатами-гугенотами с большим недовольством, а когда были опубликованы, многие протестанты осудили их. Первым из них был запрет на

протестантское богослужение в парижских предместьях, закон, в котором конкретно указывалось, что Сен-Дени, Сен-Мор-де-Фосс, Пон-де-Шарантон, Бур-ла-Рен и Порт-де-Нейи находятся в пределах запрещенных границ. Другой закон, вызвавший большие возражения, касался городов безопасности.^[1738] Депутаты потребовали, чтобы в каждом правительстве было по два города (всего было четырнадцать правительств). Но король уступил только восемь, которые должны были быть выбраны из городов, уже находившихся во владении гугенотов, - условие, которое исключало такие важные пункты, как Ньор, Ангулем и Коньяк. В случае с Ла-Шарите и Сомюром, по поводу которых возникла самая длительная дискуссия, был достигнут компромисс, в результате которого они были переданы Алансону в удел. По поводу этой статьи велись долгие и ожесточенные дебаты, и на каком-то этапе переговоры были настолько близки к срыву, что Париж был уведомлен о готовности к возобновлению войны. Требования короны в этом вопросе на самом деле не были необоснованными, поскольку эти восемь городов не входили в число предоставленных Генриху Наваррскому или принцу Конде, или в удел герцога Алансонского.^[1739]

Если требования гугенотов были чрезмерными, то требования Генриха Наваррского были еще более радикальными. Он не только стремился в будущем жить как король в своей собственной стране Беарн, но и стремился посвятить корону восстановлению королевства Наварра. Все прошлые претензии и обиды его предков воплотились в жизнь. Он потребовал: что король Наваррский команду в правительство Гиень расширение из Жилем в Байонне, в таком порядке, как и его предки; что все военачальники и губернаторы подчинялись ему как губернатору и генерал-лейтенант короля; что у него предоставление необходимых гарнизонов; что все его земли и *seignories* следует признавать никакой другой власти, чем он назначен, и что всех городов и крепостей, принадлежащих ему следует сразу сдать в плен; что его право на царство быть сохранены, и чтобы его подданные не должны облагаться налогом на услуги королю Франции, в соответствии с их древним иммунитетом, что все джентльмены его служащих, должностных лиц, либо предметы должны приходить и уходить, а движения свободно через всю Францию без назойливости; что его офицеры и служащие должны пользоваться такими привилегиями, как если бы они служили королевской семье Франции; что он и его наследники должны быть выписаны из гарантию дает сам и его мать в сторону покупки церковного имущества, а для оплаты Рейтерса; что, учитывая тот факт, что покойный король был предоставлен 200,000 ливров своей матери, покойной королевы Наваррской, к празднованию бракосочетания самого и его королева, сестра короля, который никогда не получают заработную плату, а кроме того, ведь там был также еще и из-за 120,000 ливров, задолженность по пенсии умершего короля Наваррского, он молился король с ним так же благосклонно, как он мог на оплату; что если какие-либо офисы или бенефиции стали вакантными в *seignories* короля Наварры, то он должен иметь выдвижения и представления такого лица; что король хотел сохранить для него в своих владениях и *seignories* его права и привыкли источники дохода, такие, как *право tabellionage* и *co*.

До сих пор требовав всего, что только могло быть основано на существующих вещах, Генри поразительным образом попытался возродить древние притязания своего дома. Старый феодальный дух Вильгельма Аквитанского и Раймонда Тулузского, по-видимому, в это время воплотился в его личности. Ибо Генрих далее потребовал, чтобы ему возместили обещанные в прошлом 6000 ливров в силу права, которое Франсуаза де Бретань, жена Алейна, сыера д'Альбре, отца Иоанна Наваррского, имела на герцогство Бретань.^[1740] Но даже это было не все, ибо Генрих Наваррский в конце концов потребовал, чтобы пенсия в 46 000 ливров, которой

пользовался его дед в качестве компенсации за потерю Наварры, из которой его прадед был изгнан в 1512 году Фердинандом Арагонским, была продолжена за ним, и *чтобы король Франции пообещал помочь ему вернуть Наварру!*^[1741]

По природе вещей, ни десятая часть этих требований не могла быть удовлетворена короной, и меньше всего последнее. Резня Святого Варфоломея доказала, насколько опасно пытаться втянуть католическую Францию в войну с Испанией, и сейчас Франция была менее готова, чем в 1570-72 годах, вступить в битву с Филиппом. Волей-неволей Генриху Наваррскому пришлось довольствоваться восстановлением того, что было 24 августа 1572 года.^[1742]

Герцог Алансонский создал ему положение более сильное, чем у Генриха Наваррского. Как принц крови и как политик он занимал промежуточное положение между короной и гугенотами; в результате многие места, от которых ни один из главных руководителей не пожелал отказаться, были включены в предоставленную ему стипендию. Хотя технически все соответствующие территории рассматривались как уделы,^[1743] очевидно, что можно легко провести различие между герцогствами Алансон, Мэн, Анжу, Турень и Ла—Рош, которые первоначально были переданы ему как принцу крови, и такими местами, как Бурж, Мулен, Лош, Сомюр, Ла—Шарите, Пон-де-Сель, Амьен, Мулан и Мант. Эти последние владения были практически отдельным классом охраняемых городов, доверенных герцогу в результате компромисса. Это было особенно верно для Сомюра и Ла-Шарите, которые обеспечивали протестантам проход через нижнюю и верхнюю Луару и таким образом связывали Юг с Нормандией на севере и Пфальцем и немецкими протестантскими государствами на востоке. Более того, Мулен в Бурбонне и Бурж в Берри обеспечили протестантам там прочные позиции, так что весь левый берег Луары от Оверни до Нанта находился под их контролем. Мант должен был компенсировать гугенотам в окрестностях Парижа потерю Шарантона.

Король снова передал управление Пикардией принцу Конде, но вопрос о том, какой город должен принадлежать ему, вызвал много жарких споров. Сам принц сначала решительно отстаивал Булонь, хотя и не говорил, что ее удобство для Англии было главной причиной его желания. Но Генрих III столь же решительно отказался. Затем был предложен Амьен, и в качестве компромисса этот город был передан брату короля. Затем Конде потребовал Перонна. Хотя король предпочел бы эту уступку Дулену или даже Сен-Кантену, он уступил. Единственной другой деталью, касающейся принца, было обязательство выплатить его долги и долги его отца в Германии, которое взяла на себя корона.

Дамвилл не пользовался таким почетом, как его коллеги, но был далек от того, чтобы его игнорировали. Как глава политической или “католической ассоциации”, как они были определены в интересах мира, Дамвиль был и оставался ведущим человеком в Лангедоке. Помимо сохранения Дамвиля в его правительстве, политикам было дано обещание создать Генеральные штаты в Блуа в течение шести месяцев для реформирования и реорганизации администрации.^[1744]

Из этого само собой следует, что было гарантировано поддержание и защита множества социальных и гражданских прав, которые составляли основу цивилизованного общества, таких как действительность протестантского брака, права собственности на землю, свобода образования, коммерции и промыслов и т.д.

Очень деликатным вопросом, требующим урегулирования, были будущие отношения курфюрста графа палатинского и герцога Иоанна Казимира, его сына. Тайный союз существовал между графом Палатином, Англией, и принцем Конде с июля 1575 года. В ноябре к альянсу присоединились Алансон и Политики. Одним из условий этого союза было то, что Мец, Туль и Верден должны были перейти к Казимиру в качестве платы за его поддержку, и как гугеноты, так и политики — по крайней мере, алансонцы — обязались помочь ему в закреплении этих Трех епископств. Но было явно невозможно ожидать, что французская корона согласится на такую уступку, и маловероятно, что теперь, когда наступил мир, кто-либо во Франции дружелюбно отнесся к этой статье Гейдельбергского договора. Было бы слишком большим унижением так пассивно отказаться от этого блестящего завоевания 1552 года. К счастью, оказалось возможным умиротворить Яна Казимира менее выдающимися жертвами. Его владения были приобретены за огромную сумму денег — или, по крайней мере, обещание ее; не менее двух миллионов флоринов (трех миллионов франков), часть которых должна быть выплачена в июне, а остаток - на следующих двух ярмарках во Франкфурте, в дополнение к которым он получил все сеньорию Шато—Тьерри^[1745] — стоимостью 20 000 франков в год - бессрочное звание полковника с 4000 всадников, , рота из 100 латников и 12 рейтмейстеров, и все это было подтверждено заявлением Генриха III о том, что он будет “уважать графа палатина и герцога Казимира как добрых соседей”.

Условия мира Месье^[1746] были чрезвычайно непопулярны в Париже, граждане которого внесли наибольший вклад в расходы на войну, завершившуюся таким образом, и которые вели интенсивные военные приготовления для защиты столицы, и непопулярность Генриха III не усилилась в глазах парижан из-за отказа короля от части *рента*, доходы от которой были главным средством существования для многих. Но когда Шаррон, глава купечества, и советник Абот во главе депутации виднейших граждан столицы протестовали против этого своевольного поступка в лицо самому королю, Генрих III с насмешкой, в которой сквозила скрытая угроза, возразил: “Повесьте человека, и он перестанет рассказывать сказки”.^[1747]

Лагерь герцога Алансонского и протестантов были разделены, когда был опубликован мирный договор. Солдаты вокруг Ла-Рошели, а также в Пуату, Анжу и Берри вернулись домой, за исключением некоторых частей, которые были зарезервированы до тех пор, пока не будет видно, что будут делать Казимир и его рейтеры, находившиеся близ Лангра. Эти мародеры со многими французами из Шампани и Бри пересекли реку Йонн выше Сена и прибыли в Шампань между 10 и 11 мая и оставались там неделю, живя на суше. Пробыв шесть или семь дней между Сеной и Валуизаном, 16-го они двинулись дальше, к месту между Труа и деревней Мерри-сюр-Сен, где оставались пятнадцать дней, к огорчению людей, и полностью разрушили маленькую деревушку Мариньи, в которой осталось всего два человека. В поисках пищи они преодолевали многие мили. Крестьяне отпускали свой скот на волю или загоняли его вместе с имуществом в укрепленные города или замки. Но дворянство было в меньшей безопасности, чем даже крестьянство, ибо последнее уже было настолько разорено, что брать было нечего. Из этого ужасающего положения дел выросло организованное сопротивление, за которым очень интересно наблюдать, поскольку знать и мелкопоместное население региона и местное крестьянство, забыв о своем классовом антагонизме, объединились ради общего дела. Всякий раз, когда эти “комитеты бдительности” оказывались сильнее или натыкались на отставших от основной банды, они набрасывались на них; иногда жертв связывали и бросали живыми в реку

Об или Сену. Таким образом, между Сен-Лу-де-ла-Фосс-Гелан и Сен-Мартен-де-Боссенэ была атакована группа из десяти или двенадцати рейтеров, и только одному удалось спастись. Но месть, которую их товарищи обрушили на обидчиков, была ужасной, потому что солдаты, насчитывавшие более сотни всадников, на следующую ночь сожгли все окрестные деревни.[1748]

Только в сентябре эта напасть была стерта с лица земли. К тому времени они были подкуплены и препровождены к границе Бассомпьером, эльзасским дворянином на королевской службе, который был хорошо вознагражден, как он того заслуживал, за выполнение опасного задания. Но выдача лицензий регулярным войскам сразу после этого все же продлила агонию провинции на сезон.[1749]

Можно с полным основанием сказать, что Месьерский мир положил конец периоду *религиозных* войн Франции. Доминирующим вопросом последующих лет конфликта с 1576 по 1598 год был не религиозный, а политический. Рассказывать о том, почему не наступил постоянный мир, не входит в задачу этой книги. Достаточно сказать, что Испания и ее инструмент, Священная лига, были виноваты в последовавших за этим годах раздоров.

Зародышем провинциальных католических лиг было желание католиков Франции противостоять прогрессу кальвинизма. Но в руках французской знати эти местные лиги, контролируемые аристократией и спаянные в одну могущественную организацию под руководством герцога де Гиза, подкрепленную испанским золотом, превратились в новую лигу общественного блага, которая под прикрытием религии возродила феодальные амбиции французской знати по приобретению власти за счет короны.

CHÂTILLON—COLIGNY

John III, †1480

James II
†1512

Gaspard I, married
†1522

Odet,
bishop of
Beauvais
†1571

Gaspard II, Admiral Coligny
murdered at
St. Bartholomew, 1572

François d'Andelot
†1569

Louise m. a) Charles de Teligny, †1572
b) William the Silent

MONTMORENCY

William, †1531

Louise of
Montmorency

Anne, d. of Montmorency and constable of France,
killed at battle of St. Denis, 1567

Francis, Marshal
Montmorency
†1570

Henry Danville,
governor of
Languedoc
†1614

Gabriel, sieur de
Montberon, killed
at battle of Dreux
1562

Charles,
sieur
de Méru

William,
sieur
de Thoré

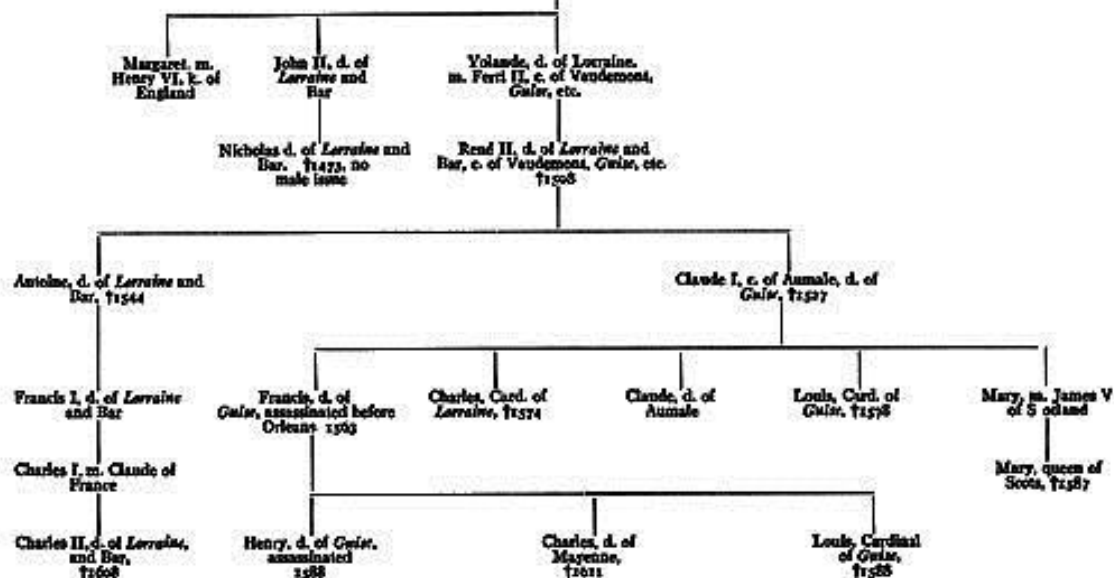
Henry II,
†1632

Charlotte, m. Henry II,
Prince of Condé

Louis II, The Great Condé

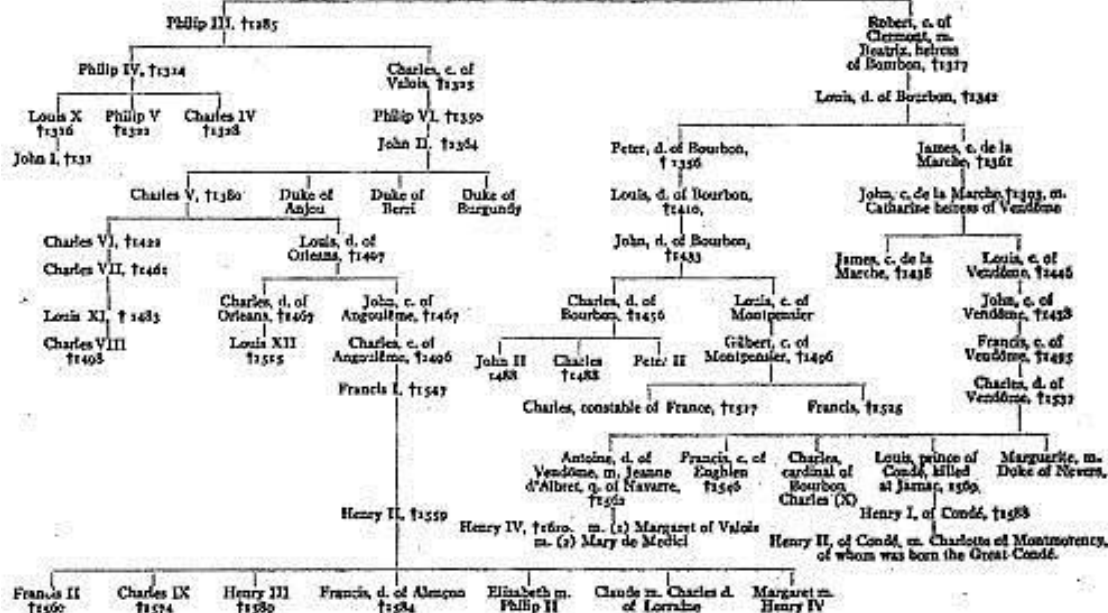
HOUSE OF LORRAINE AND GUISE

René le Bon, d. of Anjou and titular king
of Naples and Sicily, m. Isabella,
d. of Lorraine

HOUSE OF BOURBON

Louis IX, †1270

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

[Стр. 49, п. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. XIII, № 456

[Кардинал Лотарингии и герцог де Гиз - вдовствующей королеве Шотландии]

Madame nous avons receu votre lettre par ce marinier present porteur et sceu par icelle lestat en quoy sont les affaires de dela [*two pages in cipher*].

Quant aux nouvelles de deca nous voullons bien que vous sachez que depuis quinze ou vingt jours aucuns malheureux ont essaye icy demectre a fin une conjuration quilz avoient faicte pour tuer le Roy et ne nous y oublyoient [pas][1750] tout cela fonde sur la religion dont aucuns des principaulx auteurs [ont este pris] et pugniz. Maiz tant plus nous allons avant et plus trouvons nous [que ceste conspiration] a longue queue ayant este bastie de longue main et appuyee par daucuns gr[andz qui se] sont trouvez bien trompez. Car nostre Seigneur a bien sceu defendre sa cause. S'est quasi le mesmes train qui ont prins voz Rebelles mais ilz voullaient commancer par le sang et lespee une autre fois vous en scaurez plus par le menu. Et pour fin de ceste lettre vous dirons madame que la compaignye faict Dieu mercy tresbonne chere et nous recommandons treshumblement a votre bonne grace, Priant Dieu ma dame vous donner en sante tresbonne et treslongue vye. De Marmoustre le ix^o jour d'avril 1559.

[Подпись] Взаимные претензии и взаимные соболезнования

К. Кар^{аль} де Лоррен Франсуа с^р. де Лоррен.

[Адресовано] А-ля Ройн

Douairiere et regente Descosse.

[Не одобрено]

[Карандашная заметка редактора] Это датировано “more Gallicano”, который начинается в этом году на Пасху. В 1560 году день Пасхи приходился на 14 апреля, следовательно, это письмо, датированное 9-м числом, по-видимому, относится к 1559 году, поскольку на самом деле оно датировано 1560 годом.

№ 460

[“Отрывок из предыдущего письма на французском” (Календарь)]

Estant que avecques plus de commodité et de moyen vous navez esté et nestez secourue autant que nous voyons et jugeons trop bien quil seroit necessaire ce que n'a pas este retardi par faulte de

devoir de soing et de diligence. Car nous en avons cherche ...[1751] moyenes possibles et mesmes po^r essayer si ceste Royné dangleterre s ... addoucir et contenir par quelques remedes qui n'ont ... en son endroict, car apres avoir faict du cousté du Roy tout ... de penser po^r luy oster la jalousie et le soupcon qu'elle monstre au ... nous y avons employe le Roy catholicque tant que par son ambassadeur il luy ... quil ne souffriroit pas que elle donnast faveur aux rebelles ... aulcune chose au preiudice des droictz et autorite du Roy et de ... fille en Escosse. Depuis y a este envoyé l'evesque de Valence conseillier au ... po^r luy rendre raison plus pertinente de l'intention du Roy, et quil ne ch ... l'obeissance de ses subiectz, resolu de retirer ses forces apres qu ... restablies au bon chemin, tout cela n'a de rien servi si elle n'a ... vous avez peu veoir par les articles qu'elle a f ... son Ambassadeur si honteux que nous croyons qu'elle sass ... nous n'en ferions rien et par ainsy elle passeroit outre ... qui est de la guerre, dont nous veryons peu de moyen de ... si ce n'est po^r ... refuge l' ... de Sieur de Glayon ques^r les ... y envoie po^r luy en parler des grosses contz ayant delibere si ... obstinee de secourir le Roy de tout ce de luy qu'il vouldra et ... a accorde luy bailler gens et vaiss ... po^r remettre lobeissance ... dont il a este prins au mot. Et y a este envoye ... scavoir de la duchesse de Parme de quel nombre ou ... lad. dame charge expresse d'en accommoder le Roy de tout.... Cependant Madame nous ne perdons point le temps a faire ad ... qui sera dun si bon nombre de vaisseaulx et si bien formy de gens et de toutes choses convenables que nous esperons que lad. Royné ne ses forces n'auront pas le moyen de les garder de vous secourir tout le p ... veryons est qu'elle ne peult estre preste que vers la fin de luillet. Mais si ferons nous tout ce que sera possible au monde po^r la mettre plustost a la voyle et ne espargner argent soing ni diligence comme nous nous asseurons que vous croyez bien. Et neantmoins cherchons nous tous aultres moyens de vous faire secourir de deniers soit de Flandres ou d'ailleurs et aussy ne craindrons nous en adventurer par petites pommes cependant et pour y commencer avons nous advise vous renvoyer ... eur dedans vng aultre petit vaisseau que luy avons fait equipper, ne luy ... espargne aussy argent car il a eu po^r estre venu icy et le hazard qu'il a douze centz francz que le Roy luy a donnees et trois centz escus po^r son retour. Avecq luy nous vous envoyons par ung clerc qui l'accompagne la somme de mille livres et vingt cacques de pouldre menue grevée par ce que nous avons sceu par les lettres des sieurs de la Brosse et Doysell qui vous en avez besoing par dela ce sera pour attendre toutz jours mieulx estantz bien deliberez de ... perdre une seule occasion de vous secourir ainsy par le menu au danger ... perdre quelque chose.

Cependant, Madame, il fauldra que de vostre coste vous faciez le mieulx ... pourrez et sur tout qu'il soit donné ordre a tenir les places bien.... nies louant sa ma^sien fort la defensive sur la quelle les capitaines de dela sont d'advise que vous vous mettiez qui est ung moyen pour avoir la raison de la legerete et mal consyderée entreprise de lad. Royné dont nous esperons que le mal tombera a la fin sur elle et qui Dieu ne laissera impunye la faulte qu'elle faict.

... a este grande consolation au Roy et a toute ceste compaignie d'avoir entendu ... les souldatz de dela ayent si bonne volonté, cela nous faict ... Dieu qui tout yra mieulx qu'elle ne vouldroit car si led.... gneur Roy catholicque chemine en cecy de bon pied dont il nous asseure il est impossible que la chose ne tourne a sa confusion.

Quant aux nouvelles de ca nous voulons bien que vous scachez que depuis xv ou vingt jo^s aulcuns malheureux ont essaye icy de mettre a fin une conjuration quilz avoient faicte po^suer le Roy et ne nous y oublioient pas. Tout cela fondé sur religion dont aulcuns des principaulx autheurs ont esté pris et punis. Mais tant plus nous allons avant et plus trouvons nous que ceste conspiration a longue queue ayant este bastie de longue main et appuyee par daulcuns grandz qui se sont trouvez bien trompez. Car nostre Seign^s bien sceu defendre sa cause. Ceste [quasi le mesmes][1752] train qui ont

prins voz rebelles, mais ilz vouloient [commancer par le] sang et l'espee. Un autre foys vous en scaurez [plus par le menu] Et po' fin de ceste lettre.

[Не подписано]

[Не адресовано]

[Одобрено] 12 апреля 1559 г. [1753] (1560) Открытка Гиза вдовствующей королеве, другая копия которой была отправлена в Q. Ма^{те} 3 апреля и датирован маемустье viij^{-го} того же года.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ШОТЛАНДИИ

Элизабет, Том. III, № 58. (Перевод. Части, выделенные курсивом, расшифрованы.) [1754]

[Кардинал Лорский: и герцог де Гиз - Квену дуагу:] [1755]

[29 апреля]

Мадам, этот беарар приложил очень много усилий, чтобы доставить нам вашу^г литературу, которой мы были очень рады, ибо под этим мы понимали ваши^г новинки, а также^г, поскольку мы ничего не получали от вас^в, грехи общины *протестантов курроне*. Грехи, которые носят отпечаток на *Королеве Англии* всегда удерживали нас в Алларме, чтобы начать *войну* и показать *всеми своими делами*, что она послала нас убивать коулз. Мы верим, что она ничего не забыла, хотя могла бы попытаться извлечь какие-либо плоды из своего удачного положения, если бы у нее были какие-то возможности заняться ^{своим} делом. Тем не менее, она сказала нам самые прекрасные слова в мире. *Wherunto в Frenche царь не так muche trustyd* но что он хатхе *advertisid* король Spaine всех, что *она имеет Дун*, кто хорошо обдумав вопрос, ибо ответ, что нет причин, почему *disalow* его *entent* специально для того, чтобы пройти через ж^й матер на той стороне, и что для того, чтобы покарать *Rebelles* он *gyve* король, как-на-манье *vessells*, мужчин, и *vitales*, так как он и так имеет, прописан в указанной *queene*, кто зная, что она может надеяться ни на что, что она делает *rekening o*, *begynnithe* использовать ИОТ^р *languaige*, и *causythe* ее границы^р в Сэй, что она сделала, ибо Бен ни для кого ИОТ^р делу, но для *jalousye* она положила ее *Realme*, и *fearinge* быть *sodaynly* изъяты *unwares*. Так что, похоже, она раскаивается в том, что ушла так далеко от матери. И мы верим, что до того, как эти письма попадут в ваши^г *handes*, ^{уо^{должны}} хорошо понять, что ее намерения стали очень холодными. И если то, что по ее приказу сказал ее посол^г, будет правдой, ^{вы^в} должны понять всю подноготную истории, рассказанной человеком, которого^г *de Sevre the kinges ambassad^г in Englande, hathe sent unto yo^в* ^{Англии, он прислал к вам}. Тем не менее, мы сочли за благо сообщить вам, что^{мы} ждем этого упомянутого беарара, по дороге из Фландрии, чтобы прорекламирровать вас^в, что мы думаем, что ваши мятежники будут далеки от своего возвращения, если они воспользуются защитой упомянутых Леди. Или, наоборот, здесь много притворства.

И все же король, зная, до какой степени он должен доверять англичанам, не оставляет их для подготовки ххiiij больших кораблей, чтобы уменьшить (если потребуется, и, похоже, что упомянутая леди продолжает пользоваться своим правом) порядок с^{этим} теми же и другими^г *forces w^{он}* держит в готовности, чтобы обслуживать вас^с таким количеством, какое ему нужно., как он хочет., у него будет причина, по которой он этого требует, от тона и тона^г.

Уя в *meane* раз он хатхе послал *busshoppe* валентности, *counsello^р* в К^{-эс} *pryvie* советником, *towardses* в *Queene*, чтобы *understande plainly* ее *meaninge*, и в случае, что же будет хорошо,

потом приходить к е^ш ш^й хороший и большой memorialles, чтобы assaye, чтобы успокоить things на той стороне и fynde в meanes, чтобы Уинн перфекционистов.

То, (мадам), что нас больше всего беспокоит, так это то, что мы сдерживаем и прекращаем попытки^{выдавать} вам^{эти} деньги так часто и с такой готовностью, как мы будем рады это делать, и как только вы^{будете} нуждаться в них. Чего мы не осмелились предпринять, равно как и о^г Монсе^г маркизе из-за очевидной опасности, которая может произойти. Но пройдет совсем немного времени, прежде чем мы увидим, что какой-нибудь путь открыт, и вы можете быть уверены (мадам), что мы не потеряем ни четверти часа.

Сейчас (мадам) надо ж^й е^ж, сетовать на Evell, что вопрос о религии Майе принести в Realme, который имеет так пошли на работника с этой стороны, что ж^е в этих xij или XV Байес, есть discovered заговор, сделано, чтобы убить нас боте, а затем принять царя, и gyve его мастеров и gouvernours, чтобы наставлять и воспитывать его в этом жалком doctryne. Для чего, предположим, должно было собратся великое множество высокопоставленных лиц, которые не нуждаются вthудобстве и благосклонности некоторых великих. И между шестым и XV^m числом этого месяца они должны выполнить то же самое. Так что ж^е из healpe Бога и thintelligences ж^ч мы имели со всех сторон из christendome, а также некоторых conspiratours, что их разоблачили, дело уже вступил в силу. Но Бог даровал нам хирин. Поскольку матер раскрыт, а многие из вас являются заключенными, мы надеемся, что то же самое будет устранено, и таким образом опасность будет устранена. О чем и как это произойдет, вы^{должны} более подробно рассказать позже, особенно если путь будет более свободным, то до сих пор он был успешным. В конце концов, вы^w получите (если вам будет угодно^w) наши смиренные благодарности, молитвы Богу и т. Д. Монтиньяк в настоящее время подал в суд на dereche, после чего ordre будет выведен из-под контроля.

[Не подписано]

[Не адресовано]

[Это и другие расшифрованные письма (вдовствующей королевы Шотландии м. д'Уазелю и де ла Броссу от 29 [апреля] и "письмо частного лица д'Уазелю" от 29 апреля] 1560 г.) написаны на одних и тех же листах бумаги и подписаны вместе: "перехваченные письма расшифрованы", и подписаны рукой Берли: "B. 12. Martii. 20. Надписи Мартия, расшифрованные из Франции на Q. dowag." [1756]]

ПРИЛОЖЕНИЕ II

[Стр. 98, н. 1]

ARCHIVES NATIONALES,
K. 1,494, PIÈCE NO. 70

[L'Ambassadeur de France, Mr. de L'Aubespine, évêque de Limoges, au Roi d'Espagne, Philippe II]

Tolède, 4 avril 1561

[Описание] Au Roy.

[*Au dos, alia manu*] A Su Magestad. Del obispo de Limoges, a IIII° de Abril 1561.

Sire, par ce que la Royne aura peu escrire à Vostre Majesté et Monsieur le Prince d'Evoluy aussi, vous aurez entendu l'estat auquel les choses se retrouvoient parmy les Estatz particuliers en France il y a vingt jours par la malice de quelques ungs mal sentans de la foy, lesquelz avoient faict une menée en certaines provinces afin que l'on feist tomber le gouvernement du royaume en autre main que celuy de la Royne vostre mere, la sentans ferme et constante a n'endurer leurs erreurs et a les punir. Depuis est arrivé l'un de mes gens avec deux paquetz de Monsieur de Chantone, lesquelz j'ay faict mettre entre les mains de Sajas.^[1757] M'advertissant ladicte dame par le mesme courrier que le Roy de Navarre s'est monstré si conforme en tout ce qu'elle a désiré et peu approuvant la temerité de telles entreprises, qu'il s'est accommodé pour aussi recevoir quelque lieu et contentement d'estre seul lieutenant general du Roy vostre bon frere en France soubz ladicte dame, afin que la multitude des autres seigneurs et gouverneurs de tout le royaume n'amenast point la confuzion qui y estoit, que l'on eust quelque adresse, et que, par ce moien aussi il feust plus honoré et respecté d'ung chascun sans aucune diminution de l'autorité de ladicte dame, laquelle, Sire, demeure chef de toutes choses, ayant les quatre secrétaires d'Estat soubz elle, les paquetz, finances, dons et autres graces avec la personne du Roy, et commande au conseil ainsi que de coustume, tellement que chacun espere, comme aussi faict Sa Majesté et ainsi qu'elle me commande vous dire, Sire, que desormès il y a certaine apparence de toute tranquillité et repos, car ce que dessus est passé, arrêté et signé entre eulx et de leurs mains pour articles irrevocables, ayant pour ceste cause mandé aux Estatz qu'ilz eussent à ne penser ne disputer plus sur telz pointz, ains seulement en ce qui concerne le mesnaige du royaume, les reculans et remettans a s'asssembler a la fin de l'esté prochain. Et ce pendant, suivant l'instante requeste du peuple, le Roy vostre bon frere, Sire, partira de Fontainebleau incontinent après ce Quasimodo pour se faire sacrer à Reims dedans le XXe de May, et incontinent après sus le mois de Juing faire son entrée à Paris, d'autant que ces deux actes sollemnelz donnent plus d'autorité et contentement à tous nos subjectz, et que, cela faict, la Royne vostre mère pourra aussi, comme elle désire, plus soigneusement user de la main forte et justice en tout ce qui se presentera. Ce que dessus, Sire, amandera, s'il vous plaist, en vostre endroit l'opinion mauvaise que nous avons quant je parlay a Monsieur le prince d'Evoluy de l'yssue de noz Estatz, lesquelz, par ce remede, sont frustrez de plus rien toucher ne negotier qui concerne le gouvernement. Me commandant tres expressement la Royne de remercier fort affectionneement Vostre Majesté des bons et roiddes offices desquelz Monsieur de Chantoné a usé près d'elle pendant ces disputz, et asseurant Vostre Majesté que ce luy est obligation telle qu'elle peult faire estat de son amour et affection autant que de sa propre mère, comme de son costé elle se confie tant en sa bonté et amitié que, si l'on eust voulu faire plus de tord a son honneur et preminance, elle eust usé de ce que Dieu a mis. Sire, soubz vostre obeissance, comme de son meilleur amy, desirant que Vostre Majesté face en semblable estat de tout ce que sera en elle. Ceulx, Sire, qui avoient tramé ce que dessus pensoient remuer en nostre conseil et autres endroitz les hommes et honneurs à leur guise; mais, par ce moien, ilz sont hors de leurs desseings. S'estant Monsieur le prince de Condé contenté d'une declaration qu'on luy a donnée pour sa justification, à la charge qu'il peust, quant bon luy sembleroit, estre à la Court près ladicte dame, ainsi qu'il y a esté permis. Monsieur le connestable a, Sire, faict de bons et saiges offices en cet establissement, me chargeant de vous presenter ses tres humbles recomandations, vous requerant, comme font Leurs Majestez, qu'il vous plaise en sa faveur confirmer en Flandres une abbaie de dames à l'une de ses parentes que les religieuses desirent fort depuis le decez de feu madame de Lallain, comme j'écris à Monsieur le conte d'Horne. Ce que, Sire, j'eusse de bouche esté faire entendre à Vostre Majesté; mais la crainte que j'ay eu de le troubler parmy ces saintz et devots jours m'excusera

s'il luy plaist, et commandera á Monsieur le prince d'Evoluy qui cy est, de me faire donner quelque responce sur ceste lettre et sus une precedente que je vous escravis il y a deux jours, afin que je puisse faire entendre à la Royne vostre bonne mère le contentement que recevrez de ce que dessus et vostre bon conseil. Quant mon courrier partit, Monsieur le conte d'Heu avoit desja esté licencié du Roy et de la Royne mère, et suis attendant, Sire, Monsieur de Montrueil, lieutenant de Monsieur le prince de la Roche-sur-Yon, lequel arrivera icy dedans quatre ou cinq jours, venant devant pour preparer ce qu'il sera de besoin et pour aussi visiter la Royne, qui me faict estimer que ledict seigneur Conte ne sera pas en ceste ville que quatre ou cinq jours après Quasimodo,[1758] dont noz dames ne sont pas contentes, la Royne pour le desir qu'elle a de reveoir Vostre Majesté plustost, et les autres pour leur interest particulier

Sire, je me recommande très humblement à vostre bonne grâce, priant le Créateur vous donner entres bonne santé tres heureuse et longue vye.

De Toledo, ce IIIe d'avril 1561.

Vostre tres humble serviteur

S. de l'Aubespine

E[vesque] de Lymoges

ПРИЛОЖЕНИЕ III

[Стр. 153, п. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. XXXVIII, № 179

[Письмо герцога де Гиза кардиналу Лотарингии]

[1562 г., 25 июня]

Extraict de la lettre de Guyse escripte de sa main au cardinal.

le vous envoie ce porteur en dilligence pour vous advertir que tout fut yer accorde. Et puis vous dire que le commencement est l'honneur de Dieu service du Roy bien et repoz de ce royaume. Cedit porteur est suffisant et nauront noz chers cardinaulx que part ceste lettre comme aussi nostre mareschal de Brissac qui congnoistra quil y en a qui sont bien loing de leurs desseins. Nostre mere et son frere ne jurent que par la foy quilz nous doibvent et quilz ne veullent plus de conseil que de ceulx que scavez qui vont le bon chemyn. Conclusion la Religion reformee en nous conduisant et tenant bon sen va a baz leaue et les amyraulx mal ce qui est de possible. Toutes noz forces nous demeurent entierement les leurs rompues les billeez rendues sans parler dedictz ne de preches et administracion des sacremens a leur mode. Ces bons seigneurs croiront sil leur plaist cedit porteur de ce quil leur dira de la part de trois de leurs meilleurs amys et bayse la main. De Baugency ce xxv^e jour de luing 1562.

[Без подписи]

[Нет адреса]

[Endorsed] Extraict d'une lettre escripte de
la main de m^r de Guyse au
Cardinal de Lorraine deXXV^e
luing 1562.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

[Стр. 155, п. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. XXXVIII, № 211, vj

[Письмо герцога де Гиза Екатерине Медичи]

[1562, 9 июля]

Madame, je viens presentement de recevoyr la lettre quil vous a pleu mescrire touchant quelques marchandz anglois que lambassadeur de leur Royne vous a faict entendre avoyr este prys par les gens de guerre qui sont icy pres de moy pour le service du Roy et le vostre. Dont encores Madame je navois ouy parler, bien de quelques soldatz anglois qui furent pris y a assez long temps par le s^r Dallegre qui voullotent entrer a Rouen et lesquelz tost apres je feiz renvoyer sinon quelques ungs qui se sont volontairement mys a vostre service parmy noz bandes vous pourrant asseurer Madame, que tant sen fault que je permecte telles choses Que tout ce que jay en plus grande recommandation, est de les laisser librement et tous les autres estrangers qui sont icy mesmes voz subiectz de quelque religion quilz soient de trafficquer et negotier comme ilz faisoient au paravant ses troubles, sachant trop bien de quelle consequence cella est pour vostre service. Et ne puis penser dou viendroit ceste prise si ce nest par ceulx mesmes de Rouen Dieppe et le Havre qui pillent et prennent indifferemment sur les ungs et les autres sans aucune exception. Toutesfois Madame, je mectray peyne de faire si bien rechercher parmy ses troupes que sil y en a aucuns qui en ayent quelque chose je la feray delivrer et nen sera perdu ung seul denyer, ainsy que je lay faict entendre a ce present porteur que ledit ambassadeur ma envoye expres.

Madame je pryе Dieu vous avoyr en sante et donner tresbonne et longue vye. Au Mesnil devant Ste Catherine le ix^e jour de Juillet 1562.

Vostre treshumble et tresobeissant

serviteur et subiect

Клод де Лорейн

[Нет адреса]

[Одобрено] 9 июля 1562г.
Копье герцога д'Омальеса
письмо матери Квене.

[Вложено в письмо Трокмортонна королеве из Парижа, 12 июля 1562 г. (№ 211)]

ПРИЛОЖЕНИЕ V

[Стр. 177, п. 3]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. XLVI, № 973

[Письмо принца Конде графу Уорику]

[1562, 14 декабря]

Monsr le Conte. Attendant que la commodite se presente plus propre de vous pouvoir voir et diviser privement avecques vous envoiant maintenant ceste depesche en Angleterre je nay voulu oublier a vous ramentevoir le besoing que nous avons de joir en vostre secours, auquel jespere moiennant la grace de Dieu me joindre de brief pour par apres mectre quelque fin a tant de calamitez. Si Monsr le Conte de Montgoumery est de retour avecques quelques forces, je serois bien dadvis se pour nous devancer, vous vous acheminissiez droict a Honnefleur pour plus faciliter le chemin et a lune et a laultre armee. Me recommandant sur ceste esperance a vostre bonne grace je supplieray le Createur vous donner Monsr le Conte avecques sa tressaincte grace ce que plus desirez. Escript au camp de St Arnoul ce xiiij^e jour de Decembre 1562.

Vostre plus afecsionne et parfayt amy

Loys de Bourbon

[Адресовано] Некий монс^p

Монс^p граф де Куаррюш.

[Подписано рукой Сесила] Декабрь 184 года. Принц Конд. эру Уорвика.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

[Стр. 203, п. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ВНУТРЕННИЕ

Элизабет, Том. XXIX, № 50

[Адмирал Клинтон Сесилу]

S^r Я уверен, что вы, ^{мы}, уведомлены о назначении в Нью-Хейвен, и я бы с радостью понял, в чем ^{необходимость} моей дальнейшей службы. Я lefte Филиппа и Марии в Лионе Сакар и Twoo Галес ж^e viij victualers wyth м^p Уинтер в роуд в Нью-Хейвен joyne ж^e в shipps под его руководством за Dyspayche мужчин и такие things как быть привлечены thense и lefte м^p Holstocke в assyste м^p

зима и я ж^{че} Элизабет Джонас и туалет кулачок туда этот evenyng и synse мой comyng ж^е в advyse м^р vycechamberlen я dyspayched в suffycyent столько shippes, что я предупредительные presently здесь, чтобы слизь в Нью-Хейвен, чтобы забрать все thinges thense, который должен быть доставлен. Я приехал в Нью-Хейвен вчера в час ночи и отбыл сегодня в два часа ночи, ожидая, что мой лорд Уорвик сядет на корабль, готовый к отправлению, и при моем первом появлении Эдвард Хорси пришел ко мне сthмонсером де Линеролем от французского короля квена и констебля, как он сказал, чтобы попросить меня сthпредложением чего угодно, что угодно, за мое содействие, и сказал, что король желает, чтобы я прибыл на сушу, чтобы встретиться с ним. хим и их w^{че} он сказали мне о назначении в Нью-Хейвен. Я сказал хим, что для них настал черед смертельного заражения, которого, как я думаю, никогда не смогли бы достичь все силы Франции, ибо, если бы смертные не выбрали путь и не уничтожили наших капитанов и солдат в столь ужасных количествах, они никогда не смогли бы ни одержать верх, ни подойти так близко к городу, и все же это очевидно для вас, ^{когда} благородный король лорда Леветенонта и доблесть его солдат показали, что так же, как могло бы быть у людей, сражавшихся против несокрушимого плеса чумы и всей армии Франции. И поскольку я сожалею, что мои соратники так достойно вели себя, я искренне сожалею, что у вас есть ' шанс вернуть этот город, и поэтому я хотел бы выразить свою смиренную благодарность королю, королеве и констеблю за их любезный прием и предложение, присланное мне, но поскольку я отвечаю со стороны королевы за ^{тес} командование моими хозяевами этих кораблей и номерами людей, я не могу расстаться с ними, и поэтому мы отправляемся и до прихода ко мне Эдварда Хорси и этого, по-моему, самого французского человека, я ничего не знал о том времени, когда моего сына из Уорвика отправили Уильямом Друри сth Тромпетом в Нью-Хейвен, чтобы забрать у ^{него} моего лорда. И на его пристани принц Конди и дайверса из благородных людей нашел Хайма своим, а усид хайм вежливо поклонился и предложил Хайму лошадь, чтобы тот поехал посмотреть город, и джентильца, чтобы тот прислуживал хайму, и объявил хайму, что милорд Уорвикский уехал в Епархию и сел на корабль, чтобы отплыть. И я подумал, что этот моше предназначен для того, чтобы вы^w поняли, о чем молитесь вы, ^w чтобы я мог узнать, в чем заключается ^{тес} польза для моего диспайче хенсе. Итак, я прощаюсь. С Портесмаута, последнего июля ^{года} 1563 года.

[Подпись] Твой верный друг командует

E. Clynton

[Адресовано] достопочтенному'способному S^r Уильяму Сициллу Найту,
секретарю Принсипалла
королевской^{власти}.

[Одобрено] xxxj. Июль 1563 г. мистеру' секретарю от
L. адмиралл.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

[Стр. 253, н. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. LXXVII, № 846

[Письмо принца Конде своей сестре]

[1565, март]

Копия письма принца Кондесского своей сестре, настоятельнице Челиса.[1759]

Ma Soeur, lennuy ou je suis de linjure que lon a faict a Monsieur le Cardinal de Lorraine m'a mis au lict, comme vous dira vostre homme, de la fascherie que jay de veoir ainsy traicter les Princes. Qui me faict dire que lunion de noz maisons est plus que necessaire; comme il le peult bien congnoistre a ceste heure, et sil leust plustost faict, il leust tenu en peur et crainteceulx qui nous doibvent obeissance et non par les armes eussent puissance de commandement. Surquoy jay faict a ce porteur entendre mon oppinion, et de la facon que mondict seigneur le Cardinal se doibt gouverner. Qui me gardera vous en faire plus longue lettre, hors mir que je veux confesser que si jeusse sceu ce qui cy est passe; jeusse veu lhistoire pour empescher une telle honte et oultraige, qui est plus grand que je nay jamais ouy parler que Prince ayt eu. Je luy suis et seray, tel que je luy ay promis. Et si jeusse este aupres de luy, je luy eusse faict prevue de ma volunte, plus par effect que par parole. Je vous iray veoir quand le me manderez. Qui sera la fin apres avoir prie Dieu etc.

[Без подписи]

[Нет адреса]

[Подписано рукой Сесила] Март 1565 года. Копия[1760] письма Маришала Монморанси герцогу Монпенсиарскому и письма принца Конде аббату Челисскому.

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

[Стр. 259, н. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXI, № 612

[Измена Монлюка]

[1570, 27 марта]

Ont deferes avec luy les sieurs de Larride de Mirepoix et Negrepelice

Le sieur de Marchassetel est ung jeune gentilhomme dune maise de xii a xv. mille livres tournois de rente et a fiance nagueres la soeur de Monsieur de Crussol

Le sieur de Montluc charge davoir intelligence avec le Roy despaigne pour mettre en ses mains le pais de Guienne de quoy il reste accuse envers le Roy de France et la Royne sa mere par le sieur de Peres

en Quercy et son filz le sieur de Marchassetel beau frere du sieur de Crussol qui ont envoye tout expres ung gentilhomme en court a ceste fin instruit de lettres et memoires par lesquelles est porte que le seneschal de Quercy a dit ausdits sieurs de Peres et Marchassetel quil avoit este sollicitte de faire mutiner la ville de Montaubain a fin de donner occasion audit de Montluc de la piller se plaignant que ses services nestoient recongneuz mais quil sen vengeroit et plusieurs autres propos sembles quilz veullent maintenir avoir este proferez par ledit de Montluc qui est aussi charge de sestre assemble lieu ung lieu nomme Granale distant quatre lieues de Tholose avec le cardinal Darmaignac et ung seigneur despaigne pour conferer de cest affaire d aultre part que les prelates de Guyenne et Languedoc ont fait certaines assemblees et accorde entre eulx quelques levees de deniers et contribucions necessaires a cest entreprise et ont deputte secrettement levesque de Lodene vers le roy despaigne.

Le seneschal de Quercy arrivant nagueres en court adverti de ce que dessus se veult purger a levesque de Vallence frere dudit sieur de Montluc disant ne scavoir que cestoit et quon le mettoit a tort en cest affaire. Toutesfoys ledit sieur de Vallence homme collere de son naturel et passionne et laffaire de son frere aisne estant de telle consequence obtient du roy que lesdits seneschal de Quercy et gentilhomme seroient ouis au conseil prive ou le seneschal a nye publicquement ce que dessus Neantmoins le bruit est quen particulier parlant a la royne luy aie dit beaucoup de grandes choses. Le gentilhomme apersevere monstrant sesdites lettres et memoires et quil estoit prest se rendre prisonnier ou submettre a telle autre peine pour soustenir son dire. Comme aussi feroient ceulx qui lavoient envoye lesquelz viennent maintenant en court pour maintenir tout le contenu desdites memoires et proposer plusieurs aultres griefs contre ledit de Montluc tel est le bruit la royne apres avoir ouy lesdits seneschal et gentilhomme depesche ung nomme Duplessis varlet de chambre du roy vers ledit sieur de Montluc. Pour entendre la veritte le quel de Montluc au lieu de se purger commença a hault louer ses faicts et services et a se plaindre de la mescognoissance quen avoit le roy et dont pouvoit venir quon soubson de luy et mauvaise oppinion que sestoit tousjours honnestement acquicte des charges quon luy avoit donnees. Bien aict confesse avoir parle a Granale avec le Cardinal Darmagnac mais que cestoit en passant chemin pour aller a Tholose et communiquer avec luy des affaires du roy ou lon dit sestre trouve ou ung nomme Don Pierre de Navarre bastard dalbert evesque de Cominges. Ce quencores est trouve mauvais pour ce que lun et lautre nen ont rien escript au roy ny a la royne. Pourquoi sont mandez en court lesdits de Montluc et Marchassetel pour se représenter devant leurs maiestez.

Cest la cause pourquoy le sieur de Montluc a envoye cartel contre tous ses adversaires &c. disant que tous ceulx que vouldront maintenir quil aict intelligence avec le roy despaigne ont menty sauf et excepte les princes du sang et autres ses superieurs ausquelz il doit honneur et reverence quil est prest de les combattre a toutes sortes darmes en quoy il espere ne faire moins de devoir que il navoit que vingt ung ans &c.

[Без подписи]

[Нет адреса]

[Одобрено] 27 ° Марса. Informacion
contre Monsr de Monluc.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

[Стр. 303, п. 2]

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Fonds français, Ms. no. 3,197, f° 92, recto

[Война кардинала]

[2 juillet 1565]

[Au dos] Coppie. De Monsr de Salzede à Monsr d'Auzances, du IIe Juillet 1565.

Cause de l'empeschement faict à Monseigneur le Cardinal par le Sr de Salcede.

Monsieur, comme le diable qui ne cherche jamais que de mectre des choses en avant, il est survenu que, estant arrivé Monseigneur le cardinal de Lorraine a Ramberviller, ses officiers m'ont dict aultre commandement de publier et attacher par toutes les villes et chastellenyes la protection et sauvegarde qu'il a recouvert de l'Empereur, le double de laquelle je vous envoie signé et collationné de son chancellyer. Et avec cela, je suis esté adverty de bon lieu certainement qu'il veult et a despeché capitaines pour mettre ès place lesquelles je conserve il y a environ dix ans aux despens du Roy et avec ses soldatz; et veoir à ceste heure ung remuement devant moy avec ceste saulvegarde et[1761] une particularité que je sçay je ne suis deliberé de le souffrir que premièrement le Roy et la Royne ou vous (comme les representans) vous n'ayez bien pensé le faict et la consequence que cela peult advenir pour l'advenir.[1762] Je vous assure, Monsieur, que je suis bien mary qu'ayant tant faict de services à Monseigneur le Cardinal et à sa maison, comme tout le monde sçayt bien, il[1763] me contraigne pour mon honneur de thumber en sa malle grace. Et quant luy au aultre vouldront mectre quelques particularitez en avant, vous vous bien assurer avec tous mes seigneurs et amys que je mouray et me coustera ma vye et mon bien que je ne serviray jamais aultre que à monseigneur et roy, auquel je suis tant tenu. S'il vous plaist de me envoyer la coche de madame d'Auzances[1764] par Florymont,[1765] je vous enverray à Metz en charge ma femme et enffans avec le peu de bien que j'ay en France, pour vous assurer que je ne feray jamais chose qui ne soit pour le service du Roy, synon pour sa grandeur et autorité. Et, en ce pendant que j'aurai de voz nouvelles, j'entretiendray les choses en l'estat que j'ay deliberé, avec la plus grande modeste que je pouray, sy je ne suis contrainct aultrement. Et sur ce, je me recommande de bien bon cuer a vostre bonne grace et pryе Dieu

Monsieur, vous donner très heureuse et longue vye.

De Vic, ce IIe jour de Juillet. Ainsy signé:

П° де Сальседе.

ПРИЛОЖЕНИЕ X

[Стр. 307, п. 7]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ВНУТРЕННИЕ

Элизабет, Дополнения, том. XIII, № 71

[Джордж Пуле сэру Хью Пуле]

[1567, 22 апреля]

Вам, to be advertysed that wheras (aswell at my last being w^{Может быть, приятно, что вы уведомили меня о том, что вы (а также}
о том, что я в последний раз был с^{вами, как и в нескольких ваших письмах)} вы даже поручили мне выяснить
такие подробности, которым^{можно было бы научиться у французской партии, где я до сих пор воздерживался, скорее из-за отсутствия удобного}
материала, чем из-за того, что не помнил, поэтому я счел своим долгом^{ускорить работу всех участников. объявите вас, вы} из
таких ньюсов, как мне только что сообщил сертейн с этого острова, который^{ch} прибыл в субботу
вечером из Нормандии, и они заявили, что о варре ходит большой слух, и ньюс, такой
известный, как мальчик из Майна, который находится в Констанце, чтобы залечить горе,
которое у него^{есть}, был спасен своим хозяином в течение одного дня, и так осторожно, что^{ch} he
hath, was hydden by his host the space of one day, and so pryvely wth дайверы других жителей этого
Острова перемещались со всей скоростью. Более того, я понимаю, что в Констан-циях и
терабулах были наняты ii^c солдатами^{r's w^{ch}}, которые сейчас находятся в гарриссоне в
Граундвилле, и что есть viij^{xx} солдат^{r's} в Шоуси и два великолепных корабля, хорошо
оснащенных. Также, что слуга французских королей прошел вдоль морского побережья
Нормандии и взял имена главных хозяев и супругов в этих частях. Последний зверь войны и
подготовки к тому же событию в Бриттейне, как я узнал от барка из Лайма, который^{ch} прибыл из
С.^T Малос и остановился на этом острове прошлой ночью в Сондай, который заявляет, что им
было сделано предварительное предупреждение, чтобыth все побыстрее отправлялись оттуда, и
что монс^p Мартиг говерно^p из Бриттейна был назначен прибыть в этот вторник с большая
компания прибыла в сайдский город С^T Малос, где была проведена большая подготовка к
приему его и его свиты. Это особые и наиболее заслуживающие доверия факты, ^{которые} я до сих
пор извлекал из этих частей, предположения о которых, поскольку они очень опасны, поэтому я
не могу им доверять и разумно предотвратить, поэтому я со^{той} скоростью отправил этого
носильщика к вам^{вам} с^{этим} моим рекламодателем, которому я поручил не пренебрегать своими
обязанностями по передаче информации. то же самое, для того, чтобы вы^{были} переполнены
этими предпосылками, это могло бы вернуть вам удовольствие и посоветовать лучшие
процедуры в том же духе, поскольку для вас^r discrete wysdom may seme most expedyent,
beseching yo^u". И в это трудное время я не позволю Богу укрепить и придать реди всю мощь этого
замка и острова, чтобы противостоять всем пугающим и внезапным попыткам, которые^{ch}.....
Хотя поместье и обстановка этого замка вам известны^{вам}, все же я счел за благо прислать сюда^v
приложении список всего необходимого, чего в нем особенно не хватает. Нет другого особого
дела, достойного вручения этого подарка от этого вашего^r где все остается в полном порядке и
спокойствии, слава Богу, которого я умоляю сохранить вас^{вас}. Из Иерси, xxij^{го} апреля 1567 года.

Ты самый послушный сын

Жорж Пуле

[Адресовано] Его полноправному отцу

^p: Хью Пуле Найту.

[Одобрено] 22 апреля 1567 г.

М^r Джордж Пулетт своему отцу

С^r Хью Пуле из Джерси.

ПРИЛОЖЕНИЕ XI

[Стр. 326, п. 3]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. XCIV, № 1338

[Сэр Генри Норрис королеве Елизавете]

Вам может понравиться, что вашу^г честь рекламируют.... Написано в Париже в конце сентября^г 1567 года, в спешке.

Здесь достоверно сообщается, что Эмианс Абевилл и Каллис отправляются к принцам, в чем я не сомневаюсь, поскольку^г Ма^у не рекламируется ни это, ни другое. Также у них есть ГИПЕРССЫЛКА Lanne ГИПЕРССЫЛКА на[1767] Abevill Bollein[1768] Амины и другие города Сене, которые являются лучшими артиллерийскими городами во Франции.

Клянусь у^г хайнесом , самым скромным и

послушный подданный и слуга

Генри Норрис

[Адресовано] Самой превосходной
маэсти Квена:

[Одобрено] 30 сентября 1567 г.

C^p. X. Норрейсом в

Q. Мама^{ты}.

ПРИЛОЖЕНИЕ XII

[Р. 334, п. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. XCV, № 1457

[Печатная брошюра на 6 страницах]

LETTRES DU ROY, | par lesquelles | il enioint de fai | re diligente perquisition
& re | cherche de tous les Gentils-hom | mes,
tant d'vn party que d'aul | tre, qui se sont
retirez en leurs | maisons depuis la
bataille donn | ee pres S. Denys.

A. Paris,

Par Rob. Estiene Imprimeur du Roy

M. D. LXVII

Avec priuilege audict Seigneur
De par le Roy.

Nostre amé & | feal, Pource que | nous desirons sça | voir & entendre à | la vérité quels Ge | ntils
hommes de vo | stre s'y sont retirez depuis | la bataille dernièrement donnee | pres S.Denys, tant ceulx
qui e | stoyent en nostre armee, ou ail | leurs pour nostre service, que les | aultres qui ont suyvi le party
du | Prince de Condé: |

A ceste cause nous vous | mandons, & tres-expresseement en | joignons, Que incontinent la pre |
sente receue, vous ayez à faire di | ligente perquisition & recherche par tout vostredict ressort, de tous
| lesdicts Gentils-hommes tant d'un | costé que d'autre, qui se sont, ain | si que dict est, retirez en
leurs mai | sons. Et ceulx que vous trouverez | estants de la Religion pretendue | reformee, lesquels se
seront pre | sentez ou Greffe de vostre siege, & | faict les submissions portees par nostre Ordonnance
& Declaration | sur ce, qui est de vivre paisible | ment en leurs maisons sans jamais | ung se mouvoir à
prendre les armes, | sinon avec nostre exprès comman | dement & lesquels au demeurant |
observeront en cela nostredict | Ordonnance & Declaration, ne | faisants aucun monopole, ne cho |
se qui tende à sedition: Vous don | nerez ordre & tiendrez la main | quilz soyent maintenus en la joys |
sance du contenu en icelle Ordonnance & Declaration, pour vivre | & demeurer doucement en leurs |
dictes maisons, sans souffrir ne | permettre qu'il leur soit mesfait | ne mesdict en corps ne en biens. |
Et là où il s'en trouveroit qui feis | sent autrement, vous leur interdi | rez ladicte joyssance, les faisant |
punir & chastier selon que vous | sçaurez le cas le requerir.

Et au regard de ceulx desdicts | Gentils-hommes qui seront venus | en nostre armee, ou auront esté |
employez ailleurs pour nostre ser | vice & en nostre obeissance, s'e | stans semblablement retirez en |
leurs maisons apres la bataille, | vous les manderez venir par de | uers vous, ou bien les advertirez |
par lettres, & leur remonstrerez de | nostre part le tout qu'ils font à no | stredict service & à leur
honneur | & reputation, n'estant maintenant | heure de nous abandonner en ce | ste occasion: Les
exhortant de ve | nir incontinent retrouver nostre | camp & armee, & les assurant qu'il | ne se
presentera par adventure ja | mais occasion où nos bons, fidèl | les & affectionnez subiects puis | sent
faire meilleure preuve de | leur bonne volonté & affection en | nostre service, que en ceste cy, & dont
nous recevions plus de con | tentement, que nous sçaurons bien | recognoistre envers eulx. Et | au
contraire vous leur ferez sça | voir que outre la juste cause d'in | dignation, que nous aurons alen |
contre de ceulx qui y defauldront, | nous ferons proceder au saisisse | ment en nostre main de tous & |
chascuns leurs fiefs & tenemens | nobles, pour estre regis par Con | missaires. Mais sur tout ne fail |
lez de nous envoyer incontinent | les noms & surnoms, qualitez & | demeurances de tous les dessus |
dicts Gentils-hommes de costé & | d'autre retirez en leursdictes mai | sons. Et vous nous ferez service
| tresaggreable. Donné à Paris le douziesme jour de Decembre, | mil cinq cens soixante sept.

[Signé]————Charles

[Et au dessous]——.Robertet

[Et sur la superscription est es | crit]

A nostre ami & fealle le Prevost de | Paris, ou son Lieutenant.

Leves & publiees à son de trompe | & cry public par les carrefours de ce | ste ville de Paris, lieux &
places ac | coustumez à faire cris & publications, | par moy Pasquier Rossignol sergent, cri | eur juré
pour le Roy ès ville, Prevosté | & Viconté de Paris, accompagné de | Michel Noiret commis par le Roy

pour | trompete esdicts lieux, & d'un aultre | trompete, le dixseptieme iour de Decem | bre, l'an mil cinq cens soixante sept.

Россиньоль

ПРИЛОЖЕНИЕ XIII

[Стр. 352, п. 2]

BIBLIOTECA BARBERINIANA

Библиотека Ватикана, № 5269, фолио 63

[Discorso sopra gli humori del Regno di Francia, di Mons. Nazaret]

Quante uolte il Rè Christianissimo ha ricerca Nostro Sig^{re} di danari contanti, ò di permissioni di cauarne somme maggiori, et grossissime dal Clero di Francia, ò di soccorso di gente Italiana, ò di altro aiuto, che si potesse cauare da sua Beatitudine, tante n'è stato in somma compiaciuto, conciosia, che la bontà del Papa, et la prontezza, et uolontà grande, che Sua Santità ha del continuo hauuto d' impiegare ogni sua forza, et autorità a salute di quella Corona, et ad esterminatione degli Heretici gli ha fatto prestare più fede alle promesse, che loro M^{ta}, faceuano a parole del ben futuro che alle uere ragioni di coloro, i quali predicauano il Male, et la corruttione presente, et palpabile tale, secondo essi da mettere per perduto qualunque cosa si donaua ò porgeua per quel aiuto con il medesimo zelo ha proceduto sua Santità nell' aduertire al Re, alla Reina, et alli altri Ministri suoi fideli, et Catholici degl' inganni, et male opere di certi, i quali si uedeua chiaramente, come proponendo fallacie, et usando falsità et tradimenti, cercauano con sommo artificio di leuare l' obediienza al Rè, et corrompere la giustitia, et Religione di quel Regno, come in gran parte è loro riuscito, cosi non ha mancato di mettere qualche uolta in consideratione qualche rimedio per troncare i disegni delli Ugonotti, parendoli, come Papa et Padre commune, che se gli appartenesse di ricordar quello tocca al bene de fideli, et come Vicario di Christo in Terra di doversi intromettere in cosa appartenente all' uffitio suo per quanto concerne il riformare la Chiesa di Dio, cioè renderle in quel Paese la sua debita forma, et dignità essendouene il bisogno, ò la necessità grandissima, mà in parte alcuna non è mai riuscito di far frutto, anzi quando le loro M^{ta} non hanno hauto per fine di ualersi degli aiuti; et autorità del Papa, manco hanno tenuto conto, nè pur mostro di curarsi di corrispondere con quella dimostratione di parole, che ci conuiene ad ubedienti fig^{li} et deuoti a questa Santa Sede; Perciochè all' altre cose, che l'hanno dechiarato, lo fece manifesto, et palpabile, quando dopo la battaglia ultima di Mócontor, essendo il tempo appunto proprio de uenire a dare castigo à chi lo meritaua, come ricordauano i Ministri di Nostro Sig^{re} per parte sua, che era tempo di fare, et ne mostrauano il modo, fu risposto loro dalla Reina propria con parole assai espresse, come il Rè si trouaua in età di autorità, et con forze, et prudenza di saper gouernare lo Stato suo, da sè, senza hauere à pigliare consiglio, nè Legge da Principi esterni. Onde meritamente da quel tempo in quà è parso a Sua Santità di uolere andare un poco più consideratamente, non giudicando che se gli conuenisse di doversi ingenire in cosa d'altri più oltre di qualche fosse grato alli Padroni, sperando pure, che come l' era affermato, così asseueratamente l'età del Rè con il ualoroso animo suo, et con le prouisioni, che loro M^{ta}

presumeuano di fare più che à bastanza per trouarsi al sicuro in ogni accidente, potessero superare la peruersità de Ribaldi, et ogni altra difficoltà.

Hora che dalli intollerabili Capitoli da questa ultima impia pace apparisce tutto il contrario, ueggendosi come restano del tutto oppressi i Cat^{ci} et gli Ugonotti tanto solleuati, che non si preuagliano in qualche parte: mà che mettano necessità, et in loro soggettione il Rè medesimo.

Non può ne deue sua Beatitudine mancare di tutti quei Uffity, che si appartengono al grado suo per aprire la mente del Rè con modo, che sia cauato dalle tenebre, oue altri cerca di tenerlo, et sia illuminato delle prouisioni, che Sua M^{ta} può porgere per la salute, et conseruatione dello Stato, et uita di tutti i buoni, che senza pronto, et potente rimedio se ne andranno in perditione, non potendo mai reggersi quel Regno senza buona giustitia, et religione; le quali sono corrottissime con l'Intervento delli Heretici in esse, li quali Heretici non accade dubitare, che hanno sempre hauuta, et hanno tutavia più che mai la principale mira loro fissa alla rouina del Rè et uagliansi apparentemente di quelle due cose, che sono generalissime per chiunque cerca di distruggere un Dominio, ò una Monarchia, cioè la prima di mettere in diffidenza à chi lo regge quei Prencipi massimamente, che lo possono sostenere, et porgere consigli; et aiuti da conseruarsi il suo debito imperiò, come si sà, che hanno tanto tempo procurato di conseguire più, et sopra ogni altra cosa li Ugonotti del Rè di Spagna con dar ombra, et metter gelosia, che Sua M^{ta} Catt.^{ca} et suoi Ministri ancor d'auantaggio fussero sempre per procurare, non che desiderare la divisione della Francia; perchè la bassezza del Rè Christianissimo, redondaua à grandezza del l'altro interpretando perpetuamente, et le parole, et i fatti, che ueniuano da quella parte al peggior senso, il quale argomento, sebene in superficie hauesse del propabile in qualche parte, nondimeno la natura del Rè Cat.^{co} tanto inclinata al bene, et alla quiete, fà conoscere a pieno il contrario, come dimostra pur troppo chiaramente l'occasione, che ha lassato passare, con il non hauere con effetto animo di nuocere alla Francia per pensiero di accrescere se stesso; Ma è assai alli Ugonotti di hauere messo Zizania da ogni parte, tanto che l'uno non si fidi dell' altro, sicome hanno cerco, che gli riesca di conseguire del Papa, sebene non è uenuto loro fatta, perche Sua Beat.^{ne} per sua troppa bontà pospone ogni altra occasione, hauendo risguardo solo al seruitio di Dio, et al bene di quella Corona et del Rè.

L'altra seconda cosa è di mettere diuisione nel Popolo, che di ciò non accade produrne ragioni, ueggendosi pur troppo per gl' istessi capitoli dell' accordo. E necessaria adunque inanzi ad ogni altra cosa di provare con buone ragioni, come la setta delli Ugonotti con li suoi capi, sono sforzati a tenere in perpetuo la persona del Rè per inimica implacabile, perchè oltre à quello che è detto di sopra l'hanno troppo grauemente offesa, nello Stato nell' honore, et quanto ad essi nella uita sicome testimifica quella giornata di Meos, nella quale fu forza a Sua M^{ta} trottare sino a Parigi nel modo che è notorio.

Molte altre congiure, et conspirationi fatte da essi contra la persona di Sua M^{ta} et tanti trattati, et ribellioni usate per occuparle le sue Terre, sono palesi, et n'appariscono i processi fatti per le scritture, che furono trovate à Sciantiglione di Coligni, et che offende non perdona, onde considerata la natura loro, non resta dubbio, che come consij di hauere macchinato contra alla uita del Suo Sovrano Padrone, et offesolo nell' honore, et nello Stato tante uolte così abbomineuolmente, come è nonsolo palese; ma prouato a chiunque lo uole sapere, non potranno in eterno essere fideli, nè obediendi Vassalli; anzi non staranno mai quieti se non per fraude, et con intentione d'ingannare Sua M^{ta} quando uegghino le cose in termine, che li habbia da riuscire, et se gli mancherà il modo con l' Armi scoperte, et con congiurationi palesi, come per lo passato; perchè la loro setta hauesse declinato,

forse per il danno riceuuto nelle battaglie, che Dio benedetto hà fatto loro perdere, ò perchè dubitino di poter essere oppressi dal ualore, et uirtu, che uede essere nel Rè è non solo uerisimile, ma chiara, et sicura cosa, che procureranno di aiutarsi per ogni uia etia indirettissima, et seguitaranno il lor costume solito, et però non perdoneranno à ueleno, nè ad altra sorte di scelerata uiolenza, come la morte del Marescial di Bordiglione, quella di Monsig^r di Ghisa, et infinite altre simili ci ammaestrano, perchè conosceranno, come niuna uia è più certa di assicurarli ad ogni misfatto, et insieme da conseguire il fine del colorire i loro peruersi disegni; onde si può fare uera conseguenza, che niuna persona fidele al Rè, et prudente possa, ne debba persuadere Sua M^{ta} a disarmare, ò à fidarsi in alcun modo poco, ne molto delli ribelli di Christo, et suoi.

Hè che intenda d’huer concordato con essi altrimenti, che con l’intentione, che hebbe già il Rè Luigi XI. il quale considerata l’unione de Grandi contra di se uolse rendersi facile di promettere ogni condittione, benchè iniqua, che da ciascuno l’ era chiesta, mà dissipati che hebbe i capi della ribellione, come furono deposte l’ armi, incontenente gli troncò tutti, senza indugio, ne risguardo alcuno. Anzi hà da guardarsi Sua M^{ta} ben diligentemente da tutti coloro i quali con sì gran carità gridano pacis bona, et abusando della clemenza, et benignità del Rè, si sforzano d’ingannarlo, commendando questa pace particolare con le lode della pace in genere; perchè con le sue proprie non lo potriano fare: Chi non sà che la pace per se stessa è buona? Mà chi non sa ancora che Sicary, i Venefici, gli Assassini gli Assassinatori, gli Incendiarij, i Sacrilegij, gli Heretici, et gli huomini senza fede, ne honore meritano punishmente, et exterminatione. Chi non sà similmente, che hauer preso per trattata la Roccella per forza Angolem, et tante, et tante altre Città, et Terre in tutti i modi, che l’ hauere assediato il suo Rè, che l’abbruciare le Chiese, dar il guasto alle Prouincie, et distruggere, et exterminare, ò ribellare i Popoli è cattiva cosa, et peccato irremediabile. Mà che il liberarsi da sì graue indignità, et oppressioni, et che il cauar lo Stato suo, et suoi buoni Vassalli, et se stesso da tale calamità, et miserie, come è la uile, et abietta seruitù di chiunque si troua sottoposto alle crudeli Tirannide, et rapina de’ capi delli Ugonotti, non è esser seuro, et rigido, mà à fare il douere, il dritto, et qualche ricerca la Giustitia; Come può il Rè uolgere gli occhi pieni di quel generoso spirito che hanno mostro i suoi antecessori in tante et sì grande Imprese, da i quali ha riceuuto il titolo di Christianissimo, acquistato d’essi per i loro meriti verso la Roccella, et tutto il Paese, che chiamano di conquista, et tollerare di uederselo tolto con i Popoli ribellati, et in tutto alienati dalla sua obediencia, et Religione con le Chiese antichissime, et sì eccellenti, et nobili edifitij tutte demolite, la qual cosa auuiene non solo ne Paesi doue hanno pensato d’annidarsi, ma da tutte le parti del Regno, douunque sono passati con l’armi, che se ne uederanno i uestigij per li secoli auuenire, nonchè per li successori nostri, talmente hanno adoperato il ferro, et il foco contro la fede di Christo, et la giurisdittione, et l’autorità Regia.

Si che quando per qualsiuogla mondana ragione pur uolesse Sua M^{ta} scordarsi l’offese sì graui fatte alla Corona, à sè, et all’honore, et dignità sua, non può, ne deue posponere quelle, che sono commesse contra Christo, et alla sua legge, et non può mancare di giustitia alli suoi Popoli fideli, et Cat.^{ci} che chieggono pietà, et gridano uendetta, chiari di non douere, nè poter, ne uoler hauere mai pace, nè triegua à modo alcuno, sapendo di non potersi mai fidare d’essi, come l’esperienza gli ha dimostro molte uolte a troppo loro gran costo. Però quando uedessero di essere abbandonati, et derelitti dal Rè, et dal Gouerno, piuttosto che restare a descrizione di gente sì scelerata per fuggire la rapacità, et enormissime crudeltà loro saranno forzati di ricorrere ad ogni ultimo refugio.

Si può dunque proporre in consideratione al Rè qual sia più pietoso uffitio, quanto a Dio, et più glorioso quanto al mondo, hauer fatto un accordo con l’inique, et intollerabili condittioni, che si

ueggano con Vassalli, et ribelli reintegrandoli nè beni, et dignità, gradi preminentie, uffitij, et benefitij, cedendoli parte dello Stato proprio, con il lassar loro delle principali Fortezze del suo Regno in diverse Prouincie, pagandoli danari di nuouo, oltre all'assoluerli di quanto hanno rubbato alla Corona, et al Popolo, et quello che importa più di tutto il resto, permetterli il libero exercitio delle loro Heresie, o l'hauere liberato i suoi fideli soggetti, et se la Casa Sua, et il suo Regno, et la Christianità, da si pestifera et perniciosa Canaglia, Bella usanza certo si potrebbe chiamare l'usurpare con la Tirannia, che s'hanno fatto gli Ugonotti, le Città et gli Stati pertinenti alla Corona, saccheggiare et espilare tutte le Prouincie, doue si sono potuti cacciare con ogni sorte di tradimento, et quando non si hà havuto altro refugio, ricorrere alla pace, et al perdono per non restituire quello che si è rubbato, et occupato à forza, et Tirannicamente. Tollerassi, che uno, ò pochi transfugi, infame, si facciano capi di una setta, et senza cagione, ò ragione pur finta, ò apparente; non chè con autorità, et giusto titolo, sotto colore di uolersi fare riformatori dé Preti diformati, et disobedienti, pigliano l' armi contra il Rè, lo minacciano, faccino le battaglie seco, lo mettino nelle necessità, doue Sua M^{ta}, è stata, et si truoua tuttauia, et li diano le leggi piutosto, che castigare chi lo merita, et reintegrare la giustitia, et la Religione nel suo Dominio, senza le quali due cose mai si uisse, nè si potrà uiuere rettamente in alcun luogo.

Anzi è troppo chiara cosa, come questo male non corretto: mà così trasandato andará augumentando si ogni giorno maggiormente di sorte, che si habbia da mutare Imperio, come si uede che desiderano, et procurano con ogni diligenza gli Ugonotti che segua. E adunque la pace, così fatta pericolosa, et dannosa, come si è dimostro, sicome al punir li malfattori sarà sempre trouato necessario, honesto, et utile. Bisogna hora poi considerare, posto, che si debba fare se il Rè hà il modo da reintegrarsi nel suo prestino Stato, et autorità, et obediencia, et di ciò forse si potrebbe uenire in certa cognitione col misurare qual sia più il numero de Cat^{ci} ò quello degli Ugonotti, qual siano maggiori, et più gagliarde le forze, et armi de ribelli, ò quelle del Rè, quale delle due parti habbia più facile il modo da cauare gente forastiera, et sia meglio appoggiata d'amicitie de Prencipi Potentati, et de danari.

Et in fine secondo tali propositioni farne la consequentia, per due Ugonotti, che siano nel Regno, si ode calcolare, che si ha da contraporre più di otto Cat.^{ci} gli ribelli hanno perduto nelle battaglie oltre alla reputatione, et la quantità degli huomini molti Capi grandi, che haueuano come il Prencipe di Condè, Dandalotto, et tanti altri, talmente che non accade far paragone dell' armi sue a quelle del Rè, essi sono senza denari, et non possono così a loro posta più cauare nuoui soccorsi d'Alemagna, et Sua M^{ta} ne ha da sborsare ad essi a milione, et può hauer Reistri, Suizzari, Italiani, et Spagnuoli quanto li piace, et purchè uolesse sarebbe aiutato da tutta la Christianità, et quello che importa non meno di tutto il Resto, ha ad arbitrio, et disposition sua la giustitia, con la quale sola non è dubbio, che sarebbe bastante de regolare il tutto.

Sono accettate queste ragioni perchè non si può negare, Ma si risponde, che la Nobiltà di Francia, che è quella dalla quale dipende il Popolo, totalmente è corrotta per la maggior parte, et da questo procede tutto il male, che la grandezza del Rè proprio in ogni tempo è stata principalmente per il seguito, et obediencia de i Nobili, et mancandogli essi Sua M^{ta} resterebbe debolissima, et allegano le battaglie guadagnate per diuina dispositione, che non si sono poi proseguite, nè cauatone quel frutto, che si speraua, et douenasi. Onde si uà imprimendo nell' animo di Sua M^{ta} che per quel verso mai si potrà uedere il fine, et che però manco mal sia essere ricorso all' accordo in quei modi, che si è potuto, perchè il tempo farà ben lui. Le quali fallacie sono troppo palpabili, toccandosi con mano, et uedendosi con l'occhio chiaramente doue stà la magagna: percioche il Re uorrà recarsi la mente al petto, e redursi a memoria delle cagioni, perchè non fù seguitata la Vittoria dopo la battaglia di San Dionigi, et perchè si diede tempo tante, et tante settimane alli Ribelli di riunirsi, et stabilirsi nelloro

capo, et non si uolse mai obedire d'andare a cauarli da Monteri, o Faulnona, come sa chiunque si trouò, che si poteua fare senza alcun pericolo, et perchè a Craton in Campagna, quando si seguitauano li Ribelli non si uolse combatterli, nè manco andarli appresso da uicino, ò tagliargli i passi, come è palese, che si poteua per non impedirgli la congiuntione con il soccorso, che ueniua loro di Germania, conoscerà manifestamente Sua M^{ta} di essere stata tradita, et sa da chi, et lo proua da far punire i malfattori per giustitia, ma non è stata consigliata da uenirne mai all' esecutione, perchè Sua M^{ta} non hà uoluto consigliarsi con altri, che con coloro che la tradiscono. Veggasi quel che seguì poi con l'altra pace fatta con mira, et intentione di dare la stretta alii capi di quella maledetta setta, dopo che hauessero deposte l' armi, et reso le Fortezze; acciochè con tal mezo si conseguisca l' intento, che si deue hauere senza tanto sangue per non debilitare le forze proprie. Ma i traditori, che dauano il Consiglio, o almeno erano partecipi di esso, seppero guidare le cose in modo, et si lasciò uscire la uolpe dalla tana, et portò il caso, che appunto quelli di cui altri si fidaua più, et che haueua l'ordine di fare l' esecutione, auuertissero si a tempo i Ribelli, che furono i primi a repigliare l' armi, et uscirne di Noyrs, et conseruaronsi la Roccella, et ebbero in ordine di poter pigliare Angoslen per forza, prima che le forze del Re fossero unite esse da opponesseli, che anco questo, come il resto uiene procedette tutto dalli traditori tiranti adrieto le prouisioni Regie per dar tempo a complici di lauorare, Piacque pur poi a Dio, che miracolosamente fosse ammazzato, il Prencipe di Condè, et disfatto parte delle genti di Moners, ma non si seguì, come si poteua doueua, et conueniuasi. Venne ancora il Duco di Duppons, che si poteua combatterlo, et uincerlo al sicuro, et non si fece per le cagioni, che si seppero, et pure non ci si prouidde.

Fu seguitato, et verso Limoges si ebbero diuerse occasioni di romperlo senza alcun risico, et non fù eseguito per la colpa di chi n' impediua la esecutione con l'autorità, che haueua nell' essercito Regio; accioche si lasciasse se unire col Coligni, anzi fù procurato con buona cura di guardare l' Essercito Regio in forma, et in siti, che la fame, et gli stenti l' hauessero a fare sbandare, dando andito, commodità, et aiuto à ribelli di godere il Paese, et d'impatronirsi de' magazzeni, de uittouaglie munitioni, et artiglierie preparate da alcune persone, che si era troppo apparentemente ueduto, che erano colpeuoli, in ciò si uenne al paragone, come questi tali scellerati traditori erano di più autorità, essi appresso le loro Maestà, che qualunque recordaua la salute, et il seruitio di esse, come riuscì similmente quando si era fatta deliberatione de Suizzeri, et Italiani, così all' ingrosso, che il Re auesse facoltà di farsi la ragione con l' armi à malgrado de Francesi, che la seruivano male, i quali misero sù Monsr Duca d'Angiù che la impregnò, come cosa che offendesse la dignità, et honor proprio di Sua Altezza, conoscendo chiaramente, che l' intenteone de chi gouernaua, et consigliaua Sua M^{ta} non era uolta ad altro fine, che fargli inimici, ouero diffidenti tutti gli altri Prencipi, et in somma priuarlo di tutti gli aiuti esterni.

Le difficoltà, che furono interposte, per consumar tempo nell' andare al soccorso di Poitiers, sono anco loro ben note, perchè ùebbero da interuenire diuersi capi, che andarono con legenti Italiane, finalmente, come Piacque a Dio seguì la battaglia di Moncontor, dopo la quale il Rè medesimo sa, come fù tenuto a bada sotto San Giouanni d'Angelin, nè si uolse mai mandare parte della Cauallaria, non che tutto l'Essercito dietro alli Ribelli rotti, et in fuga, di sorte che non era possibile, che si riunissero, se non se gli fusse lasciato in preda le migliori, et più opulenti Prouincie di Francia per accrescere loro il seguito de Padroni, et lasciarli reinferscare, et rimettere insieme. Dalle quali cose si ode, che il Rè medesimo hà scorto qualche cosa, che gli ha fatto nausea. Ma essendo Sua M^{ta} attorniata di gente, che lo cerca d'ingannare, et tradire per ogni uerso, ella non può discernere i Lacci, che gli sono tesi ne i pericoli doue si troua, però e da cercare di far la molto ben capace delle sopradette cose, mostrandoli, che es non si lieua da torno quei ribaldi, che cercauano così grandi

artificij di rouinarla, ella si prouocherà l' ira di Dio, ne douerà più sperare nella sua diuina misericordia, che così miracolosamente l' ha sostenuto, et protetto fino al presente, ma resterà in preda di coloro, che non hanno altra mira, che di fare andare in precipitio la Sua Corona.

Di sopra e fatto mentione di alcuni particolari dè più sostantiali, accioche accadendosi si sappiano addurre per essemplio al Rè, alla persona del quale pare, che si debba far capo direttamente, et parlare a Sua M^{ta} senza maschera, perchè certo non se gli può far maggior beneficio, che id storarli le orecchie, et aprirgli occhi, et la mente per farli bene intendere liberamente, come non resta, che da lei medesima, se non uorrà porre rimedio a tanti mali, à quali tutti può prouedere facilmente, con punire quelli, che nominatamente si daranno in una lista, et degli altri, che gli paia, che lo meritino, secondo il riscontro, che trouarà su le scritture cauate da Casa Coligni, et ancora, che alli ribelli di Christo, et suoi, che hanno fatto tutte, et si grandi, et inaudite sceleratezze, secondo l' opinione di alcuni, non accade considerare di guardar Fede ò promessa fatta, nondimeno si può fare di castigare solo quelli, che hanno tradito, mentre seruiuano nel campo, ò nel Consiglio regio, che fia senza alcun dubio a bastanza.

Hassi d' auuertire ancora il Rè, come fin che Sua M^{ta} se n' è ita presso alle grida, et è stata con effetti del tutto Ingannata, ella può esser scusata appresso Dio, et al Mondo, ma dopo che saranno scoperte le magagne, et rappresentate la uerità, et il modo di non star più in preda, et alla descrizione de' traditori se non ci può: uederà la colpa di tutti i male, si ridurranno sopra le sue spalle, et resterà abbandonata da Sua Diuina M^{ta} appresso della quale più non uarranno i prieghi, et oratione del Papa, et de gli buoni, et fedeli, che forse hanno giouato più di ogni altro aiuto humano a sostenerla. Vedesi, che gli Heredi uanno cercando sottilmente a qualunque occasione di fare che il Rè offenda Dio per prouocargli il suo giusto sdegno, mettendogli inanzi con la sua pelosa carità di conseruarsi l' amicitia del Turco di usurpare i beni Ecc^{ci}. et fino a mettersi a fare nuove Imprese fuori del Regno col mezo delle loro Armi, la qual ultima cosa non è incredibile in alcun mode se già il Re non uolesse darsi loro in preda del tutto, perciocchè quando quell' armi si uoltassero contra qualunque si sia stato di Principe Catholico Nostro Sig^{re} non potrebbe mancare di far quanto si appartiene al debito dell' offitio suo, senza risguardo d' altra mondana consideratione, trattandosi della gloria di Dio, et conseruatione della Sua Santa Legge, nel qual caso Sua Beatitudine sarebbe forzata di procurare con la medesima caldezza di souuenire, et aiutare altri contra gli Heretici, che ha fatto con il Rè Cat^{co}. et con Venettiani, la qual Lega si hà da ricercare, che sia uolta contra gli Heretici, et Infedeli, piuttosto, che altroue.

Sopra la competenza, et gara de grandi, si possono dir moltj particolari in uoie, che sarià troppo lunga cosa mettere in scrittura, basta, che tutto seruono a negare la debita obediencia al Padrone, et al uoler portar l' armi con le quali s' impedisce la giustitia, et fino a tanto che il Re non punisce a qualche uno de buoni, che lo meriti, perchè altri non preuarichi poi in modo, che una parte, et l' altre si chiarisca per effetto, come Sua M^{ta} uuele conseruarsi la superiorità, che se gli conuiene, mai sarà libera da queste molestie, et sempre si starà in preda di ogni uno.

E. uerisimile, che la Reina ami più di tutti gli altri lo Stato, et la uita del Re et l' unione, et conseruatione de gli altri suoi Figliuoli, essendo essa prudente quanto si sa, et hauendo tanta cognitione delli humori, quanta le ha fatta imparare la lunga amministratione del Gouerno, che ella ha hauuto, però non si può dubitare, che Sua M^{ta} per ambitione di conseruarsi l' autorità preuarichi in parte alcuna di quel che deue, ma la proua ci ammonisce troppo, che da lei non si può aspettare quelle esecutioni, che ha mostro al Duca d'Alua in Fiandra, che basta a stabilire le solleuationi, et ribellione, perchè il

Sesso non gli lo promette, et anco in uerità di essere scusata, essendo stata Forastiera, et senza appoggio di potersi reggere secondo lei in simili casi, bisognando delle cotai deliberationi persona di gran cuore, et che habbia oltre l' autorità l' attitudine di fare con le mani proprie, quando l' occasioni lo ricerchi, però con la M^{ta} della Reina, non pare che accada pensare di poter profittare per tal uerso, si che il trattarne con essa non si deue hauere per opportuno, et anco di questo si potrebbe pigliar Consiglio sul luogo per gouernarsene secondo che giudicassero meglio quelli che si sà, che sono buoni, et ueri Cat^{ci} et che non hanno più mira alle passioni particolari per il desiderio di hauer maggior participatione nel Gouerno, che al seruitio, et ben publico.

Intorno alle quali cose è ben necessario, che chi sarà impiegato habbia molta pratica, et gran prudenza da saper usare la descrittione essendoci bisogno di somma consideratone, percioche quando si trouasse tanto in preda a chi gl' Inganna, che altri si desperasse di poter illuminarlo, et che si restasse ben chiaro di non douer cauar Frutto dalla persona di Sua M^{ta} sarebbe da uoltarsi forse ad altra strada, cioè uerso quei Prencipi, et grandi, che si conseruano Catholici, et che restano essosi et esclusi dal Re, et dal gouerno, et priui di autorità, et reputatione, i quali se haueranno un capo dependente dal Papa del quale sappino di potersi fidare, sono atti a uolersene, et con il mezo della sua autorità far tale unione d' arme di Cat^{ci} in quel Regno, che il Re sia forzato a riconoscersi del suo errore, perchè la maggior parte delle Prouincie di quel Regno sono sotto il gouerno de Prencipe, o Sig^{re} Cat^{co}. ciascuno de quali saprà, et potrà ridurre le associationi, che furono incominciate con i loro Capi minori, et mediocri, et supremi da ualersi dell' arme, nel modo stesso, che hanno sempre usato gli Ugonotti, et con esse dare adosso a gli Ugonotti da ogni parte per estinguerne la prima razza, che anco sopra ciò in uoce si può esprimere uarie cose, le quali sarebbono noiose a mettere in scritto, et a tal proposito si può ridarre a memoria quello che loro M^{ta} mandarono ad offerire al Papa per sicurtà della loro rissoluzione di non uolere mancare subito, che potessero liberare quel Regno dalla Heresia, cioè di capitulare espressamente, che a detti Gouernatori delle Prouincie se le usurpassero in caso di tal mancamento.

L' abbandonare questa causa non è secondo la bontà, et pietà di Nostro Sig^{re} nè a ragion di Stato conciosiache non si prouedendo è da dubitare, et da tener per certo, che gli Ugonotti anderanno sependo, et cercando d' impatronirsi se gli riuscisse à fatto del Regno per procedere poi anco più oltre con imprese esterne, et forse hanno disegno col mettere su il Re a nuoue Imprese di conseguir l' una, et l' altra Impresa in un medesimo tempo col far morire il Re, et li Fratelli, et altri grandi, che potessero per uia di congiure, et di tradimenti preualersi dell' entrata della Corona, et del Clero a sostenere solo l' Imprese cominciate in compagnia del Re, la qual consideratione, sebene paresse lontana non è da gettarsi dopo lè spalle; anzi è consentaneo alla ragione di permeditarsi, et fare con la prudenza quei rimedy, che sono giudicati più conuenienti.

Frà quali s' intenda il mandare al Re, et alli Cat^{ci}. una persona sola, o due, una diretta a Sua M^{ta}. et l' altra alli Cat^{ci}. che si riferisca, et obedisca al principale.

Forse non sarebbe inconueniente di mandare anco uerso il Re Cat^{co}. persona ben confidente, et sincera et rissoluta, che potesse cauare Sua M^{ta} Cat^{ca}. de Generali, parlandogli con buona intelligenza delli humori prefati di Francia, et mostrandogli quanto sia il pericolo, che portano gli Stati di Fiandra, si perchè con il tempo diuentando Heretica la Francia, quelli Stati infetti di già non si potranno a modo alcuno conseruare da Sua M^{ta}. Cat^{ca} quali remedij ella presume di farci, et sapere, accioche si potesse disporre, et pensare se con i Vinetiani et altri Prencipi si potesse fare simili offitij per tastarli il polso

douendo essi presumere, che sempre, che fusse mosso guerra alli Stati del Re di Spagna a loro non rincrescesse di potersi aiutare della Lega fatta, ma necessario, non che opportuno, in ogni caso pare il far prouisione quà de danari, de quali Sua Beat^{ne}. ha a ualersi grossamente, si per aiutare quelle cose, come per diffondere Italia, et il resto della Christianità dalle forze di questa scelerata setta. Et perchè le deliberationi di tanta importanza, nella quale si tratta della salute del Regno, et della conseruatione della Santa Sede, et della Christianità si hanno da fare con matura consideratione, si potrebbe per auentura discernere meglio qual partito fosse da pigliare prima, o poi, et come, et fino a qual termine udendone il parere di quelle persone, che paressero, et fussero giudicate intelligenti, et confidenti. Quanto alle richieste fatte adesso dal Re, la risposta fatta da N^{ro} Sig^{re} sopra la dispensa del Duca di Ghisa, et della Prencipessa di Portiano, non può essere più giusta, ma è facile a temperarla col mandare la dispensa del tutto spedita per chi andasse, accioche si uaglia di darla, o non appalesarla, secondo, che trouerà, che sia più a proposito per li humori; Conciosiache se si conclude affatto il Matrimonio di Portogallo, come è da stimare, che sia il disegno, chi sa che Madama Margherita non diuentasse moglie del Duca di Ghisa, piuttosto che del Prencipe di Nauarra. Et circa il permettere che gli Ugonotti possino habitare sicuramente nella Città, et Contado di Auignone, non parche accada stare in dubbio, che Sua Santità, non lo può, ne deue concedere, ma di restituire i loro beni, et lasciarli contrattare, perchè ne sgombrano, si può ben forse hauerci consideratione, se con questa gratia fatta al Re si uedesse di accomodare con Sua M^{ta} qualche una delle cose più sostantiali, et anco ciò pare, che bisogni rimettere alla descrittone, et prudenza di chi si uolesse mandare, il quale deue hauere per massima, che sempre, che il Re uoglia essere così impio, che si risolua di fare quello, che può per leuare al Papa, et alla Santa Sede quello Stato, non ci è rimedio a diffendersi, ne essendo Auignone troppo circondato dalle sue forze, però conuiene auitarsi di conseruarselo, come si è fatto per l' adietro in tutti i tempi con l' autorità, et beneuolenza, et fauore del Re, al quale se può rimostrare che N^{ro} Sig^{re}. non uuole, ne intende tenere con l' armi perturbato il suo Regno, mà solo tanta guardia nella Città, et Terre, che ui sono, che basti a non lasciarle rubbare per tradimento a quattro di quei scalzi Ugonotti, come ne sono state tolte tante a Sua M^{ta}.

Douendo questa scrittura seruire solo per informatione delli humori di quel Regno, non pare, che accade farla ordinata, ne limitata, però sarà fatta, come si è potuto all' imprescia &c.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIV

[Стр. 354, н. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. XCVII, № 1711

[Печатная брошюра на 6 страницах]

[Титульный лист]

УЧРЕЖДЕНИЕ

Братства

католиков Шал-сюр-

Сон-Эридж в честь

Святого

духа во Франции

1568

[Гравюра на дереве, изображающая Святую Троицу]

Именем Божьим

Аминь

Nous soubscritz bien | acertenez que la sain | cte Eglise Catholique | ne peut faillir, errer, ny | vaciller en l'observan | ce de la pure, sincere | & vraye volonté de Iesu-Christ nostre | souverain Dieu, comme estant co | lumne & fermeté de verité, qui est, & | doit estre de consequent fondée & esta | blie sur la doctrine des Prophetes, des | Evangelistes, & des Apostres. Dont Je | su-christ mesme est la maistresse Pierre | angulaire qui a voulu le saint Esprit | demeurer à iamais tant que le monde | sera monde eternellement avec sadicte | Eglise Catholique. Dont n'est à croy | re, comme nous ne croyons que | Dieu ayt permis son peuple Chre | stien vivant soubz ladite Eglise, estre | par aveuglement en erreur, & idolatrie | par l'espace de mil cinq cens & plus | d'ans. Soit par les celebrations de la sain | cte Messe, assistance du peuple & cere | monies d'icelle, entretenue par tant de | saintz & grandz personages en scavoir, | religion, sainte vie, martyrisés pour le | nom de Dieu, Confesseurs vivans austere | ment en toute parfaicte doctrine, Vier | ges, que autres bons fidelles d'icele Egli | se catholique. Par l'approbation de la | quelle (non autrement) nous avons pure | credence des saintes escritures, du Viel | & Nouveau Testament, donc d'icelle | lon ne se doit devoyer, retirer, ny demen | tir en maniere, que ce soit, sans blasphe | me, erreur, & damnation. Mais doit lon | par l'ayde supplication, & prieres à | Dieu, & illumination de son S. Esprit | estre fermes & stables, reiectant tous flots | des persuasions de nouvelle doctrine, | soubz quelconque pretexte quelle puis | se estre suggerée.

A ceste consideration par in | tention Chrestienne soubz la divine puissance | & espoir par l'inflammation du | benoist S. Esprit d'estre maintenus & | conservez en nos consciences, en l'union, | mansuetude, crainte, & obeissance d'icel | le Eglise catholique, à l'imitation de la | maiesté du Roy nostre sire, & soubz sa | protection & bon plaisir, desirans nous | efforcer de luy rendre & rapporter sub | mission & prompte obeissance, en tou | tes les choses, que nous voyons, & sca | vons estre observées, selon la sainte vo | lonté de Dieu, au salut eternal de nos | ames, par sadicte maiesté royale & ses | tresexcellens predecesseurs, qui ont ve | scu & sont decedez puis l'heure qu'ilz | ont estez oinctz & sacrez de la celeste | unction par le mystere de la sainte Mes | se dont ilz remportent le nom de tres | chrestiens. |

Nous avons soubz ledict bon vou | loir & plaisir du Roy faict entre nous & | pour tous autres Catholiques qui ad | joindre se voudront une fraternité qui | s'appellera Confrairie & société des Ca | tholiques. En laquelle sera esleu un | Prieur pour luy obeir es choses & en | droicts concernans les poincts dessusdicts | circonstances & deppendances à mesme | fin sera chascun dimanche a noz fraiz | celebree une Messe du Benoist saint | Esprit en l'eglise de nostre dame des Car | mes de Chaalon & aultres iours qui sera | avisé par ledict Prieur ou seront tenuz | d'assister ceulx qui seront appelez pour | ladicte assemblee en bonne & louable de | votion & continuer en prieres qu'il plaise | à nostre pere celeste conserver sa dicte | Eglise & la purger de toutes perturba | tions & remettre icelle en une seule foy & | donner prosperité a nostre Roy en tous | ses affaires & luy prolonger la vie a la gloi | re & sanctification du nom de Dieu à l'avan | cement & manutention de la religion Catholique | & courone de France & sil adve | noit (que Dieu ne vueille) que quelques | uns par une effreneé volonté entrepris | sent contre l'intention de sa dicte maie | sté d'user d'emoions, iniures, detractons | contre ladicte religion Catholique, vio | lences sacrileges, invasions, conventicules, | à l'effect

dessusdict, batteries, meurtres, | pilleries d'Eglise, roughtures d'aulelz | images, croix, & choses
dediees au servi | ce divin. Promettons y resister par tous | deux moyens tant par promptz advertis |
semens aux superieurs & iusques à sa di | cte maiesté que aultrement comme il sera | de besoin. Et si
les effortz estoyent si pe | tulentz qu'ilz requissent prompt empe | schement: Promettons y tenir par
une | unanimité la main & faire tout ce que | par nos superieurs sera ordonné pour la | manutention de
ladicte religion, resister | aux entreprinses contraires. Et au cas | qu'il advint que Dieu ne vueille que
les | persones de sa maiesté & de messieurs | ses freres qui maintiennent & maintien | dront
nostredicte religion & Corone fus | sent oppressees de sorte que ne sceussions | avoir advertissemens
de leurs volonte. | Promettons rendre toute obeissance au | general chef qui sera esleu sur la presen |
te société. En tesmoin desquelles cho | ses susdictes & pour l'observance & ac | complissement
d'icelles, Nous les avons | tous sousignez & marquez de noz | seings & marques accoustumez audict
| Chaalon, le dimanche vingtcinquesme | iour du mois d'Avril l'an mil cinq cens | soixante huict.

Comme Secretaires esleus en ladicte fraternité & par ordonnance du superieur en icelle.

Ламберт.

[1769]Белые.

[Не одобрено]

ПРИЛОЖЕНИЕ XV

[Стр. 354, н. 4]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том С, № 1862

[Католическая лига штата Мэн]

Nous sousignez confederez et alliez par sainte et divine alliance pour la continuation et maintention
de lhonneur souverain deu a notre Dieu le createur et aux commandementz & ordonnances de la
sainte eglise catholique apostolique & romaine et pour la maintention de lestat du Roy treschrestien
et trespapalique, notre souverain prince esleu & a nous baille par la grace et providence divine pour
notre chef & souverain terrien debateur & conservateur de lad. eglise catholique & romaine et des
saintz decretz & concilies dicelle, et de lobeissance que nous et tous ses bons subiectz luy devons et
a noz seigneurs ses freres aussi treschrestiens & trespapaliques, repoz de son Royaume & de tout
son peuple Et afin de maintenir lad. eglise et religion catholique apostolique & romaine pour obvier par
tous moyens licites raisonnables et permis de Dieu aux damnees entreprinses machinations et
conspirations que Sathan a mys es cueurs daucuns malheureux qui ont tendu & tendent par tout lesd.
artz dyaboliques de non seulement imminer mais du tout subvertir lad. religion catholique apostolique
& romaine et lestat & auctorite du Roy notre bon souverain catholique et treschrestien Prince &
legitime defenseur dicelle et de nosd. s^{rs} ses freres, et pour tenir moyennant layde de Dieu et le
consentement & accord de leurs ma^{tes} tout le peuple en repoz Pour servir a Dieu & a notre mere
sainte eglise et rendre lobeissance deue a leurs Ma^{tes}, faire obeir la justice tant de ses courtz de
parlementz que autres ses juges magistratz, Promettons et jurons vivre et mourir en lad. religion

catholique apostolique & Romaine et lobeissance deue ausd. Ma^{tes} et a leur justice Nous promettons aussi & jurons ensemble toute obeissance service et ayde et de noz personnes & biens pour empescher & courir sus avec leurs auctoritez contre tous perturbateurs innovateurs et contrevenantz a lad. религия; en estats desd. ma^{tes} & a leurs saintz & catholiques edictz & ordonnances divines & polytiques et de nous secourir les ungs les autres aux effectz susd. par tous moyens contre tous rebelles heretiques sectaires de la nouvelle religion en quelque lieu quilz soient & qui en sont suspectz ou nadherentz a notre party et tendans a fins contraires. Le tout jusques a la mort inclusivement. Le xj^e luillet 1568.

Depuis ces presentes signees par la noblesse mercredy dernier elles furent signees en cahier distinct toutesfois en mesme livre par les presbytres. Et vendredy portees par lesd. presbytres auturs estat Et y ont soubsigne les eschevins & procureurs de la ville plusieurs des officiers du Roy et des bourgeois avec menasses a ceulx qui nont voulu signer destre tenuz suspectz. Et par la conference quilz ont eue tous ensemble, la noblesse sest chargee du reiglement pour assembler et dresser les gens de guerre et ceulx qui peuvent porter les armes et dadviser et eslire les chefz pour leur commune. Et les presbytres et le tiers estat sen sont de tout submys a la noblesse. Ils font signer & jurer par les bourgades aux procureurs & plus apparentz des parroisses.

Lesgail sest fait en la ville du Mans pour la solde des harquebuziers a cheval pour mons^r le seneschal de Maine. Et ayant a son arrivee trouve les portes assez mal gardies a faict publier la garde avec injunction des peynes.

[Не подписано]

[Endorsed] Copie de lassociation faicte | par les provinces.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том С, № 1863

Cest le Roole de la sainte union contenant quarante rooles en parchemin cestluy compris.

Nous soubsignez confederez & alliez par sainte et divine aliance es Duché Canton et Conté du Maine, pour la continuation et manutention de l'honneur deu a Dieu notre createur, de ses saintz comandementz, et ordonnances de la sainte Eglise catholique, apostolique et Romaine: Et pour la manutention de lestat du Roy treschrestien et trescatholique notre Souverain Prince, esleu et a nous baille par la grace et providence divine pour notre Chef et Souverain terrien dominateur et conserve^r de lad. sainte Eglise Catholique, Apostolique et Romaine, et des saintz decretz et conciles d'icelle, et de lobeysance que nous et tous ses bons subiectz luy debuons, et a tous nos Seigneurs ses freres aussy treschrestiens et trescatholiques Princes, repos de son Royaume, et de tout son peuple: Et afin de maintenir lad. s^{te} eglise et Religion catholique, Apostolique et Romaine, po^r obvier par tous moyens licites raisonnables et permis de Dieu, aux damnees entreprises, machinations et conspirations que Sathan a mises es cueurs d'aucuns malheureux qui ont tendu et tendent par tous artz diaboliques de non seulement imminuer mais du tout subvertir lad. Religion catholique; Prince treschrestien et legitime defenseur, et de nosd. Sieurs ses freres. Et pour tenir moyennant layde de Dieu, consentement et accord de leurs maiestez, tout le peuple en repos pour servir a Dieu et rendre lobeysance deue a leursd^{es} maiestes, faire obeyr la justice, tant de ses Cours de parlement que aultres des juges et magistratz. Promettons et jurons vivre et mourir en lad^e Religion Catholique Apostolique et Romaine et obeysance deue ausd^{es} Maiestes Ausquelles Maiestez et lustice nous

promettons et jurons toute obeyssance, secours, et ayde, et de nos personnes empescher et courir sus, aveq leurs autoritez, a tous perturbateurs, innovateurs, et contrevenants a lad. Religion, et Estatz desd^{es} Maiestez, et a leurs saintz et catholiques Edictz, et ordonnances divines et politiques: Et nous secourir les uns les autres aux effectz susd^{es} par tous moyens contre tous rebelles, heretiques, sectaires tendantz a fin contraires. Le tout jusques a la mort inclusivement. Faict et arresté au Mans lunn^{me} jour de lullet 1568.

[Не подписано]

[Подписано рукой Сесила]

Копия заговора по | обету, заключенного во Франции | Catholicques
ag. противоположности.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVI

[Стр. 359, п. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ВНУТРЕННИЕ

Элизабет, Том. XLVII, № 72

[Уолсингем Сесилу]

C^p

Hethмой друг уверяет меня, что он пользуется поддержкой соуца, поскольку он подразумевает от его имени, что в последнее время в Соутверке проживали те, кого сейчас нет, чье уединение давало большие основания подозревать, что это не имеет прямого значения. На этом р^r, посланном s^r, он попросил меня уведомить вас, что в разговоре, который недавно произошел между ним и новоприбывшим Кардиналом, когда он тащил за собой нераскрытые следы Кардинала Лорейна и многое другое, он показал ему, что в последнее время они были отправлены сайдом Кар. из Лорейна, чтобы применить непристойную практику в поисках, о чем вам угодно намекнуть нам двоим. да, таким образом, он описал их ему следующим образом. Тот, кто был от природы англичанином, с цветом лица смуглый, с окладистой бородой, и кот (как обычно называют маркизетто) худощавого телосложения, ростом хе. Другой из натъона - итальянец, с цветом лица холерический и смуглый, его медвежонок светло-коричневого оттенка и худощавый, с полным лицом, невысокого роста и пропорций, и такой, каким мы обычно называем труббе. После того, как я прочитал их описание, я объявил ему, что вы уже были предупреждены о лике и что вы сказали мне, что эти описания были настолько общими, что они могут с таким же успехом относиться к невинным, как и к гилти. Далее я сказал ему (от себя лично), что кардинал Шатилльгليون может использовать это как средство, чтобы сделать своих друзей более благосклонными к этому поместью. Сначала он ответил, что, скорее всего, у него были основания быть осведомленным об этих дескрипциях, потому что он знал англичанина лике дескрипциона, очень хорошо владея итальянским языком и достаточно хорошо французским, которые переходили от папы римского к карде. из L. а также сейдская вечеринка привела меня к благородному человеку, который в то время жил в доме моего друга; и поэтому, чем скорее он видел, что он был лике хотелось быть втянутой в столь непристойную практику.

Во-вторых, он сказал, что у него был такой хороший опыт работы с синцеритом и непосредственным исполнителем в шатильонском доме, что он точно знает, что они не смогли бы таким нецелесообразным способом заставить любого человека устать. И сказал он далее, чтобы заверить вас, что в наличии может быть так много практики. Я знаю по письмам, которые я видел тайным способом, написанным из комнаты в магазин Шатильона. Витербо, где прошло шесть лет, во времена Б. Фрэнсиса (поздней памяти) в его руках была отличная практика, и я также знаю, почему ему не нашлось места, и он может попросить моего секретаря, когда ему будет угодно, поработать со мной от этого имени. Кроме того, чтобы спровоцировать меня на переписку, он добавил далее, что, как он понял соуче, когда тот ввязался в поиски в Соутеверке, у одного из тех, кого они подозревают в убийстве, есть красная берда, как у th остальных мерков, упомянутых выше: и поэтому, чтобы его не нашли в Соутеверке, он надеется, что его можно вернуть курту; и потому он очень искренне желает, чтобы вы могли быть кем-то назначенным вами лично для того, чтобы иметь охрану в этом лице. Таким образом, продолжая подрывать вашу честь, я вверяю вас Богу. Из Лондона, xv^{го} сентября года от 1568 года.....

Yr отдает честь коммонде

Fra: Уолсингэм

[Адресовано] достопочтенному С.^p Уильяму
Сисилл, главному секретарю и
одной из ее Ма^{теc} тайному советнику
В

Суд.

[Одобрено] 15 фбр, 1568.

М^p Фрэнсис Уолсингем
моему м^p

ПРИЛОЖЕНИЕ XVII

[P. 375, n. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CX, № 533

[Новости из Ла-Рошели]

Monsieur l'Amiral escript du commencement du moys de lanvier, que larmee de Messeigneurs les Princes se trouve fort gaillarde et plus saine quelle n'a esté depuis ung an, et estime quele changement d'air a esté ung des moyens, dont Dieu s'est servy pour faire cesser les maladies qui y ont regné jusques a lors. Lad. armee estoit au port de s^{te}. Marie a trois lieues d'Agen et tenoit tout le bord de la riviere de la Garonne depuis les portes d'Agen jusqs pardela Marmande et du long de la riviere du Loth jusqs a Villeneuve ou y a de petites villes mais riches & abondantes de toutes choses necessaires a une armee, et desquelles on tire quelques finances.

Mon: le Conte de Montgomery est de l'autre bord de la riviere de la Garonne tenant tout le pais de la jusqs en Bearn et jusques a Lengon, et au hault de la riviere jusqs a Haultvillar qui de son coste amasse le plus de finances quil peut. Il ny a point dennemys qui facent teste, ou donnent empeschemt. Ilz se tiennent clos & couverts dedans les villes et laissent la campagne libre aux dictz^{rs} Princes. Монс. le Mar^{al} Danville se tient a Tholose, et mons^r de Montluc a Agen. Ilz ont des forces mais separees & mal unies de voluntez et de lieux. Le Sr de la Vallette avoit este envoyé pour les rassembler et s'essayer de faire plus que lesditz Srs Danville et Montluc mais il s'en est retourné sans rien faire.

Monsr de Pilles et ceux qui estoient dedans S^t lehan sont venuz au camp bien sains et gaillards, ayans soubstenu le siege tant que les pouldres ont duré & faict actes aussy belliqueux & magnanimes qui se sount faictz de notre cage en siege de ville.

Il avoit este faict ung pont a batteaux sur lad. riviere de la Garonne sur lequel hommes, chivaux charettes et artillerie avoient passé huyt jo^{rs} durant, mais tant par la rive des eaux que par la faulte dung qui estoit alle prendre ung moulin des ennemys po^r lamener aud. port de Ste Marie. парень. moulin luy est eschappe et a choque et rompu led. pont. Si est ce quon y a depuis donne tel ordre quon ne laisse de passer.

Il y a plus^{rs} advertissements quil y a quatre mil Espaignolz a la frontiere d'Lespaigne & que le Prince Daulphin s'en va les trouver avec une troupe de cavalerie po^r le^r faire escorte.

Mr de Lavauguyon est venu entre les deux rivieres de la Dordogne et du Loth avec vingt cornettes de cavalerie pour tenir les passages desdictes rivieres. doubtant que Messrs les Princes les veillent repasser, mais cela na empesché le Sr de Pilles de passer le Loth, et saprocher desdictes cornettes, esperant les reveoir de plus pres en brief.

Les reistres des dictz seigneurs Princes ont receu ung payement, et son, si bien satisfaictz et contens que jamais ne fut veu une plus obeissante nationt. Ilz sont partie dela la riviere avec M. le Conte de Montgomery et partie decha, ne faisans difficulte de se separer et recevoir le commandant de tous ceux quil est ordonné et d'aller en tous lieux ou il le^r est commande.

Монс. le Conte de Mansfeld faict infiniz bons offices tous les jo^{rs}, esquelz il monstre ung zele a ceste cause avec une magnanimité, de laquelle il ne cede a person quelconques. Et ne fault doubter que Dieu ne layt envoyé pour ung tresgrand bien et necessaire comme aussy le Conte Ludovic de Nassau prince tresvertueux et fort advisé.

Quand a la negotiation de la paix, les admis de la Rochelle portent que ung moys durant le Roy et la Royne ont souvent envoye devers la Royne de Navarre pour l'exhorter a entendre au bien de la paix et haster les deputez, lesquelz ont longuement differé a cause des difficultez qui ont este mises enavant tant po^r le peu de seurete quon trouvoit aux passeportz qui estoient envoyez de la partie de le^{rs} majestez, que po^r la distance du lieu, ou le pourparte de lad. paix estoit assigné et ordonné, qui est la ville d'Angiers, en laquelle a Co^{rt} se retrouve a present.

Finalement leurs majestes ont renvoyé autres passeportz, et depesché le s^r du Croq le^r m^e d'hostel, pour conduire lesdictz deputez, lesquelz furent nomez au conseil tenu a la Rochelle le xme de lanvier, ascavoir, les s^{rs} de Beauvoir la Nocle lieutenant de feu Mons. d'Andelot, Cargeoy gentilhomme de Bretagne, Compain chancelier et la Chassetiere Brodeau secretaire de la Royne de Navarre. Le Sr de Theligny est aussy des deputez, mais avec sauf conduit pour et retourner quand bon luy semblera et

besoing sera, pour rapporter no^{les} de lad. ве́ди перегово́ры с па́рнем. Dame Royne et a Messeigneurs les Princes et Mons. l'Amiral selon les occurrences.

Et encore qu'il semble que le Roy desire la paix et qu'on ayt advis quil la veult faire a quelque pris que ce soit, si est ce que pour le peu de foy et seurete qu'on a esprouve par deux foys en celle qui a este faite, on est resolu de la faire a ce coup avec laide de Dieu bonne, asseuree et inviolable. Et a ceste fin on a baille aux dictz deputez ung pouvoir si restraint quilz ne peuvent rien conclure sans premier avoir ladvis de lad. да́ма Ройн осужда́ет^{своих} принцев и всех остальных. Sr Amiral, et jusqs a ce quil ayt este par les susdictz dame Princes et S^{rs} arreste. Ce qui ne se fera sans pallablement avoir surce le conseil et deliberation de nos confederez et de ceux qui nous ont favorise, aide et secouru en ceste cause comme il est raisonnable, et a fin de pouvoir mieue asseurer lad. paix; esperans que en y procedant de ceste facon et establisant le pur service de Dieu par dessus toutes choses il honora les actions de ceux qui y seront employez.

Au reste la charge desdictz deputez consiste en trois points ascavoir la liberte des consciences et exercice de la Religion sans distinction de lieux ou personnes. La seurete & protection de nos vies et personnes & la restitution de biens honne^{urs} charges, estatatz et dignites.

Ceux qui sont hors de ce Roy^{me} qu'on a resolu dadvertir premier que de conclure aucune chose sur le traite et pourparte de la paix sont dune pt les princes D'allemaigne et mesmes monsieur le Prince d'Aurenge, et dautre pt Monsieur Le Car^{al} de Chastillon par ce quil y a eu si estroictes promesses et obligations faictes par ceux qui ont en pouvoirs de Messeu^{rs} les Princes, quil a este trouve raisonnable de ne rien faire sans le commun advis de tous ceux qui sont participans en ceste cause et qui l'ont favorisee.

Le Baron de la garde se vante desja si la paix se conclut de faire ung voyage en Escosse avec ses galeres.

[Не подписано]

[Не адресовано]

[Подписано рукой Сесила] Январ 1569

Отрывок из писем компании "Рошель и си".

ПРИЛОЖЕНИЕ XVIII

[Стр. 387, п. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CVIII, № 359

[Екатерина Медичи герцогу Анжуйскому]

[1569, 10 сентября]

Extraict de la lettre de la Royne escritte de sa propre main a Monseigneur le Duc du dix^{me} Sep^{re} Dclxix
escritte au Plessis les Tours.

Mon filz, Sanger irent tout a ceste heure darriver de vostre frere par lequel nous a mande la bonne et
utile nouvelle de l'heureux desassiegement de Poitiers avec ung tresgrand honeur de mons^r de Guise
et de tous ceulx qui y estoient pour le grand et notable service quilz ont fait a Dieu au roy et a ce
royaume et de vostre frere de les avoir si bien secouruz qen faisant semblant dassieger Chastellerault
et de donner ung faulx assault il a fait a quil vouloit et pourquoy le roy lavoit envoye et a ceste heure il
regardera de mettre peine dabreger toute ceste guerre que avec layde de Dieu il mettra bien tost le
repoz en ce royaume et me semble que jamais ny eust plus doccacion de remercier Dieu et le
continuer de prier a fin quil nous mette hors de tant de maulx.

[Без подписи]

[Нет адреса]

[Endorsed] Copie de la lettre de la Royne a Monseigneur le Duc.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIX

[Стр. 389, н. 4]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CIX, № 444

[Норрис Сесилу]

Досточтимая----в Адмиралл хатхе последнее время записывается в шапку^{Ан} Ла Шарите, что
хвалить и давать в годе он Майе сейчас joyne ж^e в vicountes на его мольбы^p & , что он Хадд сил
недостаточно, чтобы сделать сайт hedd его Ennemis, молясь Говерно^p на Локе тщательно в те
места, на границах и предоставить все thinges necessarie для commyng Монс^p де Лизы, с Арми из
puttithe Allemagnes, которое в большой feare и использовать все meanes для лечения Peax, что,
возможно, может. Написано в Туре 19го декабря 1569 года.

Ваши^r почести всегда остаются неизменными

Генри Норрис

[Адресовано] Достопочтенному S^r Уильяму Сайзиллу Найту, главному
секретарю превосходнейшей мэрии Квена и ее величества
хайнесс преви Каунселл.

[Одобрено] 19 xbr 1569 г.

S^r Генри Норриса моему m^r
из Тура.

ПРИЛОЖЕНИЕ XX

[Стр. 392, п. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXI, № 580

Double de la responce faicte par le Roy aux ar^{cles} presentez a sa Ma^{te} par les deputez de la Roine de Navarre.

Le Roy ayant entendu ce qui luy a este exposé de la part des deputez de la Roine de Navarre des Princes de Navarre de Conde Srs Gentils-hommes & autres de toutes qualitez qui sont avec eulx les *treshumbles requestes* faictes a sa Ma^{te} de leur donner la paix avec les seuretez qui sont en son pouvoir pour les faire jouir du benefice dicelle. Ensemble les submissions qui luy ont este faictes de luy rendre lobeissance & fidelité quilz lui doibvent Sadite Ma^{te} pour la *singuliere affection quelle a tousjours* portée a la Roine de Navarre Princes de Navarre & de Conde pour la proximité de sang dont ilz luy appartiennent. Le desir quelle a de la conservacion de ses subjectz *speciallement de sa noblesse* pour monstrier a eulx & a tous les dessusditz son affection & clemence paternelle & royalle envers eulx et la volonté quelle a de voir ses subjectz ensemble revinz soubz son obeissance & son royaume en repos de troubles qui y sont de present leur a accordé pour parvenir a une bonne syncere & entiere pacification desditz troubles les choses qui sensuyvent.

Car les treshumbles req^{tes} presentees a sa Ma^{te} de la part de la Royne de Navarre et de Messeigneurs les Princes il est manifeste que le but de lad. дама и дщерь. Seigneurs Princes n'est et ne fut onques d'oster au Roy sa couronne comme ilz ont esté calumniez, mais d'entretenir le vray pur et libre service de Dieu, come le Roy suyvant la req^{te} des estatz la accordé a tous ses subjectz.

Nous sommes persuadez de la bonne affection que sa Ma^{te} a portee a la Roine de Navarre et a Messieurs les Princes au paravant que ceulx qui aujourdhuy soubz le nom du Roy oppriment le Royaume eussent chassé d'aupres de sa personne tous ses meilleurs et plus loyaux conseillers et mesmes qu'au paravant ces dernieres troubles nonobstant les fausses accusations calumnies et impostures dont on avoit charge lad. Dame Roine et Messieurs les Princes, ce neantmoins n'avoient tant sceu faire ceulx de Guise que de faire oublier a sa Ma^{te} son bon naturel, tellement que personne na doubté si sa Ma^{te} se fust conduite selon sa bonne inclination que sa bonne affection ne se fust tousjours monstree en leur endroit et eussent este traictez comme bons et prochains parens loyaux subjectz et tresobeissans serviteurs. Toutesfois il est cogneu notoirement que par les mauvaises practiques desquelles ont use ceulx qui sont aupres de sa Ma^{te} lad. dame Messieurs les Princes, les Srs Gentils-hommes et autres estans a leur suyte ont este beaucoup plus cruellement traictez que les pources Chrestiens qui tombent entre les mains des Turcqz et Infidelles.

Ceulx de Guise ont assez faict de preuve de la bonne affection quilz ont a la conservation des subjectz de sa Ma^{te}, quand par les secrettes Intelligences quilz ont avec la maison Despaigne et speciallement avec le Duc d'Albe depuis huict ans en ça ils ont faict mourir la meilleure partie de la noblesse et autres subjectz de lune et lautre religion et mesmement les plus loyaux & affectionnez au service de sa Ma^{te}. Et quant a aymer la noblesse il est certain que ce sont ceulx qui la haissent et craignent le plus et apres eux les gens de lettres comme ceulx qui naturellement sont ennemys de la

tyrannie, et de l'usurpation qu'ilz ont voulu faire de la couronne et en particulier des comtez d'Anjou et de Provence, et que ne promotions jamais l'alienation de la souveraineté de Bar, que ceux de Guise ont essayé de pratiquer depuis la mort du Roy Henry plus^{rs} fois et on sçait encores ce qu'ilz ont fait dernièrement. Et quant au repos public il est certain que la paix et le Cardinal de Lorraine ne peuvent loger en un mesme royaume.

Premièrement que la memoire de toutes choses passées demeurera esteincte & supprimée comme de choses non jamais advenues. Qu'il ne sera loisible ne permis en quelque temps ne pour quelque occasion que ce soit de faire jamais mention ne procès en quelque court jurisdiction que ce soit ailleurs, et a ceste fin sera imposé silence a ses procureurs generaux en toutes ses courtz de parlemens & leurs substituez, sera aussi defendu a toutes personnes princes d'en renouveler la memoire ny en faire reproche sur peine de estre puniz comme infracteurs de paix & perturbateurs du repos public.

Semblables choses nous ont esté promises deux fois mais les courtz de parlemens et autres juges inférieures n'ont laissé de faire mourir ceux qu'ilz ont peu apprehender, le peuple a massacré par tout ou ils ont esté le plus fort, les assassinats ont esté tous publics, de justice ils ny ont point eu les injures plus grandes que jamais ce mot de rebelle a esté familier en la bouche des Gouverneurs des Provinces et singulierement des soubz Gouverneurs dont la France est infectée, et consequemment des pçtis, partant pour effectuer ceste promesse est de besoing que sa Ma^{te} pourvoie a la justice et a son privé conseil comme elle seule le peut et doit faire autrement ces promesses sont trappes et pièges.

Que tous arrestz sentences jugemens & procedures faites en quelque Court et devant quelques juges que ce soit durant les presens troubles & aux precedens pour raison des choses passées durant ou a cause desditz troubles a l'encontre des dessusditz ou aucuns de ceux seront mis a neant cassez & revoquez.

Il n'est rien si naturel que tous affaires soyent dissoutes par le moyen quel les ont esté assembles et partant est de besoing que les courtz qui ont fait la playe fassent la guarison donnans arrestz et sentences contraires a leurs premiers arrestz et sentences, aillent en personne despendre les effigiez et ossemens des executez ou en effigie ou apres leur mort pour le moins en semblable sollemnité qu'ilz les ont executez comme il fut fait a Rouen en la personne des seigneurs de Harcourt et de Granville. Et quant a ceux qui ont esté executez de fait que punition exemplaire soit faite des luges qui ont esté auteurs de telles sentences mesmes contre le vouloir et intention du Roy et que les heritiers des defunctz prennent leurs interestz sur les biens desd. криминальный мир.

Qu'ilz ou aucuns d'eulx ne pourront jamais estre recerchez pour raison des pratiques ou intelligences qu'ilz pourront avoir eues avec Princes Potentatz Communautéz ou personnes privées estrangeres ny a cause des traictéz ou contractz qu'ilz pourraient avoir faitz ou passez avec eulx pour raison des choses concernans lesdictz troubles & dependances de ceux dont le Roy les a entièrement deschargés et leur en baillera toutes tres & seuretez qui seront a ceste fin necessaires en la meilleure & plus autentique forme que faire se pourra.

Ce seroit a ceux de Guise a prendre lettres d'abolition pour avoir eu secrettes pratiques avec les anciens ennemis de la couronne, les avoir mis dedans le Royaume pour parvenir a leur damnable desseing d'usurper le Royaume et au contraire ceux qui en une extreme necessité ont eu recours a

leurs anciens amis et confédérés pour secouer ce joug et maintenir le Roy et la Couronne méritent toutes sortes de louanges et de reconnaissance pour leur grande valeur & pour tant de pertes.

Que par le bénéfice de cette paix tous les dessusdits seront remis & réintégréz en leurs honneurs & biens pour iceux jouir eux leurs enfans héritiers successeurs ou ayans cause paisiblement et sans aucun empeschement.

Cet article ne peut avoir lieu si ce que est dict cy dessus sur l'ar^{cle} 3 n'est exécuté. Item puis que ceux qui ont tué de sang froid Monseigneur le Prince de Condé et contre la loy de la guerre. Ceux qui ont emprisonné Monsieur d'Andelot et ce trahistre qui a tué le s^r de Mouy ont esté hault esleuez et renumerez Messieurs leurs enfans ne peuvent estre remis en leurs honneurs sinon que punition exemplaire soit faicte de si pernicious hommes de leurs complices & adherens que si Dieu mesmes a desja faict la vengeance d'aucuns (comme il la faict) si leur memoire n'est condamnée.

Et pour gratifier particulièrement lesdits Princes & ceux de la noblesse qui auront estat charges & pensions de sadite Ma^{te} le Roy les remectra en sesdits estat charges et pensions pour en jouir ainsy comme dessus est dit.

Cet article ne tend qu'à diviser les grands avec les petis pour les opprimer les uns après les autres.

Et quant au faict de la religion le Roy, leur permectra de demeurer & vivre paisiblement dedans son Royaulme en entiere liberté de leur conscience sans estre recherché en leurs maisons ny les absteindre a faire chose pour le regard de ladite religion contre leur volonté. Et encores pour plus grande seureté sadite Ma^{te} leur accordera deux villes lesquelles le s^r de Biron leur nommera, dedans lesquelles ilz pourront faire tout ce que bon leur semblera et quilz voudront sans estre recherché. Et neantmoins en chascune desdites villes sadite Ma^{te} aura ung Gentilhomme capable & ydoine pour avoir loeil a ce quil ne soit faict chose qui contrevienne a son auctorité & repos de son Royaulme et qui maintienne ung chacun en paix et repos. Ne voulant sadite Ma^{te} quil y ait au reste de tout son Roiaume aucun ministre ne quil soit faict autre exercice de religion que de la sienne.

D'autant que cest ar^{cle} est le noud de la matière il est aussy captieux en toutes ses parties.

Premièrement il est couché si a propos qu'on ne sçavoit recueillir sil s'entend seulement des Princes et de la noblesse ou bien généralement de tous. Et on sçait comment on s'est servi par cydevant de telles facons de parler.

Secondement il y a de la contradiction manifeste en ce quil est dict expressement, quil y aura entiere liberté de conscience et neantmoins quil ny aura point de ministres en France.

Tiercement de l'impossibilité, car quelle peut estre la liberté de la conscience ou il n'y a point d'exercice de religion? Le Cardinal de Lorraine pense que liberté de conscience et stupidité de conscience soit ung. Or la liberté de conscience est en la liberté de la foy qui est en Christ comment se peut engendrer entretenir et augmenter la foy que par la parole de laquelle estans privés il ne reste aucune liberté. Le Cardinal se trompe en ce quil pense que la liberté gise a avoir congé de n'aller point a la Messe, de n'aller point aux pardons et choses semblables, mais la liberté de la conscience ne gist point a ne point faire ce qui est mauvais, mais a faire ce qui est bon. La verité dict qui oyt ma parole et qui la met en effect est bien heureux. Il sensuyt doncq que qui ne loyt point est malheureux Il ne dit point qui ne va point a la Messe. En somme notre liberté n'est point composée de negatives, mais fondée surpropositions affirmatives quil fault faire. Item si le Cardinal ne peut comprendre quelle est

ceste liberté des Chrestiens, comme il ne peult ne luy ne quiconques soit en ce monde sil n'est regendre denhault, au moins peult il bien entendre que quand nous n'avons moyen de contracter mariages, baptizer les enfans, et enterrer noz mortz que nous n'avons aucune liberté en noz consciences, maintenant quil me dise comment (ayans en horre^r les actes de la papauté) nous pouvons faire ces choses estans privez du ministere de la parolle de Dieu, et consequemment de pasteurs legitimes, mais il semble que nous sommes comme luy cest adire que la religion ne nous est que jeu et que nous serions contentz que tous le monde vinst en Atheisme comme il est certain que si cest ar^{cle} avoit lieu avant peu de temps la France seroit pleine de Payens et en peu de temps il seroit a craindre comme desja il est de trop, que ce mauvais conseil ne fust dommageable a ceulx qui l'ont donné et mesmes a tout lestat en general.

Quartement, cest ar^{cle} est ung piege pour attrapper tous ceulx qu'on voudra exposer a la mercy dung juge de village, car jusques on sestendra ceste liberté? Si ung homme prie soir et matin ou a quelque autre heure du jour, on dire quil aura faict acte de ministere comme on trouvera desja assez de gens condamnez voire a la mort et executez pour avoir prie Dieu, si on chante ung pseume en sa maison ou en sa boutique on en sera recerché car on dira comme il a esté desja souvent juge que cest autre exercice que de la religion du Roy cest adire de ceulx qui sont prez de sa personne qui toutesfois nen ont point du tout. Si on lit en la bible ou en quelque bon livre si ung maistre apprend a ung enfant a lire dedans ung nouveau testament, si on luy apprend son oraison en francoys on sera en peine. Brief, accorder aux hommes une telle liberté de conscience est autant comme qui osteroit les fers a ung homme et neantmoins on luy osteroit aussy tous les moyens de recouvrer pain et vin et le laisserait en mourir de faim.

Finallement quant aux villes qui nommera le Sr de Biron, on verra quil nommera ou des bicocques ou sil nomme de bonnes villes que ce sera pour practiquer de les aliener de la cause commune soubz lumbre de quelque promesse; mais quoy quil y ayt, comment se peult accorder que dedans ces villes on fera ce quon voudra, et quil y ayt ung Gentilhomme qui y commande, il est aise a juger que mettre ung homme de Commandement dedans une place, cest l'avoir a se devotion toutesfois et quantes et quand cela ne sera point, quest ce que deux villes en France quelques grandes et fortes quelles puissent estre les forces estans une fois rompues et divisees, et mesmes en ung si grand Royaulme quelle commodite pourraient apporter deux villes a ceulx qui en seraient infiniment eslougnez, mais le but de tout cela est faictes comme en lan 1568, et on vous traictera aussy de mesmes.

Et quant aux offices de justice finances & autres inferieurs actendu que depuis la privation faicte diceulx par decretz & ordonnances de justice suyvant les edictz du Roy autres ont esté pourvez en leurs places et sont aujourd'hui en exercice diceulx. Que l'argent qui en est provenu a esté despendu & emploie pour soustenir les fraiz de la guerre le Roy ne les peut aucunement restituer ne retracter l'execution de ses edictz pour ce regard Actendu mesmes les grandes plainctes & demandes que font ceulx du clerge de sondict Royaulme & autres ses subjectz catholiques pour avoir reparation du dommage par eulx souffert tant en leurs biens qu'en la desmolition des eglises et maisons du patrimoine dicelles par tous les endroictz de sondit royaulme a lencontre de ceulx qui ont faict lesdites demolitions & dommages. Ausquelz ne pourrait justement desnier de faire droict & justice a lencontre de ceulx contre lesquelz ilz voudroient pretendre sil falloit entrer en cognoissance de cause et reparation des dommages souffertz dune part & dautre.

Il ne s'est jamais veu et ne se peult faire sinon par une tyrannie extreme (ce que nous n'estimons pas que sa Ma^{te} face jamais) qu'en France les officiers n'ayant forfait soient deposez de leur charge, si

que quand les Roys lont voulu procurer les particuliers ont tousjours en droict gaigne leur cause contre les Roys mesmes. Et quant a l'argent despensé il y a assez de moyens recouvrer argent par la vendition des biens temporelz des ecclesiastiques Car puisque nous ne sommes point auteurs des troubles, ains deffendeurs en necessité extreme, que ceulx qui se pouvoient bien passer de la guerre et vivre en paix, en leurs maisons, puis quilz ont tant désiré la guerre quilz ne cornoyent entre chose doibvent aussy en porter la folle enchere comme encores silz ne nous font autre raison nous esperons que Dieu la nous fera et en briefe. Que si il estoit question d'entrer en compensation il se trouvera que nous avons souffert infinies pertes plus que les auteurs des troubles, en quoy quil y ayt tant de gens et bien meurdrez par des juges et officiers massacrez par le peuple depuis la derniere pacification tant de femmes violees par les gens de guerre et mesmes des plus remarquez qui cela surpasse toute perte & que toutes fois nous esperons que Dieu ne laissera pour impuny quoy que les vivans en rien ne regardans point aux jugemens quil en a desja faictz sur les plus mauvais d'entreulx qui se jouoient ainsy de son Nom de Ma^{te} glorieuse.

Voulant sadite Mate pour lobserver des choses susdites avec toute bonne foy & syncerité leur bailler toutes leurs seuretez qui sont en son pouvoir et quilz luy voudront honnestement & raisonnablement requerir lesquelles seuretez le Roy fera esmolloguer & passer par ses courtz de parlemens & autres juges quil appartiendra.

Les bons subjectz (telz que nous sommes) n'ont point acoustumé de demander les formes de seuretez cest a sa Ma^{te} de nous les donner bonnes et asseurees, et puis quil na este en sa puissance de nous garder sa foy il nous donnera sil luy plaist les moyens de nous garentir contre ceulx qui la voudroient enfreindre en notre endroit, et quant a ses courtz de parlemens nous ne pensons pas que pendant quelles seront composees de telles gens quelles sont quil nous garde foy et administre justice veu quilz sont noz parties formelles.

Veut et entend sadite Ma^{te} que les dessusditz reciproquement pour luy rendre la fidele obeissance quilz luy doibvent ayent a se departir de toute alliance, confederation, et association quilz, ont avec les Princes Potentatz ou Communautéz estrangeres hors du Roiaulme pareillement de toutes intelligences praticques & associations quilz ont dedans & dehors icelluy.

Quilz ne feront aucunes assemblées contribution ne cullettes de deniers sans expresse permission du Roy declarée par ses lettres patentes.

Quant a ces deux ar^{cles} sa Ma^{te} scait que nous n'avons rien promis que nous n'ayons tenu ce que nous ferons encores la paix estant bien asseurer.

Quentieront & feront sortir hors sondit Roiaulme dedans ung mois apres la conclusion de ladite Pacification par le chemin qui leur sera prescript par sadite Ma^{te} sans foudre ne oppression de ses subjectz tous estrangers estans a leur service, et conviendront avec eux de leur paiement a leurs propres coustz & despens. Et a ceste fin leur donnera le Roy telle permission quil sera besoing pour entr'eulx leuer les sommes qui leur seront necessaires.

Cest ar^{cle} est impossible en toutes ses parties, car les estrangers ne peuvent en ung mois se retirer, ilz ne peuvent ny ne doibvent sortir par le chemin qui leur sera prescript sinon quilz veulent se precipiter eulx mesmes a leur mort, ce que nous ne leur conseilleront jamais, plustost choisirons nous de mourir avec eulx. Et davantage ilz sont assez fortz pour se faire voye par ou bon leur semblera. Si nous

promectons que les subjectz de sa Ma^{te} ne soient point foullez cest une trappe, car n'estant aucunement en notre puissance de l'accomplir ceulx de Guise diront que nous avons rompu la paix. Il ne nous est non plus possible de les paier de noz deniers particuliers car la cruauté de noz ennemys nous a osté tous les moyens que nous avions au paravant et mesmes dedans ung mois une telle cuillette ne sa pourrait faire et quand elle le seroit il nous souvient comment nous fusmes traictez a Auxerre et qui est le pis les particuliers ne voudront contribuer, se souvenans bien comme ilz ont esté traictez pour avoir contribué aux troubles precedens suyvant les tres patentes de sa Ma^{te}.

Laisseront aussy les armes et separeront toutes leurs autres forces tant de pied que de cheval par mer & par terre se retireront chacun en leurs maisons qon bon leur semblera incontinent apres la conclusion de ladite paix pour la ou ilz seront vivre paisiblement.

Les seuretez de la paix estans bonnes se departiront volontairement des armees, mais ilz se ressentent de plus de dix mil hommes des leurs qui ont esté cruellement meurdrez aux dernières troubles obeissans a ung semblable article que cestuy. Partant il est necessaire que sa Ma^{te} y pourveoie.

Remectront entre les mains du Roy ou de ceulx quil commectra les villes chasteaux & places quilz detiennent pour le present et en feront sortir les forces quilz y ont y délaissant semblablement l'artillerie & autres munitions qui sont en icelles, au pouvoir de ceulx qu'ordonnera sadite Ma^{te}.

Et generalmente restitueront de bonne foy a sadite Ma^{te} ou a ceulx quil commectra toutes les choses a elle appartenantes qui se trouveront encores en nature soit es villes & places quilz tiennent ou autres lieux quilz soient ou par mer ou par terre. Faict a Angiers le iiij^e jour de Feburier 1570. Ainsy signe CHARLES et au dessoubz De Laubespine.

Quant a ces deux ar^{cles} la paix estant asseuree feront ce quilz promectront. Toutesfois l'experience a monstre a Orleans, Auxerre, Autun, Vallence, Montpellier et autres villes comment sil ne plaist a sa Ma^{te} de pourveoir a lestat de gouverneurs de gens d'autre humeur que ceulx qui ont este commis au gouvernement des places depuis les secondes troubles il seroit beaucoup plus expedient aux pources habitans des villes de mourir vaillamment a la breche que de voir devant leurs yeulx les horribles meschancetez quilz ont veues, et qui sont telles que nous avons honte seulement de les nommer.

[Не подписано]

[Подписано рукой Берли] 8 Марта 1569 (1570) года.

В соответствии со статьями

о. К^{es} ответ на вопрос

депутатов Наварры.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXI

[Стр. 396, п. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXV, № 990

Distribution des gouvernementz d'aulcunes Provinces en France dernièrement faict par les Protestantz et Premierement

Le Segneur de Montbrun general pour le pais de daulphine et Provence, Monser de St Romain general pour le duche de Nismes, Montpellier. Mande, Vivaretz, Uses, et le puis avec 600 livres en pention per chascun moys 200 harquebusiers et trois cornettes de Cavallerie.

Le vicounte de Paulin pour les duches d'alby, Castres, St Pol, Carcassonne, Narbonne, Bessiers, Aix et Lodesve.

Le Sr de Serignac Montauban et tout le pais bas, Quercy, Agenois, diocese de Thoulouse, Rioux, La Nur Mereboix et Albert.

Le Cap: de Guynieres pour les dioceses de Palmes Costrance Comiges, et toute la counte de Foix.

Le Baron darroy les pais de Ricaon, Besomiris, Cascogne et Armignac.

Le Viconte de Pimal toute la seneschalce d'avergne.

Le Visconte de Gordon Loyer et le hault guibry Limosin et leurs adjacentes.

Laissant lentier sang aux Srs de la Noe et de Montgomery des affaires qui concerneront la Rochelle lesquieux pourvoieront de choses aux gouvernementz des paix de Guienne, Poictou, Torenne, Le Meine, Bourgoigne, Bretagne, Normandie et autres adjacentes.

A este en oultre ordonne par l'assemblee generale desdits protestantz que chascun desdict chefs comandiria en son departement quilz prendrent tous les deniers du Roy. Item tous les revenus des ecclesiastiques cotiseront de gre ceulx de la Religion selon l'exigence des affaires, et les Catholiques de gre ou de force, et contrainderont le solvable pour insolvable.

[*He подписано*]

[*Одобрено*] Распространение в провансе среди протестантов.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXII

[P. 399, n. 1]

ITINERAIRE DE MONTGOMERY EN GASCOGNE

Подвеска L'Annee 1569[1770]

8 juin. Quitte Nontron, nanti des pleins pouvoirs de la reine de Navarre (France protestante).

21 juin. Arrive à Castres et y organise l'expédition du Béarn.

27 juillet. Part de Castres à midi pour se rendre en Béarn (Mémoires de Jacques Gaches. Lettre de Montgomery à Jeanne d'Albret).

28 juillet. Occupe Mazères, en Foix, et traverse l'Ariège (Mémoires de J. Gaches.)

Il franchit l'Ariège probablement au pont d'Auterive, puis le Salat. Il était le 1er août à Montbrun; le 2, ayant passé sans encombre la Garonne au pont de Miramont (Courteault, Blaise de Montluc, p. 544).

2 août. Pille Saint-Gaudens (Durier, Huguenots en Bigorre).

5 et 6 août. Traverse la plaine de Tarbes et loge à Pontac, le 6 au soir (*ibid.*; Bordenave, *Histoire de Béarn*, p. 259).

7 août. Паспарту отдали на растерзание (Борднав, *лонгитюд*).

9 août. Entre à Navarrenx (Lettre du 11 août).

11 août. Quitte Navarrenx et arrive sous les murs d'Orthez vers midi (Bordenave, p. 266; Lettre du 11 août).

12-14 août. Assiège Orthez.

15 août. Signe la capitulation.

16 août. Occupe la ville, où il a une entrevue avec le comte de Gramont (Bordenave, p. 276).

18-19 août. Prend Artix et fait massacrer les frères mineurs du couvent (*ibid.*, p. 280).

22 août. Fait rendre des actions de grace à Pau (*ibid.*, p. 280).

23 août. Séjourne à Pau (Lettre à Jeanne d'Albret).

24-29 août. Oleron, Mauleon de Soule.

30 août. Entre en Bigorre, par le Vic-Bilh.

31 août. Пересекаем МобYPRE.

1er septembre. S'empare de Tarbes et met tout à feu et à sang (Durier, Huguenots en Bigorre).

2-4 septembre. Таpб.

5 septembre. Quitte cette ville (Lettre à Jeanne d'Albret), pour aller en Chalosse (Bordenave, p. 286).

6 septembre. Occupe et rançonne Marciac (Lettre).[\[1771\]](#)

7 septembre. Entre à Aire-sur-Adour (Lettre).

11 septembre. A Grenade-sur-Adour (Lettre).[\[1772\]](#)

12-18 septembre. Capitulation de Sainte Sever (Bordenave, p. 287) et Mont de Marsan vers Montault et Mugron delà l'Adour (Courteault p. 553 n. 2).

19 septembre. Пересечь Аму (*там же*).[\[1773\]](#)

20-28 septembre. Опмез (Курто, стр. 555). Va à Navarrenx, où il ordonne l'exécution de Bassillon, gouverneur de cette ville.

28 septembre. Arrive à Salies de Béarn (Lettre).^[1774]

1-6 octobre. Séjourne à Salies, où il réorganise la justice.

10 octobre. Ouvre le synode de Lescar et part pour la Bigorre.

13 octobre. Occupe Betplan (Huguenots en Bigorre).

14-17 octobre. Etablit son camp à Lahitole (*ibid.*).

18 octobre. Quitte Lahitole et se dirige vers Marciac (*ibid.*).

21 octobre. Arrive à Nogaro (Lettre), qu'il pille et brûle (Huguenots en Bigorre).

22 octobre. Traverse Eauze (Comment.).

3 novembre. Occupe Condom (Huguenots en Bigorre), d'où il écrit aux consuls d'Auch.

3-17 novembre. Fait des courses dans l'Armagnac; menace Auch et Lombez; ravage Samatan (*ibid.*).

17 novembre. Rentre à Condom (Dupleix), d'où il écrit aux consuls de Bagnères (Huguenots en Bigorre).

Décembre. Faict sa jonction avec l'armée des princes.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXIII

[Стр. 402, н. 1]

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

К 1,515, изделие № 23 А

[Montauben, janvier 1570.]

[*Au dos*] Proclamation des Rebelles de France.

De par Messeigneurs les Princes de Navarre et de Condé.

Il est tres expressement commandé et enjoinct a tous gentilzhommes, capitaines, soldatz faisans profession de la religion reformée non enrollés soubz les enseignes et compagnies retenues pour la garde et deffence des villes tenues soubz l'obeyssance du Roy et desdictz Sieurs Princes, de in continent et sans delay se rendre en leur armée pour y estre employez au service de Dieu et du Roy sellon leur degré et quallité, et ce, sur peyne d'estre tenuz pour ennemys de la cause de Dieu et de la religion. Enjoinct aux gouverneurs des villes ou ilz seront sans expresse licence desdictz Srs Princes, d'iceulx faire vuyder et desloger promptement, deffendre leur estre baillé logis ne vivres et les soldatz desvalizés et desgradés de leurs armes et chevaux. Sy ont lesdictz Sieurs Princes estroictement deffendu et inhibé a toutz capitaines, soldatz et aultres estans de la presente armée de brusler, desmolir ny ruyner aucuns chasteaulx, maisons ne ediffices appartenans aux gentilzhommes de quelque religion qu'ilz soyent, ne aussy des paisans et peuble estans ez bourez et villages du plat

pais. Et d'aültant que les Courtz de Parlement et aultres officiers de la justice et conseil des villes, principalement ceulx de la ville de Tholouze se sont renduz, par une hayne trop cruelle et incapable, refracteurs, voyre directement oppozés à la publication et entretenement de la paciffication dernierement establye en ce royaume, jusques à faire mourir inhumainement et ignominieusement le Sieur Rappin, maistre d'hostel du Sieur feu prince de Condé, nostre tres chere et tres amé oncle et tres honoré seigneur et pere, contre toute foy et seureté publique a luy octroyée tant par le edict de paciffication que par expres sauf conduit et passeport a luy baillés especiallement par Sa Majesté aux fins d'apporter et faire publier ledict edict de la paciffication; oultre le cruel meurtre contre les loix et devoirs de la guerre commis en la personne du baron de Castelnau et aultres gentilzhommes, capitaines et soldatz prins en guerre durant les troubles. Lesdictz Sieurs Princes, pour reprimer et faire cesser de leur pouvoir telles inhumanitez non ouyes entre les plus barbares nations de la terre, et, par le chastiment des perturbateurs de la paix et foy publique, parvenir à quelque tranquillité stable entre ceulx qui désirent la seureté et conservation de cest Estat et couronne de France, ont habandonné en proye, pillage et feu toutes maisons, ediffices, bestail, meubles, danrées et biens quelzquonques qui se trouveront appartenir aux presidents conseilliers de ladicte Court de Parlement de Tholouze et aultres lieux, justiciers et administrateurs et generallement officiers de ladicte ville, pappistes ou atteistes; et pour cest effect permis aux capitaines, soldatz et aultres quelzconques estans en ceste armée uzer de tous lesdictz actes d'hostilité à l'endroit des dessusdictz. Deffendant tres expressement mesfaire en aulcune façon, ains conserver de tout leur pouvoir les maisons et biens appartenans à ceulx qui font profession de la religion reformée, de quelque qualité ou condition qu'ilz soyent. Et, affin que nul ne puisse ignorer lesdictes deffences et provision, ensemble les causes et occasions d'icelle, ont volu ces presentes estre cryées a cry publique tant en la ville de Montauban que en la presente armée.

Faict à Montauban, au mois de janvier mil cinq cens soixante dix.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXIV

[Стр. 412, п. 2]

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

К 1,515, pièce No. 68

[11 марта 1570 г.]

[*Au dos, propria manu*] Lo que se dixo de parte de los Principes de Bearne y Conde a Biron.

Dicho y pronunciado a los XI de março, a tres horas despues de mediodia, delante de Mos^{res} los Principes y Almirante, gentileshombres y cabeças de lexercito de los dichos Señores Principes.

Mos de la Caçe ha dicho a Mos de Biron que tenia mandamiento de todos los Señores y gentileshombres del exercito para dezirle:

Que, como ellos loan infinitamente a Dios por la gracia que ha hecho al Rey de le tocar el coraçon e inclinarle a la paz tan necessaria, assi davan muy humildes gracias a Su Magestad de la buena

voluntad que tenia de les estender sus braços y abraçallos como buenos y fieles subditos, mas, porque estiman y creen que la privacion de los exercicios de la religion es para ellos mas dura muerte que ninguna que se les pudiesse dar, supplican muy humilmente a Su Magestad les otorgue un medio con que acquieten sus consciencias para con Dios, al qual si se mostrassen desleales, Su Magestad no podria esperar que ellos le fuesen muy fieles, porque quien no es fiel á Dios no lo puede ser á los hombres, que no es libertad de consciencia estar sin palabra de Dios, sino una insoportable servidumbre, que si huvieran consentido de vivir en esta licencia llamandola libertad de consciencia, Su Magestad con razon devria tomar resolucion de no se fiar jamas dellos y de no los tener jamas en estima de hombres de bien.

Que Dios dize que sobre nosotros ha embiado la muerte, es a saber que cien muertes nos vienen mas a cuenta que alexarnos voluntariamente del derecho camino de la vida eterna.

En lo demas dize que ellos havian (con muy grande desplacer suyo) sido forçados por muchas causas de emplear sus vidas por defender a los que avian sido sus defensores, cosa que no les devia ser imputada a mal, ni delante de Dios, ni delante de los hombres, sino solo a aquellos que contra justicia y contra las leyes han siempre oprimido sus consciencias y sus honrras y sus vidas. Al presente, dessearian por quanto su dever les obliga, podellos emplear en el servicio de Su Magestad y cumplimiento de su Estado, en prejuizio de aquellos que se reyan de sus miserias comunes y esperavan dello provecho.

Por el particular de Mos^r de Biron, el dize que todos sentian una grande obligacion para con el, por la buena intencion que mostrava al acrescentamiento del reposo publico, que si fuesse en su mano de le poder mostrar quanto lo estimavan, el veria en lo que tenian y estimavan aquellos que, como el, no dependian de alguna particularidad, mas de la sola voluntad del Rey y de la consideracion de la utilidad publica; que el Rey no podia hazer election de señor de su Corte mas agradable a toda la compañía ni mas proprio para la execucion divina entan sancta impressa, en la qual rogava a Dios le llegasse a efecto, de manera que ellos viessen presto un buen fin que fuesse a gloria de Dios y contentamiento de Su Magestad y reposo de sus consciencias y alegria de todos sus subditos.

Finalmente le dixo que ellos quedavan persuadidos que, como el avia valerosamente aventurado su vida en campaña por les hazer mucho mal sin razon, agora con razon el emplearia sus officios y buenos medios para les procurar el bien que desseavan, sin el qual podian menos passar que sin el pan que comian ordinariamente.

A loqual Mos de Biron respondio lo mas sabia y graciosamente que fue possible, dandoles siempre segundad del desseo que Su Magestad tenia de hazer paz, y representandoles el alegria que ternia de representar a Su Magestad las buenas razones que el les avia oydo, y hazerle testimonio del buen proposito en que todos en general y en particular estavan de querer dar a Su Magestad la obediencia que le era debida, y que este era solo el medio por el qual podia Su Magestad ser vencido. En fin, el uso de muy honestos agradescimientos, y assi mismo dio seguridad de emplear sus buenos officios en un negocio que el creya havia de causar tanta utilidad al Rey y a sus subditos.[\[1775\]](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ XXV

[P. 413, n. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXII, № 693, j

[*Extraict des Lettres du S^r card^{al} de Lorraine*]

Quant a la paix discessum est re infesta, qui nous faict esperer bien. Et se reassemblent a cest heure tant de grandes personnaiges mesmes messieurs de Conseil de Paris. Chacun y fera & dira son opinion et oyra parler le Roy ainy chacun en pourra dire a cueur ouverts. Les offres que leur auroent este faictez cestoient les villes de la Rochelle Sancerre & Montauban usque ad biennium ut civitates refugii sans tenir offices ny benefices. Et que les haultz justiciers & plains fiefs de haubert en Normandie ne seroient empesches ny recherches faisant dedans leurs maisons & ceulx presant tantum tout ce que bon leur sembleraient en leur religion alibi nusquam itaque ilz ont demande temps de deliberer & feront respons dedans six sepmaines. Шатобриан скончался во II^{году} мая 1570 года.

[*Приложено к письму сэра Генри Норриса сэру Уильяму Сесилу из Парижа, 24 мая 1570 г.*]

ПРИЛОЖЕНИЕ XXVI

[Стр. 417, н. 3]

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

K. 1,515, pièce No. 118

[*Au dos, alia manu*] Copia de carta del Nuncio a Su Magestad. De Madrid al Escorial, a 26 de Junio 1570.

Para escribir a Francia, como se hizo. Lo de Mos. de Fox.

Copia di una lettera, che il Nuntio scrisse a S. M^{ta} Cat^{ca}.]

Mi è doluto assai intendere che V. M^{ta} Cat^{ca} senta qualche indispositione di stomaco, il che deve ser residuo de la incomodità del camino. Il Signor Dio la mantenga sana lungamente, con ogni contento et felicità.

Per le ultime lettere d'Italia ch'io trovai in Madrid, quali sono di 17 de maggio, S. S^{tà} mi avvisa d'havere inteso che la Regina di Francia sta in animo di far cancelliere di quel regno di Francia Monsr di Foys, hora Imbasciatore in Venetia. Et perche questo homo, oltre l'essere indiciato grandemente nel Santo Offitio de la Inquisitione di Roma e parente e dependente da quella buona donna chiamata la Regina di Navarra, et è persona superba, inquieta di spirito, amica di novita et discordia, et di piu si tiene offeso da Sua Santità per non havere consentito ch'egli vadi a Roma, et credo il medesimo sia con V. M^{ta} por una causa simile di non haverlo accettato in Spagna; queste cause, dico, et altre che Sua Santità considera, gli da gran sospetto che, se questo homo fosse posto in tale administratione, la quale può infinitamente in quel regno, come nel Cancellier passato s'è veduto per esperienza, non cercarrebbe altro che di unire le volontà de queste due donne, et non solo, favorendo la parte ugonota, travagliare le cose di Francia (pur troppo travagliate), ma anchora quelle de li circunvicini, maxime nelli Stati ecclesiastici et di V. M^{ta} Cat^{ca}, non solo per vendetta de la offesa, et per l'odio che a l'uno et l'altro verisimilmente porta, ma anchora per la propria inclinatione sua. Onde Sua Beatitudine,

facendo sopra cio quello che puo per la sua parte, desidera e ne prega V. M^{ta} a volere similmente cercare ogni via di impedire tale elettione, et quando non si possi altro, si degni scrivere a l'Imbasciatore, et vedendo passar inanti tal cosa, si unisca con il Nuntio, et insieme si lassino intendere apertamente dalla Regina che Sua Beatitudine et S. M^{ta} Cat^{ca} haveranno per male ch'ella dia uno officio di tanta importantia in mano di persona tale il che non deve fare, si ella desidera di essere tenuta fautrice de la fede cattolica desiderosa de la grandezza et quiete del Re suo figliuo lo et della unione e^t bene de la Christianità. Spera Sua Santità che, con questo rimedio si possi obviare a quello inconveniente, peroche la Regina prefata mostra pure di havere qualche consideratione in simili attioni di non far cosa che possi con ragione dispiacere a Sua Santità et a V. M^{ta}. Et perche da una parte questo negotio ricerca presta provisione, et da l'altra non è honesto che in questo tempo io dia perturbatione a V. M^{ta} con la mia presentia, ho voluto comunicarla con il Cardinale, et scrivere a V. M^{ta} Cat^{ca} la presente, supplicandola humilmente si degni farmi dare quella grata risposta che comandara ch'io scriva a Sua Beatitudine sopra questa materia. Et, basando reverentemente le regali mani a V. M^{ta}, prego N. S^r. Dio la concervi longamente felice.

Di Madrid, li 26 di Giugno 1570.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXVII

[P. 422, n. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXV, № 937.

[*Письмо от имени маршала Монморанси*]

Monseigneur, j'ay receu une lettre quil vous a pleu m'escrire pour responce a ce que vous avois escript par monsieur de Saragosse. Iay congneu que pensiez que je fusses encores au lieu dont vous avois escript. Si jeuse pense que ma presente y eust este requise j'euse differé tant quil vous eust pleu le me faire entendre. Mais il vous estoit fort aise a penser que si lon prenoit goust par deça a ceste negociation elle seroit adreesee a monsieur le cardinal de Chastillon, ou a l'ambassadeur du roy. On seroit envoye quelqu'ng des francoys favoris. Quand a moy ie n'ay pretendu en cest affaire que le service du roy et de la couronne de France, et si les affaires succedoient comme je y voy une telle espoirance et assurance sil estoit poursuivy diligemment. Le contentement que je desire ne me pouroit fuir. Il est vray que je serais fort marry si jamais j'oyois dire que par faulte de diligence cest affaire fust demoure imparfait, aussy seroit ce ung damage public outre le particulier du prince au quel les premiers fruicts en appartiennent. Monsieur une lettre que jay receue de mons^r de Saragosse me faict entrer en soupçon et craincte que en attendant entre deux personnes qui ne se sont jamais veues qui ostera prenner le bonnet il ne se mette quelqung entre deux qui face perdre l'occasion de contracter une grande amitie & fort utile a la France, la quelle estant perdue sensuyviroit le dommage et le regret (mais en vain). Je suis bien asseure que larcheduc d'Austriche ne sendormira pas et ne laissera perdre l'occassion qui se presente a une assemblee des estatz qui se vont tenyr voire les previndra sil peult ne perdra pas une heure, que pendant quil voyt que la royne est en deffiance et doute pour les affaires de la royne D'escosse et des differens quelle a avec le roy D'espaigne et quilz voyoient que l'empereur avent en poupe, et quil faict des mariages telz quil scavroit souhaiter. Il ne se serve de l'occassion & faveur du temps et pendant que les amis simulez paistront la jeunesse

animeuse et la rempliront de grande espoirance, luy promettant par adventure des plus grandes choses (combien quelles ne soient pas aysees a trouver), et pour moy je ne les scay pas ilz prendront cest advantage sur la partye et renforceront leur grandeur de la puissance et faveur d'un royaulme qui nest point petit. Et vous ose bien dire quil y a de la part de ceux en qui gist la resolucion de cest affaire une grande inclinacion et une grande consideracion de long service de cest ancye serviteur et de la subjection et humiliacion quil a monstree de la quelle vous scavez que le sexe se delecte. Ausy est ce leur façon de regner la quelle toutes veulent exercer, tant plus les roynes. Il ne fault penser que les difficultes pour la religion puissent engendrer quelques difficultez aux capitulacions qui facent plus de retardement. Car je scay par la bouche de la dame et ausy par ceux qui ont sceu toute ceste negociacion passee, et par ung qui y a este employe qui ne parle pour metre le beau devers elle nestant de ses subjects mais estranger, que la charte blanche luy a este donnee. Et sest contente l'Archeduc pour le faict de la religion de si peu que cella se doibt estimer pour rien. Davantage la consideracion de lage qui est plus vivill et meur donne ung beau lustre aux persuasions et jugement de ceux qui tendent de ce costé la. Avec ses avantages du long service et age convenable, je crains que ceux qui tiennent le party contraire ne persuadent avec aparence a cause du trop long silence ou froide poursuite quil y aye du contemnement ou de la froideur en ceux de la France estant chose propre au sexe de faire plus de choses par despit que par amour est a craindre quel la froideur de ceste part ne soit cause de l'eschauffer et faire haster plus quelle ne feroit si nestoit pour se faire regretter apres a loisir par ceulx qui se seroient portez trop froidement en son endroit. L'article de la lettre du gentilhomme qui vous porta ma lettre (qui me faict craindre que en voulant traicter de la part de la France avec fort grand respect et par adventure prendre l'honneur devers nous l'affaire nen sera pire) est quil dict que si lon estoit asseure par deça de la bonne volonte de ceux de dela la mer on y pouroit entendre ce qui me semble estrange de vouloir qu'une ville se rende avant quelle soit sommee. Il me semble que cest beaucoup quelle parlamente, sans avoir ouyr parler le canon. Et nest par peu de chose qu'estant sa principale defence de la difference de laage et de linconstance de la jeunesse et la crainte destre dicy a quelques anees, peu aymes et mesprisee et en danger de veoir de ses yeulx aymer dautres, lon luy a faict abandonner ceste contre escarppe et le corider tellement que lon peult veoir au pied de la muraille que je vous asseure nest point veue de flans. Des particularitez et moyens que lon a tenue en ses approches jusques la jen ay dice quelque chose a ce gentilhomme qui est fort affectionne a cest affaire en faveur du bien de la France. Et dabondant en hayne de la grandeur qui se voit preparer a la maison d'Autriche si elle s'impatronize de ce royaume, tellement quil nest a craindre si non que la tradiuite ne donne loisir a ceux qui de long temps ont faict deseing de se saisir de ce pais de venyr au bout de leur intencions lesquelles sont fort favorablement receues, et croy quilz jouyront en bref si leurs conseilz ne sont troublez par une diuersion & par obiect nouveau plus desirable que celuy qui ce presente Ce qui me semble estre indubitablement en la jeunesse d'un prince qui a la reputacion d'avoir le sens meur devant les ans et ausi courageux et dausy grande espoirance que prince ne soit ne de lage des hommes. Monsieur vous scavez trop bien combien la maisson d'Autriche seroit agrandie sur la maison de France si elle estoit renforcee de ce royaume. Et ny a point de doubte quelle ne donnast pour tousjours par cy apres la loy a la France et est chose seure quelle contraindroit le roy a rompre la paix quil a donnee a ses subiectz. Davantage si par ce mariage nest donne satisfaction au grand coeur de mons' frere du roy pour loccuper et luy donner matiere de faire plus grandz deseingz Il ne fault point doubter que tous ceux qui prennent la couleur et pretexte de la religion pour avancer les moiens de la divission et ruyne de la France afin d'agrandir la maison d'Autriche ne proposent a monsieur duc danjou quelques mariages qui sera au despens de la couronne de France si la bonne nature et amitie dentre les freres ne resiste a leur malicieux deseingz. Mais il ne sen scauroit proposer du quel se doive espoirer plus de grandeur, non seulement a luy mais

a toute la maison de France en gaignant le dessus sur la maison d Autriche, la quelle veult soubz couverture & douceur du mariage du roy faire avaller ceste curee & gaigner ung royaume sans ce quil luy soit donne empeschement et ne fault point doubter que si le mariage de larcheduc se faict quil ne soit en peu de temps mieulx obey que na este le roy Philippe et ce moiennant le danger de la religion et leur sera aise de nous donner la loy ou pour le mains de nous faire redoubler la ruyne de la France par division et guerre civile. Au contraire si ce bien est resceue pour noz princes il y aura bien de quoy rendre la pareille a ceux qui ont dresse tous leurs conseilz a procurer que la France se ruynast par une guerre civile Voyans que par guerres ouvertes jamais ilz n'auroient peu paruenir a leur intencion. Pour amour du mal quilz ont faict mons^r pouroit iustement avec forces du roy faveur dangleterre et moiens du prince dorenge avoir la confiscacion de la Flandre par droict de feodalite pour felonnie commise. Et ausy la maison d Autriche qui se bastit lempire hereditaire et la monarchie se trouveroit en ung instant deux freres roys ausy puissans lun que lautre pour contrepois de son ambition liggnez avec les princes protestans de lallemaigne et auroient les deux freres plus de part en lempire que ceux qui se veulent atribuer par la ruyne des anciennes maisons de la Germanye come de la maison de Saxe et des princes palatins qui sont amateurs de la couronne de France. Le partage de monsieur d allençon seroit aise a trouver en la duche de Millan avec la faueur de lallemaigne, des Suises ausy et des princes Italliens devotieux de la France Et si besoing estoit po^r le recouvrement du royaume de Naples, la fave^r du Turc se trouveroit par apres ung a propos. Monsr il ma semble que cela est si aparent, et si facile a persuader que puis que vous en aurez une fois ouvert la bouche il ny faudra plus autre solliciteur que le roy mesmes qui peult veoir par ce moyen son royaume luy demourer uny ses freres partagez. Sa force telle et si grande quil ne pourra estre offence ny commande par menasses qui contraignent faire la guerre a ses subiects pour complaire a ceux qui sont envieux de sa grandeur et n'ont peu trouver moyen de la diminuer que par elle mesmes. Lors ce pouroit faire une legue parfaicte entre noz princes & les protestans de la Germanie & les suisses. De ceste facon ung grand plaisir viendroir a la royne de veoir tous ses enfans roys. Lors leglisce galicane pouroit sexempter des erreurs de leglisce Romaine comme elle a faict plusieurs fois le temps passe, lors se pouroit faire ung concille general au quel les erreurs introduictes par lambition et advarice de leglisce romayne ne seroient favorisses et confirmees par praticques et corruptions, et en la France l'allemaigne et langleterre s'introduiroient une ordre et pollice de religion et unite de doctrine que toutes les autres provinces de la cristiente seroient contraintes dembrasser et finiroient les differens des subiectz avec leurs princes desquelles Sathan se sert pour la destruction de la Christeente et pour donner loisir au turc d'usurper pendant que les princes Chrestiens s'amussent a defendre les supersticions du Pape et maintenyr sa grande^r.

Monseigneur je me recommande treshumblement a votre bonne grace et vous supplie de rechef me departir de votre faveur et conseil touchant comment je me doibs gouverner a escrire a leurs ma^{tes} ou non: Monsr je prie Dieu vous donner tresheureuse et treslongue vye. De la Ferte ce- [1776] Журнал "Доктор 1570".

[Не подписано]

[Не адресовано]

[Подписано рукой Сесила] Октябрь 1570г.
Видам Шартрский - маршалу Монморанси.

[Приложено сэром Генри Норрисом Сесилу, 4 ноября 1570 г.][1777]

ПРИЛОЖЕНИЕ XXVIII

[Р. 426, н. 3]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXVIII, № 1174

[Маршал Монморанси Сесилу]

Monsr jay este tresaise davoit entendu tant par la lettre que mauez escripte du xxij^e du passe, que par le s^r du Pui present porteur le desir qui vous avez de veoir bien tost affectuer ce qui a este miz en avant pour estraindre une bonne & ferme alliance, entre ces deux royaumes, ayant par votre prudence & longue experience de lestat & cours des affaires, passez & presens tresbien cogneu combien cella seroyt en ce temps, non seullement convenable Mais aussi necessaire, pour le bien seurette & grandeur de lun & de lautre, a quoy de ma part je ne faudray de tenir la main de tout mon pouvoir et de my employer syncerement, de cueur & daffection Vous priant a ceste cause Monsr, que desormais avec une bonne Intelligence & correspondance, que pour cest effect nous aurons ensemble Nous mections peine de vaincre les difficultez & rompre les obstacles. Que aucuns y mectent tous les jours, artificieusement, de sorte que au plustost, avecques votre bon ayde, nous y puissyons veoir lheureux suites, que nous desirons. Qui tourne avec occasion, de raisonnable tantement dune part & dautre, au repoz unyon & grandeur de ces deux couronnes, et a la confuzion de ceux qui sefforcent d empescher ung si bon euvre ce que masseurant, que vous voudrez faire et cheminer en ce faict avec votre Integritte acoustumee, je ne mestandray plus avant en ce propoz. Si ce nest pour vous prier de creoire ced. porteur, de ce quil vous dira de ma part, come moy mesmes Qui surce me recomanderan tresaffectedueus^t a votre bonne s^r Priant Dieu vous donner Monsr en parfaicte sante bonne & longue vye. De Gaillon le xxv^e jour de May 1571.

[Подпись]---- Голос почтения и почитания эми

Монморанси

[Адресовано] Некий Монс^р.

Монс^р де Берли.

[Одобрено] 20 мая 1571 г.

Монморанси моему Л.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXIX

[Стр. 448, п. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ВНУТРЕННИЕ

Дополнения, Элизабет, Том. XXI, № 58

[Франко-английский союз, 1572 г.]

Хороший m^r Хоггинс.... Мы все здесь о великой легенде, созданной th France wch хочет, чтобы таким образом французы претендовали на то, чтобы еще какая-то феша служила там турниру: Бог его милости позволяет благородному илю Ингланда жить с ^{этим}, и мы отдаем должное форрену Фриндшипу. Это отличная подготовка, какую я когда-либо видел для w^{го} в эти XX дни будет x тысяч всадников и пятьдесят тысяч фотографий: лайквайз от se 80. sayle of men of warre. Дон Джон Австрийский идет со ^{своими} галерами в Геную, и венецианцы идут впереди турок, которые усилили там свои силы. Армия герцога Савойского насчитывает около 8000 человек и, как говорится, принадлежит священнику. Флашинг очень вежливо поприветствовал деука де Медину на его корабле и сжег корабли маршантеса, только трезоном флошингского верлета, который вышел из Спейна с ^{ними} и приказал апон хим привести их в порт Слюс, а затем отправиться на гронд хим со своим отрядом, но на следующий день после того, как Винд бэйндж был очень хорош, остальные солдаты армии Хьюстеда, вице-президент Сэйлль, и в разгар матча "тун оф Флашиндж" перешел к "Райникам", ^{которые} ранили больше, чем одного гоннера Слейна. Флайт-портинголл этого соперника лайка падает, и трейтеры наносят удар по боку, прежде чем сбросить с ^{ног}, так что многие из них, таким образом, были уничтожены. Генсис уничтожает семерых детей, которые родились в XXV веке. Вспомните, как испанцы около xv. дня назад, когда французские всадники приехали в Монс Амондж с ^ч как вы сказали, сын месье Монгомври был тем, кто предложил за него выкуп в 5000 крон, он и остальные его товарищи были повешены во Флайфорде, штат Нью-Джерси, в прошлом, так что здесь у вас нет иного одолжения, кроме как повесить обоих сидов. Наши солдаты и мы, как и мой нортумберлендский брат, покоятся в Маклинге, и так же m^p проводит дни там, где не бывает больше [двух] моих лет. Сетоны, сыновья, надеялись, что бин убьет в тумолте, где ^{час} еще стоит, но в мамеринге еще нет, и они начинают приходить в себя, чтобы захватить власть. Порода Вестмарленда покоится в Ловеине, как и мой лейд Хангерфорд, мой старый рыцарь и другие. Хотя я уйду, напишите, я молю вас, мне и отправьте свои^r письма моему л. Брюгге, и в ближайшее время я напишу вам, что мы здесь находимся, из лагеря, где мы произошли, и уже написали это сегодня, xvi июня в Брюгге 1572 года.

Йо^p любящий друг

Томас Паркер

[Адресовано] Любимому фрайенду m^p Роберту Хоггинсу в m^p Эдмунде Хоггинс в его доме на Милке-стрит, передайте вот это. В Лондоне.

[Одобрено] 17 июня 1572г.
m^r Tho. Паркер - мистеру^p.
Хогансу из Бругиса.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXX

[Стр. 457, № 3]

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА, КОЛЛЕКЦИЯ ГОДФРУА

Том 256, стр. 71, прямая (№ 39 по каталогу)

[*Le duc d'Anjou à Charles IX.*]

[La Guerche, 19 janvier 1573.]

[*Suscription, au dos*] Au Roy, Monseigneur et frere.

[*Au dos, alia manu*] Monseigneur, de XIXe janvier 1573.

Monseigneur, par la depesche que je vous fiz hyer, je vous ay adverty que le Sr de Biron m'avoit escript que, quand toutes les compaignyes de gens de pied françoyses dont nous avons faict estat seroient la, après avoir demeuré dix ou douze jours aux tranchées, il n'en scauroit rester plus hault de six mil hommes, et qu'il estoit nécessaire d'en avoir plus grand nombre. Sur quoy j'avois advisé d'envoyer devers Monsr l'amyral pour avoir quarante enseignes de celles qui sont auprès de luy. Et estant presentement, venu devers moy le Sr de Beaulieu Ruzé, que le Sr de Biron m'a depesché expres, tant pour aucunes particularitez que j'ay donné charge au Sr de Lanconne (que j'envoye devers vous) vous dire, que pour m'advertir, encores que les forces y soient si petites qu'elles sont, qu'ilz estoient neanmoins d'adviz que je ne laissasse pas de m'acheminer au camp. Ce que j'ay resolu de faire et de partir demain de ce lieu, pour m'en aller a Châtellerault et de la à Poitiers. Et cependant je renvoye ledict Ruzé devers ledict Sr de Biron pour me revenir trouver en chemin, et me rapporter au vray ce que sera survenu depuis. Et ay depesché incontinant ung courrier devers ledict Sr Amyral, pour faire partir tout aussy tost lesdictes quarante enseignes, ou ce qu'il me pourra envoyer, et qu'il les face embarquer à Moysac, d'ou elles peulvent venir par eaue, jusques à La Rochelle, luy ayant mandé les lieux par ou elles auront a passer et par mesmes moien audict S^r admiral et de Montferrant de pourveoir qu'il y ait des batteaulx et estappes des vivres. Et ne veoy aucune chose qui puisse apporter retardement a vostre service, que de n'avoir les deniers, pour pouvoir faire faire monstre a mon arrivée au camp, principalement aux gens de pied, d'autant qu'il est a craindre que, n'estans point payez et s'asseurans que je ferois porter argent avec moy (comme je l'avois promis a celles de vostre garde et du capitaine Gadz), ilz se desbendent et que le nombre que je m'attendz y estre n'y soit point. Je vous supplie tres humblement, Monseigneur, de commander que l'on regarde de chercher tous les moyens dont l'on se pourra adviser pour m'envoyer les troys cens mil livres que je debvois avoir avant mon partement de la Court.

Au demeurant, Monseigneur, j'ay receu la lettre qu'il vous a pleu m'escrire du XIIIe de ce moys, et veu par le contenu d'icelle comme vous avez resolu deux pointz. Le premier, de la suppression de tous offices qui vacqueront, pour congnoistre la grand charge que cela apporte à vous et à voz subgetz, pour les gaiges qu'il leur fault payer. Et l'autre, que vous avez commandé qu'il ne soit depesché cy apres aucun office ou benefice dont il vous sera baillé memoire ou placet, que troys moys apres que vous verrez les roolles qui en seront faictz, pour les departir à ceulx qui font service, principalement en ce camp auprès de moy. Ce que je ne fauldray leur faire entendre, suivant ce qu'il vous plaist me mander. J'ay aussy veu le memoire que vous a esté baillé de ce que l'on vous propose pour la conquete que vous pouvez faire à l'Yndie avec peu de despence, laquelle je ne puis trouver que très bonne, lorsque vous serez en paix et que voz affaires le pourront permectre, y estans les richesses et commoditez portées par ledict memoire. Vous sçavez combien telles entreprises et conquestes ont apporté de proffict au feu Empereur et Roy Catholique, pour le grand nombre d'or qu'il a tiré et tire ordinairement du Peyrou, tellement que, sans cela, il n'eust eu moyen d'entretenir et soldoyer les armées et forces qu'il a entretenues jusques à present, qui me faict vous conseiller (soubz vostre meilleur adviz) de ne laisser point perdre ceste occasion, quand vous congnoistrez qu'elle pourra estre mise a execution. Presentement, j'ay eu nouvelles que le Sr Paul Emille a tant faict que ceulx de

La Rochelle qui le detiennent prisonnier l'ont mis à rançon pour mil escruz, dont aulcuns de ses amys ont respondu pour luy. Laquelle somme il n'a aucun moyen de fournir, si ce n'est de vostre liberalité, grace et speciale faveur, laquelle je vous supplie vouloir estendre en luy pour cest effect, et luy faire paroistre la souvenance que vous avez tousjours eu de ceulx qui vous font service. Aussi, Monseigneur, j'ay esté adverty que l'estat de viceneschal de la Haulte et Basse Marche, qui est ès terres de mon apennaige est a present vacant par mort, la disposition et provision duquel neanmoins vous appartient. A ceste cause, je vous supplie encores le vouloir accorder aux Sieurs de Villequier, pour lesquelz je vous en faitz requeste, et commander que la depesche et provision soit faicte en leur faveur au nom de tel personnaige suffisant et cappable qu'ilz nommeront et non autrement. Sur ce je supplieray le Createur vous donner,

Monseigneur, en tres bonne santé, très longue et très heureuse vie.

Escript à la Guierche, le XIXme jour de janvier 1573.

[*Propria manu*] Vostre tres humble et tres obeissant frere et subget.

Генри

[Оригинал]

ПРИЛОЖЕНИЕ XXXI

[Стр. 458, н. 3]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXXVI, № 419

[*Карл IX Монтгомери*]

Monsr le Conte j'ay este bien ayse d'entendre par le s^r de S^t lehan votre frere la bonne volunte en laquelle il vous trouva de vous contenir doucement par dela et sans entreprendre ou favoriser aucune chose qui soit contre le bien de mon service, qui est ce que je desire de vous, et me semble que ne scauriez mieulx faire pour votre honne^r & advantaige, ayant pour ceste cause advise vous envoyer le s^r de Chasteauneuf present porteur expres pour vous dire & asseurer que vous comportant d[1778] je vous feray conserver en tout ce qui vous touchera il vous maintiendray ainsy que mes autres bons & loyaulx subjects comme vous entenderez plus particulierem^t dud. Sr de Chasteauneuf Sur lequel me remectant du surplus dont je vous prie le croire, je priay Dieu Monsr le Conte vous avoir en sa s^{te} & digne garde. Escript a Paris le ixme jo^r de feurier 1573.

[Подпись] ЧАРЛЬЗ

Пинарт

Monsr le Conte, j'ay faict desgaiger votre vaisselle de trois cens escuz, et ay commande au tresor^r de mon eschiequer la garde po^r la vous faire rendre comme je luy ay ordonne.[1779]

[Адресовано] Монс^р. граф де Монгомери.

[Подписано рукой Берли]

9 февраля 1572 года. (Так в оригинале.)

фр. Обращение к графу

Монтгомери Честиауневфф.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXXII

[Р. 461, н. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том II. CXXI, № 1428

Liste des villes des quelles ceuux de la relligion sasseurent en France.

*Monsr le Prince de
Conde et Monsr de
Rohan y
commaudent*

В Сен-Тонг, Ла-Рошель,
С Жеаном, С^t Анжели, у команды Монс^p дет
Мосмес.....Roian, Port de Mer
Pons
Bouteville, et quelques Chasteaux

*Monsr de St Geniez,
Monsr de Longe*

Sur la Riviere de Dordonne
Bergirac imprenable
St Foy
Chastillon
Pinnoymant &c. Et sur disces il ny a presques pas un Papiste, ny mesme en tout le Pays.

*Monsr de Madailham,
Le Baron de Beauville
Sur le Riviere du Lot
Villeneuve d'Aginois
Clerac.
S^t Линейка.*

Monsr de Turène

En Perigort, Perigueux Ville Capitale et Plusieurs Chasteaux Montflanquin

*Monsr de Chappes,
Lieutenant: le Baron
d'Uzac, &c.,*

Figiac
Bellie
Puynirol
Tournon
Lanzarte

ces trois sont imprenables; et
sont au R. de N.

Turene ave toutes les terres de Monsieur de Turene en Lymosin.
Бриен ла Гальярд.

Узурпация. qui sont des meilleures: Toutes les surd. places sont bien accommodees et sont toutes
deçе la Riviere de Garonne.

*Monsr le Baron de
Luzignian, Monsr
de Fauaz*

Sur la Garonne au bord de deca sont
Agen ville Capitale d'Agenois grande et riche
La Reolle, Lonne ville, dont le Chasteau est imprenable; et sur le Rivage dela sont
Lengon
Millau
Le mas de Verdoun &c.

*Le Roy de Navar
parce que c'est son
patrimoine y a
partout Portien
de les plus affectionez*

Entre le Garonne et le pays de Bearn nous tenons
Leystoure ville Episcopale richen et imprenable patrimoine de R. de N.
Mauvesin
Fleurance
Cauze, bonne et forte ville
Nerac
Castel Jalouz
Balas ville riche, episcopale
Le mont de Marsan; forte
Tout le conte de Bigorces et les pays de Marsan, Tarsan Gavardan

Tarbe
Aire

villes episcopales

La principaute de Bearn
La basse Navarre

Le Pays des basques, a quoy on a donne tiel ordre que nourissant la paix il ne si changera rien.

Au contrarie de puis la paix Grenade Beaumont et Verdun villes ont reconut le Roy de Navarre p[^][r] gouverneur et se sont mises soubz sa protection et tous les jours si la paix tient quelque peu si en mettra de nouvelles. M. L. Amirall a assiege Beaumont a cause de cela ou il a este tresbien battu.

*Господин виконт
де Теридес*

Pays de Quercy nous tenons
Montauban imprenable et une des belles villes de guerre du monde.

*M. la Vicount
de Gourdon*

Figeac capitale de Haut Quercy
Caussade
Realville
St Antonin
Villemur &c. en ces villes tout le peuple est de la religion.

*Vicont
de Paulini*

Au pays de Rourgue.
Millaut ville episcopale
Vabres ville episcopale

Creissel et autres en grand nombre fortes d'assietes dont nous ne scavons le nom. Le peuple aussi est de fort longtemps de la religion et sont en tous ces pays des relliques des vieux.

*Le Baron de
Audon*

En Languedoc, toute la Conte de Foix qui tient depuis les montz Pirenees jusques aux portes de Thoulouse Patrimoine du R. de N. en icelle sont Pasmicas ville forte peulee, presque de la religion episcopale.

Foix ville et chasteu imprenable.
Sa Verdun
Mazores
Le Carla

Le mas d'Azil, toutes riches et imprenables. Et ceste derniere se faict une quantite purniable de Saltpetre pour muner tout le pays de poudre.

*Le baron de
Monbardies*

En Lauraignais partie du bas Languedoc sont

Puylaurens

Упиваться

Сурез

С^т Пол

Крамейн и др.

Castres ville episcopale imprenable

L'Isle d————et plusieurs autres en la montagne.

M. de Chastilon,

M. de Thore,

M. de St Romain, &c.

Au hout Languedoc, y en a infinies, les plus notables sont

Monpelier

Nismes

Aiguesmortes

Lunel

Aimargnes

Marsilargnes

Sommieres

Uzez

Auz

Aleth

Lodeve la pluspart episcopale

Tout le Pays de Vivarez; et le Pays de Sevènes.

Господин де [Л]Эдигьер

En Daulphine nous tenons tout le haut Pays, et du bas pays presque toutes les villes[1780] quatre ou cinq. Gap et Dis villes principales sont a nous et cinq cens gentilihomines tous de la religion entre les quels y a tresbon ordre.

Le Baron d'Alemagne

En Provence nous avons quelques bonnes villes, entre autres Seine, le grand Tour, et tout le meilleur du Conte de Venisse, appartenant au Pope à cause d'Avignon.

Le Roy de Navarre ces places fournies de garnissons necessaires tant de pied que de cheval, peut sans sortir de Guienne mettre huict mil hommes de pied en campagne et mille gentilihomines et fournir l'equippage de six canons et deux couleurines &c. et quand il sera joint avec les forces de Languedoc (car le Daulphine a le Rhosne entredeux) il pourra faire estat de 10000 hommes de pied 2000 chevaux des meilleurs qui se virent jamais en France, et 10 canons, quatre couleurines et la pouldre et munitions et equipage d'iceux.

Pour les affaires de la guerre en son conseil il est assisté de Mr de Meru. Monsieur de Turene qui a esgarde sur la Perigort et Lymosin en sa absence.

Mr de la Nouë chef et superintendant de sa maison.

M^r de viconte de Terride, Baron de Serignac, vieux Capitaine.

M^r de St Geniez, vieux Capitaine et homme de bon entendement.

M^r le Baron de Lusignan. Gouverneur de Agenois.

Mr de Fontralles, M^r le Baron d' Audon.

M^r de Guित्रy qui sont tous des meilleurs Cap: de France.

Pour le mainement des negotiations, outre les susd. il est assiste de Mr de Grateinx son Chauncelier, M^r des Aginz President et M^r des Requestes et plus^{rs} autres de mesme reing.

Outre ceux y y a plusieurs Princes, Seignurs, Vicontes, et Barons affectes de tout temps au party de la religion. Toutesfois je les ay lieu voulu mettre icy croire ilz me sont venues en memorie.

Le R. de N.

M^r le P. de Conde

M. de Rohan

M. de Nemours

M. de Laval

M. de Rochebernard son frere

M. де Меpe

M. de Thore

M. де Тюрeн

M. de Chastillon

M. de Clermont

M. de la Noué

M. de S. Genie et ses freres

M. le Viconte de Tirrede

M. de St. Romain

Le Baron de Fontrailles

Le Baron de Ardon

Le Baron de Senegaz

Le Baron de Mirambeau

M. de Languillier

Le Baron de Verac

Le Vic: de Savailhan

Le Baron de S. Gelniz

Le Baron de Mombardices

Le Vicount de Lalant

Le Baron de Montanhils

Le Baron de Monlieu

Le Baron de la Rochalais

Le Prince de Chalais

M. de Mouy

M. de la Forse gendre de M. de Biron

Le Vicont de Chasteauneuf
Le Baron de Piersebuffiere
Le Baron de Salignac
Le Baron de Beinac
Le Baron de Bresolles
Le Vicont de Paulini
Le Vicont de Panart
Le Vicont de Gourdon
Le Vicont de Arpajon
Le Baron de Cabrere
M. de Ediguies
M. de Guitry
Le Baron de Longa
M. de Campagnac
M. de Boesse
M. de Montguiron
Le Baron de Montandie
Le Baron de Luzignan
М. де Бонваль
M. de Ussac
Le Vicont de Rochouart
Le Baron de Almagne
Le Baron de Beauville
Le Baron de Reine
Le Baron de Vercillac
Le Baron de S. Nauphan
Le Baron de S. Arlaye
Le Vicont de Meherin
Le Vicont de Belsane et autres.

Tous les desus nommes sont en Guienne et de Guienne ou Languedoc ou p^r le moins ont porte les armes a ceste dernier guerre. Quant aux autres Seigneurs et Capitaines des autres Provinces de France qui ont pareille ulcouse[?] et la monstrent au besoing, ascavoir es provinces assises deca la Riviere de Loure, ilz sont sans comparaison en plus grand nombre pour respost des lieux ou ilz sont; nous ne les avons point nommés pas ce quilz ont attendu une armée de Reistres present s’y jettes, attendant la quelle ilz se sont le mieux quilz ont peu compertes en leurs maisons.

[*He подписано*]

[*Endorsed*] Les villes des quelles ceux de la
Religion s’asseurent en France.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXXIII

[Стр. 474, п. 2]

[*Герцог Анжуйский и Карл IX*][1781]

[Camp devant La Rochelle, 17 février 1573].[1782]

Монсеньор. Par le jeune Seguier que j'ay depesché depuis deux jours devers Vostre Majesté, elle aura entendu comme j'estois sur le poinct envoyer devers icelle le Sr de Bourrique, l'un de mes maistres d'hostelz, pour la sattsfaire de tout ce que je pouvois avoir à luy faire entendre de l'estat de ceste armée. Suivant ce, je l'ay presantement faict partir si bien instruit de toutes choses que je ne doute qu'il ne luy en sçache rendre très bon compte. Me restera à supplier, comme je fais très humblement, Vostre Majesté le vouloir en ce qu'il vous dira de ma part oyr avec la mesme foy et creance dont elle a tousjours voullu m'honorer. J'ay veu ce qu'il luy a pleu me mander par sa depesche du XIme de ce mois sur la proposition que aucuns avoient faicte de donner la charge de vostre armée de mer à mon frere Monsr le Duc et au Roy de Navarre chose que je rejectay aussi tost pour les mesmes considérations, que Vostredicte Majesté a bien sceu prendre, et n'estois pour le permectre en aucune sorte, de maniere que Vostredicte Majesté demourera, s'il luy plaist, en repos de ce cousté la.

Monseigneur, je supplie le Createur donner à Vostredicte Majesté en très bonne santé et prosperité tres longue et tres heureuse vye.

Esript au camp devant La Rochelle, le XVIIme jour de febvrier 1573.

Monseigneur, j'ay veu par les dernieres depesches qui vous sont venues d'Angleterre de S^r de La Mothe Fenellon, la demonstration que ceulx de vos subiectz qui sont refugiez par dela font de procurer de leur part l'entier repos de vostre royaume avec ceulx de leur religion. Chose qui me semble estre très avantageuse au bien de vostre service, et que, pour l'effect de leur bonne intention, il vous plaise leur bailler toutes les seuretez necessaires pour venir par deça. Estant ceste voye, si elle peult proffiter, beaucoup plus aisée et seure que celle de la force, outre le moien que ce vous seroit de conserver beaucoup de voz bons subiectz et serviteurs et soulaiger d'autant vostre bourse.[1783]

[*Propria manu*] Vostre treshumble et tres obeissant frere et subget

Генри.

[*Au dos, Suscription*] Au Roy, Monseigneur et frere.

[*Au dos, alia manu*] Monseigneur, du XVIIme fevrier. Mr de Bourricques.

[Оригинал]

ПРИЛОЖЕНИЕ XXXIV

[Стр. 503, н. 1]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

[Доктор Валентайн Дейл лорду Берли]

Es co tempore quo proximè ad te scripsi nullum fuit mihi prorsus tempus animi laxandi, ita fui partim itineribus partim multis gravibus & impeditis rebus administrandis distractus, nec satis etiam nunc scio an mihi liceat aliqua intermissione frui ut de liberioribus ac amœnioribus studiis possim aliquantisper cogitare. Neque verò tuam nunc volo sive tarditatem sive negligentiam in scribendo accusare nulla est enim mihi remissæ erga me tuæ amicitiae vel minima suspitio. Ut scias igitur quid rerum hic agatur Nunquam tanta animorum consentione ad pacem conspiratum est nec unquam tamen magis diversis studiis de pacis conditionibus ineundis actum est Coguntur enim planè jam omnes longo & ancipiti bello fessi & ad inopiam atque egestatem usque redacti necessario nunc tandem ac serio de pace cogitare. Neque enim aut æris alieni quo infinito premuntur dissolvendi ratio est, nec sumptus qui sunt apud istos profusissimi diutius sustinere possunt. Vectigalia autem ac ceteri redditus regii aut oppignorata aut distracta sunt ut annui regis proventus ne ad erogationes quidem domesticas satis sufficiant. Vident igitur omnes si bellum gerendum sit, infinita contributione opus esse, cum nullæ sint principis ad bellum gerendum facultates, & omnis qua opus sit regi pecunia ab aliis sumenda aut potius extorquenda sit. Homines autem nobiles per quos bellum precipuè geritur quorum amplissimæ sunt facultates (nam hi pæne soli prædia possident & vicena aut tricena aut etiam centena plerique millia aureorum nummum habent annua). Hi quantam alicunde pecuniam corradere possunt eam prodige & profuse ilico profundunt, nulla est enim eis cura rei familiaris, sed tanquam in diem viventes quibus opus habent rebus quantivis comparant eam quam habent pecuniam negligentes & quam non habent quibusvis rationibus vel quamvis cum jactura conquirentes. Solent autem illis ut plurimum belli presertim tempore sumptus a rege subministrari. Nunc autem quum videant nihil esse regi, quod det, corpora sua periculis libenter non subjiciunt, inviti autem hoc presertim tempore ad bellum non adiguntur, itaque fit ut qui ferè uni pro principe soliti sint decertare hi bellum in primis detrectent. Plebs autem rustica inops semper est atque egena, non enim ut nostri improvidos reperiunt prediorum dominos, a quibus prerogata quadam modica pecunia exili redditu conductis agris, ad magnas opes perveniant, sed aut Coloni partiarum agrum magno labore parvo autem cum compendio colunt, aut justum fructuum precium pendunt. Hoc verò tempore vastationibus populationibus & direptionibus ita sunt expilati, ut nec bos ad arandum nec frumentum ad sementes faciendas supersit: tantum abest ut illorum pecunia bellum geri possit. Reliqua sunt oppida que sanè sunt multa & cives certe ditissimi Nam que magna ut scis nostris est trium millium coronatorum pecunia, apud istos ducentorum aut trecentorum millium exiguè sunt facultates, & qui urbes incolunt soli aut sub pignoribus & hypothecis nobilium proventus possident, aut eorum facultates fœnere exhauriunt. Inter istos autem cives opifices non nomino, quorum infinitus est numerus qui admodum difficulter victum magnis laboribus in urbibus querunt non enim in agris locus illis est ubi se ac suos tenuiter colendis agris aut pecore pascendo, ut nostri faciunt, alant. Itaque in urbis quisque proximas se confert, ubi officinas instituunt & vitam labore producunt. Multo minus inter cives numerandi sunt hi, qui passim in viis scatent omnibus oratoriis preceptis ac artibus instructi quo hominum mentes ad elemosinam & commiserationem permoveant. Neque etiam bonos illos viros hic nomino, quorum magnus est numerus qui se fratres dici volunt, quamvis inter se odiis plusquam fraternis dissideant quos ego planè eos esse existimo quos Chaucerus noster ex loco illo parum honesto sese proripere scribit, qui nugas ac nenias venditando in eam auctoritatem pervenerunt. Ut æquum existiment rogari potius sese quam rogare: tanquam viri omnibus virtutibus excellentes ad quorum pedes bona nostra projicere debeamus, quanquam illorum pæne jam explosa est disciplina ab illis quorum novum est ancupium qui se Jesuistas appellant, & perfecti volunt esse,

juxta illud. Estote perfecti sicut ego sum, inter quos Darbesherus noster non est minimus apostolorum si noster dicendus est qui & nos & seipsum deservit & aliam vitam alios mores sequitur, illi autem quos dixi Cives qui tantum opibus valent, clientelis miserorum opificum in quos imperium habent & suis divitiis freti, pecuniam sibi imperari non patiuntur, sciunt enim neminem esse qui eos cogere possit, cum rex parum fesus nobilibus, tutelam urbium arma, machinas, bellicas, mœnia, & quicquid est roboris illis commiserit, rogati autem immensas & crebras priores pensitationes & tributa causantur itaque pauxillulam tandem aliquam pecuniam prout nec causa postulat tanquam ab invitis quasi vi sibi exprimi patiuntur. Jam Episcopi Abbates & alii quibus opima sunt sacerdotia cum videant omnium oculos in se ac bona sua esse coniectos nec aliquam aliam esse rationem conficiende pecuniæ nisi quæ ex eorum bonis & prediis distrahendis redigatur. Quis erit (inquiunt) tandem nostri expilandi finis si bellum adhuc duret. An non sex decimas annuas fructuum nostrorum pensitamus. Vix annus adhuc est quod octingenta millia francorum que sunt centena millia librarum nostrarum in profectionem Polonicam dedimus jamque nos urgent Questores regii ad solutionem unius millionis & dimidiæ francorum, que summa est quingentorum millium coronatorum gallicorum, quos rex approbante pontifice nobis extorquet: cujus pecuniæ solvendæ rationem nullam adhuc habemus. Non tametsi pontifex ad rem tam piam nempe ad bellum intestinum alendum, predia ecclesiastica ad eum summam venire permiserit, emptores tamen non reperiuntur, coguntque nos officiales & ministri regii pecuniam quam non habemus, nostro periculo representare: recepturos aliquando ex distractione bonorum, si qui tandem reperiantur, qui tam dubio jure litem futuram presenti pecunia velint comparare non enim ignotæ sunt artes pontificiæ: Veniet namque facile tempus cum Pontifex iste aut successor aliquis ejus restitutionem in integrum pro ecclesia non sine dirarum etiam imprecatione a se impetrari facillime patiat, nulla habita eorum ratione qui in bona ecclesiastica pecuniam impenderunt. Itaque eo ventum est ut hi quorum causa bellum hoc geritur & qui evangelicos plurimum oderunt hi nunc pacem maximè expetant, & quemvis Dei cultum potius permittant, quam se indies argento emungi patiantur imò quidvis inquiunt potius in malam rem doceant Hugonoti, neque enim magis ab illis quam ab istis possumus expilari. Nec est illorum non inepta sanè oratio. Jam homines miseri qui sedibus pulsi patria carent, inopes vagantur, quibus insidiæ undique tenduntur, supplicia & mortes intentantur, qui deserti ab omnibus, perpetuas excubias ad sese tuendos agunt hi pacem si unquam antehac nunc certè fessi ac defatigati miserè cupiunt, ut aliquis tandem sit laborum finis & patria terra quiescere liceat. Nemo est igitur qui non uno ore pacem affectet, ad pacem oculos, animum & omnes cogitationes convertat. Quin & Pontifex ipse sibi timens & veritus quem res nec sit habitura exitum, & precipuè de comitatu Avinionensi sollicitus, alios non lacessitos esse malit, quam de suis rebus in periculum venire: sperans futurum ut rex intermisso bello integris viribus eos facile opprimat, quos nunc lacerato regno satis vexare non possit. Ex qua re factum est, ut sermonibus hominum certa pax facta, & negotium prorsus transactum esse diceretur, & ea fama per uniuersum orbem sparsa sit, pacem jam manibus teneri. Sed cum de pacis conditionibus agi ceptum est, longe fuerunt alie hominum voluntates, longè alius rei exitus. Nam quibus antea sua facilitate impositum est, ne in idem discrimen inciderent Evangelicæ libertati & saluti sue presidiis, urbibus ac rebus aliis que ad vitam tuendam pertinent sibi consulere voluerunt, nec se aliorum fidei committendos esse censuerunt quin rebus omnibus integris arma sumere possent, ut si non melior at saltem non deterior istis pactionibus illorum conditio fieret. Alii contra qui spe miseros illos homines devorarant & sibi occasionem egregiam oblatam existimabant, incautos homines vafricia & insidiis prorsus opprimendi, cum viderent non esse locum dolis quin potius futurum ut Evangelium propagaretur, nec esse in illorum potestate, ut istis conditionibus homines Evangelici exterminarentur, quidvis potius faciendum esse suadebant, quam locum illis dari quos extinctos esse cupiunt, hi & se & sua omnia regi offerunt, & quoduis discrimen subeundum esse

censent. Itaque nunc Pontifex bellum alioqui formidans pecuniam mutuam satis amplam u(l)troneus offert: (sibi tamen satis callide pignoribus cavens) ut regis animum a pacis cogitatione avertat. Sunt etiam alii viri providi & rebus suis prospicientes, qui sciunt vetus illud esse, mobilia esse gallorum ingenia ad suscipiendum bellum (neque enim in tanta penuria & tantes difficultatibus de aliis perturbandis desinunt cogitare, nec istis unquam aut voluntas aut pecunia ad alios vexandos deest) qui ista penitus perspiciunt & sibi prudenter cavent, hi frigidam suffundunt, pristinam gloriam nominis gallici commemorantes, & ignominiam ob oculos ponentes, si tale dedecus subeatur ut quasi victi manus tendere, & leges jam non dare sed accipere cogantur, futurum ut tempore vires regia crescant, alii contra vel simultatibus solvantur, vel insidiis opprimantur, vel premiis & pollicitationibus separentur, qua ex re fiet aliquando ut rex victor stirpem illam hominum prorsus exterminet, & ecclesiæ Romane vindex eternam sibi famam ad posterum transmittat. Hic ego si tibi que fuerint postulata, que responsa, que argumenta in utramque partem adducta, qua constantia permansum sit in petitis, quibus artibus Evangelicorum legati tentati sint, quibus intercessoribus res tractata sit, historiam tibi non epistolam scriberem nolo tamen tibi ignotum esse egregiam fuisse in hac re Helvetiorum protestantium operam, ego autem quod potui porro ut est apud comicum nostrum. His igitur rebus effectum est ut post multas & longas de pace disceptationes incertiores simus multo quam dudum, pacem enim facere noluit bellum autem gerere non possunt.

Cum ista superiora aliquot dies scripta apud me haberem, nec describendi esset ocium accepi tandem tuas vicesimo quarto Maii scriptas, ex quibus intelligo esse etiam apud vos fidefragos, ut tuo verbo utar, nam fœdifragos usquam gentium reperiri non est fas dicere, itaque nactus ocium te istis quibuscunque carere nolui, nec si tibi sit cordi ullum laborem recusabo, quin priores etiam meas queas tu le amisisse tantopere quereris descriptas ad te mittam. Vale & nostros omnes meo nomine diligenter saluta nam eos de mea salute sollicitos esse scio. Lutetie Parisiorum ultimo Junii 1575.

Tui amantissimus

В. Д.

[Не адресовано]

[Одобрено] Ульт^о. Junii[1784] 1575

М.^р. Д. Дейл - М. Л.

из Парижа.

[Рукой Берли] письмо, написанное на латыни о состоянии Франции.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXXV

[Стр. 503, п. 2]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ИНОСТРАННЫЕ

Элизабет, Том. CXXXI, № 895

[Генрих III королеве Елизавете]

Treshaulte tresexellente, et trespuissante princesse Nostre treschere et tresamee bonne seur et cousine ayant entendu le trespas ces jours passez advenu du feu Roy nostre trecher s^r et frere nous en

avons receu ung tresgrand regret enuy & desplaisir pour la singuliere affection et fraternele amitie quil nous a tousjours portee et demonstree par tous bons offices. Et aussy pour la perte grande qui en demeure generalmente a toute la Chrestiente, et a nous particulierement, qui luy avons tant dobligation comme nous avons encores en sa memoire, pour tant d'honneurs et de faveurs quil luy a pleu tousjours nous departir de son vivant. Ce que saichant que les princes ses voisins auront pareillement porte avec douleur, et mesmement vous, avec qui il avoit et a tousjours eu si bonne & parfaicte amitye, voisinaige et intelligence. Nous avons pense estre bien convenable a l'amitye mutuelle qui est aussy entre nous noz Royaumes et pais de nous en condoulloir avec vous, comme nous faisons par la presente en attendant qu'estant arrive en nostre Royaume de France (ainsy que nous l'esperons bien tost avec layde de Dieu) nous puissions nous acquicter plus dignement de cest office. Voullans bien vous dire & asseurer cependant que si vous avez congneu le feu Roy notred. S^r et frere desireulx de conserver la bonne et sincere amitye voisinance et intelligence que vous aviez ensemble, vous n'en debuez pas moins attendre & esperer de nous son successeur a la corone de France Ne voullant seulement continuer en lad. amitye, mais la fortifier asseurer et augmenter par tous honorables & dignes offices que doibuent les princes amis les ungz aux autres ainsy qu'avons donne charge au s^r de la Mothe Fennelon vous faire entendre que vous prions recevoir et avoir agreable aupres de vous pour y estre notre conseiller et ambassadeur resident, tout ainsy quil estoit du feu roy nostre feu S^r et frere Et ne pouvons aussy trouver que tresbon l'exercice quil a faict de ladicte legation de puis ledict decedz advenu, tant suivant les tres de feu notred. S^r & frere que celles de la Royne nostre treshonoree dame et mere qui en avoit tout pouvoir et a laquelle nous envoyons presentement le nostre le plus ample quil nous est possible. Saichant combien elle merite de cested. corone, et combien elle sest aussy tousjours rendue affectionnee au bien de nous tous ses enfens, et des affaires et prosperite de notred. Royaulme, vous priant croire ledict s^r de la Mothe de ce quil vous dire sur tout ce que dessus et y adjouster foy comme feriez a nous mesmes Qui prions Dieu treshaulte tresexcellente et trespuissante princesse Nostre treschere et tresamee bonne seur et cousine vous avoir en sa tressainte et trespigne garde. Escript a Cracovye le xv^{ne} jour de Juing 1574.

[Подпись] Добрый друг и кузен

ГЕНРИ
Варшавич

[Addressed] A treshaulte tresexcellente et
trespuissante princesse Nostre
treschere et tresamee bonne
seur & cousine la Royne
D'Angleterre.

[Одобрено] XV^{июня} 1574 года.

От К. из Полонии ее матери^{тай}. Датировано Краковией. Он выражает соболезнования в связи со смертью К., его брат уходит из жизни, и требует от Лайки продолжения дружбы, которая была между ней и его братом, чтобы ее мать^{связала} с Мон^{старшим} де Ламотом в качестве своего посла.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXXVI

[Стр. 504, п. 2]

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

К. 1537, АРТИКУЛ № 22

[Донесение испанского шпиона о Кале (Расшифровано)]

[Au dos] Descifrado.

Avisos de Cales à XVIII° de Março 1575

[En tete] Avisos de Cales à XVIII° de Março 1575

Quiero dezir el runrun que anda entre estos Franceses, no porque me passe por el pensamiento que deva ser assi, pero en secreto se dize que el Rey de Francia anda tramando para yr sobre los Estados, ó tomarlos, y que su her, mano se casa con hija del Principe, y otros muchos casamientos que se hazen-y que se haze armada en toda Francia para ello, y oy ha llegado aqui aquel Embaxador con treynta cavallos, que va á la Reyna de Inglaterra, y viene de Paris, y assi mismo se aguarda (segun se dize) el que esta en Brusselas, para yr tambien a la dicha Inglaterra. De suerte que no se sabe otro sino esto, que, como digo, se dize en secreto, y en partes que nos lo han dicho. Plegue a Dios que nos guarde dello, que bien creo si suspicion dello huviesse, lo sabria el Embaxador que esta en Paris y lo advertiria a essa Bolsa, pues importa. Aunque, como digo, no creo nada dello, y no he querido dexar de escribirlo en esta, para que se tenga aviso dello, sin que se entienda, pues no se suffre dezir.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXXVII

[Стр. 505, № 3]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ВНУТРЕННИЕ

Элизабет, Том CV. № 51

[Уолсингем лорду Берли]

Мой очень хороший Л. Я посылаю ваши письма Л. Сьючу, поскольку я получил от вас письмо, направленное непосредственно вам, по тому^{поводу} которому^{ее} сыном переспать с ним. Я думаю, что джентльмен должен иметь хороший опыт с ее стороны, чтобы доверять ей (хотя ее природа, возможно, несколько тронет его за это). Я жажду услышать, что он миновал реку Луар, ибо до этого времени я буду сильно завидовать его спасению. Ее мать^т была вынуждена в результате отбраковки scouryng the seas отправить два своих корабля, чтобы они приняли его, если из-за недостаточной поддержки он будет вынужден улететь, но ее нельзя привлечь к этому. В этот день пришли письма от юстициариев Девоншира о том, что вторая часть этого месяца обошлась в 48 сэйлов испанских солдат, которые желали ее выкупа, но получили отказ из-за того, что у них не было паспорта ее матери^т. Не^тстоя, они позволили адмиралу и виктору адм-адмиралу зайти в порт Дармута: поскольку джентльмены все еще надеются, что они получат

какую-нибудь сокровищницу, которую ланде доставит в Лондон, остальные корабли направляются к Данкирку. Главный из них - дон Петро де Бальдис, который женился на дочери Петро Малендаса. Численность этой армии заставляет меня от всей души пожелать П. Апельсинов успехов: вы уже видите, что он попал в очень тяжелое положение. Я молюсь Богу, чтобы торговцы нашли им хороших соседей. С севера мы ничего конкретно не слышали, И поэтому, не имея ничего, что можно было бы рекламировать, я посвящаю ваш L. Goods good kerung, покорнейше откланиваюсь. В Рикоте - vj^{го} октября 1575 года.

Yr L. для комманде

Fra: Уолсингэм

[Адресовано] Достопочтенному
моему дорогому господину
Л. казначей.

[Одобрено] 6 октября 1575 г.

М^г Секретно: Уолсингем
испанский флот на
западе.

СНОСКИ:

- [1] Религиозные войны ("Кембриджская современная история", Предисловие).
- [2] В приложении я опубликовал устав двух из этих провинциальных лиг, доселе неизвестных.
- [3] Память де Таванна, 239.

[4] Констебль Монморанси в письме королеве Елизавете от 30 июня 1559 года сообщает, что несчастный случай произошел “вчера”, то есть 29 июня.—С. S. P. Eng. For., № 698. Однако почти во всех источниках указано 30 июня. ср. Кастельно, книга I, глава I. Трокмортон приводит 30 июня. См. стр. 3, примечание 1.

[5] Происхождение Шотландской гвардии восходит к Столетней войне. В 1420 году, через пять лет после битвы при Азенкуре, когда Генрих V владел всей северной Францией, дофин Карл VII отправил графа Вандомского в Шотландию просить помощи в силу древнего союза между двумя нациями. В 1421 году отряд из 1000 шотландцев прибыл во Францию под командованием графа Бьюкена. В том году они сражались при Боже в Анжу, но почти все были уничтожены в 1424 году в ожесточенной битве при Вернее. Оставшиеся, в честь их заслуг, стали личной гвардией короля. См. Сkene, *Книга Плюскардена*, II, xix-xxi, xxvi-xxix; Хьюстон, *Эскосс Франсуа* (Беседы о союзах, начинающихся в сентябре и продолжающихся до настоящего времени, в кулонах Франции и Эскоссе), Париж, 1608; Форбс Лейт, *Шотландские латники и лейб-гвардейцы во Франции с момента их образования до окончательного роспуска*, 2 тома., 1882 год. Гвардия состояла из главного капитана, лейтенанта и прапорщика, маршала де лог, трех комиссаров, восьмидесяти гвардейских лучников, двадцати четырех лучников корпуса; жалование им ежегодно составляло 51 800 франков, или 6475 фунтов стерлингов.—С. S. P. For., № 544, декабрь 1559 г.

[6] Клод Хатон, чьи католические предрассудки были сильны, считал это нежелание притворным (*Воспоминания*, I, 107).

[7] Д'Обинье, книга II, глава xiv, говорит, что от удара забрало короля приподнялось, и что конец копья, который был скреплен *torne*, или кольцом, притупляющим острие, пробил шлем, как дубинка. Таванн, глава XIV, говорит, что король не позаботился о том, чтобы опустить забрало.

[8] Послание Трокмортон лордам в Совете, К. П.Н., 30 июня 1559 г.

[9] Д'Обинье, *местный житель*. cit. Ла Плас, 20, говорит, что король разговаривал с кардиналом Лотарингии. Де Ту, книга II, 674, ссылаясь на авторитет Брантома, сомневается в этом.

[10] Дворец Турнель находился на нынешней Королевской площади. Он был снесен в 1575 году.

[11] Трокмортон, *местный житель*. цит. по.

[12] Констебль Монморанси королеве Елизавете, К. П.Н., № 898, 30 июня 1559 г. Трокмортон, там же., № 928, 4 июля, “сомневался, что король потеряет глаз”.

[13] С. S. P. For., № 950, 8 июля 1559 г. Де Рубле, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, I, 432, опубликовал официальный отчет Везалия. У Генриха II был телохранитель, который также пользовался европейской репутацией. Это был Фернал. Он был автором латинского труда по патологии, который был переведен на французский язык в 1660 году под названием: “*Патология Жана Фернала*”, “*главный врач Генриха II, руа де Франс*”, “*Искусство практического применения для понимания человеческого корпуса*”.

[14] В *Arch. cur.*, III, 309-48 есть отчет о похоронах. Счет MS о расходах на похороны находится в коллекции Phillipp Collection, 2995. Compare Galembert, *Funerailles du roy Henri II, Roole des*

parties et somme de deniers pour le fait des dits obsèques et pompes funèbres. Publié avec une introduction. Paris, Fontaine, 1869.

[15] Смотрите описание Трокмортон, написанное королеве Елизавете, *К. С. П. За.*, № 1190, 15 августа 1559 г.

[16] *C. S. P. For.*, № 1,242, 25 августа 1559 г.

[17] *Рел. vén.*, I, 195. “De fort petit sens,” says La Planche, 202.

[18] Трокмортон Сесилу, 30 июня 1559 г., *C. S. P. For.*, 899.

[19] И все же зловещий характер правления Генриха II может быть преувеличен. Обширную и критическую историю его правления еще предстоит написать. Claude Haton, no mean observer of economic conditions says: “En ce temps et par tout le règne du dit feu roy, faisoit bon vivre en France, et estoient toutes denrées et marchandises à bon marché, excepté le grain et le vin, qui enchérissent certaines années plus que d’autres, selon la stérilité, et toutesfois esdittes treize années de son règne n’ont esté que trois ans de cherté de grain et de vin, et n’a valu le blé froment, en la plus chère des dittes trois années, que 14 et 15. s. t. le bichet (à la mesure de Provins), et les autres grains au prix le prix, et ne duroit telle cherté que trois mois pour le plus.” Ниже приводится ценная таблица цен на продукты питания.—Клод Хатон, I, 112, 113.

[20] См. Де Рубле, “След Кота-Камбрезиса”, *Ревю д’Эст. “дипломатика”* (1887), 385 и более обширная работа этого автора (1889) с тем же названием.

[21] Об общей ситуации между ранением и смертью Генриха II см. *Нер. Тоск.*, III, 400.

[22] Кастельно, книга I, глава i. 19 января 1560 года ему исполнилось шестнадцать. Ср. Кастан, “Жизнь друзей короля Анри де Валуа”, *Ревю ученых*, 6^{ме} сер., III.

[23] Трокмортон королеве, 18 июля 1559 г., *C. S. P. For.*, № 1009. Эта информация была передана совету и депутации парламента, но официального заявления сделано не было. — Д’Обинье, I, 243, п. 1.

[24] Клод Хатон, I, 106; Таванн, 245. “Свергнутая красавица передала ключи от королевских шкафов и несколько мешочков с драгоценностями новой королеве”, Ла Планш, 204; Башет, 494, депеша венецианского посла, 12 июля 1559 г. Ср. Гиффри, *Письма Дианы де Пуатье*, 1866; Имбар де Сент-Аман, *Ревю де монд*, 15 августа 1866 г., стр. 984. For light upon her extravagance see Chevalier, *Archives royales de Chenonceau: Comptes des recettes et despences faites en la Chastellenie de Chenonceau, par Diane de Poitiers, duchesse de Valentinois, dame de Chenonceau et autres lieux* (Techener, 1864). Хэй, *Диана де Пуатье, великая сеньора Нормандии, герцогиня де Валентинуа*— великолепно иллюстрированная история.

[25] *C. S. P. For.*, № 1,024, 19 июля 1559 г.

[26] Кастельно, книга I, глава ii; *C. S. P. For.*, № 972, 11 июля 1559 г.; № 1080, 27 июля 1559 г.

[27] Ла Планш, 208; Клод Хатон, I, 108; Полин Пэрис, *Общественные организации*, 108, примечание.

[28] Таванн, 245; Париж, *Объединения родственников ренё де Франсуа II*, 61, 76, 80, 83, 86; Ла Планш, 207; *C. S. P. For.*, № 1121, 4 августа 1559 г.; *там же.*, 1 августа 1559 г., № 1101, Трокмортон королеве: “Французы ... находятся в страхе из-за короля Испании, который еще не восстановил ни Сан-Квентина, ни Хама, ни Шастле, испанские гарнизоны которых ежедневно совершают походы в страну вплоть до Нойона, о чем губернатор Компеньи написал королю, добавив, что война была бы так же хороша, как и такой мир”. *C.S. P. For.*, 13 июля 1559 г., № 985, Трокмортон королеве: “Считается, что уже заключенный договор утратил силу в связи со смертью французского короля; ... что король Испании, видя свое преимущество и зная состояние Франции лучше, чем он знал, когда заключал этот мир, либо выдвинет новые требования, либо заставит Францию поступить так, как он того пожелает, поскольку ей не хотелось бы снова порывать с ним”.

[29] Таванн, *указ. соч.*

[30] Жак д'Альбан де Сент-Андре, родился в Лионе, маршал 1547 года, фаворит Генриха II. Он был взят в плен в битве при Сен-Кантене. После смерти Генриха II, опасаясь судебного преследования за свои огромные хищения при исполнении служебных обязанностей, он стал орудием Гизов. См. *La Planché*, 205, 206; *Livre des marchands*, 438, 439; и особенно *Boyvin du Villars*, 904 и далее, о его управлении в Провансе.

[31] Бриссак был губернатором Пьемонта при Генрихе II, где он так энергично отстаивал интересы Франции, что Филипп возненавидел его. Гизы прилагали большие усилия, чтобы присоединить его к своей партии, надеясь использовать его против бурбонов и Монморанси (Париж, *Объединения*, 73, примечание). После заключения Като-Камбрезийского мира крепости герцога Савойского были демонтированы, к сильному гневу последнего. Ср. Собрание Фийона, 2654: Письмо герцогине Мантуанской от 16 июля 1560 года с жалобой на то, что жители Калюза восстали против власти маршала Бриссака. Это тяжелое чувство, вероятно, объясняет переход Бриссака к правительству Пикардии в январе 1560 года, к огорчению принца Конде, который попросил это место (Варильяс, *История. де Франсуа II*, II, 35; Де Ты, книга XXV, 518) после женитьбы Эммануэля Филиберта на сестре Генриха II. See Marchand, *Charles I de Cossé, comte de Brissac*, Paris, 1889, chap. xvi.

[32] Ла-Плейс, 26.

[33] *C. S. P. For.*, № 1,121, 1,149, 4 и 8 августа 1559г.

[34] *C. S. P. For.*, № 972, 11 июля 1559 г.

[35] Таванн, 244. В Испании преобладало мнение, что Франция была вынуждена заключить мир в Като-Камбрези больше из-за проблем, вызванных религиозными делами, чем по какой-либо другой необходимости; ср. *C. S. P. Ven.*, № 57, 1559. Это подозрение подтверждается Таванном, который говорит, что урегулирование вопросов, которые все еще ожидалось в соответствии с условиями договора, было ускорено Гизами, поскольку они знали, что положение дел во Франции было крайне неудовлетворительным для многих дворян, и опасались, что против их власти будет открыто восстание (Таванн, 245; *C. S. P. For.*, № 590, 18 января 1560 г., и № 26, 5 октября 1559 г.).

[36] Предлогом послужила жалоба Монморанси на то, что его сыну Дамвиллю не было передано правительство Прованса, которое занимал Сент-Андре (*Рел. vén.*, I, 435; ср. *Нер. Тоск.*, III, 401).

[37] “Вье рутье”.—La Planche, 207.

[38] “Файл доступен для подключения ... resigna bien d'estat de grand-maistre entre les mains du roy, mais purement et simplement, et non en faveur du dict de Guyse, déclarant assez qu'il ne cédoit en rien à son adversaire.”—Ла Планш, 216. Ср. Д'Обинье, I, 245, книга II, глава xiv; *Отн.*, I, 393; Таванн, 245; Каслно, книга I, глава. ii; Baschet, *La diplomatie vénétienne*, 495. 26-летняя Ла Плейс ошиблась. Была предпринята попытка смягчить падение Монморанси, сделав его старшего сына маршалом Франции; Таванн, 245 лет; *К. С. П. За.*, № 376, 5 декабря 1559 г.

[39] Ла Планш, 203.

[40] Кастельно, Книга I, глава iii.

[41] Смотрите интересный анализ общественного мнения Ла Планша, 203. На стр. 208 он дает весьма наглядную картину продажности парламентов, чье “древнее великолепие существовало среди избранных людей”, в то время как их часто посещали “судебные поверенные и адвокаты фаворитов знати”, на территории которых правосудие было невозможно для простых, честных людей. Он с такой же горечью отзывается о *совете по делам* и *частном совете*, но следует помнить, что автор был протестантом и проникнут ненавистью к правительству из-за его преследования гугенотов. См. хвалебную речь Таванна (стр. 243) о французской коллегии адвокатов, которая ближе к истине.

[42] О политике Генриха II в отношении протестантизма см. Де Крю, *Анна де Монморанси*, 244-48; Вайс, *Пламенная палата*, Вступление.; Хаузер, “О гуманизме и преобразовании во Франции”, *преподобный хист.*, LXIV (1897), 258, сводит к минимуму интеллектуальные причины французской реформации.

[43] Происхождение этого слова много обсуждалось. В ранний период Реформации во Франции всех религиозных раскольников, за исключением водуа, чья историческая идентичность была иной и знакомой, называли “лютеранами”. Венецианский посол так охарактеризовал французских протестантов в депеше синьории в 1558 году (*Relazione de Giovanni Sorano*, изд. Alberi, I, 2, 409). Бойвен дю Виллар (книга XII, 204) использует этот же термин в 1560 году.

Наиболее общепринятой этимологией слова “гугенот” является то, что оно происходит от немецкого слова *Eidgenossen* (конфедерация), которым обозначались швейцарские конфедераты (см. *Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VII, 660). Слово в Женеве, естественно, было не немецким, а французским или савойским. Оно пишется по—разному - Eydgenots, Eugenots, Euguenots. Но против этого вывода, хотя оно и поддерживается наилучшим образом, выступает выдающийся филолог Литтре. Грандмезон, *Bulletin Soc. hist. prom. franc.*, LI (январь 1902 г.), возражает против немецкого происхождения этого слова и приводит примеры его появления как французской фамилии начиная с четырнадцатого века. Но как это стало применяться к французским протестантам, он сказать не может. Ср. Вайс: “Освобождение от фамилии гугенот”, *Бык. Соч. история. прот. franc.*, XLVIII, 12 (декабрь, 1898). В примечании А. Мазеля говорится, что в Лангедоке это слово произносилось как “Дуганау”, которое, как он предполагает, является уменьшительным от “Фугу”, большой совы. Если это так, то происхождение этого слова сродни происхождению слова “Шуан” времен Французской революции. Самое раннее употребление слова “гугенот” в Лангедоке встречается у Девика и Везетта, *История Лангедока*, XI, 342. Несомненно, это был упрек, *там же.*, XI, 374, примечание; ср. Клод Хатон, I, 121. Не пытаюсь высказываться о

происхождении этого слова, я привожу некоторые намеки, на которые наткнулся. Castelnau, Book II, chap, vii, says: “qui depuis s’appelèrent huguenots en France, dont l’étymologie fut prise à la conjuration d’Amboise, lors que ceux qui devoient présenter la requeste, comme éperdus de crainte, fuyoient de tous costés. Quelques femmes des villages dirent que c’étoient pauvres gens, qui ne valloient pas des huguenots, qui estoient une forte petite monnoye, encore pire que des mailles, du temps de Hugues Capet d’où vint en usage que par moquerie l’on les appelloit huguenots.” 34-летний Анри Эстьен и Ла Плейс говорят, что это слово возникло из-за того обстоятельства, что кальвинисты Тура обычно выходили на богослужение за пределы Порт-дю-руа-Угон. Происхождение Ла Планша - это исследование фольклора (стр. 262, кол. i).

The Venetian ambassador wrote in 1563: “In quel tempo medesimo fu tra questi principalmente, che cercorno di seminar la false dottrina un predicator della regina di Navarra, madre del presente re di Navarra, nominate Ugo, il quale alienò prima l’animo di quella regina dalla religion cattolica, e poi cercò d’alienare e di corromper, come fece, infiniti altri uomini e donne delli più grandi.”—*Rel. vén.*, II, 50. A unique explanation, which I have not found noticed elsewhere is preserved by Jean de Gaufreton, *Chronique bordelaise* (1877), I, 92: “En cette année les catholiques commencèrent d’appeller les Luthériens et protestants ‘Huguenots,’ et les autres nomèrent les catholicques papistes à cause, qu’ils tenoyent le parti du pape, et qu’ils soustenoyent son autorité. Mais la raison pourquoy les Luthériens furent appellées Huguenots procède de ce que les princes protestants d’Allemagne et Luthériens ayant envoyé une solemnelle ambassade au roy, à la requête des Luthériens et protestants de France pour demander libre exercice du Luthéranisme en son royaume, en faveur des dits Luthériens français, comme le chef de cette ambassade voulut en sa première audience parler latin devant le roy, assisté des messieurs de son conseil, il ne put jamais dire que les deux mots à sçavait ‘hue nos’ et s’arresta tout court. Despuis les courtisans appellèrent les Luthériens françois ‘hue nos,’ et en suite ‘Huguenots.’”

[44] Изамбер, XIII, 494.

[45] Вайс, *Пламенная палата*, Париж, 1889 г., исследование свободы совести при Генрихе II, основанное на примерно пятистах рисунках, сделанных парижским парламентом в период с мая 1547 г. по март 1550 г. До своего создания ересь рассматривалась обычными судами. В *Bulletin des comités historiques* (1850), 173 (“Изобретательница писем родственников по истории Франции и архивов Баля”) отмечается письмо короля, написанное в 1552 году, о том, что с теми, кто был арестован за ересь в Лионе, не следует обращаться несправедливо; но король подтверждает свою решимость не допускать распространения какой-либо новой религиозной доктрины. За месяц до его смерти, в июне 1559 года, эдикт Экуана предписывал смертную казнь для всех еретиков без малейших ограничений и с предписаниями судьям не смягчать наказание, как они делали в течение нескольких лет (Кастельно, книга I, глава iii). Гугеноты рассматривали смерть Генриха II как Божий суд. —С. S. P. For., № 899, 30 июня 1559 г.: “Они не позволяют открыто говорить проповедникам Евангелия, что распутная жизнь короля и его тирания вызвали Божье отмщение”. Письмо Дианы де Пуатье в *Каталоге коллекции Тремона*, № 424, доказывает, что часть имущества, конфискованного у гугенотов, была передана королем его фаворитке.

[46] Варгас, *История Франсуа II*, 314.

[47] Гранвелла Филиппу II, 14 июня 1561 г.—*Документы государственного совета кардинала де Гранвелля*, VI, 569.

- [48] Армстронг, *Религиозные войны во Франции*, 4, 5. Ср. Де Крю, *Анна де Монморанси*, 246. Учреждение ордена иезуитов было одобрено во Франции только после смерти Генриха II из-за сопротивления нищенствующих орденов и Сорбонны.—Клод Хатон, II, 636.
- [49] Кастельно, Книга I, глава iii.
- [50] *C. S. P. For.*, № 950, 8 июля 1559 г.
- [51] *Воспоминания де Конде*, I, 264.
- [52] Он был обращен Хотманом, знаменитым гугенотским памфлетистом.—Weiss, 31.
- [53] Вайс, *указ. соч.*; Кастельно, книга I, глава iii. Ла Планш, 209-12 и 235, 236, рассказывает о его страданиях и смерти. В *Воспоминаниях де Конде*, I, 217 и далее, содержится часть судебного разбирательства.
- [54] Кастельно, Книга I, глава v, и особенно Ла Планш, 220-22.
- [55] Ла Планш, 237.
- [56] *Там же.*, 226.
- [57] Ла-Плейс, 28.
- [58] О патриотизме и лояльности французской магистратуры см. Примечательную выдержку из письма испанского посла от 29 апреля 1560 г. в *Rev. hist.*, XIV, 78. Ср. обращение М. Альфреда Левеска “Барро и свобода души Валуа: беседы прононсе на сеансе управления на конференциях”. об ордене Авокадо”, 28 ноября 1846 года.
- [59] *C. S. P. For.*, № 451, 21 декабря 1559 г. Кареты вошли в обиход в шестнадцатом веке, практика была заимствована из Италии. Екатерина Медичи была первой королевой, у которой они были. Для получения интересной информации по этому вопросу см. Burgon, *Life and Times of Sir Thomas Gresham*, I, 242, 305, 383, 486, 487; Эллис, “*Письма*”, серия II, I, 253; Стратт, “*Платья*”, II, 90, и статья в “*Археологии*”, XX, 426 и далее.
- [60] Кастельно, Книга I, глава v; Ла Планш, 232-34.
- [61] В убийстве подозревался Роберт Стюарт, который утверждал, что является родственником Марии Стюарт. Именно он убил констебля Монморанси в битве при Сен-Дени в 1567 году. — Д'Обинье, I, 255. Другим подозреваемым был внебрачный сын кардинала Медонского, которого Минар убедил оставить все свое имущество бедным.—*Нер. Тоска.*, III, 407.
- [62] Д'Обинье, I, 255, II, глава xvi. 17 декабря из Шамбора были изданы два эдикта. См. Изамберт, XIV, 12.
- [63] Ла-Плейс, 28.
- [64] Ла Планш, 209.
- [65] Ла-Плейс, 41; Таванн, 241. “Есть два типа людей, которых паписты называют гугенотами, а именно: религиозные гугеноты и государственные гугеноты. Один из них, понимая, что кардинал стремится погубить их, и их собственной особой силы недостаточно, чтобы

противостоять его злобе, показал вид, что они присоединятся к другому, который, видя себя отстраненным от всякого управления, и к тем, кто пытается узурпировать всю власть, в настоящее время создают прочную фракцию и союз между собой, каждая из которых обещает поддерживать другую”. —C. S. P. For., № 2235, 31 мая 1568 г.

[66] *Отв. vén.*, I, 523-25; II, 57; Давила, VI, 359. Claude Haton emphatically asserts the feudal purposes of the Huguenot noblesse: “Les grand seigneurs de la ligue condéienne et cause huguenotique s’atendoient d’estre haults eslevez, non és offices royaux, mais au partage du royaume qu’ilz espéroient faire entre eux en le contonnant par provinces, desquelles ilz prétendoient d’estre seigneurs souverains, sans recognoistre roy ni aultre personne par dessus eux.”—I, 291. Таванн характеризует ассоциацию гугенотов 1572 года как “полудемократическую и полуаристократическую” (*Panth. lit.*, 413). The identification of Calvinism with the political purposes of the nobles is shown in the following letter of the cardinal de Tournon to King Henri II, written “De Bains de Lucques, 9 juillet 1559”: “L’une des principal ruses de ces malheureux est de commencer, s’ils peuvent, à semer leur venin et mauvaise doctrine par les plus Grands, les attirer et gagner à eux, afin de pouvoir après tout plus aisément & sans punition, infecter & gaster le reste & s’aider à un besoin de leur force & autorité.”—Ribier, II, 807.

Кардиналу Турнону и адмиралу Эннбо были доверены государственные дела после падения коннетабля Монморанси в 1541 году. Когда Генрих II взошел на трон, Монморанси был восстановлен в должности, а Турнон пал. После смерти Генриха II королева-мать предложила вернуть кардинала Турнона. Гизы сначала колебались, но вскоре уступили, во-первых, потому, что кардинал был личным врагом констебля, а во-вторых, потому, что он был очень враждебен реформированной религии (*преподобный хист.*, XIV, 72, 73).

[67] Из замечательной статьи Э. Армстронга “Политическая теория гугенотов”, *англ. Hist Rev.*, IV, 13 ff. Cf. Weill, *Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion*, Paris, 1891.

[68] Смотрите наблюдения La Place, 41-45.

[69] Это правда, что Де Ты так говорит: “et établir en France une république semblable à cell des Suisses”, книга XXV, 501, но следует помнить, что Де Ты писал в конце правления Генриха IV и возвращался в прошлое, к республиканству 1572 года.

[70] Смотрите в высшей степени здравые замечания Таванна, 260.

[71] Ср. Кастельно, Книга I, глава vi.

[72] Говорят, что жадность и нечестность кардинала зашли так далеко, что вынудили Екатерину Медичи разделить с ним гонорары, связанные с подтверждением должностей и привилегий, предоставленных городам и муниципальным корпорациям во времена Генриха II, суммы, которые законно достались ей; и даже тогда он, как говорят, обманным путем оценил их в *ливрах* вместо *экю д’ор*.—La Planche, 208. Во времена правления Франциска I *золотой* стоил два *турских ливра*, так что маленькая уловка кардинала сократила сумму вдвое.

[73] Смотрите набросок персонажа в *Rel. vén.*, I, 437-39.

[74] Ср. La Place, 28.

[75] Башет, 497, 498.

[76] См. *C. S. P. For.*, 1559-61, *passim*.

[77] Там же., № 405, 12 декабря 1559 г. Герцогиня Лотарингская была дочерью Кристиана II, правителя Дании в изгнании. По этому вопросу смотрите длинную заметку (с приложенными ссылками) в Poulet, I, 126. Ср. *Arch. de la maison d'Orange-Nassau*, I, 132. Нет никаких сомнений в том, что Филипп II и Гизы обдумывали такой шаг (Languet, *Epist.*, *secre.*, II, 22, 30, 34). Продолжающаяся война между Данией и Швецией благоприятствовала проекту. Эта война длилась семь лет (*Арх. de la maison d'Orange-Nassau*, I, 103, 104; Raumer, II, 211).

[78] Ла Планш, 273.

[79] *C. S. P. For.*, № 451, 5 декабря 1559г.

[80] Таванн, 245; Ла-Плас, 27, 51; Ла-Планш, 216; *C. S. P. Ven.*, № 272, 1506.

[81] Ла Планш, 212. “Il Cardinale de Lorraine è quà Papa e re,” *Nég. Тоск.*, III, 404, 27 августа 1559 г.

[82] Ла Планш, 212; Ла Плас, 28; *Преподобная история.*, XIV, 67, 68. Об экономическом недовольстве из-за расточительности Генриха II см. *Преподобную историю.*, XIV, 71. Клод Хатон, I, 110-12, дает благоприятное суждение современников.

[83] Закон, отменяющий многие отчуждения королевских владений, сильнее всего ударил по последователям коннетабля и Дианы де Пуатье (*Преподобная история.*, XIV, 71, 72).

[84] *Отн. вен.*, I, 431. Смотрите набросок персонажа Суриано в *Отн. вен.*, II, 47; *C. S. P. Ven.*, № 272, 1561.

[85] Ла Планш, 212.

[86] Трокмортон Королеве, *C. S. P. Eng. For.*, № 1244, 25 августа 1559г.

[87] Ла Планш, 216.

[88] Там же., 212, 216.

[89] Вайс, “*Испанское сердце Филиппа II*”, I, 115, 16. Королева Испании в сопровождении Антуана Наваррского и Жанны д'Альбре прибыла в По 21 декабря, проследовав из Бордо. К ее приему были сделаны большие приготовления, и ее великолепно принимали. Король и королева Наварры выполнили свою часть работы с большим великолепием. Метрдотель почты Испании прибыл в По в тот же день, что и ее Величество, с инструкциями, как ей вести себя с испанской знатью, которая должна была встретить ее по прибытии в Испанию. — “*Extraict*”, написанный французской рукой, с надписью “Милорд посол”, *C. S. P. For.*, II, № 469, 21 декабря 1559 г. Король и королева Наварры и кардинал Бурбон проводили ее до границы и затем вернулись; принц Рош-сюр-Йон проследовал с ней в Гвадалахару и вручил Филиппу орден Святого Михаила (*C. S. P. For.*, № 337, 29 ноября 1559 г.: Киллигрю и Джонс королеве). Филипп II планировал встретиться со своей супругой в Гвадалахаре, а оттуда отправиться в Толедо, где брачные торжества должны были продолжаться до Масленицы (*C. S. P. For.*, № 354: Чаллонер Сесилу из Брюсселя). На празднике герцог Инфантадо, чьим гостем король был в Гвадалахаре, пригласил шестьдесят пастухов, одетых в золотые одежды (*C. S. P. For.*, № 540, 24 января 1560 г.). Брак был заключен 20 января 1560 года (*C. S. P. За.*, № 540, 24 января 1560 г.: заявление Гранвеллы Чаллонеру). Французы были оскорблены, потому что при приеме королевы-

католички в Гвадалахаре был спет стих сорок пятого псалма “Audi, filia, et vide и т.д.”, который французам очень не понравился, “заклучив, что они не получили в полной мере того, чего ожидали от короля Филиппа через его жену” (C. S. P. For., № 591, 18 января 1560 г.: Киллигрю и Джонс Сесилу).

[90] Смотрите письмо Франциска II епископу Лиможскому, 21 мая 1506 г., “Об испанском посланнике, Перрено де Шантонне и его интригах”, Париж, *Объединения*, 584. Томас Перрено, сьер де Шантонне, был младшим братом кардинала Гранвеллы и был уроженцем Безансона. Он был назначен послом Испании во Франции после заключения Като-Камбрезийского мирного договора (Париж, *Her. relatives au règne de François II*, 56-60). Его официальная переписка хранится в *Национальном архиве* в Париже, К. 1492 и далее. Не менее ценной является частная переписка, которую он вел со своим братом и Маргаритой Пармской, стенограммы которой находятся в брюссельских архивах. The originals are divided between Besançon and Vienna. М. Paris pertinently says of him: “On ne sait pas assez toutes des manœuvres de ce personnage.”— *Négociations relatives au règne de François II*, 56, note. История его общественной карьеры была бы срезом истории того времени. Он свободно говорил по-французски и по-немецки и знал испанский и итальянский языки. Екатерина Медичи боялась и ненавидела его и в августе 1560 года тщетно требовала его отзыва.—Paris, *Négociations*, etc., 873. В 1564 году он был переведен в Вену (R. Q. H., январь 1879, 19, 20), и его сменил Алава. Вся официальная переписка той эпохи изобилует намеками на него. See *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VII, 393, 400, 402, 518, 592; VIII, 353, 383, 387, 457, 513, 523, 557, 568, 574, 594, 679; IX, 1, 36, 65, 94-102, 136, 154, 166, 169, 177, 182-98, 225, 421, 264, 345-52, 358, 361, 377-81, 394, 415, 430, 434-37, 446, 452, 461, 468, 482, 489, 510, 514, 522, 538, 540-43, 549-52, 556-58, 562-64, 567, 568, 581-89, 602-9, 615, 625, 628, 654, 668, 671; Gachard, *Correspondance de Philippe II*, II, 27, 48, 89, 108, 121, 163, 171-74; Poulet, *Correspondance du cardinal de Granvelle*, I, 565, note; R. Q. H., January, 1879, 10-12. Некоторые из его писем, которые были перехвачены гугенотами, опубликованы в *Воспоминаниях Конде*. М. Пайяр напечатал часть из них, относящихся к заговору в Амбуазе, в *Rev. hist.*, XIV; на стр. 64, 65 приведен краткий очерк жизни посла. Смотрите также введение Вайса к изданию *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, I.

[91] C. S. P. For., № 543.

[92] Там же., № 508, 27 декабря. Трокмортон писал совету 4 февраля 1560 г.: “В настоящее время французы должны приложить все усилия для блага и спокойствия своей собственной страны, поскольку повсюду возникают религиозные разногласия”. — Там же., № 685. Действительно, канцлер в это время в течение трех дней отказывался подписать приказ, необходимый для ведения войны в Шотландии, на основании опасностей внутри страны и необходимости укрывать ресурсы правительства (там же., № 292, 18 ноября 1559 г.: Киллигрю и Джонс Сесилу). Среди финансовых средств, к которым прибегли в это время, был приказ в декабре 1559 года о том, что отныне все почты и почтмейстеры должны быть лишены платы, которой они пользовались, которая составляла 100 000 крон в год, и для компенсации им цена писем была увеличена на четвертую часть (там же., № 508, декабрь 1559 г.). 29 мая 1560 года королевским указом была полностью отменена поддержка королем должности, и было рассчитано, что некоторые новые постановления парламента увеличат доход на 2 000 000 франков (там же., № 550, 6 января 1560 г.). В феврале король предоставил заем в размере 7000 франков под 8 процентов. от парижан (там же., № 750, 20 февраля 1560 г.: Трокмортон королеве).

[93] “За преследование за религию назначено шесть комиссионных”.—*Там же.*, № 451: Киллигрю и Джонс королеве, 18 декабря 1559 г. Это было сразу после убийства президента Минарда. “Кардинал Лотарингии недавно прислал сумку, полную поручений о преследовании Пуатье, и некоторые письма, которые он носил отдельно у себя за пазухой; гонца встретили, и письма у него забрали”. —*Там же.*, № 590, 18 января 1560 г. One of these—“Lettre de roi à tous les évêques de son royaume”—is preserved in K. 1,494, fol. 4. Оно датировано 28 января 1560 года.

[94] *Нерегулярно. Tosc.*, III, 408, 22 января 1560 г. 29 января в Руане бедняк, переплетчик книг, был приговорен к сожжению за ересь. Когда он ехал в повозке между двумя монахами, подлежащими сожжению, произошла ссора с сержантом, который конвоировал его, и его высадили из лошади, беднягу вытащили из повозки, развязали ему руки, набросили на него плащ и вырвали из рук его врагов. Судьи и губернаторы, узнав об этом, приказали запереть ворота и, произведя обыск в ту ночь, снова нашли его и сожгли на следующий день. И при его сожжении было триста латников из страха перед народом (*C. S. P. За.*, № 708, 8 февраля 1560 г.).

[95] *C. S. P. For.*, № 256, 14 ноября 1559 г.; *там же.*, *преп.*, № 132, 6 марта 1560 г.

[96] *Baschet*, I, 559; ср. *Нер. Тоск.*, III, 310, январь 1560 г.

[97] Кардинала и его брата преследовал страх перед попытками покушения на них или на короля. В ноябре французский король, находясь на охоте близ Блуа, пришел в такой ужас, что вернулся ко двору, и шотландской гвардии был отдан приказ надеть камзол, кольчугу и пистолеты (*C. S. P. For.*, № 166, 15 ноября 1559 г.); в декабре до ушей кардинала дошли слухи о том, что его собственная смерть и смерть герцога де Гиза были предрешены (*там же.*, № 528); в январе использование *табуретов* и масок на придворных увеселениях было запрещено из-за страха, который кардинал Лотарингии испытывал перед покушением. (*там же.*, № 658, 28 января 1559 г.). Де Ты говорит, что кардинал был “робкой натурой”.—Книга XXV. Ношение пистолетов и огнестрельного оружия было запрещено двумя эдиктами: одним от 3 июля 1559 года, другим от 17 декабря 1559 года. Закон также запрещал ношение плащей с длинными рукавами и даже высоких сапог, в которых мог быть спрятан пистолет или кинжал. Обе меры с полным основанием объяснялись робостью кардинала Лотарингского.

[98] “Les protestans de France se mettans devant les yeux l’exemple de leurs voisins.”—*Castelnau*, Book I, chap. vii.

[99] *La Planche*, 237.

[100] *Там же*; Кастельно, книга I, глава. viii. Гугеноты не намеревались поднимать оружие против личности короля или заставлять Франциска II менять государственную религию. Утверждение о том, что таковы были их цели, было искусным обманом (*откр. hist.*, XIV, 85, 101).

[101] *Отн. vén.*, I, 525.

[102] Вольрад Мансфельдский и Грумбах, советник курфюрста палатинского, но личные враги кардинала Лотарингского, были привлечены сочувствием к плану, и 4 марта, благодаря их влиянию, Хотман был принят курфюрстом в Гейдельберге, который выдал Хотману аккредитив на имя короля Наварры и принца Конде. See *Daresté*, “Extraits de la correspondance inédite de François Hotman,” *Mém. de l’Académie des sciences morales et politiques*, CIV (1897), 649.

[103] После провала заговора, в ходе расследования, начатого правительством, констебль был обвинен в соучастии в этом деле, но решительно отрицал это в протесте, представленном парламенту (La Place, 37, приводит часть текста; Кастельно, книга II, глава xi), и, осуждая заговор, искусно ухитрился подразумевать, что личины их можно было обвинить во многом (La Planché, 269). De Thou, II, 778, возможно, воспроизводит фактический язык констебля перед парламентом, поскольку его отец в то время был президентом этого органа. Но в начале зимы Монморанси посетил свои владения в Пуату и Ангумуа, а его дочь, мадам де ла Тремуиль, покинула свое обычное место жительства в Шантийи и путешествовала по тем кварталам Франции, которые, как следует заметить, идентичны тем, где вынашивался заговор в Амбуге (La Place, 32). Разумно ли полагать, что человек с его политической проницательностью и состоянием чувств в то время по отношению к Гизам мог не знать хотя бы кое-что из того, что готовилось? Самым веским доказательством в пользу невиновности коннетабля является тот факт, что два его племянника, кардинал де Шатийон и адмирал Колиньи, несомненно, ничего не знали о заговоре. Смотрите доказательства в Delaborde, *Vie de Coligny*, I, 391-414; Д'Обинье, изд. De Ruble, I, 263, n. 6; Paillard, "Additions critiques à l'histoire de la conjuration d'Amboise," *Rev. hist.*, XIV (1880), 70, 71. Трудно, однако, поверить, что констебль вообще не имел информации о том, кто был пешим, учитывая его политику и передвижения зимой.

[104] La Place, 33; Le Laboureur, I, 386, говорит, что его имя было Жан.

[105] C. S. P. Ven., № 137. Он был заключен в тюрьму за выдачу ложных показаний в судебном процессе (Д'Обинье, изд. De Ruble, I, 258, n. 3). Говорят, что Ла Реноди даже ездил в Англию, чтобы повидаться с королевой Елизаветой (Haag, *La France protestante*, I, 259). Ссылка не приведена, но из переписки Хотмана (*Acad. des sc. moral. et polit.*, CIV [1877], 645) очевидно, что кто-то был так послан. Дополнительный факт, что к Мундту обратились в Страсбурге, а французские прокламации, напечатанные в Англии, были распространены в Нормандии (C. S. P. For., 954, 6 апреля 1560 г.), по-видимому, подтверждает эту точку зрения.

[106] Ла-Плейс, 41; Кастельно, Книга I, глава. viii.

[107] Д'Обинье, книга II, глава xvii; I, 259-61, приведены имена капитанов провинций.

[108] Ла Планш, 239.

[109] К Мундту, агенту Елизаветы в Страсбурге (он также был агентом ландграфа Филиппа Гессенского), обратились, и он "подумал, что королева не будет испытывать недостатка в любезных услугах. "Уже ходят слухи, — писал он, - что по всей Франции существует великое согласие среди знати и других лиц, которые больше не будут терпеть надменное и прелюбодейное правление Гизов, и что некоторые из первых лиц Франции знают о заговоре и остаются тихими; остальные поднимутся с оружием в руках против Гизов". -C. S. P. For., № 779, 27 февраля 1560 г. Ср. Нег. Тоск., III, 409.

Дополнительным элементом приключения было участие в нем некоего богатого дворянина, который, по-видимому, финансово поддерживал заговор ради собственной выгоды. Этот человек воображал, что движение может быть преобразовано в движение за отвоевание Меца у французов (письмо Хотмана Кальвину от 19 сентября 1559 г.). По мнению Хотмана, вернуть Мец Германии означало вернуть его протестантизму, но Кальвин был осторожен, поскольку его разумная политика проводила различие между восстанием и конституционным ограничением тирании. Он отправил Безу в Страсбург, чтобы попытаться предотвратить подобную акцию. Но

сенат Страсбурга ухватился за этот проект, потребовал свободы для протестантов Меца и Трева, отменил Временное правительство, запретил католическую религию и даже изгнал анабаптистов из города, к ликованию радикальных протестантов, которые рассматривали это как справедливую расправу за репрессивную политику Гизов во Франции.

[110] Ла Планш, 238.

[111] Ла-Плас, 23; Ла-Планш, 238. В нем участвовало около тридцати капитанов, которые должны были быть поставлены командовать несколькими ротами немецких ланскенцев (La Place, 33). “Свыше шестидесяти человек, частично иностранцев, частично коренных французов” пришли на помощь заговорщикам (C. S. P. Ven., № 134, 15 марта 1560 г.).

[112] C. S. P. Ven., № 125, 16 марта 1560 г. Переписка испанского посла свидетельствует о том, что протестантским солдатам хорошо платили, деньги были получены за счет разграбления церквей. Они выдавали каждому лакею по 14 франков в месяц, а каждому всаднику по 16 су в день. — *Преподобная история.*, XIV, 104. Венецианский посол говорит, что всадники получали 18 сольдо, а пехотинцы - 10 ежедневно (C. S. P. Ven., 17 марта 1560 г.).

[113] Испанский посол называет это 6-м числом. Ла Планш, Беза, Кастельно, Де Ты, Д'Обинье, Ла Попелиньер, Рабочий день - 10 марта. Расхождение, возможно, следует объяснить тем обстоятельством, что Авенель сказал, что назначенным днем было 6 марта, но неожиданный перенос суда из Блуа в Амбуаз (La Place, 33; La Planche, 346) отложил дату судебного разбирательства. Ср. *откр. hist.*, XIV, 66, 85.

[114] Кастельно, там же; Ла Планш, 239, 246. Это заявление подтверждается Ла Плас, 33, 34 и Ла Планш, 255, которые говорят, что петиция была написана невидимыми чернилами и доверена некоему Бинь, слуге Ла Реноди, который, будучи схваченным после смерти своего хозяина, чтобы спасти ему жизнь, раскрыл тайну документа. The first article was couched in these terms: “Protestation faicte par le chef et tous les ceux du conseil de n’attenter aucune autre chose contre la Majestie du roy et les princes de son sang. Et estoit le but aussi de la dicte entreprise de faire observer d’ancienne coustume de la France par une legitime assemblée des estats.”—Tavannes, 247. Таванн говорит, что Бинь прямо сказал, что Конде и Колиньи были замешаны в этом. Другие компрометирующие бумаги были найдены в сапогах барона Кастельно (Rev. hist., XIV, 99, 100; La Planche, 254, 255).

[115] Кастельно, Книга I, глава xi. Де Кроз, “Обличья”, “Валуа и Филипп II”, I, 60-70 (2 тома., Париж, 1866), превосходно показывает, что нет никаких сомнений в грозном характере заговора в Амбуге.

[116] Говорят, что кардинал и его брат получили намеки на опасность из Испании, Италии, Савойи, Германии и Фландрии (La Place 32; Кастельно, книга I, глава viii), и несомненно, что кардинал Гранвелла, представитель Филиппа в Нидерландах, предупредил их. Де Ту говорит, что предупреждения поступали из Германии, Испании, Италии и Франции. Пайяр в Rev. hist., XIV, 81, сомневается в итальянском источнике, но это подтверждается C. S. P. Ven., 137, 6 марта 1560 г. Он считает, что любой испанский источник информации был невозможен по той причине, что Филипп II узнал все от Шантонне. Предупреждение Гранвеллы подтверждается Шантонне в письме своему брату от 3 марта 1560 года. Ему прямо сказали, что целью заговора было устранение кардинала Лотарингского и всех представителей дома Гизов (*Преподобная история.*, XIV, 80, 81). Это подтверждается показаниями констебля и венецианского посла

(Д'Обинье, I, 263, п. 3). Представляется несомненным, что эта информация была передана Гизам 12 февраля (*Rev. hist.*, XIV, 83; *Воспоминания де Конде*, I, 387; Д'Обинье, книга II, глава II). xvii). Dareste, “François Hotman et la conspiration d’Amboise,” *Bibliothèque de l’Ecole des Chartes*, sér. III, V, 361, считает, что собственное нескромное хвастовство Хотмена в Страсбурге было ответственно, по крайней мере частично, за раскрытие заговора.

Герцог де Гиз и его брат были в таком страхе, что носили под своим облачением кольчуги, а по ночам их охраняли пистолетчики и латники. Ночью 6 марта, когда они находились в Блуа, тревога была настолько велика, что герцог, кардинал, великий приор и все рыцари ордена всю ночь напролет дежурили во дворе (*C. S. P. For.*, № 837, 7 марта 1560 г.).

[117] Капельно, Книга I, глава viii; Ла Планш, 246, 247. Он получил сто экю и судебную должность в Лотарингии (*De Thou*, II, 774, изд. 1740).

[118] “Среди заключенных был гасконский дворянин, некто барон де Капельно, который, считая, что с ним плохо обращались кардинал и герцог де Гиз, со многими другими капитанами и солдатами, недовольный из-за невыплаты своих долгов и из-за того, что они были уволены от Двора, оказавшись без жалованья или каких—либо других средств, и будучи наполовину в отчаянии, присоединился к другому восставшие против религии и устроившие заговор против кардинала и герцога де Гиза”. -*C. S. P. Ven.*, № 135, 16 марта 1560 г. Сансер был знаком с Капельно во время последней войны, и когда он попытался арестовать его и его товарищей, они оказали сопротивление. Хотя город Тур поднял против них оружие от имени короля, они бежали в замок Нуазе (Индри и Луара), расположенный между тремя и четырьмя лье от Амбуаза, который принадлежал жене Рене (*La Place*, 33. Она была подружкой невесты Жанны д'Альбре, *C.S. P. Ven.*, № 135, 16 марта 1560 г.). Ср. *C. S. P. For.*, 21 марта 1560 г., и примечание на стр. 462 — отчет Трокмортон. Эти две версии в значительной степени совпадают.

[119] *Преп.*, 16 марта 1560 г.

[120] *C. S. P. For.*, № 859, 15 марта 1560 г.; *там же.*, *преп.*, № 135, 16 марта.

[121] *Rev. hist.*, XIV, 102; Ла Планш, 247; *Арх. де ла Жиронда*, XXIX, 8. Вьейвиль был отправлен усмирять Боса, а месье де Васси, другой рыцарь ордена, в Мон, недалеко от Анже, чтобы подавить там волнения (*C. S. P. For.*, 902, 26 марта 1560 г.).

[122] Его указы на этот час опубликованы в *Мемуарах-журнал. герцог де Гиз*, 457; *М. де Конде*, I, 342; Ла Попелиньер, I, 166; ср. Ла Планш, 225, который излагает их суть.

[123] *Lettres-patentes du Roi Francois II au sénéchal de Lyon “concernans la revelacion de grace que sa Ma^{te} veult faire à ceulx qui avaient conspiré contre l’estat de la religion et son royaume,”* March 17, 1560.

[124] Смотрите расширенный отчет в *C. S. P. Ven.*, 20 марта 1560 г.; *Нер. Тоск.*, III 412-15.

[125] Его труп был повешен 20 марта 1560 года на виселице перед воротами суда и оставлен там на целых два дня, а у его ног была надпись: “C'est La Renaudie dict la Forest, capitaine des rebelles, шеф-повар и автор постановления” (*La Place*, 35; Д'Обинье, I, 268, Книга II, глава xvii; *C. S. P. For.*, 463, примечание, 23 марта 1560 г.).

[126] Вынесение смертных приговоров заключенным продолжалось ежедневно, несколько человек были отправлены для приведения в исполнение в Блуа, Тур, Орлеан и другие места, “чтобы эти акты правосудия были засвидетельствованы повсеместно и стали более известными”.

[127] Инструкции короля являются любопытным свидетельством ярости Личин: “Я в курсе, ты прибыл, справедливый и честный человек, ты можешь быть целомудренным человеком, если хочешь, без всякой жалости и сострадания”.... *Aussy je vous envoie des lettres dont le nom est en blanc et lesquelles vous ferez remplir à votre fantaisie, que j’escris aux principaux seigneurs et gentilshommes dudit païs à ce qu’ils ayent à assembler leur voysins et vous accompagner en ceste entreprinse.*—*Négociations relatives au règne de François II*, 342, 343.

[128] Трокмортон писал 27 февраля 1560 г.: “Сообщается, что идола были изгнаны из церквей по всей Аквитании и что то же самое будет быстро сделано в Провансе”.—*C. S. P. For.*, № 779. Позже, 14 апреля, венецианский посол сообщил, что повстанцы в Провансе “разграбили церкви и изуродовали изображения”.—*Там же., преп.*, № 146. В Дофине достижения Монбрена сделали его знаменитым; см. *De Thou*, книга XXV, 548 и далее.

[129] Шантонне герцогу Сессскому, 24 марта 1560 г., К. 1493, № 45. В Сен-Мало повстанцы убили нескольких государственных чиновников и предотвратили казнь. 25 марта кардинал Бурбонский отправился в Руан, и в тот же день в лесу за городом состоялась проповедь, собравшая более двух тысяч человек. Священник и клерк называли их лютеранами и забросали камнями, после чего начался бунт. Через два дня после того, как проповедник был схвачен и сожжен (*C. S. P. For.*, 930, 30 марта 1560 г.).

[130] *C. S. P. Ven.*, № 142, 26 марта 1560г.

[131] *Там же.*, № 146, 4 апреля 1560 г.; *там же., Для.*, 952, 6 апреля. Кардинал Лотарингии оправдывал решительную политику правительства, говоря: “Будет более чем необходимо применить насильственные средства и перейти к огню и мечу, поскольку в противном случае, если не будут приняты соответствующие меры, отчуждение этого королевства вкупе с отчуждением Германии, Англии и Шотландии силой приведет Испанию, Италию и остальной христианский мир к тому же результату”. —*Там же., Ven.*, № 142, 28 марта 1560 г.

[132] Суд присутствовал на зрелище этих казней, “комильфо, если не задавать вопросов о том, как проходит ваша смертная казнь”.—*La Planche*, 263.

[133] Моно, “Жена Агриппа д'Обинье”, *Память академика. de Caen*, 1884.

[134] *C. S. P. For.*, 1560, Вступление. Хотман выразил свое разочарование провалом заговора и свой гнев из-за жестокой политики Гизов в знаменитом памфлете, направленном против кардинала Лотарингского. Он носил многозначительное название “Ле Тигр”. См. *De Thou*, книга XXV, 512; Вейль, 40, 98; Ассе, “Памфлет 1560 года”, *Revue de France*, январь 1876 г., и Даресте, *Воспоминания академика. des sc. moral. et polit.*, CIV (1877), 605. Авторство Хотмена на эту книгу оставалось нераскрытым в течение многих лет. Советник по имени Дю Лион, предположительно автор этого, печатник по имени Мартин и руанский купец, который спонсировал это, были повешены на площади Мобер (Кастельно, книга I, глава xi; *Ла Планш*, 312, 313; *Ла Плас*, 76, 77).

В 1875 году М. Шарль Рид опубликовал эту знаменитую брошюру по факсимиле с единственной существующей копии, которая была спасена при пожаре в Отель-де-Виль в 1871 году. Текст сопровождается историческими, литературными и библиографическими примечаниями.

[135] Багаж принца Конде был вскрыт, ожидалось, что в нем будут найдены письма или другие записи, относящиеся к заговору, и хотя после обыска были выдвинуты оправдания, приписывающие это ворам, однако, поскольку ничего из содержимого не пропало, сильно преобладало мнение, что обыск проводился с этой целью (С. S. P. Преп., № 178, 1560).

22 марта принц Конде встретился лицом к лицу с одним из осужденных заговорщиков, но, к замешательству его врагов, никаких улик против принца собрать не удалось (С. S. P. For., № 919, 29 марта 1560 г.).

[136] Ла Планш, 267.

[137] Кастельно, Книга I, глава xi.

[138] Ла Планш, 268.

[139] 6 мая 1560 года, Наварра, Трокмортону: “Получил письмо, к которому прилагается воззвание королевы, в котором, по его мнению, содержится намек на то, что принцы и сословия Франции должны призвать ее к себе на помощь. Как первый принц крови, он отвергает это и надеется, что она больше не будет упоминать его или других в своих прокламациях, поскольку это только навредит им в отношениях с королем” (написано из По). —С. S. P. For., № 40.

[140] *Память де Конде*, I, 398; Ла Попелиньер, I, 170.

[141] С. S. P. For., № 992, 12 апреля 1560 г.

[142] Там же., № 954, 6 апреля 1560 г.; Шантонне написал герцогине Пармской, что Елизавета была посвящена в заговор (Рублев, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, II, 142).

[143] С. S. P. For., № 992, 12 апреля 1560 г. Несчастный барон Кастельно, ввиду того факта, что он был рыцарем ордена, сначала был приговорен к трем годам каторги, но позже, по просьбе Гизов, был приговорен к смерти и был обезглавлен 29 марта вместе с капитаном Мазером, герцогом Немурским, похитителем барона, которому было отказано в выполнении своего обещания сохранить ему жизнь (С. S. P. For., № 952, 6 апреля 1560 г.; Ла Планш, 264, 265; Ла Плас, 34; Д'Обинье, 268-70, Книга II, глава II. xvii). Одним из самых известных арестованных был шотландец Роберт Стюарт, которого уже подозревали в убийстве президента Минарда и который утверждал, что является родственником Марии Стюарт. Он был заключен в тюрьму Консьержери и подвергнут пыткам, но ни в чем не признался. Именно он застрелил констебля Монморанси на поле битвы при Сен-Дени. Стюарт имел репутацию мастера по изготовлению пуль, называемых Stuardes, которые пробивали кирасу. Сам он, в свою очередь, был убит в битве при Жарнаке маркизом Вилларом, графом Тенде, который ударил его кинжалом (*Преподобная история*, XIV, 93; Форнерон, *История герцогов де Гизов*, II, 92).

[144] “Заговор с целью убить их обоих, а затем захватить короля и дать ему господ и наместников, чтобы воспитывать его в этой жалкой доктрине”, - так кардинал Лотарингии и его

брат описали это вдовствующей королеве Шотландии в письме от 20 марта 1560 г. (C. S. P. For., № 870).

В циркулярном письме короля парламентам, судебным приставам и сенешалям королевства от 30 марта говорилось, что заговорщики “являются постоянными помощниками в предсказаниях Венеры Женевской”. —*Воспоминания де Конде*, I, 398.

[145] “Было бы хорошо, если бы Гизы не были так конкретно названы в качестве причины этих волнений, но чтобы все было в общих чертах”, - писал Трокмортон Сесилу (C. S. P. For., № 954, 6 апреля 1560 г.). Шантонне посоветовал королеве-матери, что во избежание дальнейших трудностей для Гизов было бы целесообразно удалиться от двора на сезон (La Place, 38).

[146] Ла Планш, 219, 20.

[147] Таванн на самом деле говорит, что она была посвящена в заговор в Амбуазе, стр. 247. Во время правления Генриха II Екатерина Медичи не имела никакого политического влияния. Ее ненавидели как итальянку (*Рел. vén.*, I, 105). On one occasion only did she assert herself; “En 1557, à la nouvelle du désastre de Saint-Quentin, qui ouvrait à l’Espagne les portes de la France, il y eut un moment d’indicible panique. Hommes d’état, hommes de guerre, tous avaient perdu la tête. Par un hasard heureux, Catherine se trouvait à Paris; seule elle conserva son sang-froid, et, de sa propre initiative, courant en l’hôtel-de-ville et au parlement, et s’y montrant si éloquente et énergique, elle arracha aux échevins et aux membres du parlement un large subside et rendit du cœur à la grande ville.”—La Ferrière “L’entrevue de Bayonne,” *R. Q. H.*, XXXIV, 457.

[148] “Ut exorientes tumultus reprimeret”, Рейнальдус, XXXIV, 72, col. 1; Шантонне Филиппу II, 31 августа 1560 г., К. 1493, № 76; Д’Обинье, I, 27; Ла Планш, 269. Незадолго до смерти Генриха II Колиньи пытался отправить в отставку свое правительство, желая сохранить только свою должность адмирала, но Генрих отказался принять отставку (Delaborde, I, 362). Затем Колиньи попытался передать управление Пикардией своему племяннику, принцу Конде (*Преподобная история.*, XIV, 74). Тем временем он продолжал занимать пост губернатора, чтобы помешать Гизам получить над ним контроль (La Planche, 216). Наконец, в январе 1560 года адмирал снова явился ко двору, чтобы подать в отставку и в то же время настаивать на назначении своего племянника. На этот раз предложение было принято, и на этот пост был назначен принц Конде (La Planche, 217; *Rev. hist.*, XIV, 74, 75).

[149] La Place, 36; C. S. P. For., № 952.

[150] La Place, 38. On L’Hôpital see Dupré-Lasale, *Michel de l’Hôpital avant son élévation au poste de chancelier de France*, 2 vols., 1875; Amphoux, *Michel de l’Hôpital et la liberté de conscience au XVIe siècle*; Guer, *Die Kirchenpolitik d. Канцлерс Мишель де Лопиталь*, 1877; Шоу, *Мишель де Лопиталь и его политика*.

[151] Ла-Плейс, 37.

[152] Кастельно, книга I, глава xi; C. S. P. Ven., № 174, 1560; Рейнальдус, XXXIV, 66, col. 2; Д’Обинье, I, 274, п. 3; Ла Планш, 305; Ла Плейс, 468, приводит текст. Однако указ был опубликован только 17 июля (К. 1494, фолио 6).

[153] C. S. P. Ven., № 193, 30 августа 1560 г. Термин “временный” технически применялся к решению суверена, с одобрения или без одобрения сейма или сословий страны. Таким эдиктом

религиозные дела регулировались временно, до окончательного урегулирования генеральным советом церкви. Практика впервые получила распространение в Германии, где Карл V издал такой указ в пользу лютеран в 1548 году. См. *Rev. hist.*, XIV, 76, 77. "In modo che, restando ciascuno d'allora in dietro assicurato dalla paura che avea per innanzi, di poter esser inquisito, questo si può dir che fosse uno tacito interim."—*Rel. vén.*, I, 414.

[154] "La reyne mère du roy, monstrant une bonne affection à l'admiral, le pria de la conseiller et l'advertir par lettres, souvent, de tous les moyens qu'il sçauvoit et pourroit apprendre d'appaiser les troubles et séditions du royaume."—Castelnau, Book I, chap. xi. Те члены Совета, которые не пожелали согласиться с такими изменениями, сами удалились. Маршалы Бриссак и Сент-Андре так и поступили, причем один сослался в качестве оправдания на плохое состояние здоровья, другой - на ненависть к королю Наварры (*Отн. vén.*, I, 549).

[155] Кагельно, книга I, глава xi; *Отн. vén.*, I, 415 и п. 2.

[156] Давила, I, 295; *Отн. vén.*, I, 413. "В сельских районах Нормандии по неизвестным причинам "лютеранство" распространилось настолько, что одному району этой провинции было дано название "Маленькая Германия". — Хаузер, американский историк. Преподобный, январь 1899 г., 225.

[157] Тосканский посол еще в апреле 1560 года уведомил свое правительство о вероятности этой вражды (*Her. dip. de la France avec la Toscane*, III, 415-17 *Rev. hist.*, XIV, 74).

[158] Нантей, недалеко от Ла-Фер (Эна).

[159] Ла-Плейс, 38.

[160] *C. S. P. For.*, № 232, 24 июня 1560 г.; Д'Обинье, I, 276; *Воспоминания де Конде*, I, 151.

[161] Ла-Плас, 41; Д'Обинье, I, 277.

[162] Ла-Плейс, 41.

[163] *C. S. P. Ven.*, № 149, 1560.

[164] *Отн. vén.*, II, 139; *Her. Тоск.*, III, 417. Ла Планш, 217, приводит образец пасквилья.

[165] *C. S. P. Ven.*, № 151.

[166] Там же., За., № 992, 12 апреля 1560 г. Однажды полиция Парижа, преследуя убийцу, рискнула проникнуть в дом, в который, как они думали, сбежал преступник, где они нашли и арестовали человека, который напечатал и расклеил на стенах Парижа плакаты против семьи Гизов и кардинала (там же., *Vén.*, № 178, 1560; *Her. Тоск.*, III, 417, 418). Печатник-нарушитель был повешен, а затем четвертован (*C. S. P. Ven.*, № 186, июль 1560 г.).

[167] *C. S. P. Ven.*, № 174; там же., *Для.*, № 232, июнь 1560 г.; № 234, 24 июня 1560 г.; La Planche, 261. Франциск II в ходе этого расследования останавливался в Майбуа, доме Д'О, капитана шотландской гвардии, на окраине Нормандии (*C. S. P. For.*, № 233, 24 июня 1560 г.).

[168] Д'Андело и Колиньи отказались воевать с шотландскими кальвинистами (*C. S. P. For.*, № 168, 7 июня 1560 г.).

[169] “Rapport indiquant les preparatifs faits pour l’entreprise sur l’Ecosse, à Rouen, au Hâvre et à Dieppe,” K. 1,495, No. 2, 11 juillet 1560.

“Отправление в Шотландию ускоряется. Ежедневно прибывают солдаты из Дьеппа и Нью-Хейвена. В Кодебеке, Арфлере и Нью—Хейвене имеются чрезвычайно большие запасы провизии и боеприпасов, которых хватит на 25 000 человек в течение шести месяцев”. -C. S. P. For., № 233, 24 июня 1560 г.

[170] Письмо Мундта Сесилу из Страсбурга, *там же.*, № 52, 7 мая 1560г.

[171] Грешему Сесилу, *там же.*, № 617, 22 января 1560 г.: “Французский король привел в Германию по меньшей мере 20 000 лакеев, и он взял в Лионе под проценты столько денег, сколько смог достать”.

Письмо графа Мансфельдта королеве, *там же.*, № 33, 5 мая 1560 г.: “Французы продолжают набирать войска и закупать лошадей и амуницию. Возможно, эти приготовления предпринимаются против повстанцев Франции, но сомнительно, под предлогом вторжения в Шотландию”.

После заговора в Амбуазе герцог Феррарский послал 1000 аркебузирова, а папа римский - 4000 итальянцев (*там же.*, № 952, 6 апреля 1560 г.).

[172] C. S. P. Eng., № 931. Умный итальянец в данном случае обладал большей проницательностью, чем Сесил, который считал, что французы скорее “уступят в какой-то части, чем потеряют свои внешние достоинства из-за внутренних раздоров”. Сесил Елизавете, 21 июня 1560 г.; *там же.*, 1560-61, № 152, н. э.; Кит, 414; Райт, I, 30.

[173] Смотрите письмо кардинала Лотарингии и герцога де Гиза, Приложение I.

[174] C. S. P. For., № 255, 30 июня 1560 г. Эта новость скрывалась от Марии Стюарт в течение десяти дней.

[175] *Précis d’articles arrêtées conclus entre le commissionaire d’Angleterre et de la France: Affaires d’Ecosse* (summary), K. 1493, No. 59, 6 juillet 1560.

Монлюк, епископ Валанса, епископ Амьена, а также г-жи де ла Броз, д’Ойзель и Рандау были французскими послами, принявшими условия, предложенные Сесилем. Их поручение было выдано Шенонсо 2 мая 1560 года. Монлюк и Рандау подписали документ, аннотация которого находится в C. S. P. For., № 281, 6 июля 1560 г. Кастельно, книга II, парни, i-vi, рассказывает об англо-шотландской войне. Смотрите мемуары Монлюка о его миссии в Paulin Paris, *Négociations*, etc., 392; и Шиклепа, *Hist. de France dans les archives privées de la Grande Bretagne*, 6. Договор можно найти в Rymer, XV, 593; Keith, I, 291; Лесли, *История Шотландии* (1828), 291.

[176] “Поздний мир был навязан французам скорее по необходимости, вызванной их внутренними разногласиями, чем из—за их стремления к согласию”. -Мундт Сесилу из Страсбурга, 13 августа 1560 г., C. S. P. For., № 416.

[177] Шантонне Филиппу II, 27 июня 1560 г., K. 1493, 68с..

[178] *Нер. Тоск.*, III, 419, 420, май 1560 г. Бираг, королевский наместник в Салуццо, герцогу Анжуйскому, 1 марта 1560 г., Собрание Монтиньи, № 298.

[179] C. S. P. For., № 386, 3 августа 1560 г. Трокмортону сказали, что “все в этой стране (Пикардии), кажется, удивительно склонны к новой религии”.—Там же., № 405, 7 августа 1560 г.

[180] Там же., № 416, 13 августа 1560 г.

[181] Там же., Преп., № 188, 30 июля 1560 г.

[182] Там же., За., № 416, 13 августа 1560 г.

[183] Там же., № 494, 7 сентября 1560 г.

[184] Памфлет, выпущенный в виде петиции и адресованный королю Наваррскому и принцам крови, изобиловал оскорблениями в их адрес.—Кастельно, книга II, глава vii; C. S. P. For., № 168, 7 июня 1560 г.

[185] C. S. P. Ven., № 188, 30 июля 1560г.

[186] Видам - барон, владеющий епископом. Видам Шартрский был двоюродным братом-немцем Малиньи, подозреваемым в заговоре в Амбуазе. У видама не было детей, Малиньи и его брат были его единственными наследниками. Граф де Бастард написал о нем биографию, *Жизнь Жана де Ферьера, видам де Шартр*, Осер, 1885.

[187] C. S. P. Ven., № 193, 30 августа 1560г.

Принц Конде этим летом отправился в Гиенну, чтобы повидаться со своим братом, королем Наварры, в Бордо, где он протестовал против католической политики Антуана (La Planche, 276; La Place, 35). Братья встретились 25 июня (Рошамбо, *Письма Антуана де Бурбона и Жанны д'Альбре*, 202). В своем путешествии он выступал против узурпации власти Гизов и был услышан дворянами юга, которые убеждали его и его брата занять то место, на которое давал им право их ранг. Гизы были проинформированы об этом путешествии принца маршалом Сент-Андре, который, под предлогом посещения своих братьев, следил за Конде (La Planche, 314, 315; La Place, 53). Раскрытие заговора произошло благодаря подозрительной бдительности герцога де Гиза, который заметил баскского дворянина, появившегося в Париже как чужестранец, занятый важным делом, и предположил, что он был послан королем Наварры. Было замечено, что он совещался с видамом из Шартра, и вот, “когда он возвращался ... в ... Герцог Наваррский де Гиз арестовал его и его чемоданы с (его) письмами и письменными принадлежностями в Этампе. В саквояже было найдено множество писем, которые, как говорят, были адресованы как королю Наварры, так и его брату, принцу Конде. Среди них были письма коннетабля и его сына Монморанси, хотя это были всего лишь официальные письма; но важными были те, которые видам написал принцу, частью зашифрованными, частью без них”. —C. S. P. Ven., № 193, 30 августа 1560 г. Ср. Ла Планш, 355-58; Де Ты, III, 357; *Объединения родственников по ранью Франсуа II*, 367; Де Крю, 277, 278. Видам Шартрский был арестован 29 августа 1560 года маршалом-провостом и лейтенантом-уголовником в его квартире в Париже и пронесен по улицам на муле “при большом стечении вооруженных людей к Бастилии”. —C. S. P. For., № 483, 3 сентября 1560 г. Кастельно, книга II, глава vii, говорит, что в письмах обещалась помощь принцу Конде в борьбе против всех лиц, за исключением короля и королевской семьи. Венецианский посол говорит, что в них было достаточно “ясно свидетельствующего о том, что в течение многих месяцев существовала интрига”. —Там же., Ven., № 193, 30 августа 1560 г. С другой стороны, Трокмортон утверждает, что “содержание письма, отправленного видамом

королю Наварры, написано так мудро, что считается, что ему ничего нельзя предъявить в вину”. —*Там же., For.*, № 502, 8 сентября 1560 г. Он был допрошен архиепископом Вьеннским и президентом Де Тоу. После своего ареста видаме сказал, что “он был рад этому, потому что теперь король узнает о его невиновности”. —*Там же.*, № 502; *La Place*, 70.

[188] Эдинбургский мирный договор между Шотландией и Англией был подписан 6 июля 1560 года (*C. S. P. Scot.*, IV, 42).

28 июля 1560 г. Франциск II в письме епископу Лиможскому говорит, что нет необходимости делать больше, чем информировать короля Испании о заключении мира с Шотландией, что даст ему свободное время заняться внутренними делами королевства и поблагодарить его за добрые услуги (*Teulet*, I, 606); ср. *C. S. P. For.*, 28 июля 1560 г., 194 н.

[189] *C. S. P. For.*, № 345, 19 июля 1560 г.

[190] Кастельно, книга II, глава vii; *C. S. P. For.*, № 416, 13 августа 1560 г., из Страсбурга.

[191] *C. S. P. For.*, № 502, 8 сентября 1560 г.

[192] *Там же.*, № 354, 19 июля 1560 г.

[193] *Там же.*, № 317, 8 июля 1560 г.; *Нег. Тоск.*, III, 421-23, июнь 1560 г.

[194] На ассамблее в Фонтенбло король предложил для обсуждения четыре пункта: (1) религия; (2) правосудие; (3) долги короны; (4) средства освобождения народа (*нег. Тоск.*, III, 424, 25 августа 1560 г.). *C. S. P. For.*, № 442, 20 августа 1560 г.; *La Place*, 53; *La Planche*, 351; *Castelnau*, Книга II, глава viii, назовите имена присутствующих. Петиции напечатаны в *Воспоминаниях де Конде*, II, 645. Пико, *Привет. В "Летах генерала"*, II, 14, ошибочно указана дата 23 августа.

[195] *C. S. P. Ven.*, № 195, 30 августа 1560 г.; Кастельно, книга II, глава viii, дает краткое содержание речи в третьем лице. Ср. *Ла-Плейс*, 54, 55.

[196] Кастельно, *местное название*

[197] “Многословие”. — Де Ты, книга XXV, 525. It is printed in *Œuvres complètes de L'Hôpital*, ed. Дафи, I, 335.

[198] “Они могли видеть, что все государства обеспокоены и коррумпированы, религия, правосудие и знать недовольны, народ обнищал и сильно охладел к рвению и доброй воле, которые они привыкли проявлять по отношению к своему принцу и его министрам”. — *C. S. P. For.*, № 442.

[199] *Ла Планш*, 352; Кастельно, Книга II, глава. viii; заявление о долге, данное *Ла Планшем*, полностью согласуется с *C. S. P. For.*, 442.

[200] Кастельно, *лок. cit.*; *Ла Планш*, 352.

[201] См. Рейно, *Жан де Монлюк, эвек де Валанс*, 1893.

[202] “Les derniers et plus jeunes conseillers opinent les premiers, afin que la liberté des avis ne soit diminuée ou retranchée par l'autorité des princes ou premiers conseillers et seigneurs.” — *Castelnau*, Book II, chap. viii. Он произнес типично епископальную, чтобы не сказать елейную,

речь. Ср. La Place, 54; La Planche, 352; напечатано в *Воспоминаниях Конде*, I, 555; La Popelinière, I, 192.

[203] Ла Планш, 352-61; Ла Плас, 53-65.

[204] Реформа распределения пособий была одним из важных обсуждений Тридентского собора (Багено де ла Пучесс, “Консилиум Трента”, *R. Q. H.*, октябрь 1869 г., 339).

[205] *Нер. Тоск.*, III, 424, 29 августа 1560 г.

[206] Кастельно, Книга II, глава viii; Ла Планш, 361.

[207] *C. S. P. For.*, No. 193, August 30, 1560; Paris, *Négociations relatives au règne de François II*, 481; *Correspondance de Catherine de Médicis*, I, 149, n.; La Place, 68; La Planche, 363. “Правительство, похоже, намерено не дожидаться заседания генерального совета, решение которого будет запоздалым, а созвать национальный синод, собрав в нем всех епископов и других ведущих и умных церковников королевства, чтобы проконсультироваться и удовлетворить насущные потребности Франции в вопросах религии, которые не допускают отлагательств”. —*C. S. P. Ven.*, № 142, 1560.

[208] Ла-Плейс, 70.

[209] В Туре еще в апреле 1560 года было опубликовано письмо ко всем губернаторам и министерским чиновникам городов и провинций королевства о реформировании церкви посредством конгрегации прелатов галликанской церкви, которое должно быть собрано на национальный совет (*C. S. P. Ven.*, № 151, 1560).

[210] Ультракатолическая партия в Тренте обвинила кардинала в желании создать независимый патриархат из галликанской церкви. Дежарден. *Nég. de la France dans le Levant*, II, 728.

На самом деле, в то время кардинал был склонен одобрить проект национального совета, поскольку надеялся таким образом увеличить власть и достоинство своего поста примаса Франции. Его честолюбивым намерением было стать кем—то вроде французского папы, чтобы “он не считал неправильным, если бы всякое повиновение понтифику прекратилось”. -*Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 23 сентября 1560г.

[211] Maynier, *Etude historique sur le concile de Trente (1545-62)*, 1874; *Journal du concile de Trente, redigé par un secrétaire vénitien présent aux sessions de 1562 à 1563, et publié par Armand Baschet, avec d'autres documents diplomatiques relatifs à la mission des Ambassadeurs de France au concile*; Desjardins, *Le pouvoir civil au concile de Trente*, Paris, 1869; Baguenault de la Puchesse, “Le concile de Trente,” *R. Q. H.*, October, 1869.

[212] *C. S. P. Ven.*, № 161, 1560.

[213] *Там же., Для.*, № 232, 24 июня 1560 г. Когда папа выразил гнев по поводу решимости Франции, кардинал Лотарингии фактически извинился за себя, сказав, что это было сделано не по его приказу и не с его согласия, но что печатники взяли на себя смелость присвоить название Национального совета “Конгрегации”, которую намеревался созвать король! (*там же.*, № 174, 1560).

[214] *Там же.*, № 569, 8 сентября 1560 г.

[215] Там же., № 615, 8 октября 1560 г. Требования протестантов были следующими: (1) чтобы Собор был созван в вольном городе Германии; (2) чтобы созыв был не папской буллой, а императором, который должен обеспечить им безопасность.; (3) чтобы Папа был подчинен Собору; (4) чтобы представители Аугсбургского исповедания имели право голоса наравне с католиками; (5) чтобы решение было вынесено в соответствии со Священным Писанием, а не в соответствии с указами Папы Римского; (6) чтобы прелаты Собора были освобождены от клятвы, которой они связаны с Папой и Римской церковью; (7) чтобы акты Тридентского собора были аннулированы (ср. *C. S. P. For.*, № 782, раздел 14).

[216] “Для искоренения этих ересей необходим генеральный собор; но ... императору и королям Франции и Испании следует проявлять особую осторожность при решении вопроса о том, что должно быть урегулировано в нем”. — *C. S. P. For.*, № 416, 13 августа 1560 г., из Страсбурга.

[217] Ватикан понимал, что бывший Тридентский собор должен быть *продолжен*; хотя в булле слово "продолжение" не использовалось, как в булле "юбилейный", тем самым демонстрируя уважение императору и французскому королю, которые потребовали созыва нового собора. Но французское правительство, хотя и разрешило это место, не допустило продолжения бывшего Тридентского собора, созванного Павлом III. Ибо, если бы она приняла собор в том виде, в каком он был опубликован буллой, ей пришлось бы принять все статьи, которые были заключены на прежнем соборе. Когда утверждалось, что Филипп II удовлетворен продолжением, Франциск II ответил, что, хотя продолжения может быть достаточно для нужд его владений, это не годится для Франции, тем более что Генрих II Французский вызвал протест в Тренте по поводу недействительности этого собора, поскольку он не был свободным, и его сын не мог хорошо думать о продолжении. (Ответ Франциска II Филиппу II, октябрь 1560 г., находится в Париже, *Ассоциации*, 615-22. Ср. Также блестящие отчеты агента Елизаветы в Венеции Гвидо Джанетти, *К.С. П.*, № 782, 7 декабря 1560 г.; № 815, 21 декабря 1560 г.; и депеша Трокмортонна королеве от 31 декабря 1560 г., содержащая отчет о беседе с королем Наварры, № 832, § 7.) В ответе, направленном Филиппу в октябре 1560 года, французский король заявил, что по совету своего совета он принял решение созвать собрание своих прелатов, от которого апостольскому престолу нечего опасаться, поскольку оно предназначено только для обеспечения необходимых средств правовой защиты, и что это будет не помехой, а скорее подспорьем Генеральному совету, поскольку, когда дело дойдет до открытия, французские прелаты будут уже собраны и “хорошо информированы как о зле, так и о средстве”, и что, когда Совет в Тренте должен был начаться, он поставил бы точку в этом вопросе. конец малому собранию. Что касается места проведения собора, то французы сначала предпочли провести его в одном из рейнских городов между Констанцей и Кельном или в Безансоне в Бургундии, который принадлежал Филиппу II; позже, в ответе дону Антонио и в своих письмах в Рим, Франциск II согласился принять любое место, которое выберут император и папа.

Новой сессии Тридентского собора должен был предшествовать общий юбилей, дающий исповедникам право отпускать все грехи, *даже те, что связаны с чтением запрещенных книг*. Булла горячо призывала к искоренению ереси. Впервые этот юбилей был отмечен в Риме в воскресенье, 24 ноября 1560 г., процессией, во главе которой шел Папа Римский (*C. S. P. For.*, № 782, §§ 15, 16).

[218] La Place, 114; *C. S. P. For.*, № 630, 12 октября 1560 г., из Венеции.

[219] Гашар, *Переписка Филиппа II*, I, 191, Гранвелла с Антонио Пересом из Брюсселя, 9 августа 1560г.

[220] Paris, *Négociations*, etc., 615-22; *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VI, 137, 149. Дон Антонио прибыл ко французскому двору 23 сентября и отбыл четыре дня спустя (С. S. P. For., 619, 10 октября 1560 г.). Филипп II исходил из того, что любая дискуссия, направленная на реформирование религии, не только поставит под угрозу веру, но и нанесет ущерб его политике в Испании и Нидерландах; поскольку, если Франция что-либо изменит, он опасался, что это вызовет всеобщий раскол (там же., № 619, 10 октября 1560 г.). Рост реформации в одной только Испании был уже достаточно велик, чтобы встревожить его. Ранней осенью 1559 года Миранда, архиепископ Толедский, архиепископ Севильский и двенадцать “самых известных и образованных религиозных мужей” Испании были арестованы за ересь (там же., № 133, 25 октября 1559 г.), и в это время инквизиторы только что наложили руки на брата адмирала Испании (там же., № 619, 10 октября 1560 г.). Обо всем этом см. Вайса, *Испанские реформаторы*, и Виффена, *Жизнь и труды Хуана де Вальдеса*, 1865. Монлюк обвинил Жанну д'Альбре в том, что она печатала кальвинистские катехизисы и Новый Завет на испанском, баскском и беарнском языках и тайно распространяла их в Испании с помощью корреспондентов (La Ferrière, *Блез де Монлюк*, 61).

[221] Париж, *Общественные организации*, 495; Форнерон, *История Филиппа II*, I, 225. Венецианский посол узнал эту новость менее чем за месяц (С. S. P. Ven., № 199, 28 сентября 1560 г.).

[222] Это важное предложение было ответом Филиппа на письмо Франциска II от 31 августа и было сделано Л'Обеспину, послу Франции в Испании, 13 сентября 1560 г., как следует из протокола испанской канцелярии в К. 1493, № 84. После отъезда дон Антонио Екатерина написала письмо Филиппу II, поблагодарив его за предложение (*Переписка Екатерины Медицинской*, I, 149).

Венецианский посол отличается конкретностью и говорит, что он предложил предоставить 3500 солдат во Фландрии в распоряжение Франции, разместить 2000 пехотинцев близ Нарбонны и еще 4000 близ Байонны, помимо “большого отряда испанской кавалерии”. —С. S. P. Ven., № 199, 28 сентября 1560 г. Цифры Трокмортон - 3000 испанцев из Нидерландов; 500 латников и 2000 пехотинцев, которые должны были въехать через Нарбонну; и 3000 через Наварру с 500 лошадьми этой страны (там же., *Для.*, № 619, § 13, 10 октября 1560 г.).

[223] С. S. P. Eng., № 620, 10 октября 1560г.

[224] *Ibid.*, *Для.*, № 411, 9 августа 1560г.

[225] Там же., № 502, 8 сентября 1560 г.; Шантонне Филиппа II, та же дата, К. 1493, № 83.

[226] Там же., № 619, §§ 13, 15, 10 октября 1560 г. Жандармерия назначена для пребывания в различных странах в соответствии с указом. Ему сообщили, что между ним (королем Франции) и королем Испании существует соглашение. 16-го числа из Парижа отбыли десять повозок с боеприпасами и артиллерией, но куда их доставить и как использовать, он не может узнать (С. S. P. For., № 655, 22 октября 1560 г.). 30-го числа Дюбуа прошел мимо, приведя с собой из мест и фортов Пикардии 1000 пехотинцев, которые прошли маршем между этим городом и Руаном в направлении Анжу; но куда они направятся, известно только ему самому и герцогу де Гизу. Они

крепко держатся вместе, как будто находятся во вражеской стране. За ними следуют еще 500 (*там же.*, № 692, 31 октября 1360 г.). Посол Тосканы замечает стремление Парижа пожертвовать кровью и сокровищами (*Нег. Тоск.*, III, 436).

[227] “Из Страсбурга: частые переговоры между французским королем и немецкими принцами. Рейнграф отбыл в Гессен ... с графом Джоном Зальмским, который также является французским пенсионером; где, с разрешения ландграфа и при сокрытии саксонского герцога Веймарского, они набрали 2000 кавалеристов для отправки во Францию, которые они частично собрали на территориях аббата Фульды на границах Гессена. Префект Рейнского округа граф Зальм, узнав об этой подготовке кавалерии, собрал своих капитанов в Вормсе, где было решено, что им не будет разрешено перебрасывать свою кавалерию во Францию. Ибо в Имперском сейме было дано предупреждение, что никакие собрания или путешествия солдат не будут разрешены без специального разрешения императора; ибо, куда бы они ни направлялись, они наносили большой ущерб жителям”. — *Там же.*, № 736, 26 ноября 1560 г.

[228] Об организации Парижа в это время см. *Livre des marchands*, 423, 440-43.

[229] *C. S. P. For.*, № 665, 22 октября 1560 г. Венецианский посол говорит, что 400 000 франков — вдвое больше суммы, названной Трокмортонем (*C. S. P. Ven.*, 220, 15 октября 1560 г.).

[230] *Там же.*, № 726, 18 ноября 1560 г.

[231] *Там же.*, № 619, 10 октября 1560 г.

[232] “Имущество дайверов-протестантов было конфисковано, и дайверов отправили ночью и по воде в мешках искать небеса”. — *Там же.*, № 726, 18 ноября 1560 г. Ср. Ла Планш, 226, 227, 233.

[233] Д'Обинье, Книга II, глава xx; *Нег. Тоск.*, III, 424; подробнее см. *La Planche*, 366-73.

[234] *C. S. P. Ven.*, № 200, 15 октября 1560 г.

[235] 18 октября (Ла Планш, 378).

[236] “Очень хорошо вооружен и насчитывает более 300 человек в каждой роте и несколько пушек”. — *C. S. P. For.*, № 665, 25 октября 1560 г.

Жители Орлеана были полностью разоружены, вплоть до ножей, указом, который требовал, чтобы все оружие было сдано в Отель-де-Виль (*Депеши Суриано* [Общество гугенотов], 1 ноября 1560 г.).

[237] Париж, *Объединения* др., 486. Кастельно, Книга II, глава x, говорит, что изменение было внесено из-за того, что гугенотов было много в окрестностях Мо (но таких же было и в окрестностях Орлеана), и из-за опасения, что из-за того, что это место было известно так давно, может возникнуть еще один заговор. Ходили слухи, что гугеноты планировали нанести ему неожиданный удар. Я полагаю, что настоящей причиной тому является более центральное расположение Орлеана.

[238] “По прибытии со своими братьями, кардиналом Бурбонским и принцем Конде, принц предстал перед Советом, который передал его в плен г-ну де Бресси и Шовере, двум капитанам, с 200 лучниками. Король Наваррский остается на свободе, но является как бы узником”. — *C. S.*

P. For., № 716, § 18, 17 ноября 1560 г.; Ла-Плас, 73; Кастельно, книга II, глава х; *Нер. Тоск.*, III, 425. Ла Планш, 381, описывает способ своего заключения.

[239] Ла Планш, 380; *C. S. P. For.*, № 725, 18 ноября 1560 г.; *Урожд. Тоска.*, III, 425, 426.

[240] “Qu’il avoit faict et faisoit plusieurs entreprises contre luy (le roi) et l’estat de bon royaume.”— Ла Планш, 380; *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 10 ноября 1560г.

[241] Ла-Плас, 38; Ла-Планш, 378; Кастельно, Книга II, глава х; *Рел. vén.*, I, 557; Брантом, III, 278.

[242] Однако за ним так тщательно следили, что он был практически пленником — “*tanquam captivus*”, - говорит Трокмортон лорду Роберту Дадли (*C. S. P. For.*, № 721, 1560). К Дамвилю тоже относились с подозрением.

[243] *Там же.*, № 716, § 18, 17 ноября 1560 г.

[244] Кастельно, Книга II, глава. ix; Ла Планш, 318-38, приводит текст одного из них, который важен, потому что это почти полностью *политическое* обвинение Гизов; почти ничего не говорится о религии, что является убедительным доказательством того, что партия гугенотов была гораздо более политической, чем религиозной.

[245] Ла Планш, 375, 376.

[246] *Там же.*, 318.

[247] “Qu’il seroit meilleur pour elle d’entretenir les choses en l’estat qu’elles estoyent, sans rien innover.”—*Там же.*, 313.

[248] *Там же.*, 316, 317.

[249] Башет, *дипломатическая организация Венеции*, 499.

[250] *Отн. vén.*, II, 65.

[251] Чем больше думаешь об аресте принца Конде, тем более очевидным кажется, что его вдохновила Екатерина Медичи. Венецианский посол полагал, что Екатерина стояла за его арестом; см. Baschet, 500, 501.

[252] “, - говорит епископ Валанса ... что собрание в Фонтенбло превратится в генеральную ассамблею трех сословий Франции”. — *C. S. P. For.*, № 445, 22 августа 1560 г.

[253] Ла Планш, 218.

[254] Посмотрите резкое сравнение дома Гизов с домом Монморанси: “Древняя история премьер—министра крестьяна и премьер-министра королевской семьи крестьян”.-*Livre des marchands*, 428-30.

[255] “Messieurs de Guyse vouloyent venir aux armes pour effacer ceste poursuite des estats et réformation de l’église la poursuite que nous avons si justement commencée de leur faire rendre compte de leurs dons excessifs, c’est-à-dire de leurs larcins, et de leur maniement des finances, ou plustost de leurs finesses.”—*Ibid.*, 456.

Петиция сословий Турени, направленная королю в Туре 26 октября 1560 года, является хорошим примером этого народного требования. Статьи отражают состояние времени (С. S.P. За., № 681). В связи с этим подлинным прошением сравните воображаемые “беседы драпье” на воображаемом собрании генеральных штатов, приведенные в *Livre des marchands*, 427-40, сатирическом предтече величайшей политической сатиры шестнадцатого века, *Сатиры Мениппея*.

[256] Ла Планш, 260.

[257] Ср. La Place, 47-49, 110-13; La Planche, 342; и особенно обвинительный акт в *Livre des marchands*, 436-58.

[258] Если быть точным, 43 700 000 ливров (Изамбер, XIV, 63). Часть его принадлежала швейцарским кантонам: “Французский король совещается со швейцарцами об уплате своих долгов и предлагает две трети с четвертью в качестве процентов и выплатить всю сумму в течение трех лет; эти условия они отвергают и желают, чтобы он либо сдержал свои письменные обещания, либо чтобы этот вопрос обсуждался в каком-нибудь назначенном месте в Швейцарии”. —С. S. P. For., № 763, 3 декабря 1560 г., из Страсбурга.

[259] “Поскольку ему было необходимо найти средства для выполнения некоторых из этих обязательств, покойный король отменил некоторые из них и сократил другие; он позволил расквартировать 50 000 пехотинцев в городах королевства и добился сбора денег за счет введения субсидий, настолько значительных, что он счел необходимым в некоторых местах уменьшить количество *тайль*, народ, покинувший графство Нормандия”. —С. S. P. For., № 658, 28 января 1560 г.; ср. La Place, 47; *Livre des marchands*, 447, 448; *Her. Tosc.*, III, 405 и 455.

[260] “Солдаты по необходимости начали грабить”.—С. S. P. For., там же.

[261] Ла-Плейс, 48.

[262] Ла-Плейс, 49.

[263] “Interrogatoire d’un des agents du prince de Condé,” *Arch. cur.*, sér. I, IV, 35. Мадам де Руй, сестра Колиньи и свекровь Людовика Конде, также была схвачена в надежде обнаружить у нее документы, которые могли бы изобличить Конде, адвоката Латтуа и Бушара, канцлера короля Наварры (Кастельно, книга II, глава II). ix; Ла Планш, 381; Фредерик, граф пфальцский Рейнский, Елизавете из Гейдельберга, С. S. P. For., № 721, 17 ноября 1560 г.; № 737, §8, 28 ноября 1560 г.; № 781, 7 декабря 1560 г.; Де Крю, Анна де Монморанси, 282 и далее).

[264] “MM. de Guise avoient assuré le pape et le roi d’Espagne de chasser du royaume les huguenots; desseignent (après le procès du prince de Condé et luy executé) d’envoyer de la gendarmerie et de gens de pied sous la charge des sieurs de Saint André, Termes, Brissac et Sipierre, leurs amis, pour chasser les hérétiques et faire obeyr le roy.”—Tavannes, 257 (1560).

[265] *Воспоминания де Конде*, II, 379; Шантонне Филиппу II, 28 ноября, К. 1493, № 108; *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 22 ноября; Клод Хатон, I, 130, 131.

[266] Это действие было юридической уловкой, поскольку Кастельно, Книга II, глава. xii, “никто из друзей Конде”, достаточно честен, чтобы признать это, ссылаясь на несколько прецедентов в пользу Конде. Ср. La Place, 73-75; La Planche, 400-2; D’Aubigné, I, 294, 295.

[267] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 25 ноября 1560г.

[268] Франциск II всегда отличался хрупким телосложением и в своей страсти к охоте, похоже, переутомился. “Строение его тела таково, что врачи говорят, что он не может прожить долго, и поэтому к этому слишком своевременному и чрезмерному упражнению в юности добавился злополучный несчастный случай”. — Трокмортон Елизавете, К. С. П. За., № 738, 28 ноября 1560 г.; Шантонне Филиппу II, то же число, К. 1493, № 108. Он заболел около 20 ноября, по-видимому, катаром (Суриано, 20, 25 ноября), сопровождавшимся головной болью и отдачей в ухо, от которого он скончался в ночь на 5 декабря в одиннадцатом часу, хотя врачи 1 декабря “не усматривали никакой опасности для его жизни” (С. S. P. For., № 758). Трокмортон в другом месте называет болезнь короля “обманом в голове”. — Там же., № 771, 6 декабря 1560 г.; ср. Ла Планш, 413, 418; Д'Обинье, I, 299. Весьма вероятно, что заболеванием был *мастоидит* - поражение сосцевидной кости задней части уха, вызванное хроническим катаром, который в конечном итоге затронул головной мозг. Suriano says: “Il corpo del morto Re è stato aperto et hanno trovato guasto tutto il cervello, in modo che per diligentia delli medici non si haveria potuto risanarlo” (December 8, 1560.)

[269] Д'Обинье, I, 300 и п. 2. Видаме Шартрский, который был заключен в Бастилию, “хотя ему и разрешили выходить на воздух” (С. S. P. For., № 764, 3 декабря 1560 г.), также был освобожден, но умер почти сразу (La Place, 78-79, произносит надгробную речь в его честь). See Lemoisne, “François de Vendôme, vidame de Chartes,” *Positions de thèses de l'Ecole des Chartes*, 1901, 89. Его смерть обогатила дом Монморанси, поскольку он оставил графство Милли-ан-Гатинуа стоимостью 3000 крон в год Дамвилю, второму сыну констебля (С. S. P. For., № 832, §10, 31 декабря 1560 г.). Завещание напечатано на *конверте. de l'éc. d. Chartes*, 1849, 342; датировано 23 декабря.

[270] *Отн. vél.*, I, 543. О ситуации после смерти Франциска II см. Вейль, глава ii.

[271] С. S. P. For., № 764, 3 декабря 1560 г., Эдвардс Сесилию из Руана.

[272] “Lettres-patentes du roi Charles IX; pardon-général au sujet des affaires de religion.” Испанский посол был вызван ко двору, чтобы он мог написать Филиппу II, чтобы тот был готов предложить помощь в случае необходимости.—*Депеши Суриано* [Общество гугенотов], 3 декабря 1560 г.; К. 1493, № 113, 3 декабря 1560 г. Переписка Шантонне показывает, что испанский король был полностью информирован о ходе событий во Франции, что подтверждается Трокмортоном. “Король Испании отдал приказ задержать в Нидерландах пять тысяч испанцев, которые должны были отправиться на Сицилию ... сообщения между королями Франции и Испании идут быстро и часто”. —С. S. P. For., № 737, 28 ноября 1560 г.

[273] Ла-Плас, 76; Клод Хатон, I, 116.

[274] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 3 декабря 1560г.

[275] С. S. P. For., № 773, 6 декабря 1560 г. “Они не только уже собрали в этом городе хорошие силы благодаря своей преданности, но и послали за большим количеством латников, чтобы те были здесь со всем усердием ... так что, если они не могут получить это хорошими средствами, они не видят для себя никакой другой гарантии, кроме как получить это такими средствами, которые они могут наилучшим образом придумать ... если силы и партия Гиза окажутся лучшими, они не преминут предать их всех и будут отстаивать это, чего бы им это ни стоило”. —

C. S. P. For., № 771, 6 декабря 1560 г. Екатерина Медичи терпеть не могла Марию Стюарт. Она называла ее “notre petite reinette écossaise”.

[276] Клод Хатон, I, 118, 119. Гизы хотели, прежде всего, предотвратить *безраздельное* регентство Екатерины Медичи и даже ссылались на салический закон как на препятствие для такого результата (Шантонне Филиппу II, 28 декабря 1560 г.; К. 1494, № 12). Они одобряли регентство гибкого Антуана Бурбонского или комбинацию короля Наваррского и королевь-матери. В любом случае трон должна была окружать целая плеяда Гизов, то есть кардиналы Турнона и Лотарингии, герцог де Гиз, канцлер и два маршала Бриссак и Сент-Андре; ср. *Heg. Tosc.*, III, 434, и Де Крю, *Анна де Монморанси*, 288-90, хорошее краткое изложение.

[277] Екатерина немедленно отправила съера де Лансака к констеблю в Этамп (ср. Д'Обинье, I, 299 и п. 2), который, в свою очередь, отправился посоветоваться со своим сыном Дамвилем в Шантийи, где его удерживала болезнь его жены, а те двое, в свою очередь, совещались с принцессой де Лансак. Конде (Ла Плас, 76).

[278] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 18 декабря 1560г.

[279] Насколько Антуан поддался искушению, показывает следующий отчет о беседе Трокмортон с королем Наварры: “Трокмортон сказал, что существовал слух, что испанцы получили проход через Байонну и другие форты французского короля. Король Наварры сказал, что это правда, и что он собирается проверить письма, которые пока опровергнуты”. — C. S. P. For., № 732, 31 декабря 1560 г., § 7.

О Сардинии см. *Отн.*, I, 555. Ему предлагалась даже перспектива стать императором (*там же.*, I, 559; II, 76).

[280] “Хотя герцог де Гиз популярен, прежде всего среди знати, все так ненавидят кардинала Лотарингского, что, если бы дело зависело от всеобщего избирательного права, он не только не смог бы участвовать в правительстве, но, возможно, и во всем мире!” Цинично сообщается, что его высокопреосвященство и светлость приняли меры предосторожности, чтобы заблаговременно отправить свои любимые и драгоценные пожитки в Лотарингию”. — C. S. P. Ven., № 221, 16 декабря 1560 г.

[281] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 18 декабря 1560 г.; *Рел. vén.*, I, 433. “Я обнаружил, что двор очень сильно изменился ... ни один из дома Гизов”. — C. S. P. For., № 832, 31 декабря 1560 г.

[282] Клод Хатон, I, 11.

[283] Закон Франции, принятый указом Карла V, на протяжении поколений предусматривал, что совершеннолетие короля достигается в возрасте четырнадцати лет; но дяди короля утверждали, что смысл закона заключается в том, что совершеннолетие короля достигается не *до конца* его четырнадцатилетия, то есть в день его *пятнадцатилетия*, который в случае Карла IX наступит не ранее 27 июня 1564 года. Этот остроумный аргумент был поддержан различными авторами, субсидируемыми Гизами, которые пошли дальше и также отвергли регентство королевь-матери, несмотря на прецеденты Бланш Кастильской и Анны Божеской, на основании салического закона (Шантонне Филиппу II, 28 декабря 1560 г.; К. 1494, № 12).

[284] Д'Обинье, I, 302; *Переписка Екатерины Медицинской*, I, 176; *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 29 марта 1561 г.; *C. S. P. For.*, № 77, § 3, 31 марта, 1560; Ла-Плас, 120, 121; Де Крю, *Анна де Монморанси*, 299.

[285] Ср. Viollet, *Inst. полум. de la France*, II, 95.

[286] Устройство административных офисов в то время сильно отличалось от устройства современного правительства. Вместо единого министра иностранных дел были отдельные секретари для каждой страны- один для Италии, один для Испании, один для Фландрии, один для Германии и т.д., и каждый занимался своими делами. Это устранило еще одну власть в правительстве, именно так, как хотела Екатерина.

[287] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 29 марта 1561 г. “Король молод, а констебль сейчас пользуется большим авторитетом в королевстве.... Но если они восстановят свою власть, следует опасаться, что они прибегнут к еще большим крайностям, чем раньше, и поэтому королева не может не опасаться опасности, грозящей ему в этом случае”. —*C. S. P. For.*, № 1030, 26 февраля 1561 г., § 6.

[288] Смотрите замечательный очерк характера венецианского посла в *отв. vén.*, I, 425-27.

[289] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 8 декабря 1560 г. Об усилиях гизов по контролю над Генеральными штатами 1560 г. см. Weill, 40.

[290] Д'Обинье, I, 304; Париж, *Объединения*, 789.

[291] Ла-Плейс, 85, 87.

[292] Кастельно, Книга III, глава ii. В этой связи представляет интерес следующее наблюдение: “Недавно в Риме произошел спор между кардиналами, и папа услышал о том, что является причиной того, что Франция таким образом восстала против них. Римляне пришли бы к выводу, что причиной был распутный образ жизни французских кардиналов, епископов и духовенства; но французская партия и епископ, который является послом там, говорят, что ничто так не повлияло на Францию, как в последнее время практика в Риме различных представителей дворянства Франции, где они видели такой распутный образ жизни священнослужителей, как возвращение во Францию, они убедили остальных, что духовенство Рима нерелигиозно”. —*C. S. P. For.*, № 822, 28 декабря 1560 г.

[293] Адрес напечатан *in extenso* в “*Трудах о госпитале*”, I, 375 и далее.

[294] Суриано, 20 декабря; Д'Обинье, I, 303, 304; Ла-Плейс, 88, 109. “Сословия собрались 13 декабря, но мало что сделали или вообще ничего не сделали; теперь, когда король мертв, некоторые из них не будут выдвигать того, чему их учили”. —*C. S. P. For.*, № 832, 31 декабря 1560 г.

[295] Ла Планш, 389-96; Д'Обинье, I, 305, 306.

[296] Ср. *C. S. P. Ven.*, № 237, 17 февраля 1561г.

[297] Ла-Плейс, 93.

[298] Там же., 93-109.

[299] Ла-Плас, 109; Ла-Планш, 397; Д'Обинье, I, 307.

[300] Кастельно, Книга III, глава ii.

[301] C. S. P. Ven., № 237, 17 февраля 1561 г. Эта акция практически нарушила папскую буллу от 20 ноября 1560 г. о созыве Собора в Тренте, который был призван предвосхитить и *предотвратить* любые подобные действия, подобные этому в Орлеане (La Planché, 403).

[302] Был также технический аргумент, основанный на том факте, что в булле Собора слова “*сублата приостановления*” были истолкованы как означающие, что папа намеревался продолжить уже начатый Собор и что уже принятые указы должны были оставаться в силе; что оскорбило Францию. Кардинал Лотарингии был тем, кто поднял эти трудности, хотя и пытался создать противоположное впечатление; от него исходило несогласие со словами буллы (C. S. P. Ven., № 229, 7 января 1561 г.; *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 14 января 1561 г.).

[303] C. S. P. Ven., № 237, 23 января 1561 г.; La Place, 124-26, практически перефразирует указы.

[304] *Отн. vén.*, I, 443.

[305] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 17 февраля 1561г.

[306] Кастельно, книга III, глава ii, называет 42 000 000; Трокмортон называет цифры в 43 000 000: C. S. P. For., № 1,032, 26 февраля 1561 г.; ср. № 988, 12 февраля 1561 г.; Суриано, венецианский посол, также называет сумму в восемнадцать миллионов крон (*там же.*, *преп.*, № 237, 17 февраля 1561 г.). Это составило бы приблизительно 75 000 000 долларов.

Долг короля генуэзцам, немцам, миланцам, флорентийцам и Лукке составил 644 287 дукатов (*там же.*, За., № 1432, 5 октября 1560 г.).

[307] Дарест, *История Франции*, III, 456, 457.

[308] Лоренцо Контарини в 1550 году с удовлетворением говорит о ровном балансе финансов; Соранцо в 1556 году говорит об их беспорядке (ср. Ranke, *Französische Geschichte*, Книга VII, глава iv, п. 2).

[309] Указом 1270 года был разрешен заем в размере 100 000 *турских ливров* для крестового похода, кульминацией которого стала катастрофа под Тунисом. Cf. G. Servois, “Emprunts de St. Louis en Palestine et en Afrique,” *Bibliothèque de l’Ecole des Chartes*, sér. IV, IV, 117. Филипп III заимствовал у своих великих вассалов и во фламандских городах (*Ланглуа, История Филиппа ле Харди*, глава v).

[310] Бутарик, *Ла Франс су Филипп ле Бель*, 297.

[311] Преамбула к патенту Франциска I, датированная 2 сентября 1522 г., проясняет этот факт; поскольку в этом документе правительство отчуждает “вспомогательные средства, габеллы и наложения” Парижа, сборы с “большой бойни в Бове”, ставки при продаже вина, как оптом, так и в розницу, и рыбы, в качестве обеспечения выданного кредита. Cf. Vührer, *Histoire de la dette publique en France*, I, 15-26; Lavissee, *Histoire de France*, V, Part I, 241, 242.

[312] Эсмайн, *История французского права*, 631-34.

[313] Вюрер, *История общественной безопасности Франции*, I, 22-25.

[314] Золото ценилось очень дорого, платежи за золотые коронки и пистолеты были выше их стоимости. Все иностранные монеты имели высокий рейтинг: английские “розовые” нобли = 6 франкам 12 су; “ангелы” = 4 франкам 6 су; империалы и филиппы были в обращении по тому же курсу, что и “ангелы” (С. S. P. For., № 1076, 20 февраля 1561 г.). Золотая крона стоила 51 франка *турнуа*; золотой пистолет весом 49 франков (*там же.*, № 886, 17 января 1561 г.). Цены на сырьевые товары также были высокими. Герцог Бедфорд, прибывший в феврале 1561 года в качестве специального посланника Елизаветы, сообщает 26 февраля: “Франция — самая дорогая страна, в которой я когда-либо бывал”. - *Там же.*, № 1031. Ср. Признание Ричарда Суита, английского беглеца во Франции, который был вынужден вернуться домой из-за “тяжелых времен”. “В течение месяца они вернулись из Парижа, частично после смерти французского короля, а частично из—за того, что съестные припасы были там настолько дороги, что они не могли жить”. - *Там же.*, II, № 36, 5 октября 1559 г.

Не пытаясь подробно вдаваться в сложную тему различных видов денег, имевших хождение во Франции в шестнадцатом веке, следует все же кое-что сказать по этому вопросу, чтобы прояснить работу этих и других экономических источников. В шестнадцатом веке, как и в Средние века, стандартом ценности был *турский ливр*, разделенный на су и *денье* (1 ливр = 20 су; 1 су = 12 денье). *Турский ливр* на самом деле был гипотетической монетой и использовался просто как расчетная единица. Французской золотой монетой был *золотой экю*, стоимость которого варьировалась от 1 ливра 16 су до 2 ливров 5 су. В 1561 году это было эквивалентно 2 ливрам в круглых цифрах. *Тестон* был серебряной монетой достоинством в 10 или 11 су, которую англичане иногда называли кроной или франком. Первоначально су изготавливался из смеси серебра и меди, а денье или пенни - из красной меди.

Англичане во время их длительной оккупации Нормандии в пятнадцатом веке и благодаря их торговым связям с Фландрией ввели фунт стерлингов или “эстрелин” (истерлинг) (Du Cange, *Глоссапуи*, s. v. “Esterlingus”; Ruding, *Annals of the Coinage*, I, 7; Le Blanc, *Traité historique des monnaies de France*, 82). Хотя он был гораздо более стабильным, чем другие монеты — за исключением венецианского дуката и флорина, — тем не менее он медленно обесценивался. Елизавета в 1561 году переименовала его в золотой “соверен”. It was worth about 8 *livres tournois* in 1561 (Avenel, “La fortune mobilière dans l’histoire,” *Revue des deux mondes*, July 15, 1892, 784, 785). Французское крестьянство до сих пор в некоторых частях Франции оценивает в терминах древнейчеканки монет. *Пистоль*, по происхождению испанская монета, имевшая хождение во Фландрии и Милане, была запрещена к обращению еще при Людовике XIV. И все же крестьяне Нижней Нормандии на сегодняшних ярмарках крупного рогатого скота оценивают цену своих животных в старинных терминах. Точно так же бретонские крестьяне говорят *орео* (*реальном*), последнем остатке торговых отношений Бретани с Испанией (Эвенел, указ. соч., 783).

Фактическая стоимость этих монет в современном выражении вызывает много споров. М. де Вайи оценил стоимость *турского ливра* в 1561 году в 3 франка 78 сантимов. Виконт д’Авенель считает эти цифры слишком высокими и принял 3 франка 11 сантимов за среднее значение за период с 1561 по 1572 год. М. Лавассер предпочитает круглое число в 3 франка. Исходя из последней оценки, одно су было бы эквивалентно 15 сантимам, а 1 денье - 1,2 сантимам в пересчете на современные французские деньги. Но эти цифры ничего не значат до тех пор, пока не будет установлена покупательная способность денег на данный момент. В данном конкретном случае оценки варьировались от 3 до 12 и даже до 17 и 20. М. Леммонье склоняется к соотношению 5 для середины шестнадцатого века. Превосходно ясный и краткий отчет о

ценности французских денег в шестнадцатом веке см. в "Лависсе", *"Истории Франции"*, Том ii. V, часть I, стр. 266-69. Ссылки большего размера можно найти в библиографии, прилагаемой к главе.

Но каким бы ни было соотношение, снижение покупательной способности денег было значительным. Между 1492 и 1544 годами Европа импортировала золота и серебра на сумму 279 миллионов (во франках). За один только 1545 год, когда были открыты знаменитые рудники Потоси, в Европу было ввезено товаров на сумму 492 000 000 франков. По оценкам, покупательная способность денег упала на четверть в период с 1520 по 1540 год и наполовину к 1600 году. После заключения Като-Камбрезийского мира, когда между Францией и Испанией были восстановлены мирные отношения, Франция особенно остро ощутила тревожное воздействие новых условий. Согласно виконту д'Авенелю (указ. соч.), с 1541-61 гг. *турский ливр* оценивался в 3 франка 34 сантимов; с 1561-72 гг. в 3 франка 11 сантимов; с 1575-79 гг. в 2 франка 88 сантимов. "Un capital de 1,000 livres qui valait 22,000 francs en 1200, n'en valait plus intrinsèquement que 16,000 en 1300; 7,530 en 1400; 6,460 en 1500, et était tombé en 1600 à 2,570 francs."—*Revue des deux mondes*, July 15, 1892, 800.

Удивительно, что в хрониках и других источниках того периода не встречается большего количества жалоб на "тяжелые времена". Конечно, нищета не достигала своей наивысшей стадии до времен Лиги, когда разница между ценами на продукты питания и дневной зарплатой была возмутительной. Например, с 1500 года заработная плата рабочего увеличилась всего на 30%, тогда как цена на зерно возросла на 400%. При восшествии на престол Людовика XII пшеница стоила четыре франка за гектолитр, и крестьянин зарабатывал шестнадцать сантимов в день; при восшествии на престол Генриха IV (в 1590 году) пшеница продавалась по двадцать франков за гектолитр, а дневная заработная плата крестьянина составляла всего семьдесят восемь сантимов (Авенель, "Французский пувуар", *Revue des deux mondes*, 15 апреля 1892 г., стр. 838).

[315] Кастельно, Книга III, глава ii.

[316] Ла Планш, 112; C. S. P. For., № 990, 12 февраля 1561г.

[317] Ла Планш, 113.

[318] C. S. P. For., № 889, 16 января 1561 г.; № 890, 12 февраля 1561 г.

[319] C. S. P. Ven., № 237, 17 февраля 1561г.

[320] Ла-Плейс, 121.

[321] "Они намерены взимать самую большую субсидию, которая когда-либо предоставлялась во Франции. Основное бремя ложится на духовенство, которое отдает восемь десятых; юристы, торговцы и простые люди также высоко ценятся. Они рассчитывают взимать 18 000 000 франков". — C. S. P. For., № 483, 3 сентября 1560 г.

[322] "Папа разрешил королю продавать часть доходов церкви за год и предоставил аналогичное французскому королю, имея в виду служить им для исполнения ... приказ теперь будет принят на Генеральном совете." — Там же., № 777, 7 декабря 1560 г., из Толедо. Аналогичная договоренность была достигнута в Испании с Филиппом II, чтобы восстановить его истощенные финансы.

[323] Там же., № 850, 1 января 1561г.

[324] Распоряжение короля о временном ограничении владений появилось только месяц спустя, 25 марта 1561 года.

[325] La Place, III; C. S. P. For., № 938, 12 февраля 1561 г. В письме Питеру Мученику от 22 января 1561 года Хотман дает замечательный отчет о сессии Генеральных штатов в Орлеане. See Daresté, "François Hotman," *Mém. de l'Acad. des sc. moral. et polit.*, CIV, 654-56.

[326] Дешешу Суриано (Общество гугенотов), 1 марта 1561г.

[327] C. S. P. For., № 49, 18 марта 1561г.

[328] *Ibid.*, Преп., № 242, 3 марта 1561 г.

[329] Площадь Ла, 129; Ла Попелиньер, I, 244; Де Ты, IV, 66, 67. Присутствовал король Наварры, большинство принцев крови, кардиналов и знати, главными среди которых были герцог де Гиз и кардинал Лотарингии. Принц был объявлен невиновным, вся информация, выдвинутая против него, была объявлена ложной, а письма - подделками. Эта реабилитация была также распространена на видама Шартрского и мадам де Руай, сестру Колиньи и мать принцессы Конде, и было приказано провозгласить парламентский переворот во всех парламентских судах королевства (C. S. P. For., № 265, § 8, 23 июня 1561 г.).

[330] *Her. Tosc.*, III, 467 и примечание.

[331] Ordonnance générale des états assemblés à Orléans, p. 5; Isambert, XIV, 65. В соответствии с этим законодательством кардинал Лотарингии сложил с себя некоторые из своих полномочий. Он передал епископство Мец своему брату, кардиналу де Гизу, и сохранил за собой архиепископство Реймса с аббатствами Сен-Реми и Сен-Дени (Клод Хатон, I, 234). 1 апреля 1561 года действия Генеральных штатов были подтверждены королевским указом, который предписывал епископам вернуться в свои епархии и проживать там под страхом ареста их временных владений, и в каждом бейливики Франции должны были быть составлены описи всех доходов священника (Isambert, XIV, 101). За этим последовал указ, касающийся управления больницами и поддержки бедных (там же., 105), призванный положить конец коррупционной практике со стороны беспринципных и скупых священников, которые не хотели жить дома и поэтому продавали свои лекарства пресвитерам. Те, у кого были многочисленные пособия, нашли средства оправдать себя от проживания в своих лечебницах в силу статьи эдикта, которая предусматривала, что священнослужители, у которых были многочисленные пособия, которые они *распределяли*, или другие пособия или сборы, требующие фактического проживания в какой-либо другой церкви, и которые таким образом не могли проживать в своих приходах, проживая в одном из приходов или других церквей, в которых у них было пособие или должность, требующая проживания, были освобождены от проживания в своих других лечебницах, при условии, что они передали их на попечение способных викариев. В силу этой статьи им было разрешено пользоваться своими доходами после того, как они удовлетворили королевских чиновников в каждом бейливики. Ср. Клод Хатон, I, 221, 222. Доходы больниц перешли под контроль правительства, а управление ими было поручено специальным администраторам. Местные судебные чиновники, а не духовенство, как раньше, должны были контролировать раздачу денег, дров, вина и провизии настоятелям, монахам, монахиням и бедным.

Больницы различных городов Франции и, в частности, приюты-дье в Париже и Труа, еще до этого находились в ведении непрофессионалов. Жалобу на плохое управление Отель-Дье в Провене со стороны светских чиновников, которые обогатились за счет бедных и привели дом в запустение, по этой причине королю было предложено передать управление духовенству, см. Клод Хатон, I, 223.

[332] Письмо, которое епископ Лиможский, посол Франции в Мадриде, написал “после смерти Франсуа II”, в котором подробно описываются опасения испанского монарха, является почти пророческим (Париж, *Ассоциация родственников короля Франсуа II*, 782-85).

[333] Филиппу II, Карлу IX, 4 января 1561 г., К. 1495, № 13; Марии Стюарт, 7 января, К. 1495, № 17; К. С. П. За., № 870, 10 января 1561. Он прибыл вечером 23 января. Ср. Послание дона Хуана де Манрике и Шантонне Филиппу II, 28 января 1561 г., К. 1494, № 55, с отчетом о приеме, оказанном ему французским двором. Он уехал примерно 10 февраля 1561 года (С. С. Р. For., № 933, 23 января 1561 г. и № 984, 11 февраля 1561 г.).

[334] С. С. Р. For., № 11, 4 марта 1561 г.; *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 19 февраля 1651 г. Письмо королю от 26 декабря 1560 года, опубликованное в *историческом журнале. дипломатический журнал*, XIII, № 4 (1899), 604, “Наставления Себастьяна де Обеспина”, излагает реальную миссию дона Хуана де Манрике.

[335] Королеве-матери епископу Реннскому, 11 апреля 1561 г., *Корреспонденция de. Catherine de Médicis*, I, 186. Ответ последнего находится в Париже, *Ассоциации* т. Д., 871, 26 мая 1561 г. Ср. Кастиельно, I, 555.

[336] Лакомб, *Катрин де Медичи в обличье Конде*, 108. Эдикт фактически был подтверждением эдикта Роморантена. См. *Воспоминания де Куде*, II, 266; текст эдикта Роморантена в Изамберте, XIV, 31.

[337] Письмо Карла IX от 23 января 1561 г., *Опера Кальвини*, XVIII, 337. Ответ сената от 28 января находится в номере 343-45.

[338] С. С. Р. Ven., № 250, 272, апрель 1561 г. Дом Колиньи был излюбленным местом встреч. Он никогда не ходил к мессе, и когда весной 1561 года его жена родила ребенка, окрестил его открыто на народном языке, в соответствии с кальвинистской формой (С. С. Р. For., № 933, 984, 1561).

[339] For the rise of Protestantism in Normandy see Le Hardy, *Histoire du protestantisme en Normandie depuis son origine jusqu' à la publication de l'Edit de Nantes*, Caen, 1869; Lessens, *Naissance et progrès de l'hérésie de Dieppe, 1557-1609*: Publication faite pour la 1ère fois d'après le MS de la biblioth. publ. av. une introd. et des notes, Руан, 1877; Хаузер, “Французская реформация и народные классы”, *Американское историческое обозрение*, январь 1899г.

[340] *Архивы Жиронды*, XIII, 132; XVII, 256.

[341] “Нет ни одной незагрязненной провинции”, - писал Суриано, венецианский посол 17 апреля 1561 г. (С. С. Р. Ven., 272).

[342] Смотрите. длинное письмо Хотмена, опубликованное Dareste в *Rev. hist.*, XCVII, март-апрель 1908 г., стр. 299.

[343] *C. S. P. For.*, 857, 1 января 1561г.

[344] *Нер. Тоска.*, III, 456.

[345] *C. S. P. For.*, № 124, 20 апреля 1561г.

[346] *C.S. P. For.*, № 155, 30 апреля; *C.S.P. Ven.*, № 255, 2 мая, и № 258, 14 мая 1561 г.

[347] Суриано говорит, что враждебность Парижа по отношению к протестантизму была сильнее, возможно, потому, что ему благоволили дворяне, которых, естественно, ненавидели — “плебей в поисках Читты за профессию и немка за новое место, ибо он был любимцем сононобили, а не достойным соноодиати по природе”. — *Указ. соч.*, 2 мая 1561 г. Ср. 16 мая, *ab init.* (Лондонское общество гугенотов).

[348] “Requête de la Sorbonne au roi”, К. 1495, № 74, без даты, но, по-видимому, относящаяся к этому времени.

[349] *C. S. P., Ven.* № 259, 16 мая 1561г.

[350] *Там же., Для.*, № 158, апрель 1561 г.; ср. № 124, 20 апреля 1561 г.

[351] *Переписка Екатерины Медицинской*, I, 188, и п. 1.

[352] *C. S. P. Ven.*, № 259, 16 мая 1561г.

[353] 4 января 1561 г.; К. 1495, № 15.

[354] *Там же.*, № 16.

[355] В целом см. Де Крю, *Анна де Монморанси*, 294, 295.

[356] 31 января 1561 г.; К. 1494 № 21.

[357] Пример работы Шантонне см. в *De Crue*, 296, 297 и письмах в К. 1494, № 54 от 15 января 1561 г. и № 56 от 1 февраля 1561 г.

[358] Этот важный документ, который не был опубликован М. Луи Пэрисом или где-либо еще, что я могу найти, находится в К. 1494, № 70 (напечатано в Приложении II).

[359] *Ла-Плейс*, 122, 123.

[360] Это суждение как католических, так и гугенотских историков; например, Кастельно, книга III, глава v, и Бенуа, *История жителей Нанта*, книга I, 29, который говорит, что главным мотивом Сент-Андре и коннетабля при формировании Триумvirата был страх быть вынужденными возместить огромные убытки. суммы, которые они присвоили. Тем не менее, констебль в 1561 году был бедным человеком из-за больших сумм выкупа, которые он и его дом были вынуждены выплатить во время последней войны. См. Де Крю, *Анна де Монморанси*, 236.

[361] *La Place*, 123; *Ruble*, III, 71; *De Crue*, 303; *Chantonay to Philip II*, April 7, К. 1,494, B. 12, 73; April 9, B. 12, 75. Cf. *Mémoires de Condé*, III, 210 ff.: “Sommaire des choses premièrement accordées entre les ducs de Montmorency, Connestable et De Guyse, ... et le Mareschal Saint André, pour la Conspiration du Triumvirate, et depuis mises en délibération à l’entrée du Sacré et Saint Concile de

Trente, et arrestée entre les Parties en leur privé Conseil faict contre les Hérétiques et contre le Roy de Navarre en tant qu'il gouverne et conduit mal les affaires de Charles IX."

[362] Ла Планш, 454.

[363] *Нер. Тоск.*, III, 448.

[364] *Отн. vén.*, I, 534.

[365] Оригинал письма хранится в Национальном музее архивов, № 665. See the *Mémoires de Condé*, III, 395.

[366] Филиппу II коннетаблю, кардиналу Лотарингии, и Антуану Наваррскому, 14 апреля и 12 июня 1561 г., Архив nat., K. 1,495, B. 13, 33, 44. Признание этого шага таким ранним образом сделано в *Воспоминаниях герцога де Гиза*, изд. Michaud et Poujoulat, sér. I, V, 464. Гугеноты были заблаговременно уведомлены об этом, когда гонец Триумвирата был перехвачен близ Орлеана. Cf. *Bref discours et véritable des principales conjurations de la maison de Guyse*, Paris, 1565, 5, 6.

[367] *C. S. P. Ven.*, № 259, 16 мая 1561 г.

[368] Ср. Де Рубле, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, III, 251 и далее.

[369] В Вербное воскресенье (1561) Антуан отправился на мессу, за что Пий IV поспешил поздравить его и церковь (K. 1494, № 74, 8 апреля 1561 г.), и некоторое время после Пасхи он продолжал ходить на мессу и воздерживался от употребления мяса в запрещенные церковью дни (*C. S. P. For.*, № 248, 18 мая 1561 г.). Но в течение месяца его обнаруживают за публичной проповедью в его доме протестантского священника и "ежедневной службой на вульгарном языке" (*там же.*, № 265, §13, 23 июня 1561 г.).

[370] "Почему правительство не предпринимает никаких действий против разона". Гранвелла Филиппу II, 13 мая 1561 г., *Государственные документы кардинала де Гранвеля*, VI, 541.

[371] Письмо Шантонне от 18 апреля 1562 года почти полностью основано на отчете о разговоре между ним и маршалом Сент-Андре по этому вопросу. Это очень интересно (K. 1497, № 24).

[372] K. 1,497, № 33.

[373] См. Послание Варгаса Филиппу II из Рима, 30 сентября 1561 г., в *государственных бумагах кардинала де Гранвеля*, VI, 357, где он рассказывает королю об одной из речей Антуана. Одной из второстепенных обязанностей миссии дон Хуана де Манрике во Францию в январе 1561 года было дать Антуану надежду в том квартале, в котором великий магистр артиллерии Испании и папский нунций работали вместе. Нунцием был Ипполит д'Эсте, кардинал Феррары. His correspondence is published in *Négociations ou lettres d'affaires ecclésiastiques et politiques écrites au Pape Pie IV et au Cardinal Borromée, par Hippolyte d'Est, cardinal de Ferrare, legat en France au commencement des guerres civiles*, Paris, 1658.

[374] K. 1,497, № 28.

[375] "Sa principal espérance de ce costé-la [Sardinia], se fonde sur les bons et vigoureux offices qu'il se promet de nostre Saint-Père."—Letter II, from St. Germain, January 10, 1561. *Négociations ... du cardinal de Ferrare*, Lettre XXXIV, June 26, 1562.

Don Juan de Manrique suggested to Antoine—“Que s’il vouloit repudir la reine sa femme, comme hérétique qu’elle estoit, les Seigneurs de Guise luy feroient espouser leur Nièce, veuve de Francis II.”

[376] Очевидно, сардинцы были готовы сказать что-то в свое оправдание по этому вопросу. For St. Sulpice, the French ambassador in Spain, who succeeded L’Aubespine, on October 8, 1562, writes to Antoine to this effect: “On lui a rapporté ‘comme les galères d’Espagne, venant d’Italie à Barcelone, et passant près de la Saïdaigne, les habitans du pays, s’étaient mis en armes avec contenance de vouloir défendre l’abordée de leurs portes ausd. galères, de quoi s’étant depuis venus justifier par deça; ils avaient remontré qu’ils avaient entendu que ce roi les voulait bailler à un autre prince et qu’ils craignaient que lesd. galères y vinssent pour les contraindre de la recevoir à sgr., ce qu’ils ne voulaient permettre, le suppléant de ne les aliéner de sa courrone,’” etc.—*L’Ambassade de St. Sulpice*, 83. Его переписка изобилует упоминаниями о Сардинии, например., 17, 25, 35, 37, 79, 83, 84, 90, и т.д.

[377] В присутствии короля Наварры, коннетабля, герцогов Гиза, Невера, Монпансье и Омаля, а также духовных лиц, кардинала Лотарингии, который был архиепископом Реймса, и епископов Лана, Лангра, Шалона, Нуайона и Бове, последним из которых был кардинал Шатийон, единственный выдающийся гугенот, присутствовавший на коронации. Принц Конде, адмирал, герцог де Лонгвиль, маршал Монморанси и его брат Дамвиль не присутствовали, потому что они не хотели присутствовать на мессе (“М. Дамвиль - самый любимый сын констебля, рыцарь ордена, один из образцов двора и сторонник реформатской веры”. — *C. S. P. For.*, № 395, § 3, 11 августа 1561 г.). Подробный отчет о деталях и партийных проблемах, проявившихся на церемонии, см. в De Crue, 309, 310. Екатерина Медичи, по-видимому, не торопилась уведомлять Филиппа II о коронации, поскольку ее письмо (без даты) было получено королем только 17 июня, К. 1494, № 44.

[378] Это сильно оскорбило Триумвират, и герцог де Гиз, коннетабль и маршал Сент-Андре немедленно покинули двор в сильном раздражении.

Rochambeau, *Lettres d’Antoine de Bourbon et de Jeanne d’Albret*, Inventaire Sommaire, No. CXLIII, 27 juin 1561—“Attestation de Catherine de Médicis et Antoine de Bourbon, pour affirmer que la retraite du duc du Guyse, de conestable de Montmorency, et du mareschal de St. André n’est due qu’au seul respect et affection qu’ils portent au service du roi et au repos de ses sujets.”—Bib. Нац., Ф. Фр., 3,194, фол. 5.

[379] “Procès-verbal de la reconciliation entre le prince de Condé et le duc de Guise en presence du roi Charles IX,” in K. 1,494, No. 92; *Nég. Tosc.*, III, 460; *C. S. P. For.*, № 449, 24 августа 1561 г., 461, 30 августа 1561 г.; La Place, 139, 140.

[380] “Requete présenté au roi par les Deputez des Eglises esparses parmi le royaume de France.” Печатную копию можно найти в К. 1495, № 42. Это действительно красноречивая петиция.

[381] Капельно, книга III, глава iii; *C. S. P. For.*, № 304, §3, 13 июля 1561 г.

[382] Суриано определенно утверждает, что июльский указ был делом рук канцлера. Он кратко излагает эдикт в депеше от 27 июля 1561 года (Общество гугенотов).

[383] Ср. *C. S. P. For.*, 1561, № 237; *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 25 июня 1561 г.

[384] Шантонне Филиппу II, 24 июля 1561 г., К. 1495, № 52; *C. S. P. For.*, № 321, §2, Париж, 16 июля 1561 г.

[385] Isambert, *Anc. lois franç.*, XIV, 109 (Edit sur la religion, sur le moyen de tenir le peuple en paix, et sur la répression des séditieux).

[386] Суриано, 25 августа; *Her. Tosc.*, III, 453-58; Кастельно, Книга III; *C. S. P. For.*, № 357; Беза, *История. ecclési.*, I, 294 (изд. 1841); Ла-Плейс, 130; Д'Обинье, I, 309.

[387] Кастельно, книга III, глава iii; он превосходно описывает разделенное состояние ума парламента, в результате которого указ принял эту нейтральную форму. Suriano pithily observes: "Con questi dispareri le cose del Regno patiscono assai, et non si può far niuna deliberatione d'importanza che sia ferma et rissoluta, et di quà hanno havuto origine tanti editti nel fatto di Religione che sono stati publicati li mesi passati, li quali non solamente sono ambigui, ma diversi l'uno dall'altro et spesso volte contrarii, donde li heretici hanno preso tanto fomento che sono fatti più indurati et più ostinati che mai" (June 26, 1561).

Карл IX отправил сьера д'Озанса в Испанию, чтобы максимально смягчить гнев Филиппа. In a letter of July 18, from St. Germain to his ambassador in Spain, after stating the motives which have led him to dispatch D'Ozances, he adds: "Au demeurant, je ne doute point qu'on sème de beaulx bruictz par delà, touchant le faict de la Religion, et qu'on ne nous face beaucoup plus malades que nous ne sommes; et, pour ceste occasion il m'a semblé qu'il serait fort à propos que le Sr. d'Auzances feist entendre au Roy, mon bon frère, les termes en quoy nous en sommes." Далее следуют подробности об эдикте умиротворения. Это письмо было продано на аукционе в 1877 году. Оно внесено в каталог *Изобретения автографов и исторических документов, составленных в коллекции М. Бенжамена Фийона*, Париж, Шаравэ, 1877 (Серия I, 34, № 132 — "Письмо Карла IX о борьбе"). Robertet, à l'évêque de limoges, ambassadeur en espagne; St. Germain, 18 juillet, 1561").

[388] Клод Хатон, I, 122.

[389] Там же., I, 129. In consequence of this state of things we find numerous ordinances passed in the summer of 1561 in restraint of violence; cf. "Edit sur la religion, sur le moyen de tenir le peuple en paix et sur la répression des séditieux, July 1561," Isambert, XIV, 109; "Edit pour remedier aux troubles, et sur la répression des séditieux," October 20, 1561, *ibid.*, XIV, 122; "Edit sur le port d'armes à feu, la vente de ces armes et les formalités à suivre par les fabricants," October 21, 1561, *ibid.*, XIV, 123.

[390] *C. S. P. Ven.*, № 237, 17 февраля 1561 г., гласит: "один представитель, обладающий абсолютными полномочиями рассматривать и заключать то, что может быть одобрено большинством голосов". Но в *La Place*, III, 121, говорится, что от каждого бейливика было выбрано по два представителя. Cf. De Crue, *Anne de Montmorency*, 300.

[391] Сословия Иль-де-Франса потребовали, чтобы совет и правительство короля были сформированы в соответствии с древней конституцией королевства; чтобы были изучены отчеты предыдущей администрации; чтобы королева-мать была отстранена от правительства и довольствовалась тем, что была опекуном личности короля; чтобы ни один посторонний человек не был допущен в совет; чтобы ни кардинал, ни епископ, ни другое духовное лицо, подавшее иск к папе, должно иметь любое место в Тайном совете, даже кардинал Бурбон, хотя он и был принцем крови, если только он не сложит свою шляпу; чтобы король Наваррский был

регентом королевства в звании генерал-лейтенанта и чтобы к нему присоединился совет принцев крови и других; чтобы адмирал и г-н де Рошфуко отвечали за образование короля. На этих условиях Поместья предложили погасить долги короля в течение шести лет; но в случае отказа они заявили, что король должен жить на доходы с королевских владений, большая часть которых была заложена (С. S. P. For., № 77, с. 3, 31 марта). Ср. *Депеши Микеле Суриано* (Общество гугенотов), 10 июня 1561 г.; Де Крю, *Анна де Монморанси*, 300, 301; письмо Хотмана Буллингеру, 2 апреля 1561 г. в *Память академика. des sc. moral. et polit.*, CIV (1877), 656; *Nég. Тоск.*, III, 455-58. Для получения другой информации см. “Протесты против ярусов-государственный перевал Провена”, у Клода Хатона, II, 1137; “Протест ... де Виллс де Шампань”, там же., III, 1140, что показывает экономическое бедствие.

[392] La Place, 158 и далее; La Popelinière, I, 271 и далее; Д'Обинье, Книга II, глава xvi; Беза, *История. ecclés.*, ed. 1840, I, 320 ff.; L'Hôpital, *Œuvres complètes*, I, 485 ff. Де Ты, книга XXVIII, 74-77; Клод Хатон, I, 155. Однако было проведено пробное голосование по религии, в результате которого 62 человека проголосовали за свободу вероисповедания в случае гугенотов и 80 - против (письмо Хотмана в *Rev. hist.*, XCVII, март-апрель 1908 г., 300).

[393] С. S. P. For., № 396, 11 августа 1561 г.; Ла-Плейс, 146, 147, 150.

[394] Ла-Плейс, 150-52; Де Ты, IV, 74, 75. Полный неопубликованный текст этой беседы находится в F. Fr., 3970, томе, который содержит много неиспользованного материала по истории поместий Понтуаз. Адрес Лопиталья указан в одном из документов.

[395] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 24 августа 1561 г.

[396] С. S. P. For., № 538, §5, 26 сентября 1561 г.

[397] Де Крю, 312, 313; Де Ты, IV, 74; *Нег. Тоска.*, III, 461; Рубль, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, III, 160; *Отн.*, II, 21; К. 1494, fol. 94. Несмотря на это облегчение, король потребовал от местных поместий дополнительной субсидии в размере трех миллионов золотых крон, подлежащей выплате в январе следующего года (С. S. P. For., № 682, §10, 26 ноября 1561 г.).

[398] Там же.; ср. № 750, §7, 28 декабря 1561 г. Большая часть этого долга принадлежала Парижу. Это составило 7 560 056 ливров.

[399] *Рел. vén.*, I, 409-11. По всему вопросу см. Де Крю, *Анна де Монморанси*, глава xiv; Эсмейн, *История французского права*, 632-33.

[400] Де Рубле, *Коллоквиум Пуасси* (1889); Клипфель, *Коллоквиум Пуасси* (1867).

[401] С. S. P. For., № 265, §9, 23 июня 1561 г.; La Place, 131.

[402] Paris, *Négociations relatives au règne de François II*, 550, 615-22; *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VI, 137; Klipfel, *Quis fuerit in Gallia factionum status*, Paris 1863, 23.

[403] Теодор Беза, “папа-гугенот”, прибыл ко двору только 23 августа, где был сердечно принят принцем Конде, перед которым он проповедовал “в открытой аудитории, где была большая пресса” (С. S. P. For., № 461, 30 августа 1561 г.). Об активном участии Безы при дворе до заседания ассамблеи в Пуасси см. La Place, 155-57.

[404] Сорбонна протестовала против всего судебного разбирательства, но ее запрос не был удовлетворен (La Place, 154; ср. *C. S. P. For.*, № 458, 28 августа 1561 г., № 485, 8 сентября 1561 г.).

[405] *C. S. P. For.*, № 492, 10 сентября 1561 г.

[406] “Far diventar questo Regno cantoni di Svizzeri” ... (*Депеши Суриано* [Общество гугенотов], 15 августа 1561 г.; ср. *Английская история. Обзор*, VIII, 135). Elsewhere the Venetian ambassador says: “E così si va alla via di ridurre quella provincia a stato popolare, come Svizzeri; e distruggere la monarchia e il regno.”—*Rel. vén.*, I, 538. De Thou, Book XXV, observes: “Qui primam, quam Deo debebant, fidem irritam fecissent; qua semel violate, minime dubitaverint regem ipsum petere quo regnum everterent, et confusis ordinibus, in rei publicae formam, Helvetiorum exemplo, redigerent.”

[407] *C. S. P. For.*, № 421, 19 августа 1561 г.; *там же.*, *преп.*, № 280, 8 сентября 1561 г.

[408] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 18 сентября 1561 г.

[409] “Требования протестантских служителей к королю”, К. 1494, № 95.

[410] О персонале ассамблеи см. Ссылки в D'Aubigné, I, 315, n. 4.

[411] *C. S. P. For.*, № 516, §7, 20 сентября 1561 г.

[412] “Paroles prononcées par Theodore de Beza touchant le sacrement.”—К. 1,495, No. 77. 1, “Profession de foi concerté par les prélats de France;” 2, “Première proposition des Catholiques; première proposition des hérétiques.”—Латынь, К. 1495, № 78; ср. *Рел. vén.*, II, 75.

[413] Определение церкви кардиналом гласило: “общество христиан, в которое входят как нечестивцы, так и еретики, и которое признавалось всегда, везде и всеми, и только оно одно имело право толковать Писание”. —*C. S. P. For.*, № 507, 17 сентября 1561 г.; ср. Суриано (Suriano). Общество гугенотов), 22 сентября. Его обращение подробно приведено в La Place, 179 и далее. Оно было опубликовано в то время. Суриано, 23 августа 1561 г., говорит, что все делегаты “произносили очень длинные речи”. О доктринальной тактике кардинала Лотарингского на коллоквиуме в Пуасси см. Письма Лангве, *Epist. секр.*, II, 139, 20 сентября 1561 г.; 159, 26 ноября 1561 г.

[414] Первый президент парижского парламента был вынужден сохранить свой дом из-за оскорбительной агитации (*C. S. P. For.*, № 461, 30 августа 1561 г.).

[415] Предложение Теодора де Беза, К. 1494, № 96.

[416] *C. S. P. Ven.*, № 280, 8 сентября 1561 г.

[417] *C. S. P. For.*, № 511, 19 сентября 1561 г.

[418] Поскольку он был не французом, а итальянцем — его звали Пьетро Мартире Вермильи, — он получил отдельную охранную грамоту (Суриано [Общество гугенотов], 23 августа; *Преподобный хист.*, XCVII, март-апрель 1908 г., стр. 302).

[419] Ла-Плейс, 199.

[420] *C. S. P. For.*, № 602, 1, 2 октября 1561 г. Описание последних дней Коллоквиума см. в *Депешах Суриано* (Общество гугенотов), 16 октября 1561 г.

[421] *C. S. P. For.*, № 624, 18 октября 1561 г. В К. 1495, № 66, приводится резюме испанской канцелярии депеш Шантонне, касающихся коллоквиума.

[422] *C. S. P. For.*, № 753, из Страсбурга, 30 декабря 1561 г. В письме всего неделей ранее, 23 декабря, своему государю Шантонне решительно осудил курс Екатерины в Пуасси, поскольку он был направлен против власти Трента и придал смелости еретикам продолжать свои синоды. —К. 1494, № 104. Другими ссылками на Разговорный язык Пуасси являются De Thou, IV, 84 и далее; De Ruble, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, 76 и далее; *соотв. de Catherine de Médicis*, I, Introd., ci, 239. Переписка Шантонне, охватывающая как коллоквиум, так и собрание сословий в Понтуазе, находится в К. 1494, № 89, 5 августа; № 90, 20 августа; № 101, 12 сентября (особенно ценная для финансовых расчетов); № 102, 15 сентября.

[423] *C. S. P. For.*, № 659, §10, 14 ноября 1561 г. Из них канцлер был более агрессивен, выступая против попыток клерикальной партии задержать и воспрепятствовать действиям (Д'Обинье, I, 311).

[424] *Переписка Екатерины Медицинской*, I, 248; *C. S. P. For.*, № 225 и 245, 6-13 июня 1561 г.; № 273, 23 июня 1561 г. Этот выбор был бестактным со стороны папы и, несомненно, вызвал бы неприязнь Екатерины Медичи, а также политических гугенотов, поскольку кардинал был родственником Гизов по браку. Дон Луиго д'Эсте, брат герцога Феррарского, был сыном Альфонсо д'Эсте и Лукреции Борджиа. Он оставил свое место в церкви и женился на герцогине Эстутевиль, брак, свидетельствующий о политике возвеличивания Гиза (*C. S. P. For.*, № 904, 27 марта 1560 г.). Этот брак вызвал ожесточение между домом Феррара и семейством Гизов. “Между герцогами Феррарскими и Гизом произошел разрыв, касающийся матери первого, которая, будучи очень богатой и недавно поссорившись со своим сыном, тайно послала герцогу Гизу джентльмена с сообщением, что она приедет во Францию, закончит там свою жизнь и будет ему как мать. Ей было послано известие, что ей будут рады; и если ее сын не разрешит ей приехать со своим имуществом, он возьмет в свои руки ассигнацию, выданную покойным королем на определенные земли для выплаты герцогу 100 000 крон ежегодно до тех пор, пока не будут выплачены 600 000 крон, взятые у него займы во время последнего путешествия герцога де Гиза в Рим. Герцог тщательно следит за своей матерью, опасаясь, что она сбежит во Францию”. —*C. S. P. For.*, № 446, 22 августа 1561 г. Кардинал путешествовал с большой помпой, имея в своем обозе не менее четырехсот лошадей.

[425] *C. S. P. For.*, № 538, §1, 26 сентября 1561 г.

[426] Д'Обинье, I, 311; *Рел. vén.*, II, 87; *C. S. P. For.*, № 602, 12 октября 1561 г.

[427] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 23 сентября 1561 г.

[428] *Там же.*, 22 октября 1561 г. Для получения более подробной информации о переговорах см. *там же.*, 3 ноября 1561 г.; *C. S. P. For.*, № 682, §9, 26 ноября; Баше, *Journal du Concile de Trente*, 89.

[429] Филипп II Екатерине, 29 сентября 1561 г.; Шарлю, *там же.*, К. 1495, № 72. Шантонне он писал тремя днями позже: “Тамбиен издевался над продавцом, а Рейна комо пор эсте камино пердера су хиджо, ессе рейно и послушница сус вассалос”. —К. 1495, № 80. Эти слова были не просто настоятельным советом — в них звучала угроза.

[430] Вайс, *“Испанское сердце Филиппа II”*, I, 114, 115; ср. Форнерон, *“История Филиппа II”*, I, 253, п. 3. Смотрите также замечательное “Взаимопонимание на одной конференции между посланником Франции и ле герцог д’Альбе, о судьбе короля Наварры и проблемах с религией” (французская стенограмма, по-видимому, отчета испанской канцелярии), в К. 1496, № 136, 20 декабря 1561 г. Папа поддержал предложение Испании о вмешательстве во Францию (послание Варгаса Филиппу II, 7 ноября 1561 г., в *Государственных документах кардинала де Гранвеля*, VI, 398, 404).

[431] “Aux villes et pays où ils sont là declaires leur bailler quelques lieux prochaine hors des dictes villes”—Résumé des points principaux traités par l’ambassadeur de France auprès du roi Philippe II (Communications du duc d’Alba), November 9, 1561, K. 1,495, No. 58; “Propositions faites par M. d’Ozance et l’ambassadeur ordinaire en Espagne, l’évêque de Limoges, dans deux audiences à eux données par le roi Philippe II” (Résumé avec annotations), Minute, Notes de chancellerie, K. 1,495, No. 69, Madrid, September 17, 1561; “Points principaux d’une négociation spéciale de M. d’Ozance, envoyé de Catherine de Médici avec réponses notées à la marge, point par point: Communications au duc d’Albe après une délibération du Conseil d’état, prise lui absent,” November 12, 1561, K. 1,495 No. 89; “Précis des points traités par M. d’Ozance et de l’Aubespine, ambassadeur de France,” K. 1,495, No. 94, December 10, 1561; “Réponses à faire par ordre de Philippe II à M. d’Ozance, sur les nouvelles propositions de cet ambassadeur,” K. 1,495, No. 98, December 15, 1561; “Memento adressé par l’évêque de Limoges au duc d’Albe” (Note à communiquer au roi Philippe II), K. 1,495 No. 100, December 20, 1561; Philip II to Chantonnay: “Avis de ce qu’on a répondu à M. d’Ozance,” December 21, 1561, K. 1,495, No. 102; “Rapport sur une conférence entre l’ambassadeur du France et le duc d’Albe, au sujet des affaires du roi de Navarre et des troubles pour cause de la religion” (copié en Français), K. 1,496, folio 136, Madrid, December 20, 1561.

[432] Краткое изложение письма Филиппа II Шантонне от 18 января 1562 г. в К. 1496, № 34.

[433] *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 4 ноября 1561 г. *The Journal du Concile de Trente* (ed. Башет), 89 лет, говорит, что намерение состояло в том, чтобы перевезти его в Лотарингию, чтобы предотвратить его заражение ересью. Линьероль, близкий друг герцога Немурского, позже признался в соучастии последнего в заговоре с целью похитить молодого принца и тайно увезти его в Савойю, но дело было замято, и Линьероль вскоре после этого был освобожден. Принц де Жуанвиль, сын Гиза, похоже, проявлял к нему более активный интерес, чем его отец. Переписка между Шантонне и Филиппом не оставляет места для сомнений в том факте, что Немур действовал как агент Испании (К. 1494, № 106, 31 октября, из Сен-Клу; № 114, 28 ноября 1561 г.), хотя Филипп отверг соучастие в письме Екатерине (К. 1495, № 90, 27 ноября 1561 г.), а Шантонне объявил всю историю уловкой гугенотов.

[434] Д’Обинье, 321. Шантонне, по-видимому, опасался, что обстоятельства могут спровоцировать гражданскую войну, которой все опасались (Письмо Филиппу II, 28 ноября 1561 г., К. 1494, № 114), и воспользовался предоставленной возможностью, чтобы прочитать королеве-матери лекцию. Посол “использовал грубые угрозы в адрес королевы—матери и короля Наваррского за их религиозные действия”. -*C.S. P. For.*, № 659, §§1, 2.

Ruble, *Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret*, III, 245-50; De Crue, *Anne de Montmorency*, 315, 316. Официальный запрос, озаглавленный “Запрос о содействии герцогу Орлеанскому”, находится в 6608 фр.

[435] *C. S. P. For.*, № 715, §1, 12 декабря 1561г.

[436] *Депеши Микеле Суриано* (Общество гугенотов), 3 ноября 1561 г.; *C. S. P. For.*, № 659, §5, 14 ноября 1561 г.

[437] *C. S. P. For.*, № 717, §7, 13 декабря 1561 г. О некоторых знаменитых католических проповедниках Парижа в 1561 году см. Клода Хатона, I, 213, 214, и примечания.

[438] Клод Хатон, I, 177, 178.

[439] *C. S. P. For.*, № 617, 15 октября 1561г.

[440] *C. S. P. For.*, № 304, §4, 23 июля 1561 г.

[441] К. 1495, №47, 19 июня 1561г. Ср. *Депеши Суриано* (Общество гугенотов), 1 октября. Об этих восстаниях на юге см. Д'Обинье, I, 322-26; Де Ты, II, 235 и далее (изд. 1740); *Воспоминания де Конде.*, III, 636; Лонг, “*Форма и воины религии в Дофине*”; Пьер Жиль, *История. ecclés. des églises réformées vaudoises*, chap. xxii; *История. du Languedoc*, V, 211.

[442] “Aulx petites villes, elles se sont ralliez les unes avec les autres en ung faict, ung monopole et une ligue ensemble.”—*Mémoires-journaux du duc de Guise* (M. & P., sér. I, VI, 467, col. 2); Письмо Жуайеза коннетаблю; дубликат герцогу де Гизу (16 сентября 1561 г.). О работе этой лиги см. стр. 468-71. Гийом, виконт де Жуаез; был лейтенантом губернатора Лангедока, а позже маршалом Франции.

[443] Этими принцами были Вольфганг Вильгельм, герцог Деукспонт; Вильгельм, ландграф Гессенский; Фридрих Благочестивый, граф Рейнский палатин (Д'Обинье, I, 333, 334; Ле Лаборант, I, 673). Ведущими протестантскими князьями Германии были Август, курфюрст Саксонии; Иоахим II, маркграф Бранденбургский; Иоанн Фридрих, герцог Саксонии; Кристофер, герцог Вюртембергский; Вольфганг Вильгельм, герцог Деукспонт (Цвайбрюккенский); Иоанн Альберт, герцог Мекленберг; Иоанн Старший, герцог Гольштейнский; Иоахим Эрнест, принц Ангальтский, и Карл, маркграф Баденский. Они перечислены в письме Хотмена от 31 декабря 1560 г. См. *Мемуары Академии. des sc. moral. et polit.*, CIV, 653, и *Bulletin de la soc. prot. franç.*, 1860.

[444] *Память академика. des sc. moral. et polit.*, CIV (1877), 66; *C. S. P. For.*, № 399, 12 августа 1561 г.

[445] *C. S. P. For.*, № 319, 15 июля 1561 г., из Страсбурга. Хотман посетил курфюрста палатинского в Гермерсхайме; ландграфа Гессенского в Касселе; курфюрста Саксонского в Лейпциге, откуда отправился в Штутгарт. Он не видел герцога Вюртембергского лично и был вынужден вместо этого написать ему. (См. его письмо от 27 сентября 1561 г. в *Записках Академии наук морали. et polit.*, CIV, 660.) Оттуда он отправился в Гейдельберг, откуда написал второе письмо герцогу Вюртембергскому и одно герцогу Деупонт.

[446] Ла-Плейс, 121, 122; *C. S. P. Ven.*, № 249; Арх. нац., К. 1495, фолио 47, Шантонне Филиппу II, 19 июня 1561 г.

[447] *C. S. P. For.*, № 736, 26 ноября 1561 г.

[448] Переписка Шантонне показывает, что агенты герцога де Гиза были заняты в Германии еще в октябре 1561 г., К. 1494, № 105, 28 октября 1561 г. Ср. Юбер Лангве, *Epist. secr.*, II, 142, 159, 202; *Archives de la maison d'Orange-Nassau*, I, 216-18, 226-52; *Bulletin de la soc. de l'histoire du prot. français*, XXIV.

[449] *C. S. P. For.*, № 724, §2, 14 декабря 1561 г.

[450] *C. S. P. For.*, № 602, 11 октября 1561 г., из Рима.

[451] *Папье-маше кардинала де Гранвеля*, VI, 432-43: "Секретное сообщение секретарши Кортвиля", декабрь 1561 г.

[452] Ср. Монлюк, епископ Валанса, "Рассуждения о жестокости при дворе по поводу войны за религию", *Воспоминания де Конде*, изд. Лондон, III, 73-82. A note adds: "Ce discours se trouve aussi au fol. 61 recto du MS R et il est à la suite d'une lettre de M. de Chantonnay, du 24 mars 1561. Il dit à la fin de cette lettre, que l'on disoit communement que ce Discours étoit de l'évêque de Valence (Montluc). Ce Discours a été copié dans ce MS sur l'édition qui en fut faite dans le tems."

[453] On November 23, 1561, Charles IX wrote to the bishop of Limoges in regard to Philip II: "Dites-lui que je le prie si l'on luy a donné quelques doubtes et soupçons de mes déportements, qu'il vous en dye quelcun et ce qu'il la mys en doute, affin que s'il veult prendre tant de paynes d'envoyer ung homme fidelle en lieux où il aura oppinion qu'on fera quelques préparatifs, je luy face cognoistre que c'est une pure menterie."—*Catalogue ... de lettres autographes de feu M. de Lajayette*, Charavay, Paris, 1860, No. 667. Пятью днями позже, 28 ноября 1561 года, Екатерина Медичи написала тому же послу: "Я защищаю себя от всего, что касается содержания... car je ne veos ni ne suys conselliée de venir aus armes."—*Collection de lettres autographes ayant appartenu à M. Fossé-Darcosse*, Paris, Techener, 1861, No. 193.

[454] *История. du Languedoc*, V, 211. Считалось, что Филипп II потратил 350 000 крон из приданого своей жены в Германии (*C. S. P. For.*, № 659, § 18, 14 ноября 1561 г.). Екатерина послала специального агента Рамбуйе в Германию, чтобы помочь Хотману в поиске информации о тамошних интригах Испании (*C. S. P. For.*, № 713, декабрь 1561 г.; *Воспоминания академика. des sc. moral. et polit.*, CIV [1877], 661). Д'Озансес в Испании получил специальные инструкции расшифровать поведение Филиппа II, если это возможно.

[455] *C. S. P. For.*, № 265, §11, 23 июня 1561 г. Это было следствием опасений, вызванных появлением в начале мая большого отряда испанской пехоты и кавалерии для наблюдения за Аббевилем, откуда они вернулись в направлении Гисна (*там же.*, № 248, из Парижа, 18 мая 1561 г.).

[456] *Там же.*, № 712, 9 декабря 1561 г., из Страсбурга; № 717, §6, 13 декабря 1561 г., из Парижа. Существовало некоторое беспокойство, как бы император не воспользовался отвлекающим маневром во Франции для захвата Трех епископств. Но в этот момент, из-за активности как турка, так и москвича, а также из-за того, что он был зол на папу из-за Тридентского собора,

Фердинанд был дружелюбен к Франции и сердечно принял Марильяка, епископа Вьенского (Д'Обинье, I, 332, 333).

[457] “Le conseil du roi, voyant que les mouvements les plus divers agitaient le royaume, décide que chaque gouverneur, lieutenant, sénéchal et autres ministres, se rendissent à leurs gouvernements.”—Baschet, *Journal du Concile de Trente*, 89.

[458] C. S. P. For., № 595, 9 октября 1561 г.; № 602, 12 октября 1561 г.; № 624, 18 октября 1561 г.; № 659, §20, 14 ноября 1561 г. Назначения Колиньи и Конде так и не вступили в силу из-за начала гражданской войны в начале следующего года. Они важны только потому, что отражают политику осторожности и хитрости Екатерины.

[459] Там же., № 729. Томас Шекерли был англичанином по происхождению, который когда-то был пажом Эдуарда VI, в то время как последний был принцем. Он покинул Англию девять лет назад и провел большую часть своего времени в Риме, где, став органистом, “получил оценку искусного исполнителя по содержанию и торжественности музыки”. Он приехал во Францию в свите кардинала Феррарского. Испанский посол обратился к нему с предложением поступить на секретную службу Испании, которое Шекерли патриотически передал Трокмортону (там же., № 730, §5, 18 декабря; № 750, §10, 28 декабря 1561 г.).

[460] 27 декабря протестанты собрались в предместье Сен-Марсо, после чего священники и паписты собрались в Сен-Медарде и решили напасть на них. Один из протестантских солдат, собиравшийся протестовать, был пронзен. Протестанты, назначенные охранять собрание, увидев это, бросились ему на помощь, но были отброшены численностью. Другие подошедшие протестанты обратили нападавших в бегство и ворвались в церковь, когда принц де ла Рош-сюр-Йон, королевский наместник, прибыл с большим отрядом конных и пеших и увел нескольких человек в Шатле (там же., № 783, 4 января 1561 г.; *Воспоминания де Конде*, II, 541 и далее; Клод Хатон, 179, и примечание; *Арх. кюр.*, IV, 63 и далее; и статья в *Воспоминаниях о соц. де л'хист. de Paris*, 1886).

[461] C. S. P. For., № 758, §13, 31 декабря 1561 г.

[462] Там же., № 789, §2, 8 января 1562 г. Принц де ла Рош-сюр-Йон считался кальвинистом, в то время как маршал Монморанси был либеральным католиком. Королева-мать надеялась, что изменение будет приемлемо для обеих сторон. Другой причиной этого изменения было то, что констебль и принц де ла Рош-сюр-Йон были главными фигурантами судебного иска о доходе в размере 10 000 дукатов. У лейтенанта Парижа была возможность использовать влияние на парламент Парижа, в котором должно было рассматриваться дело, и это более очевидно благоприятствовало позиции констебля в иске. Ср. подробности в письме Шантонне Филиппу II от 5 января 1562 г., К. 1497, Б. 15.

[463] C. S. P. For., № 925; ср. Описание Кастельно бандитов в предместье Сен-Марсель, Книга III, глава v.

[464] C. S. P. For., № 789, §2, 6 января 1562 г.

[465] *Архивы Жиронды*, VIII, 207. Король послал специального офицера, чтобы предать смерти нарушителей и разрушить деревню, но важно, что это поручение было поручено не Виллару,

который был младшим лейтенантом в Лангедоке и печально известен своим обращением с гугенотами (C. S. P. For., № 750, §10, 28 декабря 1561 г.).

[466] Клод Хатон, I, 195-98, 236, 237. Однако его злость проявляется в следующих словах: “дело великой свободы - это справедливый и ужасный закон, который разрешает правосудие без окончательного наказания ... si le plus grand larron et voleur du pays eust esté prins prisonnier il eust eschappé à tout danger voire à la mort, moyennant qu’il se feust déclaré Huguenot et de la nouvelle prétendue religion.”—Там же., I, 124. Это одна из самых ранних характеристик веры гугенотов. Впоследствии его стали называть “R. P. R.”

[467] *Архивы Жиронды*, XV, 57.

[468] Клод Хатон, I, 194, 195, и примечание.

[469] Шантонне Филиппу II, 5 января 1562 г., К. 1497, Б. 15. Испанский посол яростно критиковал Екатерину Медичи, Антуана Бурбонского и других после окончания этого обращения (К. 1497, 11 января 1562 г.), за что Филипп II похвалил его (К. 1496, № 34, 3 оборотная сторона).

[470] Изамбер, XIV, 124-29; Райнальдус, XXXIV, 292, 293. Оригинал документа выставлен в Парижском архивном музее. Он внесен в каталог К. 674, № 4. Хотя указ был утвержден 17 января, он был напечатан только 13 марта 1562 г. (C. S. P. For., № 930, §11; 934, §1). Июльский эдикт носил лишь негативный характер, просто запрещая судьям и магистратам преследовать гугенотов, но ни в коем случае не признавая их религию. Кастельно, книга I, глава ii, очень ясно разъясняет это. Эдикт столкнулся с сильной оппозицией в парламенте, который дважды отклонял его большинством голосов (C. S. P. За., № 849, 28 января 1562 г.; Клод Хатон, I, 185, 186). Бенуа, *Histoire de l'Edit de Nantes*, I, Приложение, приводит текст вместе с первым и вторым указом короля от 14 февраля и 11 марта 1562 года, прямо предписывающим парламенту “приступить к чтению, публикации и регистрации указанного указа, отбросив все задержки и трудности”. В первом мандате, “Разъяснении и толковании правил, касающихся мотивов и содержания статей эдикта XVII де Жанвье 1561 года”, говорилось, что магистраты не являются должностными лицами по смыслу эдикта (Isambert, XIV, 129, n. 2). Klipfel, *Le colloque de Poissy*, chap. iii, указывает на то, что парламент Парижа был преступно неправ, встав на сторону насилия и поощряя нетерпимость населения. Парламент Руана был более благодушен и, похоже, быстро это заметил (C. S. P. For., № 891, §10, 16 февраля 1562 г.).

Январский эдикт иногда ошибочно датируется 17 января 1561 года. Ошибка возникла из-за путаницы в календаре в шестнадцатом веке. В 1561 году год во Франции юридически начинался с Пасхи, что, конечно же, перенесло 17 января в 1561 год. Но в 1564 году королевский *ордонанс* отменил это употребление и установил 1 января началом года, что перенесло 17 января в надлежащий 1562 год. Реформа календаря Григория XIII также изменила *дату месяца*, согласно современному летоисчислению. Но проще оставить установленные даты в силе. Генрих III разрешил использование григорианского календаря во Франции в 1582 году. Ясный отчет об этих изменениях см. в *Комментариях и письмах Монлюка*, IV, Введение, x-xi, барона де Рубле.

[471] Башет, *Журнал Конкиле де Трент*, 71.

[472] Клод Хатон, I, 177 и п. 1. Другие подробности см. в Castelnau, Книга III, глава i; *Отн. vén.*, II, 71.

[473] *Письма Ласкье*, II, 96. Минье характеризует положения январского эдикта как “гениальные, простые и мудрые”. Mignet, “Les lettres de Calvin” (*Journal des savants*, 1859, p. 762), and Haag, *La France protestante*, Introd., xix, as “le plus libéral édit qui ait été obtenu par les réformés jusqu’à celui de Nantes.”

[474] *C. S. P. For.*, № 789, §1, 8 января 1562 г., и ср. № 750, §3, 28 декабря 1561 г. Ввоз денег из Германии в Лотарингию ни для кого не был секретом.

[475] *Там же.*, № 729, §3, 16 декабря 1561 г. Екатерина Медичи, однако, могла говорить на этом языке (*там же.*, № 2155, 3 декабря 1571 г.).

[476] *Там же.*, № 729, §3, 16 декабря 1561 г. Шантонне, вне всякого сомнения, был моральным лидером Триумvirата и руководил его политикой. “Король Наварры, герцог Гиз, коннетабль, кардинал Феррары, маршалы Сент—Андре, Бриссак и Терм, кардинал Турнон, объединились, чтобы свергнуть протестантскую религию и истребить ее сторонников —это предприятие продвигается испанским послом здесь и испанскими угрозами.” -*C. S. P. For.*, № 934, §1, 14 марта 1562 г.

[477] *Там же.*, № 758, §12, 1 декабря; № 531, §4, 23 сентября 1561 г.

[478] Антуан де Бурбон Филиппу II 7 декабря 1561 г., К. 1494, № 116 (не в Рошамбо).

[479] *Депеши Микеле Суриано* (Общество гугенотов), 18 октября 1561 г. Все письмо чрезвычайно интересно.

[480] Иезуиты давно пытались получить легальный статус во Франции. Генрих II был благосклонен к ним, но парижский парламент, светское духовенство и Сорбонна были категорически против. Акт Пуасси признал иезуитов колледжем, но не религиозным орденом, к гневу Сорбонны. See Douarche, *L’Université de Paris et les Jesuites*, Paris, 1888, chap. iv. At the time of the expulsion of the Jesuits from France in 1761, in reply to the question of the crown as to their legal status, the cardinal de Choiseul made the following answer: “Lorsqu’ils ont été reçus en France l’an 1561, par le concours des deux puissances, ils se sont soumis et ont été astreints par la loi publique de leur établissement à toute superintendance, jurisdiction et correction de l’évêque diocésain et à se conformer entièrement à la disposition du droit commun, avec la renonciation la plus formelle aux privilèges contraires portés dans les quatre bulles par eux présentées ou autres qu’ils pourraient obtenir à l’avenir.” ... “*Le véritable état des Jésuites en France parâit donc être, suivant les lois canoniques reçues dans le royaume, l’état des réguliers soumis à la juridiction des ordinaires conformément au droit commun.*” Cf. Eugene Sol, *Les rapports de la France avec l’Italie, d’après la série K. des Arch. Nat.*, Paris, 1905, 119, 120. Оригинал документа находится в национальном архиве, К. 1361, N. 1, С.

[481] *C. S. P. For.*, № 934, §2, 14 марта 1562 г.

[482] *Там же.*, № 931, 9 марта 1562г.

[483] *Там же.*, № 924, §8, 6 марта 1562 г.; ср. *там же.*, № 715, §4, 12 декабря 1561 г.: “Испанский посол был удивительно горяч с королевой”.

[484] *Письма кардинала Феррарского*, № 14, 3 марта 1562г.

[485] C. S. P. For., № 891, 16 февраля 1562г.

[486] *Соответствует. де Шантонне*, К. 1497, № 17, 25 марта 1562 г. Это обстоятельство отмечают почти все хронисты: Д'Обинье, книга V, глава iii, 1; *Воспоминания де Конде*, I, 76, 77; *Арх. курс.*, VI, 59.

[487] Клод Хатон, I, 189.

[488] Beza, *Histoire ecclés.*, I, 416.

[489] Коллекция Годфруа (Библиотека института), том. XCVII, лист 19, 6 марта 1562г.

[490] *Inventaire des archives communales d'Agen*, BB., "Inventaire sommaire," XXX, 28 (April 17, 1562).

[491] Д'Обинье, II, 7, содержит длинный список городов, где произошли беспорядки.

[492] Васси был маленьким городком в епархии Шалон-сюр-Марн, в иждивении Жуанвиля, принадлежащего Гизам.

[493] В *Воспоминаниях Конде*, III, 124, приводится тщательно продуманная протестантская версия резни, которой предшествует письмо герцога де Гиза. Рассказ о Гизе содержится в *Воспоминаниях герцога де Гиза*, 471-88. Ср. Д'Обинье, 131; *Арх. кур.*, IV, 103. Длинное письмо испанского посла от 16 марта находится в К. 1497, № 14. Цитата из Ранке находится в его книге "*Гражданские войны и монархия во Франции*", 211.

[494] *Корреспонденция де Шантонне*, 20 марта 1562 г., К. 1497, № 16. Сообщений об этом событии предостаточно. См. La Popelinière, I, 287; Клод Хатон, I, 208; Д'Обинье, II, 10; письмо Санта-Кроче *варх. кур.*, VI, 55; La Noue, *Военная память.*, изд. Петито, 128 — очень интересно; и письмо очевидца в *Булле. de la Soc. de l'hist. du prot. franç.*, XIII, 5.

16 марта 1562 года указ короля Наваррского обязал капитанов и лейтенантов каждого квартала Парижа, избранных буржуазией, назначать прапорщиков, капралов и сержантов, а также зачислять в свои подразделения всех мужчин, способных носить оружие, как хозяев, так и слуг (Carefigure, 234, 235).

[495] Л'Обеспайн своему брату, епископу Лиможскому, послу Франции в Мадриде (*посольство Сен-Сюльпис*, 22; C. S. P. Eng. For., № 987, §7; манифест принца Конде Елизавете, 7 апреля 1562 г.).

[496] Это сравнение Д'Обинье, II, 14 и п. 2.

[497] Делаборд, II, 48; *Переписка Екатерины Медицинской*, I, 285, н.э.; C. S. P. For., № 987, §12, 31 марта 1562г.

[498] "Плохая репутация канцлера, не имеющая права на свободу".—*Корреспонденция Шантонне*, К. 1497, № 16, 20 марта 1562 г.

[499] Таванн, 271; C. S. P. For., № 943, 20 марта 1652г.

[500] Paris, *Négociations relatives au règne de François II*, 880.

[501] “Monsieur le conestable ayst d’opinion que l’on (fasse) une lètre patente par laquelle le roy mon fils déclère qu’i ne vould poynt ronpre l’édist dernier.... Ne distes rien deset que je vous dis de l’ambassadeur (Chantonay) qui ayst yci, mès au contrère distes qu’i comense à se gouverner mieulx et plus dousement qu’i ne solet en mon endroyt.”—Catherine de Medici to St. Sulpice, *circa* April 11, 1562, in *L’Ambassade de St. Sulpice*, 15, 16. Это характерный пример эксцентричного правописания королевы.

[502] Д'Обинье, II, 15.

[503] *Посольство Сен-Сюльпис*, 22; *C. S. P. For.*, № 967, 31 марта 1562 г. Елизавета написала Конде, чтобы он “помнил, что во всех делах вторые попытки еще опаснее первых”. —*C. S. P. For.*, № 965, 31 марта 1562 г. О политической теории гугенотов о том, что король был пленником и что они боролись за его освобождение, см. Weill, 66.

[504] *C. S. P. For.*, № 969, 31 марта 1562г.

[505] *Корреспонденция де Шантонне*, 25 марта 1562 г., К. 1497, № 17. Он сообщает также, что была захвачена лодка, спускавшаяся по Сене, нагруженная 4000 аркебузами и другими боеприпасами, все это было доставлено в Отель-де-Виль.

[506] *Корреспонденция де Шантонне*, К. 1497, № 17, 25 марта 1562г.

[507] *C. S. P. For.*, № 967, §12, 31 марта 1562 г.

[508] *Корреспонденция де Шантонне*, 2-4 апреля, К. 1497, № 18; 11 апреля, там же., № 22.

[509] Ла Нуэ, *Воспоминания*, глава. ii, описал этот марш.

[510] *Корреспонденция де Шантонне*, 8 и 11 апреля 1562 г., К. 1497, № 21, 22.

[511] *C. S. P. Ven.*, № 283.

[512] По словам Хотмана, покинувшего Орлеан 29 мая, силы гугенотов состояли из 15 000 пеших и 5000 конных.—Письмо ландграфу, 7 июня 1562 г., в *преподобной истории*, ХСVII март-апрель 1908 г., стр. 304.

[513] Конде вступил в Орлеан 2 апреля. 7-го числа он написал реформатским церквям Франции, требуя людей и денег в интересах освобождения короля и королевы-матери и свободы христианской религии (*Воспоминания де Конде*, II, 212).

[514] *Корреспонденция де Шантонне*, 11 апреля 1562 г., К. 1497, № 22.

[515] там же., № 21 от 8 апреля 1562; де рубля ред. д'Aubigné, второй, 18-20; *C. S. P. K.*, Постановление № 997, 10 Апреля, 1562; № По 1,043, §2, 24 Апреля, 1562. СР. Буланже, “Реформации данс Ла-провинция-дю-Мэн,” *Ревю де-соц. Савант. des départ.*, 2e sér., VII (1862), 548.

[516] “Leurs desseins cachés ont autre racine que celle de la religion, encores qu’ils le veuillant couvrir de ce manteau.”—Catherine de Medici to St. Sulpice, *L’Ambassade de St. Sulpice*, 59, August 9, 1562.

[517] “Déclaration faicte par monsieur le prince de Condé, pour monstrier les raisons qui l’ont contrainct d’entreprendre la défense de l’autorité du roy, du gouvernement de la royne, et du repos de ce royaume” (Orleans, 1562); cf. C. S. P. For., No. 1,003, Orleans, April 1, 1562.

Говорят, что в то время принц Конде выпустил монеты собственной чеканки с надписью “Людовик XIII”. Шантонне, однако, говорит, что это были медали (К. 1497, № 27, 2 мая 1562 г.). See the memoir of Secousse: “Dissertation où l’on examine s’il est vrai qu’il ait été frappé, pendant la vie de Louis Ier, prince de Condé, une monnaie sur laquelle on lui ait donné le titre de roi de France,” *Mém. de l’Acad. roy. des inscrip. et белл. lettres*, XVII (1751); Poulet, *Correspondance du cardinal de Granvelle*, III, 85. Уайтхед, *Гаспар де Колиньи*, 303 года, убежден, что эта история - выдумка.

[518] *Корреспонденция де Шантонне*, 11 апреля 1562 г., К. 1497, № 22.

[519] К. 1497, № 21, 8 апреля 1562г.

[520] C.S. P. For., № 1013, §12, 17 апреля 1562 г.

[521] *Архив curieuses*, сер. I, IV, 175.

[522] Руан был взят ночью 15 апреля. Floquet, *Histoire du parlement de Normandie*, II, 380.

[523] Рейналь, *История Берри*, IV, 35.

[524] Остановка гугенотами курьеров на службе Испании была источником большой тревоги для Шантонне. 8 апреля он написал Филиппу, советуя отправить курьеров через Перпиньян и Лион, чтобы их не перехватили, поскольку гугеноты командовали всей линией Луары. Ср. Письма Филиппу II, 24 апреля 1562 г., К. 1497, № 25; К. 1497, № 21; К. 1497, № 28.

В его письме от 5 мая (К. 1497, № 28) описывается приключение курьера, доставившего депешу епископа Лиможского. Ему нанесли двадцать ударов ножом, но ему удалось сбежать. Сен-Сюльпис сообщает о подобном опыте с “кавалером из Байонны” в письме Екатерине от 30 июня 1562 года. Д'Андело перехватил письмо герцога Альвы (К. 1497, № 26, 28 апреля 1562 г.) и принца Конде, одно из писем епископа Лиможского Екатерине Медичи (К. 1497, № 33). Активность гугенотов в Гаскони вызывала особое беспокойство французского и испанского правительств, поскольку они постоянно проверяли курьеров, доставлявших официальные депеши между Парижем и Мадридом. Письма Сен - Сюльписа содержат много жалоб из - за перехвата его корреспонденции (см. стр. 30, 35, 37, 38, 41, 59). Но гугеноты были не единственными, кто чрезмерно тщательно изучал письма. Филипп II часто просил показать письма Карла IX и его матери к своей жене, так что Сен-Сюльпис посоветовал Екатерине всегда посылать два письма, одно из которых должно было быть “пустышкой” для показа королю (*Посольство Сен-Сюльпис*, 136). Испанский посол сказал Филиппу, что ему придется выступить открыто и объявить войну, чтобы защитить свои собственные интересы (К. 1497, № 26, 25 апреля 1562 г.). Он уже тогда предвидел вероятную комбинацию французских гугенотов и голландских повстанцев и предупредил Маргариту Пармскую быть настороже (*Корреспонденция де Шантонне*, К. 1497, № 30, 33, Филиппу II).

[525] C. S. P. For., № 1043, §2, 24 апреля 1562 г.

[526] 24 апреля кардинал Лотарингский прибыл в Париж с 1000 всадников (C.S. P. For., № 1043, §11, 24 апреля 1562 г.; *Корр. де Шантонне*, 28 апреля, К. 1497, № 2).

[527] Этот знаменитый документ, датированный 21 апреля 1562 г., находится в К. 1496, В, 14, № 61 и выставлен в Архивном музее. Письмо Шантонне Филиппу II от 24 апреля проливает интересный свет на ситуацию. В нем посол советует королю написать лично королеве-матери, но не всем по отдельности, а одним письмом, потому что, если бы к Антуану Наваррскому не обращались как к *королю Наварры*, он бы отказался его получить, тогда как если бы письмо было адресовано всем вместе, этого осложнения можно было бы избежать (К. 1497, № 25).

[528] Испанский король удовлетворил эту просьбу 8 июня 1562 года (Филипп II Маргарите Пармской; Гашар, *Переписка Филиппа II с Пэй-Бас*, II, 218-23.)

Он обещал прислать 10 000 пеших и 3000 кавалерийских, в основном итальянцев и немцев; ср. Де Рубле, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, IV, 214. Примерно в то же время констебль обратился в Рим через Санта-Кроче с просьбой о займе в 200 000 экю и отряде солдат (*Арх. кюр.*, VI, 86).

[529] Швейцарский сейм, собравшийся в Солере 22 мая, предложил 6000 пехотинцев под командованием капитана Фрелиха (Письмо Хотмана в *Историческом ревю.*, XCVII, март-апрель 1908 г., стр. 305).

[530] *C. S. P. For.*, № 6, §1, 2 мая 1562 г. Испанский посол был глубоко разгневан на Екатерину за эту новую увертюру. Посредником был Рейнгрейв, но Шантонне убедил лидеров не признавать его (*корр. де Шантонне*, 28 апреля 1562 г.; К. 1497, № 26). Герцог Савойский предложил предоставить 10 000 пехотинцев и 600 всадников, из которых 3000 первых и 200 вторых - за его счет. Это стало результатом беседы Шантонне с послом Савойи Моретой в начале апреля, когда он обсуждал с ним возможное восстановление крепостей в Пьемонте (К. 1497, № 21, 8 апреля 1562 г.).

[531] Папа римский предложил давать 50 000 крон в месяц.

[532] “Suisses, lansquenetz et reystres, seront en ce pays devant la fin de ce mois, sans vostre secours d’Espagne.”—*L’Ambassade de St. Sulpice*, 24, June 12, 1562. Следует понимать, что во многих европейских государствах, особенно в Германии, содержание регулярных войск еще не вошло в практику. Вместо этого князья зависели от наемных войск, набранных каким-нибудь выдающимся капитаном. Эти войска, подчинявшиеся *кондотьерам* Италии, назывались *ланцкнехтами* или *рейтерами*. Лангуэт клеймит эту практику в *Послании. ad Camerariam*, 28; ср. *Арх. д’Оранж-Нассау*, I, 104. В протестантской Германии существовало ощущение, что политика Франции угрожает уничтожением евангелия в других регионах, помимо Франции, и поэтому ей следует противостоять по общему согласию. Курфюрст палатинский, ландграф, и Карл, маркграф Баденский, планировали отправить посольство во Францию от имени протестантских князей, чтобы унять тамошние разногласия и попросить предоставить такую же свободу вероисповедания, какая была разрешена эдиктом от 17 января. Многие выступали за открытую лигу между всеми протестантскими государствами для взаимной защиты, в надежде, что простое знание о такой лиге сдержит их противников (*C. S. P. For.*, № 11, 2 мая 1562 г.). В Германии разделились мнения относительно того, следует ли Конде также зачислять иностранцев, или же лютеране должны вторгнуться на территории тех, кто пострадал от этих сборов. Агенты Гизов распространили печатное извинение за резню в Васси (Д’Обинье, II, 16 и № 2; *La Popelinière*, I, 327).

Рамбуйе и Д'Уазель, агенты Франции в этих странах (Сен-Сюльпис, 77; *Kopp. de Catherine de Médicis*, I, 364) в значительной степени воспользовался помощью короля Испании и получил верительные грамоты от Шантонне. Герцог де Гиз даже послал агента, графа де Русси, в Англию, чтобы выяснить намерения Елизаветы и выяснить военное состояние ее королевства (ср. *Beza, Hist. des églises réformées*, ed. of Toulouse, I, 373; De Ruble, IV, 103 ff.; *L'Ambassade de St. Sulpice*, 13; *C. S. P. For.*, No. 1,037, April 21, 1562).

Аргумент католиков с немецкими протестантскими князьями и имперскими городами заключался в том, что гугеноты были политическими диссидентами и мятежниками, и что религия была для них предлогом (*Посольство Сен-Сюльпис*, 65). Чтобы противодействовать этому учению, гугеноты распространили по Рейнским провинциям брошюру, написанную Хотманом, в которой пытались нейтрализовать различия между кальвинизмом и лютеранством. (Эта любопытная брошюра напечатана в *Воспоминаниях де Конде*, II, 524; *La Popelinière*, I, 325. В этом качестве Хотман был неocenim. Некоторые из его писем того времени находятся в *Мемуарах Академии.*, CIV, 662-65.)

Немецкие князья в целом пытались помешать солдатам покинуть Германию. Ландграф Филипп Гессенский арестовал офицера кавалерии, который тайно вербовал всадников в Гессене и который сказал, что делает это для Роггендорфа, разорвал офицерское удостоверение у него на глазах и заставил его поклясться покинуть свой замок без паспорта. Герцог Вюртембергский также позаботился о том, чтобы ни один доброволец не прошел маршем через Монбельяр во Францию, а Страсбург запретил кому бы то ни было вступать в армию под страхом суровых наказаний. Епископы Рейна хранили молчание; только в Лотарингии и Трех епископствах вербовка католиков проходила беспрепятственно. Сержантом-вербовщиком гизов в Германии был знаменитый Роггендорф, фризец по происхождению, который был изгнан со своей родины в 1548 году и с тех пор жил жизнью авантюриста, проводя часть времени в Турции. (Смотрите интересную заметку в Poulet, I, 542, со ссылками.) 8 апреля король Наварры от имени Карла IX подписал с ним соглашение о привлечении к услугам 1200 немецких конных стрелков и четырех пехотных корнетов по 300 человек в каждом (Д'Обинье, II, 33, п.). Эти силы вошли во Францию в конце июля и достигли лагеря в Блуа 7 августа (Д'Обинье, II, 76, п. 3).

Одной из причин, по которой протестантские князья Германии не смогли немедленно заявить решительный протест французской короне, было то, что посланники курфюрста палатинского, герцогов Деупонта и Вюртемберга, ландграфа Гессенского и маркграфа Баденского в течение месяца не были обеспечены охранными грамотами из предосторожности Гизов, в результате чего Роггендорф в первую неделю мая переправил 1200 кавалеристов через Рейн и через Трев во Францию за Гизами, хотя протестантские князья сделали все возможное. они могли воспрепятствовать проходу и упрекали епископов Трева и Кельна за то, что они позволили им взимать налоги на своих территориях. Потерпев неудачу в более важных делах, протестантские князья Германии в июле 1562 г. наложили запрет на Роггендорф в своих соответствующих государствах (ср. *C. S. P. For.*, № 244 и 269, 13 июня и июль 1562 г.). В конце концов, несмотря на предприимчивость гизов, можно сказать, что французские католики потерпели неудачу за Рейном, то есть в собственно Германии, но не в Швейцарии или епископальных государствах. Д'Ойзель, отправленный Карлом IX в июле в Гейдельберг (Д'Обинье, II, 97 и № 1; "Рабочий", I, 430), получил короткий и определенный ответ, "который показал ему, насколько беспочвенны были его надежды на помощь с этой стороны, документу, которому придавалось такое большое

значение, что он был немедленно напечатан для более широкого распространения" (C. S. P. For., № 414, 3 августа 1562 г., и Введение, xi).

У Капитанов короля Испании были деньги, и им было приказано, чтобы, как только солдаты будут переброшены из Германии во Францию, они набрали людей для защиты его территорий (C. S. P. For., № 11, 2 мая 1562 г.). В епископстве Трев легко набирали солдат, поскольку путь оттуда во Францию был коротким (*там же.*, № 74, 19 мая 1562 г.).

В Швейцарии гугеноты пытались убедить протестантские кантоны помешать католическим кантонам оказывать поддержку Гизу (C. S. P. Ven., № 285, 29 апреля 1562 г.). Гизы потребовали от имени короля ввести налоговый сбор с папистских кантонов Швейцарии (*кopp. de Catherine de Médicis*, I, 289, April 8, 1562). Кантоны пообещали прислать 15 прапорщиков; но протестантские кантоны, особенно Берн, заявили принцу Конде, что они не допустят, чтобы на их территории против него были мобилизованы какие-либо солдаты под страхом конфискации имущества. Тем не менее, швейцарским католикам удалось добиться нескольких зачислений, и 8 июля мужчины разъехались по домам. 7 августа эти наемники прибыли в Блуа, пройдя через Франш-Конте (De Thou, книга XXX). Ими командовал капитан Фрелих (см. Д'Обинье, II, 148; Цурлаубен, *Hist. milit. "о самоубийстве"*, IV, 287 и далее; Письмо Хотмана в "Преподобной истории", XCVII, март-апрель 1908, 307).

[533] *Correspondance de Chantonay*, K. 1,497, No. 22.

[534] "Флер мира".—*Посольство Сен-Сюльпис*, 41. Подробнее см. *там же.*, 24, 26-29, 36-38, 41, 50-54; *Переписка кардинала де Ферраре*, Письмо 40, 3 июля 1562 г.; Д'Обинье, II, 91 и № 2; Рубль, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, 220.

[535] Сен-Сюльпис сомневался в целях Филиппа II и подозревал политические замыслы "в титуле защитника нотр-дам" (*посольство Сен-Сюльпис*, 39). Тем не менее, он верил в репрессивные методы Филиппа — даже в инквизицию. Смотрите его письмо французскому послу в Тренте на стр. 28.

[536] C. S. P. For., № 46, §3, 11 мая; № 86, §1, 23 мая 1562 г. Ср. № 248—Чаллонер Элизабет из Бильбоа, 24 июня 1562 г. Испания основала военно-морскую базу в Ла-Реоле, чтобы помочь Ноаю, наместнику короля в Гиенне (*Посольство Сен-Сюльпис*, 61).

[537] *Переписка де Шантонне*, K. 1497, № 21, 8 апреля 1562 г.; C. S. P. Eng. For., № 1058, 27 апреля 1562 г.; *там же.*, № 6, §2, 2 мая 1562 г.

[538] *Переписка де Шантонне*, K. 1,497, № 33, 2 мая 1562 г. Филип прокомментировал это на полях в том смысле, что, если бы католики были так же активны, как гугеноты, им было бы лучше.

[539] Шантонне особо отмечает это в депеше от 18 апреля 1562 г., K. 1497. То же самое делает и тосканский посол (*Her. Tosc.*, III, 481, июнь 1562 г.). Путешествовать по Франции было опасно (Уиндебенк Сесилу, C. S. P. Dom., XXII, 53, 8 апреля 1562 г.).

[540] *Дом С. С. Р.*, XXII, 60, 17 апреля 1562 г. Париж носил красные и желтые ленты — цвета обличий. "Ceux de Paris disent publiquement qu'on doit renvoyer la reine en Italie et qu'ils ne veulent plus avoir de roi qui ne soit catholique. Ils en ont d'ailleurs un que Dieu leur a donné, c'est le grand 'roi de Guise.'" Letter of Hotman in *Rev. hist.*, XCVII, March-April, 1908, 305.

[541] Д'Обинье, Книга II, глава iv.

[542] *Корреспонденция де Шантонне*, К. 1497, № 36, 28 мая 1562 г.

[543] Важность Лиона, расположенного так близко к кантонам Швейцария и Женева, подчеркивается в *Нег. Тоск.*, III, 488, 6 июля 1562 г.

[544] *Корреспонденция де Шантонне*, 24 апреля 1562 г., К. 1497, № 25. О ситуации в Руане см. *Воспоминания де Конде*, III, 302 и далее; и дневник гражданина в *Ретроспективе Ревю*, V, 97. Монтгомери, находившийся в западной Нормандия о Вире отправила письмо короля обратно, осквернив его грязью, по крайней мере, так говорит Шантонне, К. 1497, № 27, 2 мая 1562 г.

[545] See Carel, *Histoire de la ville de Caen sous Charles IX, Henri III et Henri IV*, Caen, 1886.

[546] Герцог Бульонский, комендант замка Кан, предпринял попытку обуздать население (C. S. P. For., № 303, §7, 12 июля 1562 г.). Он выдавал себя за нейтрального, но в конце концов стал гугенотом.

[547] C. S. P. For., № 101, 27 мая 1562 г.

[548] Там же., № 68, 18 мая 1562 г.; ср. № 69, §10.

[549] C. S. P. For., № 69, §16, 18 мая 1562 г.

[550] Forbes, II, 8; ср. Планш, *История Бургундии*, IV, 556.

[551] Об этих переговорах см. *Воспоминания де Конде*, III, 384, 388, 392, 393, 395.

[552] C. S. P. For., № 106, §2, 28 мая 1562 г. В начале первой гражданской войны в королевской армии было всего двадцать два артиллерийских орудия (*Рел. vén.*, II, 101).

[553] C. S. P. For., № 107, 28 мая 1562 г.; № 174, 9 июня; *Воспоминания де Конде*, III, 462. Другим королевским указом военное правительство Парижа было передано в руки проректора купечества иэшевинов города (“Заявление о важном разрешении на управление маршалами и эшевинами в городе Париж, на размещение в кварталах Исель, капитанов, капралов, сержантов банд и других католических чиновников. A Monceaux, le 17 May 1562;” also in *Ordonnances de Charles IX*, par Robert Estienne, fol. 187; *Mém. de Condé*, III, 447), in compliance with a popular request made a week earlier; “Ordonnance du Roy, donnée en conséquence de la Requête des Habitans de Paris, par laquelle il leur est permis de faire armes ceux que dans cette Ville sont en état de porter les armes, et d’en former des Compagnies, sous des Capitaines qui seront par eux choisesr,” May 10, 1562 (*Mém. de Condé*, III, 422, 423). The Venetian ambassador wisely observed “Perciochè dar liberamente l’armi in mano ad un populo così grande e così furiosi, benchè fosse cattolico, non era farse cosa molto prudente.”—*Rel. vén.*, II, 98; cf. *Nég. Тоска.*, III, 280.

[554] Смотрите письмо Шантонне Филиппу II от 28 мая, к которому прилагается эдикт и даются эти и другие подробности, К. 1,497, № 36.

[555] “Cependant tout se ruyne et se font tous les jours infiniz meurdres et saccagemens de part et d’autre vous verrez par les chemyn’s une partye de la pitié qui y est, et ce royaume au plus callamiteux estat qu’il est possible.”—L’Aubespine à l’Evêque de Limoges, June 10, 1562; *L’Ambassade de St. Sulpice*, 22.

[556] Chaumet, “Procès-verbal des titres et ornements brûlés par les protestants,” *Les protestants et le Cathédrale d’Angoulême en 1562*, in *Bull. de la Soc. arch., etc.* 4e sér., VI, 1868-69 (Angoulême, 1870), 497.

Gellibert des Seguius, *Aubeterre en 1562*; “Enquête sur le passage des protestants en cette ville, le pillage de l’église Saint-Jacques et la destruction des titres et papiers du chapitre,” *Bull. de la Soc. arch., etc.*, 1862, 3e sér., IV (Angoulême, 1864).

[557] Беспорядки в Тулузе были вызваны эдиктом парламента Тулузы (2 мая), запрещающим кальвинистское богослужение и ношение оружия гугенотами (К. 1495, № 35; печатная копия эдикта). Обе стороны три дня боролись за владение ратушей, где хранилось оружие. Говорят, что было убито около 5000 протестантов (*корр. де Шантонне*, 1497, № 36, 28 мая 1562 г.; *Комментарии Монлюка*, книга V, 234-37,) Ла Попелиньер (“кто это видел”), I, 311 и далее; Д’Обинье, книга II, глава II. iv; *Lettres du cardinal de Ferrare*, No. 30, June 23, 1562; cf. *Histoire véritable de la mutinerie, tumulte et sedition faite par les prestres de St. Medard contre les Fideles, le Samedi XXVII juin de 1562*; Bosquet, *Histoire sur les troubles advenus en la ville de Tolose, l’an 1562, le dix-septiesme may*, Nouv. édition, avec notes, Paris, 1862; *Histoire de la délivrance de la ville de Toulouse*, 1862.

[558] Станклифт, *Королева Елизавета и французские протестанты* (1559-60), Лейпциг, 1892.

[559] Колл. “автографы писем”, Отель Друо, 18 марта 1899 г., № 19; кардинал Шатийон королеве-матери, 28 мая 1562 г., протестует против того, что мир невозможен без изгнания Гизов от двора. Ср. *R. Q. H.*, январь 1879 г., 14, 15.

[560] “Tous jours sur le point que messieurs de Guise, conestable et mareschal de St. André se retirent de la cour.”—L’Aubespine, secrétaire d’état à son frère M. de Limoges, ambassadeur en Espagne, June 10, 1562; *L’Ambassade de St. Sulpice*, 22; cf. the same to the same, June 12, p 24. Об этих безуспешных переговорах см. Д’Обинье, II, 33-35; Ла Попелиньер, I, 323; *Воспоминания де. Condé*, 489; La Noue, *Mém.*, Book I, chap, ii; Ruble, *Antoine de Bourbon et Jeanne d’Albret*, IV, chap. xix.

Конде далее оправдывал восстание гугенотов на том основании, что король и его мать были “пленниками” в руках триумvirата, но это заявление было слишком прозрачным, чтобы ему можно было поверить. Сама Екатерина, чтобы опровергнуть это, взяла короля с собой в Монсо (*корр. де Шантонне*, 28 мая 1562 г., К. 1497, № 36), откуда она написала в парижский парламент, объяснив причину своего поступка. Парламент немедленно одобрил ее курс. *Mém.—journaux du duc de Guise*, 495, col. 2: “Acte par lequel la Reinemère et le Roy de Navarre declarent que la retraite volontaire que font de la cour du duc de Guise, le Connestable et le mareschal de St. André, ne pourra porter préjudice à leur honneur” (May 28, 1562).

[561] “Лагеря смерти, душа льва Орлеанского и никто из нас не отправляется в путь, чтобы спасти серу”. — Екатерина Медичи Елизавете Испанской, 13 или 14 июня 1562 г., в *амбассадe Сен-Сюльпис*, 31.

[562] 21 июня, как обычно, без особого успеха, были проведены переговоры между принцем Конде и его братом в Божанси, которые были нейтрализованы для этой цели (Д’Обинье, II, 37 и п. 4). Во время интервью барон де Рубле обнаружил переписку руководителей компании. Король Наварры убеждал своего брата принять условия, предложенные королем, то есть позволить

гугенотам мирно жить в своих домах до тех пор, пока совет не разрешит спорные вопросы. Он пообещал, что в любом случае протестанты должны иметь свободу совести. Но когда принц настоял на том, чтобы эдикт был приведен в исполнение даже в Париже, Антуан ответил, что корона никогда не согласится на такие условия (*C. S. P. For.*, № 329, §§ 1, 2, 17 июля 1562 г.). Даже пока существовало перемирие, обе стороны ежедневно брали разбросанных пленных. (Для получения других военных подробностей см. *Воспоминания де Ла Нуэ* [изд. Panthéon litt.], 284; D'Aubigné, II, 39, 40; Beza, *Histoire des églises réformées*, I, 540, 541; and the "Discours ou récit des opérations des deux armées catholique et protestante dans les premiers jours de juillet," in *De Ruble, Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret*, IV, 414).

[563] Не так обстояло дело с королевскими войсками, которые были расквартированы по городам региона и своими поборами почти истребляли людей (Клод Хатон, I, 279).

[564] Католики в насмешку называли дворян-гугенотов "мельниками". Во время беседы 9 июня между принцем и королевой-матерью последняя сказала: "Во имя сыновей мейнье, мой кузен", - выпад, которому принц Конде более чем соответствовал ответом: "Вы любите друг друга, мадам!" Этот анекдот передан Д'Обинье, II, 35.

[565] Ср. письмо Гиза кардиналу Лотарингскому, Приложение III; *C. S. P. For.*, № 238; № 264, §3, 29 июня.

[566] Там же., № 425, 5 августа 1562 г.; *Архивы Жиронды*, XVII, 270. Констебль арестовал Тура и Виллара Шательро (Д'Обинье, II, 41-44). О деятельности Burie в Перигоре см. *Архивы Жиронды*, XVII, 271. В Базасе местный судья с помощью испанских войск фактически распял нескольких кальвинистов (там же., XV, 57).

[567] Ла Нуэ признает, что хваленая дисциплина гугенотов была опозорена их здешними зверствами (*Военная память.*, глава xvi; ср. *C. S. P. Ven.*, № 288, 16 июля 1562 г.).

[568] О войне в Лионе, Дофине, Провансе и Лангедоке см. Д'Обинье, Книга III, глава vii. Эти заметки очень ценны. Де Адрес объявил всех католиков в Лионе, Бургундии, Дофине и Лимузене восставшими против короля (*C. S. P. For.*, 340). Он не был гугенотом в собственном смысле этого слова, но восстал против короля и встал на сторону гугенотов, потому что завидовал Ла Мот Гондрен, которая стала лейтенантом дю Руа вместо него в Дофине (см. Д'Обинье, II, 49, п. 5).

[569] Д'Обинье, II, 48. В июне он восстановил Шалон-сюр-Марн, а в августе - Макон (Таванн, 339, 343).

[570] Именно в этот момент Д'Андело был отправлен в Германию за помощью (*C. S. P. For.*, № 374, §7, 27 июля 1562 г.).

[571] В Понт-Одемере герцог приказал повесить проповедника, а затем нескольких лучших граждан и даже мальчиков (*C. S. P. Ven.*, 355, 23 июля 1562 г.). Были также опасения, что англичане высадят войска в Гиенне (*Архивы Жиронды*, XVII, 284).

[572] *C. S. P. Ven.*, № 354, 23 июля 1562 г.; Клод Хатон, I, 301; *C. S. P. For.*, 185, 13 июня 1562 г.; ср. 246, § 24; но смотрите заявление герцога Омале королеве-матери от 9 июля, в котором

утверждается, что те Руан, Дьепп и Гавр подвергались разграблению без разбора (Приложение IV).

[573] Д'Обинье, II, 52-73. Принц Оранский оказался в очень сложном положении. Его княжество постоянно подвергалось нападкам короля Франции и папы римского из Авиньона. Более того, поведение гугенотов скомпрометировало его из-за их насилия по отношению к священникам в святынях (Архивы дома Оранжевых в Нассау, I, 71, 72; Раумер, II, 211-256).

[574] Форнерон, *История Филиппа II*, I, 294. Монлюку нет равных в остроте его политического проникновения. Барон де Рубле справедливо говорит, что в этом отношении старый солдат соперничает с Хотманом и Боденом. Посмотрите на абзац, написанный в декабре 1563 года, который можно найти в мемуарах, которые он отправил Дамвилю, оправдывая свою отставку с поста лейтенанта Гайенны (*Комментарии и письма Монлюка*, IV, 297, 298 и примечание).

[575] В истории войн мало что может быть интереснее, чем колоритное, эгоистичное, словоохотливое, но иногда емкое повествование этого ветерана-лидера. Пятая книга *Комментариев* Монлюка полностью посвящена войне в Гиенне в 1562-63 годах. Его переписка за тот же период приведена в IV, 111-225; добавим Безу, *"Историю реформ в Англии"*, которая удивительно точна и беспристрастна.

[576] Колл. Тремон, № 51.—Антуан де Бурбон пишет месье де Жарнаку из лагеря в Жьене, 12 сентября 1562 г., относительно отправки войск на юг, чтобы присоединиться к войскам Бури и Монлюка.

[577] *Комментарии и письма Монлюка*, II, 345, и примечание. Его титул был "консерватор Гайенны" (О'Рейли, *История Бордо*, 221).

[578] *Комментарии и литература Монлюка*, II, 357.

[579] Там же., 416, 421.

[580] "Французы пощадили тамошних женщин, но испанцы убили их, сказав, что они были переодетыми лютеранами. Эти негодяи хладнокровно убили около 300 пленных — ни один человек не спасся, кроме двоих, которых спас я". — Монлюк, II, 457, 458. Когда эти испанцы позже взбунтовались и дезертировали летом 1563 года, даже католики не пожалели об их уходе (*Посольство Сен-Сюльпис*, 144, 152). Об условиях, на которых они пришли, см. Монлюк, IV, 452, 453; Д'Обинье, II, 91, п. 2; 94, п. 4.

[581] См. *Комментарии и письма монлюка*, III, 37 и далее; Де Ты, книга XXXIII; Д'Обинье, II, 95; *Бык. de la Soc. de l'hist., du prot. franc.*, II (1854), 230; *C. S. P. For.*, 837 и 415, §12 (1562). Я намеренно построил этот рассказ на рассказе Монлюка в книге V его *Комментариев*. Дополнительным источником для Лектура и битвы при Верге является его длинное письмо Филиппу II, опубликованное в *Посольстве Сен-Сюльпис*, 84-86; добавьте также Де Рубле, *Антуан де Бурбон и Жанна д'Альбре*, 244-56.

[582] *Mém. de Condé*, III, 756: "Fragment d'une lettre de l'ambassadeur du duc de Savoye, à la Cour de France. De Paris du dernier de juillet, 1562;" cf. *Nég. Тоска.*, III, 492, 493.

[583] See an article by De Crue, “Un emprunt des Huguenots français en Allemagne et en Suisse (1562). Pleins pouvoirs données à M. d’Andelot par le prince de Condé—Orleans, 7 juillet, 1562,” *Rev. d’hist. dip.*, 1889, 195.

[584] *Посольство Сен-Сюльпис*, 77; *C. S. P. For.*, 884, 9 октября 1562 г. Его инструкции содержатся в *Мемуарах де Конде*, III, 630. См. Письмо Хотмана от 27 июля 1562 г. курфюрсту палатинскому, *Mém. de l’Acad. des inscrip. et belles-lettres*, CIV, 668. Оригинал находится в архиве в Штутгарте. Это письмо было передано герцогу Вюртембергскому графом Палатином и явилось достаточным искушением, чтобы повести первую из знаменитых орд немецких рейтеров через границу во Францию.

[585] Клод Хатон, 267. Смотрите в *Воспоминаниях де Конде*, III, некоторые письма, касающиеся прихода рейтеров в этом году.

[586] “Ceux-ci [reiters] sont toujours prêts à se battre, mais en tout le reste, ils n’obéissent à personne et montrent la plus grande cruauté. Ils pillent tout, et cela ne leur suffit pas. Ils dévastent tout et détruisent les vins et les récoltes.”—Letter of Hotman in *Rev. hist.*, XCVII, March-April, 1908, 311.

[587] Клод Хатон, I, 294.

[588] *Там же*. Из отчета в Бухгалтерии, подтвержденного Сесилом, мы знаем, каково было жалование этих наемных солдат: “Жалование каждого рейтера составляет 15 флоринов в месяц. Угощение ротмистров - флорин за каждую лошадь, а в каждом корнете 300 человек. Лейтенантам, помимо жалования в один рейтер, полагается 80 флоринов. Прапорщик, помимо жалования в один рейтер, получает 60 флоринов, а восемь офицеров, помимо жалования в один рейтер, получают по 15 флоринов на каждого. Жалование и назначения 4000 рейтеров с их офицерами *на одного человека* составляют 122 048 *турнских* ливров, что равно 81 532 флоринам. Полковник - 3000 флоринов; 15 офицеров равны 300 флоринам. На каждые десять рейтеров должна быть предоставлена карета с четверкой лошадей по 30 флоринов в месяц. Итого (не считая возвращенных денег) 127 448 *турнских* ливров, или 84 966 флоринов. Общие расходы за четыре месяца, включая налог, составляют 569 792 *турнуаских* ливра, что равно 379 861 флорину.

“За взимание 6000 ланскнехтов: за их взимание - крона в месяц. Жалование каждого прапорщика из 300 человек в месяц составляет 3500 *турских* ливров. Общий расход за четыре месяца - 395 000 *турнуа* ливров - равен 263 337 флоринам. Общая сумма с учетом прочих расходов, 1 759 792 *турнуаских* ливра, равна 211,174,175, 2d”.

[589] Д'Андело перешел Рейн 22 сентября, слишком поздно, чтобы освободить Бурж.

[590] Смотрите яркое описание этого набора у Клода Хатона. Новые поборы нанесли большой ущерб стране Бри и Шампани, поскольку их продержали в деревнях более пяти недель, прежде чем отправить в лагерь, и все это время рейтеры приближались вплотную (I, 295).

[591] Клод Хатон, I, 295. Он добавляет, что Екатерина Медичи послала ему секретный приказ сделать это. Но в ее переписке нет никаких доказательств этого, и последующая ошибка Д'Омаля в 1569 году, благодаря которой гугеноты смогли завладеть “Ла Шарите”, оправдывает вывод о том, что его действия были вызваны неспособностью как генерала.

[592] Долгое присутствие рейтеров во Франции во время гражданских войн ввело во французский язык много немецких слов, например, *bière* (*Bier*); *blocus* (*Blockhaus*); *boulevard* (*Bollwerk*); *bourgmestre* (*Burgmeister*); *canapsa* (рюкзак); *carousser* (*Garaus machen*); *кастин* (Калькштейн); *халте* (*halt*); *тринкер* (тринкен) и, конечно, *Рейтер* (*Рейтер*) и *ланскне* (*Ланцкнехт*). See Nyrop, *Grammaire historique de la langue française*, I, 51. Rabelais abounds with such words, e. g., “Je ne suis de cas importuns *lifrelofres* qui, par force, poultraige et violence, contraignent les lans et compaignons *trinquer*, voire *carous* et alluz qui pis est.” Рабле, Книга IV, пролог. То же самое и в книге IV, продолжение: “Я никогда не видел смысла в том, чтобы привлечь всеобщее внимание”.

[593] В Провене горожане по собственной инициативе обложили налогом свой город, бейливик и *рассорт* (пансион) в размере 7000 ливров *турнуа*, причем эта сумма взималась с лиц всех сословий, причем только с тех, кто отправился на войну на королевской службе. исключено. Этот сбор вызвал большое недовольство, особенно среди духовенства, которое подало апелляцию на судебного пристава ижен короля в Суд Спида, утверждая, что сбор был произведен без королевского разрешения и без согласия заинтересованных лиц. Судебный исполнитель пошел на компромисс, пообещав духовенству вернуть уплаченные ими деньги и не требовать с них больше, и поэтому процесс был прекращен (Клод Хатон, I, 296, 297).

[594] Об осаде Буржа см. Д'Обинье, II, 77 и далее; Рейналь, *История. du Berry*, IV; *Mém. des antiq. de France*, sér. III (1855), II, 191 ff.; *Nég. Tosc.*, III, 494, 495; Бойер, *Док. соотв. au régime de l'artillerie de la ville de Bourges dans le XVIe siècle*, 641; in *Bull. du Comité de la langue, de l'hist. et des arts de la France*, III, 1855-56. Капитуляция Буржа содержится в *Воспоминаниях де Конде*, III, 634. Смотрите также “Дневник Жана Глаумоу” под редакцией М. Буркло в *Записках о соц. по антиквариату. de France*, XXII. Филипп II выразил свое недовольство условиями, предложенными Сен-Сюльпису, сказав: “Вопрос о том, какие условия кажутся приемлемыми для того, чтобы взять на себя ответственность за жизнь” (*Посольство Сен-Сюльпис*, 70, 75. Мнение Алвы приведено на стр. 78).

[595] Клод Хатон, I, 285. Philip II told St. Sulpice “quant un voyage de Normandie, bien qu'il l'estimait être bien entrepris, qu'il semblait qu'il eut été meilleur de s'adresser à Orleans, où étaient les chefs, afin qu'ils ne se grossissent d'avantage.”—*L'Ambassade de St. Sulpice*, 75.

[596] *C. S. P. For.*, № 374, §7, 27 июля 1562 г.; № 510, §1, 10 августа 1562 г. Об операциях рейтеров вокруг Парижа летом 1562 г. см. Д'Обинье, книга III, глава xii; ценные заметки Де Рубля.

[597] Даваль, *История преобразования в Дьеппе, 1557-1657*. Опубл. pour la Ire fois avec introd. et notes par E. Lesens (Société rouennaise de bibliophiles. B 2 т., 1879).

[598] *C. S. P. For.*, № 975, 976, 1,002. Это ходатайство носило характер признания заинтересованности в них со стороны английской королевы. Ибо еще в марте она послала заверения в своей заинтересованности Конде и адмиралу (*там же.*, № 965, 3 марта 1562 г.).

[599] *C. S. P. For.*, № 973, 1 апреля 1562 г.

[600] *Там же.*, № 1013, §13, 17 апреля 1562 г. Елизавета сочла предложение своего посла настолько благоприятным, что весной отправила сэра Генри Сидни во Францию на помощь Трокмортону. Смотрите инструкции в *C. S. P. Для.*, № 1,063, 1,064, 28 апреля 1562 г.

[601] “Et il assure que bien qu’elle prenne à dépit de voir que les catholiques soient secourus de deça, elle est persuadée que son meilleur est de se contenir et regarder de loin ce qui adviendra.”—
L’Ambassade de St. Sulpice, 55, July, 1562.

[602] “Ответы герцога Альбского в Сен-Сюльпис, 8 октября 1562 г.”, *Посольство Сен-Сюльпис*, 79; ср. 92, 93, 103.

[603] Трокмортон, английский посол во Франции, настоятельно настаивал на такой политике, “хотя это стоило миллион крон” (*C. S. P. For.*, № 418, 4 августа 1562 г.). Это было в форме альтернативных предложений гугенотам. По получении Гавр-де-Граса Англия должна была передать трех заложников в качестве гарантии договора графу палатину Рейнскому и выплатить в Страсбурге 70 000 крон; также передать в Дьепп 40 000 крон в течение двадцати дней после получения Гавр-де-Граса и 30 000 крон в течение двадцати дней после этого, которые Конде использовал при обороне Руана и Дьеппа и в остальной Нормандии, при том понимании, что Гавр-де-Грас должен был быть передан Франции после восстановления Кале и освобождения города. досрочное погашение 140 000 крон. Второе предложение было такого рода: по получении Гавр-де-Грас Англия должна была доставить трех заложников и внести 70 000 крон в Германии, а также отправить 6000 человек в Нормандию для службы в Руане и Дьеппе (*C. S. P. For.*, № 268, июль 1562 г.; ср. № 662, 663). После длительных переговоров, которые вел видам Шартрский, Хэмптон-Кортский мирный договор был составлен на этих принципах 10 сентября 1562 г. (*Воспоминания де Конде*, III, 689; *Память. du duc de Nevers*, I, 131; D’Aubigné, II, 79, 80). Заявление Елизаветы и оправдание ее действий находятся на стр. 693 *Воспоминаний де Конде*.

Союз между принцем Конде и англичанами с подразумеваемой потерей Кале Францией больше, чем любой другой факт, примирил Екатерину Медичи с испанской помощью. После августа она лично призвала к этой помощи (*Посольство Сен-Сюльпис*, 58, 59). Still Philip emphatically gave her to understand that “si l’ambassadeur de Espagne avait fait espérer que son maître déclarerait la guerre aux Anglais il avait dépassé ses instructions, car les Espagnols étaient depuis si longtemps liés avec ces peuples qu’il était impossible de rompre cette alliance.”—St. Sulpice to Charles IX, November 12, 1562 (*L’Ambassade de St. Sulpice*, 93).

Констебль был в Ивето в октябре 1562 года, во время нападения англичан на Гавр, и написал Карлу IX, что он не смог выйти на поле боя. Позже он жалуется Кэтрин на клевету, обрушившуюся на него, и прямо говорит, “что он не в том настроении, чтобы терпеть подобные вещи”.—*Колл. де Сент-Петер-Бург*, CIII, письма, относящиеся к дому Монморанси; Ла Ферьер, *Взаимопонимание*, 46.

[604] Аршамбо в Сен-Сюльпис, *Посольство Сен-Сюльпис*, 71; Карл IX в Сен-Сюльпис, 15 сентября, *там же.*, 74. Лагеря на Луаре были разбиты 14 сентября, и сил осталось достаточно только для того, чтобы окружить Орлеан. Солдаты были отправлены в Нормандию через Монтаржи, Анжервиль-ла-Ривьер и Этамп, оставив посты в Жьене, Божанси и Питивье, чтобы держать открытыми линии между севером и югом и не допустить попадания Д’Андело в Орлеан.

Об осаде Руана см. Клода Хатона, I, 286-89. Город был взят 26 октября (Флоке, *История. du Parlement de Normandie*, II, 435).

О гугенотских бесчинствах в Руане см. Статью парламента Руана от 26 августа 1562 г. в *Мемуарах де Конде*, III, 613, и другую, посвященную молитвам о взятии форта Святой Екатерины, 7 октября (*там же.*, IV, 41).

[605] Смотрите его единственное письмо Сесилу от 29 июля 1562 г. в *C. S. P. For.*, № 389.

[606] Ср. статьи для английского агента Воана от 30 августа, написанные рукой Сесила (*там же.*, № 550).

[607] *Там же.*, № 763, Воан Сесилу, 4 октября 1562 г.; *Forbes*, II, 89.

[608] *C. S. P. For.*, № 790, 7 октября 1562 г.; *Forbes*, II, 93.

[609] Ср. *C. S. P. For.*, № 803, 8 октября 1562 г.; *Forbes*, II, 101; отчет военного эксперта Сесилу.

[610] Он был взят штурмом герцогом де Гизом (*kopp. de Catherine de Médicis*, I, 414, note; *Claude Haton*, I, 285; *Mém. de Condé*, IV, 41).

[611] Английская помощь была разделена на три отряда, та часть, которая вошла в Руан, была всего лишь авангардом. Это была средняя часть, которая следовала на кораблях вверх по реке и была захвачена Дамвилем. Третий отряд был из арьергарда и вернулся в Гавр-де-Грас (*C. S. P. Ven.*, № 302, 14 октября 1562 г.). В битве при Кодебеке 200 англичан были убиты, а 80 взяты в плен, все они были повешены французами — более строгое наказание, чем номинально допускалось даже войной XVI века (*там же.*, За., № 870, 872, 17, 18 октября 1562 г.).

[612] *Там же.*, № 901, 23 октября 1562 г.

[613] *C. S. P. Преп.*, 27 октября 1562г.

[614] *Там же.*, *For.*, 932, §4, 30 октября 1562г.

[615] Подробности см. в переписке. де Катрин де Мед., I, 420, примечание; Клод Хатон, I, 287-91; и родственник в *Arch. sur.*, IV, сер. 1, 67. Также в *Воспоминаниях де Конде*, IV, 116. В том же томе есть несколько писем, адресованных королеве Наварры после его смерти. Cf. *Le Laboureur*, III, 887. У Клода Хатона, I, 292, 293, есть интересная хвалебная речь в его адрес.

[616] Карл IX и его мать были очевидцами этой борьбы, наблюдая за ней из окна монастыря Святой Екатерины, “из которого они могли видеть все, что происходило в городе и за его пределами”.-*C. S. P. Преп.*, 18 октября 1562 г.

[617] Королева надеялась, что Руан удастся спасти от разграбления, и с этой целью она предложила французским войскам 70 000 франков, если они воздержатся от грабежей. Но такая надежда была слабой, поскольку Руан был вторым городом королевства и одним из самых богатых (*C. S. P. Ven.*, 17 октября 1562 г.). Более того, “Гиз провозгласил перед нападением, что никто не должен подвергаться какой-либо добыче до казни мужчины, женщины и ребенка” (*там же.*, *Для.*, № 920, Воган Сесилу, 28 октября 1562 г.). Екатерина Медичи также возлагает ответственность на герцога де Гиза (*Сомтв.*, I, 430). Другие подробности о разграблении см. в Кастельно, Книга III, глава xii. “Le ravage de ceste ville fut à la mesure de sa grandeur et à sa richesse,” is D’Aubigné’s laconic statement (II, 88). К счастью, ради гуманности, разграбление было приостановлено после первого дня. Немецкие солдаты совершили наихудшие бесчинства. Следует отдать должное маршалу Монморанси за смягчение ужасов. Монтгомери, хотя поначалу сообщалось, что он схвачен, бежал в Гавр, замаскировавшись, сбрав бороду (*C. S. P. For.*, № 939, 30 октября 1562 г.) и бросил жену и детей, к негодованию Воана, который

выразил свои возмущенные чувства Сесилу: “Человек такой смелый, чтобы улизнуть, оставив жену и детей позади себя” (*там же.*, № 920, 28 октября 1562 г.).

Среди тех, кто был официально казнен в Руане, были пастор-гугенот по имени Марлора, два старейшины церкви, купец и горожанин города по имени Жан Биго и некто Котон; Монтревиль, главный президент Руана, Де Кро, некоторое время губернатор Гавр-де-Грейс, восемь шотландцев, у которых были паспорта Марии Стюарт, чтобы служить под видом, и несколько французских священников (Д'Обинье, II, 88; *C. S. P. For.*, № 950, § 14, 31 октября, 1562; № 984, § 2, 4 ноября 1562 г.).

[618] *C. S. P. Ven.*, No. 307, October 31, 1562; *L'Ambassade de St. Sulpice*, 91; “Montgomery qui les faisait tenir s'est sauvé, laissant le peuple livré à la boucherie.”—Letter of Catherine de Medici to St. Sulpice.

[619] В Орлеане, помимо жителей, было 1200 всадников и 5000 пехотинцев, провизии хватило бы на шесть месяцев. Почти все слабые места были укреплены платформами, рavelинами и парапетами. Контрэскарп был грубо закончен. Там было девять или десять пушек и кулеврины с хорошим запасом пороха. Величайшей угрозой была чума, которая ежедневно уменьшала число протестантов (*C. S. P. Eng.*, 596, § 6, 9 сентября 1562 г. — отчет Трокмортонa, который был на месте).

[620] *C. S. P. Преп.*, 17 октября 1562 г. Испанский посол предвидел возможность такого развития событий и в начале апреля предостерег Филиппа II не играть на ожиданиях Антуана до крайности раздражительно (К. 1497, № 17).

[621] *C. S. P. Eng.*, 1050, 14 ноября 1562г.

[622] “Его рука сгнила, и они так жалко искалечили его грудь и другие части” — в попытке вырезать омертвевшую плоть.—*C. S.P. For.*, 1040, Смит Сесилу, 12 ноября 1562 г. Ср. № 932, 30 октября; другие подробности см. *C. S. P. Преп.*, Ноябрь 8, 9, 10, 13, 1562; *Воспоминания де Конде*, IV, 116; Д'Обинье, II, 85. Известие о его смерти держалось в секрете в течение двух дней (*C. S. P. For.*, 1079, 20 ноября 1562 г.). Испанский двор в течение четырех дней носил траур в честь его памяти (*Дворец Сен-Сюльпис*, 103). Он был “обрезчиком” до последнего, на смертном одре исповедуя аугсбургское вероучение как доктрину, промежуточную между католицизмом и кальвинизмом (*Депеша Барбаро* [Общество гугенотов], 25 ноября 1562 г.).

[623] “Le roi catholique est content que la reine mère ait l'entier gouvernement des affaires, tout en ayant près d'elle le cardinal de Bourbon.”—*L'Ambassade de St. Sulpice*, 109, January 19, 1562 (1563).

[624] “Il y eut toujours dans la ville quatre corps de garde, Charles IX ordonna d'établir à Etampes un magasin de vivre pour fournir son armée.”—*Annales du Gâtinais*, XIX, 105.

[625] *C. S. P. Eng.*, № 1070, 20 ноября 1562г.

[626] Клод Хатон, I, 305.

[627] *C. S. P. For.*, 193, December 5, 1562; *ibid.*, *Ven.*, December 3; Forbes II, 27. La Noue gives a motive which led Condé to besiege Paris: “Non en intention de forcer la ville, mais pour faire les Parisiens, qu'il estimoit les soufflets de la guerre et la cuisine dont elle se nourrissoit.”—*Mém. milit. de la Noue*, chap. ix.

[628] Карл IX Сен-Сюльпису 11 декабря 1562 г.; *Посольство Сен-Сюльпис*, 98; *Депеша Барбаро* (Общество гугенотов), 7 декабря 1562г.

[629] Тем не менее, хотя переговоры принца Конде в то время были предварительными, и заявления короны не преследовали цели добиться их получения, тем не менее выдвинутые требования следует соблюдать, поскольку направления, по которым должна была развиваться религиозная терпимость во Франции, и очертания последующих эдиктов о терпимости, таких как эдикты Амбуаза, Лонжюмо и Бержерака, предвосхищены в предлагаемых сейчас статьях.

Конде первым предложил следующие три статьи: (1) свобода совести со свободным отправлением религии там, где это требуется; (2) безопасность жизни и имущества для всех; (3) созыв свободного совета в течение шести месяцев или, если это невозможно, то генеральной ассамблеи королевства. На эти предложения правительство ответило, что кальвинистская проповедь не будет разрешена при каких обстоятельствах в Лионе и других пограничных городах, которые были определены, ни вблизи тех, где есть губернатор и гарнизон, ни в тех городах, где заседают парламенты. Затем Конде изменил требования гугенотов следующим образом: (1) чтобы кальвинистская проповедь была разрешена в пригородах пограничных городов или в определенных городах, назначенных таким образом; (2) чтобы она распространялась только в тех других местах, где она практиковалась до начала войны; (3) за исключением того, что всем джентльменам и дворянам должно быть разрешено проводить частную службу в своих собственных домах; (4) всем лицам, проживающим в местах, где проповедовать не разрешалось, должно быть разрешено отправляться в ближайшие города или другие места для отправления своей религии без какого-либо преследования. В ответ правительство исключило Париж и *банлиу* из этих условий. Все эти условия правительство и Конде приняли 3 декабря 1562 года, при этом Лион был объявлен *не* приграничным городом в рамках проекта статей. Последовали некоторые незначительные положения об амнистии, возвращении имущества и т.д. Ср. C. S. P. For., № 1219, 9 декабря 1562 г.; Beza, *Hist. des églises réformées*, II, 121 ff., ed. 1841.

[630] “М. В де Невере уже находится от 800 до 1000 всадников. Они ожидают прибытия 600 пеших и всадниц, испанцев, гасконцев и пьемонтцев в ближайшее время. Все это время они отгоняли принца разговорами”. —C.P.S. For., 1168, 1 декабря 1562 г. —Смит - Трокмортону. Это подкрепление достигло Парижа в ночь на 7 декабря 1562 года; там было 10 гасконских прапорщиков (40 или 50 в знамени), всего около 500 или 600 человек; из испанцев - 14 прапорщиков, “лучше укомплектованных”, около 2500-3000 человек, все пехотинцы и мало вооруженных. Их оружием были аркебузы и пики, а также несколько копий и алебард. “С ними изумительное количество негодяев, женщин и багажа” (Smith to Cecil, C. S. P. For., № 1205, 7 декабря 1562 г.; ср. Barbaro [Общество гугенотов], 7 декабря 1562 г. Венецианский посол вышел посмотреть на них). Эти подкрепления сильно преувеличены в *Воспоминаниях де Конде* (V, 103, 104, изд. Лондон), который оценивает гасконцев в 3000, а испанцев - в 4000.

[631] C. S. P. Ven., 3 и 14 декабря 1562 г. Экстремальный пример властной политики Шантонне можно найти в отчете Барбаро о разговоре с испанским послом в письме от 25 января 1563 года.

[632] *Ibid.*, For. Однако справедливо будет сказать, что Конде был почти без артиллерии, имея всего восемь орудий, так что не было никакой возможности сломать стену. Единственным способом взять город был бы штурм с использованием штурмовых лестниц (письмо Хотмена в *Rev. hist.*, XCVII, март-апрель 1908 г., стр. 311).

[633] Клод Хатон, I, 307; *C. S. P. Ven.*, № 314, 11 декабря 1562 г. Смотрите искреннюю мольбу Трокмортон в *C. S. P. For.*, 1195, 6 декабря 1562 г., об отправке ему финансовой помощи. Было продемонстрировано, что английская интервенция в Нормандию была безопасным и прибыльным предприятием; помимо других преимуществ, которые они могли извлечь из Руана, Гавра и Дьеппа (которые можно было безопасно вернуть), архиепископство Руана стоило 50 000 франков; два аббатства в городе - 10 000 франков; аббатство Фекан - 40 000 франков; ценные пособия в городе; *габель* в соли и другие королевские права в Руане и Дьеппе стоили 50 000 крон, которые удвоятся, когда придут английские купцы, так что военная оккупация Нормандии обойдется дешевле, чем расходы на строительство. извлекает из этого прибыль. Но тщетны были доводы, убеждавшие Елизавету проводить двойную политику осторожности и бережливости. Сэр Николас довел предупреждение Смита от 7 декабря до сведения Елизаветы, призвав ее “серьезно разобраться” с Конде, “поскольку королеве не хватает людей, маловероятно, что он будет достаточно силен, чтобы осуществить свои намерения”.

[634] Слишком поздно английское правительство осознало опасность потери всего из-за проводимой до сих пор узкой политики, и Сесил 7 декабря поспешил с Ричардом Уорсли, капитаном острова Уайт, в Портсмут, чтобы получить 5000 фунтов стерлингов в качестве залога дополнительных денег для отправки во Францию в помощь гугенотам, откуда он должен был поспешить в Гавр, предупредить графа Уорика, чтобы тот не верил никаким сообщениям о мире, если об этом не сообщат Трокмортон или Смит, и проследить, чтобы город был быстро укреплен и охранялся (*C. S. P. For.*, № 1033, 7 декабря 1562 г.; Forbes, II, 124, 125).

[635] Клод Хатон, I, 307; *К.П. Н.*, № 1,240, 13 декабря 1562г.

[636] *C. S. P. For.*, № 1,238, 13 декабря 1562 г. 14 декабря 1562 года Конде с тревогой написал из своего лагеря в Сент-Арнее, прося о помощи, особенно о том, чтобы к нему прислали Монтгомери, который отправился за помощью в Англию. (См. Приложение V.) Монтгомери находился в Портсмуте с сэром Хью Пуле, которому было поручено перевезти остаток в 15 000 фунтов стерлингов в Гавр (*C. S. P. For.*, № 1270, 16 декабря 1562 г.).

[637] Там же., № 1,276, 18 декабря 1562 г.; № 1,278, 19 декабря 1562 г.

[638] У Гиза было 22 пушки; Артиллерия Конде состояла из 4 полевых орудий, 2 пушек и кулеврины, которая “ни разу не выстрелила” (Трокмортон королеве, *К. С. П. За.*, 3 января 1563 г.). Он был очевидцем битвы. Forbes, II, 251).

[639] Клод Хатон, I, 308, 309. Ср. Примечание для других ссылок.

[640] *C. S. P. Eng.*, № 228, 229, 3 января 1562 г.; адмирал Монтгомери (Делаборд, *Гаспар де Колиньи*, II, 180), 28 декабря 1562 г., из лагеря в Авароте; ср. *C. S. P. Eng.*, № 181, 2 января 1563 г. —адмирал королевы Елизаветы; Форбс, II, 247.

[641] Де Ты, книга XXXIV, и дополнения Ле Лабурера к Кастельно, II, 81.

[642] “Они не нанесли удара” и “потерпели поражение при бегстве”.—*C. S. P. For.*, 3 января 1563 г.; Forbes, II, 251.

[643] Клод Хатон, I, 311.

[644] Отчеты современников о битве при Дре см.: “Discours de la bataille”, в *воспоминаниях. du duc de Guise*, ed. Michaud, 497 ff.; Beza, *Histoire des églises réformées*, I, 605 ff.; D’Aubigné, Book III, chaps. xiii, xiv; Таванн, 392 и далее; Ла Нуэ, *Военная память.*, глава x; Де Ты, книга XXXIV; С. S. P. Eng., № 1282, аннотация печатной брошюры; № 1316, 21 декабря; № 1323, 22 декабря 1562 г. — письмо адмирала графу Уорику; королеве Елизавете, Делаборд, II, 178, 179. Для получения подробной информации о количестве пленных и т.д. см. CSP For., № № 1,286-88, 1,316, 1,317, 1,335, §§4-6; 1,334, 1,353, §6; 1,563, № № 12, 22, 28, описание испанских войск. С превосходными описаниями битвы можно ознакомиться в “Де Рубле”, “Антуан де Бурбон и Жанна д’Альбре”, II, 366 и далее; Уайтхед, “Гаспар де Колиньи”, 140-45; и “История принцев Конде” герцога Омальского (англ. пер.), I, 150-68. The standard treatment of the subject is Coynart, *L’Année 1562 et la bataille de Dreux: étude historique et militaire; extraits divers, correspondance officielles du temps* (1894).

У Монтень есть интересное эссе о некоторых необычных эпизодах битвы. Произошли два любопытных события. Герцог де Гиз был первым, кто сошел с коня и учтиво принял принца Конде (С. S. P. For., № 1326, 26 декабря 1562 г.); в ту ночь они спали в одной постели (*там же.*, *преп.*, 21 декабря 1562 г.). Герцог Омале был выбит из седла, и почти вся армия проехала верхом и растоптала его, но он не пострадал из-за тяжелых доспехов, которые он носил (*там же.*, For., № 375, §3, 1563; ср. № 400, §2).

[645] Парламент приказал епископам Франции объявить, что во всех приходах те, кто знает, кто были гугенотами, должны в течение девяти дней донести на них своим священникам под страхом отлучения от церкви. Эта практика привела к массовому исходу гугенотов во многих городах (Клод Хатон, I, 312, 316, 317 и примечание, 318).

[646] Немецкой формой фамилии был Бессенштейн.

[647] С. S. P. For., № 14, §2, 3 января 1563 г.

[648] Там же., № 16, §2, 3 января 1563 г. и № 32—Д’Андело Елизавете из Орлеана, 5 января 1563 г.; ср. Forbes, II, 263.

[649] Сарпи, *История согласия Трента*, Книга VII, глава. xlviii.

[650] С. S. P. For., № 15, §1, 3 января 1563г.

[651] Там же., *англ. Для.*, № 35, 6 января 1563 г.; Forbes, II, 270; № 54, §2, 7 января; № 69, §1, 11 января 1563 г.

[652] Моль Фенелон - Сен-Сюльпис, 17 декабря 1562 г.; *Посольство Сен-Сюльпис*, 103, 104.

[653] CSP Ven., 27 декабря 1562г.

[654] Рэндольф писал Сесилу 5 января 1563 г.: “Мы считали себя счастливыми, пока не услышали о взятии принца, но не отчаивались так долго, как адмирал удерживал чувства”. —С. S. P. Scot., I, 1, 160.

[655] Там же., For., № 83, 13 января 1563 г.; № 84, §3, та же дата; № 109, §6, 17 января; № 137, §5, 23 января 1563 г.

[656] Там же., № 83, §3, 13 января 1563 г.

[657] “Колл. ”древний любитель”, Отель Друо, 10 февраля 1877 г., № 34: Элеонора де Руа Екатерине Медичи из Орлеана, 22 декабря 1562 г., просит сжалиться над принцем Конде; *C. S. P. For.*, № 35, 6 января 1563 г.; *Forbes*, II, 270; № 146, § 3: “Этой ночью (24 января) Конде был доставлен в этот город под усиленной охраной. Он приехал верхом, и его провезли по городу в карете, обитой черным бархатом, при свете факелов, и окна кареты были открыты; но факел был так высоко поднят, что никто не мог его увидеть.” У правительства были веские основания опасаться, что будет предпринята попытка спасти его, пока он находился в Шартре.

[658] “A ce soir bien tard j’ay receu la lettre qu’il vous a pleu m’escrire par la poste et vous puis asseurer Madame qu’il y a deux jours que Madame la Princesse et mon nepveu Dandelot veulent vous envoyer la response et advis de mon nepveu monsieur l’admiral et de toute leur compaignie. Mais je les en ay engarder sur la tente qu’auyons au retour du Plessis qui devoit estre samedy au matin pour estre rendu certain de vostre volonté, à quoy les voys tous fort affectionnés pour faire une bonne paix,” etc., etc.—Montmorency to Catherine de Médicis, Orléans, 12 janvier 1563 (Fillon Collection, No. 2652).

[659] *C. S. P. For.*, № 35, §2, 6 января 1563 г.; *Forbes*, II, 270.

[660] Екатерина выразила это решение еще 20 октября в письме Сен-Сюльпису (*Посольство Сен-Сюльпис*, 87; *C. S. P. For.*, № 37, 6 января 1563 г.).

[661] *C. S. P. Ven.*, 2 февраля 1563г.

[662] Ср. *Собор Святой Сюльпис*, 93, 108, 114, 116, и *Соответственно. de Cath. de Méd.*, I, 508, 548. Это была настоящая миссия дона Фернандо де Толедо, внебрачного сына герцога Альвы и великого приора ордена Святого Иоанна в Кастилии, который был направлен во Францию, чтобы поздравить Карла IX с победой при Дре (ср. *C. S. P. For.*, № 187, 29 января 1563 г., из Мадрида; № 190, 30 января, из Мадрида; № 234, 3 февраля, из Мадрида). Сен—Сюльпис так рано догадался, что Альва, во всяком случае, хотя он еще не подозревал о политических замыслах Филиппа II, желал продолжения гражданской войны во Франции, чтобы Испания могла воспользоваться ее бедствиями, и поэтому написал Екатерине Медичи. -*Посольство Сен-Сюльпис*, 93, 12 ноября 1562 г. Вследствие такого отношения, религиозного и политического, аргументы Франции остались без внимания (см. *там же.*, 122 и примечание).

[663] Ср. *C. S. P. For.*, № 35, §2, 6 января 1563 г.; № 109, § 4, 17 января; № 182, §9, 28 января; *Forbes*, II, 270, 287.

[664] *C. S. P. Ven.*, 6 февраля 1563г.

[665] *Ibid.*, *Для.*, № 234, 3 февраля 1563 г., из Мадрида. № 194, 30 января 1563 г. Эти деньги были использованы для оплаты услуг 3000 рейтеров и некоторых новых швейцарских сборов. В ожидании их прибытия Карл IX вызвал *arrière-ban*— кавалерию знати, обязанную служить по призыву, — для ведения войны (*C. S. P. Ven.*, 17 февраля 1563 г.). Посмотрите интересный отчет о перехвате 13 000 экю, вероятно, гугенотами, хотя, возможно, это были грабители, посланные из Фландрии в феврале 1563 года (Пайяр, “О прибылях гугенотов, субсидирующих посланника Филиппа II и Екатерину Медичи”, *Преподобный хист.*, II, 490).

[666] *C. S. P. For.*, № 145, 24 января 1563 г.; *Forbes*, II, 300.

[667] *Там же., англ. Для.,* № 289, 12 февраля 1562 г. “Если адмирал, ” писал граф, “ из-за отсутствия нынешней помощи будет сбит с толку и вынужден будет заключить перемирие, он может рассчитывать не только на то, что вся мощь Франции будет направлена против этого места (Арфлера), но и на то, что та же самая воля, с помощью Испании, Шотландии и их союзников, будет, несомненно, распространена и против Англии. Но если сейчас ему помогут 10 000 человек и 200 000 крон, дальнейшие неудобства будут устранены и могут послужить лучшей цели, чем привлечение в другое время гораздо большего числа людей за более высокую плату. Для королевы было бы лучше обменять добрую часть своей посуды на монеты, чем ослаблять помощь”. —*Там же., англ.,* № 290, 12 февраля 1563 г.; добавить № 285, 287. Уорик, поддерживая апелляцию Колиньи (*там же., For.,* № 294, 12 февраля 1563 г.), призывал поторопиться с деньгами, поскольку “если они не будут отправлены вовремя, это приведет к краху дела из-за мятежа рейтеров, которые могут даже убить адмирала”; более того, поскольку все силы адмирала состояли из кавалерии, требовалась английская пехота.,

[668] *C. S. P. Для.,* №. 265, 276, 280, 282, 289, Февраль 1563 года.

[669] *Там же., англ.,* № 291. Отчет Трокмортон о его совещании с адмиралом Колиньи, 12 февраля 1563 года. Удивительно, что после такого проявления эгоизма и жадности Колиньи все еще сохранял терпение по отношению к Елизавете и веру в нее.

[670] У герцога не хватало тяжелых орудий, и ему пришлось послать в Париж за ними, чтобы они доставили их в Корбей по воде, оттуда в Монтаржи и так далее по суше к реке. Защитники превратили импровизированную мельницу на острове в крепость, но после прибытия тяжелых орудий на них обрушился такой сильный огонь, что они были вынуждены отступить через мост, “оставив многих на милость рыб” (Клод Хатон, I, 319).

[671] *C. S. P. For.,* № 323, 17 февраля 1563 г. Оба Д'Обинье, Книга III, глава II. xvi и La Noue, *Военная память.,* глава x, содержат яркие описания этой осады; ср. также De Thou, книга XXXIV.

[672] Барбаро подробно описывает разрушения, вызванные этим взрывом (*C. S. P. Ven.,* 28 января 1563 г.); ср. *C. S. P. For.,* № 239, § 3, № 323, § 18, 17 февраля 1563 г.

[673] Трокмортон написал Сесилу 21 февраля: “Его следует пожалеть, ибо каждый час он подвергается опасности своей жизни и быть преданным своими подчиненными”. —*C. S. P. For.,* № 333, §§1, 5, 9, 20 февраля 1563 г.; № 339 от 21 февраля 1562 г.

[674] *Там же.,* № 374, 1 марта 1563 г.; Forbes, II, 332.

[675] Montgomery to the Rhinegrave, Dieppe, 8 fevrier, 1563: “Les habitants du plat pays m’ont faict entendre qu’ils seroient prestz de se joindre à moy si je me vouloys metre en campagne pour les deffendre des oppressions, pilleries et sacagementz qu’ilz disent estre exercés par ceux qui vous suivent. Monsieur l’admiral [Coligny] n’est [pas] au pays [l’Orléannais] que me mandez ou à tout le moins qu’il a faict une extrême diligence et est plus près de nous qu’on ne cuyde, en delliberation de metre bientost une fin à ces troubles, pour nous faire tous jouyr du rang que nous debrons tenir prez la personne du Roi comme ses vrays subjects et loyaulx serviteurs.”—Коллекция Фийона.

[676] *C. S. P. For.,* № 352, Уорик совету, 25 февраля 1563 г.; ср. Forbes, II, 336; *C. S. P. Eng. For.,* № 327, §3, 18 февраля 1563 г.; Forbes, II, 334, 380, 1 марта 1563 г.; ср. № 333, 344.

[677] Деньги прибыли в Гавр 25 февраля и были доставлены Бовуаром, Брикмо и Трокмортонем под охраной восьми артиллерийских орудий сразу в Кан (Делаборд, II, 226, 227). Рейтеры сразу же получили свое жалованье. Любопытную информацию о скупости рейтеров и выплачиваемом им жалованье см. в *Государственных бумагах кардинала де Гранделя*, VIII, 129, примечание; VII, 407.

[678] *C. S. P. For.*, 391; *Forbes*, II, 346.

[679] Catherine wrote with truth: “Ce royaume est réduit en telle extrémité que la nécessité veut que l’on ne perde l’occasion de faire pacifier, principalement pour jeter hors les étrangers, même les Anglais.”—*L’Ambassade de St. Sulpice*, 101.

[680] “La guerre, - сказала Екатерина словами простого достоинства, которые были повторены в инструкциях специальных посланников, отправленных уведомить венский и Мадридский дворы, Ватикан и Тридентский собор, “a tellement appauvri le royaume qu’il est réduit à un état digne de commisération. La voie des armes était impossible; le remède propre à un tel mal, l’expérience a démontré, c’est un libre et général concile.”—*Corresp. de Cath. de Мед.*, II, Вступление., против Филиппа II, упрекнул регента Пармы в том, что он не оказал помощи Франции. Смотрите ее письмо, оправдывающее ее поведение в Гашаре, *Переписка Филиппа II с Пэй-Бас*, I, 266, 12 августа 1563 г.

[681] Командование принял маршал Бриссак (*Посольство Сен-Сюльпис*, 120). О влиянии смерти герцога Гиза на Францию см. Форнерон, *История. des ducs de Guise*, II, 80; upon Flanders, *Papiers d’état du cardinal de Granvelle*, VII, 52, 61, 65; Gachard, *Philippe II sur les Pays-Bas*, I, 245. Интересные подробности см. Д’Обинье, Книга III, глава II. xx; *Воспоминания де Конде*, IV, 243; *C. S. P. For.*, № 332, 20 февраля 1563 г.; № 354, §§2-5, 26 февраля 1562 г., оба от Смиа королеве Елизавете, написано из Блуа. Ср. *Forbes*, II, 159; 361, §§1-8, 17, 26 февраля 1562 г., §10 8 марта 1563 г.; *C. S. P. Преп.*, письма от 23, 27 февраля и 2, 23 марта 1563 г. Говорят, герцог получил предупреждение от Монлюка и мадам де Сент-Андре, но известие пришло слишком поздно. Известие о его смерти некоторое время скрывалось от Марии Стюарт. См. *C. S. P. Scotland*, VI, № 1173, 10 марта 1563 г.; VIII, № 17, 18 марта 1563 г.; № 30, 1 апреля 1563 г.; № 31, 10 апреля 1563 г. О политической теории убийства см. *Weill*, 69.

Полтрот был приговорен к смертной казни 18 марта; о судебном процессе см. *Воспоминания-журнал. de François, de Lorraine* (Michaud Coll.), 506, 537 ff.; Paulin Paris, *Cabinet hist.*, Ière part., III, 49 ff. Ярким примером благородства Жанны д’Альбре является письмо-утешение, которое она написала герцогине де Гиз после убийства герцога (*La Ferrière, Взаимопонимание*, 39).

[682] *C. S. P. For.*, № 422, 8 марта 1562 г.; *Forbes*, II, 350, 354, 356; *C. S. P. For.*, № 437, 12 марта 1563 г.; *там же.*, № 424, §§25-27; № 435, 11 марта 1562 г., Конде к Смиу.

[683] *Там же.*, № 473; 481, 20 марта, письмо Рейнграфа Уорику на основании письма королевы-матери (Беза, II, 17, изд. 1841).

[684] *C. S. P. For.*, № 395, §2, 3 марта 1563 г.; 419, §5 марта 7; 424, §§3, 4; *Форбс*, II. “Замедлитель дня”, - сказал де Лосс на одном из заседаний королевского совета, - “это разоблачитель парижской жизни с мешковиной и мародерством, попуститель короля и королевской милости протестантам, выступающим на бис с оружием”. Месье Гоннор, впоследствии маршал Матиньон, остановился на жалком состоянии страны и заключил: “Я говорю без страсти. Je ne

suis pas huguenot et je supplie la cour de ne pas différer l'enregistrement de l'édit."—*Corresp. de Cath. de Méd.*, II, Introd., iii.

[685] "Traité politique par lequel en quelque sorte la gentilhommerie provinciale s'isolait du puritanisme de Genève."—Capefigue, 260.

[686] "C'est trop grand pitié que de limiter ainssy certains lieux pour servir à Dieu, comme s'il ne vouloit estre en tous endroicts." Коллекция Фийона, 2657 экземпляров, письмо адмирала ландграфу из Кана, 16 марта 1563 года.

[687] "Edict et déclaration faite par le roy Charles IX sur la pacification des troubles de ce Royaume: le 19 mars 1563," Par., *Rob. Эстьен*, 1563; Изамбер, XIV, 135. Различные фрагменты, показывающие эволюцию эдикта, можно найти в *Воспоминаниях де Конде*, IV, 305, 333, 356, 498, 504. Ср. *C. S. P. For.*, № 428, 430, 431 (10 марта 1563 г.).

Бирон был отправлен в Прованс в 1563 году с поручением отчитаться перед королем о том, как там вершилось правосудие и как исполнялся эдикт. Он также должен был найти графов Тендеса и Соммерива и выразить недовольство короля их поведением. Королевские инструкции свидетельствуют об искренности, с которой правительство приступило к исполнению указа (*La Ferrière, Rapport*, 46; ср. *Сборник Тремон*, сер. 3, стр. 124).

[688] *C. S. P. For.*, № 424, §16; № 590, 8 апреля 1563 г.; Forbes, II, 379.

[689] *C. S. P. Преп.*, 23 марта 1563 г. "Response faite par le Roy (Charles IX) et son Conseil, aux Presidens et Conseillers de sa Cour de Parlement de Paris: Sur la remonstrance faicte à sa dicte maiesté, concernant la déclaration de sa Maiorité, et ordonnance faicte pour le bien, et repos publique de son Royaume" (Lyons, Rigaud, 1563).

В первую неделю мая король вызвал членов парижского парламента и городские власти в Сен-Жермен, приказав им до истечения недели подчиниться Эдикту о веротерпимости, освободить тех, кто заключен в тюрьму за религию, и сложить оружие (*C.S.P. For.*, № 703, §3, 4 мая 1563 г.). Париж, наконец, опубликовал эдикт, но соблюдал его незначительно, парламент признал "милость" эдикта, но заявил, что по своей совести не может допустить двух религий (*там же.*, № 1190, 835, 2 июня 1563 г.). Пример насилия в столице см. в № 895 от 15 июня 1562 г. Общественные глашатаи и те самые лошади, которых они использовали для провозглашения эдикта в Париже, подвергались опасности быть убитыми толпой, которая выливалась изо рта на улицы (Клод Хатон, I, 328).

[690] "Народ и есть форт сидисье".—Фуркево - Сен-Сюльпис, 13 октября 1563 г., *посольство Сен-Сюльпис*, 165.

[691] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, Введение., iv.

[692] *C. S. P. Преп.*, 29 марта, 10 и 20 апреля 1563 г. О принце де Порсьене см. *Le Laboureur*, I, 389; также статью Делаборда в *Bulletin de la Soc. prot. franc.*, XVIII, 2. Клод Хатон приводит несколько ярких подробностей об этом уходе рейтеров (Vol. I, стр. 355). Ср. *Переписку Екатерины Медичи*, II, 15, 16, 42. По делу о Трех епископствах см. Сен-Сюльпис, *там же.*; *C. S. P. Ven.*, 29 марта, 10 апреля 1563 г.; *C. S. P. For.*, № 323, §8, и 419, §5, 420, 455; *Нер. Тоск.*, III, 403.

[693] Клод Хатон, I, 279, 280.

[694] Смотрите интересный отчет о неудачной попытке рейтеров штурмовать замок (Клод Хатон, I, 347-49).

[695] Клод Хатон, I, 354.

[696] Цитируется Форнероном, I, 277, примечание 1.

[697] C. S. P. Преп., 21 апреля 1563г.

[698] *Соответствует Камх. de Méd.* Введение., cxlv-vi; ср. R. Q. H., октябрь 1869 г., 349-51. Карл IX был твердо намерен обеспечить соблюдение национальных традиций французской монархии в отношении папства. Бесстрашная речь Дю Ферье произвела сенсацию в совете. Францию обвинили в том, что она, подобно Англии, хотела отделиться от Рима и основать национальную церковь, и даже предлагалось передать посла инквизиции (Фреми, *Посол освобождения при ООН сус Шарль IX и Анри III*, 1880, стр. 49). Увещевания Лансака были настолько энергичны, что его насмешливо называли “послом гугенотов” (Фреми, 21).

15 апреля 1563 года король написал кардиналу Лотарингии, чтобы сообщить ему, что, потеряв терпение из-за медлительности Тридентского собора, он отправляет президента Бирага в Трент, а затем к императору с поручением, по возможности, перевести собор в более свободное место. Король заявил, что если реформы, требуемые христианством, не будут приняты и подтверждены собором, Франция без колебаний созовет национальный совет. (См. Инструкцию Д'Ойзелю в *соответствующем разделе. de Catherine de Médicis*, II, 1-3, note.)

[699] “Articles de l'alégation de messieurs les ambassadeurs, estant de present à la cour; envoyez, l'un par nostre saint père le Pape, l'autre par l'Empereur, Roy des Romains, l'autre par le Roy d'Espagne, et le Prince de Piedmont. Au Roy de France et princes de son sang, au mois de Fevrier, 1563,” *Mém. de Condé*, V, 406-8; cf. *L'Ambassade de St. Sulpice*, 135 and 167.

[700] Лансак и Дю Ферье были послами Франции в Тренте. Инструкции Лансака, в которых излагается политика Франции, содержатся в Baschet, *Journal du Concile de Trente* и др., 251-65; add D'Aubigné, Книга III, глава xxi; Сен-Сюльпис, 28, 64, 102, 114, 130, 141, 160-63. On Lansac, see *Correspondance de Catherine de Médicis*, Index; upon Du Ferrier, consult Frémy, *Un ambassadeur libéral sous Charles IX et Henri III*, 1880.

Кардинал Лотарингии, соглашаясь с Филиппом II в том, что касается религии и ереси, с негодованием смотрел на попытку короля приспособить политическую судьбу Марии Стюарт к своим собственным целям (Сен-Сюльпис Ланзаку, 15 декабря 1562 г., стр. 103). Весь совет был полон недовольства; 150 из 230 присутствующих членов были итальянцами, большинство из этих римских пенсионеров, так что остальных возмущало их преобладание (Лансак Сен-Сюльпису, 10 февраля 1563 г., *Посольство Сен-Сюльпис*, 115).

Возникали конфликты по поводу приоритета; некоторые из послов, такие как Лансак и Дю Ферье, верили в ограниченную терпимость к протестантам (Сен-Сюльпис, 115); многие члены церкви, хотя и верили в расширение прерогатив папы римского в религиозных делах, были против сокращения прав правительства на контроль над церковными светскими структурами. Позиция Филиппа II в этом отношении была идентична позиции Карла IX — каждый хотел осуществлять политический контроль над церковью в своем королевстве (Сен-Сюльпис, 198).

Даже кардинал Лотарингии был сторонником светской независимости (Сен-Сюльпис, 161). См. Baschet, *Journal du Concile de Trente*; в Приложении приведена ценная библиография по истории Тридентского собора. Может быть добавлена статья М. Багено де ла Пучесса в *R. Q. H.*, 1869. The cardinal of Lorraine left Trent on March 23. M. Baschet questions (p. 214): “Que sont devenues toutes les dépêches qu’il a du écrire à la Reine mère, tant sur sa négociation avec l’Empereur, que sur sa visite à la Republique de Venise et son voyage en Cour de Rome, pour l’accomplissement desquels il s’était déplacé de sa résidence au Concile?” Когда он писал в 1870 году, он не знал о том факте, что граф Эктор де ла Ферьер незадолго до этого обнаружил их в архивах Санкт-Петербурга (La Ferrière, *Две книги о миссии в Санкт-Петербурге*, 51). О миссии кардинала в Венецию см. *R. Q. H.*, октябрь 1869 г., 349, 350 и 385, примечание.

[701] Forbes, II, 271; *C. S. P. For.*, № 1,193, §5, 5 декабря 1562 г. Гранвелла королю, 10 марта 1563 г.; Гашар, *Переписка Филиппа II с Бастилией*, I, 239; ср. Филипп Маргарите Пармской, 16 мая, там же., I, 249.

[702] Опасения были вполне оправданны. Granvella wrote to his sovereign on December 22, 1563: “Le situation actuelle de la France est plus fâcheuse que j’aie vue depuis la mort du roi François.” — *Papiers d’état du cardinal de Granvelle*, VII, 284. Gachard, *Rapport sur les archives de Lille*, 218, cites a remark made in 1562: “Messieurs, accoustez bien ce qui adviendra en France entre les catholiques et les Huguenots; car, au son flageolet de France il vous faudra danser par dechà.”

[703] По этому вопросу см. La Ferrière, *La Normandie à l’étranger* и его статью, озаглавленную “Мир в Труа: Англетерство”, *R. Q. H.*, XXXIII, 36 и далее. Большая часть статьи перепечатана из введения к *Корреспонденции Екатерины Медицинской*, II.

[704] *C. S. P. For.*, № 443, 13 марта 1563 г., Смиты - Д’Анделло; ср. 511, Тайный совет - Уорику, 23 марта 1563 г.; Forbes, II, 363.

[705] Принц Эболи и герцог Альва предложили временно передать Гавр-де-Грас в руки Филиппа II, чтобы он был посредником между Англией и Францией! (Сен-Сюльпис Карлу IX, 11 июля 1563 г., и Екатерине, 27 августа; *Посольство Сен-Сюльпис*, 137, 151.)

[706] *K. S. P. Для.*, № 498, 22 марта 1563 г., Елизавета - Смиты.

[707] Там же., Преп., № 319, 24 января 1563г.

[708] Карлу IX в Сен-Сюльпис, 20 июня 1563 г.; *Посольство Сен-Сюльпис*, 122, 123.

[709] Там же., 136.

[710] Ни Колиньи, ни Д’Анделло не удалось убедить участвовать в войне против Англии, хотя Елизавета считала, что с ними плохо обращались. Адмирал открыто отказался; Д’Анделло симулировал болезнь; Конде единственный из лидеров гугенотов поднял оружие против своего бывшего союзника — “почетного сына Франции кувре, сына неблагодарности”. — *Корреспонденция Екатерины Медичи*, II, Введение., xii, xiii, xvii; ср. *C. S. P. For.*, № 498, 511, 541 и особенно 548, март 1563 г. Елизавета ответила посланнику, отправленному к ней принцем Конде, чтобы уведомить ее о мире, заключенном принцем с королем, и ходатайствовать о возвращении Гавр-де-Грейс, что, поскольку посланник не имеет ни полномочий, ни поручения от короля, она не будет вести с ним переговоры и что о Гавр-де-Грейс ничего не должно быть сказано, пока не будут улажены дела в Кале (*C. S. P. Ven.*, 18 мая 1563 г.).

[711] Там же., *Для.*, № 936, 17 апреля 1563 г. Уорик в письме лорду Роберту Дадли и Сесилу от 23 апреля 1563 г. оценивает французские силы вокруг Гавра в 10 000 французов и 6000 швейцарцев (там же., № 659; Forbes, II, 398).

[712] C. S. P. For., № 652, Мундт Сесилу, 20 апреля 1563 г., из Страсбурга; ср. № 659, Уорик Тайному совету от имени Рейнграфа, 23 апреля 1563 г.; Forbes, II, 398. Тем не менее, французы продолжали укреплять Мец на будущее (C. S. P. For., № 705, 4 мая 1563 г.).

[713] Церковь подчинилась, заложив свое имущество на эту сумму (Клод Хатон, I, 330). Они были выкуплены в марте следующего года (Екатерина Медичи в Сен-Сюльпис, 22 декабря 1563 г.; *Посольство Сен-Сюльпис*, 203); *Журнал де Брюслар*, 141. Сделка обошлась церкви в 3 230 000 ливров. Некоторые из духовенства утверждали, что король не имел права делать это без разрешения папы (Клод Хатон, *loc. cit.*).

[714] Цена была установлена в размере пяти ливров за каждую меру вина и в размере 6 су, 8 денье, за каждую очередь (Клод Хатон, I, 330, 331). Ферма этого габеля была продана в Провене за 600 ливров.

[715] “... Led. prince dit avoir moyen de faire sortir ... Аллеманы, достойные великого номбре”. — *Посольство Сен-Сюльпис*, 101; C. S. P. For., № № 688; 748, §§13, 20; 753, §§5, 10; № 764 (*anno* 1563); C. S. P. Ven., № 326, 18 мая 1563г.

[716] C. S. P. Eng. For., № 750, §§6, 7, 16 мая 1563 г.; № 753, §5, 17 мая; № 770, 20 мая 1563 г.

[717] C. S. P. For., 584, 5 апреля 1563 г.; Forbes, II, 573.

[718] У Уорика было едва 5000 человек всех мастей для защиты города (C. S. P. For., № 680, сбор 29-30 апреля 1563 г.). Было много болезней. Еды было мало. “Запасы продовольствия здесь,” писал граф Тайному совету 30 апреля, “в настоящее время зависят от скудной доли хлеба и кукурузы на один месяц (о пиве мы не можем говорить ничего, кроме того, что у нас есть вода для варки), у нас нет ни мяса, ни рыбы, ни масла, ни сыра, ни какого-либо другого мяса из королевских запасов, кроме бекона на два дня. У продавца здешнего магазина денег так же мало, как и съестных припасов.... Главная надежда врага на взятие этого города покоится на голоде”. —C. S. P. For., № 676; Forbes, II, 402. Однако Уорик указал, что если королева “проявит силу на море” и будет держать устье Сены открытым, а также предотвратит доставку помощи из Фландрии и Бретани, Гавр может быть спасен. “Вся помощь должна прийти к ним со стороны Пикардии, чего надолго не хватит; они также не смогут добывать продовольствие по суше, если таким образом будут отняты товары моря”. —C. S. P. Дом., XXVII, 15, 12 января 1563 г. Ср. XXVIII, 48, 8 мая 1563 г.

[719] C. S. P. For., № 786; Forbes, II, 427.

[720] C. S. P. Ven., № 328, 28 мая 1563г.

[721] *Отн. vén.*, I, 375.

[722] Там же., I, 429.

[723] C. S. P. Ven., № 338, 27 июля 1563 г.; *Посольство Сен-Сюльпис*, 141, 142.

[724] Я наткнулся на интересный эпизод из истории военного искусства в связи с этой осадой Гавра. В январе 1563 года корсиканец, проживающий в Испании, по имени Пьетро Паоло дель Дельфино предложил свои услуги Святому Сюльпису. “Il va dans l’eau,” wrote the ambassador to Catherine, “et m’a assuré qu’avec certains engins il empêchera que nul navire venant d’Angleterre puisse aborder aud. Гавр без великой опасности”. В июне Дельфино прибыл в Венсенский лес, где, по его собственному утверждению, его хорошо приняли (*Посольство Сен-Сюльпис*, 112 и п. 4). Но я не нахожу никаких дальнейших упоминаний о нем. Было ли это изобретение чем-то вроде торпеды? Мы знаем, что снаряды впервые были использованы при осаде Орлеана в этом году.

[725] *C. S. P. Ven.*, № 341, 6 августа 1563 г.; о ходе осады и состоянии Гавра см. *там же.*, *For.*, 1563, Nos. 754, §6; 762, 806, §§4, 5; 828, 835, 852, §4; 853, §4; 857, §8; 871, 881, 894, 907, §2; 941, 967, 973, §2; 977, §4; 982, §9; 998, 1007, 1021, 1024, 1026, §7; 1044, §4; 1049, 1081, 1086, 1100, 1208, 1296. В Приложении VI приводится письмо адмирала Клинтон лорду Берли от 31 июля 1563 г., в котором он говорит, что их победила чума, а не оружие Франции.

[726] *C. S. P. Ven.*, № 343, 14 августа 1563г.

[727] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, Введение., xxvi-xxviii; *Дворец Сен-Сюльпис*, 177, 194, 195.

[728] “Прощайте, право Кале”, - писал Роберте, секретарь Карла IX, 4 июля 1561 года Сен-Сюльпису (*Посольство Сен-Сюльпис*, 142).

[729] *C. S. P. Ven.*, 347, 11 ноября 1563 г.; *там же.*, *For.*, № 6, 4 января 1564 г.; № 47, 15 января.

[730] *Ibid.*, *Ven.*, № 348, 18 ноября 1563 г.; *Архивы Жиронды*, XVII, 293.

[731] Текст договора находится у Раймера в “*Federa*”, XV, 640. У Ла Феррьерера есть подробный отчет о переговорах в “*Корреспонденции Кампин де Медичи*”, II, Введение., xxxiv-xliv. Для получения других подробностей см. *C. S. P. For.*, 1564, №. 6, 47, 250-53, 297, 307-10, 314, 347, 363, 364. О большом коммерческом значении мирного договора в Труа см. De Ruble, *Трактат Като-Камбрези*, 193, 194.

[732] *C. S. P. Ven.*, 1564, № 388.

[733] “A Paris arriva toute la maison de Lorraine vestue de deuil, pour faire une solemnelle demande de justice exemplaire sur la mort du duc de Guise.”—D’Aubigné, II, 204; the request bearing date September 26, 1563, is in *Mém. de Condé*, IV, 667.

Колиньи так боялся подвергнуться насилию в Париже из-за фанатизма населения или по наущению Гизов, что не захотел въезжать в город.

[734] Об этих распрях см. *C. S. P. For.*, *anno* 1563, № 748, §§ 1-6, 15; № 753, §1; № 770; № 896, §3; № 912, § 4; № 1,003, § 3; № 1,212; № 1,233, §4; № 1249; № 1287: № 1337, §3; № 1431; № 1445, §8; *Труды Общества гугенотов*, письма от 20, 30 апреля, 1, 21, 27, 31 мая.

[735] *C. S. P. For.*, № 1558, 29 декабря 1563 г. “Le connétable lui même, tout en étant homme de bien catholique, était cependant carnale, et voulait avoir appui des deux cotés.”—Baschet, *Journal du Concile de Trente*, 240.

[736] Примеры см. *C. S. P. For.*, № 982, §§1, 2, эпизод последней недели июня 1563 г.; *там же.*, *Vén.*, № 333; *Переписка Екатерины Медицинской*, II, Введение., ххix.

[737] В августе был принят закон, запрещающий ношение любого оружия, кроме шпаги и кинжала; сокрытие огнестрельного оружия было преступлением, наказуемым конфискацией земель и имущества (Эдикт Кана, 24 августа, *Посольство Сен-Сюльпис*, 147; *C. S. P. For.*, № 1394, октябрь 1563; *там же.*, № 912).

[738] *C. S. P. For.*, № 1003, 14 июля 1563 г.; *там же.*, *Vén.*, № 330, 10 июня.

[739] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, Введение., хххii, хххiii (много примеров).

[740] *C. S. P. Для.*, №. 896, §§3, 17; 912 §4.

[741] *Там же.*, № 1,155, 1,387, 1,394, 1,431, 1,445, года 1563 года.

[742] Рыболовство Франции, однако, было прибыльным. “Они спокойно занимаются своим сельдевым промыслом ... без импичмента.... Их рыбные рынки никогда не были обставлены лучше”. - *C. S. P. For.*, № 1356, Трокмортон королеве 1 ноября 1563 г.

[743] Кастельно, Книга V, парни. vii-ix.

[744] “Instructions pour le Sieur de Lansac, envoyé en Espagne, janvier 1564,” *L’Ambassade de St. Sulpice*, 223.

[745] 18 августа 1563 года. Официальное обнародование находится в *Воспоминаниях де Конде*, IV, 574. *Déclaration faicte par le Roy en sa majorité tenant son lict de justice en sa cour de Parlement de Rouen*, Robert Estienne, Paris, 1563.

[746] *Посольство Сен-Сюльпис*, 101, 102; *R. Q. Н.*, XXIV, 459; Клод Хатон, I, 363 и п. 2; *Переписка Екатерины Медицинской*, II, Введение., ххiii; *C. S. P. Для.*, № 1190, сентябрь 1563г.

Декларация, по формальным причинам, противоречила завещанию Карла V (1374), которое на протяжении веков было законом, регулирующим совершеннолетие короля. Карл IX родился 17 июня 1550 года, так что ему *шел четырнадцатый год*, хотя ему еще не исполнилось четырнадцати. Парламент Парижа более месяца отказывался зарегистрировать эдикт не по политическим, а по религиозным мотивам. It objected to “la mention de l’édit de pacification d’Amboise, introduite sans motif dans la déclaration de l’édit de la majorité, *ceque semblaît reconnaître deux religions.*”—*Correspondance de Catherine de Médicis*, II, Introd., xxiv. Венецианский посол дает интересный очерк характера Карла IX в это время (*Рел. vén.*, I, 419).

[747] 18 мая 1563 г. бургундские поместья заявили в мемориале, что во Франции невозможно поддерживать двойное богослужение, и подали петицию о том, что протестантское богослужение может быть отменено в этой провинции (Д’Обинье, II, 205; *Воспоминания де Конде*, IV, 413; Кастельно, книга V, глава vi.)

[748] “S’étaient tous départis avec une hâte extrême causée sur la disposition du pape.”—Testu to Catherine de Medici, *L’Ambassade de St. Sulpice*, 207. “Les évêques français se déclarent obligés de partir, se voyant privés de ressources.”—Baschet, *Journal du Concile de Trente*, 239.

[749] Папа Римский отправил епископа Винтимильи в Испанию, чтобы убедить Филиппа II привести в исполнение тридентские декреты в пользу контрреформации (*посольство Сен-Сюльпис*, 174, 200, 217, 218). Смотрите также письмо Луны, посла Филиппа II в Тренте, от 17 ноября 1563 г., в *Переписке принцпвов Алемании с Фелипе II и его эмблематиков с венскими кортиками* (1556-98) в “Иностранных документах”, CI, 24.

[750] *Анналы Райнальди*, 1564, № 1; Лаббе, XIV, 939; ср. *R. Q. H.*, октябрь (1869), 402.

[751] Об основаниях возражения см. *R. Q. H.* (октябрь 1869 г.), 365, 366 и 401-8; Фреми, *Дипломаты времен Лиги*, 45. В т. LXXXVI, *Собр. де Сент-Петер-Бург*, представляет собой сборник писем, многие из которых от Лансака и кардинала Лотарингии во время Тридентского собора. Это письма, исчезновению которых Баше удивлялся и сожалел (*La Ferrière, Взаимопонимание*, 58).

[752] Карлу IX в Сен-Сюльпис, 26 февраля 1564 г., *посольство Сен-Сюльпис*, 229; Д'Обинье. II, 223; *L'Estoile*, I, 19; *Бюллетень социальной защиты. прот. франс.*, XXIV, 412. Екатерина не упоминает об этой сцене в своем письме Елизавете Испанской в это время года (*Посольство Сен-Сюльпис*, 237). Но в последующем случае, когда кардинал Лотарингии обронил замечание о том, что Тридентский собор следовало бы называть *испанским*, королева—мать ответила: “В этом есть смысл и для австралийца, и для меня, и для Монреаля, и для других участников”. —*Там же.*, 383.

[753] *R. Q. H.*, XXXIV, 462; Фреми, *Дипломаты лиги*, глава i.

[754] Таванн, 291.

[755] Варгас, посол Испании в Риме, кардиналу Гранвелле, 22 февраля 1561 г. (*Государственные открытия. де Гранвель*, VI, 512, 513; *R. Q. H.*, XXXIV, 460).

[756] 16 января 1562 года Гранвелла написал Пересу из Брюсселя, что предотвратить это уже невозможно (Гашар, *Переписка Филиппа II с Пэ́й-Бас*, I, 198).

[757] Филиппу II Квадре, послу Испании в Англии, 4 августа 1562 г. (*Документы кардинала де Гранвеля*, VI, 606).

[758] Попелиньер, книга VIII, 591, 634, дает текст этих обращений.

[759] “Les états ne payeraient un maravédis aux bandes d’ordonnance si on voulait envoyer celles-ci en France.”—Gachard, *Correspondance de Philippe II sur les Pays-Bas*, I, 206.

[760] “Pour couper la racine du mal, il ny puisse avoir de plus courte voye, ny de meilleur expédient que alluy d’armes.”—*Lettres du cardinal de Ferrare*, Letter xxx, 1563.

[761] “Après la déclaration que seigneurs ont envoyée en Espagne des deniers qu’ils y ont demandez, ils ne voyant pas qu’on se haste beaucoup de leur respondre.”—*Ibid.*

[762] *Нер. Тоска.*, III, 492.

[763] *Papiers d’état du cardinal de Granvelle*, VI, 620, September 13, 1563. Интересно понаблюдать за возражениями Маргариты Пармской и Гранвеллы. According to the former, “l’impossibilité de donner secours au roi de France était notoire, à moins qu’on ne voulût la perte et la ruine totale des

Pays-Bas.”—Gachard, *Philippe II et les Pays-Bas*, I, 211; Margaret to Philip, August 6, from Brussels. Последний выражает сожаление по поводу сокращения вооруженных сил страны, поскольку “лиги и конфедерации (с'est ainsi qu'on les appelle) формируют контрреволюцию, продолжающуюся”. —Там же., 6 августа 1562 г. На этом заседании Государственного совета присутствовали трое будущих патриотов Нидерландов — Вильгельм Оранский, Эгмонт и Хорн. Ср. Примечание Гашара.

[764] Попелиньер, Книга viii, 499; *Отв. ред.* II, 99.

[765] “Cependant la ligue ne s’est pas renfermée dans l’enceinte de Paris. Paris, qui l’avait incertaine et hesitante encore, la renvoya aux provinces, toute brûlante et toute armée. Elle s’associa à leur intérêts, réfléchit leur passions et leur caractère, feroce en Languedoc, durement obstinée en Bretagne, partout modifiée dans sa nature et sa durée par la politique locale des municipalités.”—Ouvré, *Essai sur l’histoire de la ligue à Poitiers* (1855), 6.

[766] Ранке, *Гражданские войны и монархия во Франции*, 226, отмечает этот контраст между севером и югом.

[767] Эта местная организация не казалась Монлюку достаточно сильной, чья деятельность против протестантов в 1562 году уже была заметной и кто подозревал, что какие-нибудь гугеноты могут проникнуть в организацию и предать ее; поэтому по его предложению власть была изъята из рук *юратов* города и передана в руки Тилладета, губернатор Бордо, у которого также были ключи от города. Этому процессу было суждено стать революционным в развитии муниципалитета. *Юраты* ссылались на свои древние привилегии, которые были так же стары, как английское господство, которое Людовик XI подтвердил после окончания войн англичан во Франции. Но парламент Бордо одобрил это изменение, и, таким образом, форма правления крупнейшего города Жиронды была изменена стрессовыми обстоятельствами (O'Reilly, *Hist. de Bordeaux*, II, 241-44; Montluc, *Lettres et commentaires*, IV, 214, note). Cf. Gaullieur, *Histoire de la réformation à Bordeaux et dans le ressort du parlement de Guyenne*. Tome I, “Les origines et la première guerre de religion jusqu’à la paix d’Amboise” (1523-63), Paris, 1848.

[768] “Tellement que les pauvres fidèles trembloient dans Aix et plusieurs firent constraints de s’enfuir.”—*Mém. de. Condé*, IV, 240. На стр. 278 приводится отчет о создании этой лиги. Ср. “Верные рассуждения о войне и проблемах, с которыми сталкивается население Прованса в 1562 году”.

[769] Это был Анри Дамвиль, второй сын констебля Монморанси.

[770] Это объединение, по словам Д'Обинье, было “прототипом и главным примером для заигрывания с лигами онтарио среди Французов”. — Т. II, 137. Подробные сведения о его происхождении можно найти в “*Анналах Тулузы*”, II, 62 и далее; De Thou, IV, книга XXXIV, 496, 497; La Popelinière, книга VIII, 602, приводит текст соглашения, в котором показаны финансовые меры, принятые в поддержку лиги; “*Письма и комментарии Монлюка*”, изд. Де Рублев, II, 398; *История. du Languedoc*, V, 249 ff. Протестантские свидетельства находятся в Безе, книга X; Д'Обинье, III, глава XVIII.

[771] *Комментарии* (англ. пер.), книга V, 232.

[772] “Ordonnance de Blaise de Montluc, chevalier de l’ordre et lieutenant du roi en Guyenne, sur l’opinion qui devoit estres les sujets fidèles à sa Majesté en la séné-chaussée d’Agenois, et sur l’ordre qu’ils devoient tenir pour résister aux entreprises des sujets rebelles.”—Рубль, *Комментарий. et Lettres de Montluc*, IV, 190; La Faille, *Annales de Toulouse*, II, 62. Преамбула представляет собой перечисление обид католиков и насилия гугенотов.

[773] Д'Обинье, II, 213 и п. 6; *Комментарии и письма Монлюка*, IV, 214.

[774] C. S. P. For., № 1000, anno 1563.

[775] Моурин, *Чемпионат Анжу*, 21, 22.

[776] Интересно наблюдать, как повторяется история формирования этих местных ассоциаций или братств против гугенотов. В 1212 году в ходе войны с альбигойцами в Марселе папским легатом Арно было сформировано “Братство защиты церкви Массилии”. См. Martène, *Thesaurus anecdotorum*, sub anno.

[777] Мартин, *История Франции*, IX, 201; Анкетиль, I, 213.

[778] “Si la Réforme acquit une si grande importance, au point que les esprits superficiels y virent l’origine des libertés actuelles, c’est qu’auparavant avait éclaté une révolution sociale et économique, dont les luttes religieuses ne furent que les arrière-maux. Tant que les historiens, dans leurs études sur la Réforme, ne tiendront pas compte de ce dernier point de vue, ils n’écriront à son sujet que les romans ou des pamphlets.”—Funck-Brentano, Introd. к новому изданию. of Montchrétien’s *L’Œconomie politique*, LXXI.

[779] Хаузер, “Реформация и народные классы во Франции в шестнадцатом веке”, *Американское историческое обозрение*, январь 1899 г., 220.

[780] See Hauser, *Ouvriers du temps passé*; Pariset, *Histoire de la fabrique lyonnaise*, 1901; Roussel, “Un livre de main au XVIe siècle,” *Revue internationale de sociologie*, XIII (1905), 102, 521, 825.

[781] Eberstadt, “Der französische Gewerberecht und die Schaffung staatlicher Gesetzgebung und Verwaltung in Frankreich vom dreizehnten Jahrhundert bis 1581,” *Schmoller’s Forschungen*, XVII, Pt. II, 270. Это новаторская работа в кратко изложенной здесь экономической тематике. Читатель найдет книгу Анвина “*Промышленное развитие в шестнадцатом и семнадцатом веках*”, Лондон, 1905 г., замечательный обзор на ту же тему, посвященный главным образом Англии, но с частыми ссылками на континент, где условия были во многом такими же. К работе прилагается обширная библиография. Следует также изучить статью М. Хаузера, упомянутую в “*Американском историческом обозоре*” за январь 1899 г.

[782] Вайс, *Пламенная палата*, cxlv. Раннее отождествление французского дворянства с кальвинизмом было преувеличено. Следует быть осторожным в использовании термина “дворянство”, поскольку следует помнить, что старший сын получал наибольшую долю наследства и что младшие сыновья и мелкие дворяне во многих случаях имели много общего с мелкими фермерами в провинциях. Как метко заметил мистер Армстронг: “Все, что отделяло их от соседей, было ”привилегиями“, и за это они цеплялись все отчаяннее”. — Армстронг, *Французские религиозные войны*, 4. В десятилетие между 1550 и 1560 годами увеличилось число аристократических имен, отождествляемых с французским протестантизмом, но только в 1557 году первый великий дворянин поддержал его дело, да и то

тайно. Это был Антуан Бурбонский. В том же году Колиньи и Д'Андело также склонились к этому (Уайтхед, *Гаспар де Колиньи, адмирал Франции*, 63-66). Обо всем этом см. Лависс, *История Франции*, V, Pt. II, 238-42.

[783] Положение IV, 242. Великим кладезем информации по этому разделу является М. Ноэль Вайс, "*Пламенная палата*", 1889 г. - "Судебные процессы по обвинению в ереси в 1547-49 годах правления Генриха II" — книга, которая произвела революцию во взгляде на историю французской реформации (см. Рецензию на эту работу в *English Hist. Обзор*, VI, 770).

В городе Провен было всего несколько гугенотов. Среди них были 1 врач; 2 юриста; нотариус; 1 цирюльник и хирург; 1 красильщик; 3 аптекаря; 1 драпировщик; 1 валяльщик; 1 торговец солью.—Клод Хатон, I, 124, 125.

[784] Было бы узким взглядом на историю Франции того времени сделать вывод, что религиозные и экономические изменения были единственными. Правда в том, что правления Франциска I и Генриха II были эпохой перехода в религии, в институтах, даже в манерах.

"La corruption des bonnes mœurs a continué en tous estat, tant ecclesiastique que aultres, depuis les cardinaux jusques aux simples prebstres, et depuis le roy jusques aux simples villagloix. Chascun a voulu suyvre son plaisir; on a délaissé mesme l'ancienne coustume de s'habiller. De temps immémorial, nul homme de France n'avoit esté tondu ni porté longue barbe avant le règne dudit feu roy; ains tous les hommes, garçons et campagnons portoient longs cheveux et la barbe rasée au menton.... Les prebstres et évesques se sont faict tondre des derniers; et ont porté longue barbe, ce qui a esté trouvé fort estranger depuis le commencement du règne dudit feu roy, ont commencé les nouvelles façons aux habillemens toutes contraires à l'antiquité, et a semblé la France estre ung nouveau peuple ou ung monde renouvelé."—Claude Haton, I, 112.

[785] "Кахье орлеанских поместий" был опубликован накануне Французской революции (*Обзор кахье общего порядка труа*, глава i).

[786] Изамбер, XIV, 63 и далее.

[787] Большой частью этой информации я обязан М. Henri Hauser, "Les questions industrielles et commerciales aux Etats de 1560," *Revue des cours*, XIII, No. 6, December 15, 1904. Cf. Funck-Brentano, *Introd. to Montchrétien, Traicté de l'œconomie politique*, LXXIV-VI.

[788] Хаузер, "Реформация и народные классы во Франции в шестнадцатом веке", *Американское историческое обозрение*, январь 1899 г., стр. 223. "Профсоюзы подпали под влияние религиозных братств, которые исключали не католиков и вскоре должны были возглавить революционное движение Лиги". -Там же., 227.

[789] "L'origine des ligues en ce royaume vient des Huguenots."—Tavannes, 222; Martin, *Histoire de France*, IX, 125.

"En face des Protestants, qui s'associaient et s'organisaient contre les catholiques, ceux-ci avaient de bonne heure formé des unions locales pour résister aux entreprises des hérétiques. Ces premières ligues ont seulement un but religieux. Elles sont généralement composées de bourgeois dévoué à la royauté et sincèrement émus des dangers auxquels est exposé la catholicisme."—*La grande encyc.*, XXII, 234, s. v. "Ligue," article by M. de Vaissière.

“La jalousie entre les deux Religions ne se borna pas l’émulation d’une plus grande régularité; elles cherchèrent s’appuyer l’une contre l’autre de la force des confédérations et des serments. Depuis longtemps la Romaine entretenoit dans son sein des associations connues sous le nom de confréries. Elles avoient des lieux et des jours d’assemblée fixés, une police, des repas, des exercices, des deniers communs. Il ne fut question que d’ajouter à ce la un serment d’employer ses biens et sa vie pour la défense de la Foi attaquée. Avec cette formule, les confréries devinrent comme d’elles-mêmes, dans chaque ville, des corps de troupes prêtes à agir au gré des chefs, et leur bannières, des étendarts militaires.”—Anquetil, I, 213.

[790] Колиньи категорически отрицал, что давал какие—либо обещания вернуть Кале Англии, а что касается оккупации Гавра, он сказал: “Я не знаю, как правильно определить место проведения Трокмортон в Нормандии, и не знаю, как подписать подтверждение, я не хочу, чтобы война закончилась”. любая официальная оговорка о том, что я должен быть уверен в том, что король позаботится о тебе заранее”. -*Переписка Екатерины Медицинской*, II, Вступление., xiii. Смотрите подробное обсуждение этого спорного вопроса в Уайтхеде, *Гаспар де Колиньи*, Приложение I, где он показывает, что адмирал должен быть освобожден от обвинения в попытке передать Гавр-де-Грейс в руки англичан, и возлагает вину за эту статью Хэмптон-Кортского мирного договора на видама де Шартр.

[791] Поведение Ла-Рошели в четвертой гражданской войне является наиболее ярко выраженным примером готовности гугенотов подчинить французскую территорию иностранному господству, и это действие было совершено муниципалитетом, а не одним лидером гугенотов, и, конечно же, оно не подразумевало подчинения правительства Франции английскому правлению, как предполагал Триумвират в случае с Испания.

[792] *Mém. de Condé*, IV, 93: “Traicté d’Association faicte par Monseigneur le Prince de Condé avec les Princes, Chevaliers de l’Ordre, Seigneurs, Capitaines, Gentilhommes et autres de tous estats, qui sont entrez, ou entreront cy-apres, en la dicte association, pour maintenir l’honneur de Dieu, le repos de ce royaume, et l’estat et liberté du Roy sous le gouvernement de la Roy sa mere.”

Третья статья предусматривает безоговорочное подчинение принцу Конде, “шеф-повару и дирижеру команды”, то есть армии; *лиги не было*. Следуют подробные инструкции для руководства лагерем, для утренних и вечерних молитвенных служб и т.д. Четвертая статья, которая имеет отношение к путям и средствам получения доходов, является ближайшим подходом к политической организации: “... nous jurons and promettons devant Dieu et ses Anges nous tenir prests de tout ce qui fait en nostre pouvoir, comme d’argent; d’armes, chevaux de service, et toutes les autres choses requises, pour nous trouver au premier Mandement du dict Seigneur Prince.”—*Mém. de Condé*, III, 210-15. Cf. La Popelinière, Book VIII, 582 ff., upon the same subject.

[793] В 1567 году, когда вожди гугенотов попытались захватить Карла IX врасплох в Мо, что ускорило вторую гражданскую войну, венецианский посол Корреро выразил удивление совершенством организации гугенотов (*Рел. vén.*, II, 115).

[794] Edit de confirmation de l’édit de pacification du 19 Mars 1562, sec. 6: “Nous ... prohibons et défendons, sur peine de crime de leze-majesté à tous nos dits sujets, quels qu’ils soient, qu’ils n’ayent à faire pratique, avoir intelligence, envoyer ne recevoir lettres ne messages, escrire en chiffre n’autre esriture feincte, ne desguisée, à princes estrangers, ne aucuns de leur subjects et serviteurs, pour chose concernant nostre estat sans nostre sceu et exprès congé et permission.”—Изамбер,

Рекуэль де Луи, XIV, 145; “объяснение ордонанса” от 7 апреля находится на стр. 333; ср. *Воспоминания де Конде*, IV, 311; Попелиньер, книга X, 724.

[795] Мы находим повторяющиеся приказы об их роспуске, например, F. Fr. 15,876, fol. 201.

[796] Патенты Карла IX распространили право протестантского богослужения на Кондом, Сен-Север и Дакс, города, которые не фигурировали в эдикте от 19 марта (Rub, *Commentaires et lettres de Montluc*, IV, 257, 272 и примечания). Позже был издан королевский указ, содержащий список тех городов, где было разрешено кальвинистское богослужение, с указанием, однако, что оно должно проводиться в предместьях (*Воспоминания де Конде*, IV, 338).

[797] В течение месяца правительство получило анонимную информацию о деятельности Кандаля (*Архивы Жиронды*, XXI, 14 [16 апреля 1563 г.]). Ср. “Письмо Кандаля о королевстве от 20 мая 1563 г.” (F. Fr. 15,875, fol. 495). В том же томе, стр. 491, приводится совместное заявление джентльменов Гайенны о целях этого объединения.

[798] *Комментарии и литература Монлюка*, IV, 214.

[799] *Переписка Екатерины Медицинской*, I, 552, col. 2. В то же время Екатерина написала письмо некоторым членам парламента Бордо. Ответ Монлюка, как личное письмо, которое он написал королеве-матери (11 апреля), так и более официальное возражение, которое он направил королю, являются явной ложью. Он написал королеве : “Я ваш лучший защитник ... que depuis la nouvelle de la paix, il n’y a eu traicté d’association aucune; que, au moindre mot que j’en ay dict, tout ne soit cessé comme s’il n’en avoit jamais esté parle.”—*Commentaires et lettres*, IV, 206. Cf. his similar declaration to Charles IX, on p. 214. Духовенство Бордо поддержало Монлюка в этом обмане, а когда подозрения королевы усилились, оправдало объединение на основании религии. *Kopp. de Catherine de Méd.*, I, 552, note. Кандаль в письме от 20 мая 1563 г. все еще уклонялся от правды, написав королеве (F. Fr., 15 876, fol. 495), и Екатерина, получив более подозрительную информацию от д’Эскара, решила удостовериться в определенных фактах и отправила двух уполномоченных в Гиенну для получения более подробной информации (*Комментарии и письма Монлюка*, IV, 270, примечание). К несчастью для правительства, парламент Бордо возмутился их приездом как вторжением в их юрисдикцию, и расследование переросло в ссору между парламентом и комиссарами (*там же.*, IV, 292, п. 1; *Соответственно. de Catherine de Médicis*, II, 114, 115).

[800] Клод Хатон, I, 266.

[801] “A Lyon, les catholiques y sont pour le jour d’huy en plus grand nombre des troiz partz pour une que les huguenotz; mais les dits huguenotz sont les principaulx et ceulx qui ont les forces en mains.”Гранвелла императору Фердинанду I, 12 апреля 1564 г., *Государственные документы кардинала Гранвелла*, VII, 467.

[802] Прибрежная торговля с Англией и Голландией, вероятно, объясняет распространенность протестантизма в Нижней Нормандии, по крайней мере частично. Но причины широкого распространения сельского гугенотизма в Нормандии довольно неясны. По этому вопросу см. La Ferrière, *Normandie à l’étranger*, 2-5, 82; Хаузер, “Французская реформация и французский народ в шестнадцатом веке”, *American Historical Review*, январь 1899, 225, 226.

[803] Хаузер, указ. соч., 226, 227. Я нахожу в Монлюке интересный намек на распространенность реформатской веры среди крестьян Гиенны, которого М. Хаузер не заметил. It occurs in a letter of "Instruction au cappitaine Monluc [Pierre-Bertrand, called captain Peyrot] de ce qu'il dira à la royne et au roy de Navarre, de la part du sieur de Monluc, touchant l'état de Guyenne," March 25, 1561, and is as follows: "Et ce, à cause des insolences, scandalles et contemnemens queles *paisans* dudit païs leur ont fait depuis ung an en cà," etc.—*Commentaires et lettres de Montluc*, IV, 115.

[804] Хаузер, "Французская реформация и французский народ в шестнадцатом веке", *Американская история. Обзор*, январь 1899, 224. Для получения дополнительной информации об этом изменении положения низших и средних классов Франции в шестнадцатом веке см. Авенель, "Мобильная фортуна в истории", *Ревю двух монд*, 1 августа 1892 г., стр. 605, 606; то же самое, "Собственность Филиппа-Огюста Наполеона", *Ревю двух монд*, 1 февраля 1893 г., стр. 128, 129; 15 апреля 1893 г., стр. 796, 797, 801-3, 812, 813; 15 августа 1893 г., стр. 853-55; Лависс, *История Франции*, V, Часть I, 262-65.

[805] Протест, отправленный Папе из Франции, *C. S. P. For.*, № 1453 (1562).

[806] Там же.

[807] *Отн. vén.*, II, 121.

[808] Du Bois, *La ligue: documents relatifs à la Picardie d'après les registres de l'échevinage d'Amiens* (1859), 5.

[809] *Воспоминания де Конде*, II, 812.

[810] Монлюк, Письмо 48, 25 марта 1561 г., *Комментарий. et lettres*, IV, 115. "Cette appréciation de Montluc est digne d'être signalée à cause de sa conformité absolue avec les conclusions de l'érudition actuelle. On admit généralement que le parti protestant, à l'époque même de sa plus grande force, n'a jamais compté plus de dixième de la population en France."—Note appended by M. de Ruble.

[811] *Синодик в Галлии*, I, lix.

[812] Венецианский синдикат, интересовавшийся Францией в 1566 году, оценил население в пятнадцать-шестнадцать миллионов (*Отн. vén.*, III, 149). Я предполагаю, что эта оценка более надежна, чем большинство других. Согласно Левассеру, экономически Франция могла поддерживать население в 20 000 000 человек в шестнадцатом веке (Фовиль, "La population française", *Revue des deux mondes*, 15 ноября 1891 г., 306).

[813] *C. S. P. For.*, № 935, §4, 14 марта 1562 г.

[814] Подробности этого знаменитого путешествия см. в "Переписке Екатерины Медицинской", II, Введение, xlv и далее; Д'Обинье, Книга IV, глава iv; Жуан, "Путешествие короля Карла IX", новое изд.; "Посольство Сен-Сюльпис", 243, 254, 255, 270, 272, 274-76, 287, 300, 319.

[815] *Отн. vén.*, I, 108.

[816] *C. S. P. For.*, № 43, 7 марта 1574 г.

[817] “Entrée du roy Charles IX et de la reyne-mère Catherine de Médicis en la ville de Sens, le 15 mars 1563,” Relation extraite du MSS d’Eracle Cartault, chanoine, et des délibérations de l’Hôtel-de-Ville. Préface de M. H. Monceaux, 1882.

[818] Coutant, “Dépenses du roi Charles IX à Troyes le mercredi 5 avril 1564 après Pâques,” Annuaire admin., etc., pour 1860 (Troyes); “Depenses du roi Charles IX à Troyes le samedi 8 avril 1564,” Annuaire admin., etc., pour 1859 (Troyes).

[819] Клод Хатон, I, 364.

[820] Визит короля в Бар-ле-Дюк (чтобы присутствовать на крещении ребенка - принца Генриха Лотарингского) глубоко взволновал кальвинистов Франции и Швейцарии. Карл IX собственной персоной, Эрнест Мансфельдский, губернатор Люксембурга, представлявший Филиппа II, и вдовствующая герцогиня Лотарингии Кристина Датская выступили в качестве крестных родителей.

[821] Фуркево - Сен-Сюльпис, 19 мая 1564 г., *посольство Сен-Сюльпис*, 266.

[822] Армстронг, “Французские религиозные войны”, 22 года, замечательно отмечает: “Женева была практически французской республикой, постоянно пополнявшейся необработанным материалом беженцев и получавшей взамен обученных министров и деньги, придавая единство мерам, которые, вероятно, привело бы к исчезновению местного разделения. Отсюда возникла пропаганда, организация ради победы, реорганизация после поражения, *корпоративный дух*, религиозное рвение, которое подстегивало угасающую политическую или военную энергию”.

[823] Смотрите письмо Альвы в К. 1,502. Позже Монлюк сообщил об этом Филиппу II (*Комментарии и письма*, V, 25, письмо от июня 1565 г.). Этот слух, по-видимому, не остался незамеченным, поскольку маршал Вьейвиль предостерег короля и его мать от умеренности в своих действиях, сказав, что гугенотов было много, а солдат мало (*Государственные документы кардинала де Гранвеля*, VIII, 632). On the state of Geneva at this time see Roget, *L’église et l’état à Genève du vivant de Calvin; étude d’histoire politico-ecclésiastique*, 1867.

[824] Констебль Сен-Сюльпис, 21 июня 1564 г., в *Амбассаде Сен-Сюльпис*, 273.

[825] *Посольство Сен-Сюльпис*, 275, 276; *Her. Tosc.*, III, 515, 516; Nyd (l’abbé) “Notes écrites en 1566, à la fin d’un missel de l’abbaye de Malgrivier (événements rel. à Lyon, 1562-66),” *Bull. du Com. de la langue, de l’hist. et des arts de la France*, IV, 300 (1857). Медные и свинцовые рудники в Лионе были прибыльными в Средние века, но войны англичан во Франции и Черная смерть разрушили отрасль. See Jars, “Notice historique des mines du Lyonnais, Forez et Beaujolais,” MS, Bibliothèque de Lyons, No. 1,470.

[826] *Отв. vén.*, I, 35-37.

[827] Его письмо, опубликованное La Ferrière, *Deux années de mission à St. Petersbourg*, Париж (1867), 56, 57, проливает интересный свет на состояние города в то время.

[828] *Посольство Сен-Сюльпис*, 266.

[829] Кухня, *История парламента Бургундии*, I, 60; Кастельно, книга V, глава. vi, говорит, что петиция была напечатана. Епископ Орлеанский Жан де Морвилье в письме от 21 августа 1563 г.

обратил внимание королевы-матери на это растущее предубеждение (Фреми, *Дипломаты Лиги*, 30-32).

[830] *Посольство Сен-Сюльпис*, 129-31. Филипп II, как уже было замечено, выразил свое неодобрение этой практики (*там же.*, 152), и когда французское правительство попыталось применить ее к собственности французской церкви в Нидерландах, он твердо настоял на своем (*там же.*, 188). Была предпринята попытка законодательно ограничить спекуляцию церковным имуществом.

[831] Подробнее см. *там же.*, 152, 156, 165, 185, 186, 226.

[832] *Кастельно*, Книга V, парни. vi и x очень ясно излагают различные мотивы.

[833] Клод Хатон, I, 368.

[834] Посмотрите замечательную словесную картинку, нарисованную Кастельно в начале книги V, и Монлюка, книги V, VI, *passim*. О преобладавшем разбое см. Монлюк, IV, 343 (письмо королю из Ажена, 26 марта 1564 г.).

[835] Франклин, “Жизнь отрефуа”, *Гигиена*, глава. ii, особенно стр. 67-75. О чуме 1563-64 годов в Лангедоке см. *Hist. de Languedoc*, XI, 447 (Toulouse), 464 (Montpellier, Nîmes, Castres, etc.). Это было в разгаре в июле 1564 года. Похоже, что оно попало в Лангедок из Испании. Смотрите также *Государственные открытки. де Гранвель* (11 марта 1564 г.), VII, 387, 401; VIII, 36, 382, 470; *C. S. P. For.* (1564), Введение., xi-xii, и № 544-53, § 2; № 592; Клод Хатон I, 332. Те, кто подвергся заражению, должны были носить белые палочки в качестве знака (*C. S. P. Ven.*, № 824, 20 ноября 1580 г.).

[836] Клод Хатон, I, 332.

[837] Винтринье, *Чума в Лионе*, 1901.

[838] *C. S. P. For.*, № 553 (1564).

[839] О состоянии медицинской науки в это время см. Франклин, “Жизнь отрефуа”, *Гигиена*, глава. ii; ср. *C. S. P. For.*, № 544, 1 июля 1564 г. (краткое содержание брошюры, напечатанной городскими властями).

[840] Клод Хатон, I, 224-28.

[841] Клод Хатон, I, 332.

[842] “Non-seulement la France fut agitée en ceste année de guerres, diminution des biens de la terre et de peste, mais aussi fut remplie et fort tormentée des voleurs, larrons et sacrilèges, qui de nuit et de jour tenoient les champs et forcoient les églises et maisons, pour volder et piller les biens d’icelles pour vivre et s’entretenir.”—*Mémoires de Claude Haton*, I, 332 (1562).

Смит заявил, что Лайонс был “самым страшным и бесчеловечным городом, который он когда-либо видел. Люди проявляют себя более страшными и бесчеловечными, чем язычники”. —*C. S. P. For.*, № 553, 12 июля 1564 г.

[843] Кастельно, Книга V, глава х.

[844] Клод Хатон, I, 378.

[845] C. S. P. For., № 327, §11, 14 апреля 1564 г.; № 389, §12, 12 мая 1564 г.

[846] Там же., № 755, 21 октября 1565г.

[847] У Жанны д'Альбре была беседа с Екатериной после того, как двор покинул Макон; она потребовала владения Генрихом Беарнским и разрешения вернуться в свои владения. Но королева-мать, чувствуя, что удовлетворение любой из этих просьб может повредить ее делу с Филиппом II, попыталась удовлетворить ее подарком в 150 000 ливров и назначением Вандома местом ее проживания (*соотв. de Catherine de Médicis*, Introd., II, l).

[848] C. S. P. For., № 384, §7; *Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VII, 529. Его мнение о синоде выражено в т. VIII, 17; *Correspondance de Catherine de Médicis*, II, 179, note; Claude Haton, I, 384.

[849] C. S. P. For., № 358.

[850] Кастельно, книга V, глава х, стр. 284, подтверждает эту судебную ошибку.

[851] C. S. P. For., 755, 21 октября 1564г.

[852] Никто не может читать историка-гугенота, La Popelinière, Vol. II, книга XI, без предубеждения и не будучи убежденным в том факте, что французские протестанты нарушили как букву, так и дух Амбуазского эдикта. Тот факт, что Дамвиль, сменивший своего отца констебля на посту губернатора Лангедока в 1562 году и бывший умеренным католиком, был вынужден прибегнуть к столь решительным мерам репрессий, что протестанты пожаловались на него Карлу IX, подтверждает эту точку зрения. Ср. *Соотв. Катрин де Медичи*, II, Вступление., l и li.

[853] Кастельно, книга V, глава х; Ла Попелиньер, лок. цит. по

[854] *Посольство Сен-Сюльпис*, 328; *Папье-маше государственного кардинала Гранвеля*, VIII, 398.

[855] Ходили также слухи, что королева-мать была готова пожертвовать итальянскими протестантами Франции, чтобы выслужиться перед Испанией (*Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VIII, 395-400, примечание; *Посольство Сен-Сюльпис*, 300, 335).

[856] "Traité et renouvellement d'alliance entre Charles IX, roi de France, et Messieurs les Ligues de Suisse, faite et concludé en la ville de Fribourg, le 7 jour de Déc., 1564" (Dumont, *Corps dip.*, V, Pt. I, 129).

[857] Abridged from Rott, "Les missions diplomatiques de Pomponne de Bellièvre en Suisse et aux Grisons (1560-74)," *Rev. d'histoire diplomatique*, XIV, 26-41 (1900); cf. *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VIII, 630, 631; D'Aubigné, II, 210. M. Rott admirably observes (p. 42): "Ainsi donc, cinquante ans et plus avant Richelieu, la politique confessionnelle de la France s'inspirait déjà dans les rapports avec l'étranger, de principes fort différents de ceux qui dirigeaient son action à l'intérieur du royaume."

[858] *Папье-маше кардинала Гранвеля*, VIII, 72. Принц Конде добился разрешения покинуть двор, чтобы навестить ее в Витри в мае, где она тогда лежала больная. Ее матерью была Мадлен де Майи, сестра адмирала и внучка Луизы де Монморанси, сестры старого констебля (*там же.*, VII, 630, и примечание; ср. *C. S. P. For.*, 592, 4 августа 1564 г.).

[859] “Все идут и приходят с кардиналом Лотарингским, ибо без него ничего не делается”. — Смит Сесилу, 13 ноября 1564 г., *C. S. P. For.*, 793, §2.

[860] Гранвелла Марии Стюарт, ноябрь 1564 г., *Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VIII, 570; ср. 550, 591, 599.

Рэндольф графу Лестеру: “Принц Конде стал здесь поклонником при поддержке кардинала”. — *C. S. P. Scotland*, IX, 67, 7 ноября 1564 г. Мария Стюарт выразила свое отвращение к такой перспективе, сказав: “Что я вижу перед моим дядей: чтобы ему было хорошо с химом, его не волнует, что со мной будет”. — Рэндольф Сесилу, *К. С. П. Шотландец.*, II, 117, 9 ноября 1564 г. Другой брак, предложенный просто для того, чтобы увлечь за собой Конде, был между молодым герцогом де Гизом и дочерью принца, Маргаритой, которая была маленьким ребенком. — *C. S. P. For.*, № 642, § 3; Смит Сесилу из Валенса, 1 сентября 1564 г.; № 650, *там же.*, 3 сентября 1564 г.; № 784, 7 ноября 1564 г. Смит Сесилу: “Новость в том, что принц Конде и кардинал Лотарингии навели друг друга”. Ср. *Государственные бумаги кардинала де Гранвеля*, VIII, 127. Болвиллер, который не одобрял эти планы в интересах Филиппа II (*там же.*, VIII, 381, примечание), очевидно, считал, что принц перешел на сторону католицизма (*там же.*, VIII, 156). A propos of Condé's relapse he sarcastically wrote to Granvella on July 8, 1564: “Ce que l'on est en opinion que L'Admiral et D'Andelot se doibvent renger et hanger leur robbe, si le font, lors me semblera-il veoir une vraye farce, et pourront les femmes dire lors estre dadvantage constante que les hommes, mesme madame de Vandosme et duchesse de Ferrare demeurans en l'opinion où l'on les void.” — *Ibid.*, VIII, 129.

[861] *Соответствует. de Catherine de Medicis*, II, 106, примечание; *Посольство Сен-Сюльпис*, 164; *К. С. П. Шотландец.*, II, 153, Рэндольф Сесилу, 1-3 марта 1565 г. Марии Стюарт в 1564 году было двадцать два года, Карлу IX едва исполнилось четырнадцать (*Государственные карты. де Гранвель*, VIII, 347, примечание).

[862] Ср. светящееся письмо Филиппа Гранвелле, 6 августа 1564 г., на *государственной карточке. de Granvelle*, VIII, 215, 216.

[863] *CSP Ven.*, 6 ноября 1575г.

[864] К счастью для Филиппа, порыв страсти помог целям испанского короля, и Екатерина и Гизы, не сумевшие заключить брак между Марией Стюарт и принцем, удовлетворились тем, что принц отдалился от своей партии. Принц Конде влюбился в одну из фрейлин королевы-матери, Изабель Лимей, когда двор находился в Руссильоне, и соблазнил ее.

Об этой связи см. *соответствующий раздел. de Cath. de Méd.*, II, 189, note; Louis Paris, *Négociations*, Introd. XXVI, XXVII; *Her. Tosc.*, III, 572, and especially La Ferrière, “Isabel de Limeuil,” *Revue des deux mondes*, December 1, 1883, 636 and the duc d'Aumale, *Histoire des princes de Condé*, I, Appendix, xix. Намек на нравы, преобладающие при дворе, содержится в следующей информации: “При дворе приняты распоряжения, согласно которым ни один джентльмен не должен разговаривать со служанками королевы, кроме как в присутствии королевы или мадам

принцессы де ла Рош-сюр-Йон, если он не женат; и если они сидят на скамье или табурете, он может сесть рядом с ней, а если она сидит в форме, он может преклонить перед ней колени, но не лежать долго, как было принято при дворе”. —C. S. P. For., 1091, 11 апреля 1565г.

[865] Неизвестный Карлу IX испанский посол Шантонне, на отзыве которого Екатерина настаивала в течение нескольких месяцев и которого, наконец, заменил в конце 1564 года Алава, переодетый пересек провинции Франции в интересах своего хозяина, проехав через Овернь, Руэрг, Тулузу, Ажен и Бордо, прежде чем прибыть в Мадрид для выполнения новых обязанностей.

St. Sulpice to Catherine de Medici, June 12, 1564; *L'Ambassade de St. Sulpice*, 711; *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VII, 592. О некоторой переписке между Филиппом II и Гранвеллой, а также Гранвеллой и Антонио Пересом по поводу отзыва Шантонне см. Гашар, *Переписка Филиппа II с Пэи-Бас*, I, 251-53. Upon Chantonnay's successor, Alava, see *L'Ambassade de St. Sulpice*, 227, 228, 236; *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VIII, 393; *Correspondance de Catherine de Médicis*, II, 359, 534; Poulet, I, 570, n. 1; Forneron, *Histoire de Philippe II*, II, 256.

О секретной службе Филиппа II см. Форнерон, I, 218, 290, 334; II, 304, 305; *Государственные документы кардинала де Гранвеля*, VII, 498, 499; VIII, 128, 182.

Алава превысил свои инструкции, пригрозив Франции войной. Филипп II, далекий от желания войны с Францией, опроверг заявления своего посла (*R. Q. H.*, январь 1879 г., стр. 23).

[866] Об одном из приступов безумия дона Карлоса см. Письмо епископа Лиможского Екатерине Медичи в Ла-Ферьер, *Взаимопонимание*, 48, 49. Письма Раумера из Парижа, том. I, глава xv, содержат интересный рассказ о Доне Карлосе с длинными выдержками из источников. Редактор справедливо отмечает, что Ранке в своем трактате о деле Дона Карлоса, сколь бы острым оно ни было, сделал единственно верный вывод для разгадки этого загадочного эпизода истории. See also *Wiener Jahrbücher*, XLVI; Forneron, *Hist. de Philippe II*, II, 103 ff.; Louis Paris, *Négociations*, etc., 888; *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VIII, 317, note; *L'Ambassade de St. Sulpice*, 17, 29, 101, 597; Lea, in *Amer. Hist. Rev.*, январь 1905 г.; *Английский Hist. Rev.*, XIV, 335.

[867] Ср. *Папье-маше для открытки. де Гранвель*, VIII, 334 и примечание; ср. 215, 343, 344, 595, 596. Филипп нашел нового предполагаемого мужа для Марии Стюарт в лице эрцгерцога Карла. Он отказался от идеи женить Марию Стюарт на своем сыне еще до смерти дона Карлоса.

[868] См. *R. Q. H.*, XXXIV, 461.

[869] Екатерина обратила в свою пользу почти забытое желание Филиппа II встретиться с ней, высказанное в июле 1560 г., когда он сильно беспокоился из-за ее мягкой политики по отношению к французским протестантам (*R. Q. H.*, XXXIV, 458).

[870] Чаллонер, посол Англии в Испании, королеве: “Вряд ли незнакомец по выражению лица или словам поймет какое-либо сильное изменение ума, будь то гнев или радость, но по образцу некоего тихого наводнения”; цитируется Форнероном, I, 319, n. 2, из MSS архива № 466.

[871] Смотрите чрезвычайно интересный отчет о проезде турецкого посольства через Провен, у Клода Хатона, I, 342-44.

[872] О заговоре Баязета и его бегстве в Персию см. Д'Обинье, книга III, глава. xxviii.

[873] *Общественные организации Леванта*, II, 729.

[874] *Там же.*, 730.

[875] Испания подозревала, что султан хотел обеспечить французский рейд для своего флота во время осады Мальты. See *Commentaires et lettres de Montluc*, V, 38, note; D'Aubigné, 221, and n. 1; *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VIII, 162; *L'Ambassade de St. Sulpice*, 398; *R. Q. H.*, XXXIV, 473-78.

[876] *Соответствует. de Cath. de Méd.*, II, Введение., lxxvi, lxxvii; *R. Q. H.*, XXXIV, 470.

[877] *Посольство Сен-Сюльпис*, 14, Письмо от 27 марта 1562г.

[878] Перес пишет Гранвелле 15 ноября 1563 г.: “Королевская семья Франции совершает турне с католическим величеством для уничтожения шахтеров во время их предприятия”.—*Документы государственного комитета карты, de Granvelle*, VII, 256; и две недели спустя (4 декабря 1563 г.) мы находим, что Филипп II пишет Альве, говоря, что “посланник Сен-Сюльпис сделал предложение вступить в брак с королем Франции”, и интересуется мнением герцога по этому вопросу (Гашар, *Переписка Филиппа II с оплатой труда*, I, 277). Фактический текст находится в переписке Филиппа, № XXVI.

[879] *Посольство Сен-Сюльпис*, 226.

[880] “Ne se passoit jour sans nouvelle sorte de combatz, passe-temps et plaisirs.... L'on dréçoit joustes, tournoy, commédies et tragoedies.”—Fourquevaux to St. Sulpice, *L'Ambassade de St. Sulpice*, 266; cf. *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VIII, 466. Описание одного из таких развлечений см. в Кастельно, Книга V, глава vi.

[881] “Вы понимаете, что происходит, на горных площадях и при бандольерах”. — Екатерина Сен-Сюльпису, 9 января 1564 г., *посольство Сен-Сюльпис*, 331.

[882] Карл III получил образование во Франции и был французским пенсионером на сумму 250 000 франков в год (*Рел. vén.*, I, 451). Об этом давлении Испании с целью отмены Амбуазского эдикта см. *Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VII, 461, 468; Пуле, I, 576, примечание; Кастельно, книга V, глава. ix; *R. Q. H.*, XXXIV, 462, 463. Гугеноты быстро разгадали это (*Languet, Epist. секр.*, II, 268, 18 ноября 1563 г.; *Арх. д'Оранж-Нассау*, I, 136).

Беспокойство французских протестантов по поводу визита короля Лотарингии хорошо выражено в письме Лазаря Швенди принцу Оранскому от 22 августа 1564 г., в *Арх. д'Оранж-Нассау*, I, 191.

[883] Ранке, *Гражданские войны и монархия во Франции*, 226.

[884] Давила, *гражданское войско Франции*, III, 144. On September 27, 1564, the prévôt Morillon wrote to the cardinal Granvella: “L'édit de France contre les apostatz me faict espérer que la royne mère passera plus avant, puisque la saison est à propos; et si elle ne le faict, je crains qu'elle et les siens le paieront.”—*Papiers d'état du card. de Granvelle*, VIII, 361.

[885] Кастельно, книга V, глава х. Гранвелла выразил нетерпение по поводу медлительности Екатерины в подавлении гугенотов. Смотрите его письма вице-канцлеру Сельду и Филиппу II того времени в *Государственных бумагах кардинала де Гранвеля*, VIII, 598, 599, 632, 633.

[886] Если только приказ, запрещающий Рене Феррарской проводить протестантскую службу даже в частном порядке во время пребывания при дворе, не будет принят в качестве первого; см. *R. Q. H.*, XXXIV, 467.

[887] Недалеко от Лиона, где из-за чумы двор останавливался с 17 июля по 15 августа; он принадлежал кардиналу Турнону, который держал его в плену.

[888] Isambert, XIV, 166; Castelnau, Book V, chap. x; La Popelinière, II, Book XI, 5, 6; Chéruef, *Histoire de l'administration monarchique de la France*, I, 196.

[889] Д'Обинье, II, 211. О последней жалобе см. *Переписку Екатерины Медицинской*, II, 195, 203, и примечания. Эти католические ассоциации обычно в то время назывались “Братства Святого Духа”, как показывает намек Д'Обинье.

[890] Эпизод, демонстрирующий одновременно манеры некоторых придворных и католическую убежденность марсельцев, см. в *Государственных документах кардинала де Гранвеля*, VIII, 475.

[891] Lamathe, “Délibération des consuls de Nismes au sujet de l'entrée de Charles IX dans ladite ville (1564),” *Rev. des Soc. savant des départ.*, 5e série, III (1872), 781.

[892] Находясь здесь, Екатерина отправила маршала Бурдийона в Гиенну с целью роспуска лиги, сформированной в Кадиллаке 13 марта 1563 года (Д'Обинье, II, 213). Как мы увидим, миссия оказалась безрезультатной.

[893] *Correspondance de Catherine de Médicis*, II, Introd., lviii. The editor adds: “De toutes les villes du Midi, c'était [Beziers] celle qui comptait le plus de Protestants.” В связи с тревогой, проявленной гугенотами юга - 300 дворян из Безье посетили короля в полном составе — Карл IX, находясь в Марселе 4 ноября, “подтвердил” Амбуазский эдикт. Однако суд был настолько встревожен, что всякий раз, когда он останавливался, предпринимались попытки разоружить местное население (*C. S. P. For.*, № 788-1564).

[894] Об инциденте, когда Екатерина читала хронику MS о Бланш Кастильской, см. Выдержку венецианского посла в Башете (*La diplomatie vénétienne*, 521, 522).

[895] *Correspondance de Catherine de Médicis*, II, Introd., lix.

[896] Клод Хатон, I, 378.

[897] Приказ короля от 13 декабря 1564 года, запрещающий любым дворянам, кем бы они ни были, за исключением принцев французского дома, входить в правительство Иль-де-Франса, до сих пор не опубликован. Это сохранилось в отчете испанского посла, арх. нац., К. 1505, № 31. Его следует отличать от общего *приказа* позапрошлого года — “Письма о защите королевского содержания, а также о персоналиях привратников с аркебузами, пистолетами, ни пистолетами, ни самими бастонами, а также о конфискации оружия и шево”, Париж, 1564. Ср. Изамберт, XIV, 142.

[898] Все историки обращают внимание на этот эпизод. См. Д'Обинье, книга IV, глава v; *Соотв. de Catherine de Medicis*, II, Введение., lix, lx и 253-56, где приведены письма маршала и королевы-матери по этому вопросу. Редактор в длинной заметке анализирует доказательства. Другие отчеты находятся у Клода Хатона, I, 381-83 (другие ссылки в примечании); *C. S. P. For.*, № 942, 24 января 1564 г.; *Воспоминания. герцог Неверский*, V, 12, 13; Кастельно, Книга VI, глава ii.

В *государственных бумагах кардинала де Гранвеля*, VIII, 600-2, приводится отчет из-под пера дона Луиса дель Рио, атташе посольства Испании в Париже; а на стр. 655, 656 - "Речь адмирала Франции о судье парламента Парижа от 27 января 1565 года за ответ". Барон де Рубле описал историю этого инцидента в *Воспоминаниях о соц.-де-л'исте. de Paris de l'Ile-de-France*, Vol. VI.

Согласно письму Марии Стюарт королеве Елизавете от 12 февраля 1565 года, именно в это время вспыхнуло негодование из-за старого судебного процесса над Даммарином. Но, должно быть, с ее стороны это было предположением, поскольку она добавляет: "Я ничего не слышала ни о герцоге де Гизе, ни о месяе д'Омале". —*C. S. P. Scot.*, II, 146. Католические пристрастия принца Конде в этот критический момент проявляются в письме его сестре, аббатисе Шелль, в котором он заявляет, что он раздражен оскорблением, совершенным маршалом Монморанси в отношении кардинала Лотарингии; что союз этих двух домов более чем необходим; что если бы он был с кардиналом, то доказал бы свою добрую волю делами. См. Приложение VII.

[899] "Les confraires du Saint-Esprit et autres reprochoient plus de viguer, et les provinces ne pouvoient plus souffrir les ministres ny les presches publics et particuliers, et se separoient entièrement des huguenots; qui estoient argumens certains qu'en peu de temps il se verroit quelque grand changement."—Castelnau, Book VI, chap. ii.

[900] Яркие католики, такие как кардинал Гранвелла, верили, что и маршал Монморанси, и Дамвиль в душе были протестантами (*Государственные документы кардинала де Гранвелла*, VIII, 278).

[901] "Des catholiques formèrent des 'unions' pour défendre l'honneur de Dieu et de la Sainte Eglise, et ces unions, en se rapprochant constituèrent la Ligue."—Beulier, "Pourquoi la France est-elle restée catholique au XVIe siècle," *Revue anglo-romaine*, January 11, 1896, 257. Иезуиты усердно работали во Франции на Филиппа II. Форнерон, II, 304, цитирует интересное письмо по этому поводу от иезуита, работавшего во Франции.

[902] Описание этой лиги находится в *Воспоминаниях Конде*, изд. Лондон, VI, 290-306. For the court's sojourn at Agen see Barrère (l'abbé), "Entrée et séjour de Charles IX à Agen (1565)," *Bull. du Com. de la langue, de l'hist. et des arts de la France* I (1854), 472.

О пребывании короля в Кондоме (1565) см. Баррер (аббатство), *там же.*, 476.

[903] *Комментарии и литература Монлюка*, III, 80, 81; Де Ты, V, книга XXXVII, 32; Анкетиль, I, 213.

[904] Сборник Годфруа, CCLVII, № 7, 18 июля 1564г.

[905] Де Ты, IV, Книга XXXVII, 32.

[906] Печатную копию этой важной депеши, озаглавленную "Единственное письмо съера д'Омаля о съере маркизе д'Эльбруф, сыне брата, ассоциации, участвующей в обсуждении

справедливой борьбы с домом Монморанси” (27 февраля 1565 г.), можно найти в подшивке. Нац., Л. б. 33: 172. Очевидно, гугеноты распространяли его как политический памфлет. Но где оригинал? Отрывки из него следующие: “Мой брат ... j’ay receu de vostre homme la lettre que m’avez escripte.... J’en ay par plusieurs fois cy devant escript à Messieurs de Montpensier, d’Estampes, Cehavigny: par où ils auroient bien peu juger la volonté que j’ay tousjours lue de nous venger, et combien je desirerois l’association que vous dites (verso) prevoyant assez combien elle estoit necessaire non seulement pour nous, mais aussi pour tous les gens de bien à qui l’on en veult plus que jamais.

“Et pour ceste cause, mon frere, je trouverais merueilleusement bon que les dicts Sieurs y voulsissent entendre, laissant les villes, d’autant qu’il n’y a nulle assurance en peuple, comme je l’ay dernièrement encore cogneut. Mais avec la Noblesse, de ma part je suis tout resolu et prest, et n’y veux espargner aucune chose, et le plustost sera le meilleur. Qui me fait vous prier, de regarder et en bien adviser tous parenssemble, et mesmes avec le seigneur de Montpensier, et de m’en mander ce que vous aurez deliberé, à fin que par là je resolute avec les Seigneurs et Noblesse qui sont de deça et mes Gouverneurs, qui feront tout ce que je vouldray.

“Au demeurant, vous avez bien entendu le nombre de Chevaliers de l’Ordre qui ont esté faicts, qui sont bien pres de trente ou plus, dont monsieur de Brion en est des premiers. Aussi des preparatifs que lon fuit à la Court pour aller à Bayonne recevoir festoyer la Roine d’Espagne.”

[907] *Комментарии и письма Монлюка*, III, 80-86. Я использовал перевод Коттона семнадцатого века, 274, 275, который сохранил кое-что от духа оригинала. Де Ту, никогда не видевший рассматриваемого документа, выражает сомнение в правдивости Монлюка в этом вопросе и утверждает невероятность того, что король последовал совету Монлюка на том основании, что корона осудила все тайные объединения как разрушительные для внутреннего спокойствия. “Зачем королю заключать союз со своими подданными?” - спрашивает Де Ту. “Это не только не принесет ему никакой выгоды, но и не уменьшит ли его авторитет? Разве король не подстрекал бы своих подданных делать именно то, чего он хотел избежать, и своим собственным примером приучал бы их к городским группировкам; разжигать и поддерживать партии в королевстве?” — Де Ту, IV, книга XXXVII, 33. К несчастью для истинности гипотезы Де Ту, факты говорят об обратном, поскольку есть документальное подтверждение того, что Карл IX последовал предложению Монлюка и разослал декларацию всем своим офицерам с просьбой присоединиться к ней. Барон де Рубл обнаружил доказательство в F. Fr. 20,461, fol. 58. См. его издание Монлюка, III, 86, примечание; ср. Д'Обинье, II, 218 и п. 6.

[908] Заслуга в том, что было сделано это важное открытие, принадлежит барону де Рублю, *Commentaires et lettres de Montluc*, IV, 317-26, 329, 330, 346, 347, 362, 363. Но именно Форнерон показал миру масштабы измены Монлюка (*Hist. de Филипп II*, I, 293-330). Подозрение к курсу Монлюка, однако, преобладало в его дни. Его обвинили в том, что он согласился передать провинцию Гиенна Филиппу II в 1570 году и создал картель против своих противников, отрицая, что у него были какие-либо разведданные с Испанией. См. Приложение VIII.

[909] Назначение Д'Андело на этот пост вызвало бурю эмоций среди офицеров-католиков. Строщи, Бриссак и Шарри открыто отказались ему подчиняться (Д'Обинье, II, 207; Брантом, V, 341).

[910] Форнерон, I, 294, п. 3.

[911] Монлюк, изд. Де Рублев, IV, Вступление., ix.

[912] Следует отметить, что Монлюк независимо пришел к тому же выводу, что и Гранвелла.

[913] Монлюк, изд. Де Рубле, IV, 317-26, 8 февраля 1564г.

[914] Форнерон, I, 330. Д'Обинье, II, 294, ошибочно приписывает этот заговор иезуитам. Традиционный протестантский отчет, приписываемый Калиньону, канцлеру Наварры, напечатан в *Mét. герцог Неверский*, II, 579; также в *Воспоминаниях де Виллеруа*. Рассказ в *Arch. sur.*, VI, 281, сильно приукрашен. Католические историки отрицали существование такого заговора, например, аббат Гарнье в *Мемуарах Академии. des inscrip.* (1787), Vol. L, 722. Но после публикации *Переписки Монлюка* в этом нет никаких сомнений.

[915] Форнерон, I, 303-6. Каби, *Посольство Сен-Сюльпис*, 483, приводит текст письма посла Екатерине и его благодарственную записку королевской вышивальщице, которая раскрыла заговор.

[916] Д'Обинье, II, 204, 205; *Воспоминания де Конде*, IV, 669. Письмо Карла IX Сен-Сюльпису от 30 ноября 1563 г. содержит некоторые подробности процесса (*Посольство Сен-Сюльпис*, 186, 187).

[917] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, 119, 120. Ее письмо дочери в Испанию, а не переписка, которую М. Каби цитирует в *Посольстве Сен-Сюльпис*, 208, демонстрирует настоящее мужество. Charles IX said he could not abandon Jeanne d'Albret "sans être vu désertir de ses plus proches parents" (*ibid.*, 247). Инструкции Ланзаку, которого послали в Испанию протестовать от имени Франции против действий папы, демонстрируют тонкое презрение (*там же.*, 224).

[918] *Комментарии и письма Монлюка*, IV, 327, примечание.

[919] *Посольство Сен-Сюльпис*, 228: "Ответ Филиппа II старшего. de Lansac en sa première audience, 18 fev. 1565."

[920] *Там же.*, 247.

[921] *Дворец Сен-Сюльпис*, 5.

[922] Письмо Сен-Сюльпису, 10 февраля 1563 г., *там же.*, 115.

[923] *Там же.*, 135.

[924] Пий IV был настолько озадачен, что старался избегать высказываний по этому поводу. "On avait décidé, à la dernière fête de St. Pierre, de supprimer cette cérémonie, afin de n'offenser personne." Карл IX Сен—Сюльпису, 24 июля 1563 г., *там же.*, 141.

[925] Дю Ферье, посол Франции в Венеции в Сен-Сюльпис, 12 апреля 1564 г., *там же.*, 252.

[926] Ср. отчет о беседе между архиепископом Циспонтеном, папским секретарем, и Д'Ойзелем (*там же.*, 273 июля 1564 г.).

[927] "Instructions données par Charles IX à L'Aubespine le jeune, envoyé en Espagne," *ibid.*, 277, June 24, 1564.

[928] Там же., 279, 281, 282, 299. “Было бы ошибкой рассматривать, как это делает большинство историков, развитие отношений Филиппа II с римским престолом как единое последовательное развитие событий, поскольку в начале его правления доминировал принцип, совершенно отличный от того, который вдохновлял последнего. В шестидесятые и начале семидесятых годов испанский король посвятил себя в первую очередь поддержанию принципов контрреформации; он отказался от политических преимуществ в интересах веры, объединился с давними врагами своего дома для подавления ереси, посвятил себя и свой народ делу католицизма.... Но в конце семидесятых годов произошли перемены. Дух контрреформации во Франции шел на убыль: старые политические линии раскола начали проявляться вновь; Филипп начал обнаруживать, что он опустошает свою землю до основания в интересах иностранной державы, которая не предлагала ему никаких взаимных преимуществ, и неохотно сменил свою прежнюю позицию смиренной преданности интересам церкви на более патриотическую позицию заботы о благополучии Испании.... С точки зрения Испании, история этого длительного развития трагична, но знакома — безрассудное национальное самопожертвование ради устаревшего идеала, истощение в интересах иностранной державы, которая использует и отбрасывает в сторону, но никогда не отвечает взаимностью. Но это добавляет еще один к и без того длинному списку благоприятных пересмотров старых и более враждебных приговоров испанскому монарху. Отношение Филиппа к папству, хотя и не всегда мудрое или подобающее государственному деятелю, было, по крайней мере, гораздо более благородным и лояльным по отношению к церкви, чем это обычно представляется (как, например, у Филипсона): первая часть его правления отмечена его беззаветной преданностью делу Рима, и даже в конце эта преданность не ослабевает, хотя интересы его страны вынудили его проводить по отношению к папству более национальную политику, чем та, с которой он начинал”. - Р. Б. Мерримен, *Обзор Herre, Papsttum und Papstwahl im Zeitalter Philipps II* (Лейпциг, 1907), в *Американском историческом обзоре*, октябрь 1908 г., стр. 117, 118.

[929] *Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VIII, 177, 30 июля 1564 г.; R. Q. H., 1869, стр. 403.

[930] *Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VII, 669.

[931] Гранвелла сказал то же самое Филиппу II 14 июля 1563 года. See *Papiers d'état du card. de Granvelle*, VII, 124; ср. Гашар, *Переписка Филиппа II с Пэй-Бас*, I, 277 (Филипп II Альве, 14 декабря 1563 г.).

[932] Гранвелла Пересу, 6 августа 1563 г., *Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VII, 177.

[933] Там же., 231.

[934] Там же., 262.

[935] См. Пайяр, *История проблем Валансьена*, 1560-67.

[936] *Папье-маше кардинала Гранвеля*, VIII, 270.

[937] Для доказательства см. там же., 55, 56 и примечание.

[938] “Гугеноты Франции являются законными продолжателями войны за независимость”, - пишет Гранвелла императору 3 июня 1564 г. (там же., 18).

[939] Там же., 99; ср. 104, примечание.

[940] *Ibid.*, 23, 393; *L'Ambassade de St. Sulpice*, 5, 275, 280, 284, 300, 305; *Correspondance de Catherine de Médicis*, II, 197s.

[941] “Si cela de la religion succède bien en France, les affaires vouldront de mieulx.”—*Papiers d'état du cardinal de Granvelle*, VIII, 152, July 15, 1564.

[942] Присутствие многих бельгийских студентов во французских университетах, несомненно, способствовало этой симпатии. See Gachard, *Correspondance de Philippe II sur les Pays-Bas*, I, 372.

[943] *Папье-маше кардинала Гранвелля*, VIII, 390, 527, 550, 556, 593.

[944] Там же., VII, 281.

[945] Советник д'Ассонлевиль написал кардиналу Гранвелле после заключения мира в Труа: “Прощай, Калле! combien qu'elle nous duiroit bien hors de mains des François!” Пуле, I, 570.

[946] *Дворец Сен-Сюльпис*, 191, 194, 209, 221. В 1563 году каждое государство назначило комиссию для устранения этой трудности и других пограничных осложнений на границе Артуа и Люксембурга (см., например, *Посольство Сен-Сюльпис*, 224, 227, 228, 240, 254), конференции которого продолжались на протяжении 1564-65 годов. Смотрите длинную заметку в Gachard, *Philippe II sur les Pays-Bas*, I, 270.

In Collection Godefroy, XCIV, No. 16, will be found a “sommaire de la négociation de Calais, entre le président Séguier et le conseiller du Faur, députés de Charles IX, et les ambassadeurs de Philippe II;” original, signed by Séguier and Du Faur. В том же сборнике, XCVI, № 6, представлен договор о делимитации границы с Пикардией, подписанный Харлеем и Дю Драком в Гравелине 29 декабря 1565 года. Карл IX отказался ратифицировать его.

[947] *Папье-маше кардинала Гранвелля*, VIII, 18.

[948] “Особенно важна судьба кадены”.—Там же., VII, 215.

[949] Мнение Гранвеллы о требовании генеральных штатов см. в его письме Филиппу II от 18 апреля 1564 г. (там же., 492-94).

[950] Там же., 294, примечание, и особенно 495-97; ср. *Посольство Сен-Сюльпис*, 188, 193.

[951] “Отсутствие контроля над чумой”.—Гранвелла герцогине Пармской, *Папье-маше кардинала Гранвелля*, VII, 411.

[952] Однако это была простая угроза, поскольку такой курс нанес бы Франции такой же ущерб, как и Нидерландам.

[953] Смотрите письмо президента Вильюса Гранвелле от 17 апреля 1564 г. в *государственных бумагах кардинала де Гранвелля*, VII, 476; ср. 481. По всему этому вопросу, что касается Англии, см. Бругманс, *Англия в Нидерландах в книге эрсте Ярена фон Елизаветы "Региринг" (1558-67)*, Гронинген, 1892; ср. *Английское историческое обозрение*, VIII, 358-60.

[954] *Государственные документы кардинала де Гранвеля*, VII, 496, 497. Ср. замечание Ассонлевиля в письме Гранвелле, Пуле, I, 570. Пророчество кардинала частично исполнилось (*Государственные документы кардинала де Гранвеля*, VIII, 40, 41).

[955] “Qui est autant que couper la gorge aux marchands.”—“Mémoire envoyé pour le roi de France à St. Sulpice,” January, 1564, in *L’Ambassade de St. Sulpice*, 210.

[956] See “Note du Ministère de France en réponse aux griefs présentés par l’ambassadeur d’Espagne” in *Papiers d’état du cardinal de Granvelle*, VIII, 584-86. Другие упоминания об этом коммерческом вопросе содержатся в VII главе, 62, 164, 375, 411, 476, 481, 495-97, 584, 668; *Дворец Сен-Сюльпис*, 175, 181, 188, 191, 193, 194, 200, 206, 209, 210, 213, 217, 221, 224, 304, 350, 351; *Государственные документы кардинала де Гранвеля*, VIII, 6-15, 514, 515; Гашар, *Корреспонденция Филиппа II в ле-Пи-Бас*, I, 244, 246, 247; Пуле, I, 567 и п. 2. В *Бюллетене королевской комиссии истории* есть мемуары о миссии Ассонлевиля в Англию, апрель-6 июня 1563 г., сер. III, I, 456 и далее.

Несомненно, на жесткую торговую политику Испании по отношению к Франции также отчасти повлияла ревность к торговым отношениям Франции и Англии, поскольку Труаский мирный договор установил свободу торговли между двумя странами. О большом значении этого договора в истории торговли см. De Ruble, *Le traité de Cateau-Cambrésis*, 193-95.

[957] Сен-Сюльпис отправил эту важную информацию в письме от 22 января 1565 г. (*Посольство Сен-Сюльпис*, 338).

[958] Там же., 366. Екатерина Медичи зашла в своей настойчивости опасно далеко, заявив, что Алава, испанский посол во Франции, намекнул, что не будет возражать против присутствия принца Конде, поскольку его исключение может поставить под угрозу мир. Филипп II тут же заявил, что если Алава заставил Екатерину поверить в это, то он действовал в нарушение инструкций. “Mémoire envoyé à Catherine sur les réponses du roi catholique,” May 7, 1564, in *L’Ambassade de St. Sulpice*, 375.

[959] Эгмонт проезжал через Бордо по пути в Испанию, когда там находился суд (*R. Q. H.*, XXIV, 479).

[960] Причины выбора Байонны изложены в *R. Q. H.*, XXXIV, 472.

[961] “Лентяи ... qui sont habituelles en Espagne.”—*L’Ambassade de St. Sulpice*, 363.

[962] F. Fr. 20,647, fol. 11. Для получения других подробностей о предварительных боях в Байонне см. *Дворец Сен-Сюльпис*, 335-38, 347, 350, 351, 353, 354, 357-60, 362, 363, 366, 374-78, 382.

[963] Ср. *Список избранных знаменитостей, которые следуют истине в Парижской Байонне*, 1566; и *Воспоминания Маргариты Наваррской*, книга I.

[964] См. Де Ты, книга XXVII; Матье, *История Франции*, I, 283; Ла Попелиньер, книга XI, 8. Принц Оранский и Вильгельм Гессенский оба считали, что Варфоломеевская резня была спланирована в Байонне (*Архивы дома Оранжевых в Нассау*, III, 507; IV, 108).

[965] Ниже приводится некоторая литература по этому знаменитому интервью: Э. Маркс, *Цусамменkunft фон Байонн: Дас францес. Staatsleben u. Spanien in d. J. 1563-67*, Strassburg, 1889; Combes, *L'entrevue de Bayonne de 1565*, Paris, 1882; Maury, in *Journal des savants*, 1871; Loiseleur La St. Barthélémy, Paris, 1883; Lettenhove, *La conférence de Bayonne*, 1883; La Ferrière, *R. Q. H.*, XXXIV, 457, and the same in *Correspondance de Catherine de Médicis*, II, Introd.; Philippson, *L'Athénæum belge*, July 1, 1882; De Croze, *Les Guises, les Valois et Philippe II*; Boutaric, *La Saint Barthélemy, d'après les archives du Vatican (Bib. de l'Ecole des Chartes, sér. V, III, 1)*; Raumer, *Frankreich und die Bartholomäusnacht*, Leipzig, 1854; Wuttke, *Zur Vorgeschichte der Bartholomäusnacht*; Soldan, *La Saint Barthélemy* (French trans.), 1854.

[966] *R. Q. H.*, XXXIV, 483 и п. 2.

[967] Суждение Альвы о правительстве Франции см. в *Государственных документах кардинала де Гранвеля*, VII, 276; ср. *Посольство Сен-Сюльпис*, 341-43.

[968] *Her. Tosc.*, III, 523; *R. Q. H.*, XXXIV, 492-512, п. 4. Альва откровенно сказал, что хотел бы, чтобы констебль ушел вместе с остальными — “эль кондестабль ке вальера мас ке фальтара комо лос отрос”. — *Документы государственного совета кардинала де Гранвеля*, VII, 277.

[969] Герцог Монпансье был известным фанатичным католиком. The Venetian ambassador said of him: “Il quale è tenuto più atto a governare un monasterio di frati che a comandare ad eserciti.”—*Rel. vén.*, II, 155.

[970] *R. Q. H.*, XXXIV, 485. Монлюк передал в руки Альвы мемуары, в которых предлагалось заключить союз между коронами Франции и Испании с целью сокрушения протестантов во Франции. В случае отказа французского короля присоединиться к этому союзу Монлюк обрисовал средства защиты, к которым пришлось бы прибегнуть Филиппу II. Эти мемуары опубликованы бароном де Рублем в “*Комментариях и письмах Монлюка*”, V, 23 и далее. В этом поразительном документе солдат-ветеран, изложив свой любимый тезис о том, что французский кальвинизм был антимонархическим по своей природе, делает обзор религиозного состояния провинций. Он приходит к выводу, что, хотя протестантизм свирепствовал повсюду во Франции, в пяти шестых части страны католики были выше. Место, представляющее большую опасность, - Гайенна. Взаимная безопасность Франции и Испании требует подчинения этой провинции. Франция не может или не будет делать этого в одиночку (ср. *Переписку Катрин де Медичи*, I, 342, п. 3; 343, п. 4). Следовательно, это остается за королем Испании. Это исторический аргумент в пользу всего последующего курса Монлюка на измену Филиппу II.

[971] Это было триумфально доказано графом Эктором де ла Феррьером, который показал, что месть Комбес, “*Байоннское восстание 1565 года и вопрос Сен-Бартелеми д'Апре-ле-архив Симанкаса*”, Париж, 1881, неправильно перевел те самые документы, на основании которых он полагался (*R. Q. H.*, XXXIV, 511 и далее).

[972] Пий V был избран папой 17 января 1566 года (см. Хиллигер, *Die Wahl Pius V zum Pöpste*, 1907). До своего возвышения он был великим инквизитором и придавал святой канцелярии свирепое рвение (см. Bertelotti, *Martiri di Libero Pensero e Vittime della Sta. Inquisizione nei Secoli, XVI, XVII, e XVIII*, Rome, 1892). Жестокость его характера и фанатизм привели к тому, что он совершил несколько действий, наносящих ущерб католическому делу, но именно благодаря ему испанский, венецианский и папский флоты разгромили турок при Лепанто. He wrote on

March 28, 1569 to Catherine de Medici: “Si Votre Majesté continue, comme elle a fait constamment, dans la rectitude de son âme? et dans la simplicité de son cœur, à ne chercher que l’honneur de Dieu toutpuissent, et à combattre ouvertement et ardemment les ennemis de la religion catholique, *jusqu’à ce qu’ils soient tous massacrés* (ad internecionem usque), qu’elle soit assurée que le secours divin ne lui manquera jamais, et que Dieu lui préparera, ainsi qu’au roi, son fils, de plus grandes victoires: ce n’est que par *l’extermination entière* des hérétiques (deletis omnibus haereticis) que le roi pourra rendre à ce noble royaume l’ancien culte de la religion catholique.”—Potter, *Pie V*, 35; letter of the Pope to Catherine de Medici, March 28, 1569. Оригинальная латинская версия этого письма, основные слова которого заключены в скобки выше, находится в *Epistola SS. Пий V*, изд. Губан, III, 154, Антверпен, 1640. Редактор был секретарем маркиза де Кастель-Родриго, посла Филиппа IV при Святом Престоле. Сокращенное издание было опубликовано Поттером, *Lettres de St. Pie V sur les affaires religieuses de son temps en France*, Париж, 1826. Это поздравительное письмо адресовано Екатерине Медичи в связи с победой католиков при Жарнаке и смертью принца Конде. (Ср. письмо от 13 апреля 1569 г. на стр. 156 по тому же поводу.) Тем не менее, даже папа рассматривал полное уничтожение французских протестантов как результат скорее как желаемое, чем практически осуществимое. Папа Пий V, однако, был не первым сторонником разрушения, поскольку еще в 1556 году Франсуа Лепикар дал тот же совет Генриху II: “Позаботьтесь о том, чтобы вовремя противостоять лютеранству среди протестантов, например, о том, чтобы по случаю окончания сборки принять участие, о справедливом главном бассейне в эвксии и о том, чтобы очистить его от бонн в королевстве”.—*Словарь Бейля*, ст. “Роза”.

Доктрина убийства за ересь первоначально исходила от средневековой церкви, в которой ее можно проследить вплоть до начала крестовых походов. Урбан II утверждал, что убийство отлученного от церкви человека не является убийством, при условии, что это было сделано из религиозного рвения. (“Non enim eos homicidas arbitramur quod adversus excommunicatos zelo catholicae matris ardentes, eorum quoslibet trucidasse contigerit”. —Минье, *Epistolae Urbani*, CLI, № 122; Манси, XX, 713; те же слова используются Иво Шартрским, X, 331, и Грацианом в *Декрете* [причина 32, вопрос 2, канон: *De нептис*].) Этот отрывок сохранился в исправленном издании, к которому Григорий XIII приложил предписание о том, что ничего не должно быть опущено, и в глоссарии приводится следующий парафраз: “Non putamus eos esse homicidas qui zelo justitiae eos occiderunt”.

В 1208 году Иннокентий III объявил графа Тулузского вне закона (Teulet, *Trésor des Chartes*, I, 316), и в тот же понтификат Четвертый Латеранский собор объявил, что папа может низложить любого, кто пренебрегает обязанностью истреблять ересь, и может передать свое государство другим (Хардуин, *Concilia*, VII, 19). Тот же канон вновь появляется в *Декрете* Григория IX (Lib. iv, тит. 7. глава 13). Святой Фома Аквинский заявил, что утрата политических прав была вызвана отлучением от церкви (*Сумма* [изд. 1853], III, 51). Учение о том, что веру не обязательно сохранять с еретиком, было прочно установлено церковью в тринадцатом веке. На это ссылался император в деле Гуса — “quoniam non est frangere fidem ei qui Deo fidem frangit”.—Палацкий, *Документ Йоанниса Хусси*, I, 540.

Дух этого учения сохранился и в шестнадцатом веке. В 1561 году некоторые жители Лукки, приняв протестантскую веру, были вынуждены бежать из города. Правительство республики, по предложению Рима, приняло закон 9 января 1562 года, согласно которому, кто бы ни убил одного из этих беженцев, хотя он и был объявлен вне закона, все же его объявление вне закона будет отменено; и что, если он сам не нуждается в этой привилегии, она может быть передана

другому (*Archivio storico italiano*, X, приложения. 176, 177). 20 января папа римский Пий IV написал, поздравляя город с этим благочестивым законом: “Legimus pia laudabiliaque decretaque civitatis istius Generale Consilium nuper fecit ad civitatem ipsam ab omni heresum labe integram conservandam.... Nec vero quicquam fieri potuisse judicamus, vel ad tuendum Dei honorem sanctius, vel ad conservandam vestre patrie salutem prudentius.”—*Там же.*, 178, 179.

Когда Генрих Валуа давал клятву уважать свободу совести в Польше, ему сообщили, что соблюдать клятву было бы грехом, но что если он нарушит ее, то грех ее совершения будет рассматриваться как простительное преступление: “Незначительное преступление, убийство людей, совершивших его, ради спасения”. —Хосии, *Опера*, II, 367.

Можно добавить, что заговор Ридольфи проливает очень ясный свет на учение и поведение Пия V.

[Некоторой информацией, приведенной выше, я обязан любопытному происшествию. В 1899 году среди ряда книг, которые я приобрел в Лондоне, я нашел ряд фрагментарных заметок, посвященных этому вопросу. Ничто не указывает на их авторство, но в знак признания помощи какого-то неизвестного мне ученого это признание сделано. Можно добавить, что приобретенные книги были посвящены Франции XIV века].

[973] Это была идея Монлюка, которую он изложил кардиналу Лотарингии и Филиппу II в форме эдикта, который он сам сочинил и который, как мы знаем, король Испании действительно прочитал (*Комментарии и письма Монлюка*, IV, 359-62). В национальном архиве есть два перевода первого документа на испанский. Филипп подписал письмо Бардакси своим собственным почерком: “la carta para el cardinal de Lorena”. —*Там же.*, IV, 362, примечание.

[974] *Папье-маше кардинала де Гранделя*, IX, 306; Гашар, *Переписка Филиппа II сюр-ле-Пи-Бас*, I, 368; письмо Маргариты Пармской Антонио Пересу, 27 сентября 1565г.

[975] Монотонность жизни и тирания испанского этикета, должно быть, тяжело сказались на маленькой королеве Испании. Но посреди страданий этого “королевского рабства”, как называет его граф де ла Феррьер, быть осужденным на роль инструмента политических интриг Филиппа было высшим унижением. То, что ее юный дух восстал, хотя и безнадежно, против сложившейся ситуации, очевидно из жалостливого письма, написанного ею послу своего брата в Испании (La Ferrière, *Взаимопонимание*, 28).

[976] О кардинале Пачеко см. Poulet, I, 7, примечание и Указатель.

[977] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, Вступление., lxxxiii, lxxxiv.

[978] Ключ к ней был обнаружен в 1885 году. Суриано был венецианским посланником в Тренте. Он не был постоянным послом сената во Франции, и его депеши, похоже, были написаны в другом ключе, чем депеши Марка Антонио Барбаро, аккредитованного посла.

[979] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, Вступление., lxxxv.

[980] Комб, 47.

[981] “Целых две недели Екатерина сопротивлялась давлению своей дочери и испанских посланников, которые нашли поддержку в радикальных предложениях лидеров французских католиков. Однако в течение последних трех дней собеседования были сделаны уступки, которые удовлетворили Алву и его хозяина, хотя Гранвелла и Алва проявили некоторый скептицизм. Королева была подтолкнута ... не предполагаемой угрозой Альвы о том, что король должен лишиться своей короны или его брат Генрих - головы, а просто ее страхом, что полный провал интервью помешает достижению ее целей. Эти уступки заключались в обязательстве подчиниться постановлениям Тридентского собора и в загадочном обещании наказания или мер по исправлению положения. Последнее, однако, вероятно, относилось не к судебному преследованию или покушению на лидеров гугенотов — схема, предложенная исповедником Монпансье и одобренная Альвой, — а к изгнанию министров и последующему насаждению ортодоксальности. Выполнение этих мер было отложено до завершения путешествия, но представляется вероятным, что Екатерина никогда всерьез не замышляла действий, которые были бы неизбежным признаком гражданской войны”. — Армстронг в *"Английском историческом обзоре"*, VI, 578, 579 (обзор Маркса, *"Цусамменкунфт фон Байонн"*, Страсбург, 1889).

[982] Например, La Noue, глава. xii (1567).

[983] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, 509, 510; R. Q. H., XXXIV.

[984] “Кто виноват, тот виноват, а кто нет.... Et y a tent de noblèse au demeurant que tou les souir à la sale du bal je panserès aystre à Baionne si j’y voyais reine ma fille,” writes Catherine to the duke of Guise (*Correspondance de Catherine de Médicis*, II, 315).

[985] Фуркево, I, 6, 3 ноября 1565г. Ср. *Переписку Катрин де Медичи*, II, 326—Катрин Фуркево, 28 ноября 1565г.

[986] О начале переговоров Екатерины в Польше см. *Корреспонденцию Екатерины Медичи*, II, Введение., cv, 404; Carefigue, 412 и далее.

[987] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, 320.

[988] “Это редкость и черт знает что для жизни в тишине”, - сказала Екатерина венецианскому послу (цитируется Ла Феррьером, *Корреспонденция Екатерины Медицинской*, II, Вступление., cii).

[989] Смотрите рифму к ней в L'Estoile, изд. Мишо, серия 2, том. I, стр. 17.

[990] Cf. Babinet de Rencogne, “Sur un débordement de la Charente et la cherté des vivres en 1481,” *Bull. de la Soc. art.*, etc., 1860, 3e sér., II, 3 (Angoulême, 1862).

[991] Ср. Бутик. “Notes sur les inondations de la rivière de Seine à Troyes depuis les temps les plus reculés jusqu’ à nos jours,” *Annuaire admin. pour 1864* (Troyes), p. 17.

[992] Клод Хатон, I, 395-98. Это утверждение, даже если бы не было других доказательств, подтверждается для юга Франции опытом суда в предгорьях Пиренеев в январе 1565 г. (ср. *Hist. du Languedoc*, V, 465). О западе Франции см. “*Хроники Фонтенезьена*” (Париж, 1841), 84, 85 и “Журнал Луве”, опубликованный в “*Ревю д’Анжу*” в 1854 году. One quotation may suffice: “Au mois de febvrier, il tomba sy grande quantité de neige au païs d’Anjou et fust l’hyver si froid, que les rivières

furent glacées et qu'on marchoit et passent par-dessus, et que tous les lauriers et romarins gelèrent, et qu'au dégel les eaux crurent et furent si grandes qu'elles rompirent des arches, ponts et chaussées, et fust ceste année appelée l'année du grand hyver." Я не знаю ни одной статьи на эту тему в целом. M. Joubert, *Etude sur les misères de l'Anjou aux XVe et XVIe siècles*, 1886, pp. 35 and 161, has a little to say. Тема заслуживает рассмотрения. Источники, конечно, почти полностью местные.

[993] Клод Хатон, I, 331.

[994] *Idem*, I, 409.

[995] Приказ Екатерины маршалу Монморанси как губернатору Парижа от 19 ноября 1565 г. находится в *Переписке Екатерины Медицинской*, II, 325.

[996] Власти Провена реквизировали зерно, принадлежавшее частным лицам, и присвоили все, кроме того, что было необходимо владельцам, которое продавалось горожанам по максимальной цене 20 су за буассо. Аббат Сен-Жак и приор Сен-Аюля Испекли хлеб для раздачи бедным. Один из богатых горожан с Пасхи до сбора урожая ежедневно раздавал хлеб более чем трем сотням бедняков, помимо того, что обеспечивал их работой (Клод Хатон, I, 409).

В буассо (мед. латынь, буасселус [Du Cange, s. v.]) была древней мерой вместимости, эквивалентной 13,01 литру, примерно 12 квартам. В отдаленных частях Франции этот термин до сих пор иногда используется для обозначения декалитра. Буассо использовался как для сухой, так и для жидкой меры. С другой стороны, *bichet* (мед. латинское, *bisselus* и *busellus*, откуда английское bushel) была сухой мерой, составляющей от одной пятой до двух пятых гектолитра (от 4,4 до 8,8 галлонов) в зависимости от провинции. *Setier* был более крупным сухим сортом в 6 порций (парижская мера). *Muid* (латинское *modius*) также имел переменную вместимость. Емкость Paris равнялась 36 галлонам. *Queue du creu* представляла собой большую деревянную бочку, примерно равную полутора бочонкам, и использовалась только для приготовления вина. Расчеты в пересчете на американские деньги основаны на теории, согласно которой *турский ливр* в 1565 году был эквивалентен 3,11 франкам, согласно оценке виконта д'Авенеля в "*Ревю де монд*", 15 июня 1892 г., стр. 795.

[997] Клод Хатон, I, 418. For information on this subject see Reuss, *La sorcellerie au 16e et au 17e siècle, particulièrement en Alsace d'après des documents en partie inédits*; Jarrin, *La sorcellerie en Bresse et en Bugey* (Bourges, 1877); Pfister, "Nicolas Rémy et la sorcellerie en Lorraine à la fin du XVIe siècle," *Revue hist.*, XCVII, 225.

[998] "Molins è città, ed à posta vicina all' Alìer, sopra il quale ha un ponte; è la principale del ducato di Borbon. Vi è un bellissimo palazzo, fabbricato già dai duchi di Borbon, posto in fortezza, con bellissimi giardini e boschi e fontane, e ogni delicatezze conveniente a principe. Tra le altre cose vi è una parte dove vi si teniano de infinite sorte animali e ucelli, delli quali buona parte è andata de male; pur vi restano ancora molti francollini, molte galline d'India, molte starne, è altre simil cose; è vi son molti papagalli vi diverse sorte."—*Rel. vén.*, I, 32, 34.

[999] Когда двор находился в Блуа, число незнакомцев было так велико, что рыцари Ордена обходили дом за домом.

[1000] C. S. P. For., anno 1565, стр. 524; ср. *Нер. Тоск.*, III, 523. Подробнее об истории шести месяцев между июлем и январем см. в *Переписке Екатерины Медицинской*, II, lxxxvii-cv.

[1001] C. S. P. For., anno 1566, № 17. До конца месяца старые счета были официально “отложены” указами короля на совете (29 и 31 января 1566 г.). Многие источники ссылаются на это лицемерное примирение: Де Ты, V, книга XXIX, 184; Пуле I, 125—письмо Гранвеллы из Рима; Д'Обинье, II, 223-25; C. S. P. For., № 57, 29 января 1566 г.; Кастельно, книга VI, глава ii.

[1002] C. S. P. For., № 41, 23 января 1566 г.

[1003] C. S. P. For., № 120, 22 февраля 1566 г.

[1004] Там же., № 150, 6 марта 1566 г.

[1005] Там же., № 136, 25 февраля 1566 г. “Констебль лежит в Шантийи не в своей тарелке”. — Там же., № 406, 21 мая 1566 г. Пуле, I, 190, из Морильона в Гранвеллу, 5 марта.

[1006] C. S. P. For., anno 1566, Вступление. Текст *ордонанса* находится в Изамберте, XIV, 189; De Thou, книга XXXIX, 178-84, содержит много интересного. Именно он записывает речи короля и канцлера. Интересно отметить, что в то время в Германии царили очень похожие условия. Смотрите отчет о диете Шпайерса (1570) в Janssen, *История немецкого народа*, VIII, 75 и далее.

[1007] Cf. Cheruel, *Histoire de l'administration monarchique de la France*, I, 196-203; Glasson, *Histoire du droit et des institutions de la France*, VIII, 170 ff.

[1008] Духовенство Гайенны было настолько возмущено этим запретом, что пригрозило покинуть страну (*Архивы Жиронды*, XIII, 183).

[1009] Посмотрите на великолепный дом парижского сапожника, который приобрел поместье королевского казначея и невероятно обогатился золотом и серебром. Королева-мать под благовидным предлогом обеспечила доступ в дом. Клод Хатон, I, 412, дает подробное описание его великолепия.

Согласно оценке от 15 января 1572 г., доход от “Казуальных партий”, то есть от офисов, освобожденных в связи со смертью конкретных их владельцев, и от “Полетт”, составлял два миллиона франков, и все же коррупция в администрации была настолько велика, что король получал лишь четверть этой суммы (Cheruel, I, 208).

[1010] Де Ты, V, книга XXXVII, 185; Д'Обинье, II, 224; C. S. P. For., № 343, 344, 347, 387, 28 апреля; 3-4, 16 мая 1566 г.; Форнерон, *История. des ducs de Guise*, II, 59.

[1011] “On ne sait encore quant on délogera d'icy, combien que les laboureurs des champs ayent ja faict présenter deux requestes au Roy pour se retirer et sa suite à Paris jusques à ce que la récolte soit faict.” Троншон М. де Кордесу, 4 июля 1567 г.; цитируется герцогом д'Омалем, *История принцев Конде*, I, Приложение XVI.

[1012] “Политика баскула”, R. Q. H., XXVII, 274.

[1013] C. S. P. For., № 275, 12 апреля 1566г.

[1014] Было подсчитано, что, помимо пехоты, капитанов и латников, к различным фракциям было прикреплено 20 000 всадников (C. S. P. For., № 470, май-июнь 1566 г.).

[1015] C. S. P. For., № 667, 21 августа 1566г.

[1016] Там же., № 715, 14 сентября 1566г.

[1017] Хью Фицуильям Сесилу: “Констебль пользуется большим авторитетом у короля и королевы—матери; и, будучи смертельным врагом дома Гизов, он борется за свою жизнь со своими племянниками и протестантами”. -C. S. P. For., № 741, 3 октября 1566г.

[1018] *Нег. Тоск.*, III, 515. “По кислому выражению лица королевы мужчина мог легко понять, что ей понравилось не все, что он сказал. После того, как он поприветствовал нескольких человек, король дал ему несколько слишком короткий ответ на столь долгое требование”. —C. S. P. For., № 444, 1 июня 1566 г.

[1019] “Король заключил мир со своими казначеями на определенную сумму с помощью констебля, от чего что—то прилипает к его пальцам”. -C. S. P. For., № 733, §2, 28 сентября 1566 г.

[1020] По оценке этого синдиката, население Франции составляло от пятнадцати до шестнадцати миллионов человек (*Рел. vén.*, III, 149).

[1021] C. S. P. For., № 111-15, 18-19 апреля 1567 г.

[1022] *Папье-маше государственного кардинала Гранвеля*, IX, 594, 595; Пуле, I, Вступление., l-līi, n. 2; Гашар, *Дон Карлос и Филипп II*, I, 303; C. S. P. For., № 641, 13 августа 1566 года. Coussemaker, *Les troubles religieux du XVIe siècle dans la Flandre maritime 1560-70*; Van Velthoven, *Documents pour servir à l'hist. des troubles religieux du XVIe siècle dans le Brabant*; Verly, *La furie espagnole, 1565-95*; Kervyn de Lettenhove, *Les Huguenots et les Gueux: Etude hist. sur vingt-cinq annels du XVIe siècle (1560-1585)*, Bruges, 1883-85, 6 vols.; Poulet, *Correspondance du cardinal de Granvelle*, I, Introd., lvii-lxxvi; II, Introd., iv-vii; De Thou, V, 204-37; D'Aubigné, Book IV, chap. xxi.

[1023] Наиболее заметным из них был Франциск Юниус, которого изгнали из Антверпена. Испанский посол потребовал его ареста, но администрация отеля отказала, справедливо заявив, что Юниус был послом графа Палатина и имел право на иммунитет (*Переписка Екатерины Медичи*, II, Введение., cviii).

[1024] Об этой знаменитой осаде Мальты см. Д'Обинье, книга IV, глава xix; Де Ты, книга XXXVIII. Это было начато 17 мая 1565 года.

К этому страху примешивалось опасение, что даже турок может стать союзником фламандцев и французских протестантов (Пуле, I, 357, Морильон - Гранвелю). О том, что это было не совершенно фантастическое представление только о нем, см. Письмо Маргариты Пармской Филиппу II в *Correspondent. de Филипп II*, I, № 411, и Гашар, *корреспондент. de Guillaume le Taciturne*, VI, 408.

[1025] *Архивы дома Оранж-Нассау*, I, 259-89; Пуле, I, 207; Гашар, *Национальная библиотека Парижа*, I, 88. “Avec la liberté des consciences, que aulcungs prétendent, nous ne nous trouverions pas mal si, suyvnt l'exemple des François, nous tumbions aux mesmes inconvenientz.”—Letter of Granvella, April 9, 1566, in Poulet, I, 209.

[1026] Сэр Фрэнсис Берти Сесилу: “Принц Оранский со среды открыто демонстрирует, что принимает участие в Ге, и водолазы его людей носят свой значок. Этот город удивительно опустошен; огромные богатства вывозятся, главным образом, чужеземцами”. — C. S. P. For., № 582, 20 июля 1566 г., из Антверпена.

[1027] Пуле, I, 307.

[1028] Мы знаем об измене Монтиньи из депеши Гранвеллы Филиппу II от 18 июля 1565 года, в которой кардинал сообщает королю, что Монтиньи все еще успешно притворяется кальвинистом и ведет переписку с Шатийонами и Монморанси. Он уже по меньшей мере девять месяцев находился на жалованье в Испании. Он получал 20 экю в сутки за одну работу (*Папье-маше кардинала Гранвеллы*, IX, 404, 595). Монтиньи приехал в Париж якобы для того, чтобы присутствовать на свадьбе сына герцога Немурского с племянницей адмирала на Пасху. На данный момент мы получаем представление о методах Филиппа II, поскольку сами Гизы вели тайные и предательские дела с Испанией, но не знали об отношениях Монтиньи с Филиппом II и относились к нему с презрением (*там же.*; Poulet, I, 329; ср. Фино, *Военная разведка Франции и Великая эпоха XVI^{века} и XVIIe siècle* siècles.....).

[1029] Пуле, I, 304; Эдвард Кук Сесилу: “Монтгомери сказал ему, что французские протестанты полны решимости помочь протестантам Фландрии”.—C. S. P. For., № 661, 18 августа 1566 г. Это письмо анализируется в *Булле. de la comm. roy. d’histoire*, 3e sér., I, 129. Доверенное лицо Гранвеллы в Брюсселе, прево Морильон, правдиво написал 7 июля: “Я знаю, что мои друзья злые, это анна, которая живет на побережье Франции”. —Пуле, I, 350. Ср. Райффенберг, *корреспондент. de Marguerite de Parme*, 88; Gachard, *Corresp. de Филипп II*, I, 429, 431, 436; на стр. 473 приведено письмо герцогини Пармской Филиппу от 15 октября на итальянском языке, в котором выражается опасение по поводу проектов гугенотов.

[1030] Людовик Нассауский, без сомнения, был в тесной связи с ведущими французскими протестантами. See *Archives de la maison d’Orange-Nassau*, I, 229; II, 196, 403. Было чрезвычайно трудно подавить пыл протестантов в Валансьене из-за его близости к французской границе и количества кальвинистских проповедников, которых гугеноты послали в страну в июне 1566 года (*там же.*, II, 135). О притоке кальвинистских проповедников в страну еще в 1561 году см. Languet, *Epist. secr.*, II, 155. Говорили, что принц Конде продал гобелен за 9000 флоринов, которые он пожертвовал на тамошнее дело (Poulet, I, 439).

[1031] Монлюк-Бардакси, 27 октября 1564 г.: *Комментарии и письма Монлюка*, IV, 368.

[1032] Пуле, I, 64; Райффенберг, 91; *Архивы дома Оранж-Нассау*, II, 175, 178.

[1033] *Соответствует. де Филипп II*, I, 433.

[1034] Правительство Карла IX даже подмигнуло тайным сборам, произведенным принцем Конде в пользу Людовика Нассауского, под маской официального отрицания соучастия каких-либо французов во Фландрии, отрицая, что принц Конде когда-либо был в Антверпене переодетым (Poulet, I, 521, 3; Gachard, *La Национальная библиотека в Париже*, II, 206). Последнее утверждение, конечно, было правдой. 24 июля по просьбе Альвы была издана королевская прокламация, запрещающая французским подданным въезжать в Нидерланды “для проведения переговоров или по собственному желанию”. —Пуле, I, 364; Гашар, *указ. соч.*, II, 27.

[1035] “Из-за слез и последствий”, - написал проректор Гранвелле (Poulet, I, 405). Император пожелал, чтобы король Испании лично и без армии отправился в Нидерланды, чтобы умиротворить их добротой, а не силой (*Архивы дома Оранжевых в Нассау*, II, 505; Раумер, I, 173, декабрь 1566 г.). Но Филипп II так и не смог решиться лично приехать в Нидерланды, хотя все

советовали это сделать. В течение многих лет он продолжал вынашивать эту мысль и постоянно откладывал ее. Смотрите письмо герцогини Пармской герцогу Генриху Брауншвейгскому по случаю приезда герцога Альвы, январь 1567 г., в *архиве дома Оранж-Нассау*, III, 21 и далее.

[1036] On April 3, 1565, St. Sulpice sent word to Charles IX that Philip II had sent Menendez to Florida “avec une bonne flotte et 600 hommes pour combattre les Français et les passer au fil de l’épée.”— *L’Ambassade de St. Sulpice*, 364. Когда Фуркво сменил его, французское правительство еще не знало о резне. Фрагментарные сведения Сен-Сюльписа можно найти на стр. 400, 401, 404, 414. Безуспешные попытки Франции добиться возмещения ущерба подробно освещаются в *Correspondent. de Catherine de Medicis*, II, 209, 330, 337, 338, 341, 342, 360; и в *Fourquevaux*, I, № . 4-7, 9, 15, 21, 28, 43, 47, 55, 66. Отчет редактора во Введении, xv-xxi, достоин восхищения. В *Испанской корреспонденции*, II, 126-28, можно найти письмо Филиппа II Шантонне от 28 февраля 1566 года в ответ на письмо посла с рекомендациями относительно предприятия Колиньи. Кровь французских колонистов, убитых во Флориде, взывала к отмщению, и с того момента, как стало известно об этом, тема репрессий стала предметом обычных разговоров в нормандских портах (*C.S.P. Dom., Add.*, XIII, 227). 24 сентября 1566 года сэр Эмиас Паулет, английский посол, сообщил своему правительству, что у него есть информация о том, что эскадра собирается отплыть с этой целью, хотя это было “поздно для столь длительного путешествия” (*там же.*, 31). Обо всей истории этой злополучной колонии см. Гайяр, “Реприза флоридского свершения в столице. Gourgues (1568),” *Notices et extr. des manusc. de la Biblioth. Nat.*, IV, and VII (1799); Gourgues, *La reprise de la Floride*, publiée avec les variantes, sur les MSS de la Bibl. Nat. доктор философии . Тамизи де Ларрок, 1867; Гафферель, *История Флоридской Франции*, 1875; Паркман, *Французы в Северной Америке*. Новейшей литературой по этому вопросу является Вудбери Лоури, “Жан Рибо и королева Елизавета”, *Американское историческое обозрение*, апрель 1904 г., и книга того же автора “*Испанские поселения в нынешних пределах Соединенных Штатов: Флорида, 1562-74*” (Нью-Йорк, 1905).

[1037] Де Ты, V, 37-40.

[1038] Папье-маше кардинала Гранвелля, VII, 381, примечание. В 1558 году Болвиллер совершил набег на Францию (*Бюллетень исторических комитетов*, 1850, стр. 774; краткое изложение письма, касающегося этого эпизода, можно найти в архивах Базеля). On Bolwiller see *Papiers d’état du cardinal de Granvelle*, IX, 36, note. Новый план был вызван выдачей патента Карлу IX от 9 октября 1564 года, запрещающего продажу или отчуждение любых прав регалии на три епископства без его согласия (текст в *государственных бумагах кардинала де Гранвелля*, VIII, 394).

[1039] Болвиллер Гранвелле, 16 октября 1564 г., с письменного разрешения Филиппа II (*там же.*, VIII, 429).

[1040] “Je tiens que les François, par voye de faict, y (Toul) mectront la main, comme ilz ont jà commencé, et le mesmes à Metz et Verdung.”—*Государственные документы кардинала де Гранвелля*, VII, 465; послание Гранвеллы императору, 12 апреля 1564г.

[1041] *Там же.*, VIII, 504-6.

[1042] *Там же.*, IX, 44. Гранвелла Пересу, 26 февраля 1565 г.; стр. 111, Филипп II Шантонне, тогда находившийся в Вене, 2 апреля 1565 г. Болвиллер поручил это дело Эгелольфу, сеньору де Рибошпьер (немецкая форма - Рапольштейн), дворянину из Верхнего Эльзаса. Его мать была

фюрстенбургкой. (См. *Там же.*, IX, 24, примечание.) Странная случайность, что потомок этого дома в следующем столетии должен был стать правой рукой Людовика XIV в его захвате Рейна через Палаты Реюньона, играя роль, совершенно противоположную роли его предков.

[1043] *Государственные документы кардинала де Гранвеля*, IX, 71—Болвиллер кардиналу 20 марта 1565 года.

Мец рано прославился своим интересом к Реформации. Распущенность епископальной дисциплины в первой половине шестнадцатого века способствовала росту этого духа и, в конце концов, привела к католической реакции. Однако город был более склонен к кальвинизму, чем к лютеранству. Карл V запретил исповедовать лютеранскую веру, но, тем не менее, протестанты Меца заключили союз со Смалькальдской лигой. Под французским владычеством город определенно перешел от лютеранства к кальвинизму. Французский губернатор Вьейвиль придерживался умеренной политики и предоставил гугенотам церковь в центре города. Во время первой гражданской войны протестанты в Меце сохраняли спокойствие, но вскоре после этого Фарель посетил город в третий раз, и после этого религиозная активность в городе была значительной. Кардинал Лотарингии подавил протестантскую проповедь в епархии и закрыл церковь. Когда Карл IX посетил Мец в 1564 году, здание было разрушено, и протестантское богослужение было запрещено. После смерти маршала Вьейвиля граф де Рец был назначен губернатором. Одним из мотивов поддержки дела гугенотов Иоанном Казимиром, принцем палатинским, было обещание, данное гугенотами, что он получит губернаторство в Меце. On the subject as a whole see Thirion, *Etude sur l'histoire du protestantisme à Metz et dans le pays Messin*, Nancy, 1885; Le Coullon, *Journal (1537-87) d'après le manuscrit original*, publié pour la première fois et annoté par E. de Bouteiller, Paris, Dumoulin, 1881.

[1044] *Папье-маше кардинала Гранвеля*, IX, 462, 463.

[1045] Гранвелла Пересу, 15 октября 1565 г.; *там же.*, IX, 594, 595.

[1046] Смотрите письмо Филиппа II Шантонне от 22 октября 1565 г.; *там же.*, IX 609 и далее.

[1047] Он служил в Италии в 1555 году и стал судебным приставом кардинала и сборщиком налогов в епископстве Мец после Като-Камбрезийского мирного договора (*Комментарии и письма Монлюка*, I, 228).

[1048] Описание "Войны кардинала" см. в De Thou, V, книга XXXVII, 37-40. В *Воспоминаниях де Конде*, V, 27, есть еще одно сообщение, предположительно написанное самим Сальседо. В F. Fr. 3, 197, лист 92, есть неопубликованное письмо Сальседо (см. Приложение IX) и еще одно письмо герцога Омале по поводу этого инцидента. Шантонне утешил Филиппа в связи с разочарованием по поводу Меца, сказав ему, что, хотя восстановление Трех епископств действительно было важно из-за их влияния на ситуацию во Фландрии, неприятности предотвратили брачный союз между Францией и Австрией, который был бы более пагубным (Письмо Филиппу II, 30 октября 1565 г., в *Государственных документах кардинала де Гранвеля*, IX, 625).

Два года спустя мы обнаруживаем, что хитрый кардинал Лотарингии все еще заявляет Екатерине о своей невиновности и молит ее не подозревать его (Письмо от 6 декабря 1567 г., Собрание Фийона, № 316).

[1049] Форнерон, I, 346, на основании письма Альвы Филиппу от 19 мая 1566 г. и собственного письма кардинала, написанного в то же время (оба сохранились в К. 1505, № 99, и К. 1509), предполагает, что тайные сношения между Филиппом II и Гизами начались в 1566 году, и приписывает непосредственный поводом к этому послужили волнения в Нидерландах. Он пропустил начало этого на год. Письмо Гранвеллы убедительно показывает, что это началось в июле 1565 года. Каждое слово в этом письме имеет вес. Это можно найти в *Государственных бумагах кардинала Гранвеля*, IX, 399-402.

[1050] Джонсон, *Европа в шестнадцатом веке*, 328. Интересные подробности, рассказанные очевидцем, см. в "Бург, *Жизнь и времена сэра Томаса Грешема*", II, 121 и далее.

[1051] Пуле, I, 509; Гашар, *Дон Карлос и Филипп II*, 354; *Национальная библиотека Парижа*, II, 213. Ужасная весть достигла короля 5 сентября. В течение десяти дней он был болен из-за высокой температуры. Фуркево в письме из Сеговии Карлу IX от 11 сентября сообщает некоторые подробности о болезни Филиппа и о том, как с ним обращались врачи, а затем добавляет: "Сын Испании женится на женщине, а лютеране - нет. *païs (Flanders) ont commencé s'empoigner aux eglises et reliques, et à fere marier les prebtres et nonnains, avec infiniz autres maulx qu'ilz font, qui est le semblable commencement des doleurs qui advindrent en votre Royaume du temps des troubles.*"—*Dépêches de M. Fourquevaux*, I, 124, 125.

[1052] На австрийские земли осенью 1566 года вторглись турки (*Национальные объединения Леванта*, II, 721; Languet, *Epist. секр.*, I, 15).

[1053] Позиция Филиппа заключалась в том, что экспедиция была чисто политической; ср. Гашар, *"Мадридские библиотеки и Эскуриалы"*, 94 и далее, основанные на переписке архиепископа Россано.

[1054] Дешеша Карлу IX, 9 декабря 1566 г. (Фуркево, I, 147-52). Он с большим беспокойством ждал инструкций из Парижа, с каждым днем становясь все более подозрительным, потому что испанский король не сказал ему ни слова на эту тему, хотя и вызвал его на аудиенцию 14 января 1567 г. (*там же.*, 167-72; депеши от 5 и 18 января 1567 г.). Огромные финансовые операции испанского правительства (обратитесь к Гахарду, *Дон Карлос и Филипп II*, II, 369, 370) наполнили его тревогой, и он предпринял безуспешную попытку подкупить секретаря одного из министров Филиппа II. Он предположил, что испанские войска, скорее всего, отправятся в Барселону и высадятся в Ницце или Генуе (*там же.*, 176, 177, 13 февраля 1567 г.).

[1055] Форнерон, I, 347, на основании депеши Алвы в К. 1507, № 2; ср. *Нег. Тоска.*, III, 527.

[1056] Гашар, *Национальная библиотека в Париже*, II, 228. Отправка была отложена из-за болезни курьера и сильных снегопадов, с которыми он столкнулся в Пиренеях, и не доходила до посла до 15 января 1567 года (Фуркево, I, 168). Переписка Бернардо д'Аспремона, виконта Ортеза, губернатора Байонны, к сожалению, в значительной степени рассеянная по томам Национальной библиотеки, показывает постоянную опасность, которой подвергались южные провинции Франции от испанского вторжения (*Комментарии и письма Монлюка*, III, 400, примечание).

[1057] Пуле, II, 183.

[1058] Д'Обинье, II, 229, примечание.

[1059] Пуле, II, 495.

[1060] Д'Обинье, II, 228; Цурлаубен, *История. milit. des Suisses*, IV, 335.

[1061] Мы узнаем об этом из письма Джорджа Пауле. См . Приложение X.

[1062] Пуле, II, 183; *Описания М. Фуркево*, I, 173.

[1063] *Депеши М. Фуркево*, I, 174, 4 февраля 1567 г. Филипп II воспринял эти военные приготовления французов с поразительным хладнокровием — даже решительный отказ Карла IX разрешить испанской армии пересечь территорию Франции (24 марта 1567 г.). Казалось, он искренне стремился избежать трений с Францией (см. Его письмо Гранвелле от 17 февраля 1567 г. в Poulet, II, 255, 256). Опасность в Нидерландах была слишком велика, чтобы допустить какие-либо внешние противоречия. Тайная деятельность протестантских проповедников в самой Испании и контрабанда еретических книг в страну, спрятанных в бочках из-под вина, беспокоили его больше, чем Францию в это время года. (Для получения информации об этой главе см. Poulet, II, 126, 142, 199; *Нер. Tosc.*, III, 506; Вайс, *Испанские протестанты в шестнадцатом веке*.)

[1064] Фуркево (15 февраля 1567 г.), I, 180, 181. Гранвелла, очевидно, сразу же после того, как узнал о взломе имиджа и предвидел, что либо самому королю, либо герцогу Альва придется отправиться в Брюссель, отправил Филиппу II замечательные мемуары, в которых он обсуждает все различные маршруты, которыми он мог бы воспользоваться, а также преимущества и недостатки каждого из них. Физические трудности управления Нидерландами из Мадрида очень очевидны (см. Poulet, I, 469-80).

[1065] Папский нунций указал Филиппу II, каким великолепным достижением было бы взятие Жeneвы для христианского мира. Схема была старой. Смотрите письмо Пия IV Франциску II от 14 июня 1560 г. в Raynaldus, XXXIV, 64, col. 2. Король после нескольких недель размышлений заявил, что он не может об этом думать; что даже герцог Савойский был против этого проекта. (См. Gachard, *Соответственно. de Philippe II*, II, 552, and his *Les bibliothèques de Madrid et de l'Escorial*, 100.) О политических амбициях герцога Савойского см. *Рел. vén.*, I, 453. Он заключил мирный договор с Берном в 1565 году (Сборник Годфруа, XCIV, стр. 21). There are three excellent German monographs on Switzerland in the sixteenth and seventeenth centuries: Planta, *Die Geschichte von Graubunden in ihren Hauptzügen*, Bern, 1892; *idem*, *Chronik der Familie von Planta*, Zurich, 1892; Salis-Soglio, *Die Familie von Salis*, Lincau-im-B., 1891. Обзор последних двух см. в *Английском историческом обзоре*, VIII, 588.

[1066] См. *Revue d'histoire diplomatique*, XIV (1900), 45-47.

[1067] “Mais le faisant, c'estoit remectre le feu et le glaive dans la France plus et plus cruel qu'ilz n'y ont esté.”—*Dépêches de M. Fourquevaux* (March 15, 1567), I, 189.

[1068] Я привел цифры Мендосы, которые, вероятно, отражают численность войск на момент их прибытия. Официальный список находится в *Переписке* под номером CXXII.

[1069] “Фронт каждой роты благодаря новому изобретению был окружен пятнадцатью статистами, вооруженными мушкетонами, и опорами, на которых они устанавливали тачку, с которой нельзя было управляться руками. Ибо до него такие огромные мушкеты, которые считались неподъемными, были навешаны на повозки и использовались только при осадах,

откуда, будучи отправлены в поле боя, и те, кто несет их вперемешку с младшими мушкетерами, были признаны чрезвычайно полезными в бою”. — Перевод Стэпилтона "Страда", книга VI, 31.

Brantôme's statement is more graphic: "Il fut luy le premier qui leur donna en main les gros mousquetz, et que l'on veid les premiers en guerre et parmy les compagnies; et n'en avions point veu encores parmy leurs bandes, lors que nous allasmes pour le secours de Malte; dont depuis nous en avons pris l'usage parmy nos bandes, mais avec de grandes difficultéz à y accoustumer nos soldats comme j'en parle au livre des couronnelz. Et ces mousquetz estonnzarent fort les Flamans, quand ilz les sentirent sonner à leurs oreilles; car ilz n'en avoient veu non plus que nous: et ceux qui les portoient les nommoit-on Mousquetaires; très bien appointéz et respectéz, jusques à avoir de grands et forts gojatz qui les leur portoient, et avoient quatre ducats de paye; et ne leur portoient qu'en cheminant par pays: mais quand ce venoit en une faction, ou marchans en bataille, ou entrans en garde ou en quelque ville, les prenoient. Et eussiez dict que c'estoient des princes, tant ils estoient rogues et marchaient arrogamment et de belle grace: et lors de quelque combat ou escarmouche, vous eussiez ouy crier ces mots par grand respect: *Salgan, salgan los mosqueteros! Afuera, afuera, adelante los mosqueteros!* Soudain on leur faisoit place; et estoient respectéz, voire plus que capitaines pour lors, à cause de la nouveauté, ainsy que toute nouveauté plaist."—Brantôme, *Vies des Grands Capitaines*: "Le Grand Duc d'Albe."

[1070] Мендоса, *Комментарии*, II, парни. i-iii. Существует французский перевод этого труда Лумье (Соч. по истории Бельгии), 2 тома, 1860.

[1071] "Герцог прибыл в Нидерланды, никого не оскорбив своим путешествием и сам никем не был оскорблен, хотя французы появились с оружием в руках на бургундских маршах, а полковник Таванн по приказу французского короля с 4000 пехотинцами и некоторыми войсками защищал границы, что 'стоило' испанской армии. Действительно, я не думаю, что когда—либо армия заходила так далеко и соблюдала более строгие правила дисциплины, так что от Италии даже до Нидерландов не только ни один город, но и ни один коттедж не был захвачен или поврежден". - Страда, VI, 31.

Единственный случай разграбления, по-видимому, имел место в случае с собственностью принца Оранского в Бургундии (*C. S. P. For.*, 1562, 7 августа 1567). Эта дисциплина тем более примечательна, учитывая тот факт, что в армии служило полторы тысячи женщин. "Lon a sceu le passaige du duc d'Albe et de sa troupe; quon dict estre de six mille espaignolz et quinze cens femmes." Гийон - месье де Горду, 11 июля 1567 г. Цитируется герцогом Омальским, *История принцев Конде*, I, Приложение XVI.

[1072] Пуле, II, 183, 25 декабря 1566г.

[1073] Morillon to Granvella, April 7, 1566: "Pas ce boult veult l'on gaigner le magistrat des villes et le peuple: que ne sera si facile comme l'on pense."—Poulet, I, 203. The following is explicit: "Et dict encores plus que, s'il se fust joinct à la première lighe des seigneurs, la religion fust bien avant venue, car de là, dict-il, 'tanquam ex fonte emanasse has undas,' et que le Roy le doibt entendri ainse et y pourveoir avant toutte euvre, puisque de celle là est née la seconde de la religion."—Poulet, II, 75. Cf. 118: "la première lighe et la secunde engendrée d'icelle."—Granvella to Viglius, November 23, 1566. Еще 9 мая 1567 года он называется "французская лига" (Poulet, II, 434). Гранвелла в письме Филиппу в 1563 году приписал создание ассоциации графу Хорну (*Государственные*

документы кардинала де Гранвелля, VIII, 12). Нуаркарм, который был лучше информирован, называет Бредерода движущей силой всего этого (Poulet, II, 613, 614).

У Gueux даже был филиал организации, хотя и исторически отличавшийся по происхождению, во Франш-Конте, в Братстве Святой Троицы. Barbe. Сеньоры дома Рай занимали высокое гражданское и церковное положение в обеих Бургундиях в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Марк и Клод Франсуа из Рая, отец и сын, были соперниками и политическими врагами семьи Перрено — семьи Гранвелла и Шантонне - и считали их выскочками. The Confrérie de Ste. Barbe была организована ими во Франш-Конте по принципу, аналогичному Gueux, и имела дело с последними — участники даже носили их эмблему. Кардинал Гранвелла обвинил сеньоров Рая в стремлении утвердить протестантизм во Франш-Конте из Фландрии. Вероятно, это было правдой, но в меньшей степени. Мне кажется, протестантская агитация была средством достижения цели, а не самоцелью. В противном случае, такое *католическое* название ассоциации очень необычно. On the Confrérie de Ste. Барбе консультируется с Пуле, I, 29; II, 44, 141. Я несколько склонен думать, что Братство Святого Духа Таванна в герцогстве Бургундия, вполне возможно, находилось под влиянием Братства де Сент. Барбе в соседнем графстве Бургундия, поскольку у Таванна был длительный политический конфликт с парламентом Доль во Франш-Конте (см. Сборник Годфруа, CCLVII, № 22, 23), и он был знаком с тамошними порядками.

[1074] Пуле, I, 223.

[1075] Там же., II, 269. Эта пересмотренная форма Геу, в которую вмещивается кальвинизм, часто упоминается как “вторая лига” в письмах, которыми обмениваются Гранвелла и мэр Морильон, например, там же., 280, 437, 600.

[1076] Пуле, II, 42.

[1077] Некоторые примеры см. там же., 183.

[1078] Эта организация, похоже, была доведена до совершенства к февралю 1567 года. У Пуле, II, 244, есть краткое примечание по этому вопросу. For an extended article see *Bulletin historique et littéraire de la société de l'hist. du protestantisme Français*, March, 1879. Cf. Gachard, *Corresp. de Guill. молчаливый рассказ*, II, cx, cxi и примечания. Марникс был генеральным казначеем конфедерации (Poulet, II, 262, n. 1).

[1079] Пуле, II, 335, 336, 396. “Sine qua factum nihil”, - писал мэр, чья концепция правления была драконовской в своей простоте, своему доверенному другу (там же., 353).

[1080] Там же., 469 и 508.

[1081] Там же., 396, 438.

[1082] См. Gachard, соответственно. *de Philippe II*, 461, 471, 473; Poulet, I, 461, 521; II, 102, 106, 139, 143, 187, 394, 440, 451, 659, 675.

[1083] Морильон - Гранвелле, 31 августа 1567 г., в Пуле, II, 605: “Премьера выбрала для участия в ярмарке серу мунира, защитника границ и ренвуара шаскуна, сына правительства, советника Франсуа семблена вул-луара эс-мувуара, дю муанз ле Хьюгоно”. Кардинал посоветовал герцогу

Альва сделать это в мае предыдущего года, когда он был в Генуе по пути на север (Poulet, II, 448, 454).

Неоднократные предупреждения Монлюка Филиппу II в ходе их секретной переписки о помощи, которую французские кальвинисты оказывали его фламандским повстанцам (К. 1506, № 46-48), побудили короля расширить систему шпионажа, которую он поддерживал во Франции. О передвижениях адмирала, принца Конде и других лидеров тщательно сообщалось (*Комментарии и письма Монлюка*, V, 75, примечание). Обо всей практике см. Форнерон, I, глава xi.

[1084] Мундт Сесилу из Страсбурга, 8 июля 1567 г. (C. S. P. For., № 1418).

[1085] *Переписка Екатерины Медицинской*, III, Вступление., v.

[1086] Fourquevaux (July 17, 1567), I, 237. St. Sulpice had held similar language in 1564: “Le meilleur moyen pour le prince d’avoir la paix est d’être toujours en état de repousser ses voisins.”—*L’Ambassade de. St. Sulpice*, 269.

[1087] C. S. P. For., № 1402, 6 июля 1567 г. Сэр Генри Норрис пишет Сесилу 25 марта 1567 г.: “Лучшего времени, чем это, нельзя было найти, чтобы потребовать Кале, поскольку они настолько не доверяют своим собственным силам, поэтому можно предположить, что в Англии велась какая—то подготовка к вооружению”. - *Там же.*, № 1048. Годом ранее Сесилу посоветовали объединиться с императором, чтобы тот вернул себе Три епископства, другое - Кале (*там же.*, № 326, 29 апреля 1566 г.; ср. *там же.*, Ven., 394, 3 июля 1567 г.). В “*Бюллетенях связи*” есть краткий отчет о переговорах. королевская история, Сери IV, том V, 386 и далее. Ср. C. S. P. For. (1587), № 1039, 1044, 1046, 1083.

[1088] *Переписка Екатерины Медицинской*, III, Вступление., iii; C. S. P. Ven., № 389, 16 мая 1567г.

[1089] *Переписка Екатерины Медицинской*, III, Введение., iv.

[1090] “Принц Конде написал королеве—матери письмо против отмены королем эдикта о умиротворении, которая заверила его от имени принцессы, что, пока она может одерживать верх, она никогда не должна его нарушать, и если он приедет ко двору, ему будут рады так, как только позволит его сердце, а что касается *швейцарцев*, то они должны были *защищать границы* в случае, если испанские войска должны попытаться застать врасплох любой мирный процесс”. -Норрис королеве Елизавете, 29 августа 1567 г., C. S. P. For., № 1644. Екатерина Медичи приказала разогнать отряды гугенотов на границе с Пикардией в 1567 году (*R. Q. H.*, январь 1899 г., стр. 21).

[1091] Слова взяты из письма сэра Генри Норриса графу Лестеру в C. S. P. For., № 1537, 21 июля 1567 г., и звучат как перефразирование языка адмирала. Подразумевается, что уход Колиньи был каким-то образом связан с предполагаемой кражей шифра Алавы в мае прошлого года. См. C. S. P. For., № 1230, 24 мая 1567 г. Но, согласно Фуркево, I, 227, испанский посол обвинил в краже Екатерину Медичи, не Колиньи. Если это правда, то Колиньи, должно быть, хотел найти предлог для того, чтобы покинуть двор, не вызывая подозрений или враждебности короля, как могло бы быть, если бы он сделал это открыто из симпатии к принцу Конде. Клод Хатон, I, 406, говорит, что Колиньи был задет тем, что Строцци получил командование новыми силами вместо

него самого. Принц Конде удалился в Валери, Колиньи - в Шатийон. Вскоре после этого д'Андело последовал его примеру, подав в отставку со своего поста генерал-полковника пехоты на том основании, что маршал Коссе отказался подчиняться его приказам, и удалился в Танле близ Тоннера. Прекрасный замок все еще стоит.

С тех пор принц был заинтересован в том, чтобы посеять сомнения и недоверие среди гугенотов, искажая истинные причины военных приготовлений короны (*Переписка Екатерины Медичи*, III, Введение., vi; *C. S. P. For.*, anno 1567, стр. 305).

[1092] *C. S. P. For.*, № 1629, 23 августа 1567г.

[1093] Клод Хатон, I, 405.

[1094] *C. S. P. Преп.*, 12 июля 1567г.

[1095] Ла Попелиньер, XI, 36, 37.

[1096] См. Россео-Сент-Илер, "Герцог Альбский во Фландрии". *Procès des comtes d'Egmont et de Hornes (1567-1568)*, "Séances et travaux de l'Acad. des sc. moral et polit.", 4e sér., XVI (LXVIe de la collect.), 1863, p. 480.

[1097] *C. S. P. For.*, № 1,155, 1 мая 1567г.

[1098] Д'Обинье, I, книга IV, глава vii.

[1099] Этот замок был подарен принцу Конде вдовой маршала Сент-Андре, которая была без ума от него. После второго брака принца она вышла замуж за Джеффри де Комона (Клод Хатон, I, 363). See also Clément-Simon, *La Maréchale de Saint-André et ses filles*, Paris, 1896.

[1100] Встреча была в Розе-ан-Бри ("Ла Попелиньер", книга XII, 37; Д'Обинье, IV, глава vii; Клод Хатон, I, 424, 425).

[1101] Венецианский посол Корреро в своем рассказе о заговоре выражает удивление по поводу того, что тайна лидеров гугенотов не просочилась наружу, и приписывает этот факт совершенству протестантской организации (цитируется Ла Феррьером в *Корреспонденции Екатерины Медичи*, III, ix). Мне кажется, что эта особенность была обусловлена не столько совершенной организацией, сколько быстротой, с которой Конде и Колиньи стремились осуществить проект. Урок амбуазского заговора семилетней давности не мог остаться для них незамеченным. Более того, королева-мать действительно имела некоторое представление, несмотря на ее удивление, когда последовал шок. Ибо 10 сентября, когда двор находился в Монсо, были замечены несколько вооруженных банд всадников, слоняющихся вокруг, что привело к поспешному удалению короля в Мо (*C.S. P. For.*, № 1683, 13 сентября 1567 г., Норрису в Лестер). С этого часа Кэтрин была начеку, хотя и отказывалась придавать тревожное значение увиденным признакам, пока у нее не открылись глаза.

[1102] Клод Хатон, I, 434.

[1103] Цурлаубен, *История. milit. самоубийства*, IV, 351; Логель, "Правила самоубийства на службе Франции, подвешенные к гербам религии", *Revue des deux mondes*, 15 ноября 1880 г., стр. 332 и далее. Пфиффер служил во Франции во время первой гражданской войны и был произведен в полковники после битвы при Дре. На немецком языке есть "Его жизнь"

Зегессера, *"Людвиг Пфиффер и время сены"*, Берн, 1880. Другие версии этого инцидента приведены у Д'Обинье, II, 230-32; Клода Хатона, I, 428, 429; Кастельно, VI, глава. iv; Де Ты, книга XLII; *Нер. Тоск.*, III, 530. La Popelinière, XII, 38, 39, дает хороший отчет о поведении швейцарцев. Герцог Бульонский, очевидец этих инцидентов, оставил поразительный отчет в своих *Мемуарах*, изд. Петито, 75.

[1104] Собственную версию дела при Мо Карл IX см. В письме короля барону де Горду, начатом в Мо и законченном в Париже 28 сентября 1567 г., в Duc d'Aumale, *История принцев Конде*, I, приложение XXII. Его письмо Монлюку от той же даты находится в *Архиве Жиронды*, X, 437.

[1105] *Отн. vén.*, II, 187.

[1106] Гизы извлекли выгоду из событий при Мо и усердно эксплуатировали враждебность короля. Мартин, *История Франции*, IX, 216, предполагает, что на поведение Карла IX в День Святого Варфоломея, возможно, повлиял этот эпизод.

[1107] *Отн. vén.*, II, 112, 113.

[1108] "Дисциплина реформатских церквей во Франции, принятая их Первым Национальным синодом в Париже в 1559 году", глава. vii, канон 1, опубликовано в Quick, *Синодикон в Галлии*, 2 тома., Лондон, 1692.

Первое консисторское постановление, которым мы располагаем, было опубликовано протестантским пастором Эженом Арно по рукописи в Гренобле. It bears the title "Articles Polytiques par l'Eglise Réformée selon le S. Evangile, fait à Poitiers 1557." See *Synode général de Poitiers 1557, Synodes provinciaux de Lyon, Die, Peyraud, Montelimar et Nîmes en 1561 et 1562, assemblée des Etats du Dauphiné en 1563, etc.*, par E. Arnaud. Гренобль, изд. Алье, 1872, 91 страница.

На Лионском синоде (1563) каноны трех предыдущих национальных синодов, проходивших в Париже, Пуатье и Орлеане, были сведены к единой серии статей. Обсуждения большинства провинциальных синодов до сих пор остаются в рукописи или утеряны (Фроссар, *Исторический и библиографический этюд по церковной дисциплине реформированных языков Франции*, 18).

[1109] Глава vi, канон 1.

[1110] Глава. viii, правило 2. Глава v, правило 1, предусматривает, что "консистория должна состоять из тех, кто ею управляет (отдельных церквей), а именно из ее пасторов и старейшин". В некоторых случаях обязанности пресвитера исполняли дьяконы (глава v, правило 2).

[1111] Глава. viii, правило 8. Старейшины избирались совместным голосованием пастора и народа после устного выдвижения кандидатуры (глава. iii, правило 1).

[1112] ГлаваI. viii, канон 9.

[1113] ГлаваI. viii, канон 14.

[1114] ГлаваI. viii, канон 15.

[1115] Нимский синод 1572 года также разделил Нормандию на две провинции (*Синодикон в Галлии*, I, 111, 112). В то же время Мец был присоединен к Шампани.

[1116] *Рел. vél.*, II, 115 и п. В.; *Комментарии и литература Монлюка*, II, книга V, 338; Дворец Сен-Сюльпис, 107; *Воспоминания Филиппов*, 360, кол. 1 (изд. Бюшон); Сборник Годфруа, CCLVII, № 46; Клод Хатон, I, 425.

[1117] Демократический революционный характер движения гугенотов в Гайенне, вероятно, отчасти обязан своей интенсивности воспоминаниям о восстании 1548 года и его беспощадному подавлению (наблюдение М. Анри Хаузера, *преподобный историк.*, XCVII (март-апрель 1908 г.), 341, п. 6, обзор Courteau *Блез де Монлюк*).

[1118] “Temevano prima i cattolici, non perchè fossero inferiori di numero (che ... del popolo minuto non vi è la trigesima parte ugonotta; la nobilita è più infetta; e s’io dicessi di un terzo, forse non fallirei); ma perchè questi; sebben pochi, erano però uniti, concordi, e vigilantissimi nelle loro cose.” —*Rel. vél.*, II, 120.

Гугеноты стреляли из ружей вместо того, чтобы звонить в колокола в качестве сигнала тревоги (*там же.*, 107). *Набат* еще до Святого Варфоломея был католическим сигналом.

[1119] *Отн. vél.*, II, 115.

[1120] *Correspondance de Catherine de Médicis*, I, 552; Ranke, *Civil Wars and Monarchy in France*, 287; Forneron, *Les ducs de Guise*, II, 221; Anquetil, *Histoire des assemblées politiques des réformes de France*, I, 18.

[1121] Форнерон, II, 164 и далее; *История. де Лангедок*, V, 543, 544; Армстронг, “Политические теории гугенотов”, *Английское историческое обозрение*, IV, 13; Мерриам, *История теории суверенитета со времен Руссо*, 13-15; Бодрийяр, *Жан Боден и другие времена*.

[1122] “Si le roy tenoit sa loy, le royaulme en seroit mieulx régy et gouverné, les antiens, qui ont tenu les concilles, ont bien regardé à cella quant ilz ont uny nostre foy avec la continuation de la monarchie des princes, car ilz ont bien poysé que le peuple, qui est gouverné sous ung monarque, est beaucoup plus assuré et tenu en la craincté de Dieu et à l’obéyssance qu’il doibt porter à son roy, que non celluy qui est soubz une républicque, en laquelle sa loy admene tout le monde et destruit les monarchies. Qui me voldra nyer que le roy prent ceste loy qu’il ne faille que sa personne mesmes et son royaulme soit régy et gouverné par les gens qui auront esté esleuz par les estatx, qui sera son conseil sans lequel le roy ne pourra faire chose aucune. Et s’il veult une chose et le conseil une aultre, le pays ne fera sinon ce que le conseil ordonnera, parce qu’il aura esté (esleu) par les estatx; et si le roy mesmes veult quelque chose pour luy ou pour aultre, faudra que, le bonnet à la main, il le viegne demander à son conseil et les prier, là où en nostre loy il commende au conseil et à tous, tant que nous sommes. Que l’on regarde dès ceste genre ce que se faict en Angleterre et en Escosse, et si ce n’est plustost manière d’aristocracie ou de démocratie que non de monarchie. Et quand le roy sera grand, il voldra demander sa liberté, laquelle ne luy sera concédée et s’il faict semblant de la voloir avoir par force, son conseil mesmes luy couppera la guorge et feront un aultre roy à leur plaisir.” —*Commentaires et lettres de Montluc*, IV, 297, 298 (December 1563). The baron de Ruble, in a note remarks: “Nulle part peut-être, pas même dans les écrits de François Hotman et de Bodin, les réformes politiques que promettait le calvinisme ne sont exposées avec autant de clarté que dans ce mémoire de Monluc.”

[1123] Пауле Сесилу, 13 октября 1567 г.; *Дом К. С. П.*, дополнить.

[1124] *Нер. Тоск.*, III, 549. 29 сентября 1567 г. населению Парижа было дано разрешение вооружиться.—*Lettres patentes du Roy Charles IX pour l'establissement des capitaines de la ville de Paris et permission aux citizens d'icelle de prendre les armes.* Felibien, *Histoire de Paris*, III, 703, 704.

[1125] Ла Попелиньер, XII, 39; Клод Хатон, I, 439; Ла Нуэ, глава xiv; *C. S. P. For.*, № 1427, 30 сентября 1567 г. Норрис приводит названия городов, взятых войсками принца Конде.—*Государственные документы, Иностранные, Элизабет*, том. XCIV № 1338. См. Приложение XI. Согласно Башету, *La diplomatie vénitienne*, 543 и примечанию, принц Конде планировал сжечь Париж.

[1126] Попелиньер, Книга XII, 51, 51 *бис*. Бойня на мосту была ужасной. Королевский капитан и знаменосец, которым удалось бежать в Париж, были повешены Карлом IX.—*C.S. P. For.*, № 1,804, 2 ноября 1567 г.

[1127] *Там же.*, № 1763, 14 октября 1567г.

[1128] Клод Хатон, I, 444-46.

[1129] *C. S. P. Ven.*, № 407, 18 октября 1567г.

[1130] Клод Хатон, I, 439-45, и Ла Нуэ, глава I. xvi, приведите несколько графических деталей.

[1131] Клод Хатон, I, 444, 445.

[1132] "Ordonnance du Roy, portant permission à toutes personnes, d'apporter, et faire apporter, conduire et amener à Paris, tant par eau que par terre, toutes espèces de vivres, bleds, vins et autres; sans payer pour iceux aucunes daces, subsides, ou imposition quelconques."—Paris, R. Estienne, 1567.

[1133] "Lettre adressée aux échevins de Rouen par un de leurs délégués," *Bulletin de la Société de l'histoire de Normandie*, 1875-80, p. 279. Все письмо представляет интерес.

[1134] Ответ Альвы от 24 октября 1567 г. находится в "*Корреспонденции Филиппа II*", II, 594. Ср. Гашар, *Национальная библиотека в Париже*, I, 395; II, 459; и "*История неприятностей при выплатах*", изд. Петр, I, 293 (глава. xlv).

[1135] *C. S. P. For.*, № 1789, 27 октября 1567г.

[1136] Эти требования были представлены в письменном виде эмиссарам королевы. Де Ты, книга XLII; Клод Хатон, I, 447; Д'Обинье, II, 232-34, обобщили их. Ла Попелиньер, книга XII, 41-43, дает текст. There is a monograph by Baguenault de Puchesse: *Jean de Morvillier, évêque d'Orléans: Etude sur la politique française au XVIe siècle, d'après des documents inédits*, Didier, Paris, 1870.

[1137] Попелиньер, книга XII, 50 *бис*; *C. S. P. For.*, № 1,856, 10 октября 1567г.

[1138] Давила, I, 195.

[1139] *C. S. P. For.*, № 1,777, 22 октября 1567г.

[1140] Список офицеров и количество всадников под командованием каждого, которые были отправлены королю Франции герцогом Савойским.—С. S. P. For., № 1735, сентябрь 1567г.

[1141] Он написал Филиппу II, Эммануилу Филиберту Савойскому и венецианскому правительству, призывая их помочь Карлу IX “против мятежников и еретиков” в его королевстве, а герцогу Лотарингии — остановить рейтеры.—Поттер, *Письма Сен-Пи о религиозных делах во Франции*, Париж, 1828 год. Филиппу II, 13 октября 1567 г. —Поттер, стр. 1 (изд. Губан, книга I, № 22, стр. 50); герцогу Савойскому, 18 октября 1567 г. — Поттер, стр. 8 (изд. Губан, книга I, № 25, стр. 54); Приули, венецианскому послу во Франции, 18 октября —Поттер, стр. 6 (изд. Губан, Книга I, № 24, стр. 53). В то же время папа написал герцогу Неверскому письмо, в котором выражал радость по поводу того, что Карлу IX удалось спастись в Мо.—Поттер, стр. 3 (изд. Губан, книга I, № 23, стр. 51), 16 октября 1567 г. В течение месяца слово папы начало сбываться, поскольку в середине ноября 10 000 золотых монет были на пути во Францию. — Поттер, стр. 10 (изд. Губан, книга I, № 26, стр. 56), письмо герцогу Савойскому от 16 ноября 1567 г. В нем папа говорит, что написал герцогу Лотарингскому, чтобы тот остановил рейтеров, собирающихся вторгнуться во Францию.

[1142] Вопрос выплаты швейцарцам все еще оставался нерешенным, и Карл IX был в растерянности и фактически предложил заложить свои пограничные города, за исключением Лиона и границы Бургундии, заплатив 5 процентов. интерес для того, чтобы успокоить назойливые требования кантонов.—*Revue d'histoire diplomatique*, XIV (1900), 49, 50.

[1143] Просьба Карла IX к епископу Майнца разрешить проход рейтеров, 9 декабря 1567 г. — Колл. Годфруа, CCLVI, № 4. Иоанн Казимир, второй сын курфюрста палатинского Фридриха III, набирал войска для протестантов. Когда был подан протест против этого действия, он дал уклончивый ответ. См. Languet, *Epist. secr.*, I, 27; *Archives de la maison d'Orange-Nassau*, II, 163, 164; La Noue, ed. 1596, p. 897.

С другой стороны, ландграф был враждебен принцу Конде и также боялся скомпрометировать себя перед императором и Испанией.—*Archives de la maison d'Orange-Nassau*, III, 128, 164; Languet, *Epist. secr.*, I, 35.

[1144] С. S. P. For., № 1,864, 15 декабря 1567г.

[1145] Об этом свидетельствует отрывок, в котором курфюрст Саксонский упоминает союз, предложенный французской знатью (*Архивы дома Оранж-Нассау*, III, 131, 134). Хотя принц Конде в декабре заявил, что он не заключал договора с фламандскими кальвинистами (*там же.*, 143), вполне вероятно, что эти предложения были приняты несколько месяцев спустя. Существует протокол договора с Конде и Колиньи, датированный августом 1568 г. (*там же.*, III, № 321, стр. 285).

[1146] С. S. P. For., № 1756, 10 октября 1567г.

[1147] Ла Попелиньер, XII, 52 *бис*; Д'Обинье II, 236. Сам Ла Нуэ со свойственной ему скромностью почти не упоминает об этом подвиге.

[1148] “Journal de Lépaualart relig. du monastère de Saint-Crepin-le-Grand de Soissons, sur la prise de cette ville par les Huguenots en 1567,” *Bull. d. Soc. arch.*, XIV (Soissons, 1860).

[1149] C. S. P. For., № 1,804, 2 ноября 1567 г. В конце октября гугеноты захватили Мец, но не цитадель.

[1150] Там же., № 1822, 16 ноября 1567г.

[1151] Ла Попелиньер, XII, 52.

[1152] О личности и карьере Роберта Стюарта см. Клод Хатон, I, 458, п. 2.

[1153] C. S. P. Ven., № 410, 11 ноября 1567 г. Монморанси продержался два дня и умер 12 ноября.

[1154] В Ла-Нуэ есть отчеты о битве при Сен-Дени, *Воспоминания*, глава xiv; *Воспоминания. du duc de Bouillon*, 379; D'Aubigné, Book IV, chap. ix; Клод Хатон, I, 457; *Нер. Тоск.*, III, 551 и далее. Редактор присоединил примечание (2) с указанием литературы по данному вопросу.

[1155] Клод Хатон, I, 495; *Переписка Катрин де Медичи*, III, Вступление., xv.

Герцога Гиза критиковали за то, что он не преследовал гугенотов более яростно и не перерезал дорогу у Шарантона, или Корбейля, или у брода при Ланьи, что можно было бы сделать, поскольку их армия была в большом беспорядке и подавлена из-за понесенных потерь. Причину задержки, вероятно, следует искать в том факте, что разрыв между Гизами и Монморанси в этот момент был шире, чем когда-либо. Ибо герцог Монпансье и герцог Монморанси претендовали на командование авангардом. Король в конце концов принял решение в пользу первого, после чего Монморанси сложил с себя командование. См. Клод Хатон, I, 461, 462 и примечание; *Бюллетень Общества истории Нормандии*, 1875-80, стр. 279; C. S. P. For., № 1833, 24 ноября; № 1837, 29 ноября 1567 г.; *Нер. Тоска.*, III, 557.

[1156] Клод Хатон, I, 495 и примечание.

[1157] Адмирал отправил Телиньи к королю 13 ноября с этой целью.—C. S. P. For., № 1822, 16 ноября 1567 г.; ср. № 1836. Из письма Карла IX своему брату мы знаем, какими были бы условия короля: (1) в случае дворян разрешение протестантского богослужения лицам, наделенным высшей справедливостью, или владельцам “pleins fiefs de haubert”, то есть дворянских владений, которые были благородными, но не давали титула, при условии, что оно проводилось в их собственных жилищах в присутствии их семей и не более пятидесяти посторонних лиц и без оружия; (2) абсолютное ограничение других богослужений местами, специально предоставленными амбуазским эдиктом; (3)) сдача мест и имущества, захваченных гугенотами; (4) подавление протестантского культа в стенах Лиона, но разрешение совершать богослужения на расстоянии двух лье от города; (5) запрет на взимание денежных сборов или людей в будущем и прекращение деятельности протестантских ассоциаций и синодов.—*Correspondance de Catherine de Médicis*, II, Introd., xiv. Весьма примечательным фактом является то, что именно эти условия были рекомендованы Карлу IX Монлюком в качестве основы урегулирования в мемуарах, направленных королю в феврале 1565 года. See *Commentaires et lettres de Montluc*, V, 3-9. Монлюк выступил с дополнительной рекомендацией о разделении правительств по округам, а не по рекам, на том основании, что реки иногда разделяют города на две юрисдикции. Его трения с Дамвилем (ср. там же., 103-6), вероятно, объясняют предлагаемое изменение. Монлюк также рекомендовал упразднить вице-сенаторы (там же., 8).

[1158] Смотрите прокламацию Карла IX, приказывающую мэру Парижа разыскать всех джентльменов, которые удалились по домам после битвы при Сен-Дени; и приказывающий им вернуться в армию под страхом конфискации их поместий и собственности. Напечатано в Приложении XII. Во второй части *Сборника. de St. Pétersbourg*, Vol. XXI, представляет собой группу писем Карла IX герцогу Анжуйскому от 2 декабря 1567 года. На каждой странице поднимается вопрос о военных действиях второй гражданской войны. Очевидно, что джентльмены из *дома руа* громко жаловались на требуемое от них обслуживание, особенно из-за того, что они были так плохо размещены.—La Ferrière, *Deux ans de mission à St. Pétersbourg*, 24.

[1159] Во время оккупации армии все протестантские дети, которые были крещены проповедниками в реформатской религии, были перекрещены в соответствии с обрядами римской религии, им были даны крестные отцы и крестные матери и новые имена, которые были одобрены церковью.—Клод Хатон, I, 512 и примечание.

[1160] Клод Хатон, I, 504-12.

[1161] 6 декабря он опубликовал декларацию в пользу гугенотов.—*Bulletin de la Société du prot. franç.* XVI, 118. См. также *C. S. P. For.*, № 1920, обращение курфюрста к Карлу IX, 4 января 1568 г.

[1162] *C. S. P. For.*, № 1911, из лагеря в Дессе, 3 января 1568г.

[1163] *Там же.*, № 1,806, 3 ноября 1567 г.; № 1,864 § 2, 15 декабря 1567 г. Его решение помочь гугенотам привело к увольнению его посла при французском дворе 17 декабря. —*Там же.*, № 1889. В *там же.*, № 1956, приводится выдержка из длинного письма курфюрста палатинского, написанного Карлу IX в знак протеста против действий короля и в оправдание его собственного курса.

[1164] Собрание выборщиков было созвано на 6 января 1568 года в Фульде якобы с целью предотвращения участия Германии в войне во Франции, но на самом деле для того, чтобы император мог обсудить возможность восстановления Трех епископств. Мундт Сесилу, 6 января 1568 г. в *C. S. P. For.*, № 1,927. Я не могу понять, как Юбер Лангве мог впасть в ошибку, думая, что королева-мать не возражала против ввода войск в Германию для борьбы за дело гугенотов, как он говорит в *Epp. Arc.*, I, 43. Это заявление озадачило Ранке (стр. 233), который оставил его неразгаданным. Деша Норриса в *C. S. P. For.*, № 1864, 15 декабря 1567 г., о том, что Линьероль был отправлен королевой в Германию с этой целью, проясняет дело. Переписка Кэтрин подводит нас в этом вопросе. Но хорошо известно, что многие из ее писем разбросаны по частным коллекциям и не были приобретены Ла Ферьер.

[1165] У Альвы не было лестного мнения о кардинале Лотарингии. In 1572 he wrote to Philip II: “Quand en faveur il est insolent et ne se souvient de personne, tandis que, quand il est en disgrâce, il n’est bon à rien.”—Gachard, *Correspondance de Philippe II sur les Pays-Bas*, II, 267.

[1166] Гашар, *там же.*, I, 593, 594, Альва Филиппу, 1 ноября 1567 г. On the margin of this dispatch Philip wrote this piece of casuistry with his own hand: “Me parece muy bien que hiziese lo que aqui dice, y tanto mas que aquello no hera romper la paz, pues yo no la hizé, ni la tengo, sino con el rey de Francia, y no con sus vasallos ereges, como seria, si esto se hiziese no estando él libre, como aqui se dice.”

[1167] “En caso de muerte del rey y de sus hermanos, tomarse ya la voz que el cardinal dize de rey de Francia para V. M., por el derecho de la reyna nuestra señora; que la ley salica, que dizen, es baya, y las armas la allanarian” (*ibid.*, 594).

[1168] “Esto es el punto en que me parece que ay mas que mirar, porqué esto se podria mal hazer sin romper; y por otra parte, parece que seria duro dexar de abrazar á quien por tal causa se pone en mys manos; y pues creo que por este caso avra tiempo, qu’él me avise de su parecer sobre ello, segun allá estubienen las cosas.”—Gachard, *loc. cit.*

[1169] Филипп II одобрил это.—Гашар, *Корреспонденция Филиппа II*, I, 598: Альве, 12 ноября 1567г.

[1170] Гашар, I, 606-7, из Парижа, 4 декабря 1567 г.; *Переписка Екатерины Медицинской*, Письмо CLII; *Переписка Филиппа II*, I, 605-7. Королева-мать, по-видимому, была напугана после битвы при Сен-Дени, поскольку заранее снимает с себя вину “перед Богом и всеми христианскими князьями”, если в отсутствие помощи она будет вынуждена заключить мир с принцем Конде. Примерно в то же время она также написала Филиппу II в том же духе (частично цитируется Форнероном, I, 348 из К. 1507, № 29). Я не нахожу, чтобы это письмо было напечатано.

[1171] *Переписка Екатерины Медицинской*, II, 62.

[1172] Гашар, *Корреспонденция Филиппа II в сюр-ле-Пи-Бас*, I, 608.

[1173] “Свиная серия мала бурла, год метра фуэго в доме ажена, комендантский час и собственность”.—*Там же.*, 597: Альва Филиппу II, 6 ноября 1567г.

[1174] Маршал Вьейвиль прямо сказал Карлу IX ввиду слабости Екатерины Медичи в то время: “Это не главное для вашего величества в битве при батае [в Сен-Дени]; выходите на бис с принцем де Конде. C’est le roi d’Espagne.”—Weiss, *L’Espagne sous Philippe II*, I, 119.

[1175] О военном состоянии Сена в это время смотрите постскрипtum Карла IX к письму его матери Фуркво от 7 декабря в *Корреспонденции Екатерины Медицинской*, III, 89, примечание.

[1176] Норрис в письме королеве Елизавете от 15 декабря в одном месте говорит: “рейтеров 4000 с 4000 ланскенцами” (§ 2); позже в том же письме, которое длинное и, вероятно, содержит информацию нескольких дней подряд, он говорит: “6 800 с 6000 ланскенцами” (С. S. P. For., № 1864, 15 декабря 1567 г.). Это, по-видимому, подтверждается другим сообщением из Франции от 26 декабря, в котором говорится, что “прибывших рейтеров насчитывается 6500 человек” (*там же.*, № 1882).

[1177] *Там же.*, № 1,864 §2, № 1,882, 15-26 декабря 1567 г. Рейтеры прибыли “с определенными артиллерийскими орудиями и 700 или 800 пустыми фургонами, надеясь, что от этого раздора пострадают не больше, чем от предыдущего” (*там же.*, № 1864, § 3. Норрис Элизабет).

[1178] *Там же.*, № 1889, 28 декабря 1567 г.; № 1911, 3 января 1568 г. В *там же.*, № 1976 и 2,011, приводится следующая численность двух армий: “Армия короля, 20 600 всадников и 10 000 швейцарских пехотинцев; численность остальных пехотинцев не указана. Армия Конде, 13 000 пехотинцев; 11 900 всадников, из них 6200 рейтеров” — январь 1568 года. Список войск принца Конде с их командирами, насчитывающий в общей сложности 15 000 или 16 000 пеших и 14 000

конных, без учета тех, кто находится в гарнизоне или служит в других частях Франции — 15 февраля 1568 года. Норрис писал в феврале 1568 года: “Принц переправился через Сену и в настоящее время ничем не уступает королевской армии в пехоте, но они не считаются настолько хорошими для сражения из-за швейцарцев. У него на 3000 кавалеристов больше, чем у короля”. — *Там же.*, № 1981.

[1179] *C. S. P. For.*, № 1,864, §4, 15 декабря 1567 г. Имена различных дворян, командовавших армией короля Франции (*там же.*, № 1918, 4 января 1568 г.). Грамоты-патенты Карла IX от 16 декабря 1567 г. предписывали изгнать всю “мнимую реформатскую религию” из Парижа и предписывали конфискацию всех их владений и земель, которые должны были быть присоединены к собственности короны, и продажу всего имущества таких подданных (*там же.*, № 1877, 1878, 21-24 декабря 1567 г.). В январе был издан дополнительный приказ о продаже всех товаров и движимого имущества тех, кто состоял при принце Конде, и присоединении всех их земель и наследственных владений к короне (*там же.*, 1944, 3 января 1568 г.) — указы, которые “ни в коей мере не остались неисполненными” (Норрис Сесилу, *там же.*, № 1889, 28 декабря 1567 г., § 1). Ср. Письма-патенты Карла IX от 21 февраля 1568 г., в которых говорилось, что дома и недвижимость принадлежат короне. по закону земельные владения, принадлежащие повстанцам, должны продаваться таким же образом, как и личная собственность (*там же.*, № 2200, 21 февраля 1568 г.). Такого же рода меры практиковались и в других местах. Например, в Ажене у протестантских торговцев конфисковали зерно и вино на сумму 1014 ливров 7 су (*Arch. Commun.*, Agen, Reg. CC, 302).

[1180] Оригинал письма Карла IX, написанного из Парижа 17 декабря 1567 года герцогу Анжуйскому с изложением условий мира, которые должны быть представлены принцу Конде, был продан в Париже в 1845 году. Инструкции герцога заключались в возобновлении военных действий, если условия не будут приняты. В Coll. Годфруа, XCVI, № 8, представляет собой охранную грамоту, выданную кардиналу Шатийону герцогом Анжуйским. Оно датировано 25 декабря 1567 года.

[1181] *C. S. P. For.*, № 1890, 4 января 1568г.

[1182] *Там же.*, № 1,919, 4 января 1568г.

[1183] Гашар, *Переписка Филиппа II сюр-ле-Пу-Бас*, II, 7, с Альвой, 22 января 1568г.

[1184] *C. S. P. Ven.*, № 430, 11 сентября 1568 г.; “Флорентийский купец, очень уважаемый этими величествами и очень полезный для них в денежных вопросах, посетил меня сегодня и сообщил мне информацию о неспособности короля из-за нехватки денег продолжать войну”. на службе у французского короля в январе 1568 года на сумму 987 052 ливра, или 116 646 фунтов 9с. стерлингов. Суммы, переведенные Сесилом с французских на английские деньги (*C. S. P. For.*, № 1,978, январь 1568 г.).

[1185] *Там же.*, № 1,914, 3 января 1568 г. Забавный пример смотрите в № 1670.

[1186] *Там же.*, № 2024, 12 февраля 1568г.

[1187] *C. S. P. For.*, № 2024, §1, 24 февраля 1568г.

[1188] “Армия короля, обнаружив, какой беспорядок до сих пор порождала нехватка хорошего руководителя, теперь согласна принять любого, будь то не маршал Франции. Сейчас говорят,

что Монс. де Таванн будет лейтенантом господина д'Анжу” (*там же.*, № 2024, 24 февраля 1568 г.).

[1189] Некоторые из них были захвачены королевскими войсками в перестрелке близ Шатийона между герцогом Неверским и Монтгомери и разбиты о колесо. Несчастные под пытками скомпрометировали еще двадцать пять человек из Охраны, которые 6 марта также были преданы ужасной смерти (*там же.*, № 2062, 12 марта 1568 г.). После заключения мира в Лонжюмо шотландские капитаны, перешедшие на сторону принца Конде, были лишены своих должностей, хотя эти действия противоречили эдикту. Фактически была произведена реорганизация всего *королевского дома* (*там же.*, № 2135, 18 апреля, № 2178, 12 мая 1568 г.). Вместо них вакансии были заполнены швейцарцами (*там же.*, № 1981, 1987, 1 и 6 февраля 1568 г.), так что знаменитая шотландская гвардия в конце концов превратилась в королевскую швейцарскую гвардию, которая просуществовала вплоть до революции.

[1190] *Там же.*, № 1981, 1 февраля 1568г.

[1191] Его обвинили в том, что он “упустил множество честных случаев сразиться с принцем”.

[1192] *Там же.*, № 2024, §2, 24 февраля 1568г.

[1193] Клод Хатон, I, 498 и примечание; *C. S. P. For.*, № 1833, 24 ноября 1567г.

[1194] Клод Хатон, I, 524.

[1195] Такие высокие цены были отчасти вызваны тем фактом, что спекулянты скупили большую часть зерна, которое в апреле подорожало до 60-70 ливров за миллион. Но в мае, когда обещали хороший урожай, цена упала более чем вдвое, с 15 турнуа за биче до 7 су 6 денье, к великому сожалению торговцев, которые рассчитывали на дефицит. С другой стороны, цены на овес выросли, его продавали по цене от 10 до 12 су за биче, или буассо, поскольку после прохождения войск было очень мало, а поскольку он созрел раньше, почти весь его забрали (Клод Хатон, II, 523).

[1196] *C. S. P. For.*, № 2024, 24 февраля 1568г.

[1197] Нрав парижан был настолько зловещим, что даже второстепенные ворота Лувра были оборудованы разводными мостами (*там же.*, № 2040, §4, 1 марта 1568 г.). Отчасти возмущение Парижа было вызвано бесчинствами некоторых рейтеров королевской армии из Люксембурга и Лотарингии, которые грабили священников и разоряли церкви, несмотря на то, что они находились на католической службе, настолько, что “парижане предпочли бы, чтобы люди принца Конде приближались к Парижу так же, как они” (*там же.*, № 2040, 2041, 1 марта 1568 г.).

[1198] *Отн. vél.*, II, 145.

[1199] *C. S. P. For.*, № 2040, §3, 1 марта 1568г.

[1200] *Переписка Екатерины Медицинской*, III, 136. Ла-Рошель уже была самым важным пунктом гугенотов, и туда уже доставлялись большие запасы пороха и боеприпасов, в основном из Англии (ср. послание капитана Ла-Рошели королеве Елизавете, *C. S. P. For.*, № 2057, 10 марта 1568 г.). Ла Попелиньер, XII, 68-70, имеет диссертацию по истории и институтам Ла-Рошели.

Мир в Лонжюмо положил конец плану Монлюка по захвату Ла-Рошели, на который он получил санкцию короля в феврале. Смотрите документы в F. Fr. 15,544, fol. 187; 15,548, fol. 163 и далее.

[1201] В споре между графом палатином и королем первый попросил включить в эдикт слово “бессрочный”, чтобы эдикт не мог быть отменен по желанию (C. S. P. For., № 1968, 1567-68).

[1202] Остаток должен был быть выплачен двумя платежами во Франкфурте (C. S. P. For., № 2135, 18 апреля 1568 г.). Все подарки и пенсии были отозваны до тех пор, пока долг не был выплачен (*там же.*, № 2248, 4 июня 1568 г.). В Сб. Годфруа, CCLVII, № 35, 41-43 - это ряд документов, касающихся оплаты труда рейтеров в настоящее время. Вся сумма, необходимая для выкупа рейтеров, составила 1 440 000 ливров, и правительство немедленно приступило к работе по ее сбору. Первая коллекция, по-видимому, была своего рода *патриотическим донжуаном*, созданным путем посещения домов, что показывает, насколько насущной была необходимость. Правительство попыталось занять деньги, которые Джон Казимир собрал для протестантов, но которые не были использованы из-за заключения мира, и предложило выплатить 16 процентов. проценты за это (C. S. P. For., 28 марта 1568 г.). 23 марта король издал патент, запрещающий всем нотариусам и другим лицам получать какие-либо контракты на получение ренты или ипотеки до того, как будет собрана сумма в 1 400 000 *турнуаских* ливров (*там же.*, № 2085). Герцог Альва был в состоянии сильного беспокойства, опасаясь, что рейтеры вторгнутся в Нидерланды, и думал, что раскрыл заговор с целью отдать Сент-Омер в их руки (*там же.*, № 2230, 25 апреля 1568 г.).

Все записи изобилуют намеками на алчность рейтеров: “Нацио-нация тедеска, нацио-нация авара” (*Рел. vél.*, II, 125 и примечания).

“Les reîtres trouvaient beaucoup meilleur l’argent qu’on leur promettait d’Angleterre que les cidres de Normandie.”—La Noue.

“L’importunità dei Tedeschi che mai cessavano de domandare donazioni o paghe.”—Davila, I, 137.

“Ils consommeraient un gouffre d’argent—Facheux, avares, importuns.”—Brantôme, III, 196, 310.

[1203] Какими бы ограниченными они ни были, условия, тем не менее, сильно оскорбили гизов, особенно кардинала Лотарингии, который “чудесным образом заявил, что король снизойдет до любого мира со своими подданными, на что король сказал, что согласится на это ”с большой охотой” (Обо всех переговорах см. C. S. P. For., № 2025, февраль . 24; № 2040-41, 1-4 марта; № 2054, 9 марта; № 2057, 2058, 10-11 марта; № 2092, 27 марта 1568 г.). Окончательный проект был завершен 23 марта; указ был подписан Карлом IX 26 марта. Оно было опубликовано в Париже на следующий день (*там же.*, № 2092-93).

[1204] *Там же.*, № 2058, 11 марта 1568 г. Гранвелла выразил опасение всеобщего голода во Франции, за которым последует чума (Гашар, *Переписка Филиппа II*, II, 17).

[1205] Проповедники и врачи Парижа в своих проповедях осуждали короля и его Совет (Клод Хатон, II, 527 и примечание; ср. *там же.*, 531; *Отн. vél.*, II, 121).

[1206] C. S. P. For., № 2273, 17 июня 1568 г.; *История. du Languedoc*, V, 482 ff.; *Commentaires et lettres de Montluc*, V, 18, 88, 142, 156; D’Aubigné, Book IV, chaps. xii-xiv.

[1207] C. S. P. For., № 2,115, 2,135, 8-10 апреля 1568 г.

[1208] *История. du Languedoc*, V, 441.

[1209] Подробнее см. *там же.*, 443-64.

[1210] Монлюк даже приписал Дамвилю разрушительные последствия чумы, чтобы создать общественное предубеждение против него! (*История. du Languedoc*, V, 449). His own words are: "Pour se montrer au peuple, qui avoit une merveilleuse envie de le voir, n'y pouvant arrêter à cause de la grande peste qui y est." (Cf. his letters to Damville, December 31, 1567, and August 26, 1569, in *Commentaires et lettres de Montluc*, V, 103 and 159.) Монлюк был вдвойне разгневан в этот момент, потому что мир в Лонжюмо отменил полученные им в феврале приказы попытаться взять Ла-Рошель морем (*там же.*, VII, 148 и далее; V, примечание 107, примечание 109, примечание 184).

[1211] *Бюллетень Соц. акад. du Var*, 1876.

[1212] Клод Хатон, II, 525. В разное время он повторяет нынешнюю игру слов, которая обозначала этих вольноотпущенников как "gens-pille-hommes" (благородные люди). В целом, по его оценке, дворянство сильно выродилось. См. т. I, Введение., стр. lxii.

[1213] Группы добровольцев-поисковиков посещали дома гугенотов, чтобы узнать об их вере (C. S. P. For., № 2191, 17 мая 1568 г.). При дворе некоторые дворяне пообещали Карлу гарантировать, что все члены их свиты будут добрыми католиками (*там же.*, № 2,191, 2,235, 2,236, 2,243, 2,248, с 17 мая по 4 июня 1568 г.).

[1214] "Д'Анжу чудесным образом перенес эти сделки и сохранил свою комнату, произнеся самые оскорбительные слова в адрес их религии, сказав, что он надеется наступить им на животы" (C. S. P. For., № 2177, 12 мая 1568 г.).

[1215] *Там же.*, № 2,115, §1, 8 апреля 1568г.

[1216] Смотрите откровения Норриса Сесилу в *там же.*, № 2100, 30 марта 1568 г. Стремясь к достижению королевских целей, маршал Монморанси немедленно приступил к разоружению жителей Парижа.

[1217] *Комментарии и письма Монлюка*, V, 22, 23.

[1218] Вероятно, ни кардинал, ни Монлюк не знали, что другой состоял в тайной переписке с Филиппом II. Зная методы Филиппа, вполне вероятно, что он держал их в неведении об этом. Таков был его путь (ср. Форнерон, I, 327).

[1219] Рубль, *Комментарии и письма Монлюка*, IV, 328, 329, письмо от 5 марта 1564г.

[1220] *Там же.*, V, 76, 77 и примечания.

[1221] *Там же.*, V, 145.

[1222] Цитируется Форнероном, *История Филиппа II*, I, 327.

[1223] The ordinance of Moulins specifically alluded to the growing popular nature of these confraternities: "Qu'on abolisse entièrement les confréries établies sous prétexte de religion parmi le *petit peuple*, les festins, les répas, les bâtons (bâtons de Confrérie, qui servent à porter aux confréries l'Image de quelque saint, ou la représentation de quelque mystère) et autres choses semblables, qui

donnent lieu à la superstition, aux troubles, à la débauche, aux querelles, et aux monopoles” (De Thou, V, Book XXXIX, p. 183, in the article prohibiting them). Но тогда, как и сейчас, было так же невозможно обеспечить соблюдение закона перед лицом общественного мнения, которое не сочувствовало этому положению. Общественное мнение не просто благоприятствовало их формированию; сами офицеры короны способствовали их организации. Ла Попелиньер, XI, 12, подчеркивает это.

[1224] “Дискорсо сопра гли умори ди Франсиа ди М^о. Назарет, 1570”, Библиотека Барберини, 3269, fol. 63. См. Приложение XIII.

[1225] Д'Обинье, III, 2.

[1226] *Воспоминания де Таванна*, изд. Michaud and Poujoulat, séries I, VIII, 288, 289; Pasquier, Book IV, letter 23; Collection Trémont, Nos. 1,367, 1,382; cf. La Popelinière, XI, 7-12; Pingaud, *Les Saulx-Tavannes*, p. 61.

[1227] *Государственные документы, иностранные*, Элизабет, XCVII, № 1711. Печатная брошюра. См. Приложение XIV.

[1228] Рейналь, *История Берри*, IV, 79-83. Текст этого акта содержится в "*Истории Берри*" Таувессьера, 189.

[1229] Текст приведен у Клода Хатона, II, 1152. Ср. Виконт де Мо, *Святые религии Франции*, 177, 178; Капефиг, *Преобразование и лига*, 360.

[1230] Фере, кулон "*Проблемы лиги*" из Клермон-ан-Бовези, Клермон, 1853.

[1231] *Государственные документы, иностранные*, Элизабет, С, № 1,863. См. Приложение XV.

[1232] *История. дю Лангедок*, XI, 509-10 и XII; *Preuves*, № 300, стр. cxiii; *Cabinet historique*, II, 217. Эта лига была гораздо более формальной по своей организации, чем любая другая. В дополнение к получению разрешения парламента, лидеры заручились санкцией Пия V в марте, *предшествующем*. Булла была одобрена 15 марта.

[1233] *История кабинета*, II, 219.

[1234] Борднав, *История. de Béarn et de Navarre*, 139-45. Я осмеливаюсь предположить кардинала Лотарингского в качестве возможного подстрекателя, исходя из слов Борднава: “quelques autres ... sollicitez par quelques uns des *principaux du conseil* de France.” В это время Филипп II перебросил новые войска в испанскую Наварру, либо в результате энергичных действий Жанны д'Альбре, либо для сотрудничества с лигой, если оно увенчается успехом. Фуркево установил этот факт, но пребывал в неведении относительно причины этого (*Депеши Фуркево*, II, 25 ноября 1568 г.).

[1235] Письмо Колиньи от 29 июля 1568 года показывает, что лидер гугенотов был осведомлен о создании этих провинциальных лиг. After complaining of the assassination of one of D'Andelot's lieutenants, he protests against the general violence: “Ce que faict croire que ce sont des fruictz et offices des confraires du Saint-Esprit et saintes ligues qu'ils appellent; mais si on voit que infiniz meurtres et massacres qui se sont faictz avec une effrénée licence en tous les endroitz de ce royaume depuys la paciffication il n'en ayt esté faict aucune justice ou chastiment, quelque

déclaration que Vostre Majesté ayt faicte de sa volonté et intention, je n'en espère pas davantage de cestuy-cy, estant bien facile à cognoistre que ce sont choses projectées et délibérées avec les gouverneurs des provinces, et que cela ne se faict point sans adveu ou pour le moins sans un tacite consentement.”—*Correspondance de Catherine de Médicis*, III, 163, note.

[1236] Монморанси постоянно использовал свое влияние в пользу мира и умеренности, однако, меняя обличья в своих высказываниях. Герцог Монморанси сказал, что нет ничего более необходимого для поддержания королевского состояния, чем искреннее соблюдение эдикта о умиротворении, а те, кто борется против этого, не являются друзьями ни королю, ни его короне; и со своей стороны, если король вовремя не предвидел при надлежащем исполнении правосудия это растущее зло, он решил со своего позволения покинуть двор со своими друзьями и союзниками и таким образом удалиться от тех, кто под предлогом поддержания своей религии постоянно подпитывал это разделение и в конце концов погасил славу и прославление короля. французская империя“. — *C. S. P. For.*, № 2177, §1, 12 мая 1568 г.

17 июня Норрис написал Сесилу: “Монморанси предстал перед судом. Процесс между ним и герцогом де Гизом за графство Даммартен в конце концов перерастет в открытую вражду”. — *Там же.*, № 2273.

[1237] “Четыре маршала единодушно против кардинала”. — *Там же.*, № 2235, 31 мая 1568 г.

[1238] “Сейчас всем правит господин д'Анжу, который, несмотря на молодость, является самым серьезным и жестоким врагом сторонников религии, и у него есть свои тайные советники, главным из которых является кардинал Лотарингии, и, кроме того, у него есть свой канцлер, который запечатывает все такие вещи, которые отказывается запечатывать старый добрый канцлер короля; который ни из любви, ни из страха не запечатал бы все, что противоречит законам королевства”. — *Там же.*, № 2178, 12 мая 1568 г. Обо всем этом деле см. *там же.*, № 2177, §2, 12 мая 1568 г.

[1239] *Там же.*, № 2,115, §2, 8 апреля; № 2,177, §3, 12 мая 1568 г.

[1240] Герцог Омальский, *История принцев Конде*, II, Приложение I.

[1241] *C. S. P. For.*, № 2235, 31 мая 1568г.

[1242] “Считается, что гарнизоны на Иль-де-Франс не заняты ничем другим, кроме как ждать, пока кукуруза не уберется с земли, чтобы начать с того места, на котором они остановились”. — *Там же.*, № 2178, 12 мая 1568г.

[1243] *C. S. P. For.*, № 2235, 2243, 2248, 31 мая, 2-4 июня 1568г.

[1244] Информацию о населенных пунктах см. Герцог Омальский, *История принцев Конде*, II, 284.

[1245] *C. S. P. For.*, № 2296, 22 июня 1568 г. Они опасались заговора с целью захватить их обманом, поскольку Эгмонт и Хорн оказались в ловушке во Фландрии. Согласно сообщению, Лаваллетт должен был схватить принца, адмирала Шавиньи и Таванна Д'Андело. Предупреждение, вероятно, было сделано каким-то секретарем, которого подкупил Колиньи, поскольку вскоре после этого были уволены несколько секретарей католических лидеров (*там же.*, № 2256, 7 июня 1568 г.; ср. Д'Омаль, *История принцев Конде*, II, 12, п. 2 и стр. 287). Колиньи

также подкупил секретаря дона Франческо де Алава, посла Испании во Франции (см. *C. S. P. For.*, № 1230, 24 мая 1568 г. и Вступление., стр. xxvi).

[1246] Там же., № 2256, 2,304, 2,323, 7, 28 июня, 5 июля 1568 г. Пример чувства между принцем и кардиналом см. в письме сэра Генри Норриса королеве, там же., № 2248, 1 июня 1568 г. и герцога д'Омаля, *История принцев Конде*, II, 12 и п. 1.

[1247] Именно тогда впервые появилось это слово (*D'Aumale*, II, 12, примечание 3).

[1248] *C. S. P. For.*, № 2295, Норрис Сесилу, 23 июня 1568 г. Обо всех переговорах читайте Робинсона, “Королева Елизавета и принцы Валуа”, *англ. История. Откр.*, II, 40; Хьюм, *Ухаживания королевы Елизаветы*, 114-49. Юм, однако, ошибается, стр. 115, полагая, что переговоры начались после Сен-Жерменского мира 1570 года. Общение, должно быть, держалось в секрете, судя по неясным намекам в следующем: Сэр Генри Норрис графу Лестеру, *К.С. П.*, № 2241, 20 августа 1568 г. — Маршал Монморанси очень желает получить ответ на письмо, которое он написал Лестеру; королева герцогине Монморанси, там же., № 2472, 27 августа 1568 г. — Благодарит ее за вежливое и почетное угощение в ее доме и рядом с ней. персону дочери ее камергера, лорда Эдварда Говарда. Уолсингем в то время предостерегал свое правительство от шпионов кардинала Лотарингского в Лондоне. См. Приложение XVI.

[1249] “Со времени публикации “Мира” было убито больше, чем всех этих последних неприятностей. Ежедневные убийства совершаются без какого—либо наказания для преступников, других насильно выводили из их домов ночью и вели к реке, где без угрызений совести топили”. — *C.S. P. For.*, № 2383, 2339, 2407, 31 июля-7 августа 1568г.

[1250] Действия здесь обеих сторон измеряются успехом во Фландрии (там же., № 2273, 17 июня 1568 г.; *Архивы дома Оранж-Нассау*, II, 47; *Депеши Фуркево*, II, 24).

[1251] В феврале 1568 года инквизицией было объявлено всеобщее осуждение жителей Нидерландов и подтверждено Филиппом II (*Архивы дома Оранж-Нассау*, III, 171).

[1252] *C. S. P. For.*, № 2432, 17 августа 1568 г., Мундт Сесилу из Страсбурга.

[1253] На языке, на письме. секр., I, 60; *Послание. рекламная камера.*, 79 и 84.

[1254] На языке, *Epist. secr.*, I, 64; *Archives de la maison d'Orange-Nassau*, III, 208.

[1255] *Архив дома Оранж-Нассау*, III, 207; Колл. Годфруа, CCLVI, № 7, маршал Коссе королю, 20 июня 1568г.

[1256] См. Хаага, *Протестантка из Франции*, арт., “Коквиль”. Адмирал Колиньи открестился от какого-либо соучастия в этом предприятии. О судьбе других колонн см. *Архив дома Оранжевых в Нассау*, III, 212, 220, 227.

[1257] Там же., 239, 255. Принц Оранский предвидел катастрофу при Еммингене, поскольку не одобрял опрометчивую политику своего брата. Смотрите письмо по этому поводу, написанное им Людовику Нассаускому в июле 1568 г. (*Архив дома Оранжевых в Нассау*, III, 257, и ответ последнего от 17 июля, там же., III, 264, 265). Альва был настолько уверен в победе Испании, что заранее предложил Карлу IX использовать испанские войска (*C. S. P. For.*, № 2379, § 2, 29 июля 1568 г.).

[1258] “Они (гугеноты) содействуют успеху войны во Фландрии”. —Там же.

[1259] В сентябре 1568 года был обнародован королевский эдикт, запрещающий публичное исповедание любой религии, кроме католической, и отменяющий все прежние эдикты. Текст в *Книге Фонтанона*, IV, 294. Монлюк утверждает, что он был автором идеи и что он отправил черновой вариант такого эдикта Карлу IX (De Ruble, *Commentaires et lettres de Montluc*, V, 153, 154). В подтверждение этой политики в августе Карл IX потребовал от всех лидеров гугенотов присяги на верность и послушание (*C. S. P. For.*, № 2419, 9 августа 1568 г.; ср. № 2407, 7 августа и герцога Омальского, *Hist. des princes de Condé*, II, 9).

[1260] *Отн. vén.*, II, 123.

[1261] Клод Хатон, II, 532; Колл. “автографы М. де Л- де Нанси” (Париж, 1855), № 477; Генрих, герцог Анжуйский Матиньону, королевскому наместнику в Нормандии, 8 октября 1568 г., рекомендуя ему распределить жандармерию по местам, наиболее подходящим для защиты страны.

[1262] *C. S. P. For.*, № 2,352, 2,379, 14 и 29 июля 1569 г.

[1263] Там же., № 2379, 29 июля 1568 г.; о расчетливой политике французской короны см. Languet, *Epist. secr.*, I, 92 and La Noue’s comments in *Mémoires militaires*, chap. xii.

[1264] *C. S. P. For.*, № 2379, 29 июля 1568г.

[1265] Письмо от 23 августа 1568 г. проанализировано в De Thou, книга XLIV.

[1266] Смотрите жалобы принца Конде королю под датами 29 июня и 22 июля 1568 г. в Duc d’Aumale, *История принцев Конде*, II, ПриложениеI.

[1267] Смотрите суть петиции принца Конде, кратко изложенную в *C. S. P. For.*, № 2,451, 23 августа 1568 г. В качестве примера заботы правительства о том, чтобы быть преданным, агенты короны тайно измерили даже высоту стены в случае городов с сомнительной лояльностью. Колиньи жаловался на нападения, которым подвергались его дворяне и его брат Д’Андело. В Дижоне принц Конде подал в суд на человека, которого он обвинил в том, что он тайно измерял стены Нуайе (Клод Хатон, II, 537, примечание).

[1268] *C. S. P. For.*, № 2464, 25 августа 1568 г.; ср. № 2484.

[1269] Клод Хатон, II, 539; Рабочий, II, 593.

[1270] *C. S. P. For.*, № 2441, 20 августа 1568 г.; Конде был в Нуайе, Колиньи - в Танле (Йонне): Д’Обинье, книга III, 5, примечание; Герцог д’Омаль, *История. des princes de Condé*, II, 367.

[1271] Язык, *Эпист. секр.*, I, 64, 69.

[1272] там же., Я, 75; архивы-де-ла-Мезон д’Оранж-Нассау, раздел III, 284-86. Принц Оранский в это время находился недалеко от Клеве, имея армию, но не имея денег. Смотрите письмо принца Оранского герцогу Вюртембергскому и маркграфу Баденскому с просьбой о денежной помощи. 17 сентября 1568 г. (там же., III, 291). Его планы снова провалились. Он пытался проникнуть в Пикардию с целью объединения с гугенотами. Но бдительность маршала Коссе

снова помешала Женлису, как это помешало Коквиллю, и принц был вынужден отказаться от своей цели. При Страсбурге его армия была распущена (*там же.*, III, 295, 303, 313-16; Languet, *Epist. ad Camer.*, 89; *Epist. секр.*, I, 75).

[1273] Даже Ла Нуэ, 804 и Беза, II, 277, утверждают это.

[1274] Елизавета Валуа, королева Испании, скончалась 3 октября 1568 года.

[1275] *C. S. P. For.*, № 2,640, 2,666, 22 ноября, 8 декабря 1568г.

[1276] *C. S. P. For.*, № 2441, 20 августа 1568г.

[1277] Таванн, глава xxi.

[1278] *C. S. P. For.*, № 2477, 29 августа 1568 г. Норрис утверждает тот факт, что Конде и адмирал были предупреждены письмами, которые они перехватили. Герцог Омальский (*Hist. "принцы Конде"*, II, 13) показал преднамеренное намерение Таванна поступить именно так.

[1279] Д'Обинье, III, 24: "Принц ... fit publier les loix militaires." Выпущено из Ла-Рошели 9 сентября 1568 года. Краткое изложение в *C. S. P. For.*, № 2,514. Де Серр приводит текст на стр. 158. Делаборд ставит в заслугу адмиралу Колиньи эти правила (III, 522). Ср. *C. S. P. For.*, № 2486, речь кардинала Шатийона, который приписывает зло Франции кардиналу Лотарингскому и опровергает обвинение в честолюбии, выдвинутое против лидеров гугенотов. В это время кардинал бежал в Англию (см. La Ferrière, *Le XVIe siècle et les Valois*, 217; D'Aubigné, III, 12, примечание 31). Он умер в 1571 году. Ходили слухи, что Колиньи тоже уехал в Англию (Languet, *Epist. секр.*, I, 109).

[1280] Фонтанон, IV, 292, 294; Клод Хатон, II, 540; (25 сентября) *C. S. P. For.*, № 2,561, §1, 30 сентября 1568 г.; *там же.*, *Ven.*, № 433, 28 сентября 1568 г. Дополнительным эдиктом были упразднены все судебные и финансовые учреждения, принадлежавшие гугенотам (*C. S. P. For.*, № 2674, 16 декабря 1568 г.).

[1281] *Там же.*, № 2363, 20 июля 1568г.

[1282] *Там же.*, № 2467, 27 августа 1568г.

[1283] *C. S. P. Ven.*, № 430, 11 сентября 1568 г. Другими источниками дохода были ссуды под залог винных пошлин на несколько лет — тяжелое бремя для народа (Клод Хатон, II, 547), — которые приносили около 300 000 крон в год. Кроме того, король получил от Парижа пожертвование в размере 50 000 крон, а Венеция одолжила 100 000 крон (*C. S. P. For.*, № 2640, 22 ноября 1568 г.), позже увеличенное до 200 000. Позже папа разрешил продажу церковных ценностей на сумму 50 000 крон, но некоторые представители духовенства так распорядились продажей, что правительство мало что от них получило (*там же.*, № 233, апрель 1569 г., краткое изложение указа Карла IX).

[1284] Подробнее см. Письмо Норриса Сесилу, *К. С. П. За.*, № 2550, 25 сентября 1568г.

[1285] Тайландер, *Жизнь в Опитале*, 200.

[1286] Даже Бираг, ныне канцлер, состоял на тайном жаловании в Испании (*Государственные документы кардинала де Гранвеля*, VIII, 387).

[1287] *C. S. P. For.*, № 2,490, 1 сентября; № 2,529, 15 сентября 1568 г. Два протестантских культовых сооружения в Орлеане были сожжены (*там же.*, № 2,561, §2, 30 сентября 1568 г.). Дела у протестантов Орлеана пошли бы еще хуже, если бы не политический маршал Вьейвиль, чьим правительством это было и который сделал все, что было в его силах, чтобы защитить гугенотов (*там же.*, № 190, 24 марта 1569 г.).

[1288] Жанна д'Альбре, находившаяся в Нераке, достигла Ла-Рошели 28 сентября, пересекла Гаронну "под носом у Монлюка" (Ольагарай, 575), у которого, как говорят, был приказ перехватить ее (Пальма Кайет, часть I, 166). Монлюк умалчивает о своей небрежности в данном конкретном случае (*Комментарии*, III, 175).

[1289] *C. S. P. For.*, № 2,561, 30 сентября 1568 г. Д'Андело был в Бретани (*там же.*, № 2527, 15 сентября 1568 г.), но 16 сентября он пересек Луару (Ла Нуэ, глава xix) с 1500 всадниками и 20 пехотинцами (Д'Обинье, III, 13, примечание 7), несмотря на строгие предписания короля помешать ему (Д'Обинье, III, 14, примечание).

[1290] *C. S. P. For.*, № 2610, §2, 29 октября 1568 г. Герцог Вильгельм Саксонский искренне умолял Карла IX нанять его солдат (*там же.*, № 2640, §5, 22 ноября 1568 г.), и маркграф Баденский принял командование рейтарами в королевской армии (*Le Laboureur*, II, 724). Герцог Де Понт предложил Конде 8000 рейтеров и 40 ланскенетских прапорщиков (*C. S. P. For.*, № 2666, §1, 8 декабря 1568 г.). Они должны были оставаться без жалованья в течение двух месяцев, рассчитывая расплатиться за себя захватом городов и замков, принадлежащих дому Гизов, в Лотарингии и Шампани. В конце концов, Англия оплатила их услуги (см. Отчет о квитанциях в *C. S. P. За.*, № 2,011, 10 сентября 1571 г.; № 2,123, 13 ноября 1571 г.). Католические рейтеры должны были быть оплачены принудительным займом, взысканным с парижан (*там же.*, № 2666, 8 декабря 1568 г.).

[1291] На север, в Сесил, *C. S. P. For.*, 30 декабря 1568, 11 января 1569.

[1292] Описание этого см. *C. S. P. For.*, № 2640, §15, 22 ноября 1568 г. Последовавшее 17 ноября сражение при Жазнейле стало для них ударом (см. Ла Нуэ, глава xxi; Д'Обинье, III, 37; *C. S. P. For.*, № 2640, §1). Подробный отчет о герцоге Омальском можно найти в *Истории. des princes de Condé*, II, 26-34. Уайтхеда, *Гаспара де Колиньи, адмирала Франции*, 204-9, есть замечательный отчет.

[1293] Армия Конде перед поражением при Жазнее оценивалась в 12 000 пеших и 4000 конных, все на хороших лошадях и вооружены, помимо очень большого количества иррегулярных войск.

[1294] Фуркево Екатерине Медичи, 13 января 1569 г., на основании письма посла Испании во Франции от 7 января 1568 г. (*Депеши де Фуркево*, II, 47). Алава, должно быть, счел эту новость чрезвычайно важной, поскольку курьеру потребовалось всего шесть дней на то, чтобы добраться до Мадрида.

[1295] Фуркево, II, 31, 54.

[1296] Колл. Годфруа, XVI, послание Вильгельма Оранского Карлу IX, 21 декабря 1568 г.

[1297] Альва послал Карлу IX весточку, чтобы тот любой ценой удерживал принца Конде, сам пообещав позаботиться об Оранже. Король отправил испанскому герцогу очень крупное поручение не только взимать с страны необходимые налоги, но даже входить во французские

города, окруженные стенами, — так далеко теперь продвинулись две короны (C. S. P. For., № 2666, 8 декабря 1568 г.).

[1298] Тревога правительства в этот час по поводу Парижа может быть измерена двумя полицейскими постановлениями того времени. Один из них приказал проводить обыски по всему городу два раза в неделю, во всех гостиницах и других местах, и запретил механикам покидать свои дома в определенные дни. Другой разрешал тем приверженцам данной религии, которым было запрещено покидать свои дома в определенные дни, назначать одного из своих слуг разъезжать по городу по своим делам. У него должно было быть удостоверение, подписанное капитаном и *комиссарами* квартала, и он должен был быть безоружен. *Комиссары* должны были еженедельно производить обыск в домах верующих, составлять *письменные* записи имен всех слуг, подписанные хозяином дома, и изымать все найденное там оружие (*там же.*, № 2671, 11 декабря; № 2684, 23 декабря 1568 г.). Оба постановления были зарегистрированы парламентом. Во время рождественского сезона ни одному кальвинисту не разрешалось выходить на улицу (*там же.*, № 2688, §3, 26 декабря 1568 г.).

[1299] “Хорошее расположение духа и порядок, которые поддерживаются в армии принца, заслуживают всяческих похвал, ничто не сравнится с угнетением страны, по которой они проходят, как у М. д'Анжу, которая стала ненавистной из—за их наглого поведения, как протестантам, так и католикам. М. д'Анжу разместил большую часть своей армии в городах на реке Луары”. - C. S. P. For., № 12, 4 января 1569 г.

Присутствие королевской армии в Анжу под командованием герцога Анжуйского было тяжелым бременем для жителей провинции, которые и без того сильно пострадали от грабежей гугенотов в предыдущем году. 4 ноября муниципальному совету Анже было поручено предоставить 800 пар чулок, 1500 пар обуви, пудру, хлеб, сено, солому, овес, пики, лопаты, мотыги и другие орудия труда. Город был полон больных и раненых солдат (Жубер, *"Анжуйские отверженные"* и др., 36).

[1300] Оранж также нуждался в жалованье своим войскам (Languet, *Epist. secr.*, I, 82).

[1301] *Ревю дипломатической истории*, XIV (1900), 51-52, 64.

[1302] C. S. P. For., № 22, 10 января 1569 г.; № 151, 5 марта 1569 г.; Попелиньер, книга XV; Де Ты и Д'Обинье не добавляют ничего нового.

[1303] О суровой зиме 1568-69 годов см. La Noue, глава xxiv; *История. du Lang.*, V, 514; *Commentaires et lettres de Montluc*, V, 156; Whitehead, *Coligny*, 202.

[1304] Колл. Годфруа, CCLVII, № 57. Протест Жана де Монлюка против продолжения войны, 2 декабря 1568 г. В совете короля было внесено предложение о том, чтобы протестантам было разрешено пользоваться преимуществами ранее изданных эдиктов; чтобы Конде было передано правительство Сентонжа и ему было разрешено помогать Оранскому в борьбе с Испанией. Но ни Екатерина Медичи, ни король не захотели слушать это предложение, а кардинал Лотарингии утверждал, что это было бы опасно для дальнейшего продвижения Конде в любом направлении (C. S. P. For., № 23, 10 января 1569 г.).

[1305] Поттер, *Пай Против*, 19; изд. Губан, книга III, № 4, стр. 135, письмо кардиналу Бурбону, январь 1569 г.; *там же.*, стр. 23; изд. Губан, Книга III, № 5, стр. 138, письмо кардиналу Лотарингскому, того же числа.

[1306] *C. S. P. Ven.*, № 439, 9 ноября 1568 г. и № 448, 6 января 1569 г. Бедствие торговли и юридические осложнения, возникшие в результате полупиратских действий, были очень велики (см. *C.P.D. Дом.*, 1547-80, стр. 378, 386, 29 мая 1570 г., 29 июля 1570 г.).

[1307] *Ibid.*, *преп.*, № 448, 6 января 1569 г. Кардинал Шатийон был агентом гугенотов в Англии (см. *там же.*, *Для.*, № 71, 22 января 1569 г.; № 82, 30 января 1569 г.). О его финансовых переговорах смотрите подробную заметку барона де Рубле в книге Д'Обинье, III, 61.

[1308] Графу Мансфельдту герцогу Омале, 22 января 1569 г., колл. Годфруа, CCLVII, № 58; *C. S. P. For.*, № 172, 15 марта 1569 г. Они пришли не только с оружием и лошадьми, но и с большими фургонами, цепами и орудиями для уборки урожая, с помощью которых можно было грабить поля.

[1309] Силы Д'Омаля составляли 5500 рейтеров, 26 рот французских всадников и 30 пеших прапорщиков, помимо прочих. Войска, которыми располагал король, составляли 26 рот жандармов, 15 рот регулярной французской армии, 4500 швейцарцев, 2500 рейтеров и его домашние войска. Монморанси удалился в Шантийи из-за заговора против него (*C. S. P. For.*, № 75, 25 января 1569 г.). Подробности см. в *Архиве дома Оранж-Нассау*, III, 315). Между фракциями Гиза и Монморанси разгорелась ожесточенная борьба за место д'Омаля, три маршала - Монморанси, Вьейвиль и Коссе - сопротивлялись его назначению. Враждебность парижан к Монморанси, хотя, конечно, не обвинение кардинала Лотарингского в том, что сын коннетабля имел тайные сношения с принцем Оранским, действовало против него. Английский посол даже полагал, что Монморанси и герцог Бульонский могут предстать перед Конде с оружием в руках. Сэр Генри Норрис королеве: "23-го числа. герцог Монморанси потребовал, чтобы капитаны *изшеваны* Парижа явились в Лувр, чтобы поговорить с ним, и заявил, что их беспорядки и непригодность к управлению были известны королю. Линьероль, член парламентского суда и генерал-капитан двадцати двух прапорщиков, ответил, что Париж подобен кораблю, капитан которого, пренебрегая своими обязанностями, требует, чтобы лоцманы брались за штурвал; на что Монморанси холодно ответил: "qu'il parloyt en curtault de butique"" (*C. S. P. For.*, № 50, 15 января 1569 г.).

[1310] *Архив дома Оранж-Нассау*, III, 516.

[1311] Клод Хатон, II, 516 и примечание; *К.П.Н.*, № 42, 50, 11, 15 января 1569г.

[1312] Похоже, что немецкие князья подумывали послать депутацию во Францию, чтобы выразить протест Екатерине Медичи. Сохранилась, по крайней мере, минута письма королеве, которое намекает на это. В нем они выражают сожаление по поводу печальных последствий преследований во Франции (см. *Архивы дома Оранж-Нассау*, II, 99-100, июнь 1567 г.). 24 января 1569 года указ курфюрста Саксонии предписывал всем капитанам и солдатам, которые были его подданными и которые могли служить под началом герцога Альвы или короля Франции, вернуться домой в течение двух месяцев после даты опубликования указа; и далее приказал своим офицерам арестовывать любых лиц, которых они могли обнаружить направляющимися на эти службы.—Дрезден, 24 января 1569 г. (*C. S. P. For.*, № 74). В марте Август Саксонский, граф

палатинский, и другие немецкие князья послали Конде 50 000 серебряных крон (*там же.*, *Ven.*, № 452, 15 марта 1569 г.).

[1313] Вильгельм Оранский с двумя братьями отправился в Германию, чтобы продвинуть план совместно с герцогом Де Понт—Д'Обинье, III, 45, 60 (*C. S. P. For.*, № 131, 24 февраля 1569 г.). Подробнее об этом движении см. Gachard, *Национальная библиотека в Париже*, II, 275, 278, 280. Герцог Омале опубликовал некоторые из своих писем в это время (*Hist. des princes de Condé*, II, 406 ff.).

[1314] Д'Омаль в это время находился в Фалсбурге и Саверне с 4000 рейтеров, 2000 французских всадников и 10 000 пехотинцев. Его проникновение в пределы имперской границы оскорбило и встревожило Страсбург, где французская группировка безуспешно замышляла предательство города.

[1315] Смотрите Новостное письмо из Ла-Рошели, январь 1569 г., в приложении XVII.

[1316] *C. S. P. For.*, № 105, 10 февраля 1569г.

[1317] *Там же.*, № 151, 5 марта 1569 г.; Клод Хатон, II, 517.

[1318] *Там же.*, *Для.*, № 155, 5 марта 1569 г.; о дезертирстве из армии Д'Омаля см. № 172.

[1319] *Там же.*, № 105, 10 февраля 1569г.

[1320] Современные описания битвы при Жарнаке см. в "Ла Попелиньер", книга XV; Жан де Серр, 315 и далее; Д'Обинье, книга V, глава. viii; Клод Хатон, II, 548 и примечания. The best modern accounts are Gigon, *La bataille de Jarnac et la campagne de 1569 en Angoumois*, Angoulême, impr. Chasseignac (Extrait du *Bulletin de la Société archéologique et historique de la Charente*), 1896; Patry, in *Bull. Soc. protest. franç.*, LIII, March 1902; Duc d'Aumale, *Histoire des princes de Condé*, II, Book I, chap. i; Уайтхед, *Гаспар де Колиньи, адмирал Франции*, 204-9, чрезвычайно ясный отчет. Доказательства убийства принца проанализированы Денисом д'Осси, "Убийца принца Конде в Жарнаке (1569)", *R. Q. H.*, XLIX, 573, и обобщены (с некоторыми новыми дополнениями) в Whitehead, 206, примечание 2. Текст знаменитых депеш, которые были найдены в перчатке принца Конде, полностью напечатан в книге герцога д'Омаля, *История принцев Конде*, II, Приложение iii.

[1321] *C. S. P. Ven.*, № 454, 15 марта 1569 г.; ср. Брантом, III, 329.

[1322] Клод Хатон, II, 549, 550.

[1323] Сравните письмо папы от 6 марта, в котором сообщается Карлу IX, что он направил к нему войска под командованием Сфорцы и молился Богу о победе (Поттер, *Пирог V*, 28; изд. Губан, книга III, письмо 9, стр. 148) с поздравительным письмом от 28 марта, после того как он узнал о битве (*там же.*, стр. 31; изд. Губан, книга III, письмо 10, стр. 151). Герцог Анжуйский отправил флаги и штандарты, захваченные при Жарнаке, в Рим (Поттер, *Пирог V*, стр. 54; изд. Губан, книга III, 167, письмо 17, 26 апреля 1569 г.).

[1324] "L'amiral demeurant toujours le principal gouverneur et conseiller en toutes les affaires des huguenots."—Castelnau, Book VII, chap. vi.

[1325] Жан де Серр, 333.

[1326] Д'Обинье, III, 58.

[1327] Клод Хатон, II, 557.

[1328] Там же.

[1329] Д'Обинье, III, 57; Жан де Серр, 326, приводит подробности.

[1330] Жан де Серр, 331.

[1331] C. S. P. For., № 294, 6 июня 1569 г.

[1332] Королева Елизавета была в полной безопасности при выдаче займа, поскольку драгоценности стоили в три раза больше авансированной суммы (Бургон, *Жизнь и времена сэра Томаса Грэшема*, II, 334-36). C. S. P. For., № 258, 12 мая 1569 г.; Герцог д'Омаль, I, 70, примечание 2; Джон Казимир и остальные герцог Деукспонт оба пообещал повторные визиты.

[1333] C. S. P. Ven., № 460, 15 сентября 1569г.

[1334] Там же., для., № 252, 9 мая 1569 г.; принц Наваррский и другие лидеры армии гугенотов в Сентонже герцогу Де Понту и некоторым дворянам в его лагере, а также принцу Оранскому, искренне призывая их наступать на Луару и заявляя, что, несмотря на смерть принца Конде: их другие потери были невелики, и это не уменьшило их силы и не привело к падению духа. Не опубликовано в *Официальных посланиях Генриха IV*.

[1335] *Архив дома Оранж-Нассау*, III, 316; Languet, *Послание. ad Camer.*, 105; *Epist. раздел*, I, 81. Копии пяти писем, написанных Де Франкуром, агентом гугенотской партии герцога Деупонта и принца Оранского, лидерам гугенотов, в которых выражается сожаление по поводу смерти принца Конде и заверяется в неизменной приверженности герцога Деупонта и его сторонников их делу, цитируются в C. S. P. For., № 207, апрель 1569 г. Говорят, герцог Лотарингии предложил Деупонту 100 000 крон, если он отзовет свои рейтеры (*там же.*, № 234, 18 апреля 1569 г.).

[1336] Клод Хатон, II, 517.

[1337] Д'Обинье, III, 66.

[1338] Подготовка к этому движению началась еще в марте, когда кардинал Лотарингии как епископ Меца и принц империи распорядился изгнать всех, кто не примет католицизм (C. S. P. For., № 194, 26 марта 1569 г.; ср. прокламацию Карла IX с тем же эффектом от апреля 6; см. также № № 179, 197, противоположные петиции духовенства Меца и протестантов, датированные 19 и 30 марта соответственно).

Переписка герцога Алансонского, относящаяся ко второй гражданской войне, представлена в двух томах под № 36, 36бис в Санкт-Петербургском собрании. Герцог остался в Париже и позаботился о доставке пороха, провизии и денег. В письме от 17 ноября 1569 года он пишет Карлу IX, что для него невозможно выслать требуемые суммы, если он не продаст столовое серебро и драгоценности короля. В другом письме он сообщает о герцоге Тосканском, который был готов ссудить 100 000 экю под залог драгоценностей короны. Он советует это сделать. According to his estimate they were worth 500,000 livres (La Ferrière, *Rapport sur les recherches faites à la Bibliothèque imperiale de St. Pétersbourg*, 27).

[1339] Прокламация Карла IX: Приказывает всем дворянам и солдатам прибыть в лагерь герцога Анжуйского к 20 июня, должным образом вооруженными и экипированными для службы. Требуется, чтобы его офицеры разыскивали имена тех, кто не подчиняется этому приказу, и присылали их к нему, чтобы они могли быть наказаны таким образом, какой он сочтет нужным (C. S. P. For., № 281, май 1569 г.). Король набирает новую армию и снимает с вооружения свои гарнизоны в Пикардии и Нормандии (*там же.*, № 287, 3 июня 1569 г.). Альва пообещал 4000 испанских солдат (*Нер. Тоск.*, III, 591).

[1340] Кастельно, книга VII, глава v. Альва посоветовал ему лечить Колиньи и др. так же, как он обошелся с Эгмонтом и Хорном.

[1341] *Ibid.*, loc. cit.; C. S. P. For..

[1342] Герцог Анжуйский Екатерине Медичи, 23 мая 1569 г., колл. Годфруа, CCLVI, № 12; Ла Попелиньер, книга XVI; Кастельно, книга VII, главы v, vi; Д'Обинье, III, 67 и примечание 2; *Архивы дома Оранж-Нассау*, III, 317; Ла Нуэ, глава I. xxiv; C. S. P. For., № 286, 3 июня 1569 г., сэр Генри Норрис королеве: "Армия герцога Деупонта находилась перед Ла-Шарите, он заставил 600 французских аркебузирова и несколько рот рейтеров перейти реку, осадив город с обеих сторон, и, пробив брешь, которая была незначительной, они предприняли смелый штурм, не без потерь некоторых из своих солдат, и вошли в город силой, и предали мечу всех, кого нашли в нем. Кардинал, чтобы спасти своего брата от позора потери "Ла Шарите", сделал графа Монмейо козлом отпущения" (C. S. P. For., № 293, 7 июня 1569 г.). For other details see Hippeau, "Passage de l'armée du duc des Deux-Ponts dans la Marche et le Limousin en 1569," *Rev. des Soc. savant des départ.*, 5e série, V (1873), p. 571; Le Bœuf (Jean), *Histoire de la prise d'Auxerre par les Huguenots, et de la délivrance de la mesme ville, les années 1567 et 1568*, avec un recit de ce qui a précédé et de ce qui a suivi ces deux fameux événemens et des ravages commis à la Charité, Gien, Cosne, etc. et autres lieux du diocèse d'Auxerre, le tout précédé d'une ample préface sur les antiquités d'Auxerre et enrichi de notes historiques sur les villes, bourgs et villages et sur les personnes principales qui sont nommées dans cette histoire, par un chanoine de la cathédrale d'Auxerre, Auxerre, 1723.

[1343] Кастельно, Книга VI, глава. vi; C. S. P. For., № 286, 3 июня. Рейтарам и швейцарцам на королевской службе платили в ущерб подданным короля, так что многие капитаны подали в отставку (*там же.*, № 351, 27 июля 1569 г.). "L'esquelz n'estoient si sanguinaires ni saccageurs d'églises et de prebstres que ceux des huguenots, toutesfois estoient aussi larrons les ungs que les aultres pour serrer sur leurs harnois ce qu'ilz trouvoient à leur commodité; et par ainsi fut la France pleine d'éstrangers pour la désoler et quasi rendre déserte" (Claude Haton, II, 547).

Характер католической армии показан в депеше герцога Монпансье Екатерине от 1 мая 1569 года из лагеря в Вильбуа, в которой сообщается о смерти юного Бриссака, сына маршала, перед Муссиданом. Город был взят штурмом. "J'en trouve meillieu est qu'ils n'ont laissé reschapper ung tout seul de tous ceuls qui estoient dedans que tout n'ayt esté passé par le fil de l'épée, ce qui semble être le vray droict de ceste guerre."—Collection Fillon, No. 2,656.

[1344] " - возражает адмирал ... чтобы освежить свои рейтеры и после сбора урожая выступить в поход на Париж". — C. S. P. For., № 311, 30 июня 1569 г.

[1345] C. S. P. For., № 272, 27 мая 1569г.

[1346] *Там же.*, № 300, Норрис Сесилу, 14 июня 1569г.

[1347] Там же., № 286, 3 июня 1569 г. Он потребовал от Карла IX от имени империи вывести свои войска из Меца (там же., № 286, Норрис Сесилу, 3 июня 1569 г.; там же., № 305, Мундт Сесилу из Франкфурта [?], 23 июня 1569 г.).

[1348] C. S. P. For., № 286, 3 июня 1569 г.; Клод Хатон, II, 692. Marguerite herself is evidence for this: “La maison de Montmorency aient ceux qui en avaient porté les premières paroles.”—*Mém. de Marguerite de Navarre* (ed. Гиссон, 23), 24.

[1349] “Depuis que je y suis, jé fayst marcher vostre armaye en tele diligense, que cet les reystres eusent vole u marcher jeudi, le jour de la feste Dyeu, je me pouvès dyre le plus heureuse femme du monde, et vostre frère le plus glorieux, car vous eusiés heu la fin de cete guere, aystent réduis le duc de Dus Pons.”—Catherine de Médicis à Charles IX de Limoges, 12 juin 1569, Fillon Collection, No. 127.

[1350] Герцог Деукспонт умер 11 июня 1569 года от чрезмерного употребления алкоголя. See Janssen, VIII, 50; D'Aubigné, III, 69, note 1; Jean de Serres, 364; *Commentaires et lettres de Montluc*, III, 208. К счастью для гугенотов, его смерть мало изменила расположение его армии, поскольку командование принял Вольрад из Мансфельда, его способный лейтенант. Его благоразумие спасло рейтеров после битвы при Монконтуре (см. Niemarn, *Geschichte der Grafen v. Mansfeldt*, 1834).

[1351] Д'Обинье, III, 73, 74: графический отчет; ср. *Бюллетень социальной археологии. et hist. du Limousin*, IV.

“On l'appela *arquebuse à croc* quand on l'eut munie d'un axe de rotation reposant sur une fourchette ou *croc* et facilitant le pointage. L'arquebuse à croc était souvent d'un poids considérable. Elle lançait parfois des balles de plomb de 8, 12 et 13 livres. Jusqu'au commencement du XVIe siècle, on mettait le feu à la charge au moyen d'une mèche allumée que le coulevrinier portait enroulée autour du bras droit. A Pavie, les Espagnols se servirent d'une arquebuse perfectionnée par eux, dans laquelle la mèche était mise en contact avec l'amorce pour faire partir le coup, au moyen d'un *serpentin*, sorte de pince qu'une détente faisait agir, sans que le pointage en fût dérangé. Disposer la mèche à la longueur voulue, en aviver le feu avant de tirer constituait l'opération de maniemment d'arme designée sous ce nom compasser la mèche.”—*La grande encyclopédie*, III, art. “Arquebuse.”

[1352] Попелиньер, книга XVII; Д'Обинье, III, 80, 81.

[1353] Д'Обинье, книга V, глава xii; Жан де Серр, 355, 356.

[1354] Шомберг предложил обложить налогом 4000 поляков; 8000 швейцарцев было запрошено у католических кантонов (C. S. P. For., № 351, 27 июля 1569 г.). Чтобы поддержать их, Париж был увеличен на 700 000 франков, а конфискация протестантских земель в пользу короны пополнила баланс (там же., № 355, 29 июля 1569 г.).

Следующее краткое изложение из письма сэра Генри Норриса королеве Елизавете излагает финансовую политику правительства в то время: “В первый момент король отправился во Дворец, где, в конце концов, парламент произвел общий арест всего имущества, земель и должностей тех, кто поднял оружие против короля, и что все их земли, удерживаемые за плату — или рыцарскую службу - должны вернуться к короне; и что касается других земель, то сначала они должны быть отчуждены на сумму 50 000 крон в год и переданы духовенству в качестве

компенсации за их потери ". владения, на продажу которых король имел лицензию, а остальное даровал тем, кто понес потери из—за религии и оказал услугу в этих войнах. Подсчитано, что этот доход составит 2 000 000 франков в год. В тот же день в Париже под звуки трубы была произведена распродажа товаров адмирала. Некоторые настаивали на том, чтобы казнить его в виде чучела, что считалось неприемлемым, поскольку служило только для того, чтобы разозлить его и заставить действовать еще более экстремально. Король берет займы 300 000 фунтов стерлингов и предлагает увековечить должности советников парламента их детям, выделив им определенную сумму денег; кроме того, они облагают налогом всех граждан по всему королевству, чтобы те делали большие взносы. Кардиналы Бурбонский и Лотарингский, чтобы показать пример духовенству, предложили продать аренду монастырей Сен-Жермен и Сен-Дени за 4000 фунтов стерлингов" (C. S. P. For., № 375, 5 августа 1569 г.).

[1355] Д'Обинье, II, 38, 39.

[1356] Луиза де Бурбон, аббатиса де Фонтевро, дочь Франсуа, графа Вандомского, и Марии Люксембургской, умерла в 1575 году.

[1357] Графическое описание Пуатье в шестнадцатом веке см. Увре, *История Пуатье*, 24, 25.

[1358] *Отн. vél.*, II, 271.

[1359] Все историки излагают историю осады Пуатье (см. Клод Хатон, II, 375 и далее; Ла Попелиньер, книга XVII; Д'Обинье, книга V, глава v; Клод Хатон, II, 534; Де Ты, книга XLV; Либерж, *Обширные рассуждения о се это свершившийся факт в осаде Пуатье*, 1569, новое изд., 1846, Бошет-Фелло; *Воспоминания Жана д'Антраса*, изд. Кансаладе и Тамизи де Ларрок, 1880; см. также Уайтхед, *Гаспар де Колиньи, адмирал Франции*, 215, 216; Бабине, *Воспоминания об античном обществе. de l'ouest, séries II, Vol. XI*). История осады также изложена в неопубликованном письме Карла IX герцогу Неверскому от 10 сентября 1569 г., F. Fr., 3, 159, № 195.

[1360] Письмо Екатерины Медичи герцогу Анжуйскому: одобрение его ложной атаки на Шательро (см. Приложение XVIII), не опубликовано в *Корреспонденции*.

[1361] *Нер. Тоск.*, III, 595.

[1362] И Ла Нуэ, глава xxvi, и Д'Обинье, III, 119, подчеркивают состояние армии.

[1363] Обычай целовать землю в момент атаки врага, по-видимому, был характерен для швейцарцев и немцев (Д'Обинье, книга V, глава li). xvii, 120; Брантом, VI, 221 и 522).

[1364] Клод Хатон, II, 581.

[1365] Клод Хатон, II, 585.

[1366] *Там же.*, 582.

[1367] La Noue, глава I. xxvi. И Генрих, и Людовик Нассауский участвовали в этом сражении, причем последний бросил учебу в университете ради войны.—Languet, *Epist. secr.*, I, 117; *Archives de la maison d'Orange-Nassau*, III, 323.

[1368] Жан де Серр, 526, 527. См. Письмо Норриса от 19 декабря 1569 г., приложение XIX.

[1369] Делаборд, III, 162.

[1370] *Память де Конде*, I, 207; Д'Обинье, III, 113, 114; *Арх. курс.*, сери I, VI, 875.

Поздравительное письмо Пия V королеве—матери от 17 октября 1569 г. характеризует Колиньи как “*hominem unum omnium fallacissimum, execrandaque memoriae*, Гаспарема де Колиньи, который выступает за истию правящего адмирала герита”. -Поттер, *Пай V*, 67, изд. Губан, книга III, письмо 43, стр. 236. Должность адмирала была объявлена вакантной 15 июля 1569 года (Coll. Годфруа, CCLVII, № 69).

[1371] *C. S. P. For.*, № 456, 459, 464, 486, октябрь 5, 6, 10, 27, 1569. Это было далеко от выплаты рейтерам того, что им задолжало правительство. Они служили тринадцать месяцев и получали жалованье только за три; им все еще причиталось 2 000 000 крон (*там же.*, № 543, 19 декабря 1569 г.).

[1372] О сопротивлении Сен-Жан-д'Анжели см. Д'Обинье, книга V, глава xix; Ла Нуэ, глава III. xxvii; Попелиньер, Книга XX.

[1373] *Там же.*, № 511, 21 ноября 1569 г. Среди них были и герцог Алансонский, и принцесса Маргарита, будущая жена Генриха IV. Заболеванием была оспа (*там же.*, № 502, 3 ноября, № 543, 19 декабря 1569 г.).

[1374] Делаборд, III, 72; *Нер. Тоска.*, III, 608.

[1375] *C. S. P. For.*, № 514, 515, 576, 24, 25 ноября 1569г.

[1376] *C. S. P.*, для., 24 ноября 1569 г., Жанна д'Альбре принцам Наваррскому и Конде. Not in Rochambeau, *Lettres d'Antoine de Bourbon et de Jehanne d'Albret*.

[1377] На этот раз произошла неловкая задержка из-за того, что охранная грамота Телины предусматривала его приезд к королю, но не делала никаких заявлений относительно его отъезда. 14 декабря королева Наварры и ее сын потребовали от короля “*un passeport plus epough*”. Когда оно пришло с исправленной формой, переговоры были возобновлены (*Комментарии и письма Монлюка*, III, 263, примечание; *C. S. P. For.*, № 643, январь 1570 г. Подробнее об этих затянувшихся переговорах см. La Popelinière, книга XXII; Delaborde, III, 176 и далее.). В приложении XX вы найдете длинный документ, состоящий из большого количества статей, предложенных королевой Наваррской, принцами Наваррским и Конде и другими вождями гугенотской партии для умиротворения Франции и разделенных на главы религии, реституции товаров и поместий, совета и правосудия, оружия и финансов, а также мер, которые необходимо принять для обеспечения исполнения эдикта (4 февраля 1570 г.).).

[1378] *C. S. P. For.*, № 644, январь 1570 г., статьи, отправленные королевой Наваррской королю.

[1379] *История. дю Ланг.*, V, 508, примечание. Парламент Тулузы был особым объектом критики со стороны гугенотов. В соответствии с мирным актом они были освобождены от его юрисдикции.

[1380] *C. S. P. For.*, № 672, 3 февраля 1570 г.; ср. *R. Q. H.*, XLII, 112-15, скопировано из Архива; Делаборд, *Колиньи*, III, 180.

[1381] *C. S. P. For.*, № 682, 10 февраля 1570 г. Только не в Рошамбо.

[1382] Там же., № 674, 5 февраля 1570 г. Эта информация была передана Жанне д'Альбре в перехваченном пакете (там же., № 689, 17 февраля 1570 г.).

[1383] Уоддингтон, “Франция и протестанты, все, что связано с Карлом IX и Генрихом III”, *Историческое ревю.*, XLII, 256 и далее.

[1384] Королева Наваррская Карлу IX. Получила его письмо и передала его ответ своему сыну и племяннику, а также дворянам, которые находятся с ними. Уверяет его, что для них невозможно жить без свободного исповедания своей религии, которую в конце концов он будет вынужден предоставить, и заявляет, что все те, кто советует ему иное, не являются его истинными подданными (С.Р.С. *Испания*, № 683, 11 февраля 1570 г.). Только не в Рошамбо.

[1385] Де Ту определенно говорит, что Париж и двор были безразличны к судьбе отдаленных провинций до тех пор, пока война не коснулась и их (Т. VI, книга XLVII, стр. 37).

[1386] “Compertum nobis est nullam esse Satanae cum filiis lucis communionem; ita inter catholicos quidem et haereticos nullam compositionem, nisi fictam fallaciisque plenissimam, fieri posse pro certo habemus.”—Potter, *Pie V*, 86 (ed. Gouban), книга 4, письмо I, стр. 269; Пий V Карлу IX, 29 января 1570 г. На стр. 272 приведено письмо в том же духе герцогу Анжуйскому, написанное в тот же день.

[1387] Де Рубле, *Комментарии и письма Монлюка*, VII, 184, примечание; V, 135; письмо Монлюка, 31 октября 1568г.

[1388] Там же., IV, 335.

[1389] Следует сожалеть, что нет монографии об истории этих виконтов. Это стоило бы сделать. Communaу, *Les Huguenots dans le Béarn et la Navarre*, and Durier, *Les Huguenots en Bigorre*, 1884, are valuable collections of documents. Источники в основном находятся в местных архивах Верхнего Лангедока, Гайенны, Керси, Аженуа и Руэрга. Моя информация полностью почерпнута из двух названных выше работ и Montluc; D'Aubigné; *Hist. дю Лангедок*, V; Курто, *Блез де Монлюк*, Париж, 1908; и Марле, *Граф де Монтгомери*, Париж, 1890.

[1390] *История. du Lang.*, V, 155, 156.

[1391] Де Рубле, *Комментарии и письма Монлюка*, IV, 354, 399, примечание.

[1392] *История. du Lang.*, V, 501; *Commentaires et lettres de Montluc*, II, 399, note; V, 268 note.

[1393] *История. du Lang.*, V, 495.

[1394] *История. du Lang.*, V, 495, 496; La Popelinière, Book XIII.

[1395] *Комментарии и литература Монлюка*, III, 208.

В *Государственных документах, Foreign, elizabeth*, Vol. CXV, № 990 - это документ, показывающий провинции, удерживаемые протестантами. Оно не датировано, но упоминание виконтов в нем показывает, что оно относится к этому времени (напечатано в Приложении XXI).

[1396] *История. ду Ланг.*, V, 576, примечание.

[1397] Борднав, 166; *История. du Lang.*, V, 575.

[1398] Борднав, *История. de Béarn et de Navarre*, 268-77.

[1399] Ольхагарай, *История Фуа, Наварры и Беарна* (1609), 578, однако, указывает дату 4 марта.

[1400] Борднав, *История Беарна и Наварры*, 216.

[1401] *Комментарии и литература Монлюка*, III, 245.

[1402] В F. Fr., 15,558, fol. 293, это мемуары Жана де Монлюка королю от июля 1569 года, в которых перечисляются боеприпасы и провиант армии перед Наварреном.

[1403] *Память де Гаш*, 90.

[1404] Я не знаю, известен ли фактический текст этой совместной комиссии. Montgomery, in his letter at this time styled himself as follows: Lieutenant-général du roy en Guyenne, depuis la cousté de la Dordogne jusques aux Pyrénées, en l'absence et sous l'autorité de messeigneurs les princes de Navarre et de Condé, lieutenant et protecteur de Sa Majesté, conservateur de ses édits et aussi lieutenant-général de la reine de Navarre en son comté de Bigorre!—De Ruble, *Commentaires et lettres de Montluc*, III, 266, note.

[1405] Маршрут Монтгомери указан в Приложении XXII.

Следует различать две части экспедиции Монтгомери к югу от Дордони: во-первых, союз с виконтами и, во-вторых, кампанию против Террида, хотя они были сильно смешаны.

Источниками и авторитетами для истории этой короткой войны являются: Коммуне, *Гугеноты Беарна и Наварры*; Дюрье, *Гугеноты в Большом бою*; Борднав, *История. de Béarn et de Navarre*, Book VII; Montluc, *Comment. et Lettres*, III, книга VII, стр. 254-89, и его письма за сентябрь 1569 г. в т. V, стр. 164 и далее; Д'Обинье, книга V, глава xiv; Ла Попелиньер, книга XVIII; *История. du Lang.*, V, 578-87; Дюпле, *История Франции*— его отец был одним из капитанов Монлюка и некоторое время маршалом лагеря Бирона в Гиенне; Марле, *граф де Монтгомери*; Курто, *Блез де Монлюк*, глава xi. Барон де Рублев, изд. Montluc, V, 211, note, says: “Les documents inédits sont presque innombrables. Outre les lettres conservées à la Bibliothèque Nationale, principalement dans la collection Harlay, St. Germain, vol. 323 et suivants, nous citerons, aux archives de Pau la série B 952 à 958: les registres consulaires d'Auch, les registres de Larcher aux archives de Tarbes, les registres consulaires de Bagnères-de-Bigorre.” В местных архивах Бигорре хранится множество писем Монтгомери. Некоторые из них были опубликованы в *Arch. de la Gascogne*, VI.

[1406] *Комментарии и литература Монлюка*, III, 286.

[1407] *История. du Languedoc*, V, 164.

[1408] Дамвиль игнорировал ограду Монлюка до ноября, когда он написал королю в свое оправдание, предоставив полный отчет об их кампании против Монтгомери (De Ruble, *Commentaires et lettres de Montluc*, V, 243-57, примечания; Coll. Годфруа, CCLVII, № 75 и 84. Первое напечатано в *Архиве Жиронды*, II, 148; *Hist. du Lang.*, V, 521, примечание 2; последнее приведено в томе XII, предшествующем, примечание 304). Дамвиль, по-видимому, предвидел расследование, поскольку он тщательно отложил в сторону все письма Монлюка с 26 мая по 22 октября 1569 года. 27 февраля 1570 года Дамвиль направил королю язвительное обвинение в адрес курса Монлюка. В нем он объявил Монлюка опрометчивым самозванцем и обвинил его в

принуждении жителей Гиенны платить несправедливые выкупы; в насилии над женщинами; в нецелевом использовании государственных средств; и утверждал, что добивался расследования своего собственного поведения (De Ruble, *Montluc*, III, 394; V, 269, и примечания; *Hist. du Lang.*, V, 529, примечание 3; письмо было впервые опубликовано Le Laboureur в *Дополнениях к Castelnau*, II, 130, по копии из собрания Дюпюи, том 755. М. Тамизи де Ларрок обнаружил оригинал в Собрании. Годфруа в нагруднике. de l'Institut). Однако большинство людей того времени осуждали соперничество между этими двумя католическими вождями юга, не принимая чью-либо сторону (см. *Архивы Жиронды*, II, 148). Испанский шпион Монлюка, Бардакси, естественно, упрекает Дамвиля (K. 1574, № 154). Вероятно, никакое справедливое суждение не может быть вынесено до тех пор, пока не будут тщательно изучены все источники. "Жизнь Дамвилля" - крайне необходимая работа; это богатая тема для любого студента-историка.

Недавняя работа М. Курто, *Блез де Монлюк*, 538-40, 551-53, 557-59, подробно описывает эту вражду между Монлюком и Дамвилем. В основном автор встает на сторону маршала — "Дамвиль признает свершившиеся факты и не желает использовать их в боевых действиях против Монгонмери" (стр. 551). He declares that "prudemment, il [Montluc] a passé dans son livre ce grave incident sous silence" (p. 551). Однако он признает, что если бы король приказал провести расследование, Дамвилю было бы за что ответить (стр. 559).

В архивах Санкт-Петербурга хранятся многочисленные письма Карла IX Монлюку. В них Шарль рассуждает о неприятном поведении Монлюка по отношению к Жанне д'Альбре и одновременно пытается подавить неутомимую пропаганду королевы, чтобы она не разозлила Испанию, и обуздать Монлюка из-за его возмутительного поведения и прославленной крови королевы Наварры (La Ferrière, *Взаимопонимание*, 22.) Письма маршала Монморанси и маршала Дамвиля также находятся в этом томе. Работы последнего охватывают историю всех кампаний Монтомери в Беарне. Он осуждает Монлюка за смерть Террида. Лаконичный язык маршала разительно контрастирует с риторическими жалобами Монлюка (La Ferrière, *Взаимопонимание*, 44). If we may believe Brantôme, "dans toutes les guerres Montluc gagna la pièce d'argent; auparavant il n'avoit pas grandes finances, et se trouva avoir dans ses coffres cent mille escus." Карл IX однажды резко напомнил Монлюку в письме от ноября 1562 года, что он получает 500 ливров в месяц за свой стол. (La Ferrière, *Blaise de Montluc d'après sa correspondance inédite*, Mém. lus à la Sorbonne, 1864.)

[1409] Колиньи быстро воспользовался возможностью, предоставленной на юге, чтобы продолжить там войну до тех пор, пока корона не договорится с гугенотами. После захвата королем Сен-Жан-д'Анжели Колиньи переправился через Луару, чтобы присоединиться к Монтомери (ср. Делаборд. III, 157, 161, 169, 170; *Монлюк*, III, 347, октябрь; C. S. P. For., № 577, декабрь 1569 г.; Письма из Ла-Рошели кардиналу Шатийонскому). Кардинал получил письма от своего брата адмирала, датированные 22 ноября из Монтобана, в которых сообщается, что с принцами все в порядке, что их армия увеличивается, что рейтеры довольны и получают жалованье, и что нет никаких трудностей присоединиться к Монтомери и виконтам. Их армия будет состоять из 6500 всадников и 12000 аркебузирова. Прокламацию, выпущенную из Монтобана, смотрите в Приложении XXIII. BC.S. P. For., № 667, январь 1570 г., приводится выдержка из письма из Ла-Рошели, описывающего положение армий адмирала и графа

Монтгомери, которые находятся по обоим берегам Гаронны в добром расположении духа и здравии.

[1410] Де Рубле, *Комментарии и письма Монлюка*, V, 263, 264. Письмо Монлюка Карлу IX, 9 января 1570 года. Он пишет почти с разбитым сердцем.

[1411] Опустошение было настолько велико, что король был вынужден перевести *тайль* в Аженуа (арх. муниципалитет. д'Ажен рег. консул., fol. 262). Протестанты были настолько воодушевлены, что даже те, кто жил в Ажене, родном городе Монлюка, осмелились восстать (*Бык. du Com. de la langue et de l'hist. de Франс*, I, 478; Рег. муниципальный. д'Ажен, стр. 254). Можно провести интересное сравнение между правилами управления лагерем, изданными Колиньи в это время — они находятся в К. 1575, № 7 — и правилами, изданными принцем Конде в Орлеане в апреле 1562 года. Пример суровой дисциплины в протестантской армии см. у Клода Хатона, II, 568; ср. Де Ты, книга XXX.

[1412] Де Рублев, *Комментарии и письма Монлюка*, III, 74.

[1413] Там же., 314.

[1414] Де Рубле, указ. соч., III, 315-29; Хладнокровие Монлюка поразительно, когда он пишет.

[1415] Делаборд, III. 157, 161, 169, 170. В начале 1569 года Монлюк направил жалобу Карлу IX, протестуя против такого экспорта зерна. Эта торговля пошла на пользу коменданту гасконского побережья, который был братом епископа Аженского, и жалоба Монлюка послужила поводом для язвительной переписки, сохранившейся в Coll. Харлей Сен-Жермен, № 323, который проливает некоторый свет на интересный вопрос о торговле в шестнадцатом веке (см. *Комментарии и письма Монлюка*, III, 395, примечание).

[1416] Смотрите наблюдения Монлюка в III, 368, 369. На стр. 367 он дает энергичный отчет о нападении рейтеров на Монбрен, описывая, как они сражались в непосредственной близости от города.

[1417] C. S. P. For., № 543, 19 декабря 1569г.

[1418] Рубль, *Комментарии и литература Монлюка*, III, 262.

[1419] Он принял это задолго до того, как историки приписали ему эту честь (там же., 382).

[1420] Там же., 366.

[1421] “Il devoit considérer l'importance de la place qui estoit sur deux rivières.”—Там же.

[1422] Там же., V, 266.

[1423] Все это произошло в ночь с 15 на 16 декабря (*Комментарии и письма Монлюка*, III, 384, 385). Де Ты, V, книга XLV, 666-68, и Попелиньер, книга XXII, оба рассказывают эту историю. Ученая диссертация по *истории. ду Ланг.*, XII, примечание 5, проясняет ряд неясных моментов в этих отчетах.

[1424] Последнее из них дошло до 3 января 1570 г. (*Монлюк*, III, 384-91, и его письмо от 9 января, V, 261-64).

[1425] Описание Блэя см. *Отв. vén.*, I, 22, 23.

[1426] Описание Brouage см. *Отн. vén.*, I, 27.

[1427] Источники единодушны по этому вопросу, как протестантские, так и католические (La Noue, *Disc. polit. et milit.*, chap. xxix; La Popelinière, Book XXII; Montluc, *Comment.*, III, 395; Brantôme, ed. Лаланн, IV, 322; *История. ду Ланг.*, V, 527-29, примечание; Делаборд, III, 189). Бесчинства рейтеров были настолько велики, что для регулирования их поведения потребовался особый распорядок дня (см. К. 1575, № 17).

[1428] За девять месяцев, прошедших между битвой при Монконтуре и Сен-Жерменским миром, армия гугенотов прошла более 300 лиг.

[1429] Попелиньер, книга XXII; Ла Нуэ, глава xxix; *Историческое ревю.*, II, 542, 543.

[1430] Наблюдение Ла Нуэ по этому поводу любопытно; ср. Delaborde, III, 205.

[1431] Ср. Заявления Елизаветы о нейтралитете Норрису (C. S. P., *For.*, № 704, 23 февраля 1570 г.). По ту сторону Ла-Манша кардинал Шатийонский сделал все, что мог, чтобы заручиться поддержкой английской королевы для гугенотов (там же., № 742, послание кардинала Сесилу, 9 марта 1570 г.; ср. Делаборд, *Колиньи*, III, 185); Ла Ферьер, *Le XVIe siècle et les Valois*, 254-56; и письмо кардинала принцу Оранскому, 23 апреля 1570 г. (*Arch. de la maison d'Orange-Nassau*, III, 373-77). Но не от Англии напрямую, а от Германии, под влиянием английского золота, Франция искала помощи, чтобы прийти к гугенотам (C. S. P. *Vén.*, № 476, 26 февраля 1570 г.).

[1432] См. Приложение XXIV.

[1433] *Государственные документы, Иностранные*, Элизабет, том. CXII, № 693 j, кардинал Лотарингии до... 4 мая 1570 г., см. Приложение XXV.

[1434] Колл. "автографы М. Пиктона", № 67. Приказ, подписанный кардиналами Лотарингии, Бурбона и Пеллеве, 24 июня 1570 г. об отчуждении 50 000 экю *ренты* из имущества церкви.

[1435] *Комментарии и литература Монлюка*, III, 332.

[1436] Сам документ до сих пор хранится в национальном архиве, К. 1725, № 41. Оно датировано 16 июня 1570 года и подписано Л'Обеспайном.

[1437] Он занял 4000 ливров, главным образом в Бордо; боеприпасы поступали из Тулузы и Байонны. Провинции были обязаны поставлять припасы (*Комментарии и письма Монлюка*, III, 400). В консульских реестрах Ажена и Оша до сих пор хранятся записи о его запросах. Согласно донесению испанского шпиона, в К. 1576, № 5, силы состояли из 10 000 пехотинцев, 1500 всадников и 18 артиллерийских орудий. Это, конечно, преувеличено. Его *комментарии* подразумевают, что его людей было немного, и он прямо говорит, что у него не хватало боеприпасов и артиллерии.

[1438] *Комментарии и литература Монлюка*, III, 401.

[1439] *Комментарии Блеза де Монлюка*, переведенные Коттоном, 368, 369. Это произошло 23 июля 1570 года. Чтобы довершить унижение Монлюка, Карл IX занял его место, не дав ему возможности уйти в отставку, назначив своим преемником маркиза де Виллара. Он добрался до

Гиенны только 22 октября. Тем временем его брат Жан де Монлюк, епископ Валанса и комиссар финансов в Гиенне, который был настолько же политиком, насколько другой был фанатиком, осуществлял за него власть. Гасконью управлял сеньор де Виг (*Комментарии и летописи Монлюка*, III, 434).

[1440] *C. S. P. Испания*, № 687, 15 февраля 1570г.

[1441] *Ibid.*, для., № 1023, 20 июня 1570 г., Ла Нуэ кардиналу Шатийонскому; там же., № 1107, 22 июля 1570 г.; Хаузер, *Ла Нуэ*, 20-22. Он получил прозвище “Железная рука” (*Bras-de-fer*) из-за того, что впоследствии носил механизм, сделанный из железа, с помощью которого, по крайней мере, мог управлять своей лошадью.

[1442] О кампании Колиньи в Руэрге и Севеннах весной 1570 г. см. *Историческое ревю.*, II, 537-39, письма кардинала Арманьяка от 1 апреля, 11 апреля и 10 мая.

[1443] Делаборд, III, 209-15.

[1444] *Нег. Тоск.*, III, 618.

[1445] Парламент Тулузы решительно протестовал против указа (*Hist. du Lang.*, V, 538, примечание 5). Сен-Жерменский мир был зарегистрирован парламентом 11 августа 1570 года (*C. S. P. For.*, 11 августа 1570 г.; ср. Delaborde, III, 230, 231). Папа со смешанной тревогой и сожалением по поводу Сен-Жерменского мира написал кардиналам Бурбонским и Лотарингским 23 сентября 1570 года (*Potter, Pie V*, 103, 107, изд. Губан, книга IV, письмо 7, стр. 282, 285).

[1446] Отличное обсуждение феодальных интересов и политики гугенотов в гражданских войнах см. В Weill, *Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion*, 73-80.

[1447] Смотрите письмо папского нунция Филиппу II от 26 июня 1570 г. в приложении XXVI. Папа выразил протест еще раньше (послание Пия V кардиналу Лотарингии от 2 марта 1570 года с неодобрением условий мира). Король, даже будучи побежденным, не должен был соглашаться на такие отвратительные условия. Скорбь папы тем сильнее, что кардинал согласился с ними (*La Ferrière Rapport*, 55).

[1448] В 1562 году из опасения, что мориски могут вступить в сношения с маврами Африки, правительство Испании запретило им применение оружия. В 1567 году была предпринята попытка подавить их язык и отменить их национальные обычаи. Последовала ужасная война. Дон Иоанн Австрийский окончательно подавил восстание после того, как оно длилось десять лет. Но в 1570 году, в ожидании турецкого нападения с запада, мавры снова восстали, и Испании пришлось пойти на компромисс (*Архивы дома Оранжевых в Нассау*, III, 361; ср. Lea, *Мориски Испании*).

[1449] *C. S. P. Ven.*, № 485, 20 июля 1570г.

[1450] *Нег. Тоск.*, III, 439.

[1451] “Монморанси в моде при дворе”. — *C. S. P. For.*, № 1,216, Норрис королеве, 31 августа 1570 г. Чтобы повысить его престиж в то время, требование Монморанси о праве первенства при

дворе, которое оспаривал герцог Майенский, было решено Тайным советом в его пользу (C. S. P. For., № 1083, 9 июля 1570 г.).

[1452] Кристофер де Ту королю, 2 декабря 1570 г., защищающий парламент от обвинений в несправедливости по отношению к кальвинистам: “Может быть, это преступление и оно отвратительно, не так ли, скауро осуждает пунира, и серость плюс еще кое-что из того, что вызывает отвращение у народа ремиссия о великой суровости, к которой апеллирует круоте”. Он и его коллеги желают, чтобы герцог Анжуйский вступил во владение своим уделом, чтобы герцогство Алансонское находилось под юрисдикцией парламента Парижа, а не Нормандии (Сборник la Jarriette, № 2796).

[1453] Сэр Генри Норрис под датой 23 сентября свидетельствует, что “в здешнем государстве очень тихо, все раздоры и старые обиды кажутся совершенно похороненными, и люди живут в доброй надежде на их продолжение, поскольку виновник всех бед [кардинал Лотарингии] в этом королевстве не в чести” (C. S. P. For., № 1285, Норрис - Сесилу). Рейтеры, возвращаясь домой, разграбили ярмарку Шампани (Клод Хатон, II, 592 и примечание).

[1454] Тридцать статей с жалобами на нарушения Эдикта о умиротворении и пожеланием, чтобы они были исправлены, с ответами короля на полях (C. S. P. For., № 1323, октябрь 1570 г.).

[1455] Там же., № 1,359. Этим указом Пьер Рамюс был исключен из колледжа Преля.

[1456] Ordonnance du Roy sur les defences de tenir Escolles, Principaultez, Colleges; ny lire en quelque art; ou science que ce soit, en public, privé ou en chambre, s'ilz ne sont congenuz et approuvez esté de la Religion catholique et romaine. Avec l'Arrest de la court du Parlement. Пуатье, Б. Носеро, 1570.

[1457] Клод Хатон, II, 610 и 617.

[1458] Там же., 629.

[1459] Там же., 740.

[1460] Письмо Шартрского от имени маршала Монморанси, 3 октября 1570 года. См. Приложение XXVII. Схема возникла у видама де Шартра и кардинала Шатийона (см. Ла Ферьер, “Проекты брака короля Англии”, *Revue des deux mondes*, 15 сентября 1881 г., стр. 310); ср. Юм, *Ухаживания королевы Елизаветы*, 115. В 1563 году принц Конде фактически предложил Карлу IX и Елизавете пожениться (*Revue des deux mondes*). 15 Августа 1881 г., стр. 861.

[1461] C. S. P. For., № 1,521, 27 января 1571 г. Уолсингем - Сесилу.

[1462] Такое предложение, по сути вещей, не могло быть принято. Помимо того факта, что Франция на данном этапе не желала продвигать какое-либо дело, отстаиваемое Испанией, для Франции было слишком много практических преимуществ в поддержании *сердечного согласия* с турками. Турецкое влияние могло быть использовано на императора, чтобы нейтрализовать его противодействие французским предприятиям в Польше; более того, Франция лишь недавно заключила выгодный торговый договор с султаном. Об отношениях Франции и Турции в это время см. Du Ferrier, *Посол либералов в ООН при Шарле IX и Анри III*, 44-102; Фламент, “Франция и лига против Турции (1571-73)”, *Rev. d'hist. dip.*, XVI, 1902, стр. 619; Янссен, *История немецкого народа*, VIII, глава v, “Турецкие войны до 1572 года”. Лига христианских держав, кульминацией

усилий которой стало знаменитое сражение при Лепанто, была сформирована в мае 1571 года. Ее руководителями были король Испании, папа Римский и Венеция. Испания должна была предоставить половину сил, венецианцы - треть, а папа римский - остальное. Захват Кипра турками весной 1570 года был непосредственной причиной его образования (ср. *Повествование об успехах, нападениях, обороне и принце Кипрской королевы во время войны*, свидетельство Ф. Анжа де Лузиньяна, Париж, 1580; *Комментарии герры о Кибро и легии принципов Кристиана против Турции*, ди Бартоломео Серено, 1845; Herre, *Europäische Politik в кипрский криг*, 1570-73, Лейпциг, 1902 — обзор этого есть в *английской истории. Обзор*, XIX, 357; Миллер, “Греция под властью турок, 1571-1684”, *Английская история. Обзорение*, XIX, 646). Европа ожидала двойной атаки со стороны мусульманства, как в Средиземноморье, так и на суше против Венгрии и Трансильвании, как в 1530 году. Венеция дрожала за Зару в Далмации. Эти опасения были не напрасны. Военные приготовления султана зашли так далеко, что он предложил помилование всем преступникам, за исключением мятежников и фальшивомонетчиков, которым предстояло служить на галерах. Зимой 1570-71 годов флот союзников находился в Кандии в ожидании подкрепления. Но среди союзников царили огромная тревога и недовольство, поскольку ничто, кроме ощущения общей опасности, не могло объединить Венецию и Испанию или Венецию и папу римского. В политике Европы Венеция была нейтральной державой, а нейтралитет в религиозной политике того времени, в глазах Филиппа II, был почти равнозначен ереси. Более того, как это было неизбежно, утомительность приготовлений и коррумпированность должностных лиц флота были настолько велики, что люди даже умирали от голода, вызванного мошенничеством. Только администрация Венеции, по-видимому, была эффективной.

[1463] *Посольство Сен-Сюльпис*, 150.

[1464] *Объединения народов Леванта*, III, 13.

[1465] *Посольство Сен-Сюльпис*, 261, 267.

[1466] *Описания М. Фуркево*, II, 28; III, 41.

[1467] Сэр Томас Смит, английский посол во Франции, описал ее в январе 1571 года как “хорошенькую маленькую леди, но справедливую и благосклонную”. — *C. S. P. For.*, № 8.

[1468] Даже на официальной церемонии обручения (Годефруа, *Церемониал Франции*, II, 20) в соборе в Шпейере проявилась скрытая враждебность Франции и Испании. Испанский посол отказался отдать предпочтение послу Карла IX и поэтому удалился, венецианский посланник был вынужден сделать то же самое из-за союза между этими двумя державами (*C. S. P. For.*, № 1355, Кобхэм Сесилу, 22 октября 1570 г.). Другие подробности см. в № № 1,267, 1,275, 1,377, 1,430. О переговорах см. *Воспоминания де Кастельно* (изд. Рабочий), II, Книга VI, 467.

[1469] *Рел. vél.*, II, 255. Киллигрю в письме лорду Берли от 29 декабря 1571 г. проникательно заметил, по поводу изменения, что “некоторые из последователей Гиза не позволили себе сказать, что герцог Альва знал дорогу к воротам Парижа”. — *C. S. P. For.*, № 2196. Пример интриги Бирага, причем самой постыдной, в связи с предполагаемым браком Генриха Наваррского и Маргариты Валуа см. в *La Ferrière, Rapport*, 43. Гугеноты надеялись на отзыв Лопиталья. — *Нег. Тоск.*, III, 641.

[1470] Янссен, *История немецкого народа*, VIII, 117 и далее.

[1471] *C. S. P. For.*, № 1590, 5 марта 1571г.

[1472] Это острое наблюдение венецианского посла (ср. *C. S. P. Ven.*, 515, 1 августа 1571 г.).

[1473] Герцог Монморанси лорду Берли, 20 мая 1571 г., см. Приложение XXVIII. Обо всех переговорах см. Ла Ферьер, “Элизабет и герцог Анжуйский”, *Revue des deux mondes*, 15 августа 1881 г., стр. 857; 15 сентября 1881 г., стр. 307.

[1474] Эти слова были использованы в отношении Де Фуа (*C. S. P. For.*, № 1632, 1 апреля 1571 г., Уолсингем - Берли).

[1475] *Там же.*, № 1739, 25 мая 1571 г.; № 1813, Фрэнсис Уолсингем лорду Берли: Он сказал ей, что передал форму английских молитв месье де Фуа, форму, которую папа подтвердил бы собором как католическую, если бы королева признала то же самое, что получила от него (Примечание на полях: “предложение, сделанное кардиналом Лотарингии в качестве сэра Н. Трогмортон показал мне”). Что королева должна была предпочесть спокойствие своего королевства всем остальным. Никогда прежде Франции не предоставлялся подобный случай для получения выгоды и репутации.

[1476] Отчет о конференции Уолсингема и Де Фуа, *К. С. П.*, № 1732, 25 мая 1571г.

[1477] Анекдот, сообщенный Уолсингемом Берли, *К. С. П.*, *За.*, № 1813, 21 июня 1571г.

[1478] *Ibid.*, *Ven.*, № 576, 16 августа 1571 г.; *там же.*, *Для.*, № 1928, 17 августа 1571 г.

[1479] *Там же.*, № 1,883, 27 июля 1571 г. Де Фуа и Монтгомери были глубоко обескуражены, причем первый заявил Уолсингему, что “ни в одном деле своей жизни он не занимался так усердно” (*там же.*, № 1732). “Королева-мать никогда так сильно не плакала со дня смерти своего мужа” (*там же.*, № 1886, 30 июля 1571 г.). “Королева - мать была в слезах ... Господин де Лимож сказал это ... он никогда не видел короля в большем раздражении, а королева-мать плакала горячими слезами” (*там же.*, 8 января 1572 г.).

[1480] *Там же.*, № 1886, 30 июля 1571г.

[1481] *C. S. P. For.*, № 20, 7 января 1572г.

[1482] *C. S. P. For.*, № 23, 9 января 1572 г., Смит -Берли.

[1483] Королева Уолсингему: Просит его выразить французскому королю и королеве-матери свое глубокое сожаление по поводу того, что она не может согласиться на их предложение, сделанное месье де Монморанси о ее браке с герцогом Алансонским, и заверить их, что единственные препятствия возникают из-за большой разницы в их возрасте и из-за плохого мнения, которое может сложиться о ней в мире. таким образом (*C. S. P. For.*, № 496, 20 июля 1572 г.; ср. № 375, 25 мая, инструкции графу Линкольну).

[1484] Это возражение было настолько трудно высказать, не оскорбив, что английским посланникам потребовалась вся деликатность, чтобы вообще что-либо сказать. В *C. S. P. For.*, № 494 от 20 июля 1572 г., будет найден черновик инструкций Уолсингему, написанный рукой Берли по этому вопросу, с его подписью: “Не отправлено”. Берли, очевидно, предпочел оставить этот деликатный вопрос своему суверену. Письмо королевы Уолсингему, *там же.*, № 502, 23 июля 1572 г., полностью напечатано Диггесом, стр. 226.

[1485] Комментарии Смита к Берли - сама искренность. “Эти два брата почти стали ‘Капитанами Гвельфи и Гибеллини’. У одного в свите одни паписты, другой — прибежище и поддержка всех гугенотов, добрый малый и страстный принц”. - *Там же.*, № 23, 9 января 1572 г. Он умаляет недостатки Алансона замечанием, что “он не такой высокий и белокурый, как его брат, но это так, как воображается”, и добавляет: “Тогда он не такой упрямый, папистский и норовистый, как мул, как его брат”. — *Там же.*, № 28, 10 января 1572 г.

[1486] Подробнее об этом договоре читайте ниже. Письмо Колиньи проанализировано в *C. S. P. For.*, № 500, 22 июля 1572 г. (не в Делаборде).

[1487] La Ferté на--; черновик, окончание. Берли: Виндзор, 6 сентября 1572 г. — *C. S. P. For.*, № 555.

[1488] *К. С. П. Для.*, № 502, 23 июля 1572 г., королеве Уолсингему.

[1489] Уолсингем лорду Берли: “... и если он не видит надежды, то продвигать лигу, во что бы то ни стало”. — *C. S. P. For.*, 17 января 1572 г.; *Hatfield Papers*, II, 46.

[1490] Карл IX М. де ла Мот-Фенелону: Поручает ему сообщить королеве Англии, что герцог Альва делает все возможное, чтобы поощрить 500 или 600 английских беженцев во Фландрии в их предприятии против Англии, в котором им поможет лорд Сетон с 2000 шотландцами, которые решили схватить принца Шотландского и отправить его в тюрьму. Испания. Предписывает ему и м. де Кроку наблюдать и делать все, что в их силах, чтобы сорвать этот план (*C. S. P. For.*, № 330, 2 мая 1572 г.; ср. Вступление, xii, xiii и № 257).

[1491] Об усилиях Альвы по возрождению торговли Фландрии см. Д'Обинье, книга V, глава. xxxii, стр. 265; *C. S. P. For.*, № 94, 95, 28 и 31 января 1572 г.; Мотли, *Возвышение Голландской республики*, глава. v; Altmeyer, *Histoire des relations commerciales des Pays-Bas avec le Nord pendant le XVI siècle*; Bruxelles, 1840; Reiffenberg, *De l'état de la population, des fabriques et des manufactures des Pays-Bas pendant le XVe et le XVIe siècle*, Bruxelles, 1822.

[1492] “Ответ купцов-авантюристов на предложение французского короля создать во Франции основной продукт питания” в *C. S. P. For.*, № 515, июль 1572 г.: Для них не было бы товаром иметь привилегии во Франции, поскольку те вещи, которыми они в основном заняты, а именно белые ткани, в основном произносятся в Верхняя и Нижняя Германия. Кроме того, если они изменят свое старое устоявшееся ремесло, им также придется искать отделочников и красильщиков в местах, незнакомых с этим ремеслом. Опасно иметь доступ ко всем товарам королевства в одной стране, особенно учитывая, что у французов небольшая торговля с Англией. Кроме того, во Франции так плохо соблюдаются договоры и так порочно действует правосудие. Французским драпировщикам так не нравится ввоз тканей во Францию, что они этого не потерпят, поскольку в январе прошлого года было объявлено, что все иностранные ткани запрещены. Перевод всей торговли Англии во Францию был бы вреден для военно-морского флота, поскольку порты там настолько малы, что ни одно крупное судно не может войти.

О купцах-авантюристах шестнадцатого века см. Бургон, *Жизнь и времена сэра Томаса Грешема*, I, 185-89.

[1493] *C. S. P. For.*, № 278, 20 апреля 1572 г., королева Елизавета - Карлу IX.

[1494] Уолсингем, *там же.*, № 135.

[1495] *Там же.*, № 143, 26 сентября 1571 г.

[1496] *Там же.*, № 247.

[1497] Уолсингема лорду Берли: Был задан вопрос, будет ли это предприятие успешным, и если французский король направит все свои силы на завоевание Фландрии, королева Англии согласна вступить в Зеландию, передав Миддлбург в ее руки. Они опасаются, что французский король не удовлетворится Фландрией, что бы там ни было обещано (C. S. P. For., № 2202, 31 декабря 1571 г.).

[1498] *Рел. vén.*, I, 543; C. S. P. For., № 687, 15 февраля 1570 г. Сэр Генри Норрис Сесилу. Король хранит свои покои, чему не удивляются те, кто знает его диету.

[1499] набросок характера Карла IX см. в Baschet, *La diplomatie vénitienne*, 539-41; ср. *отн.*, II, 43 и 161. Лорд Бакхерст в письме королеве Елизавете от 4 марта 1571 года рассказывает об одной из охотничьих компаний Чарльза в Венсенском лесу, которая иллюстрирует его темперамент. “После обеда,” рассказывает он, “король поехал к заячьему гнезду, и после того, как он вдоволь наигрался, он полетел к куропатке со стаей очень хороших соколов; и, сделав это, вошел в парк Венсенский лес, пополнив некоторый запас ланей. Поняв, что у лорда Бакхерста есть поводок с борзыми, он послал к нему, чтобы тот натравил своих собак на оленей, что тот и сделал, но обнаружил, что олени бегали лучше для своей жизни, чем собаки для его развлечения. После этого король и все джентльмены, бывшие с ним, перешли к новому способу охоты, преследуя все стадо с обнаженными мечами верхом на лошадях, так далеко, что, будучи загнанными, они были легко поражены и убиты; они не щадили оленей—самцов, но убивали всех видов без уважения, как охотники, которые не стремились вознаградить какую-либо часть своих трудов наслаждением съесть убитую оленину”. -C. S. P. For., № 1589, 4 марта 1571 г. Весной 1573 года французский консул в Александрии прислал Чарльзу трех дрессированных леопардов для охоты на оленей (Coll. Годфруа, CCLVI, № 51). В июне 1571 года король получил несколько серьезных травм на охоте, ударившись головой о ветку дерева (C. S. P. For., № 1777, 8 июня 1571 г.). В марте 1572 года он снова был ранен (письмо короля герцогу Анжуйскому, 21 марта 1572 г., в Coll. Пишон, № 28). Его страсть к охоте часто приводила его к пренебрежению государственными делами, поведение, которое Колиньи однажды резко порицал (C. S. P. For., № 2156, 29 ноября 1571 г.), и он часто болел от переутомления или переохлаждения (*Посольство Сен-Сюльпис*, 301). Сам король вдохновил Луи Леруа де Кутанса на французский перевод латинского трактата шестнадцатого века об охоте, *Либре дю руа Шарля*. Его покровительство также вдохновило на создание другой работы на ту же тему: “Du Fouilloux, La Vénerie de lacques du Fouilloux, Gentilhomme, Seigneur dudit lieu, pays de Gastine, en Poitou. Dédise au Roy Très-Chrestien Charles, neufiesme de ce nom. Avec plusieurs Receptes et Remèdes pour guérir les Chiens de diverses maladies. Avec Privilege du Roy. A Poitiers, Par les de Marnefz, et Bouchetz, frères, около 1565 года.” Карл IX также был склонен к низким розыгрышам. Например, вот что сообщается о нем из Парижа от 18 сентября 1573 г.: король в старом плаще и зловещей шляпе удалился “в маленький домик на мосту от всех дам и там бросал деньги на людей, чтобы собрать их вместе, и развлекался тем, что выливал на них ведра воды, пока они боролись за деньги”. -C. S. P. For., Париж, 18 сентября 1573 г.

[1500] Уолсингем докладывал Берли 12 августа 1571 года: “Этот принц гораздо рассудительнее, чем кажется внешне. В его царстве нет никого, чьи несовершенства и добродетели были бы ему неизвестны”, хотя, добавляет он, “те, кто любит его, сетуют на то, что он так чрезмерно предается удовольствиям”. —*Там же.*, № 1921.

[1501] В мае 1571 года Личины были дискредитированы. Герцог отправился в Жуанвиль, кардинал Лотарингии - в Реймс, герцог Майенский отправился в Турцию. Гиз вернулся в Париж только в январе 1572 года (Буйе, *История герцогов де гизов*, II, книга IV, глава iv).

[1502] “Он появлялся в любое время возле кресла его величества на тех же условиях, что и лорды, которые никогда не покидали двор” (С. S. P. Ven., № 576, 15 сентября 1570 г.). В это время Колиньи впервые стал членом *королевского совета* (Солдан, *ул. Сен-Бартлумеяуснахт*, 39). В то время Блуа был практически столицей Франции. Парижа избегали как для того, чтобы не вызывать подозрений у гугенотов, так и из-за его симпатий к Гизару. “Он менял цвет с белого на черный, как только оказывался в Париже”, - сказал Уолсингем о короле. Капефиг, *История. de la réforme*, III, 92, points out Blois was “le siège naturel d’un gouvernement qui voulait s’éloigner du catholicisme fervent. Placé à quelques lieues d’Orleans, donnant la main à la Rochelle, et par la Rochelle, se liant au Poitou, à la Saintonge, au Béarn.”

[1503] Король ни о каком другом подданном не думает лучше, чем об адмирале, и есть большая надежда, что он будет использовать его в делах, вызывающих величайшее доверие, поскольку он начинает видеть недостаточность других: одни больше привязаны к другим, чем к нему, другие больше испанцы, чем французы, или больше преданы личным удовольствиям, чем общественным делам (С. P. S. For., № 1,921, 12 августа 1571 г.).

[1504] Альва Филиппу II, 5 апреля, 22 мая 1572 г., в Гашар, *Переписка Филиппа II*, II, 239. В декабре 1570 года маршал Коссе был отправлен в Ла-Рошель. В марте 1571 года Коссе и Бирон были отправлены во второй раз.

[1505] См. Уолсингем, Письмо Лестеру от 12 августа 1571 г. Он приобрел большое влияние на Карла IX (Languet, *Epist. ad Camer.*, 132-36, 140. “Граф Людовик — признанный пенсионер короля”.) -С. S. P. For., № 2156, 29 ноября 1571 г. Часть его переписки находится в *Архиве дома Оранж-Нассау*, III.

[1506] О тайной беседе Карла IX, Людовика Нассауского и Ла Нуэ в Блуа см. Д'Обинье, книга VI, глава i, 282; *Воспоминания Гугерье*, I, 25. Этой осенью голландское дело сильно пострадало. 1 и 2 ноября страшный шторм вызвал ужасные наводнения на побережье; сотни судов потерпели крушение; только в Западной Фризии утонуло около 20 000 человек (*Архивы дома Оранжевых в Нассау*, III, 385).

[1507] Подробнее см. Заглавный рисунок, III, 44. Карл IX давал уклончивые ответы на все увещевания испанского посла (Languet, *Epist. секр.*, I, 177, 15 августа 1571 г.).

[1508] С. S. P. For., № 1,578, Уолсингем Сесилу; *Урожд. Тоск.*, III, 694.

[1509] Гашар, *Переписка Филиппа II сюр-ле—Пу-Бас*, II, 239-Альва Филиппу II, 5 апреля 1572 г.; ср. стр. 250; *Архивы дома Оранж-Нассау*, III, 441. Принц Оранский в 1569 году начал практику выдачи каперских свидетельств и репрессий в силу своего положения суверенного принца Оранского. В результате в следующем году Ла-Манш и Бискайский залив были переполнены

судами, враждебно настроенными по отношению к Испании. Самым известным из этих мародеров, которым вскоре суждено было стать известными как “Морские попрошайки”, был Адриан де Берг. Однажды в течение двух дней он капитально отремонтировал и захватил два торговых флота, один из 40, другой из 60 парусных (*apx. de la maison d'Orange-Nassau*, III, 351). О важности Ла-Рошели как морского порта см. Ла-Нуэ, глава. xxviii. Часть переписки Строцци, когда он командовал флотом перед Ла-Рошелею в 1572 году, находится в F. Fr., XV, 555; ср. *Нег. Тоск.*, III, 760-63.

[1510] C. S. P. For., № 1,921, 12 августа 1571 г. Лангуэт делает ответ Карла IX менее категоричным, чем этот. *Languet, Epist. секр.*, I, 177, 15 августа 1571 г. Я склонен полагать, что Уолсингем приукрасил анекдот. Лангуэт показывает колебания Карла IX, стр. 132, 136, 140. Основания для опасений испанского посла за Фландрию были тем более существенными, что гарнизоны, оккупировавшие Сен-Жан-д'Анжели, Ньор, Сент и Ангулем во время последней войны, были недавно размещены в пограничных крепостях Пикардии. На встревоженный вопрос Алавы Карл IX вежливо ответил, что “причина, по которой эти войска были отправлены на границы, заключалась в том, чтобы дать им работу, потому что, если бы король распустил их все сразу, солдаты могли бы взбунтоваться из-за отсутствия жалованья” (C. S. P. Ven., № 499, 19 февраля 1571 г.; № 575, 1 августа 1571 г.).

[1511] “Единственным препятствием к браку между принцем Наваррским и леди Маргаритой является религия”.—C. S. P. For., № 2038, Уолсингем Сесилу, 16 сентября 1571 г. Весь вопрос был передан для урегулирования восьми советникам: представителями гугенотов были Жанна д'Альбре, Ла Нуэ, Луи Нассауский и Франкур (C.S. P. For., 29 марта 1572 г.; *Архивы дома Оранжевых в Нассау*, III, 417). Папа римский возразил, что, помимо разницы в вероисповедании, родители Генриха Наваррского и Маргариты Валуа были родственниками третьей степени, и отказался дать разрешение на брак (*Нег. Тоск.*, III, 712-14). На это возражение гугеноты торжествующе возразили, что папе или любому другому священнику нет необходимости давать разрешение, поскольку это был королевский брак и не подобало принижать власть короля властью церкви (Клод Хатон, II, 661). Радикальные гугеноты, особенно пасторы, яростно сопротивлялись этому браку и опасались, что отказ папы Римского предоставить разрешение может привести к разрыву между Францией и Римом, подобному разрыву Англии при Генрихе VIII (*нег. Тоск.*, III, 733 и 740). В конце концов было решено, что бракосочетание будет совершено священником Римской церкви и что Генри будет сопровождать свою жену на мессу в церкви, где должна была состояться церемония, но что он должен был удалиться до начала службы, чтобы не присутствовать на мессе и не слышать ее произнесения (*там же.*, 662 и примечание, 663, примечание). The cardinal of Lorraine, with his usual “trimming” wrote to the queen mother: “Madame, je vous baise très humblement les mains de ce qu’il vous plaît me mander la conclusion du mariage de madame vostre fille, puisqu’il est au contentement de vos majestés et selon les désirs des catholiques.”—*Сборник автографов*, № 278, 17 апреля 1572г.

О предварительных церемониях бракосочетания Маргариты Валуа и Генриха Наваррского см. *Revue des deux mondes*, 1 октября 1884 г., стр. 560-64.

[1512] C. S. P. Ven., № 516; 15 августа 1571 г. В это время Испания и Франция также столкнулись в Швейцарии. Швейцария отказалась разрешить войскам сражаться с турками на том основании, что швейцарцы не привыкли к войне на море, однако Граубюндон и Тироле собрали

два полка для французского короля (*там же.*, *For.*, № 189, 25 марта 1572 г., из Гейдельберга или Страсбурга).

[1513] “Не было никаких других речей, кроме войны с Испанией”. —Киллегрю лорду Берли, 8 декабря 1571 г.; *C. S. P. For.*, № 2163; ср. *Нер. Tosc.*, III, депеши от 17 и 20 апреля 1572 г. и *C. S. P. For.*, № 2156, 2162, 29 ноября, 7 декабря 1571 г. Альва полностью ожидал войны (Гашар, *Переписка Филиппа II с Пэй-Бас*, II, 259, Альва Филиппу II, 24 мая 1572 г.).

Весной 1572 года Шомберг был отправлен в Германию для заключения союзов с лютеранскими князьями (*арх. de la maison d'Orange-Nassau*, III, 403; *C. S. P. For.*, № 189, 25 марта 1572 г.). Немецкие князья предполагали, что, если Нидерланды присоединятся к короне Франции, эта власть станет слишком могущественной. Они хотели, чтобы Франция удовлетворилась Фландрией и Артуа. Что касается Брабанта и других провинций, которые когда-то зависели от империи, то их целью было поставить их на прежнюю основу и передать управление ими какому-нибудь принцу Германии, которым не мог быть никто иной, как принц Оранский. Голландия и Зеландия должны были быть объединены с короной Англии (Уолсингем, 143, французское изд., письмо Лестеру от 12 августа 1572 г.). И все же, каким бы важным ни был французский проект в Нидерландах, он был лишь частью более грандиозного плана, поскольку Франция стремилась также приобрести решающее влияние в Германии с конечной целью приобретения такого большого господства над германскими государствами, чтобы иметь возможность передать корону империи, веками передававшуюся по наследству в доме Габсбургов, главе французского принца (*Рел. vén.*, I, 445). Этот проект был частью миссии Schomberg в Германии (*арх. de la maison d'Orange-Nassau*, IV, *Introd.*, 23, 268-73). В Германии курфюрст Саксонии и ландграф Гессенский были сильными сторонниками Франции (*там же.*, IV, *Введение*, 25).

Самым решительным сторонником императорской короны Франции был курфюрст палатинский, который горел честолюбивым намерением “кальвинизировать мир” и с жаром поддержал проект, который не мог не принести чести гугенотам. Курфюрст Саксонии и ландграф были менее самодовольны. Первый был другом императора Максимилиана и выразил свое возмущение имперскими притязаниями Карла IX. Даже Вильгельм Гессенский, несмотря на свою наследственную привязанность к короне Франции, дал сдержанный ответ (*там же.*, IV, *Введение.*, 28 и 123).

[1514] Восстание произошло в пасхальное воскресенье, 6 апреля 1572 года. Обо всем, что касалось восстания в Нидерландах в это время, см. Янссен, *История немецкого народа*, VIII, глава. ii; La Gravière, “Les Gueux de Mer,” *Revue des deux mondes*, September 15, 1891, p. 347; November, 1891, p. 98; January 15, 1892, p. 389.

[1515] Смотрите письмо президента Виглиуса Хопперу в *архиве. de la maison d'Orange-Nassau*, III, 415, и *C. S. P. For.*, № 260, 19 апреля 1572 г.

[1516] *Архив дома Оранж-Нассау*, III, 418-19. О союзе, заключенном на Франкфуртской ярмарке, см. *там же.*, III, 448. По всей теме обратитесь к Уоддингтону, “Франция и протестанты, все, что связано с королями Карла IX и Генриха III”, *Revue historique*, XLII, 266 и далее.

[1517] Блуа Мирный договор предусматривал создание оборонительного союза между королевой Елизаветой и Карлом IX и оговаривал объем помощи по морю или суше, которую любая из сторон должна была оказать в случае необходимости; если одна из сторон

подвергалась нападению из-за религии или под каким-либо другим предлогом, другая была обязана оказать помощь; график численности и описание сил для быть взаимно предоставленными вместе с их ставками оплаты труда прилагалось. Де Фрикса и Монморанси были отправлены в Англию для ратификации договора. Полный отчет о великолепном приеме, оказанном Монморанси, можно найти в Холинshed и Бухгалтерской книге Хозяина пирушек. Граф Линкольн отбыл во Францию 26 мая 1572 года. Ему было поручено сказать, если будет сделано какое-либо упоминание об алансонском браке, что Елизавета чувствует себя оскорбленной тем, как с ней обошлись на переговорах в Анжу, и что в любом случае “разница в возрасте должна полностью компенсироваться”.

Текст Блуа-ского мирного договора в Дюмоне, *Дипломатический корпус*, V, часть I, 211. Письмо короля Елизавете после подписи находится в *Бюллетене общества защиты прав человека. français*, XI, 72.

[1518] *Воспоминания и переписка Плесси-Морне*, I, 36-38 (Париж, 1824).

[1519] *Там же.*, II, 20-39; ср. Уайтхед, *Гаспар де Колиньи, адмирал Франции*, 248. Об авторстве мемуаров читайте в Приложении II к тому же ТОМУ.

[1520] К. С. П. Для., № 419, капитан Томас Морган лорду Берли из Флашинга, 16 июня 1572 г.; Гашар, *Переписка Филиппа II*, II, 268, Альва Филиппу II, 18 июля 1572 г.

[1521] La Popelinière, XXVII, 108; Коллекция Фийона, № 133, Карл IX герцогу Лонгвиллю, губернатору Пикардии из Блуа, 3 мая 1572 г. Предписывает ему отремонтировать укрепления Пикардии и быть начеку против герцога Альвы, который вооружался под предлогом подавления восстания Геу.

[1522] Гашар, *Переписка Филиппа II*, II, 356 и примечание 3; *Архивы дома Оранж-Нассау*, III, 425-26; *Воспоминания Гугерье*, 105; см. Отчет Ла Попелиньера (XXVII, 107) о ситуации с город. Это была столица Эно.

[1523] C. S. P. For., № 406, 10 июня 1572 г., Торси.

[1524] *Архив дома Оранж-Нассау*, III, 437.

[1525] Колл. Годфруа, CCLVIII, № 8. Спор Франции с Испанией по поводу судоходства по проливу Слейс.

[1526] *Архив дома Оранж-Нассау*, III, 441-42.

[1527] В *там же.*, 463-64, 467-68 можно найти список главных должностных лиц принца Оранского и городов, находившихся в его подчинении (ср. C. S. P. For., № 374, июль 1572 г.).

[1528] *Там же.*, № 478, 511, июль 1572г.

[1529] Собрание сословий в Дордрехте состоялось 15 июля (*Архив дома Оранж-Нассау*, III, 447).

[1530] Он получил свой отзыв, и герцог Медина-Коэлы был отправлен ему на смену, и в этот час находился на местах, призывая к политике умеренности (Raumer, I, 202). И все же Альва отказался сдаваться (*Архивы дома Оранжевых в Нассау*, III, 437).

[1531] Марш испанской армии, перехватившей Генлис, был настолько точным, что дает основание полагать, что Альва располагал предварительной информацией. Это неопределенно. Мендоса, который был в испанской армии (*Комментарии*, книга VI, глава vii), кажется, подтверждает подозрение. Его рассказ (главы. vii-xiii) очень яркий. Только тридцати людям Дженлиса удалось спастись; остальные были либо убиты, либо утонули. О предупреждениях, данных Дженлису, см. Статью в *Archives curieuses*, VII. Существует неопубликованный отчет о поражении Дженлиса в F. Fr., 18 587, fol. 541. По словам 125-летнего Ла Угерье, он был задушен в тюрьме.

[1532] Это произошло 19 сентября. Смотрите письмо Вильгельма Оранского своему брату Джону, 24 сентября 1572 г., в *архиве дома Оранжевых в Нассау*, III, 511. Ла Нуэ предсказал падение города, когда увидел высоты Жемаппеса, занятые войсками Испании (Хаузер, *Ла Нуэ*, 33).

[1533] Еще 11 августа 1572 года принц Оранский все еще ожидал прибытия адмирала Колиньи в Нидерланды (см. Его письмо брату Джону, датированное этой датой в *Архиве дома Оранж-Нассау*, III, 490).

[1534] Альборнос государственному секретарю Кайасу из Брюсселя, 19 июля 1572 г. (см. Гашар, *Переписка Филиппа II с Пэй-Бас*, II, 269). A note of M. Gachard adds: "Cette lettre, datée de St. Leger, le 27 avril 1572, était écrite par Charles IX au comte Louis de Nassau. Il y disait qu'il était déterminé, autant que les occasions et la disposition de ses affaires le permettraient à employer les forces que Dieu avait mises en sa main à tirer les Pays-Bas de l'oppression sous laquelle ils gémissaient. Une traduction espagnole de cette lettre existe aux Archives de Simancas, *papeles de Estado*, liasse 551." Карл IX. опроверг его подлинность (см. Письмо Мондусэ, французскому агенту во Фландрии, от 12 августа 1572 г. в *Бюллетене Комиссии по истории. de Belgique*, séries II, IV, 342). Адмирал Колиньи, не зная о компрометирующих доказательствах в руках Альвы после неудачи при Монсе, призвал Карла IX немедленно объявить войну Испании как кратчайший и безопасный выход из затруднительного положения (Брантом, *Борьба великих капитанов Франсуа—адмирал де Шатийон*).

[1535] Уже 21 августа Франция имела смелость заявить о своей невиновности в каких-либо предприятиях во Фландрии (Гашар, *Переписка Филиппа II с Пэй-Бас*, II, 271, Филипп Альве, 2 августа 1572 г.; *там же.*, II, 273, Альва Филиппу, 21 августа 1572 г.).).

[1536] Существует запись чрезвычайно любопытного разговора адмирала Колиньи на эту тему с Генри Мидделмором, одним из английских агентов во Франции, в котором последний откровенно сказал: "Из всех других вещей нам меньше всего нравится, что Франция отвергает командос или переходит под их контроль". послушание, ибо в нем мы бы так явно увидели величие нашего лакомства и поэтому ни в коем случае не потерпели этого". — Эллис, *Оригинальные письма*, 2-я серия, III, 6. Я нахожу ту же мысль выраженной в письме Томаса Паркера некоему Хогинсу, написанном из Брюгге 17 июня 1572 г. См. Приложение XXIX.

[1537] Об этом последнем этапе см. *Переписку Катрин де Медичи*, IV, Введение., xlix и далее., и Фруда, *История. из Англии*, X, 312.

[1538] Подробнее см. Уайтхед, *Гаспар де Колиньи, адмирал Франции*, 257-64. Двое корреспондентов лорда Берли приводят отчеты (C. S. P. За., № 537, 538, 22 августа 1572 г.).

Смотрите также интересную выписку из реестров Бюро Парижской ратуши в *Архивах curieuses*, VII, 211.

[1539] Об ордене Марселя, главы купцов, непосредственно перед резней см. *Арх. cur.*, VII, 212. О соборе 24 августа см. Кавалли, 85. Карл IX сначала отрицал какую-либо ответственность и обвинял гизов. Когда это объяснение оказалось опасным, он заявил, что резня была устроена для того, чтобы сорвать аналогичный заговор со стороны гугенотов.

[1540] В Блуа не только не подвергались жестокому обращению с гугенотами, но и город стал городом-убежищем (Д'Обинье, III, 344, примечание 6). Мэр Нанта отказался выполнять приказы о массовых убийствах (*Бюллетень общественной безопасности. franç.*, I, 59). Хотмана спасли от резни в Бурже его ученики; о резне в Труа см. *Отношение в Своде законов*, VII, 287; а об этом в Лионе - статью Пюроша в *Бюллетене общественного мнения. franc.*, XVIII, 305, 353, 401; для Нормандии, *там же.*, VI, 461; *Ретроспектива Ревю*, XII, 142 (Лизье); о резне в Руане, Флоке, *История. парламент Нормандии*, III, 126 и далее; о резне в Бордо см. *Арх. de la Gironde*, VIII, 337. Де Ты, Книга LIII, говорит, что было 264 жертвы. О резне в Тулузе см. *Буллу. de la Soc. du prot. франция.*, 15 августа 1886 г.; *История. du Languedoc*, V, 639. О неисполнении решения о резне в Бургундии см. *Буллу. de la Soc. du prot. franc.*, IV, 164 и XIV, 340 (документы). Причиной такой снисходительности была близость Бургундии к границе.

[1541] Современная литература о резне приведена М. Феликсом Буркело, редактором *Воспоминаний Клода Хатона* в длинной заметке на II, 673-76. Резюмируя, эти мнения сводятся к следующему: 1. Резня была совершена для того, чтобы предотвратить резню со стороны гугенотов после ранения Колиньи. В это верила Маргарита Наваррская (*Воспоминания*, изд. Гессар, 264).

2. Резня была преднамеренной Карлом IX и его матерью со времен Байоннской конференции.

3. Массовое убийство должно было стать военным ударом, правительство предпочитало попытаться свергнуть их таким способом, а не сражением в открытом поле.

Сальвиати, папский нунций, который должен был знать, категорически опровергает слух о том, что гугеноты готовили заговор. In a dispatch of September 2 (I quote the French translation of Chateaubriand who copied them for the Paris archives) he says: "Cela n'en demeurera pas moins faux en tous points, et ce sera une honte pour qui est à même de connaître quelques choses aux affaires de ce monde de le croire." In reply to the Pope's urgency to extirpate the Protestants, he wrote on September 22: "Je lui fis part de la très grande consolation qu'avaient procuré au Saint Père les succès obtenus dans ce royaume par une grâce singulière de Dieu, accordée à toute la Chrétienté sous son pontificat. Je fis connaître le désir qu'avait sa Sainteté, de voir pour la plus grande gloire de Dieu, et le plus grand bien de France, tous les hérétiques extirpés du royaume, et j'ajoutai que dans cette vue le Saint Père estimait que très à propos que l'on revoqua l'édit de pacification." On October 11th, he writes: "Le Saint Père, ai je dit en éprouve une joie infinie, et a ressenti une grande consolation d'apprendre que sa Majesté avait commandé d'écrire qu'elle espérait qu'avant peu la France n'aurait plus d'Huguenots." Кардинал Орсини, который был отправлен в качестве легата из Рима поздравить Карла IX и поддержать призывы Сальвиати, описывает свою аудиенцию у короля 19 декабря. Орсини заверил короля, что он затмил славу всего своего дома, но призвал его выполнить свое обещание, что ни один гугенот не должен остаться в живых во Франции: "Ce si

ригардава все'обьетто делла gloria, не потендо ниун фатто де суои антецессори, се реттаменте си джудикава, агуальярси". вся слава о несравненных способностях человека-Маэсты, о свободе, о благоразумии и пьете, о том, как однажды в одиночку покончить с дьявольской чумой.... Эсортай ... che con essendo servitio ni di Dio, ni di sua Maesta, lasciar fargli nuovo piede a questa maladetta setta, volesse applicare tutto il suo pensiero e tutte le forze sue per istirparla affatto, recandosi a memoria quelle che ella haveva fatto scrivere a sua Santità da Monsignor il Nuntio, che infra pochi giorni non sarebbe pi un ugonotto in tutto il suo regno."—Bibliothèque Nationale, MSS Ital., 1,272. Папа римский провозгласил юбилей в честь этой резни.

Ниже приведен список ведущих авторов и статей по этой теме. Самое последнее соображение, которое отсеивает все предыдущие исследования, принадлежит Уайтхеду, *Гаспару де Колиньи, адмиралу Франции*, Лондон, 1904, главы xv, xvi; Филлипсону, "Римская кюри и Варфоломеевна", *Западная Европа*, II, 255 и далее; Багено де Пучессе, "Сен-Бартеlemi: происхождение, сын врага, свиты", *R. Q. H.*, июль-октябрь 1866 г.; "La premeditation de St. Barthélemy", *R. Q. H.*, XXVII, 272 и далее.; Бутарик, "La St. Barthélemy d'après les Archives du Vatican", *Биб. de l'école des Chartes*, sér. III, 3; Тейнер, Продолжение Барониуса, I (письма Сальвиати); Ганди, "Резня в Сен-Бартеlemi", *Историческое ревю*, июль 1879 г.; ср. рецензию в *Булле. de la Soc. prot. французский*; Раджна, в *историческом архиве итал.*, сер. V, No. XXIII, January 15, 1899; Michiel et Cavalli, "La Saint-Barthélemy devant le sénat de Venise. Relation des ambassadeurs ... traduite et ann. пар У. Мартин", Париж, 1872; Солдан, *История. Taschenbuch*, 1854; G. P. Fisher, "The Massacre of St. Bartholomew," *New Englander*, January, 1880; Loiseleur, "Les nouvelles controverses sur la St. Barthélemy," *Rev. hist.*, XV, 1883, p. 83; "Nouveaux documents sur la St. Barthélemy," *Rev. hist.*, IV, 1877, p. 345; Tamizey de Larroque, "Deux lettres de Charles IX," *R. Q. H.*, III, 1867, p. 567; "La St. Barthélemy, lettres de MM. Baguenault de Puchesse et G. Gandy," *R. Q. H.*, XXVIII, 1880, p. 268; Dareste, "Un incident de l'histoire diplomatique de Charles IX," *Acad. des sc. moral. etc.*, LXXI-II, 1863, p. 183; Laugel, "Coligny," *Revue des deux mondes*, September, 1883, pp. 162-85.

[1542] Герцог де Гиз не такой уж кровожадный, и сам он никого не убивал, но спасал дайверов; он открыто говорил, что рад смерти адмирала, поскольку знал, что тот его враг. Но в остальном король предал смерти тех, кто мог бы сослужить ему хорошую службу (*C. S. P. For.*, № 584, сентябрь 1572 г.).

[1543] Монлюк явно оценил, что это так, и развил идею в своих *Комментариях*, VI, 231-33. Не менее примечательны наблюдения венецианского посла: *Отн. vél.*, II, 171. Испания предвидела возможность попытки Франции вернуть Милан: "Король Испании, подозревающий упомянутую лигу, отдал распоряжение, чтобы Италия и Милан были наготове". —*C. S. P. For.*, № 120, 7 февраля 1572 г., из Венеции.

[1544] *История. дю Лангедок*, V, 528, примечание, 544, примечание 2. Об осаде Монтобана см. Ла Брет, *История Монтобана*, 2 тома., 1841. Письмо маршала Бриссака о сопротивлении есть в *F. Fr.*, № 15, 555, fol. 104.

[1545] Смотрите выдержку из поручения Бирона в *C. S. P. For.*, 6 ноября 1572 г.; ср. *Корреспонденция эдит д'Арман де Гонто Бирон, маршала Франции, графа Э. де Бартеlemi*, Париж, 1874, с оригиналов в Санкт-Петербурге.

[1546] *Колл. "автографы"*, 1844, № 104, Карл IX герцогу Лонгвилю, 4 ноября 1572 г.

[1547] C. S. P. For., № 640, 13 ноября 1572 г.; ср. № 637; *Архив дома Оранж-Нассау*, IV, 38-39, письмо Бруненка, секретаря принца Оранского, Иоанну Нассаускому, декабрь 1572 г.

[1548] C. S. P. Для., № 667, 673, §§17-20 (1572).

[1549] C. S. P. For., № 683 и 755, Вустер королеве, 5 февраля 1573г.

[1550] Эта петиция представляет собой замечательное сочетание текущей политики и библейской истории. В нем жители Ла-Рошели, ее “tres obeissains fidelles subjects”, умоляют ее подумать и последовать примеру Константина, который разорвал все союзы со своим другом Лицинием, за которого он выдал замуж свою сестру, из-за его тирании, применяемой к христианам Востока. Они также напоминают ей о зле, совершенном Иродом, когда он сдержал свою опрометчивую клятву. Поэтому ей не следует поддерживать союз с теми, кто хочет истребить ее народ в Гиенне, которая принадлежит ей и чье оружие она носит. Если она поможет им, они охотно пожертвуют своими жизнями и имуществом, чтобы признать ее своей суверенной и естественной принцессой (*там же.*, № 682, 1572).

[1551] *Там же.*, № 800, 28 февраля 1573 г.; № 948, 3 мая 1573 г.; *Хроники Фонтенезьена*, 166, 167.

[1552] См. Клод Хатон, II, 710, 711, 717, 718, 722-25, 726, 729, 731. Правительство направило инспекторов провести инвентаризацию оставшегося в наличии зерна. Большая его часть была конфискована для нужд армии по установленной цене, а для продажи остатка была установлена максимальная цена.

[1553] *Там же.*, 715, 716 (см. Рассуждение о крайней бедности во Франции и о средствах ее устранения, в *Arch. cur.*, VI, 423). Дороговизна всех вещей, по мнению автора, вероятно, Бодена, является результатом чрезмерной роскоши, царящей среди высших классов, и комбинации, предпринятой торговцами для повышения цен. Он предлагает создать государственные зернохранилища и сделать государственную цену обязательной для всех дилеров.

[1554] C. S. P. For., № 800, 28 февраля 1573 г.

[1555] *Там же.*, № 1000, 31 мая, № 1027, 9 июня 1573г.

[1556] Политики надеялись убедить Карла IX прекратить войну дома и потребовать от Испании возмещения ущерба за резню во Флориде, напав на испанскую Вест-Индию. Даже герцог Анжуйский одобрял это. См. Приложение XXX.

[1557] La Popelinière, XXI, 214 и 232 *бис*; C. S. P. For., № 1042, доктор Дейл лорду Берли, 16 июня 1573 г.: “Сердца всех людей были обескуражены длительной осадой”, и сердце короля обливалось кровью, “видя страдания своего народа, который умирает от голода на путях, которые там, где он ехал верхом.

[1558] Ла-Рошель сначала отказалась впустить Ла Нуэ. Обо всем этом см. Hauser, *La Noue*, глава ii.

[1559] C. S. P. For., № 1547, 21 марта 1573 г.; Раумер, II, 265; маршалы Бирон и Строцци вместе с Пинартом были уполномочены для этой цели (*Арх. хист. du Poitou*, XII, 233). Подробно с переговорами можно ознакомиться в Loutzchiski, *документальные публикации*, 62 и далее.

[1560] *Жизнь Нуэ*, 95; Письмо Карла IX герцогу Анжуйскому, 7 февраля 1573 г., Колл. Лажарьетт, Париж, 1860, № 669; Колл. Годфруа, CCLVI, № 57. В то же время Карл IX лично написал Монтгомери, пытаясь отвлечь его от предприятия, которым он занимался. См. Приложение XXXI.

[1561] *C. S. P. Ven.*, № 540, 541, 6 и 20 апреля 1573 г.

[1562] *Там же., Для.*, № 1050, 22 июня 1573 г.; *Хроники фонтенезьена*, 169.

[1563] Смотрите серию документов по этому разделу в сб. Годфруа, CCLVI, №. 25, 29, 30, 38, 41-43. 46, 73, 77.

[1564] Когда армия расформировывалась, в деревнях часто можно было увидеть, как раненых или больных перевозят в багажных вагонах (Клод Хатон, II, 737). Деревни близ Ла—Рошели, где был разбит лагерь, были сожжены при эвакуации войск, “чтобы предотвратить эпидемию, которая стала свирепствовать”. - *C. S. P. For.*, № 1107, Уилксу в Уолсингем, 31 июля 1573 г.; ср. № 1052, 25 июня, с той же целью.

[1565] *К. С. П. Для.*, № 1072, доктора Дейла королеве, в конце июня 1573 г.

[1566] Статьи были отправлены в католический лагерь 6 июля.

[1567] *История. du Languedoc*, V, 543, примечание; *C. S. P. For.*, № 1090, 11 июля 1573 г.

[1568] Lery, *Histoire mémorable de la ville de Sancerre*, contenant les entreprises, buteries, assaux et autres efforts des assiégeans: les résistances, faits magnanimes, la famine extrême et délivrance des assiegez, 1574; Discours de l'extrême famine etc. dont les assiegez de la ville de Sancerre ont été affligés et ont usé environ trois mois, *Arch. cur.*, VIII, 21.

[1569] *C. S. P. For.*, № 1,101, 23 июля, № 1,107, 31 июля 1573. В Лангедоке и Дофине гугеноты были сильны и владели многими городами (см. Письмо Людовика Нассауского в *Архиве дома Оранж-Нассау*, IV, 75 и “Названия всех городов на юге Франции, в которых партия гугенотов могла быть уверена, вместе со списком дворян, примкнувших к партии” в Приложении XXXII).

[1570] *ви де ла Ну*, 99; *С. С. П. К.*, Постановление № 965, 16 Мая Г. № 1,095, 23 Июля 1573. Депутация гугенотов Лангедока прибыла в Фонтенбло в сентябре 1573 г. (ср. Письмо Шомберга Людовику Нассаускому от 29 сентября 1573 г., *Архив дома Оранжевых в Нассау*, IV, 211 и Приложение 117).

[1571] Длиной 115, 116. Правительственный документ содержал 89 статей.

[1572] *C. S. P. For.*, № 972, 986, 20 и 30 марта 1573 г. Получение этих принудительных займов было ускорено присутствием латников Строцци и шотландской гвардии в Лувре, а также двух отрядов швейцарцев в Сен-Клу. Таким образом, Карл IX смог собрать деньги “без опасности переполоха” и избежал наихудшего средства для короны - Генеральных штатов (подробнее см. В письме доктора Дейла Берли от 11 января 1573 г., *там же.*, № 1291). В июне собрание духовенства согласилось выделить королеве-матери 200 000 ливров и в течение трех лет погасить долги короля на сумму 1800 000 ливров. Духовенство совершило большой шаг, добившись создания четырех генеральных распорядителей для сбора этих субсидий, должности на которые они продали от 600 000 до 700 000 ливров, таким образом сэкономив себе эту сумму в финале (*там же.*, № 1027, 9 июня 1573 г.). Но это облегчение пришло слишком

поздно, чтобы правительство могло продолжить ведение войны под Ла-Рошелю. Капитуляция Рошеллуа зашла слишком далеко, чтобы ее можно было отменить. Более того, сама корона стремилась положить конец войне.

[1573] Екатерина Медичи Шомбергу, 13 сентября 1572 г., *арх. дом Оранжевых-Нассау*, IV, Приложение, № 13; Вейль, 86; *Ретроспектива Ревю*, V, 363.

[1574] *Her. Tock.*, III, 876. On July 7 the Tuscan ambassador wrote: “E, se questo regno si liberassi delle guerre civili, saria facil cosa la rompessi con Spagna; chè questo, credo, sia il fine di tutti li trattamenti che fa Orange in questo regno.”—*Ibid.*, 883.

[1575] *Там же.*, IV, 108, 109.

[1576] В том же месяце Вильгельм Оранский отправил во Францию сеньора де Люмбре, популярность которого у короля была настолько велика, что он даже предложил взять его к себе на службу (*Архивы дома Оранжевых-Нассау*, Введение., стр. 21 и стр. 165), и еще одного агента с инструкциями вести переговоры с королем и королева-мать (*там же.*, IV, 119-24 мая 1573 г.). Вильгельм предусматривал сохранение прав и привилегий любых провинций и городов, которые могут быть завоеваны Францией, и что в случае открытой войны Франции с Испанией вместо ежегодной субсидии в размере 400 000 флоринов Франция должна предоставить помощь людьми и военными кораблями, помимо указанной суммы, которая должна быть выплачена в течение двух лет после заключения мира (*там же.*, IV, 116-19; ср. письмо принца Оранского Людовику Нассаускому по поводу предлагаемого французского союза, 17 июня 1573 г.).

[1577] *там же.*, В IV, 33. 15 мая, 1573, принц Оранский заключил договор с Англией, что позволило английскому флоту войти в Шельду в обмен на котором принц должен был быть разрешено приобретать оружие и боеприпасы и порох в Англии (*архивы-де-ла-Мезон д'Оранж-Нассау*, ИЖ, 94). О связи Вильгельма Оранского с Ла-Рошелю см. *там же.*, 43 и 56. Сравните письмо Карла IX герцогу Анжуйскому от 18 марта 1573 г., в котором он жаловался на грабежи “вартеге” на нормандском побережье (Coll. Годфруа, CCLVIII, № 49).

[1578] *Архив дома Оранж-Нассау*, IV, 273, 274; *Переписка Екатерины Медицинской*, IV, 270, 271, примечание.

[1579] *Архив дома Оранж-Нассау*, IV, 270 и Приложение 43. Шомберг и Людовик Нассауский составили статьи предлагаемого договора. В Приложении 44 статьи приведены в первоначальном виде, а на стр. 116 - в их измененном виде, в том виде, в каком они были изменены принцем Оранским. Наиболее важным изменением является то, что принц заменил слово “подчинение” применительно к Нидерландам на “протекторат”. Далее высказывается мысль, что эти переговоры были бы бесплодны, если бы Эдикт о умиротворении не был введен во Франции в полную силу (*там же.*, IV, 270, 271). Обо всем предмете французских переговоров в Германии после святого Варфоломея см. Уоддингтон, *Преподобная история.*, XLII, 269 и далее.

[1580] Де Ты, VII, 37 (ср. письмо Людовика Нассауского своему брату по этому вопросу в *архиве дома Оранж-Нассау*, IV, 278 и далее). Карл IX в то время был болен, и королева-мать отправилась одна в Бламон (*там же.*, IV, 276, 277; *Мем. du duc de Bouillon*). Испанский посол во Франции не остался незамеченным относительно благоприятной политики Карла в отношении

Нидерландов и сообщил об этом герцогу Альва (*Архивы дома Оранж-Нассау*, IV, 132). Ла-Рошельский мир стал тяжелым ударом по Испании (*Languet, Epist. секр.*, I, 201; Сент-Гоард Карлу IX, 17 июля 1573 г. в *архиве дома Оранж-Нассау*, IV, 164-69). Однако переговоры принца Оранского и его брата с Англией и Францией начались слишком поздно, чтобы спасти Харлем. 12 июля несчастный город пал. 14-го числа вошли испанцы и устроили настоящую резню, в ходе которой почти 1800 человек были убиты мечом, повешены или утоплены (*там же.*, IV, 173; ср. письмо принца Оранского Людовику Нассаускому с подробностями капитуляции 22 июля 1573 г., *там же.*, 175).

[1581] *C. S. P. For.*, № 686 (1572).

[1582] *Там же.*, № 673, 20 декабря 1572г.

[1583] Это были Монлюк, епископ Валанса, и г-н де Рамбуйе. Речи первого (10 и 22 апреля) напечатаны в *Памятных записках Государственного управления Франции*, II, 147, 224, во французском переводе. Первоначальные выступления были на латыни. В *Арх. кур.*, IX, 137, приводится письмо одного из приближенных Рамбуйе.

[1584] Смотрите отчет о выборах в *C. S. P. For.*, № 1082, 5 июня 1573 г.; ср. *Languet, Epist. секр.*, I, 189; Кастельно, изд. *Le Laboureur*, III, 298. Известие об успехе герцога Анжуйского, естественно, было воспринято в Париже с большим удовольствием, чем где-либо еще в Европе. В честь его избрания были зажжены костры и спеты *Te Deum* (*C. S. P. For.*, № 1027, 9 июня 1573 г.). Духовенство на собрании духовенства, которое состоялось вскоре после получения новостей, проголосовало за выделение герцогу субсидии в размере 300 000 крон (*там же.*, № 992).

[1585] Клод Хатон, II, 734; *Урожд. Тоск.*, III, 886, 887.

[1586] *Нер. Тоск.*, III, 886, 887.

[1587] Клод Хатон, II, стр. 735.

[1588] *C. S. P. For.*, № 1100, 23 июля 1573г.

[1589] Шомберг подозревал существование заговора с целью похищения герцога Анжуйского в Германии с целью заставить Францию вернуть Три епископства (*Archives de la maison d'Orange-Nassau*, IV, Приложение, № 112, 113). Герцог также боялся ехать в Польшу через Германию, опасаясь столкнуться с трудностями из-за Варфоломеевской резни, которая все еще вызывала гнев протестантских князей (*там же.*, IV, Введение., стр. xxvi, и стр. 15, 19, 26, 32). Его первой мыслью было отправиться через Венецию и Рагузу, через Сербию, Болгарию и Молдавию (*Languet, Epist. secr.*, I, 197; *Archives de la maison d'Orange-Nassau*, IV, 168, note). Преимущество древнего союза между Францией и Венецией в то время было бы велико. Была также некоторая мысль о том, что он отправится исключительно морем, и были призваны добрые услуги Англии для защиты его путешествия (*Castelnau*, изд. *Le Laboureur*, III, 345). Молодого принца Конде пригласили поехать с ним, но он отказался, сославшись на то, что боялся ареста за долги своего отца, “которые составляли поразительно большую сумму”. — *C. S. P. For.*, № 1245, 12 декабря 1573 г.

[1590] *Там же.*, № 1097, 18 июля 1573 г., из Франкфурта.

[1591] *Там же.*, № 1177, 20 сентября 1573 г.; *Архив дома Оранж-Нассау*, IV, 295.

[1592] *C. S. P. For.*, № 1168, 18 сентября 1573г.

[1593] О сильном интересе Екатерины к польскому вопросу см. Том ii. IV ее *переписки, passim* и *Свод. de la maison d'Orange-Nassau*, IV, 267.

[1594] *Комментарии и письма Монлюка*, V, 299-306, 309-18, 322-24 — серия замечательных политических суждений.

[1595] *Архив дома Оранж-Нассау*, IV, 31; Приложение, № 69 и стр. 96.

[1596] *Там же.*, IV, Приложение, Письма 1-8 относятся к миссии Шомберга в Германию весной и летом 1572 года.

[1597] История карьеры Генриха Анжуйского в Польше была подробно написана маркизом де Ноайем, *Анри де Валуа и ла Полонь*, Париж, 1867 (см. также L'Épinois, “La Pologne en 1572”, *R. Q. H.*, IV, 1868, стр. 266; Bain, “Польское междоусобие”, *Английская история. Обзор*, IV, 645). В сб. Годфруа, CCLVI, № 54, 62, 64, 66, 70, 72, представляет собой серию писем, посвященных французским интересам в Польше в это время.

[1598] *Архив дома Оранж-Нассау*, IV, Приложение, № 69 и 71.

[1599] *Там же.*, IV, Приложение, № 17, письмо Шомберга Екатерине Медичи, 9 октября 1572 г. Ландграф прямо сказал, что дважды до этого немецким князьям делались подобные предложения — в 1567 и 1571 годах — и что за этим последовали гражданская война и резня (*там же.*, № 72).

[1600] Послание Сен-Гоара Карлу IX, 9 июля 1573 г., *там же.*, IV, приложение, № 66; письмо Шомберга герцогу Анжуйскому, 10 февраля 1573 г., *там же.*, Приложение, № 34. Сильные католические предрассудки герцога Анжуйского, ныне короля Польши, были серьезным препятствием на пути развития Переговоров Шомберга в Германии. Он предупредил герцога, чтобы тот не производил впечатления испанца (Письмо Шомберга герцогу Анжуйскому, 9 октября 1572 г., *там же.*, IV, Приложение, № 18), и, кажется, почти убедил его отказаться от своего сильного католико-испанского пристрастия (*там же.*, стр. 15, 268). Говорят, герцог Анжуйский даже дал Шомбергу 100 000 франков. Говорят, что письмо было сожжено во время заговора Коконнаса, чтобы защитить сына герцога Алвы (*там же.*, IV, 384).

[1601] Карл IX в Сен-Гоар, 10 мая 1573 г., относительно депеши испанского посла Филиппу II, в которой сообщается о переговорах короля с Людовиком Нассауским (*там же.*, IV, приложение, № 55).

[1602] *Там же.*, IV, Приложение, № 51.

[1603] *C. S. P. For.*, № 1,202, 1,286, 11 ноября 1573 г., 2 января 1574 г.

[1604] *Нег. Тоск.*, III, 894, 23 декабря 1573г.

[1605] *Там же.*, 891-93, 5 ноября 1573г.

[1606] *C. S. P. For.*, № 1,132, 1,138, 18-22 августа 1573г.

[1607] Приступ усугубился сильной простудой, полученной на охоте, так что Карл IX был вынужден на сезон поселиться в маленькой гостинице в Витри. У него не было шрамов от оспы,

но из-за болезни он сильно похудел, так и не восстановив свое здоровье, и у него началась быстрая чахотка (ср. *C. S. P. For.*, № 1229, 18 ноября 1573 г., доктор Дейл Берли).

[1608] *Нер. Тоск.*, III, 891; *R. Q. H.*, XXXIV, 485.

[1609] *C. S. P. For.*, № 1,235, ноябрь 1573г.

[1610] экую, ранее имевшее хождение по 57 су *турнуа*, подорожало до 58; испанские пистолеты, которые стоили 55, выросли до 56; французские *testons*, оцененные указом в 12 су, выросли до 12 6 д. *турнуа*. Плохая монета была изгнана из королевства. Клод Хатон, II, 749, 750.

[1611] *Там же.*, 752, 753.

[1612] Клод Хатон, II, 760 (1574).

[1613] Смотрите подробности в *C. S. P. Ven.*, № 567, 30 декабря 1573 г. Королеву-мать обвинили в планировании захватить Ла-Рошель врасплох (*Archives de la maison d'Orange-Nassau*, IV, 309-11; *Нер. Тоск.*, III, 896).

[1614] *C. S. P. Ven.*, № 568, 569, 22 января, 1 февраля 1574г.

[1615] Подробнее об этой войне см. "*Хронику партизан в Пуату, Аунисе, Сентоне и Ангумуа 1574-1576 годов*", под ред. Фонтенеля де Водоре, Париж, 1841.

[1616] *C. S. P. For.*, № 570, 6 февраля, № 572, 28 февраля; *там же.*, *англ.*, № 1336, 8 марта, № 1338, 8 марта, № 1357, 23 марта, № 1342, 15 марта (1574).

[1617] 9 марта 1573 года сэр Томас Смит написал Уолсингему: "Пираты всех наций наводняют наши моря и под флагом принца Оранского или графа Монтгомери беспристрастно грабят англичан и иностранцев". (Ср. Уолсингем, 392. *C. S. P. Ven.*, № 575, 24 марта 1574 г.)

[1618] Монтгомери -Берли из Карентана, 23 марта 1574 г. (*C. S. P. For.*, 1351; ср. *C. S. P. Ven.*, № 576, 26 марта; Делиль, *Два осадных города Валонь в 1562 и 1574 годах*, Сен-Ло, 1890).

[1619] *C. S. P. For.*, № 1,352. Поручение короля съеру де Торси и т.д., датированное Венсенским лесом 11 марта 1574 года. Ответ Монтгомери прилагается, датирован 22 марта; *там же.*, *Ven.*, № 577, 2 апреля 1574 г. Монтгомери, должно быть, ошибся в дате своего прибытия в Кутанс, которую он называет 11 марта. Должно быть, это было раньше. Комиссия Торси указывает эту дату. 29 мая вождь гугенотов, или, скорее, Монтгомери, написал лорду Берли из Карентана, оправдывая взятие в руки оружия и заявляя, что нуждается в благосклонности и защите королевы (*там же.*, *For.*, № 1429, 24 мая 1574 г.).

[1620] Вейль, 128, 129.

[1621] *Память. du duc de Bouillon*, 89. План состоял в том, чтобы лишить герцога Анжуйского командования перед Ла-Рошелю и поставить герцога Алансонского и Генриха Наваррского командовать как на суше, так и на море. Это не удалось, хотя Карл IX, по-видимому, был готов, потому что Анжу наотрез отказался уйти в отставку (см. Письмо в Приложении XXXIII).

[1622] Форнерон, *История герцогов де Гизов*, II, 276. On the whole question see De Crue, *Le parti des Politiques au lendemain de la St. Barthélemy*, Paris, 1892; Weill, 133 ff.

[1623] Вейль, 88, 89. Настоящим автором был Беза.

[1624] Вейль, 132; цитирую La Huguerye, II, 84.

[1625] Вейль, 95-97.

[1626] Там же., 133.

[1627] See Corvière, *L'organisation politique du parti protestant tenu à Millau* (1886).

[1628] C. S. P. For., № 1,349, 1,356, 17 и 30 марта 1574 г. В каждом полку было по десять прапорщиков, в каждом по 300 человек.

[1629] Там же., № 1,388, апрель 1574 г. Считалось, что у принца было около 6000 или 7000 рейтеров, “французских, немецких или швейцарских”. — Там же., № 1433, Уилкс Уолсингему, 31 мая 1574 г.

[1630] Смотрите подробности в там же., № 1322, 16 февраля 1574 г.

[1631] Хьюм предполагает (*Ухаживания королевы Елизаветы*, 177), что Елизавета, зная о готовящемся заговоре, снова отозвала свое разрешение на интервью с герцогом Алансонским. Она опасалась последствий, если интервью окажется неудачным; она ни при каких обстоятельствах не допустила бы публичного визита и не желала частного. Недавняя экспедиция против Ла-Рошели также вызвала гнев ее подданных, так что теперь переговоры, по-видимому, снова зашли в тупик. Но мы не должны забывать о ее личном плане. Ничто не могло больше соответствовать политике Елизаветы, чем разжигание семейной ссоры во французском королевском доме. В том, что она была хорошо информирована о заговоре, едва ли можно сомневаться, поскольку 16 марта 1574 года в иностранных газетах мы находим охранную грамоту для Алансона¹; и разрешение, данное ему прибыть к королеве, как только он уведомит ее о своем прибытии в Англию. Более того, 1 апреля Дейл написал Уолсингему: “Герцог надеется на королеву и очень боится” — больше нечем объяснить эту ссылку. Хьюм прямо не заявляет о попустительстве Элизабет, а редактор Hall, Vol. II, вообще не упоминает заговор (стр. xxi); этого не делает и Берлингем в своем резюме. Однако едва ли можно сомневаться в том, что Елизавета была активно заинтересована или, по крайней мере, проинформирована об этом прогрессе.

[1632] *Память мадам Морней*, 74, 75.

[1633] Де Ты, книга LVII; *Арх. курс.*, VII, 105.

[1634] C. S. P. Ven., № 572, 28 февраля, и там же., *Для.*, № 1,331, 1,336, 1,350, 2, 8, 22 марта 1573г.

[1635] Герцог Алансонский и король Наваррский опубликовали декларацию, в которой отрицали какую-либо информацию о предприятии Гитери против короля в Сен-Жермене. Трактат, напечатанный в Париже Фредериком Морелем, 1574, стр. 8; ср. *Письма Генриха IV*, I, 60; *Воспоминания о Гугерье*, I, 182, примечание 2.

[1636] C. S. P. Ven., № 573, 10 марта 1574г.

[1637] Там же., № 574, 17 марта 1574г.

[1638] Там же.

[1639] C. S. P. For., № 1,377, 1,378, 10-12 апреля 1574 г.; там же., преп., № 580, 581, 9-10 апреля.

[1640] Но не подлежит сомнению, что за этим делом стояло тайное движение либеральных гугенотов и политиков с целью посадить Алансонана на трон в случае смерти Карла IX и таким образом помешать престолонаследию фанатичного Генриха Анжуйского. *Vie de Mornay*, 23: Jalluard à Taffin, ministre du St. Evangile, May 8, 1574: "L'emprisonnement du duc d'Alençon, roy de Navarre, mareschal de Montmorenci, et autres, ont apporté non seulement un grand estonnement, mais aussi rompu des grands desseins."—*Archives de la maison d'Orange-Nassau*, V, 2; cf. IV, 375. Умеренные люди воспринимали ценность Алансона в качестве противовеса Генриху Польскому (ср. C. S. P. For., № 1431, 25 мая 1574 г.). On the entire matter see De Crue, "La Molle et Coconat et les négociations du parti des Politiques," *Rev. d'hist. dip.*, VI, 1892, p. 375.

[1641] *Арх. сур.*, VIII, 127 и далее. Среди других обвинений Ла Моль обвинялся в занятиях колдовством — "в том, что в комнате Ла Моля должны быть восковое изображение и странная медаль для каких-то чар". -C.S. P. For., № 1398, доктор Дейл Берли, 27 апреля 1574г.

[1642] Там же., 22 апреля 1574 г.; № 1,398, 27 апреля 1574г.

[1643] Там же., Преп., № 586, 2 мая 1574г.

[1644] Там же. и там же., Для., № 1401, Дейл -Берли, 30 апреля 1574 г. Весь процесс был насмешкой над правосудием. Согласно другому сообщению, король пообещал, "что он напишет в парламент, чтобы отложить разбирательство. Но отправитель писем, прибыв в Париж, обнаружил, что ворота Сент-Антуан закрыты. Казнь была настолько поспешной, что через мгновение они оба были казнены. Говорят, что это было сделано из-за того, что парфюмер рассказал первому президенту о том, что произошло в суде, и что королева-мать добилась их помилования. По этой причине их заставили быстрее выйти из Консьержери, карету поспешно отправили в путь, и как только они прибыли на место казни, их казнили без обычных прокламаций". —C. S. P. For., № 1403, 2 мая 1574 г.

[1645] Клод Хатон, II, 765.

[1646] C. S. P. Ven., № 584, 19 апреля 1574 г. И Генрих Наваррский, и его товарищ по заключению, казалось, верили в те дни, что, если Карл IX умрет, их собственные надежды на жизнь будут невелики, и их единственная надежда - подкупить стражу. Но у них не было денег. Таков смысл зашифрованной депеши, датированной 22 мая из Парижа и отправленной Берли для расшифровки им лично. Это он действительно сделал, поскольку черновик написан его рукой (там же., Для., № 1422, 1574; ср. № 1431). Его ответ — Уолсингему — был отправлен тремя днями позже (однако из-за описки пера он написал "март" вместо "май").

[1647] К. С. П. Для., № 1408, доктора Дейла Берли, 5 мая 1574 г. Смотрите письмо Эммануила Филиберта Савойского Карлу IX с протестом против ареста Монморанси, 19 мая 1574 г., в Coll. Годфруа, CCLVI, № 92. Элизабет, похоже, очень интересовалась их судьбой и послала Томаса Лейтона во Францию от их имени. Таким образом, ситуация изменилась, поскольку, чтобы придать некоторую достоверность своим рассказам о счастливой семье, Екатерине пришлось предоставить принцам больше свободы. Кроме того, Лейтон был капитаном "Гернси" и мог оказать большую помощь Монгомери, так что с ним нужно было хорошо обращаться и

удовлетворять его желания. Гизы, однако, снова приобрели большое влияние при дворе, и в случае смерти короля Алансона ожидала взятие Бастилии. Чтобы избежать этого, он потребовал у Элизабет денег на подкуп своих охранников, и Берли фактически рекомендовал следовать этому курсу. Де Торе, младший из сыновей констебля, бежал в Кассель в поисках безопасности (Клод Хатон, II, 763 и примечание). Ярость Гизов преследовала его даже в Германии (см. Письмо некоего Дэвиса графу Джону Нассаускому от 7 июня 1574 г. в *архиве дома Оранж-Нассау*, IV, 19, с некоторыми подробностями по этому поводу, и письмо Шомберга к тому же, 28 августа, на стр. 49).

[1648] См. *C. S. P. For.*, № 1417, 17 мая 1574 г.; *История. ду Ланг.*, V, 520, примечание 1.

[1649] Вчера он чувствовал себя более неловко, чем обычно, и никто не входил в его комнату, но на рассвете вошли несколько джентльменов и священников. Священники совершили богослужение, на котором присутствовала королева-мать. Он приободрился с тех пор, как услышал о казни Де ла Моля и Коконнаса, и сказал, что надеется дожить до того, чтобы увидеть конец всех своих заговорщиков (*C. S. P. For.*, № 1403, 2 мая 1574 г.). В начале апреля в Польшу были отправлены два курьера, чтобы предупредить Генриха Анжуйского быть готовым к любой чрезвычайной ситуации (*там же.*, *Ven.*, № 590, 2 мая 1574 г.). Доктор Дейл, английский посол, сообщает под датой 22 мая: “22 числа король внезапно заболел. Аудиенция, назначенная послу герцога Флорентийского, была отменена, были вызваны лучшие врачи, и все пришли к выводу, что король находится в большой опасности. У него снова начался приток крови к легким, и врачи высказали свое мнение, что, если это случится снова, они не смогут дать ему никакой надежды. Париж, 22 мая 1574 г.”. — *C. S. P. For.*, № 1422.

[1650] Фреми, *посол либералов в ООН при Шарле IX и Анри III*, 226. Король на самом деле сказал “Тирез мой ма кустоде”, от латинского слова *custodire*, защищать. Клод Хатон, II, 767, дает впечатляющий отчет о сцене у смертного одра.

[1651] *C. S. P. Ven.*, № 591, 30 мая 1574 г. Другие сведения см. в *Арх. кюр.*, VIII, 253, 271. В государственном архиве есть замечательный трактат, “содержащий сведения о предках и рождении Карла IX, гражданских войнах его правления, его победах, Варфоломеевской резне, его знаменитых высказываниях, его жене и дочери, его указах, его девизе, его любимом слуге, его хозяине и кормилице, его щедрости, его занятиях спортом, его занятиях музыкой и пением, огненном призраке, который он видел, его нарушении закона, его речи в сенате, его любовных похождениях, его поражении духовенства, его изучении свободных наук, его еде, питье, и сон, чудо перед смертью, его болезнь, его речь перед смертью, его смерть и завещание, описание его тела и роста”. — *C. S. P. For.*, № 1628 (1574). Королева Франции вернулась в Вену и умерла в монастыре в 1592 году.

[1652] Изамбер, XIV, 262.

[1653] *C. S. P. For.*, № 1448, 10 июня 1574г.

[1654] Генрих III - Елизавете (см. Приложение XXXV).

[1655] *C. S. P. For.*, № 1,449 и 1,464, *anno* 1574.

[1656] Екатерина рискнула поднять протестантское восстание, чтобы отомстить человеку, убившему Генриха II. Венецианский посол, однако, предположил, что в этом поступке было

больше политики, чем мести. “Конечно, она приказала казнить Монтгомери скорее для того, чтобы доставить удовольствие парижанам, от которых она надеялась получить эффективную помощь, чем по какой—либо другой причине”. -С. S. P. Ven., № 588, 20 мая, № 597, июнь 1574 г. В качестве награды Матиньон был произведен в маршалы Франции (*там же.*, За., № 176, 13 июня 1575 г.). Подробности казни Монтгомери см. в *Арх. кюр.*, VIII, 223 и далее.; и в *Рассуждениях о смерти и казни Габриэля графа де Монгомери, при аресте судом, о заговорах против Леруа*, Лион: Бенуа Риго, 1574.

[1657] *Her. Tosc.*, III, 926-27, 5 апреля и 11 мая 1574г.

[1658] “Десять правил для форастьеры и алеманни”.—*Рел. vén.*, II, 228.

[1659] Клод Хатон, II, 778. Этих бандитов иногда называли “Форускитами” или “Фуорисцити”, от итальянского *uscir fuori* (см. Письмо кардинала Арманьяка в *Rev. hist.*, II, 529).

“En 1576 les paysans du Dauphiné s'étant soulevés, entreprirent vainement ce qu'ils ont exécuté plus de deux siècles après cette époque. Ils se rassemblèrent en un corps considérable pour piller et brûler les châteaux, et exterminer les gentilshommes. Mandalot, à la tête d'une troupe déterminée, dissipa avec promptitude ce rassemblement qu'on appela la 'Ligue des Vilains.'”—*Histoire ou mémoire de ce qui se passa à Lyons pendant la ligue, appelée la Sainte-Union, jusqu'à la reddition de la ville sous l'obeissance du roi Henri IV*, Bibliothèque de Lyon, No. 1,361.

[1660] “On taschast de réconcilier par tous moyens les malcontens et principalement ceux qui, par le passé, ont eu crédit et autorité en France, qui pourront augmenter les troubles et soustenir la mauvaise et pernicieuse volonté de ceux qui voudroient invertir l'ancienne et naturelle succession de la couronne de France.”—Du Ferrier to Catherine de Medici, June, 1574, in Frémy, *Un ambassadeur liberal sous Charles IX et Henri III*, 235.

[1661] Статьи, предложенные послом графа палатина для умиротворения (С. S. P. For., № 1556, *anno* 1574). Эта должность субсидировалась французским королем через Рейнхаузен, Нойштадт, Кайзерслаутерн, Лимбах (недалеко от Гамбурга), Саарбрюк, Санкт-Авольд и Мец (*Архивы дома Оранжевых-Нассау*, V, 49).

[1662] *Ви-де-Ла-Нуэ*, 87.

[1663] Поляки предприняли упорную попытку помешать Генриху покинуть королевство. Они были недовольны тем, что он принял титул короля Франции, не посоветовавшись с ними, и хотели, чтобы он управлял своим новым королевством через министров, выбранных из их числа, и занимался военными подвигами против татар и турок (*Languet, Epist. секр.*, I, 121).

[1664] Фреми, *посол либералов в ООН при Шарле IX и Анри III*, 232.

[1665] С. S. P. For., № 1,543, 10 сентября 1574г.

[1666] Герцог и его товарищи по плену предприняли несколько попыток к бегству, в одной из которых Алансону это едва не удалось (см. Отчет в С. S. P. Ven., № 600, 26 июля 1574 г.). В результате, когда Екатерина отправилась на встречу со своим сыном в Лион, оставив правительство Парижа на попечение парламента (*там же.*, № 1509, 10 июля 1574 г.), молодые принцы поехали в карете вместе с ней. “Ее цыплята едут в карете у нее под крылом, и поэтому

она не прочь доставить их королю”. — *Там же.*, *For.*, № 1511, от Дейла до Уолсингема, 9 августа 1574 г.,,

[1667] *Там же.*, № 1537, Дейл сэру Томасу Смиту и Фрэнсису Уолсингему, 2 сентября 1574 г., из Лиона.

[1668] Смотрите поразительные комментарии венецианского посла, *Отв. vén.*, II, 245, 246.

[1669] *Отн. vén.*, II, 245, 246.

[1670] *C. S. P. For.*, № 1543, 10 сентября 1574 г., № 15555, 11 сентября 1574 г.; Томас Уилкс - Уолсингему, а доктор Дейл - сэру Томасу Смиту и Уолсингему. В Шалоне было 6500 швейцарцев (*там же.*, № 1, 537, 2 сентября 1574 г.). Генрих III заранее разослал приказы о своем прибытии, повелевая, чтобы 30 августа все ордонансные роты отступили в гарнизон и ждали приказов губернаторов провинций. Войска были собраны в Пикардии, Шампани, Бри, Бургундии и Лотарингии, чтобы воспрепятствовать проникновению протестантских рейтеров в страну, и были переданы под командование герцога Гиза, Водемона и маршала Строщи (Клод Хатон, II, 779).

[1671] *C. S. P. For.*, № 1590, 4 ноября 1574 г. Штаб католических сил находился между Дижоном и Лангром, но войска патрулировали все течение Марны и продвинулись на запад до Сена . Артиллерия была переброшена вверх по Сене из Парижа. Лагерь конницы был разбит близ Труа (Клод Хатон, III, 779).

[1672] Де Ты, книга L, глава xii; *Жизнь Морнея*, 23; Колл. Godefroy, CCLIX, No. 2, “Les habitants du diocèse de Montpellier au roi, 4 juin, 1574.”

[1673] Для получения других интересных деталей см. *C. S. P. For.*, № 1,568, 29 сентября 1574 г.

[1674] *Le Laboureur*, II, 135.

[1675] *C. S. P. For.*, № 1584, 23 октября 1574г.

[1676] Комментарий Шомберга забавен: “Месье маршал Дамфиль продолжает руководить, не обижайте цельного дома, посвященного барбе”. — 28 августа 1574 г., в *арх. de la maison d’Orange-Nassau*, 49.

[1677] *Хроники фонтенезьена*, 228-32; Л'Эстуаль, I, 37; Вейль, 137, примечание 3.

[1678] “Небольшая сумма денег может привлечь рейтеров к присоединению к их религии”.—*C. S. P. For.*, № 1623, 23 декабря 1574г.

[1679] Эг-Морт был сильным портвейном и основным источником соли для Лангедока, Дофине, Лиона и Бургундии (*там же.*, № 17, 25 января 1575 г.). Доктор Дейл считал, что проект состоял в том, чтобы потворствовать турецкому нападению на Германию с целью смутить тамошних католических князей (*там же.*, № 1620, 23 декабря 1574 г.).

[1680] Сюжет был старым и долго готовился. См. Письмо Сен-Гоара королю от 20 мая 1573 г. (*Архив дома Оранжевых в Нассау*, IV, Приложение, № 59). 3 апреля испанцы получили известие из Безансона, что жители Женевы и Берна вступили в союз с лютеранскими кантонами и заручились благосклонностью герцога Иоанна Казимира, целью которого было завоевать

Безансон и свободное графство Бургундия (ср. письмо Де Грантайра, французского агента в Граубюндоне, Бельевру, 8 апреля 1573 г., Coll. Годфруа, CCLVIII, № 52, и письмо Карла IX Бельевру, 9 мая 1573 г., *там же.*, № 55). Автором плана был доктор Баттерих, советник курфюрста (*Архив дома Оранжевых в Нассау*, V, 89, 99, 101, 107, 120-3). К швейцарским кантонам также обратились, но Беза колебался (*там же.*, 111). Испания располагала секретной информацией о заговоре (*там же.*, 89). В конце концов это не удалось (см. Письмо Баттерича Джону Нассаускому от 6 июня 1575 г., *там же.*, 214; ср. Languet, *Epist. секр.*, I, часть II, 106, 11 июля 1575 г.).

[1681] Примером эксцентричного пристрастия является герцог д'Юзес, который был гугенотом, но из-за вражды к Дамвиллю перешел на сторону короля. Генрих III произвел его в маршалы и оставил главнокомандующим, когда отправился в Реймс (C. S. P. For., № 1617, 23 декабря 1574 г.; № 13, 16 января 1575 г.). Бельгард также был произведен в маршалы в этом году (*там же.*, № 1570, 29 сентября 1574 г.).

[1682] “Семинарио делла герра”.—*Рел. vén.*, II, 230.

[1683] Клод Хатон, I, 782, 783.

[1684] См. светносную *реляцию Джованни Мишеля*, венецианского посла во Франции в 1575 году, изд. Томмазо, II, 229-33.

[1685] *Переписка Филиппа II с Пу-Бас*, III, 105, примечание, 15 июня 1574г.

[1686] *Ibid.*, 165-66, Requesens to Philip II, September 24, 1574: “Il y a en France beaucoup d’Espagnols qui ont déserté des Pays-Bas; il sont recueillis par M. de Guise et d’autres qui leur font un bon traitement et leur donnent de grosses payes.” M. Gachard has paraphrased the letter.

[1687] “La longa continuazione della guerra, che tutti li paesani che prima erano disarmati e vilissimi, tutti dati all’arte del campo e all’agricoltura, ovvero ad alcuna delle arti mecaniche, adesso sono tutti armati, e talmente essercitati e agguerriti che non si distinguono dalli più veterani soldati; tutti fatti archibugieri eccellentissimi.”—“Relazione del Giovanni Michel,” *Rel. vén.*, II, 232; cf. Long, 167: “Des violences et des outrages exercés par quelques petits gentilhommes sur des paysans excitèrent la vengeance des villageois voisins, qui, furieux, accoururent en grand nombre. Les provocateurs imprudents se sauvèrent, mais leur maisons furent pillées et saccagées. On voit déjà *la haine du peuple*, poussé au desespoir par les impôts et par les exacteurs, contre les privilégiés. Le peuple, si mal disposé, ne devait pas être provoqué dans son ressentiment. Les defenseurs de la cause commune vont se lever.”

[1688] Английский посол сообщает подробности смерти кардинала. “Король должен был бы участвовать в процессии с баттусами, которые хлещут себя по дороге в качестве своего рода епитимьи. Кардинал участвовал в этой торжественной процессии почти всю ночь, а на следующий день отслужил торжественную мессу, после чего сильно простудился и у него была постоянная лихорадка, которая довела его до иступления, которое продолжалось несколько дней. Один еврей взялся за то, чтобы он творил чудеса, и дал ему лекарство, от которого он на время пришел в себя. После приема лекарства на его теле действительно появились определенные пустулы или пятна, похожие на прыщи, из-за чего некоторые сказали бы, что он

был отравлен. Вскоре после того, как он впал в свое старое безумие и так умер, на 18—й день после того, как впервые заболел”. - *C. S. P. For.*, № 1624, декабрь 1574г.

[1689] *Там же.*, № 58, 23 марта 1575 г. Это письмо не напечатано в *Корреспонденции Екатерины Медицинской*. У венецианского посла есть длинный и интересный портрет королевы в *Отн. вен.*, II, 243. There are several monographs upon this “pure, douce et mélancolique figure” [Galitzin, *Louise de Lorraine reine de France (1553-1601)*; Meaume, *Etude historique sur Louise de Lorraine reine de France (1553-1601)*, Paris, 1882; Baillon, *Histoire de Louise de Lorraine, reine de France, 1553-1601*, Paris, 1884].

[1690] *C. S. P. For.*, № 33, 3 марта 1575 г.

[1691] Папа наконец-то выделил определенную сумму под залог драгоценностей короны (*C. S. P. For.*, № 168, 6 июня 1575 г.).

[1692] *C. S. P. For.*, № 55, 57, 67, март 1575 г. Духовенство в Дофине протестовало против бремени, возложенного на тамошнюю церковь по решению короля, жалуясь на то, что его поддержка не обходится там короне ни в одно су; у одного из них даже хватило наглости заявить, что они больше надеются на Дамвиля, чем на короля (*там же.*, № 67, март 1575 г.).

[1693] Декларация и протест Анри де Монморанси, сеньора Дамвиля, маршала Франции, губернатора и генерального лейтенанта Леруа-ан-Лангедока. Опубликовано в Ниме 25 апреля 1575 года. Выдержка из него есть в *C. S. P. For.*, № 106, 1575.

[1694] “L’organisation politique de cette Union (Union protestante)” fut élaborée dans les assemblées tenues à Milhau, en décembre, 1573, et en juillet, 1574. La base fut l’autonomie des villes, que usurpèrent peu à peu l’administration. La Rochelle et Montauban confièrent l’autorité à des chefs électifs, pris dans la bourgeoisie. En suite ces républiques urbaines se fédérèrent. Il fut décidé que chaque généralité aurait son assemblée et que délégués des généralités formeraient les états généraux de l’Union. Ainsi se constitua au sein du royaume une république fédérative, où l’élément aristocratique ne tarda pas à dominer (Lavissee et Rambaud, “*Histoire générale*, V, 147;” cf. Coughy, “Le parti républicain sous Henri III,” *Mémoires de la Sorbonne*, 1867; Hippeau, “Les idées républicaines sous le règne de Henri III,” *Revue des Soc. savant. des départ.*, IVe sér., III).

[1695] Л'Эстуаль, I, 3, 38.

[1696] Я воспользовался кратким изложением в *C. S. P. For.*, № 112, май 1575 г.

[1697] Письмо доктора Юниуса принцу Конде, *Архив дома Оранж-Нассау*, V, 237.

[1698] Смотрите наблюдения доктора Дейла в письме Берли от 21 мая 1575 г.; *C. S. P. For.*, № 138.

[1699] *Там же.*, № 121, 4 мая 1575 г. Через герцога Савойского Генрих III, по-видимому, предложил освободить Монморанси при условии, что Дамвиль выдаст Эг-Морта (*там же.*, № 168, 6 июня 1575 г.).

[1700] *C. S. P. For.*, № 114 и 287, *anno* 1575.

[1701] Письмо герцога Гиза М. де Люксембург из Шалона, 3 сентября 1575 г., *Колл. des autographes*, 1846, No. 213. Герцог де Гиз беспокоился о безопасности Лангра.

[1702] *C. S. P. Для.*, № 235, 15 июля 1575 г., из Кракова.

[1703] *C. S. P. For.*, № 345, 13 сентября 1575 г. В Приложении XXXIV вы найдете длинный отчет на латыни, написанный пером доктора Дейла о состоянии Франции в это время.

[1704] *C. S. P. For.*, № 120, *anno* 1575. Еще до отъезда из Польши Генрих III с тревогой написал Елизавете, призывая к добрым услугам своего посла в Англии Де ла Мот-Фенелона (см. Письмо в приложении XXXV). Статьи мира, согласованные при жизни короля Карла, предусматривали, что в случае смерти одной из договаривающихся сторон преемнику этой стороны должен быть предоставлен годичный срок для принятия или отказа от условий мира, при этом другая сторона была обязана статьями продолжать дружбу в случае принятия первой этих статей; теперь королева настаивала на том, что, когда эти статьи были впервые согласованы, французский король был в мире со всеми своими вассалами и январским эдиктом предоставил гугенотам свободное отправление их религии, и поэтому в настоящее время он был обязан соблюдать все, что было обещано (*C. S. P. Ven.*, № 624, 24 апреля 1575 г.).

[1705] *Переписка Филиппа II, III*, 209 и примечание.

[1706] *Там же.*, 271.

[1707] *Там же.*, 333.

[1708] *Там же.*, 348.

[1709] *Переписка Филиппа II, III*, 319, 320.

[1710] *C. S. P. Ven.*, № 622, 22 марта 1575 г. В *Arch. nat.*, К. 1537, № 22, приводится донесение испанского шпиона, написанное из Кале 18 марта 1575 г., которое подтверждает подозрения в вмешательстве англичан во Францию. Напечатано в Приложении XXXVI.

[1711] Наблюдения Шомберга были абсолютно справедливы, поскольку 23 июля 1575 года в Гейдельберге Карлом Фредериком, курфюрстом палатинским, Генрихом, принцем Конде и Шарлем де Монморанси был подписан документ, в котором граф палатин подтверждал получение от английской королевы 50 000 “солнечных крон, каждая из которых принадлежала королеве”. стоимость шести английских шиллингов стерлингов“, сумма была переведена “Анри де Бурбону, принцу де Конде, главе религиозных организаций Франции, а также тех католиков, которые с ними связаны” (то есть политикам). Имя Елизаветы должно было быть скрыто повсюду, курфюрст брал на себя всю ответственность за выплату, которая должна была быть произведена “до того, как армия, набранная в настоящее время в Германии для службы во Франции, отправится во Францию” (см. *C. S. P. For.*, № 254, “Обязательство и увольнение принца Конде”, 23 июля 1575 г., Гейдельберг; ср. *там же.*, *Ven.*, 627; 12 июля 1575 г., предположение венецианского посла во Франции). Ср. *там же.*, № 633, 7 сентября 1575 года. Венецианский посол, по-видимому, думал, что беспорядки в Ирландии помешают Англии продолжать наступление на гугенотов (*там же.*, № 631, 9 августа 1575 г.). Урожай 1575 года в целом был хорошим. Но ни одна армия вторжения не войдет во Францию, пока зерно не будет срезано и уложено в штабеля (ср. *там же.*).

[1712] *C. S. P. Ven.*, № 634, 11 сентября 1575г.

[1713] *там же.*, Для., Постановление № 388 от 3-го октября 1575; л'Estoile, в Anno 1575; увидеть интересные детали Генриха III любопытно приступы раскаяния в Frémy, “Генриха III pénitent; этюд сюр-ле-купе-де-се князь АВЭК diverses confréries Эт рамках parisiennes,” *бык. du Com. д'хист. et d'archéol. du diocèse de Paris*, 1885.

[1714] Клод Хатон, II, 780; Уолсингем-Берли, *Государственные документы, иностранные*, Элизабет, резюме, № 51, напечатано в приложении XXXVII. Из Дре герцог издал манифест 17 сентября 1575 года, в котором он объяснил свое поведение и пожаловался на чрезмерные налоги и обложения, от которых народ страдал от имени короля, заявив, что он возьмет под свою защиту всех французов двух религий, и потребовав обращения в Генеральные штаты для удовлетворения жалоб (Клод Хатон, II, 781 и примечание). Alençon styled himself “Gouverneur-général pour le roy et protecteur de la liberté et bien publique de France” (*C. S. P. For.*, No. 365, September, 1575).

[1715] Клод Хатон, II, 784, 785.

[1716] Париж предоставил королю 4000 солдат за свой счет. Новые войска были расквартированы в предместьях Сен-Жермен, Сен-Марсо и Нотр-Дам-де-Шам (*там же.*, 787).

[1717] Клод хатон, II, 788-89; Д'Обинье, Книга VII, глава хіх. Из-за этого обстоятельства герцога часто называли Ле Балафре. (*C. S. P. For.*, № 450, 10 ноября 1575 г.)

[1718] Клод Хатон, II, 797.

[1719] *C. S. P. For.*, № 422, 29 октября 1575 г. Король называл эти паломничества “нуайнами” (ср. *там же.*, № 506, письмо доктора Дейла лорду Берли, 20 декабря 1575 г.).

[1720] Протестантское богослужение было временно разрешено в городах, удерживаемых конфедератами. Ангулем и Бурж отказались открыть свои ворота “Алансону”, и вместо этого ему предложили коньяк и Сен-Жан-д'Анжели. Принцу Конде было отказано во въезде в Мезьер (Клод Хатон, II, 805, примечание).

[1721] Подробнее об этом налоге см. Клода Хатона, II, 804. Этот налог был возложен на духовенство, а также на других лиц, и вызвал протест со стороны первых, которые ссылались на эдикт, изданный Генрихом III в Авиньоне вскоре после его возвращения из Польши, запрещающий губернаторам взимать с духовенства пошлины, амуницию и т.д.

[1722] Фонтанон, IV, 840.

[1723] Клод Хатон, II, 820.

[1724] Париж протестовал против этого (*там же.*, 828 и примечание 1).

[1725] *Там же.*, 817; L'Estoile, I, 46.

[1726] Клод Хатон, II, 806-8.

[1727] *C. S. P. For.*, № 535.

[1728] Доктор Дейл пишет 28 февраля: “Личины не имеют отношения к деяниям королевы—матери, и они ей нравятся как зло”. -*C. S. P. For.*, № 634, 28 февраля 1576г.

[1729] C. S. P. For., № 592, январь 1576: “Король Испании делает королю очень выгодные предложения нарушить мир”.

[1730] Доктора Дейла сэру Томасу Смит и Уолсингему. Все честные обещания о передаче Буржа и "Ла Шарите" ни к чему не приведут, как может показаться из прилагаемого письма месье в Парламентский суд. Существует тайный союз между Гизом, Немуром, Невером, Мэном и другими представителями этого дома, вместе с канцлером, против всех, кто хотел бы заключить какой-либо мир, и, если он будет заключен, снова начать ожесточенную войну (C. S. P. За., № 583, *anno* 1576). С самого начала Лангуэт был настроен скептически. Он ожидал реакции (*Epist. раздел*, I, часть II, 181, 205).

[1731] М. Фреми опубликовал работу, в которой он делает странное заявление о том, что происхождение Французской академии следует по крайней мере отдаленно приписывать Генриху III (*"Происхождение Французской академии". L'Académie des derniers Valois, 1570-1585, d'après des documents nouveaux et inédits, 1888. Обзор этого есть в английской истории. Обзор*, III, 576). Кто-то сказал, что “все короли Валуа были либо плохими, либо безумными”. Этот афоризм, по-видимому, применим к характеру Генриха III в обоих качествах. Он был шарлатаном, дебоширом, увлекался философией, религиозным маньяком и моральным извращенцем. Л'Эстуаль и Липпомано особенно изобилуют намеками или рассказами о нем (например, *Рел. vén.*, II, 237-39). Сравните этот отчет с более ранними наблюдениями Суриано, *там же.*, I, 409, и Давилы, VII, 442. О “миньонах”, фаворитах Генриха III, см. L'Estoile, I, 142, 143. Henry III's very handwriting manifests his character: “Son écriture semble tout d'abord régulière, mais elle n'est pas formée, les lettres s'alignent sans s'unir, sans se rejoindre, certainement c'est une des écritures les plus difficiles à déchiffrer.... C'est l'homme qui s'y révèle l'indolent, l'efféminé monarque qui de son lit écrivait ces lignes à Villeroy: ‘J'ay eu le plaisir d'avoir veu vostre mémoire très bien faict comme tout ce qui sort de vostre boutique, mais il fault bien penser, car nous avons besoin de regarder de près à nos affaires. Je seray sitost là que ce seroit peine perdue d'y répondre. Aussi bien suis-je au lit non malade, non pour poltronner, mais pour me retrouver frais comme la rose.’” —La Ferrière, *Rapport de St. Pétersbourg*, 27.

[1732] Смотрите протест в C. S. P. For., № 505, 19 декабря 1575 г.

[1733] *Там же.*, № 584, 9 января 1576 г.

[1734] Подробнее см. Письмо Дейла Смит и Уолсингему, *там же.*, № 605, 6 февраля 1576 г.; Клод Хатон, II, 829.

[1735] C. S. P. For., № 614, 625, 662, 14-22 февраля, 8 марта 1576 г. Майенн, чей маркизат был преобразован в герцогство 1 января 1576 года, сменил своего брата, герцога де Гиза, на посту главнокомандующего королевскими войсками и двинулся в сторону Лотарингии, чтобы помешать рейтерам присоединиться к врагу. Генрих III послал к ним Бирона (он был произведен в маршалы в июне предыдущего года — *там же.*, № 178, 13 июня 1575 г.), чтобы убедить их не въезжать во Францию, заявив, что между королем и герцогом Алансонским было заключено перемирие. Но принц Конде ответил, что если герцог заключил мир с королем, то он, принц, этого не сделал. Бирон потерпел неудачу, и был послан Ла Нуэ, который также потерпел неудачу (Клод Хатон, II, 824, 825).

[1736] C. S. P. For., № 662, Дейлу-Смит и Уолсингему, 8 марта 1576 г.; Клод Хатон, II, 832.

[1737] *C. S. P. For.*, № 740, 17 апреля 1576 г.

[1738] Доктор Дейл искренне написал лорду Берли, что протестанты “пострадали без какого—либо удара больше, чем когда-либо могли пострадать до этого во всех войнах, как явствует из записки провинций, которые должны находиться под управлением их самих и их друзей”. -*C. S. P. For.*, № 777, 11 мая 1576 г.

[1739] Ла Попелиньер, III, 361.

[1740] Это требование относится ко времени правления Карла VII; первоначальная сумма составляла 25 000 ливров. Людовик XI изменил его на 6000 ливров, плюс графство Гор и город Флеранс, и эта пересмотренная форма была утверждена Карлом VIII в 1496 году (ср. *C. S. P. For.*, № 672, § 5; 16 мая 1576 г.).

[1741] Мемуары Генриха Наваррского *полностью* приведены в *там же.*, № 671, 15 мая 1576 г.

[1742] Ла Попелиньер, III, 365.

[1743] Мафферт, *Апанажи во Франции XVIe до XIXe века* (1900).

[1744] Articles du maréchal de Dampville, gouverneur de Languedoc et des Etats du pays, présentés au Roi pour la décharge de la province, May 2, 1576.—Coll. Годфруа, XCIV, № 21.

[1745] Nusse, “La donation du duché de Château-Thierry par le duc d’Alençon à Jean Casimir, comte palatin du Rhin,” *Annales de la Société hist. et archéol. de Château-Thierry*, Vol. XI (1875), стр. 61.

[1746] Текст "Мира господня" находится в Изамбере, XIV, 280. Источников для этой истории много. Переписка Дейла, английского посла во Франции, и других английских агентов, Уилкса и Рэндольфа, в *C. S. P. За.* 1876 г., за март, апрель и май, полная и подробная (ср. Д'Обинье, книга VIII, глава II). xxvii; Де Ты, книга LXXII). Ла Попелиньер, III, 360 и далее, приводит текст договора и грамоты-патента короля. Закон был зарегистрирован в парламенте 14 мая 1576 года, хотя и подписан королем 2 мая.

[1747] За два дня до того, как произошла эта сцена, новоизбранный король Польши Стефан Батори, принц Трансильвании, написал свергнутому Валуа, что он принял польскую корону, и пожелал узнать, что Генрих сделал бы с домашним хламом, который он оставил в Польше (*C. S. P. For.*, № 789, 29 мая 1576 г.). У императора было много сторонников, но он отказался принять условие о том, что он установит свою резиденцию в Польше (*Epist. раздел*, I, часть II, 143).

[1748] Смотрите яркие подробности у Клода Хатона, II, 834-40, 847, 851, 858.

[1749] *Там же.*, 855-60.

[1750] Слова в скобках стерты и взяты из № 460.

[1751] Многоточиями обозначены места, где рукопись выцвела или помялась, что делает ее неразборчивой.

[1752] Слова в скобках размыты и взяты из № 455.

[1753] Дата написана рукой Берли.

[1754] Здесь MS разорвана.

[1755] Ссылка на исходный шифр: “Государственные документы Шотландии, Елизавета, том. III, № 82”. (Это не подписано адресом и не завизировано. Карандашная пометка редактора: “Смотрите 29 апреля”.)

[1756] Примечание карандаша редактора к шифру (Scotland ii. 82) - “12 марта”, но письмо помечено в календаре как [20 марта].

[1757] Кайас, секретарь Филиппа II.

[1758] На полях надписью Филиппа II: “Es menester tener preventido, что касается того, что происходит с природой”.

[1759] Этот заголовок написан другим почерком.

[1760] Эта копия находится на другой стороне того же листа бумаги.

[1761] Для *est*.

[1762] В оригинале, вероятно, есть *дополнение*.

[1763] // отсутствует.

[1764] М. д'Озанс (или Осансанс) был наместником короля в округе Мессен.

[1765] Места в Лотарингии.

[1766] Лаон.

[1767] Суассон.

[1768] Булонь.

[1769] Эта буква печатается как V. и заменена чернилами на B.

[1770] Из коммуны, *“Гугеноты Беарна и Наварры”*, стр. 175. Выделенные курсивом фрагменты — это дополнительные детали, которые я добавил.-J. W. T.

[1771] Ср. Courteau, стр. 553 п. 2.

[1772] Ср. *“гугеноты в Беарне”*, стр. 64.

[1773] Там же., стр. 65, 68.

[1774] Там же., стр. 68.

[1775] Вышеупомянутый документ был отправлен Бироном М. де Фуркево, послу Франции в Испании. Существует выдержка из письма Бирона к Форкво, переведенная на испанский, та же коробка (K. 1515), пьеса № 69. Письмо Бирона датировано 17 марта 1570 г., из Нарбонны.

[1776] Пробел оставлен пустым для MS.

[1777] Это письмо сэра Генри Норриса представляет собой черновик, первоначально предназначавшийся для отправки королеве, с изменениями в адресе — *ваше высочество* заменено на *ваша честь* и т.д.

[1778] Здесь MS порвана.

[1779] Приписка сделана той же рукой, что и подпись короля.

[1780] Пробел в MS.

[1781] Ознакомьтесь с подпиской и уведомлением о получении в конце рассылки.

[1782] Хотя в Каталоге указана дата 18 февраля, это ошибка; в документе очень четко указано 17-е число.

[1783] Таким образом, между датой и подписью находится приписка.

[1784] Изменено рукой Берли из *1° Julii*.